

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

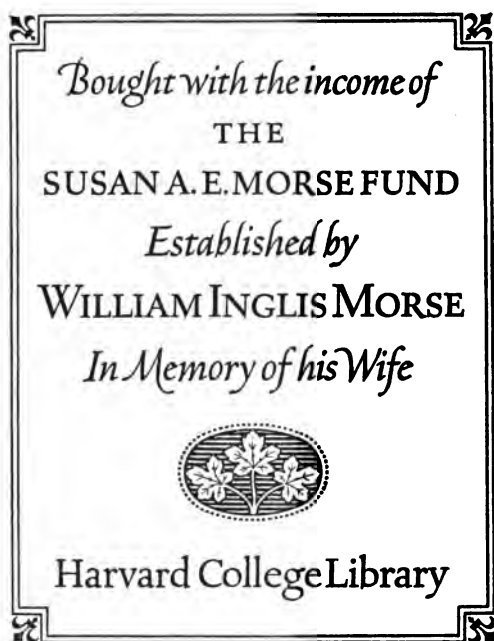
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

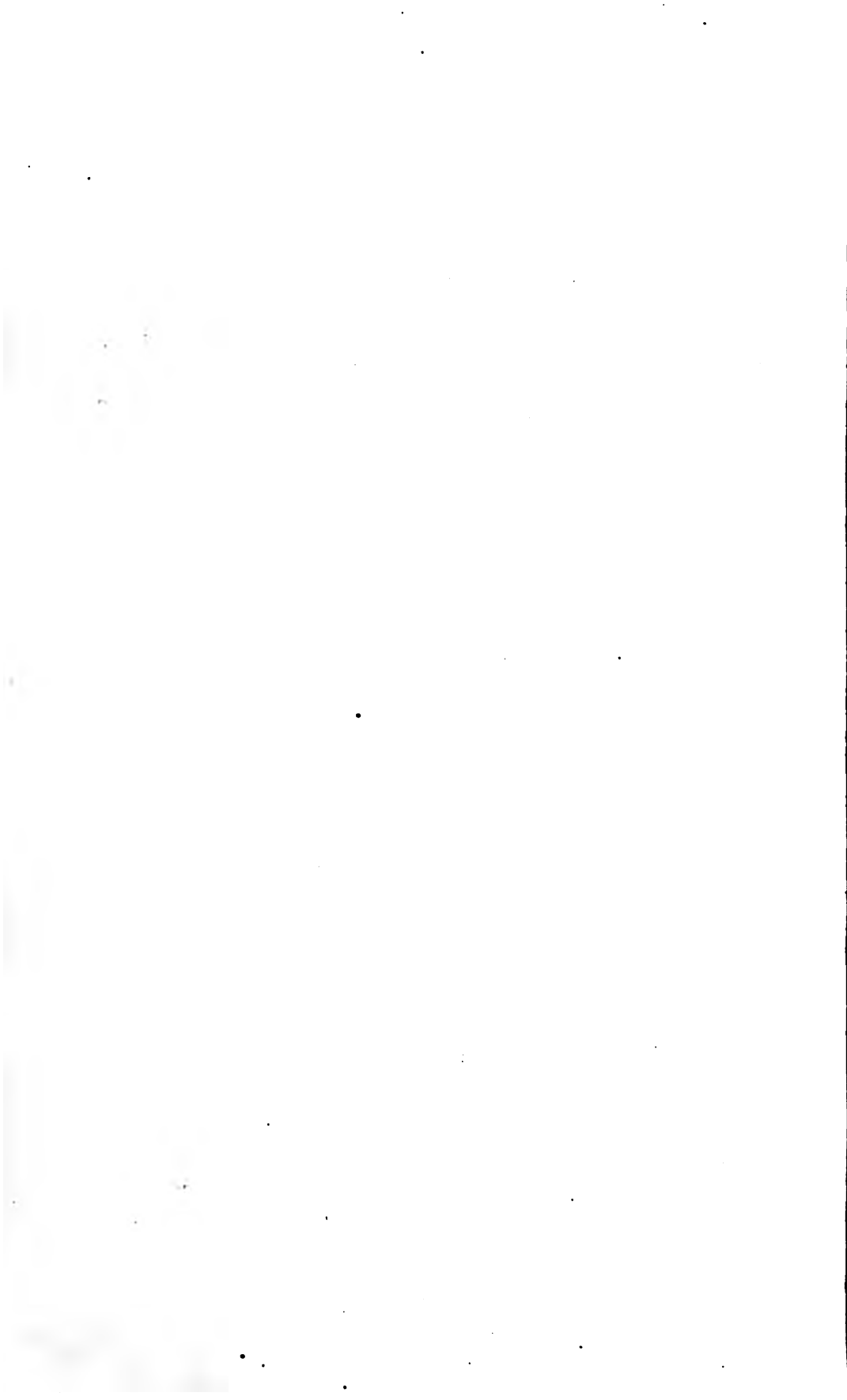
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 620.5-($\frac{1907}{7}$)

І Ю Л Ъ.

1902.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клебукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1902.

Δ
P Slow 620.5 ($\frac{1902}{7}$)
✓

verse 4

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Ночью. Разсказъ. <i>О. Руновой.</i>	5— 26
2. О сіонизмѣ и по поводу сіонизма. <i>І. Бикермана</i> . .	27— 69
3. Жить—будемъ жить! Стихотвореніе <i>Г. Галиной</i> .	69
4. Пріятели. Очеркъ <i>Д. Айзмана.</i>	70— 87
5. Передъ грозой. Стихотвореніе <i>Н. Шрейтера.</i> . .	87
6. Теорія инстинкта <i>Уильяма Джемса. Владиміра Вагнера.</i>	88—108
7. Изъ Тетмейера. Стихотвореніе <i>О. Дзелаковской.</i> .	108
8. Любовь куклы. Повѣсть <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка.</i> I—IV.	109—125
9. Жилища финляндскихъ рабочихъ. <i>А. Коллонтай</i> . .	126—144
10. Чужое вдохновеніе. Романъ <i>Мабель Гартъ.</i> Переводъ съ англійскаго <i>К. И. Саблиной.</i> I—IX. . .	145—200
11. Изъ В. Гюго. Стихотвореніе <i>Петра Вейнберга</i> . .	201
12. Джекъ Рэймондъ. Романъ <i>Е. Л. Войничъ.</i> Переводъ съ англійскаго <i>Л. Я. Сердечной.</i> Окончаніе . . .	202—257
13. *. Обманчиво-нѣма... Стихотвореніе <i>М. Бескина.</i>	257
14. Неизрѣченный свѣтъ. Разсказъ <i>С. Елеонскаго.</i> Окончаніе	258—296
15. О Фетѣ. <i>П. Ф. Гриневича.</i>	1— 18
16. Народъ и книга. (Изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній). <i>С. Ан—скаго.</i> Окончаніе.	18— 60
17. Сельскія общественныя бібліотеки въ Вятской губ. <i>Н. Н. Соколова</i>	60— 78
18. Вымирающій край. (Изъ путевыхъ замѣтокъ врача). <i>С. М.</i>	78— 99
19. Новыя книги: Иванъ Бунинъ. Новыя стихотворенія.—И. Бунинъ. Разсказы.—Разсказы Путника (Н. Н. Лендера).—Е. Н. Лю-	

(См. на оборотѣ).

- бить. Изъ жизни. Разказы и наброски.—Максъ Нордау. Новые парадоксы.—Б. И. Топоровскій. Опытъ характеристики Макса Нордау.—Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій.—Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Перев. Г. Ө. Львовича.—Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г. Перев. І. С. Биска.—Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ. Соч. В. Кеннингема.—С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв.—В. Ө. Тотоміанцъ. Муниципализація промышленныхъ предприятий.—Проф. П. Климентовъ. Муниципальное движеніе въ Англіи.—П. Г. Ганзенъ. Опытъ оздоровленія деревни.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 99—131
20. Политика. Англія и колоніи.—Французскія внутреннія дѣла.—Событія въ Южной Америкѣ. *С. Н. Южакова* 132—140
21. Хроника внутренней жизни. I. Новые планы школьныхъ преобразованій.—II. Дѣятельность особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—III. Правительственныя мѣры по охранѣ порядка.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. А. Мякотина* 140—157
22. Отчетъ конторы редакціи
23. Объявленія.

Продолжается приёмъ подписки на 1902 годъ

(X-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой	9 р.
Безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ	8 р.
За границу	12 р.
На полгода съ доставкой и пересылкой	5 р.
“ безъ доставки	4 р.
“ за границу	6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*ул. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, библіотeki, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1899 г.).

Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. Изд. *третье*. Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье*. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье*. Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое*. Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *пятое*. Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое*. Ц. 75 к.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника (*Изданіе второе*): Т. I. Шелаевскій рудникъ.— Т. II. (*Изданіе второе*): Съ товарищами. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, съ *портретомъ автора*. Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗИИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое*. Ц. 1 руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ: въ С.-Петербургѣ — *контора редакціи, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

въ Москвѣ — *отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНИЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНИЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальных замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНИЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма: 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНИЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ-идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемену. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНИЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдныя лбы и варенныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадить. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНИЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ „Русскаго Богатства“, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Васковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при выслѣхъ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятые рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., уничтожены.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

Н О Ч Ь Ю.

(Разсказъ).

Узкая, похожая мѣстами на ручеекъ, рѣчка Калиновка отдѣляла такъ называемый городъ отъ горъ, гдѣ въ невѣроятномъ хаосѣ и скученности, напоминая сакли, тѣснились на голыхъ каменистыхъ скатахъ лачужки бѣдноты, около которыхъ не росло ни одного деревца, не зеленѣло ни одной былиночки. Въ верхнемъ теченіи Калиновки работало три мельницы, двѣ торговыхъ бани спускали въ нее свою вонючую воду; неприхотливыя жительницы горъ, стоя на первобытнаго устройства мосткахъ, полоскали въ ней свои пестрыя одежды. Ближе къ Волгѣ Калиновка журчала по широкой и длинной долинѣ, поросшей высокими, могучими ветлами. Весной Волга разливалась вплоть до постоянного моста, соединяющаго горы съ городомъ, затопляя ветлы, мельницу и неосторожно выстроенныя близко къ водѣ избышки. Въ тѣ года, когда вода стояла высоко, къ мосту подходили и разгружались около него неуклюжія баржи съ посудой, нефтью, лѣсомъ. И послѣ спада Волги въ овражкахъ и впадинахъ долины долго еще стояла и загнивала вода. Но такъ какъ въ городѣ не было другого подходящаго мѣста, то съ перваго іюля и до конца августа подъ ветлами раскидывался рабочій станъ.

По ночамъ тамъ слышался скрипъ телѣгъ, подвозившихъ все новыя и новыя артели рабочихъ. Большинство рабочихъ были, однако, пѣшіе. Подъ ветлами, на вязкомъ, сыромъ берегу Калиновки они располагались какъ дома: обѣдали, чинили платье, „искались“ и тутъ же, въ ожиданіи наемки, устраивались на ночлегъ. Ночевать наверху, на улицѣ, было запрещено полиціей. Конечно, за исполненіемъ этого запрещенія никто не наблюдалъ, и болѣе опытный, бывалый народъ постоянно ночевалъ наверху, около рядовъ съ глиняной посудой. Проходить вечеромъ по Верхне-Калиновской улицѣ слѣдовало съ большою осторожностью. Вездѣ лежали

человѣческія тѣла, слышались то возня, то храпъ, то пьяный бредъ, или ожесточенная ругань. Въ городѣ существовалъ ночлежный домъ, длинное, мрачное зданіе съ мутными зелеными стеклами подслѣповатыхъ окошекъ, но лѣтомъ какъ пришлые рабочіе, такъ и мѣстная босая команда упорно избѣгали ночлежку. Ночевали на улицахъ, на берегу Волги, по-царски ночевали въ старыхъ дощаникахъ и лодкахъ, захвативъ гдѣ-нибудь охалочку сѣнца подъ голову; ночевали подъ амбарами и мельницами—вездѣ, но только не въ ночлежкѣ. Два раза въ недѣлю, по большимъ наемкамъ, къ рабочему стану приливалъ и отливалъ народъ. По праздникамъ и передъ наемкой на Калиновкѣ „гуляли“. Стоялъ тогда тамъ отъ говора, ругани, пьяныхъ, хриплыхъ пѣсень. На деревянныхъ мостахъ около бань плясали; глухой топотъ ногъ, визгъ гармоній, плескъ въ ладоши и вскрики пляшущихъ гулко отдавались въ ночномъ воздухѣ и далеко за полночь тревожили сонъ мирныхъ обывателей.

Было часовъ пять нежаркаго іюльскаго дня. Съ Меркурьевской пристани шель берегомъ молодой парень лѣтъ восемнадцати-двадцати. Видно было, что онъ недавно перенесъ тяжелую болѣзнь и не успѣлъ еще отъ нея оправиться. Одѣтъ онъ былъ въ давно нестиранную бѣлую съ черными полосками рубаху, темно-розовые домотканые штаны и старую рыжую жилетку. Онъ шель, часто переводя духъ и подправляя лѣвой рукой котомку съ сапогами, двумя рубашками и кое-какимъ столярнымъ инструментомъ. Звали его Николаемъ Бычковымъ, по уличному „Миколкой Хорошимъ“. Цѣлую зиму онъ провалялся въ Баку, въ злой, изнурительной лихорадкѣ, весной поправился, началъ работать, опять захворалъ и уѣхалъ Христовымъ именемъ на родину. Онъ шель теперь къ рабочему стану, смутно надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ односельчанъ, услышать про мать и сестренку и, можетъ быть, найти попутчика. Село Усовка, гдѣ родился и выросъ Николай, отстояло отъ города верстахъ въ сорока.

Какъ разъ наканунѣ была наемка и рабочій станъ пустовалъ. Николай прошелъ вдоль ветель, вызвавъ своимъ появленіемъ неодобрительныя замѣчанія трехъ оборванныхъ джентльмэновъ, расположившихся въ укромномъ уголочкѣ для игры въ орлянку, потомъ прошелъ мимо ряда наскоро сколоченныхъ изъ гнилыхъ досокъ лавочекъ, и вышелъ къ дешевой столовой-чайной. Нигдѣ не попалось ни одного знакомаго лица. Николай остановился, раздумывая, что дѣлать—ночевать-ли въ городѣ, или идти въ Усовку, заплатить-ли за ночлегъ на постояломъ дворѣ послѣдній пятачекъ, или выпить на этотъ пятачекъ чаю, истративъ двѣ копѣйки на

покупку кренделей. Невполнѣ рѣшивъ этотъ важный вопросъ, онъ присѣлъ на загорочекъ и началъ переобуваться: снялъ лапти, вытеръ ноги листомъ тутъ же сорваннаго лопуха и перевернулъ на другую сторону вонючія, грязныя тряпки. Николай такъ углубился въ свое занятіе, что и не слыхалъ, какъ къ нему подошелъ рослый, красивый брюнетъ, лѣтъ тридцати въ черной старой бекешкѣ и ухорски надвинутомъ на затылокъ картузѣ съ блестящимъ новымъ козырькомъ.

— Миколка Бычковъ! Онъ и есть! — вскрикнулъ брюнетъ. — Еще здравствуйте.

Миколка всталъ, не спѣша стащилъ съ головы теплую, съ облѣзшей опушкой, прорванную шапку и подаль руку своему односельчанину, Ефрему Никитичу Самарину.

— Изъ Баку, што ль? Эхъ, да и плохой же ты сталъ!

— Хворалъ я.

— Мы слыхали. Видно, поѣхалъ въ Баку, да пролежалъ тамъ на боку. Нѣтъ, я ничего, слава Богу.

— Слыхали и мы. Всю зимушку деньги домой посылашь. И теперь, чай, несешь не мало.

— Вотъ! Развѣ я дуракъ по дорогамъ ихъ таскать! Всѣ хозяйкѣ отослалъ!

— Заработалъ бы и я, когда бы не дряница привязалась, — угрюмо промолвилъ Николай. — Нашенскихъ искалъ. Думалъ, — съ кѣмъ ѣхать.

— Нашенскихъ нѣтъ никого. Я утромъ еще прибѣгъ съ Самолетомъ. Насилу знакомаго мордвина-горшечника нашель. Сундукъ мой взялъ да узель... Стало быть вмѣстѣ домой идемъ? По холодку-то гоже. Пойдемъ въ чайну. Угощу, что-ли на дорожку-то чайкомъ.

При этихъ словахъ Николай быстро взглянулъ на товарища и, облизывая свои сухія, истрескавшіяся губы, проглотилъ голодную надоѣдливую слюну.

Въ лавочкѣ Ефремъ купилъ кренделей и увѣренно, какъ человѣкъ, сознающій свое немаловажное значеніе въ жизни, подошелъ къ стойкѣ, гдѣ въ узенькомъ огороженномъ пространствѣ, почти сплошь занятомъ полками съ посудой и чаемъ въ пестрыхъ фунтикахъ, стоялъ молодой, блѣдный завѣдующій столовой. Ефремъ долго рылся въ обоихъ карманахъ своихъ сѣрыхъ, засаленныхъ, но недавно еще франтоватыхъ брюкъ, и не находилъ нужныхъ ему двухъ копѣекъ.

— Вотъ грѣхъ-то! — бормоталъ онъ. — Всего на-всего семишника не хватаетъ. Видно ужъ...

Изъ глубины кармана онъ досталъ черное потертое портмоне-кошелекъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, началъ его от-

крывать. Толстые, грубые пальцы плохо ему повиновались. Портмонэ выскользнуло изъ нихъ. При паденіи разстегнулся замочекъ, запиравшій среднюю часть кошелька, и на глиняный полъ, мягко зазвенѣвъ, покатилося нѣсколько золотыхъ. Всѣ окружающіе пришли въ необычайное волненіе. Завѣдующій съ любопытствомъ просунуль голову въ окошечко, два служителя бросились со всѣхъ ногъ искать деньги; изъ столовой съ вопросомъ: „аль деньги обрונים?“ вышло нѣсколько человѣкъ.

Ефремъ бросился на полъ, отстраняя сильной рукой служителей.

— Ладно, самъ найду. Грѣха тутъ съ чужими!—говорилъ онъ, вглядываясь своими острыми глазами и стремительно перекидываясь тѣломъ съ одного мѣста на другое.

Наконецъ, онъ всталъ съ пола, глубоко вздыхая и съ чувствомъ удовлетворенія засовывая портмонэ въ карманъ.

За чаемъ Ефремъ завелъ рѣчь о томъ, что давно уже основательно узналъ, встрѣтившись съ Николаемъ разъ осенью въ Баку и разспрашивая о немъ общихъ знакомыхъ.

— Такъ ты всю зиму и провалялся? У Егора Сѣмина на квартирѣ лежалъ? Ужъ и душища тамъ, бають, была... Лопадь у васъ кругъ масленицы, слышь, пала. Мать-то пахать нанимала. Коровѣнку послѣднюю смотали. Какъ теперь убираться будете? Староста-то, бають, гонялъ ее, гонялъ за поданя. „Сдайте, баеть, землю на общество, коли своихъ силъ нѣтъ. Сами идите въ люди жить. Слава Богу, не маленькіе. Избѣнку, слышь, братъ мой купить“. Дошлый! Жать, что-ли, теперь наниматься станешь?

Николай отвѣчалъ на всѣ вопросы Ефрема вяло и односложно, не поднимая отъ блюдечка съ чаемъ своихъ усталыхъ глазъ. Не смотря на свою молодость, онъ хорошо понималъ, какое тайное удовлетвореніе доставляетъ Ефрему сознаніе, что онъ, Ефремъ, удачливый, а Миколка неудачливый. Николай зналъ также, что ему не разъ еще придется выслушать соболѣзнованія, сквозяція тайнымъ торжествомъ, и почти прощаль Ефрема.

— Эхъ, парень, парень... Жаль мнѣ тебя. Изъ всего села ты у насъ, парень, пословный, смирный. Чужимъ бабамъ ведра носилъ. На-кося! А вотъ нѣтъ тебѣ задачи и нѣтъ! Я такъ...

— Ты что же это баишь, что всѣ деньги тетенькѣ Варварѣ сослалъ?—перебилъ Николай.—А этта-то у тебя сколько въ портманетѣ?

Ефремъ засмѣялся весело и добродушно.

— Чай, не все людямъ сказывать надо, про себя надо кой-чего покинуть, чтобы было что съ собой подумать.

— Покажь мнѣ ихъ! — произнесъ Миколка, протягивая товарищу черезъ столъ руку, ладонью вверхъ.

— Кого ихъ?

— Да деньги. Эти золотенькіе.

— Или ты ихъ никогда не видалъ?

— Видалъ маненько. Да гдѣ мнѣ ихъ часто видать-то? Покажь, что-ли. Ай жалко?

— Ну, погляди,—нерѣшительно согласился Ефремъ, бережно доставая изъ портмонэ и кладя на ладонь Николая пять золотыхъ.

Одинъ изъ нихъ былъ большой, тяжелый, въ пятнадцать рублей, и ощущеніе чего-то гладкаго и вѣскаго доставило Миколкѣ необыкновенное, почти страстное удовольствіе. Онъ приподнялъ золотой двумя пальцами, потомъ опять опустилъ его на ладонь, любуясь блескомъ и отчетливой чеканкой монеты. Радуюсь, какъ маленькій ребенокъ, онъ положилъ всѣ золотые стопочкой одинъ на другой, потомъ опять разложилъ ихъ по ладони: четыре по краямъ, пятый въ серединѣ.

— Буде, что-ли,—прервалъ его занятіе Ефремъ, ревниво собирая и пряча золотые.—Вотъ, пойдемъ дорогой, ты меня за нихъ гдѣ-нибудь и пристукнешь...

Николай вскинулъ на Ефрема, какъ будто уличенный въ тайной преступной мысли, испуганные и удивленные глаза.

— Не пойду я съ тобою!

— Что такъ? Чего оробѣлъ? Али ужъ пошутить нельзя?

Ефремъ захохоталъ деревяннымъ, крестьянскимъ хохотомъ.

— Не пойду... и не пойду. Дрянища меня затрепала. Да и сердце болитъ... Вотъ какъ у меня сердце болитъ! Переночую на постояломъ, а утре выйду пораньше.

— Вотъ человѣкъ! Чай, съ товарищемъ-то все лучше. Дрянища? Я вижу — трясешься. Ты не ѣлъ-ли рыбы, али воблы? Она, братъ, этого, ухъ, какъ не любить! Одинъ ты и вовсе не дойдешь. А ты не зазнавайся-ка! Вставай да собирайся.

Ефремъ долго угловато и оживленно жестикулировалъ, уговаривая Николая идти вмѣстѣ. Парень сидѣлъ на скамейкѣ, опустивъ голову и не поднимая глазъ, и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ неохотно и невнятно: „Сердце у меня болитъ... не пойду я.“

— Ну, такъ прости Христа ради, коли этакое дѣло,—сказалъ Ефремъ, скидывая сумку на плечо и направляясь къ выходу.—Скажу твоимъ, какъ увижу,—добавилъ онъ.

Ефремъ взялся уже за ручку двери, и вдругъ услышалъ позади себя взволнованный, вырвавшійся какъ будто подъ влияніемъ испуга, хриплый окрикъ:

— Дядя Ефремъ!

Онъ обернулся.

— Дядя Ефремъ, постой на часокъ. И я съ тобой.

— Надумалъ! Этакъ-то, братъ, лучше, — добродушно сказалъ Ефремъ.

Они вышли изъ столовой, выбрались въ гору и запагали по широкой пыльной улицѣ, по дорогѣ въ Усовку. Миновали площадь съ открытымъ бассейномъ для воды и подымавшимися отъ вѣтра вихрями пыли. Каменные дома перестали попадаться. Пошли трехконные сѣренькіе флигеля съ деревянными ставнями и выступившими на улицу палисадниками. Окутанные сизымъ дымомъ, сверкая ярко-бѣлыми мѣловыми пятнами, шли навстрѣчу путникамъ тѣсно нагроможденныя горы, глубоко песчаная дорога, пропадавшая въ синѣвшемъ дубовомъ лѣсу и густо-зеленые сады, среди которыхъ выглядывали, какъ цвѣты, красныя и голубыя дачи съ рѣзбой и балкончиками.

Былъ часъ, когда обыватели города N., подкрѣпившись послѣобѣденнымъ сномъ, пили чай. На улицахъ попадалось очень мало прохожихъ и проѣзжихъ, но на тѣхъ, кто встрѣчался, Ефремъ смотрѣлъ ласково и любопытно, для нѣкоторыхъ оборачиваясь даже назадъ. Миколка тяжело опирался на суковатую, толстую дубинку, поднятую имъ около пристани, и не обращалъ ни на кого вниманія. Только разъ, замѣтивъ стоявшаго у воротъ чьего-то дома бродячаго точильщика, онъ круто остановился, съ отразившейся на лицѣ игрою противоположныхъ чувствъ, и что-то пробормоталъ.

— Знакомаго, что-ли, призналъ?

Николай буркнулъ въ отвѣтъ что-то непонятное и товарищи молча продолжали путь. На самомъ выѣздѣ, тамъ, гдѣ стоялъ длинный рядъ закоптѣвшихъ, покосившихся кузницъ и около нихъ другой рядъ грубо-сколоченныхъ станковъ, Ефремъ столкнулся съ выходившимъ откуда-то молодымъ челоуѣкомъ въ кожаномъ фартукѣ и такой же фуражкѣ.

— Петру Гаврилычу! — крикнулъ онъ весело. — На одномъ дворѣ живали.

Они пожали другъ другу руки и начался разговоръ, состоявшій изъ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Къ разговаривающимъ подошло еще нѣсколько челоуѣкъ незанятыхъ кузнецовъ. Вновь встрѣтившіеся знакомые оживились, пошли въ ходъ намеки и шуточки, которые, хотя не совсѣмъ понимались даже тѣми, къ кому относились, все же, благодаря попадавшимся въ нихъ словечкамъ, имѣли крупный успѣхъ и сопровождались отрывистымъ, громкимъ смѣхомъ.

— Одинъ, что-ли, въ Усовку шагаешь? — спросилъ, наконецъ, Петръ Гаврилычъ.

— Зачѣмъ одинъ? Съ товарищемъ!—отвѣтилъ Ефремъ, оглядываясь.—О! да гдѣ онъ? Вотъ такъ разъ! Какъ сгинулъ!

— Потерялъ!—загрохотала компанія.

— Миколка! Я и вижу: ему идти не охота. Миколка-а!

— Кричи погромче. Въ старый соборъ діакона ищутъ...

— Да чего кричать! Вонъ онъ идетъ. Ну, человѣкъ!

Всѣ головы, какъ по командѣ, обернулись по направленію глазъ Ефрема. Миколка приближался быстро, почти бѣжалъ.

— Ты куда ходилъ?—крикнулъ Ефремъ.

Николай махнулъ рукой и прошелъ мимо, не останавливаясь.

Когда Ефремъ, торопливо распрощавшись съ Петромъ Гавриловичемъ, догналъ своего спутника, то увидѣлъ, что тотъ весь дрожитъ и что волосы на вискахъ смокли у него отъ пота.

— Экъ она тебя!—промолвилъ Ефремъ съ сожалѣніемъ.— Да ты куда убѣгалъ-то?

— Такъ,—проговорилъ Николай послѣ небольшого молчанія. Товарищъ не настаивалъ на болѣе опредѣленномъ отвѣтѣ.

Они вышли за городъ. По одну сторону дороги тянулся сплошной дубовый лѣсъ, по другую—за пожелтѣвшими полями широко разбѣгались невысокіе, круглые холмы, далеко, далеко за ними темнѣли зубчатые края казенныхъ сосновыхъ лѣсовъ. Ефремъ обернулся назадъ. Въ оправѣ изъ желтыхъ песковъ, Волга тихо синѣла въ покойъ предакатнаго часа. Видны были и кудрявыя ветлы, и осокори Заволжья, вдали чуть маячила мельница и крыши нѣмецкихъ колоній; сверкали, какъ большія капли воды, озерца и проранчики.

— Эхъ, прощай, матушка!—сказалъ Ефремъ и полушутя, полусерьезно приподнялъ свой картузь.

Недавно омытый дождемъ, зеленый и могучій дубнякъ выдѣлялся въ прозрачномъ, тепломъ, нѣжащемъ воздухѣ каждой своей вѣточкой, каждымъ вырѣзнымъ листочкомъ. Пересѣкая дорогу, бѣжалъ рельсовый путь. Поѣздъ, съ вьющимся надъ нимъ облачкомъ бѣлаго пара, стуча и пофыркивая, бѣжалъ подъ уклонъ. Кое-гдѣ краснѣли чистенькія станціонныя зданія. Дѣти играли около будки, звонко оралъ пѣтухъ, и медленно, усталыми шагами шла женщина съ свернутымъ выцвѣтшимъ флагомъ въ рукѣ. Проволока на телеграфныхъ столбахъ гудѣла однообразно и протяжно. Море спѣлой пшеницы, начинавшееся почти отъ города, не переливалось сѣрыми и зеленоватыми тонами, какъ мѣсяцъ тому назадъ: оно стояло спокойное, будто порѣдѣвшее,

низко наклонивъ тяжелые, перепутанные колосья, и вѣтеръ производилъ въ нихъ только шумъ, легкій, чуть уловимый, болѣзненно отдающійся въ сердцѣ деревенскаго жителя,— шумъ осыпающихся зеренъ. Во многихъ мѣстахъ начали жать, кое-гдѣ были уже сложены скирды. Навстрѣчу путешественникамъ нѣсколько разъ попадались длинныя дроги съ жнецами, нанятыми на работу. Усаженные по обѣ стороны дрогъ, тѣсно прижатые другъ къ другу, люди ѣхали съ веселыми, возбужденными лицами, говорившими о томъ, что этими людьми ясно сознается, какое важное, для всѣхъ необходимое дѣло ѣдутъ они совершать. Многие пѣли пѣсни. Женщины смѣялись и кричали что-то Ефрему. Николай съ трудомъ поспѣвалъ за товарищемъ. Ему было душно и жарко, не хватало воздуху для того, чтобы облегчить грудь настоящимъ, глубокимъ вздохомъ. Онъ опять чувствовалъ приступъ лихорадки: дрожь и ломоту въ ногахъ, приливавшій ко всему тѣлу жаръ и страшную слабость; въ ушахъ у него звенѣло, во рту не доставало слюны, чтобы смачивать безпрестанно сохнущій языкъ.

Въ головѣ парня, какъ давно накопленныя сокровища, лежали давно продуманныя, горькія мысли о томъ, что жизнь его семьи и его собственная совершенно испорчена, что домъ разоренъ, что осенью, дѣйствительно, какъ бы не пришлось заколотить избѣнку и отправиться—кому въ люди, кому по міру. Дальше... больше... и никогда не справишься, никогда не станешь хозяиномъ. Пробатрачишь всю жизнь. Ждать помощи неоткуда... неоткуда... неоткуда... Каждый, какъ староста, норовитъ лишь живого мяса клюнуть... А онъ хотѣлъ было осенью жениться. Онъ не разъ мечталъ даже о томъ, кого взять! И какъ немного нужно было, чтобы поправиться. Рублей 50—60, нѣсколько блестящихъ тяжелыхъ золотыхъ, которые такъ пріятно холодятъ ладонь...

Николай не думалъ опредѣленнымъ образомъ, онъ чувствовалъ только, что надъ нимъ какъ будто сплывается густой, непроницаемый туманъ, и къ горлу, растилаясь по груди, ползетъ что-то тяжелое, неумолимо-давящее. И одна мысль, одно представленіе, которое онъ не смѣлъ облечь во что-нибудь ясное, вдругъ пронизывало его, обжигало огнемъ и осыпало морозомъ. Онъ отгонялъ отъ себя эту мысль и зналъ, что она опять скоро придетъ, ужасная и желанная, и пронизетъ его острымъ, жгучимъ напряженіемъ. Минутами его какъ будто отпускало: онъ начиналъ дышать легче, спокойнѣе думать о томъ, что будетъ, слабо надѣяться, что съ помощью богатыхъ родныхъ, которые вообще, однако, никогда ему не помогали, онъ женится, уплатитъ подати и, уѣхавъ съ женой на зиму работать въ Астрахань, не только

заплатить всѣ долги, но и вернется въ домъ хозяиномъ, купитъ лошадь, запашетъ яровой хлѣбъ. Въ эти минуты та страшная мысль, которую онъ отгонялъ и звалъ, пробѣгала передъ нимъ легко, легко, какъ струйка лѣтняго, нагрѣтаго воздуха, и сердце Николая замирало отъ ужаса, отъ проблеска сознанія. Проходило мгновение и опять ползла по его груди неумолимая, неотвратимая тяжесть, и опять жгучая преступная мысль жалила его змѣей и манила къ себѣ... Онъ вздыхалъ глубоко, прерывисто, въ нѣсколько пріемовъ.

— Что задумался?—спросилъ Ефремъ послѣ того, какъ путешественники прошли версты четыре.

— Такъ... тоскую. Сердце болитъ,—отвѣтилъ Николай глухо.—Не надо бы мнѣ идти.

— Не надо бы идти? А то куда-жъ? Ну, парень... И говорить, какъ лапти ходять... Не ты первый. Какъ еще люди справляются. Я, вѣдь,—продолжалъ онъ, переходя въ дружескій, хвастающійся тонъ и какъ бы слегка извиняясь передъ Миколкой за превосходство своего положенія, — эти-то четыре золотыхъ съ куфарки одной смылъ... черныи бы ее. Изъ Бакъ-то я по первому пароходу прибѣгъ. Въ Саратовѣ больше двухъ мѣсяцевъ служилъ на спасательной. Тамъ старшимъ матросомъ нашъ же. Ты его, чать, знашь: Микифоръ Васильичъ. Ну, она, эта самая женщина, была съ однимъ матросомъ знакома, Бутыревъ—прозваніе; тихонько къ намъ на спасательную бѣгала, а то онъ къ ней ходилъ, какъ не былъ дежурнымъ: попозже, когда господа спать лягутъ. Ну, увидала она меня,—того ужъ ей стало не надо. Со мной познакомилась. Какъ увидала, тутъ же послала за бутылкой. Гармошку съ собой принесла. Всю ночь гуляли, „разлуку“ пѣли. Ну за два мѣсяца двадцать рублей мнѣ и перетаскала.

— За что?

— Какъ за что? А за что я ее, старую, любилъ? Ей лѣтъ много больше сорока. Должна она понимать?

— Грѣхъ этакъ, дядя Ефремъ. Что въ самъ - дѣлѣ? Тетенькѣ Варварѣ обидно.

— Больно ты много знаешь! Не въ подолъ я тетенькѣ Варварѣ принесу. Что за грѣхъ? Она вонъ какъ цѣну съ господъ мылить, да на провизіи... Учена кухарка. Стара базла, а любить ей молодыхъ да хорошихъ охота. Она Федькѣ Бутыреву пиджакъ и сапоги справила. Я его хуже, што - ли? Я, братъ, и въ Бакъ не полоротничалъ.

Николай ничего не отвѣтилъ, а Ефремъ говорилъ безъ умолку. Шли они селомъ съ широкими, чистыми порядками и шатровыми избами, и Ефремъ рассказывалъ, какіе въ этомъ селѣ богатые мужики и почему они богатые; на пути встрѣтилась глубокая канава, а по обѣ стороны ея высокіе валы

известковой подпочвы, и Ефремъ разсказалъ, какой чело-
вѣкъ князь, которому принадлежитъ обведенная канавой
мѣстность, какъ онъ бросилъ красавицу жену и живетъ съ
бывшей нянькой, старой дѣвкой „чародѣйкой“, которая надъ
нимъ „сдѣлала“. Когда эта тема источилась, онъ началъ
припоминать, какъ онъ жилъ въ Баку, работалъ въ Балаха-
нахъ надсмотрщикомъ на промыслахъ, какое получалъ жало-
ванье и какъ, по приказанію управляющаго, водилъ по про-
мысламъ прѣзжаго англичанина и „втиралъ ему очки въ
бѣлмы“.

— Ты, Миколка, этакъ въ люди не выйдешь, какъ я.
Потому что я грамотный, окончаніе сельской школы имѣю и
унтерцеромъ изъ полка ушелъ. А ты сиротскій сынъ. Когда
тебѣ было въ школу бѣгать? Ты скотину пасъ...

— А что, дядя Ефремъ,—неожиданно перебилъ Николай,
упорно молчавшій все время,—у тебя, чай, еще деньги есть?
Чай, не всё ты въ столовой растерялъ?

— Что тебѣ до чужихъ денегъ!—возразилъ Ефремъ не-
довольно.—Такъ ли, этакъ ли, своихъ добивайся.

За княжеской канавой начались луга. На десятки верстъ
тянулись они въ обѣ стороны и только далеко на горизонтѣ,
синѣя, громоздились горы. Съ перваго взгляда, выкошенные
еще съ половины іюня, луга казались пустынными и без-
жизненными. Но глазъ присматривался къ нимъ, и они ожи-
вали. Двѣ неширокихъ извилистыхъ рѣчки тянулись по
нимъ то голубой, то серебряной лентой, виднѣлись мель-
ницы, около нихъ толпились высокія кудрявыя ветлы, сере-
бристо-сѣрыя на солнышкѣ и нѣжно-зеленыя въ тѣни; иногда
доносился чуть слышный шумъ падающей воды, шевелились
темныя и пестрыя пятна—пасущійся скотъ; изрѣдка къ до-
рогѣ выходили сытыя коровы, изъ-за кустовъ выставялась
большая, рогатая голова и спокойными, важными глазами
разглядывала путешественниковъ; въ прозрачномъ воздухѣ
маячили широко раскинутыя села; высились и бѣлѣли коло-
кольни сельскихъ церквей, рѣзко выдѣляясь между сливав-
шихся въ одинъ общій тонъ сѣрыхъ деревенскихъ крышъ;
то взлетая, то падая комкомъ на землю парили кругомъ зор-
кіе ястреба; съ прудовъ, изъ камышей, уже выметавшихъ
свой цвѣтъ—толстыя, коричневыя шишки, несяся окающій,
хриплый крикъ дикихъ утокъ; стая сѣрыхъ куропатокъ съ
блестящими, умненькими глазками перебѣжала съ быстротой
вихря дорогу и поднялась за рядомъ высокихъ, побурѣвшихъ
стоговъ.

Вечерѣло. Солнце зашло за круглое съ темнымъ краемъ
облако, и это облако какъ будто сдѣлалось легче и все освѣ-
тилось огнистымъ золотомъ. Мелкія, частыя кочки по лугу

запестрѣли, освѣщенные съ одной стороны и темныя—съ другой, а гладкій дугъ весь залился тонкимъ слоемъ расплавленного золота. Золото было и на зелено-бурыхъ стогахъ, и на сѣрыхъ домикахъ далекой деревни, и въ ея маленькихъ оконцахъ, отливавшихъ всѣми цвѣтами радуги, и на вспыхнувшей глади рѣкъ. Вотъ солнце выплыло въ синюю, блѣдную по краямъ лазурь, и облако опять сдѣлалось темнымъ и тяжелымъ, какъ душа, въ которой погасла любовь. Широкий, свѣтло-огненный кругъ расплывался на западѣ и въ серединѣ его горѣло и какъ будто медлило закатиться яркое, вѣчное солнце. На востокѣ сгущался синій сумракъ; отъ воды вѣяло холодкомъ, но земля дышала мягкимъ, нѣжнымъ тепломъ. Кузнечики трещали наперерывъ. Давно взошедшій, молодой, тонкій, какъ бѣлое облачко, серебристый серпокъ мѣсяца освѣтился красноватымъ, металлическимъ огнемъ.

— Вотъ тутъ присядемъ!—объявилъ Ефремъ, останавливаясь около дамбы, выстроенной земствомъ и украшенной столбами, выкнашенными въ черныя и бѣлыя полосы. Протяжкую дорогу крестьяне наторили, однако, ниже дамбы, полуразрушенной весенней водой, которая бѣжала поверхъ моста. Внизу, у зыблющихся пѣшеходныхъ кладокъ, Ефремъ вымылъ руки въ ручѣ, неторопясь, развязалъ свою котомку и обратился къ Николаю, лежавшему навзничъ на пескѣ:

— Ножа у тебя нѣтъ?

Кровь горячеей волной прихлынула къ сердцу Николая и разлилась яркимъ румянцемъ по его щекамъ.

— Нѣтъ у меня ножа. Что у меня за ножи?—произнесъ онъ дрожащимъ, слабымъ голосомъ.

— И сердитый же ты только сталъ! Ай-ай!—замѣтилъ Ефремъ.—Это все *она* тебя доѣзжаетъ, дрянища. У меня, пушай, свой ножикъ есть, да черенъ въ ѣмъ не годится. Коли нѣтъ, обойдемся.

Онъ досталъ изъ котомки кусокъ калача, жирную, большую воблу; съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на свои потерявшіе форму валенки, которые надѣлъ еще въ городѣ вмѣсто сапогъ и, отыскавъ по близости камень, ударилъ два раза по немъ съ размаху рыбьей головой. Потомъ онъ разорвалъ воблу пополамъ, отрѣзалъ кусокъ калача и съ довольной улыбкой пригласилъ Николая полдничать.

— Спасибо. Не охота мнѣ. Самъ же сказывалъ: воблы не ѣсть,—отвѣтилъ парень все тѣмъ же слабымъ, прерывистымъ голосомъ.

— Ну, калачика, коли, поѣшь.

Миколка въ отвѣтъ махнулъ только рукой. Со спины онъ перевалился на бокъ, машинально сорвалъ какую-то былинку и машинально сметалъ ею песокъ около своихъ

исхудавшихъ, потныхъ пальцевъ. Только прилегши, онъ почувствовать всю свою усталость. Но то напряженное, безпокойное состояніе, которое дорогой покидало его мгновеніями, не ослабѣло отъ усталости. Онъ чувствовалъ, напротивъ, что это напряженіе и безпокойство ежесекундно растутъ въ его душѣ, что онъ весь,—какъ туго натянутая струна. Тѣло его дрожало мелкой, холодной дрожью, губы кривились въ непроизвольной усмѣшкѣ. Николай не могъ уже терпѣть дольше, вскочилъ на ноги и пошелъ къ ручью. Сбросивъ шапку, онъ долго пилъ холодную воду, долго умывалъ лицо и мочилъ свои спутанные, мягкіе волосы. Ефремъ въ это время, подложивъ сумку подъ голову, началъ уже сладко задремывать.

— Дядя Ефремъ, а дядя Ефремъ, встань!—сказалъ Миколка, теребя его за рукавъ. — Что разлеживаться? Скорѣй бы ужъ до дома. Пойдемъ... пойдемъ, Христа ради.

Ефремъ порывисто сѣлъ и нѣсколько секундъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на мокрую голову Николая и его умоляющіе, жалкіе и виноватые глаза. Потомъ онъ громко, закатами зѣвнулъ и произнесъ:

— Што это тебѣ не терпится? Да пойдемъ, пожалуй. Эхъ, спать бы я!.. Къ утру, стало быть, дома будемъ.

Быстро упали сумерки. На жнивьяхъ засвѣтились пылающія точки—костры оставшихся ночевать въ полѣ жнецовъ. Наступала тихая, теплая ночь, теплѣе, чѣмъ былъ день. Въ воздухѣ стоялъ одуряющій, пряный запахъ коноплей.

Ефремъ и Миколка шли мимо барской усадьбы. Деревья въ саду шумѣли слабо и привѣтливо, тускло серебрилась за садомъ вода; неумолчно трещали кузнечики, этотъ первый признакъ наступающей осени, первый звукъ въ природѣ, говорящій о томъ, что весна прошла. Миколка не узнавалъ мѣстности. Верхняя, серебившаяся отъ луннаго свѣта доска палисадника казалась ему перилами моста, свѣтъ лампы—подъ краснымъ абажуромъ въ отворенномъ окнѣ—огромнымъ, пылающимъ буфернымъ фонаремъ. Продолжая идти рядомъ съ Ефремомъ, онъ закрылъ на секунду глаза и когда открылъ ихъ вновь, то длинное зданіе барскаго зимняго бѣга, вырисовавшееся грубой массой на темнѣющемъ небѣ показало ему внезапно выросшей передъ нимъ гигантской горой. Онъ остановился и спросилъ испуганно у Ефрема, что это такое. Тотъ засмѣялся въ отвѣтъ.

Какъ въ полуснѣ шелъ Николай къ мельницѣ, туда, гдѣ раздавался немолчный, мѣрно падающій шумъ воды. Тамъ, на узкомъ мостикѣ, подъ густыми ветлами было совсѣмъ темно. Вода стояла узкимъ мрачнымъ каналомъ. Ее не было видно. Она лишь чувствовалась и влекла къ себѣ, какъ бездна. Въ узкій промежутокъ между сплетшимися верхуш-

ками высокихъ, черныхъ деревьевъ глядѣль закатывающійся металлическій серпокъ мѣсяца. Онъ уже не свѣтилъ. Миколка пропустилъ Ефрема впередъ и вдругъ остановился, потрясенный, и прислонился къ зыбкимъ, смутно бѣлѣвшимъ перильцамъ. Огонь какъ будто прошелъ по его тѣлу отъ шеи до пятокъ и острой, пылающей волной прихлынулъ къ лѣвому боку, гдѣ неровными, учащенными ударами билось его сердце. Въ этой полной значенія, жуткой темнотѣ, Николай понималъ, что онъ не уйдетъ отъ побѣждающей его мысли, что онъ ее выполнитъ.

Ночь наступила. Чернымъ, прозрачнымъ покрываломъ окутала она небо и только на западѣ, гдѣ дрожалъ, догорая, блѣдный свѣтъ зари, раскинулись по широкому, темному простору два длинныхъ, нѣжно бѣлѣвшихся облака, какъ два серебристыхъ лебединыхъ крыла. Ярko заблистали безчисленныя звѣзды. Кто-то щедро, не жалѣя, рассыпалъ ихъ по небу; большія, далеко ушедшія въ прозрачный мракъ, онѣ искрились задумчиво и таинственно, маленькія—горѣли веселыми, близкими огоньками. Дорога, лѣсъ, избы, поле потеряли свои линіи и приняли новыя, чуждыя для человѣческаго глаза, формы. Съ луговъ вмѣстѣ съ сырмъ, пахучимъ вѣтеркомъ доносился рѣзкій крикъ коростеля и уханье выпи. Чуть слышно звенѣли камыши. Гдѣ-то тяжело скрипѣли колеса телѣги, и этотъ непривычный для ночи звукъ наполнялъ сердце тревожнымъ, боязливымъ ожиданіемъ. На хуторахъ замелькали грустные, одинокіе огоньки.

Николай давно уже шелъ сзади бодро шагавшаго, хотя уже примолкшаго Ефрема. Парень шелъ, опустивъ глаза на дорогу и когда подымалъ ихъ, то всякій разъ при взглядѣ на широкую, темнѣвшуюся передъ нимъ спину спутника, испытывалъ то же потрясающее чувство, которое на мосту едва не заставило его упасть въ обморокъ. Ефремъ пересталъ быть для него знакомымъ, товарищемъ, вырѣзавшимъ когда-то дудочки изъ камыша и дарившимъ гостинцы на масленицу. Ефремъ былъ врагомъ, былъ добычей. Давнымъ давно когда-то шли они оба темной ночью по глухому, пустынному мѣсту и одинъ былъ охотникомъ, другой добычей. Миколка чувствовалъ, что это уже было когда-то въ его жизни и вотъ повторяется опять...

Дорога съ засѣянныхъ круглыхъ холмовъ сбѣжала въ молодой частый лѣсъ. Тамъ было совсѣмъ темно. Приходилось идти почти ощупью. Лѣсъ полонъ былъ ночныхъ звуковъ. Трещали и падали вѣтви, какъ будто кто-то шелъ, ломаясь черезъ весь лѣсъ, и рѣзко останавливался около самой дороги. Гдѣ-то близко какъ будто говорили двое и отъ нихъ, должно быть, фырча и торопясь перебѣжалъ черезъ до-

рогу испуганный ежъ. Впереди метнулось что-то свѣтлое, безформенное. Тонкій, однообразный и протяжный звонъ шелъ изъ темной глубины. Молоденькія деревца раскачивались при порывѣ налетавшаго вѣтра и трепетали короткой, тихо замиравшей дрожью.

Ночь роняла свои огни. Безпрестанно, ярко просіявъ своимъ огнемъ, какъ будто на мгновеніе взметывалась кверху, перевертывалась и исчезала сверкающая звѣздочка. Ефремъ каждый разъ крестился и бормоталъ что-то вполголоса.

— Я говорилъ: не надо бы идти. Заночевали бы тамъ подъ мостикомъ, а то въ Ольховку къ Погуляевымъ зашли бы,—громко сказалъ онъ, запнувшись о выдавшійся корень.

— Недалечко, положимъ. Вотъ только этотъ бойрачекъ пройдемъ, а тамъ лѣсу конецъ. Выселки, а тутъ и Усовки,—продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта отъ Миколки.

Отвѣта не послѣдовало и на этотъ разъ. Ефремъ пересталъ слышать за собой звукъ шаговъ и человѣческое дыханіе.

— Миколка, да ты гдѣ? — окликнулъ онъ съ зазвучавшимъ въ голосѣ недоумѣніемъ.—Что сзади крадешься?

— Тутъ я,—отозвался, помедля, въ сторонѣ чей-то хриплый, чужой голосъ.

— Да ты чего тамъ дѣлаешь? Изъ котомки, что-ли, чего вынешь? — спросилъ Ефремъ съ возрастающимъ безпокойствомъ.

Ночь подѣйствовала и на него. Въ душѣ его вспыхнула, какъ пламя, ненависть къ Николаю и жгучій страхъ передъ нимъ.

— То-то я вижу,—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, приправляя свои слова страшнымъ ругательствомъ,—отставать вздумалъ. Хворый, а какую упряжку идетъ... Я те раздамъ, такъ душа на тотъ свѣтъ пойдетъ казеннаго пайка искать.

— Что ты, дядя Ефремъ... Чего мнѣ вынять? Вотъ что: ступай себѣ съ Богомъ одинъ. Моченьки моей не стало. Ноги не идутъ.

На землю грузно опустилось тяжелое человѣческое тѣло.

Животный страхъ и гнѣвъ, овладѣвшіе было Ефремомъ, при этомъ звукѣ сейчасъ же уступили мѣсто его обычному добродушію.

— Ну, человѣкъ,—сказалъ онъ.—Присуждалъ я—такъ нѣтъ. Куда же я теперь одинъ пойду? Вмѣстѣ вышли, вмѣстѣ и придемъ. Ишь ты, брякнулся на дорогѣ. Переждетъ еще кто соннаго-то. Иди за мной сюда. Дойдешь, что-ли? Вотъ и поляночка. Гоже. Маленько отдохнемъ. Да и свѣтъ, чай, скоро. Звѣзды-то вонъ куда ушли. Стожаровъ давно не видать. Я

на нихъ давеча поглядѣлъ. Ка-акъ они мнѣ въ глаза-то брызнуть.

— Самъ лѣзешь!—захотѣлось крикнуть Николаю грубо и зло, но онъ удержался и, поднявшись съ земли, молча послѣдовалъ за товарищемъ въ глубь лѣса.

Ефремъ выбралъ мѣстечко помягче, смялъ кругомъ себя некошенную высокую траву и легъ, сладко потягиваясь и вздрагивая отъ предутренней свѣжести.

— Миколка, ты что же сугорбился, сидишь?

— Сердце болитъ... Лежать-то мнѣ хуже... Тоска...—отвѣчалъ Николай, стуча зубами.

Прошло нѣсколько минутъ. Ефремъ зѣвнулъ разъ пять подрядъ, вытянулъ ноги и задышалъ рѣдко и ровно, какъ спокойно уснувшій человѣкъ. Николай все сидѣлъ, согнувшись, на землѣ. Услышавъ дыханіе Ефрема, онъ приподнялъ голову, прислушался, провѣрилъ себя. На колѣняхъ онъ сдѣлалъ первый ползокъ, за нимъ второй, третій. Въ правой рукѣ онъ крѣпко сжималъ черенъ широкаго и длиннаго хлѣбнаго ножа. Отъ спящаго его отдѣляли только два-три шага... Со стороны дороги вдругъ ясно донесся скрипъ колесъ и человѣческій говоръ... Николай отпрянулъ отъ Ефрема, какъ дикая кошка, и уткнулся лицомъ въ землю. Онъ какъ будто получилъ сильнѣйшій ударъ по всему тѣлу, отъ котораго у него пошелъ жаръ по спинѣ, звонъ въ ушахъ и холодный, липкій потъ выступилъ на лбу и вискахъ. Сердце его судорожно билось, готовое каждое мгновеніе разорваться отъ ужаса.

Черезъ минуту Николай ясно различилъ голоса и даже узналъ ихъ. Это ѣхали съ мельницы, съ возами двоюродный братъ Ефрема и его шуринъ. Мужики шли рядомъ, изрѣдка покрикивая на своихъ привычныхъ лошадей, и говорили о томъ, что зерно изъ нови вышло легкое, щуплое, потому что около Владимірской его захватило „помахомъ“.

— Солома хороша. Про солому что баить...

— Тростнякъ,—услышалъ Николай въ замѣравшемъ скрипѣ колесъ и шорохѣ удалявшихся человѣческихъ шаговъ.

Ему живо представился собственный, волнующійся загонъ пшеницы, рѣчка въ полѣ между густыми ольховыми кустами, келья бабушки Домны, гдѣ онъ въ позапрошлую зиму игралъ съ Катюшкой Лычковой въ скоморохи и цари... Отъ сердца парня какъ будто оторвалось и покатилося внизъ что-то тяжелое и горячее, причинившее сразу и жгучую боль, и облегченіе. Дрожащими руками Николай снялъ съ себя котомку, положилъ въ нее ножъ. Глубоко вздохнувъ и глядя на свѣтлѣющее небо, онъ перекрестился широкимъ истовымъ крестомъ и, не оберываясь посмотрѣть на спящаго

Ефрема, пошелъ прямо къ дорогѣ. Ему нужно было сдѣлать лишь пятнадцать-двадцать шаговъ. Первые три онъ сдѣлалъ бодро и скоро, но потомъ походка его все замедлялась и замедлялась. Раза два онъ приостанавливался. Выйдя къ опушкѣ, онъ остановился совсѣмъ. Ночь уже разорвала свой покровъ и сбила его въ круглыя, темныя облачка, между которыми свѣтлѣло блѣдное, близкое небо. Рѣдкія звѣздочки на горизонтѣ чуть-чуть свѣтились и только одна утренняя—горѣла, какъ синее холодное солнце. Все кругомъ стояло въ странномъ предразсвѣтномъ свѣтѣ безъ тѣней.

Николай посмотрѣлъ на желтѣвшуюся дорогу, на деревья, казавшіяся отдѣленными другъ отъ друга чуть замѣтнымъ, тонкимъ туманомъ. Вдохнулъ гдѣ-то вѣтеръ и дыханіе его понеслось молодо и пробуждающе. На востокъ облачка дѣлались легче, выше и какъ будто уже окрашивались нѣжнымъ отблескомъ готовой вспыхнуть зари. Съ озеръ донеслось радостное гоготанье утокъ. Ночь уходила...

Николай, насупивъ брови и удерживая тяжело рвущееся изъ груди дыханіе, повернулся и пошелъ обратно въ лѣсъ. На ходу онъ ловко вынулъ изъ котомки ножъ.

Подъ деревьями, гдѣ сладко храпѣлъ Ефремъ, было почти темно.

Николай легъ на свое прежнее мѣсто и, не сводя глазъ съ лица товарища, медленно началъ подвигаться. Онъ былъ почти около Ефрема, какъ вдругъ въ полусумракѣ ему показалось, что по лицу спящаго бродятъ лукавыя тѣни, что онъ не спитъ, а только притворяется, улучшаетъ минуту и сейчасъ схватить его, Николая, за руки. Съ глухимъ вскрикомъ „а-ахъ“! Николай занесъ ножъ и съ размаху всадилъ его въ шею Ефрема подъ правымъ ухомъ. Подъ ножомъ затрепеталъ упругій, скользящій хрящикъ. Николай перерѣзалъ его, скрипя зубами и задыхаясь отъ злобы. Струя чего-то липкаго, темнаго и теплаго брызнула въ лицо убійцы. Ефремъ широко открылъ удивленные, быстро заморгавшіе глаза. Все тѣло его забилося. Страшная рана на его шеѣ, разсѣченная почти до другого уха, дымилась кровью. Навалившись всѣмъ тѣломъ и придавивъ колѣномъ грудь убитаго, Николай порывисто выхватилъ ножъ изъ шеи Ефрема и началъ наносить еще теплomu трупy безпорядочныя, торопливыя, изступленные удары, въ грудь, плечи, бока... Потомъ, выбившись изъ силъ, но не слѣзая съ Ефрема и не вынимая изъ его груди ножа, Николай затѣлъ лѣвой рукой въ карманъ убитаго и, дрожа отъ страсти, вытащилъ оттуда кошелекъ.

Весь залитый кровью поднялся убійца на ноги и съ лихорадочной поспѣшностью принялся закидывать трупъ Ефрема травой, прошлогодними листьями и буреломомъ. Какъ будто

вспомнивъ что-то, онъ оставилъ свою работу и вывернулъ карманъ убитаго. Карманъ былъ пустъ. Тогда Николай досталъ изъ своихъ портовъ портмонэ, вынулъ оттуда золотые, поддержалъ ихъ на рукѣ, опять спряталъ. Окровавленными, липкими пальцами онъ началъ торопливо рыться въ сумкѣ покойнаго. Не найдя въ ней денегъ, убійца зашвырнулъ ее въ кусты. Туда же онъ бросилъ и картузъ Ефрема.

А небо становилось все выше, все лазурнѣе. Облачка уплывали вдаль. Воздухъ сдѣлался прозраченъ и необыкновенно гулокъ. Изъ Выселокъ доносился собачій лай, крики людей и хлопанье длиннаго бича. Выходило солнце и играло розовымъ свѣтомъ на листьяхъ тихо шептавшихся деревьевъ. Ночь улетѣла.

Поспѣшными шагами, продираясь прямикомъ черезъ деревья, Николай пошелъ къ знакомому ручью, протекавшему въ томъ послѣднемъ, лѣсномъ оврагѣ, про который говорилъ Ефремъ. Тамъ онъ забрался въ самую чащу, раздѣлся до нага и, скорчившись надъ подмытымъ берегомъ, началъ оттирывать свою рубаху, портки, пиджачишко и онучи. Лапки тоже были всѣ въ крови: онъ бросилъ ихъ въ ручей и пригнулъ палочками, чтобы ихъ не унесло. Пятна крови поблѣднѣли, но совсѣмъ не отходили. Тогда Николай вошелъ въ ручей и началъ оттирать свою одежду пескомъ и мелкими камушками. Около него кружились и тонко пѣли комары. Лѣсъ стоялъ на горѣ высокій, тѣнистый, кое-гдѣ тронутый раннимъ золотомъ... Солнце поднялось уже высоко, когда Николай понялъ, что работаетъ напрасно. Желтныя, расплывающіяся пятна не сходили съ его розовыхъ портовъ и сѣрыхъ онучъ. Надо было бѣжать домой. Но какъ только онъ вышелъ изъ окружавшей ручей чащи, такъ мысль, что онъ оставилъ тѣло Ефрема настолько близко къ дорогѣ, что трупъ трудно не замѣтить даже мимо идущимъ—ударила Николая какъ обухомъ по головѣ. Онъ думалъ пойти скорѣй домой не дорогой, а извѣстнымъ ему оврагомъ, и дома отдать всю одежду матери, чтобы она вызолила ее въ корчагѣ, въ печи, но теперь съ этимъ дѣломъ нужно было подождать. Прежде слѣдовало убрать тѣло. Самое лучшее будетъ спрятать его здѣсь, у ручья, въ сплошномъ чепыжникѣ, черезъ который не продерешься.

Николай опять вернулся на то мѣсто, гдѣ лежалъ трупъ Ефрема. Рубашка на убитомъ уже высохла спереди и закобилась. Около его сѣро-воскового лица жужжали веселыя, золотыя мушки. Николай попробовалъ тащить трупъ подъ мышки. Мокрая спина убитаго и его тяжелая, повисшая голова легли на руки убійцы, какъ налитыя свинцомъ. Съ трудомъ протащилъ онъ трупъ нѣсколько шаговъ и въ отчаяннѣй-

бросилъ. Голова Ефрема гулко хряснулась о срубленный пенъ. Тогда Николай сѣлъ, размоталъ свои веревочные оборы, оторвалъ зубами конецъ отъ портянокъ и этимъ концомъ перевязалъ свои ноги. Веревки же онъ связалъ вдвое, зацѣпилъ ими тѣло убитаго и поволокъ его къ ручью. При первомъ же препятствіи связанныя веревки лопнули въ двухъ мѣстахъ. Тогда Николай снялъ съ себя домотканные, крѣпкіе портки и захлеснулъ ими трупъ подъ мышки. Дѣло пошло удачливѣе. Голова Ефрема стукалась о пни и деревья; молоденькія деревца и травы сгибались подъ тяжестью грузно шуршащаго тѣла.

Николай спряталъ трупъ въ самой непролазной чащѣ кустарника, куда, казалось, никогда еще не ступала человѣческая нога. Убійца долго возился съ трупомъ, отходилъ и опять подходилъ, укладывая его и закидывая землей и сломанными вѣтками. И опять онъ стоялъ въ ручьѣ и теръ пескомъ вымоченныя въ сукровицѣ штаны и портянки.

И опять, только что онъ направился домой, его остановила страшная мысль: въ городѣ Ефремъ видѣлся со своими знакомыми. Они могутъ свидѣтельствовать, что убитый ушелъ изъ города не одинъ. И это случится тотчасъ же, какъ только найдутъ трупъ Ефрема и начнутся разспросы въ городѣ, откуда они вышли оба вмѣстѣ. А найдутъ его непременно и очень скоро. Съ холодомъ, проникающимъ въ жилы, Николай вспомнилъ, что узенькая, заросшая дорожка, на которой онъ стоить, называется „воровской тропой“, что по ней, какъ разсказываютъ, водятъ мужики-конокрады сосѣдняго села украденныхъ въ смежномъ уѣздѣ лошадей. Ясно видѣлась заломленная тропочка къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ. Нужно, чтобы тѣло никогда не нашли. Но какъ скрыть его? И что будетъ зимой, когда листь облетитъ. Зарыть? онъ не сгніетъ и на будущій годъ... Внизу его вымоетъ полая вода, наверху каждый можетъ обратить вниманіе на свѣже-разрытое мѣсто, да и нечѣмъ рыть. Самое лучшее это—стащить трупъ въ такъ называемое „Чортово Болото“, куда никто не ходитъ и гдѣ каждый годъ выводятся волки. Они съѣдятъ трупъ въ три дня... И опять Николай съ блуждающимъ, безумнымъ взглядомъ, съ искаженнымъ лицомъ, неузнаваемымъ подъ татуировкой пыли и крови, которую онъ позабылъ смыть, поволокъ тѣло въ гору, съ которой только что его спустилъ. За поясъ онъ заткнулъ ножъ. Если бы кто нибудь ему встрѣтился, онъ убилъ бы на мѣстѣ.

На землю ложились сумерки, когда убійца притащилъ, наконецъ, тѣло въ топкое мшистое мѣсто, съ болотными растеніями въ ростъ человѣка и гніющими на землѣ гигантскими деревьями. Опять сталъ онъ заваливать трупъ и тутъ

только рѣшился взглянуть въ лицо убитаго... Нижняя челюсть Ефрема отвисла, обнажая рядъ бѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, глаза подернулись тонкой, тусклой пленкой, но они жили! Въ нихъ свѣтилась злорадная, торжествующая насмѣшка. Николай схватился за ножъ на поясъ. Ножа не было. Онъ обро- нилъ его въ лѣсу... Обезсиленный, сѣлъ убійца на землю, потомъ подошелъ къ Ефрему и попробовалъ сложить убитому руки крестомъ. Руки окоченѣли и не складывались. Нѣсколько разъ Николай уходилъ отъ трупa и нѣсколько разъ возвра- щался назадъ. Онъ долженъ былъ еще разъ взглянуть въ насмѣшливое, страшное лицо Ефрема, потрогать его холод- ную, тяжелую руку.

Когда совсѣмъ стемнѣло, Николай рѣшился выйти изъ лѣсу. Луна блестѣла глубоко выгнутымъ серпикомъ. Кричали перепелки. Пахло полынью и коноплей.

Николай свернулъ отъ Выселокъ въ оврагъ и вдругъ бро- сился бѣжать. Надъ оврагомъ курился бѣлесоватый туманъ, волнующійся и расходящійся какъ живой. Наверху росли подсолнухи. Они пропали и высохли еще на корню и теперь, при ночномъ вѣтрѣ, жалобно шумѣли и шуршали. Внизу тревожно квакали лягушки и гудѣли медвѣдки. Николай лѣ- тѣлъ какъ на крыльяхъ, то держась края оврага, то скаты- ваясь внизъ и ломая своей тяжестью кусты молодого орѣш- ника и дикаго вишняка. Хоръ ночныхъ голосовъ летѣлъ за нимъ. Онъ ясно слышалъ, какъ догоняетъ его что-то чер- ное, безформенное, готовое каждую минуту впиться своими острыми когтями въ его спину...

Онъ очнулся только на задахъ Ефремова дома. Тамъ онъ перепрыгнулъ черезъ плетень и прижался въ темномъ углу повѣти. Корова замычала, услышавъ приближеніе человѣка, пѣтухъ прокричалъ нѣсколько разъ нервно и задорно; на селѣ ему отвѣтили другіе пѣтушійе голоса и опять все стихло. Черезъ часа полтора изъ сѣнницы вышла доить корову Вар- вара, жена Ефрема, и обомлѣла на мѣстѣ, увидѣвъ передъ собой всклокоченнаго, растерзаннаго человѣка, выскочившаго навстрѣчу ей изъ подъ повѣти.

— Это я, тетенька Варвара, не бойся,—проговорилъ знако- мый голосъ.—Вотъ возьми порманеть. Деньги здѣсь дяди Ефрема... Тридцать восемь рублей... съ мелкими-то.

— Да гдѣ онъ самъ-то?—спросила Варвара, протягивая руку за портмонэ.

— А я.. его... убилъ... Тамъ, въ Чортовомъ Болотѣ... за- кидаль...—произнесъ Миколка, съ ужасомъ глядя въ лицо Варвары, и такъ тихо, что она скорѣе догадалась, чѣмъ услы- шала, что такое онъ ей сказалъ.

Ужасъ сообщился и ей. Она молча въ продолженіе нѣсколь-

кихъ секундъ смотрѣла, какъ зачарованная, на страшное лицо Николая. Желѣзное ведро вырвалось изъ ея рукъ и загремѣло, падая на землю. Она опомнилась и торопливо, съ суровымъ, непроницаемымъ лицомъ пошла въ избу—разбудить свекра, отца Ефрема. Въ избѣ слышались шумъ, суета. Маленькая дѣвочка опрометью побѣжала за старостой. Новость съ быстротой молніи облетѣла село. Народъ текъ къ Ефремову двору, какъ живая рѣка. Кричали, спорили, бранились. Портмонэ переходило изъ рукъ въ руки.

— Не такъ ужъ это дѣло-то! Гляди-кось, на золотыхъ-то кро-овы!—крикнула дѣвушка, сестра Ефрема.

Отецъ подошелъ къ ней, вырвалъ портмонэ и унесъ его въ мазанку.

Николай неподвижно стоялъ все на томъ же мѣстѣ, гдѣ встрѣтился съ Варварой. Къ нему подошелъ сотникъ, бѣлокурый, красивый мужикъ и трое понятыхъ.

— Ты что же, это, а?—сказалъ сотникъ.—Правда, убилъ?

— Правда...—отвѣтилъ Миколка, чуть шевеля губами.

— Вотъ дѣла! Да за што это? Гдѣ ты убилъ-то его?

— Пойдемте, я покажу.

Около дома Самариныхъ росла и прибывала толпа, многіе съ серпами въ рукахъ, и громко обсуждала событіе. Растрепанная, запыхавшаяся, съ невыразимымъ страданіемъ въ глазахъ прибѣжала туда и мать Николая, тетка Анна. Около нея бѣжали перепуганныя и заплаканныя три дѣвочки отъ тринадцати до шести лѣтъ.

— Да что это?—заговорила тетка Анна, поправляя сбившійся платокъ.—Этакого и сроду не слышали. Помутился онъ въ разумѣ. Самъ на себя нагородилъ. Нешто этого отъ дрянницы не бывать? Этакій-то парень! Мой-то Миколка! Да я сама въ лѣсъ побѣгу, погляжу...

Ей никто не отвѣчалъ. Ее какъ будто не замѣчали и только чей-то голосъ произнесъ равнодушно:

— Далеко они ушли, не догонишь. Дай срокъ: узнаемъ.

Народъ мало по малу разошелся по своимъ дѣламъ. Черезъ село, по направленію къ Выселкамъ, проскакалъ урядникъ и другой сотникъ. Ушли на свой загонъ и сестры Николая; только тетка Анна никуда не пошла и, присѣвъ на крыльцѣ амбарушки, на самомъ солнцепекѣ, просидѣла тамъ, не двигаясь, до той поры, когда понятые вернулись изъ лѣсу.

На мѣсто происшествія пошли, кромѣ сотскаго и понятыхъ, еще двое родственниковъ Ефрема и Варвары. Высокая, худая, энергичная Варвара шла впереди, молча, съ насупленнымъ, строгимъ лицомъ. Казалось, она не совсѣмъ вѣрила тому, что произошло. Сотскій нѣсколько разъ принимался спрашивать Николая о томъ, какъ и зачѣмъ онъ убилъ Ефрема,

но не получилъ никакого отвѣта. Николай только весь дрожалъ и бессмысленно-жалко улыбался.

За ночь кто-то разрылъ трупъ Ефрема и онъ лежалъ весь на виду, съ широко разведенными, окостенѣлыми ногами, съ открытымъ ртомъ и свернувшейся на сторону полуотрѣзанной головой. По его лицу и шеѣ бѣгали какіе-то крылатые жучки. Мухи жужжали и забирались въ носъ и ротъ убитаго.

Толпа на нѣкоторое время замерла передъ тѣломъ. Слышенъ былъ только однообразный, ласковый шумъ деревьевъ. Гдѣ-то весело застрекотала сорока.

И только увидѣвъ трупъ Ефрема, Варвара повѣрила, что ея мужъ убитъ.

— Охъ, о-охъ, охъ!—закричала она не своимъ, тонкимъ, жалобнымъ голосомъ и съ этимъ крикомъ упала на землю.

— Да... точно...—произнесъ кто-то.—Чего же теперь, Евлампій Іонычъ?

— Сейчасъ господинъ урядникъ подъѣдетъ. Лошадей они тамъ привязываютъ, здѣсь топко. Николая-то свяжите.

Одинъ изъ понятыхъ съ предупредительно захваченной на селѣ веревкой подошелъ къ Миколкѣ, безропотно загнущему руки назадъ. По его лицу съ застывшими кровяными брызгами и потеками бѣжали, смывая пыль и кровь, бѣжали, скатывались и опять бѣжали крупныя слезы.

— Что юни-то распустилъ, убивецъ, душегубъ окаанный?—грубо спросилъ его дядя Ефрема.—Не съ ножомъ это видно, а?

— Жалко...—отвѣтилъ Николай, всхлипывая.—Дяденьку Ефрема жалко... тетеньку Варвару... ребятишекъ... За что я его?

Къ понятымъ подошелъ урядникъ, курносый, съ рачьими глазами и тоже остановился въ нѣмомъ созерцаніи убитаго.

— До господина пристава—ни-ни!—произнесъ онъ отрывисто.—Нарядъ поставить. Н-да-съ. Дѣла великолѣпныя. Связали вы уже его? Превосходно. Ты какъ же это, сучій сынъ, товарища убилъ?

— Ножомъ,—чуть внятно отвѣтилъ Миколка.—Своимъ, хлѣбнымъ... Обронилъ я его въ лѣсу.

— Ты чуши не пори: хлѣбнымъ ножомъ такъ человѣка не располосуешь.

— Точилъ я его въ городу.

— Ахъ, каналья! Съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ,—произнесъ урядникъ злобно.

Солнце перевалило за полдни, когда понятые съ связаннымъ Николаемъ, мертвенно-блѣдной, чуть идущей Варварой вернулись въ Усовку.

Тетка Анна еще издали все увидѣла и все поняла, но сердце ея еще безумно надѣялось.

— Што тамъ... какъ... Митрій Павлычъ?—спросила она раньше другихъ подошедшаго къ избамъ пожилого мужика.

— Какъ? Сама, чай, видишь, какъ. За хорошія дѣла не свяжутъ. Качества въ Миколкѣ объявилось много, — прибавилъ онъ въ видѣ сочувствія.—А съ чего бы? Парень былъ смиренный.

— Чего не парень! Плохъ ли! Смиренство!—поддержалъ сотникъ.—Столяръ. Грѣхъ вышелъ... ночнымъ дѣломъ. Такъ видно тому ужъ и быть.

Тетка Анна обхватила крылечко амбарушки обѣими руками и припала къ нему лицомъ. Ея старое, сухое, рабочее тѣло тряслось отъ рвущихъ грудь рыданій.—Миколушка-а-а! Миколушка-а!—вырывалось у нея дикимъ, жалобнымъ воплемъ.

Никто ее не утѣшалъ. Она исполняла то, что ей единственно оставалось дѣлать.

Николая повели въ холодную. Мальчишки и дѣвчонки бѣжали за нимъ толпой, озабоченно и любопытно заглядывая въ его лицо.

А онъ весь дрожалъ и, не переставая, улыбался безсмысленной, жалкой улыбкой.

О. Рунова.

О сіонизмѣ и по поводу сіонизма.

I.

Что такое сіонизмъ? Какія задачи онъ себѣ ставитъ, какія цѣли преслѣдуетъ? Задача, объединяющая сіонистовъ всѣхъ видовъ и разновидностей, включая сюда и старыхъ палестинофиловъ,—это созданіе еврейскаго государства. Я не говорю: созданіе еврейскаго государства на Св. Землѣ, такъ какъ этотъ послѣдній символъ сіонистской вѣры,—хотя онъ и признается всѣми вождями сіонизма, которые пользуются имъ весьма усердно въ цѣляхъ пропаганды,—все же не встрѣчаетъ признанія со стороны нѣкоторыхъ еретическихъ сектъ въ средѣ сіонизма. На сіонистскихъ конгрессахъ раздавались голоса о заселеніи евреями Кипра, Аравіи; я встрѣчалъ сіонистовъ, которые называютъ себя территоріалистами, указывая этимъ названіемъ на то, что въ сіонистскомъ движеніи для нихъ важно не стремленіе въ Сіонъ, а стремленіе къ тому, чтобы устроиться самостоятельной политической жизнью на своей территоріи. Эта ересь даже древнѣе officialнаго, каноническаго сіонизма, и ея родоначальникомъ нужно считать автора: „Autoemancipation“ *). И въ лагерѣ правовѣрныхъ сіонистовъ, сіонистовъ въ собственномъ смыслѣ, существуютъ, однако, различныя фракціи, которыя относятся разнo къ общей, объединяющей всѣхъ сіонистовъ задачѣ. Для однихъ, „политическихъ“ сіонистовъ,—государство ближайшая задача; для другихъ—„духовныхъ“ сіонистовъ—оно представляется отдаленнымъ концомъ всей сіонистской работы, вѣнцомъ зданія; для однихъ государство, прежде всего, политическая организація, которая пріютитъ разсѣянныхъ и обездоленныхъ евреевъ и послужитъ для нихъ источникомъ силы; для другихъ самое важное и даже единственно важное,—это созданіе въ Палестинѣ духовно-національнаго центра, который объединилъ бы евреевъ въ разсѣяніи.

*) „Autoemancipation, ein Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden“. Брошюра, принадлежавшая одесскому доктору Пинскеру, вышла въ Берлинѣ въ 1882 году, безъ обозначенія имени автора.

укрѣпилъ бы національный духъ и оживилъ національное чувство. Духовно-національный центръ—это еврейское населеніе на Св. Землѣ, достаточно многочисленное, независимое и сильное, чтобы создать самобытную еврейскую культуру, настолько высокую, чтобы служить духовнымъ свѣточемъ и магнитомъ для всего Израиля въ разсѣяніи. Ясно, что духовно-національный центръ—это то же государство, и даже очень цвѣтущее государство, хотя временно, до увѣнчанія зданія, лишенное политическаго элемента, государственнаго суверенитета. Итакъ, различныя сіонистскія фракціи расходятся въ цѣляхъ, которыя онѣ преслѣдуютъ, въ способахъ, которыя онѣ предлагаютъ для выполненія задачи, но сама задача у всѣхъ одна—созданіе еврейскаго государства.

Создать еврейское государство! Какая смѣлая, безпримѣрно смѣлая мысль! Народъ, два тысячелѣтія тому назадъ потерявшій послѣдній остатокъ своего политическаго существованія, разсѣянный по всей землѣ; народъ, который хотя не перестаетъ признавать себя единымъ народомъ, но разныя части котораго тѣсно слились въ политическомъ, экономическомъ, а въ значительной степени и въ культурномъ отношеніи съ другими народами,—такой народъ долженъ приобрѣсть особую территорію, устроиться на ней самостоятельнымъ государствомъ и развить на ней самобытную культуру!

Мысль о созданіи еврейскаго государства можно было бы назвать грандіозной, если бы за этими словами, въ дѣйствительности, не скрывались легкомысліе и невѣжество; такъ вызываетъ въ насъ восторгъ ребенокъ, который, глядя на звѣздное небо, говоритъ: тамъ лампочки горятъ; насъ восхищаетъ смѣлость метафоры, а этотъ ребенокъ вовсе не смѣлъ и вовсе не поэтиченъ, а, какъ всѣ дѣти, дѣтски наивенъ и дѣтски невѣжественъ; для него мірадами разсѣянные въ безконечномъ пространствѣ свѣтила ничего другого и не представляютъ собою, какъ лампочки. Люди ставятъ себѣ задачей создать еврейское государство. Есть ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ словахъ? Конечно, не больше и не меньше, чѣмъ въ словахъ создать государство вообще. Если бы государства когда-либо, гдѣ либо создавались по напередъ начертанному плану, если бы государства являлись, могли являться результатомъ преднамѣренной, сознательно къ этой цѣли направленной дѣятельности людей, то можно было бы говорить и о созданіи еврейскаго государства. Можно было бы соглашаться или не соглашаться съ тѣмъ, что созданіе еврейскаго государства при данныхъ условіяхъ возможно, желательно, но говорить объ этомъ всетаки имѣло бы смыслъ. Но государства не фабрикуются, не дѣлаются ни въ редакціяхъ газетъ, ни даже въ кабинетахъ дипломатовъ. Исторія повѣствуетъ намъ о сотняхъ государствъ, рассказываетъ намъ объ ихъ зарожденіи, развитіи и ростѣ, рассказываетъ намъ, какъ они боролись за свое существо

ваніе, разрушались и гибли, и какъ на ихъ развалинахъ выросли другія государства. И среди всѣхъ этихъ государствъ, мы не находимъ ни одного такого, которое было бы создано по заранее обдуманному плану, явилось бы результатомъ чьихъ-либо замысловъ. Всемирная исторія не знаетъ случая, когда бы какая либо группа людей—родъ, племя, народъ, орда—вздумала бы въ одно прекрасное утро создать государство, а, вздумавъ, создала бы его. И въ древнія, и въ новыя времена государства являлись *результатомъ* дѣятельности человѣческихъ массъ, но никогда не служили *цѣлью* этой дѣятельности. „Отцы странники“, переплывавая въ 1620 году океанъ, чтобы поселиться въ Новомъ Свѣтѣ, также мало имѣли въ виду создать великую заатлантическую республику, какъ мало тѣ варвары, постоянныя передвиженія и столкновенія которыхъ въ продолженіе семи столѣтій придавали, по выраженію историка, древнему міру видъ чана съ кипящей водой, думали о томъ, чтобы создать тѣ европейскія государства, которыя явились *результатомъ* ихъ передвиженій и столкновеній. По ту, какъ и по сю сторону океана *цѣлью* человѣческихъ дѣйствій служило не созданіе государствъ, а удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей; государства же, при наличности благоприятныхъ для этого условій, явились *результатомъ*, но не служили *предназначенной цѣлью* ихъ дѣятельности. И тутъ, и тамъ люди, какъ вездѣ и всегда, дѣйствовали подъ давленіемъ своихъ повседневныхъ потребностей и нуждъ; и тутъ, и тамъ ихъ дѣйствія, какъ дѣйствія всякой силы въ природѣ, направлялись въ сторону наименьшаго сопротивленія. Пуритане искали свободы совѣсти и спокойствія. То и другое можно было въ то время найти лишь за океаномъ, и они переплыли океанъ. Эти же и другія нужды гнали тысячи другихъ людей туда же, и *результатомъ* дѣятельности всѣхъ этихъ массъ, среди которыхъ никто не думалъ о созданіи государства, а всякій думалъ о непосредственномъ, возможно близкомъ и возможно легкомъ удовлетвореніи своихъ нуждъ, явились, при наличности благоприятныхъ для этого условій, государства. Въ XIX столѣтіи переѣхали изъ Европы и Азіи въ Америку огромныя массы людей, въ особенности въ Сѣв. Америку. Переѣзжали массами китайцы, итальянцы, нѣмцы, переѣхали сотни тысячъ ирландцевъ, переѣхало за послѣдніе 20 лѣтъ свыше 800.000 русскихъ евреевъ. И, однако, эти огромныя иммигрирующія массы не создали въ Новомъ Свѣтѣ ни одного государства, не создали потому, что условія были для этого неблагоприятны, и самымъ неблагоприятнымъ условіемъ нужно считать существованіе на этомъ материкѣ большихъ, могущественныхъ, съ цвѣтущей культурой государствъ, въ которыхъ иммигрирующіе весьма легко находили непосредственное удовлетвореніе своимъ непосредственнымъ нуждамъ.

Тоже происходитъ по сю сторону океана. Варвары, сгоняемые

съ своихъ мѣстъ другими варварами, ища земли и добычи, бросаются на римскую имперію, гдѣ они думаютъ найти и то, и другое. По тѣмъ же мотивамъ дѣлаютъ то же другіе варвары и сталкиваются съ первыми; тѣ и другіе—съ третьими, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ этотъ водоворотъ не были втянуты всѣ бродившіе въ предѣлахъ тогдашняго міра варвары, и пока не установилось нѣкоторое равновѣсіе силъ, послѣ многовѣковой ихъ борьбы. Современные европейскія государства представляютъ собой продуктъ многовѣковой человѣческой дѣятельности, многовѣковой траты колоссальной энергіи; и, однако, эта энергія тратилась не для созданія этихъ государствъ. Такъ всегда создавались государства и только такъ они могутъ создаваться. Государство — многосложный комплексъ, существованіе котораго опредѣляется равновѣсіемъ внутри и внѣ его дѣйствующихъ силъ—существуетъ не потому, что о его созданіи люди позаботились, а потому, что каждый на своемъ мѣстѣ дѣлаетъ то, *чего не дѣлать онъ не можетъ*, что онъ долженъ былъ дѣлать, повинувшись властному приказу своихъ нуждъ и потребностей. Ставить народу задачу создать государство—значитъ предлагать ему подчинять свою жизнь не этому властному приказу, а чему-то другому, стоящему въ противорѣчій съ его непосредственными интересами, ибо если бы не существовало такого противорѣчія между непосредственными интересами народа и задачей создать государство, государство явилось бы само собою, результатомъ его жизни, какъ явились всѣ государства. Но народъ такъ же не можетъ перескочить черезъ свои непосредственные потребности, какъ не можетъ человѣкъ перескочить черезъ самого себя. И ни дипломатія, ни акція, ни проповѣди, ни „оживленіе сердецъ“ ничего въ этомъ отношеніи измѣнить не могутъ.

Эмиграціонное движеніе среди русскихъ евреевъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ служить какъ бы живой иллюстраціей этого. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ началась подъ давленіемъ нужды, усиленной еще погромами, эмиграція евреевъ изъ Россіи. Почти съ самаго начала эмиграціонный потокъ, раздвоившись, направился отчасти въ Палестину, отчасти въ Сѣв. Америку. Съ тѣхъ поръ эмиграціонное движеніе, то ослабѣвая, то усиливаясь, почти не прекращается. Сіонистская пропаганда, возникшая при самомъ началѣ движенія подъ названіемъ палестинофильства, неутомимо съ тѣхъ поръ зоветъ евреевъ на Востокъ. Какіе же результаты дала эта пропаганда? Направился-ли главный эмиграціонный потокъ по указанному ею руслу? Пошли-ли евреи на Востокъ? Нѣтъ, они пошли на Западъ, далекій Западъ. Въ Соединенные Штаты и западно-европейскія государства выѣхало за это время изъ Россіи около милліона евреевъ. Въ Палестину-же переехало нѣсколько тысячъ, да и изъ нихъ огромное большинство или вернулось въ Россію, или уѣхало оттуда въ Америку. Тѣ же немногіе,

которые остались, влечать жалкое существованіе. И это послѣ того, что на эту затѣю были истрачены груды золота (40 милліоновъ франк.) *). Эти факты, конечно, общеизвѣстны. Но любопытно отношеніе сіонистовъ къ нимъ. Зная все это, они преспокойно продолжаютъ свои разговоры о еврейскомъ государствѣ на Св. Землѣ, дебатируютъ вопросъ о постепенномъ или массовомъ заселеніи евреями Палестины, продаютъ акціи, **) собираютъ „шекелі“, ***) трактуютъ о чартерѣ ****) и занимаются политикою несуществующаго государства. Поставить вопросъ о томъ, пойдутъ ли евреи въ Палестину, могутъ-ли они туда пойти, сіонисты, очевидно, считаютъ излишнимъ. Сбытъ акцій, несомнѣмъ, впрочемъ, успѣшный, поступленіе „шекелей“, кружекъ, „центры“, делегаты, конгрессы—все это сіонисты, очевидно, считаютъ болѣе убѣдительными доказательствами стремленія евреевъ въ Сіонъ, чѣмъ массовой протестъ противъ Сіона, высказанный не словомъ, а дѣломъ милліонами евреевъ, направившихся на Западъ, когда ихъ звали на Востокъ, и тысячами оставившихъ Обѣтованную Землю ужъ послѣ того, какъ они ея достигли. Конечно, если продаются акціи, собираются сіонистскіе конгрессы и т. д., то на это должны быть свои причины, и я дальше постараюсь выяснитъ ихъ, но считать безъ дальнѣйшихъ поясненій весь этотъ шумъ серьезнымъ выраженіемъ потребности еврейскаго народа устроиться государственной жизнью на Св. Землѣ—и само по себѣ, и, въ особенности, при наличности такихъ результатовъ эмиграціоннаго движенія, о которыхъ я говорилъ, по меньшей мѣрѣ, наивно.

Если народная масса, поднятая силой обстоятельствъ съ своихъ насиженныхъ мѣстъ, устремилаcь не на близкій и родной ей, по преданіямъ, Востокъ, а на далекій и чужой Западъ, то на это, конечно, должны были быть важныя причины. И эти причины такъ очевидны и просты, что никакихъ глубокихъ изслѣдованій не нужно для ихъ раскрытія. Еврей, вынужденный оставить свою родину, направляется туда, куда направился бы всякій другой человекъ, представитель всякой другой народности при подобныхъ-же условіяхъ, т. е. направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія. Русскій еврей, прибывшій въ Нью-Йоркъ, Фила-

*) Если ничтожное количество евреевъ, направившихся въ Палестину еще можетъ отчасти быть объяснено препятствіями, которыя ставило турецкое правительство русско-еврейскимъ эмигрантамъ при ихъ высадкѣ въ палестинскихъ гаваняхъ, то ничѣмъ инымъ, какъ фантастичностью предпріятія, нельзя объяснить то, что большинство изъ поселившихся тамъ вынуждены были оставить страну, и что ряды ихъ весьма замѣтно рѣдѣютъ и въ настоящее время.

**) Акціи еврейскаго колонизаціоннаго банка.

***) «Шекель» — монета древнихъ евреевъ, — 40 коп., уплачиваемая каждымъ сіонистомъ и идущія на покрытіе расходовъ по пропагандѣ.

****) Чартеръ — хартія турецкаго султана, которой обезпечивалась бы автономія евреевъ въ Палестинѣ.

дельфію, Бостонъ и т. д. не только можетъ разсчитывать скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, найти здѣсь для себя пропитаніе, одѣться джентльменомъ и послать въ Россію роднымъ дешевую фотографію на жести, но всѣ эти блага онъ можетъ здѣсь добыть для себя путемъ наиболѣе для него сподручнымъ, трудомъ наиболѣе для него привычнымъ, и при условіяхъ наиболѣе для него привлечательныхъ. Разносить по фермамъ товары, работать на фабрикѣ, наскоро подготовиться къ экзамену и поступить въ аптеку и т. д., и т. д.—все это, вѣдь, формы труда, давно ему знакомы и привычны. А тутъ еще, окончивъ свою работу, онъ можетъ послушать лекцію, попасть на общественное собраніе, участвовать или присутствовать на митингѣ и т. п.—это ужъ такіа блага, о которыхъ онъ на своей родинѣ могъ только мечтать. При этомъ ему не приходится отказываться ни отъ одной изъ своихъ привычекъ, ни отъ одного своего обычая или вѣрованія, если только онъ ими дорожить. Я помню, какъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ эмиграціоннаго движенія, произошла заминка. Многіе, которые готовы были ѣхать, колебались, выжидали. У правовѣрныхъ евреевъ явилось сомнѣніе, можно-ли за океаномъ сохранить въ чистотѣ религію своихъ отцовъ; носились слухи, что въ Америкѣ нельзя достать кошернаго мяса, невозможно соблюдать субботу, и народъ колебался. Но скоро стало извѣстно, что въ Америкѣ можно имѣть не только настоящихъ правовѣрныхъ „шойхетовъ“ и „дайономъ“, но, если угодно, то и падикомъ можно обзавестись. Последнее препятствіе рухнуло. Америка оказалась стороною наименьшаго сопротивленія во всѣхъ отношеніяхъ, и народный потокъ хлынулъ съ неудержимой, чистостихійной силой. Напрасно дѣйствовавшій тогда въ Бродахъ комитетъ предупреждалъ, что нѣтъ возможности переправлять одновременно черезъ океанъ такую массу людей, напрасно онъ указывалъ на угрожающія эмигрантамъ бѣдствія отъ большого скопленія ихъ въ Бродахъ и другихъ пунктахъ отправленія.

Таковы простыя, элементарныя причины, направившія еврейскій эмиграціонный потокъ въ Соединенные Штаты. Именно элементарность этихъ причинъ оказывается гибельной для теоріи сіонизма. Сіонизмъ разсчитываетъ на передвиженіе массъ не туда, гдѣ эти передвигающіяся массы найдутъ удовлетвореніе своимъ непосредственнымъ потребностямъ, тѣмъ самымъ потребностямъ, неудовлетвореніе которыхъ и подняло ихъ съ насиженныхъ мѣстъ, а туда, гдѣ, по мнѣнію того или другого прожектера, больше всего шансовъ для созданія въ будущемъ государства. Но такихъ передвиженій исторія не знаетъ, и не можетъ ихъ и быть. Лишите человѣка его потребностей, — матеріальныхъ и духовныхъ, — и вы отнимете у него всякій мотивъ къ дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія теорія „постепенновцевъ“, мечтающихъ о медленномъ заселеніи Палестины евреями, еще болѣе фантастична, чѣмъ тео-

рія, такъ называемыхъ, политическихъ сіонистовъ, мечтающихъ о массовомъ передвиженіи евреевъ въ Палестину, такъ какъ, согласно ихъ—„постепенновцевъ“—теоріи, осуществленіе цѣли движенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна служить для него и сауса поченс, отодвигается въ глубь будущаго на цѣлыя тысячелѣтія. Выходить, что нѣкоторая отвлеченная идея, которая, по мнѣнію самихъ творцовъ ея, можетъ превратиться въ реальность лишь тысячелѣтія спустя, должна служить реальной причиной реальныхъ передвиженій живыхъ людей, съ ихъ живыми страстями, нуждами и потребностями. Мало того. Не только невозможно говорить о дѣятельности, сознательно направленной на созданіе государства, но при современномъ положеніи евреевъ немислимы и такія передвиженія ихъ, которыя въ результатѣ, хотя бы и непредвидѣнномъ, дали бы еврейское государство, ибо какія бы обстоятельства ни послужили причиной передвиженія массъ еврейскаго народа, стороною наименьшаго сопротивленія для исконныхъ жителей городовъ всегда будетъ страна съ высоко-развитой городской культурой, слѣдовательно, страна, въ которой нѣтъ мѣста новымъ государственнымъ организмамъ. Это произноситъ окончательный приговоръ надъ всякаго рода проектами сіонистскаго характера, безразлично, идетъ ли рѣчь о Сіонѣ или Кипрѣ, о государствѣ или правоохранномъ убѣжищѣ,—словомъ, надъ всѣми тѣми проектами, которые кладутъ въ основаніе свое не благо, возможнымъ minimum'омъ затраченныхъ силъ достигнутое, благо тѣхъ самыхъ людей, которые первые пойдутъ выполнять эти проекты, а какія-то отдаленныя цѣли, которыя, по соображеніямъ прожектеровъ, должны быть осуществлены для блага „народа“.

Главаріи сіонизма, когда имъ указываютъ на печальные результаты колонизаціонной дѣятельности могущественнаго барона Ротшильда въ Палестинѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: дѣятельность Ротшильда въ Палестинѣ такъ же, какъ и аргентинское предпріятіе—это филантропическія затѣи, наше же дѣло—дѣло народное, сіонизмъ—народное движеніе, а передъ народнымъ движеніемъ никакія препятствія не устоятъ. Народное движеніе! Но вѣдь весь вопросъ въ томъ именно и состоитъ, народное-ли движеніе сіонизмъ. Что такое народное движеніе? Въ чемъ сила народнаго движенія? Вѣдь народнымъ движеніемъ только и можетъ быть названо движеніе, направленное къ удовлетворенію непосредственныхъ народныхъ потребностей. Но таковъ-ли сіонизмъ? Мы уже видѣли, что онъ представляетъ собою нѣчто противоположное этому.

Сіонисты, начиная съ покойнаго д-ра Пинскера, думаютъ найти аналогію сіонистскому движенію въ такъ называемыхъ національныхъ движеніяхъ XIX вѣка, результатомъ которыхъ явились те-перешнія Греція, Италия и Германія, какъ самостоятельныя и

единныя государства. Но невѣрность этой аналогіи очевидна. Будемъ-ли сравнивать сіонистское движеніе съ движеніемъ грековъ, итальянцевъ или нѣмцевъ, мы всюду натолкнемся на одно и то же глубокое различіе между сравниваемыми предметами. И итальянцы, и греки, и нѣмцы сидѣли болѣе или менѣе сплошными массами на своей землѣ. Чтобъ создать свое государство, имъ ничего не нужно было бросать, никуда не нужно было уходить. Они жили своей особой жизнью до начала движенія и этой же жизнью продолжали жить и послѣ того, какъ движеніе началось. Ни съ чѣмъ, кромѣ того, что они ненавидѣли, имъ не приходилось порывать; никакой ломки въ своей жизни имъ не приходилось совершить; никакихъ новыхъ навыковъ, симпатій и антипатій населенію пріобрѣтать не приходилось. Въ массѣ населенія жили не только всѣ положительныя, но и всѣ отрицательныя качества и свойства, необходимыя для современнаго государства. Въ сущности всѣ элементы государства были налицо. Была земля, было населеніе, жившее на ней своей особой жизнью, считавшее эту землю своей и въ дѣйствительности пользовавшееся ею. Недоставало только государственнаго суверенитета, который находился въ чужихъ рукахъ, и его то, а не государства, приходилось добиваться. Государство же, которое хотятъ создать сіонисты, должно, дѣйствительно, быть создано цѣликомъ, должны быть созданы всѣ ингредиенты, составляющіе многосложный комплексъ, называемый государствомъ, — территорія, народъ (евреевъ, если рѣчь идетъ о государствахъ, въ дѣйствительности не существуетъ: евреи тогда распадаются на русскихъ, германцевъ, англичанъ и т. д.), связь между ними, экономическій строй, социальная структура, духовный укладъ, политическая форма. Ясно, что только употребляя слово „государство“ въ двойномъ смыслѣ, то въ смыслѣ государственнаго суверенитета, когда рѣчь идетъ о западно-европейскихъ народахъ, то въ собственномъ смыслѣ этого слова, когда рѣчь идетъ о евреяхъ, можно обозначать однимъ и тѣмъ же словомъ столь различныя вещи, какъ то, что выполнено было европейскими народами, и то, что ставятъ себѣ какъ цѣль сіонисты. Ясно, что вся аналогія покоится только на этомъ злоупотребленіи словомъ.

Главный интересъ этого сопоставленія сіонистскаго движенія съ „національными“ движеніями XIX вѣка состоитъ, однако, не въ томъ, что эта аналогія, служившая и продолжающая служить аргументомъ въ сіонистскихъ теоріяхъ, оказывается до очевидности невѣрной, а въ томъ, что это сопоставленіе, продуманное до конца, показываетъ намъ, что не съ различными лишь явленіями имѣемъ здѣсь дѣло, а съ прямо противоположными. Если бы противъ сіонизма можно было возразить лишь то, что его задача гораздо труднѣе задачи, выполненной европейскими народами, что она и вообще необычайно трудна, то это возраженіе, взятое само

по себѣ, было бы, несомнѣнно, очень слабо, и оно во всякомъ случаѣ не могло бы доказать невыполнимость данной задачи. Нѣтъ такой трудности на землѣ, которой бы человѣческая энергія не въ состояніи была преодолѣть, если только не ограничивать ее опредѣленнымъ временемъ. Упорный трудъ и энергія человѣка постепенно измѣнили даже внѣшній видъ планеты, на которой онъ живетъ. Еще большій подвигъ былъ совершенъ человѣкомъ: упорнымъ и непрерывнымъ въ теченіе безчисленнаго количества вѣковъ трудомъ человѣкъ преобразилъ себя изъ звѣря въ человѣка, „созданнаго по образу и подобию Божьему“. Именно такъ смотрѣлъ на дѣло д-ръ Пинскеръ, когда онъ говорилъ, что „dem tausendjährigen Wanderer darf kein noch so weiter Weg zu lang sein“. Поковой для сіонизма является не абсолютная трудность его задачи, а относительная, то, что, говоря фигурально, изъ всѣхъ путей путь въ Сіонъ наиболѣе трудный. Трудъ и энергія человѣка, какъ всякая энергія, все преодолѣютъ, если они не ограничены временемъ. „Капля долбитъ камень, постоянно падая“. Но „капли“ человѣческой энергіи, какъ и всякой другой, лишь тогда будутъ, не переставая, долбить и долбить лежащій на ихъ пути „камень“, когда онѣ будутъ къ этому *вынуждены*, вынуждены тѣмъ, что этотъ путь, сколько бы трудностей онъ ни представлялъ, все же представляетъ ихъ меньше, чѣмъ всякій другой. Если человѣческій родъ въ продолженіе неизмѣримаго количества вѣковъ, потративъ неисчислимое количество энергіи, измѣнилъ даже внѣшній видъ земли, на которой онъ живетъ, то дѣлалъ онъ это потому, что не дѣлать не могъ. Какъ ни безмѣрно великъ трудъ, при этомъ выполненный, какъ ни безмѣрно велики жертвы, при этомъ принесенныя, все же это наименьшій трудъ и наименьшія жертвы, которые, при всей совокупности наличныхъ условій, родъ человѣческій долженъ былъ выполнить и принести въ своемъ неизбѣжномъ стремленіи удовлетворить своимъ потребностямъ и нуждамъ. Сіонизмъ же предполагаетъ трату человѣческой энергіи въ теченіе длиннаго ряда поколѣній не потому, что эта трата неизбѣжна для удовлетворенія потребностей этихъ самыхъ поколѣній, а потому, что она необходима, по теоріи сіонистовъ, для благополучія еврейскаго народа, отвлеченнаго существа внѣ времени и пространства. Короче говоря, сіонизмъ предполагаетъ движеніе въ сторону наибольшаго сопротивленія.

Этого не отрицаютъ и сами сіонисты. Теоретикъ сіонизма г. Гинцбергъ *) видитъ даже причину неуспѣшности колонизаціи Палестины евреями, предпринятой въ восьмидесятые годы, въ

*) І. И. Гинцбергъ, извѣстный въ древне-еврейской печати подъ псевдонимомъ «Ахадъ-Гаамъ»; авторъ многихъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ на древне-еврейскомъ языкѣ; въ 1895 году эти статьи вышли отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «На перепутьи».

томъ, что туда пошли люди ради „выгоды“, а не по идеѣ. А изъ другой его статьи мы узнаемъ, что подъ словомъ „выгода“ нужно понимать всѣ матеріальныя и духовныя потребности человѣка, кромѣ „національной идеи“. „Слѣдуетъ хорошенъко различать между еврейскими общественными вопросами, касающимися матеріальнаго благосостоянія и общечеловѣческаго духовнаго развитія многихъ человѣческихъ индивидовъ, принадлежащихъ къ еврейскому народу,—и между вопросами еврейской жизни, касающимися всего еврейства, какъ цѣльной духовно-исторической и національно-культурной единицы. Палестинская идея отвѣчаетъ лишь на вопросы послѣдняго рода. На вопросы перваго рода, на вопросы, что дѣлать массѣ еврейскаго голоднаго люда, какъ разсѣять тьму и невѣжество, еще понинѣй всевластныхъ въ большихъ слояхъ еврейской массы, и т. п.,—должны дать отвѣты филантропы, эмиграція въ Америку, устройство ремесленныхъ и земледѣльческихъ школъ и т. д.“ *). Вы имѣете здѣсь признаніе, что съ голодомъ массы, ея невѣжествомъ и тому подобными явленіями легче бороться всякими другими путями, чѣмъ путемъ сіонизма, иначе говоря, непосредственныя матеріальныя и духовныя потребности евреевъ удовлетворяются легче всякимъ другимъ путемъ, но для осуществленія „національной идеи“ нужно отправляться въ Сіонъ. И всему этому хотѣли найти аналогію въ такъ называемыхъ національныхъ движеніяхъ западно-европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ!

Достаточно напомнить лишь нѣкоторыя черты европейскихъ національныхъ движеній, чтобы убѣдиться, что слово „національный“ явилось здѣсь блуждающимъ огонькомъ, который завелъ сіонистовъ въ болото. Припомнимъ въ общихъ чертахъ положеніе, наприимѣръ, Германіи до національнаго движенія и нѣкоторыя черты самаго движенія. Прежде всего нѣмцамъ не было никакой нужды заботиться о своемъ „духовно-историческомъ я“, о своемъ „національно-культурномъ типѣ“. Духовно-историческое „я“ нѣмцевъ чувствовало себя въ то время очень хорошо, и ничто ему не угрожало. Лессингъ гораздо раньше освободилъ нѣмецкую литературу отъ владычества французовъ, чѣмъ нѣмецкіе полководцы (при содѣйствіи, впрочемъ, русскихъ войскъ и Веллингтона) освободили отъ ихъ владычества нѣмецкія земли. Нѣмцы уже тогда были великимъ народомъ въ поэзіи и въ философіи; въ рядахъ своихъ духовныхъ вождей они уже тогда насчитывали такія великія имена, какъ Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Кантъ и др. Они имѣли великую „національную“, „самобытную“ культуру, ни откуда не угрожаемую. Словомъ, какъ нѣмцы, они могли себя

*) I. Клаузеръ. «Духовный сіонизмъ и его главный представитель». С.-Петербургъ 1901 г.; стр. 13. «Главный представитель» — упомянутый выше I. И. Гинцбергъ. См. также «На перепутьи», 65—69.

чувствовать отлично. Но, за то, какъ люди, нѣмцы чувствовали себя весьма неудовлетворительно. Германской имперіи уже не существовало, но существовали, въ видѣ пережитка средневѣковья, королевства, курфюршества, великія герцогства, просто герцогства, княжества, которыя составляли нѣкогда имперію; нѣкоторыя изъ нихъ не превосходили по своей величинѣ русской волости, но ихъ все еще было болѣе 30-ти. Каждое изъ этихъ „государствъ“ имѣло свой дворъ. Нѣкоторые изъ дворовъ покровительствовали наукѣ и искусству, но всѣ содержали тайную полицію и шпионовъ, и всѣ обходились очень дорого. Чтобы проѣхать Германію изъ конца въ конецъ, нѣмцу приходилось по крайней мѣрѣ разъ двадцать распаковывать свои чемоданы и выворачивать свои карманы передъ жандармами въ безчисленныхъ таможенныхъ, которыми усыяна была страна; столько же разъ оплачивался пошлиной туюъ товара, путешествовавшій по странѣ. И это въ девятнадцатомъ вѣкѣ, вѣкѣ промышленности, жизненнымъ нервомъ которой служить безпрепятственное сообщеніе и возможно легкій обмѣнъ! Было, конечно, еще много другихъ прелестей, проистекавшихъ отъ раздробленности страны, отъ изобилія государствъ и государей. Каждое государство, напимѣръ, имѣло свою цензуру, а такъ какъ у каждого барона своя фантазія, то книга, которую безпрепятственно могъ читать одинъ нѣмецъ, была запретнымъ плодомъ для другого нѣмца, который жилъ на разстояніи одной мили отъ перваго, но уже въ другомъ государствѣ. И такъ долженъ былъ жить великій народъ съ богатой литературой на родномъ языкѣ, народъ, среди котораго уже въ то время грамотность была весьма распространена! А союзный сеймъ, состряпанный на Вѣнскомъ конгрессѣ, чтобы служить выразителемъ единства Германіи, только для того, кажется, и существовалъ, чтобы служить объектомъ для злыхъ насмѣшекъ Гейне и жгучей сатиры Берне. Не ясно-ли, что не нужно было обладать особымъ, шестымъ, „національнымъ“ чувствомъ, чтобы желать разстаться съ такими прелестями? Не ясно-ли, что причиной нѣмецкаго „національнаго движенія“ служило то, что всегда служить причиной историческихъ движеній,—стремленіе къ удовлетворенію назрѣвшихъ у большинства индивидовъ націи потребностей? „Національнымъ“ движеніе было постольку, поскольку въ движеніе приходили люди одной и той же націи, что является простымъ слѣдствіемъ того, что и нація и потребности, служащія причиной движенія, суть продукты одной и той же исторической жизни. Та же двухтысячелѣтняя исторія, которая изъ херусковъ, гамбровъ, хавковъ и т. д. создала нѣмцевъ, создала также тотъ порядокъ вещей, который на всѣхъ лежалъ гнетомъ, и отъ котораго всѣ хотѣли освободиться. Не всѣ, впрочемъ. Выслѣживали же *нѣмецкіе* полицейскіе *нѣмецкихъ* студентовъ, изъ петлицъ которыхъ выглядывали *національные нѣмецкіе* цвѣта. И я думаю,

что въ жилахъ этихъ полицейскихъ текла такая же чисто нѣмецкая кровь, какъ и въ жилахъ самихъ студентовъ. При подводѣ итоговъ движенію тоже, какъ видно, не національные мотивы имѣли рѣшающее значеніе: чисто-нѣмецкое государство, — Австрія, — глава котораго въ теченіе столѣтій носилъ національную корону нѣмецкаго императора, оказалось за порогомъ объединенной Германіи. Очевидно, „національное“ движеніе нѣмцевъ было движеніемъ, направленнымъ къ удовлетворенію непосредственныхъ, назрѣвшихъ потребностей націи, борьбою за блага, имѣющія цѣнность для членовъ этой націи, какъ для *людей*, а не какъ для *нѣмцевъ*, и рѣшающее слово въ борьбѣ принадлежало, какъ всегда, силѣ, обыкновенной, человѣческой, а не специфически „національной“ силѣ. Если еще прибавить къ этому, что движеніе обнимало собою не болѣе двухъ поколѣній, что вся работа, при всей ея громадности, была выполнена въ теченіе полулѣтя, что почти каждый шагъ этого движенія сопровождался результатами, которые ужъ сами по себѣ имѣютъ цѣнность — таможенный союзъ, конституція 48 года, Сѣверо-германскій союзъ и др. — то намъ станетъ ясно, что здѣсь люди боролись за блага, которыя, при всей ихъ огромной важности для поколѣній близкаго и отдаленнаго будущаго, были раньше всего *ихъ* благами, удовлетвореніемъ *ихъ* непосредственныхъ потребностей въ буквальномъ смыслѣ слова, и боролись при этомъ единственно возможнымъ для нихъ путемъ. Не могли же, въ самомъ дѣлѣ, всѣ 40 милліоновъ нѣмцевъ оставить родную страну и искать удовлетворенія своимъ потребностямъ въ чужихъ краяхъ, какъ это сдѣлали 113,000 нѣмцевъ въ 1851 году, когда, казалось, дѣло свободы потерпѣло крушеніе! Къ такимъ же выводамъ мы пришли бы, остановившись на любомъ другомъ изъ великихъ національных движеній девятнадцатаго вѣка. Основные черты, характеризующія національныя движенія, всюду тѣ же. Цѣлью, причиной, мотивами такого движенія, всегда является нѣчто, имѣющее цѣну для большинства индивидуумовъ націи, какъ людей. Национальнымъ такое движеніе называется, во-первыхъ, потому, что оно производится націей и для націи, въ противоположность распорядительству чужеземнаго завоевателя, какъ это было, напр., въ Ломбардіи, и, во-вторыхъ, по тѣмъ особенностямъ, которыми движеніе въ средѣ одного народа можетъ отличаться отъ движенія въ средѣ другого народа. Въ этомъ смыслѣ всякое движеніе широкихъ общественныхъ слоевъ и народныхъ массъ всегда національно, такъ какъ никакой народъ не можетъ выступить на историческую арену въ костюмѣ первороднаго всечеловѣка; онъ выступаетъ въ своемъ историческомъ костюмѣ и придаетъ своему движенію черты своего историческаго уклада и переживаемаго имъ историческаго фазиса. Но эти особенныя черты являются лишь сопутствующими явленіями движенія, формой его проявленія, а

не цѣлью и мотивомъ его. *Такое движеніе, будучи выраженіемъ требованій жизни, въ основѣ своей всегда прогрессивно.*

Но съ національнымъ движеніемъ не должно смѣшивать націоналистскую пропаганду. Тутъ самобытность, обособленность является цѣлью. Не развитіе націи пропагандируетъ націонализмъ, а національное развитіе, сохраненіе и развитіе „національнаго духа“. Къ этому націоналисты обыкновенно еще прибавляютъ слова: „на общечеловѣческихъ началахъ“. Но это ничуть не измѣняетъ сущности дѣла. Ибо подъ этими словами подразумѣвается не возможное при данныхъ реальныхъ условіяхъ прогрессивное развитіе націи, при которомъ „національный духъ“, т. е. элементы прошлаго, служили бы однимъ изъ ингредиентов этого развитія, а подчиненіе реальной жизни, реальнаго развитія жизни принципу самобытности.

Что же такое представляетъ собой сіонизмъ; національное движеніе, или націоналистскую пропаганду? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ все сказанное до сихъ поръ. Мы видѣли, что сіонизмъ, по самой сущности своей задачи, предполагаетъ подчиненіе живыхъ потребностей живой націи отвлеченному принципу самобытности. Сіонизмъ не національное движеніе, а націоналистская пропаганда.

II.

Противники сіонизма неоднократно указывали на то сродство, которое существуетъ между сіонизмомъ, антисемитизмомъ, націонализмомъ и другими реакціонными движеніями нашего времени. Сіонисты и родственные имъ по духу еврейскіе націоналисты съ негодованіемъ отвергаютъ эти обвиненія, какъ недостойную клевету. „Какъ“, восклицаютъ они, „насъ отождествляютъ съ націоналистами—реакціонерами! Но тѣ проповѣдуютъ подавленіе другихъ націй, мы же подавлять никого не хотимъ, а добиваемся свободы для себя!“ Но никакими восклицаніями, никакими негодующими возгласами не измѣнишь своего естества. Реакція—родимое пятно на челѣ сіонизма; и водъ Иордана не хватитъ, чтобы смыть съ него это пятно; съ нимъ сіонизмъ перейдетъ и въ исторію. „Мы никого не хотимъ подавлять“. Какое великодушіе! Люди, въ распоряженіи которыхъ не имѣется ни одной пушки, ни одного фунта пороху, никого не хотятъ подавлять. При наличности извѣстныхъ принциповъ стремленіе подавлять „другихъ“ явится въ свое время, явится, какъ всегда, лишь только окажутся въ наличности необходимыя для этого силы. „Тѣ хотятъ подавлять другія національности“. Но развѣ это есть характерный признакъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ отождествляютъ сіонистовъ ихъ противники? Развѣ французскій націонализмъ, на примѣръ, характеризуется тѣмъ, что онъ стремится подавить другія на-

ціональности? Нѣтъ, онъ гораздо больше, чѣмъ съ инородцами, воюетъ съ французами—Жоресомъ, Клемансо, Бриссономъ и всѣмъ, что есть передового во Франціи. Развѣ наши „патріоты“, „истинно-русскіе люди“, тѣмъ характеризуются, что съ наслажденіемъ травятъ евреевъ, поляковъ, армянъ и другихъ инородцевъ? Нѣтъ, это только одинъ изъ пунктовъ ихъ программы и даже не самый существенный. Борьба „съ либералами, лжерусскими“, упроченіе „основъ“, охраненіе „истинно-русскихъ началъ“—вотъ ихъ задача. Какія бы причины ни породили французскій націонализмъ, какіе бы мотивы ни руководили нашими „патріотами“, но на своемъ знамени тѣ и другіе написали тотъ лозунгъ, который сіонисты въ своей наивности отъ нихъ переняли, какъ драгоценный даръ. Этотъ лозунгъ: *охраненіе*,—охраненіе отъ тлетворнаго вліянія не столько инородцевъ, сколько своихъ же братьевъ, блудныхъ сыновъ націи. Во имя этого лозунга французскіе націоналисты воюютъ со всѣмъ, что есть передового во Франціи, объявляя измѣнниками всѣхъ тѣхъ, которые ведутъ народъ по пути общечеловѣческаго прогресса; съ этимъ же лозунгомъ на устахъ „спасаютъ“ отечество наши русскіе „охранители“. Но развѣ не то же самое дѣлаютъ сіонисты? Развѣ они не подступаютъ ко всякому движенію, ко всякому явленію въ еврейской жизни съ вопросомъ „истинно-еврейское-ли оно“? Они не спрашиваютъ, хорошо-ли оно или плохо, прогрессивно-ли оно или нѣтъ, нужно-ли оно или не нужно евреямъ; первое и единственное, что они спрашиваютъ это,—еврейское-ли оно. Всѣ прогрессивныя стремленія еврейскаго народа, всѣ его стремленія усвоить общечеловѣческую культуру и участвовать въ ней, какъ и поскольу это для него возможно при данныхъ реальныхъ условіяхъ, наши еврейскіе націоналисты и сіонисты клеймятъ словомъ: „ассимиляція“, какъ ихъ французскіе братья клеймятъ все, что есть лучшаго во Франціи словомъ „измѣна“. Чтобы считать какое-нибудь дѣло еврейскимъ, для сіонистовъ недостаточно, что это дѣлаютъ евреи и для евреевъ, что цѣль его—благо и прогрессъ еврейскаго народа, для этого сіонистамъ еще нужно, чтобы дѣло служило *сохраненію* евреевъ. *Охранять*—вотъ тенденція сіонистовъ, еврейскихъ и всякихъ иныхъ націоналистовъ. Но эта тенденція во всѣ времена и у всѣхъ народовъ была, есть и будетъ реакціонная тенденція, такъ какъ она подчиняетъ величайшій принципъ человѣческой жизни—прогрессивное развитіе человѣческой природы—убокому домыслу того или другого праздномыслящаго охранителя. Сіонизмъ, какъ всякій націонализмъ, какъ всякая охранительная тенденція, есть ученіе о розни, какъ о верховномъ принципѣ человѣческой жизни, какъ о величайшемъ благѣ, которому все остальное должно подчиняться. Людей, не признающихъ верховенства этого принципа, наши еврейскіе охранители клеймятъ словомъ: „ассимиляторъ“. И приходится съ сожалѣніемъ

констатировать, что находятся люди, которыхъ смущаетъ этотъ бессмысленный возгласъ. Если ассимилироваться значить идти по пути общечеловѣческаго прогресса такъ и постольку, какъ и поскольку это возможно при данныхъ реальныхъ условіяхъ, то я не вижу стремленія, болѣе возвышеннаго, чѣмъ стремленіе ассимилироваться и ассимилировать. Если же ассимилировать значить стремиться возможно скоро растворить одинъ данный народъ среди другого даннаго, то ассимиляторы-евреи, которые, къ слову сказать, существуютъ лишь въ больномъ воображеніи охранителей,—тѣ же сіонисты, но только на изнанку: сліяніе съ другими народами также мало можетъ служить самоцѣлю, верховнымъ принципомъ, какъ и рознь, обособленность.

„А если евреи, идя по возможному при данныхъ реальныхъ условіяхъ пути общечеловѣческаго прогресса, въ концѣ его придутъ къ совершенному сліянію съ другими народами?“—Значить, таковъ неотвратимый результатъ историческаго шествія, и объ этомъ намъ такъ же мало приходится заботиться, какъ и о томъ, не разрушится-ли земной шаръ, столкнувшись съ какой-нибудь кометой, не произойдетъ-ли гибельная для насъ пертурбація въ солнечной системѣ. Рознь, обособленность не могутъ служить и, дѣйствительно, никогда не служили верховнымъ принципомъ въ исторіи. Люди всегда боролись за реальные блага: за землю, хлѣбъ, свободу и—величайшее изъ благъ—возможность прогрессировать. Особенности данныхъ историческихъ группъ, которыя мы называемъ національными особенностями, являются *результатомъ* исторической жизни, перекрещивающихся во множествѣ историческихъ силъ и условій въ самомъ широкомъ смыслѣ, но они никогда не служили *целью* людей. Исторія человечества есть, наоборотъ, мучительный процессъ, гигантское усиліе къ объединенію. Все стремится къ объединенію, а идеаль охранителя—рознь. Исторія неисчерпаема въ своемъ непрерывномъ творчествѣ, въ созиданіи новыхъ формъ жизни, а стремленіе охранителя—закрѣпить, остановить. Охранительная тенденція потому именно всегда и реакціонна, что она стремится подчинить многообразіе жизненныхъ явленій какому-нибудь одному явленію, какой-нибудь одной формѣ, заимствованной, конечно, изъ прошлаго—ибо будущее кому-же извѣстно—и почему-либо являющейся въ глазахъ того или другого охранителя самымъ важнымъ, существеннымъ признакомъ даннаго народа, его субстратомъ.

Если реакціонная охранительная тенденція характеризуетъ какъ сіонизмъ, такъ и близкій ему по духу духовный націонализмъ г. Дубнова, то сіонизмъ одинъ раздѣляетъ честь быть въ ближайшемъ родствѣ съ антисемитизмомъ. Мы увидимъ дальше, что сіонизмъ явился на свѣтъ, какъ непосредственное порожденіе антисемитизма. Но гораздо важнѣе и гораздо печальнѣе этого кроваваго родства существующее между сіонизмомъ и антисеми-

тизмомъ родство по духу. Въ основныхъ своихъ послылкахъ сіонизмъ есть возведенный въ принципъ антисемитизмъ. Антисемиты утверждаютъ, что они не выносятъ семита, питаютъ къ нему органическое отвращеніе. Брошюра д-ра Пинскера—сплошной комментарий къ этой мысли. Максъ Нордау повторяетъ ее тысячу разъ на всѣ лады. „Антисемитизмъ будетъ существовать“, говоритъ Максъ Нордау, „въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Онъ слишкомъ глубоко вкоренился въ душѣ человѣческой. Онъ находится въ тѣсной связи съ основными свойствами человѣческаго мышленія и чувствованія“ *). Какъ видите, антисемитизмъ возводится въ принципъ; вражда человѣка одной народности къ чужаку другой народности возводится въ законъ природы.

Но, можетъ быть, это правда? Нѣтъ, это глубокая ложь. Это простое примѣненіе къ частному случаю общаго основнаго положенія сіонизма о самоцѣнности розни. Устами своего трибуна сіонизмъ восклицаетъ: „Вы осмѣливаетесь предсказывать скорое исчезновеніе сіонизма, не смотря на то, что противъ жливости вашего предсказанія протестуетъ весь ходъ еврейской исторіи устами семидесяти мучащихся и стонущихъ поколѣній!“ **) „Мы“ отвѣчаемъ на этотъ паеосъ: противъ жливости *вашего* утвержденія о вѣчности антисемитизма громко протестуетъ весь ходъ не еврейской лишь, а общечеловѣческой исторіи, устами не семидесяти, а неисчислимаго количества мучащихся и стонущихъ поколѣній. На протяженіи безчисленнаго количества поколѣній существовало рабство, существовали пытки, существовали тѣлесныя наказанія. На обширной части земли существуютъ они и теперь. Рѣшитель ли вы утверждать, что они будутъ существовать вѣчно, и что для избавленія отъ нихъ только одинъ путь — бросить родные края и идти искать счастья по свѣту? Или вы станете утверждать, что сумма зла и насилія можетъ уменьшаться во всѣхъ другихъ человѣческихъ отношеніяхъ, и одинъ только антисемитизмъ можетъ остаться непоколебимымъ? Это именно утверждаетъ философъ сіонизма, г. Гинцбергъ. Я не буду излагать своеобразнаго изслѣдованія, въ результатѣ котораго авторъ пришелъ къ такому выводу, а лучше приведу словами автора самый выводъ, по которому читатель сможетъ судить и объ изслѣдованіи. „Итакъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что съ теченіемъ времени гуманность будетъ все болѣе и болѣе расти и развиваться, такъ что она, дѣйствительно, будетъ простираться на всѣхъ людей: бѣлыхъ, черныхъ, мѣдно-красныхъ и т. д., возьметъ подъ свое покровительство даже самыхъ тяжкихъ преступниковъ, какъ мечтаютъ извѣстные криминалисты, и міръ преисполнится правдой и справедливостью, жалостью и милосердіемъ по отношенію ко

*) Максъ Нордау. Рѣчи и статьи. Екатеринославъ, 1898 г., стр. 26.

**) Рѣчи и статьи, стр. 48.

всему живому, „за исключеніемъ евреевъ“ *). То обстоятельство, что авторъ, придя къ такому выводу, не счелъ нужнымъ провѣрить правильность своихъ посылокъ и логичность своихъ сужденій, а рѣшился напечатать на языкѣ пророковъ и предложить еврейскому народу, какъ результатъ философскаго изслѣдованія, эти по истинѣ возмутительныя строки, очень характерно для сіонизма вообще и для г. Гинцберга въ частности. Это характерно для сіонизма, который устами своихъ трибуновъ и устами своихъ философовъ не перестаетъ повторять истину о вѣчности антисемитизма. Это характерно для г. Гинцберга, какъ писателя, для котораго истина все то, что можно получить путемъ казуистики изъ посылокъ, заимствованныхъ у устарѣлой гербертіанской психологіи, хотя бы противъ этого кричала сама очевидность и весь нашъ опытъ. А историческій опытъ, дѣйствительно, громко протестуетъ всѣмъ ходомъ вещей противъ истины, открытой г. Гинцбергомъ. *Невозможно*, чтобы міръ, переполнившись „правдой и справедливостью, жалостью и милосердіемъ по отношенію ко всему живому“, оставался бы несправедливымъ по отношенію къ однимъ лишь евреямъ.

Вся исторія показываетъ, что въ общественной жизни существуютъ такія же неизбѣжныя гомологіи, какія существуютъ въ мірѣ физическомъ. Только при полномъ непониманіи исторической жизни, только представляя себѣ исторію, какъ комбинацію нѣкоторыхъ психологическихъ абстракцій, какъ это и дѣлаетъ г. Гинцбергъ, человекъ могъ дойти до такой нелѣпой мысли: такъ какъ первые борцы за еврейскую эмансипацію совершили психологическую ошибку, поставивъ вопросъ объ эмансипаціи ребромъ, тогда какъ нужно было это сдѣлать исподволь и крадучись, то возможенъ такой строй жизни, въ которомъ и т. д... и возможно все это потому, что человекъ можетъ жить въ „двухъ мірахъ“, и, живя въ одномъ, забывать о другомъ. Если всемірная исторія, взятая въ цѣломъ, громко протестуетъ противъ такого ея толкованія, если вся прошлая и настоящая жизнь человечества кричитъ, что нелѣпо трактовать живую жизнь, какъ абстракцію, то въ частности противъ вывода г. Гинцберга протестуетъ вся новая и новѣйшая исторія Европы, вся исторія эмансипаціи евреевъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Развѣ не показываетъ вся новѣйшая исторія Европы, что всюду, гдѣ на поверхность исторической жизни всплывали новыя прогрессивныя силы, — всюду, гдѣ въ борьбѣ стараго съ новымъ, отживающаго съ нарождающимся, брало верхъ послѣднее, тамъ и еврейскій вопросъ рѣшался ясно и просто, какъ только онъ можетъ быть рѣшенъ: тамъ просто стирали вопросительный знакъ, переставали спрашивать; евреевъ въ вопросахъ внѣшней жизни

*) «Два міра» въ сборникѣ «На перепутьи». Одесса. 1895 г. стр. 204.

просто не выдѣляли изъ массы другихъ гражданъ, еврейскій вопросъ переставалъ существовать. Развѣ не показываетъ исторія послѣднихъ десятилѣтій, что антисемитизмъ можетъ существовать только въ союзѣ съ реакціей? Развѣ не протестуетъ все это громко и краснорѣчиво противъ вывода сіонистскаго философа? Максъ Нордау утверждаетъ, что „двадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ сладкаго сна, длившагося 30 — 60 лѣтъ, въ Западной Европѣ изъ нѣдръ народнаго духа возникъ антисемитизмъ“ *). Но кто уполномочилъ г. Нордау считать выразителями „нутра“ французскаго, напр., народа—Дрюмона, Макса Режиса и имъ подобныхъ, а не Жореса, Дюкло, Трарье, Клемансо, Бриссона, Золя и многихъ другихъ, кѣмъ велика французская земля и славно французское имя? Половину своей рѣчи на второмъ базельскомъ конгрессѣ Максъ Нордау посвятилъ дѣлу Дрейфуса и заканчиваетъ эту часть своей рѣчи парадоксальнымъ выводомъ: „дѣло Дрейфуса сдержнуло покрывало и раскрыло всѣ тайные помыслы. Оно служитъ напоминаніемъ и поученіемъ для тѣхъ евреевъ, которые думаютъ, что они, въ концѣ концовъ, будутъ приняты какъ родные въ среду народовъ, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ передовыхъ государствахъ Запада. Этотъ процессъ займетъ мѣсто въ исторіи евреевъ, онъ будетъ имѣть серьезное воспитательное значеніе, какъ предостереженіе, разъясненіе и наказаніе“ (!?) **). Какъ могъ дойти до такого вывода человѣкъ, который въ той же рѣчи говоритъ: „Эмиль Золя, Пикарь, Шереръ-Кестнеръ, Трарье, Ж. Клемансо, Ивъ Гюйо, Жоресъ, Лабори, Бьеренсонъ, Кониберъ—это еще не всѣ имена, которые заслужили себѣ неувядаемую славу въ этомъ трагическомъ дѣлѣ. Это—христіанскія имена, аріискія имена“ *)? Случилось это просто потому, что сіонистскому трибуну такъ же чуждо пониманіе живыхъ силъ исторіи, какъ и сіонистскому философу. Перечисляя славный рядъ именъ борцовъ за дѣло справедливости, Максъ Нордау, очевидно, видитъ во всемъ этомъ лишь похвальные дѣйствія добрыхъ людей, которыя могли бы и не быть; отъ его взгляда ускользаетъ вся общественная сторона этого дѣла, онъ не понимаетъ или не хочетъ понимать все огромное значеніе дѣла Дрейфуса *не для еврейскаго, а для французскаго народа*; онъ не видитъ или не хочетъ видѣть, что на почвѣ этого дѣла передовые элементы Франціи дали генеральное сраженіе реакціи. Если дѣло Дрейфуса можетъ служить поученіемъ для евреевъ, то лишь въ одномъ отношеніи: оно показываетъ, что дѣло евреевъ, которое есть—борьба за право человѣка, находится въ неразрывной связи съ прогрессивными стремленіями европейскихъ народовъ, которыя въ окончательномъ своемъ итогѣ сводятся къ тому же;

*) Рѣчь на первомъ конгрессѣ сіонистовъ. «Рѣчи и Статьи», стр. 11.

**) Тамъ же, стр. 45.

что антисемитизмъ, фатально связанный съ реакціей всякаго другого рода, также фатально будетъ встрѣчать всегда отпоръ со стороны прогрессивныхъ элементовъ европейскихъ народовъ.

Одно изъ самыхъ печальныхъ послѣдствій, которыя могъ бы имѣть сіонизмъ,—если бы его вліяніе на еврейскую жизнь было дѣйствительнѣе, чѣмъ теперь,—состоитъ именно въ томъ, что онъ могъ бы затемнить въ сознаніи людей *неразрывность* той связи, которая существуетъ между дѣломъ евреевъ и дѣломъ прогрессивныхъ элементовъ европейскихъ народовъ. Евреи всегда были энергичными борцами за дѣло свободы. Это доказываетъ та жгучая ненависть, съ которой къ нимъ всегда относились всѣ тѣ, которые боролись противъ свободы. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ сіонизмъ и антисемитизмъ врѣзаются клинѣми въ передовые ряды общества; и тотъ и другой на руку тѣмъ, которые усвоили себѣ мудрое правило: *divide et impera*.

Максъ Нордау старается оправдать сіонистовъ отъ упрека въ недостатокъ любви къ отечеству. Я не знаю, упрекалъ ли ихъ кто-нибудь въ этомъ, и кто упрекалъ. Я этого упрека имъ, во всякомъ случаѣ, не ставлю: любовь къ отечеству—слова слишкомъ неопредѣленные, съ которыми я не умѣю оперировать. Но я обвиняю сіонистовъ въ томъ, что они измѣняютъ народамъ, среди которыхъ они живутъ; они должны это дѣлать, будучи послѣдовательны. Сіонистъ можетъ быть хорошимъ вѣроподданнымъ, но онъ всегда будетъ дурнымъ гражданиномъ. Выдвигая въ качествѣ верховнаго принципа, съ которымъ онъ долженъ соображать всѣ свои дѣйствія общественнаго характера, идею, не стоящую ни въ какомъ отношеніи къ благу страны, въ которой онъ живетъ, сіонистъ тѣмъ самымъ, казалось бы, ставитъ себя внѣ всякихъ борющихся въ странѣ партій и силъ; но такъ какъ невозможно же висѣть между небомъ и землею, то онъ на дѣлѣ оказывается тамъ, гдѣ удобнѣе всего пребывать, ищетъ точки опоры въ тѣхъ, на кого удобнѣе всего опереться. Зачѣмъ ему, въ самомъ дѣлѣ, бороться за великое дѣло народовъ, когда для него, для всѣхъ евреевъ, это дѣло безразличное, когда онъ, когда всѣ евреи здѣсь чужіе?

„Чужой“—вотъ то слово, которое ни одинъ еврей не можетъ простить сіонизму. Этотъ крикъ, раздавшійся впервые изъ грязныхъ устъ антисемитовъ, подхваченъ сіонистами. Тѣ кричатъ: „вы чужіе, граница для васъ открыта“; сіонисты не только съ этимъ соглашаются, но возводятъ это въ принципъ. Они, которые съ пафосомъ говорятъ о „семидесяти мучащихся и стонущихъ поколѣніяхъ“, съ легкимъ сердцемъ предлагаютъ намъ оставить страну, почва которой упитана кровью этихъ поколѣній и одобрена костями ихъ! Точно мы въ самомъ дѣлѣ здѣсь чужіе; точно, въ самомъ дѣлѣ, лишь по дарованной намъ милости мы дышемъ воздухомъ нашей родины! Намъ говорить о мучащихся!

и стонущихъ поколѣнiяхъ, намъ говорятъ о „еврейскихъ линiяхъ“ во всѣхъ частяхъ спектра духовнаго свѣта народовъ, среди которыхъ мы живемъ *), и съ легкимъ сердцемъ предлагаютъ, оставивъ плоды нашихъ мукъ и работы нашего духа, уйти,—уйти, чтобы начать на новомъ мѣстѣ счетъ мучащихся поколѣнiй сначала, для того, чтобы лишь столѣтiя спустя дойти до того положенiя, въ которомъ мы находимся теперь. Да, лишь столѣтiя спустя и лишь *до того положенiя, въ которомъ мы находимся теперь*. Ибо только наивныя дѣти могутъ повѣрить, что путь, по которому хотятъ насъ повести главари сiонизма, дѣйствительно, ведетъ въ *наше* государство. Не банками, не рѣчами и не аудiенціями создаются государства, какiя бы они ни были,—они создаются потомъ и кровью неисчислимаго количества поколѣнiй. Такъ создались и тѣ государства, въ которыхъ мы живемъ, создались, между прочимъ, и *нашей* кровью и *нашимъ* потомъ. Теперь насъ зовутъ на новыя жертвы, но гдѣ же гарантiя, что цѣной этихъ жертвъ будетъ куплено *наше* государство? Вожаки сiонизма, которые съ безпримѣрнымъ въ исторiи легкомыслиемъ осмѣлились взять въ свои руки, привыкшія держать лишь перо фельетониста, посохъ Моисея и Аарона, заняты пропагандой, игрой въ политику, и имъ некогда было поставить себѣ этотъ вопросъ. Во всей сiонистской литературѣ нѣтъ ни одной книжки, ни одной брошюры, ни одной статьи, въ которой сдѣлана была бы серьезная попытка научнаго обоснованiя сiонизма, исходящая изъ анализа *реальныхъ условiй и силъ*. Въмѣсто этого предпочитаютъ строить легкія, простыя схемы, которыя тѣмъ легче прiобрѣтаютъ довѣріе толпы, чѣмъ меньше въ нихъ истины и здраваго смысла. Сiонистская схема, дѣйствительно, очень проста. Д-ръ Герцль и его присные соберутъ среди бѣдной еврейской массы потребные миллионы. Часть этихъ миллионовъ будетъ преподнесена его величеству турецкому султану въ видѣ бакшиша, и за это сiонисты получаютъ отъ него чартеръ; подъ прикрытіемъ этого чартера, какъ подъ райской кушей, еврейскій народъ, имѣя въ своемъ распоряженiи остальные миллионы, будетъ работать да работать, превращать пустыни въ плодородныя нивы и виноградники, строить фабрики, проводить желѣзныя дороги; и такъ будетъ себѣ расти и расти это новорожденное государство, пока, окрѣпнувъ, оно не предстанетъ на удивленіе міру и на славу Израилю, во всей своей красотѣ и всемъ своимъ величiи. Кто читалъ сiонистскую литературу, кто встрѣчался съ сiонистами и слышалъ ихъ дебаты, тотъ признаетъ, что

*) «Если вы прекрасный лучезарный свѣтъ нѣмецкаго духа подвергнете спектральному анализу, то вы въ каждой части спектра найдете еврейскія линiи: въ красномъ цвѣтѣ политики, въ зеленомъ — промышленности, въ пурпуровомъ — искусства, въ фіолетовомъ — науки». Максъ Нордау. «Рѣчи и статьи», стр. 33—34.

эта схема политическихъ сіонистовъ, при всей ея каррикатурности, не карриатура.

А вотъ схема духовныхъ сіонистовъ. „Люди духа“, пророки, своими пламенными рѣчами „оживляютъ сердца“ евреевъ. Идеалисты—тѣ, которыхъ сердца болѣе всего оживились—переселяются въ Палестину во имя идеи созданія духовнаго центра; „эти переселенцы будутъ заниматься земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, наукой и литературой,—и, мало-по-малу, палестинское еврейство, заключаая въ себѣ здоровое земледѣльческое сословіе и обладая образцовыми національно-еврейскими школами, станетъ снова способнымъ внести въ общечеловѣческую духовную сокровищницу новыя великія идеи, плоды свободнаго творчества народа, живущаго въ духовной независимости отъ чужой культуры. Мало-по-малу, евреи станутъ и фактическимъ большинствомъ въ Палестинѣ, и тогда у насъ будетъ настоящее, медленно развившееся, органическое еврейское государство, а не внезапное и искусственное“ *).

Которая изъ этихъ двухъ схемъ фантастичнѣе и несуразнѣе? На первый взглядъ кажется первая, въ дѣйствительности же—вторая. Схема политическихъ сіонистовъ, по крайней мѣрѣ, выдержана, какъ выдержана хорошая дѣтская сказка. Это область чистой фантазіи. Схема же духовныхъ сіонистовъ представляетъ собой попытку фальсифицировать природу, неестественными путями дойти до естественныхъ результатовъ. А это, несомнѣнно, гораздо фантастичнѣе. Можно себѣ вообразить, кромѣ міра дѣйствительнаго, еще міръ послѣдовательно-фантастичный, но лишь одно безуміе можетъ желать обмануть естество. Я не буду останавливаться здѣсь на первой половинѣ этихъ схемъ, не буду спрашивать, пойдутъ-ли евреи въ Сіонъ, могутъ-ли они туда пойти. Этому вопросу посвящена первая часть моей статьи. Здѣсь мы допустимъ, что евреи пойдутъ туда, и именно тѣ, какіе желательны каждому изъ творцовъ этихъ схемъ, и спросимъ: какія, не скажу гарантіи, а просто шансы на то, что евреи, дѣйствительно, смогутъ „создать государство“. Въ схемѣ политическихъ сіонистовъ на этотъ вопросъ есть отвѣтъ: чартеръ.—Отвѣтъ вполне удовлетворительный, т. е. совершенно сообразный съ остальными частями схемы: въ мірѣ фантастическомъ бумага можетъ оказаться крѣпче желѣза. Въ схемѣ духовныхъ сіонистовъ отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ. „Эти переселенцы будутъ заниматься земледѣліемъ, ремеслами, промышленностью, наукой и литературой“. Какая идиллія! А если найдется злой человѣкъ, который захочетъ помѣшать имъ въ этихъ благородныхъ занятіяхъ, отвлечь ихъ немного отъ занятія наукой и литературой? Духовные сіонисты этого не предпо-

*) І. Клаузеръ. «Духовный сіонизмъ и его главный представитель». Стр. 62.

лагають. „Мало-по-малу, евреи стануть фактическимъ большинствомъ въ Палестинѣ...“ А почему именно евреи стануть фактическимъ большинствомъ? Живетъ же теперь въ Палестинѣ около 400.000 арабовъ и другого туземнаго населенія, которые тоже, конечно, не перестанутъ плодиться и, если этому не помѣшаютъ общія условія жизни въ Обѣтованной Землѣ, размножатся. Ихъ лѣтъ черезъ сорокъ будетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое больше, т. е. 800.000. Есть еще и другіе элементы въ странѣ. Могутъ явиться и новые. По какому-же это подсчету именно евреи окажутся фактическимъ большинствомъ, превысятъ своей численностью не только каждую изъ этнографическихъ группъ въ частности, но всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ?

Творецъ духовнаго сіонизма потратилъ много остроумія на то, чтобы доказать, что „путь еврейскаго народа ужъ давно начертанъ и опредѣлена его *сущность*, а эта его сущность *создастъ свою будущность на основаніи прошедшаго*“ *). На основаніи прошедшаго, слѣдовательно, въ Палестинѣ. Допустимъ это. Примемъ и послылки, и выводы г. Гинцберга. Допустимъ, что надежда на возрожденіе Сіона была отжившей, запоздалой въ сердцахъ евреевъ идеей, что „старый еврейскій народъ“, выпущенный изъ гетто, отъ соприкосновенія съ сравнительно болѣе юными народами Европы, самъ обновился и помолодѣлъ, что помолодѣла и обновила также „идея“, что національное „я“ столько же состоитъ изъ прошедшаго, сколько изъ будущаго,—допустимъ, что все это не пустая игра въ символику, а дѣйствительное истолкованіе историческихъ судебъ народа. Примемъ такъ же, какъ я говорилъ, и выводъ. Идѣ-же, спрашивается, гарантія, гдѣ доказательства, что „сущность еврейскаго народа“ будетъ одна дѣйствовать на территоріи Палестины и одна завладѣть ею. Можетъ быть, въ настоящій моментъ гдѣ нибудь въ тиши кабинета сидитъ арабскій мулла и „сочиняетъ“ тоже философію исторіи арабовъ, конечнымъ выводомъ которой является, что „сущность“ арабскаго народа создастъ его будущность на основаніи прошедшаго и, слѣдовательно, непремѣнно въ Палестинѣ. Можетъ быть, бродящіе вблизи и еще совсѣмъ юные курды, пришедши въ соприкосновеніе съ престарѣлой еврейской культурой, созрѣютъ, поумнѣютъ и предъявятъ также притязанія на проявленіе своей „сущности“ на той же территоріи. Можетъ быть... можетъ быть... Творецъ духовнаго сіонизма такими вопросами не задается. Его „идеѣ“, „національному духу“, опасна только чужая культура, но очень полезна чужая некультурность. Коснувшись родной земли, „національный духъ“, какъ Антей, становится непобѣдимымъ: тамъ его и мечъ не беретъ, и огонь не жжетъ. Какія бы историческія

*) І. Клаузеръ. «Духовный сіонизмъ и т. д.». Стр. 41; «На Перепутьи», стр. 195.

силы ни дѣйствовали на территоріи Палестины, „національный духъ“ будетъ безпрепятственно созидать національное государство. Но зачѣмъ такъ долго останавливаться на разборѣ этихъ ученій? Для мыслящаго человѣка ясно, что положеніе евреевъ въ Сиріи и Палестинѣ, если бѣ они какимъ-нибудь чудомъ были перенесены туда изъ Европы, опредѣлилось бы не чартеромъ, не „сущностью національнаго духа“, даже не ихъ лишь трудами и усиліями, а трудами, усиліями и стремленіями всѣхъ борющихся на этой территоріи національностей, племенъ и группъ. На почвѣ Сиріи и Палестины и въ окрестныхъ странахъ живутъ: турки, арабы, греки, армяне, курды и др.; живетъ и дѣйствуетъ турецкое правительство, т. е. турецкія правящія сферы, имѣющія тамъ свои интересы; имѣютъ тамъ свои интересы и стараются увеличить ихъ Франція, Англія, Германія, Россія и др. Гдѣ-же гарантіи, гдѣ поддающіеся хоть приблизительно учету шансы въ пользу того, что равнодѣйствующая всѣхъ этихъ борющихся силъ будетъ направлена къ тому, чтобы создать еврейское государство? Ихъ, конечно, никто указать не можетъ. Для всякаго, привыкшаго думать объ историческихъ судьбахъ народовъ, ясно, наоборотъ, что всѣ шансы противъ этого. Невозможно мыслить судьбу одной части населенія данной страны, не мысля при этомъ судьбы всей страны, а въ общемъ и въ цѣломъ судьба страны, куда насъ зовутъ, представляется въ слѣдующемъ. Усвоеніе Востокомъ, въ частности передней Азіей, европейской культуры есть историческая задача, стоящая теперь на очереди, задача ближайшихъ къ намъ вѣковъ, и этотъ необходимый процессъ усвоенія Востокомъ европейской культуры будетъ тѣмъ труднѣе и тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ обширнѣе и недоступнѣе его плоскогорія и горы, чѣмъ пустыннѣе его пустыни, чѣмъ многочисленнѣе его народы. Не одинъ разъ этотъ мучительный процессъ будетъ прорываться взрывами національной ненависти туземцовъ къ лучше вооруженнымъ, болѣе приспособленнымъ къ борьбѣ пришельцамъ, взрывами религіознаго фанатизма по отношенію къ иновѣрцамъ. Что въ этомъ водоворотѣ борющихся силъ на долю евреевъ, которые не могутъ, какъ другіе пришельцы, опираться на грозную силу европейскихъ пушекъ и европейскаго флота, выпало бы не мало страданій—это очевидно. Но „государство“ выпало-бы, конечно, на долю тѣхъ, кто посильнѣе ихъ. Не ясно-ли, что евреевъ приглашаютъ начать новый счетъ мучащихся и стонущихъ поколѣній, чтобы, столѣтія спустя, дойти до того положенія, въ которомъ они находятся теперь? Сіонизмъ, такимъ образомъ, представляетъ собою не что иное, какъ „покушеніе съ негодными средствами“. Будучи призракомъ ужъ потому, что онъ предполагаетъ движеніе въ сторону наибольшаго сопротивленія, движеніе, которое не можетъ имѣть мѣста въ природѣ, — сіонизмъ становится для насъ вдвойнѣ призракомъ, разъ

намъ ясно, что предлагаемыя имъ средства совершенно непригодны для осуществленія имъ-же поставленной задачи.

И въ погонѣ за такимъ призракомъ люди одурманиваютъ себя и другихъ, изъ кожи лѣзутъ, чтобы нравственные дефекты, неизбежно связанные съ современнымъ государствомъ, искусственно привить народу, который, потерявъ 2000 лѣтъ тому назадъ свое государство, одинъ на землѣ до сихъ поръ оставался отъ нихъ свободенъ!.. Я только что прочелъ въ корреспонденціи изъ Базеля отрывокъ изъ рѣчи д-ра Герцля. Я предлагаю этотъ отрывокъ на судъ читателей: „Въ маѣ этого года я имѣлъ честь быть принятымъ въ продолжительной аудіенціи его величества, султаномъ Абдуль-Гамидомъ. Благосклонность и сердечность этого приѣма исполнила меня самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Изъ словъ и обхожденія его величества я вынесъ увѣренность, что еврейская нація имѣетъ въ лицѣ калифа друга и покровителя. *Султанъ уполномочилъ меня заявить объ этомъ публично *)* (долгіе, бурные аплодисменты). Пусть евреи всего міра знаютъ это, пусть поймутъ, какая перспектива открывается для нихъ этимъ фактомъ, и пусть будутъ готовы къ шагу, которымъ сами себя должны помочь!“ Какое униженіе, какое ослѣпленіе! Люди, имѣющіе дерзость называть себя представителями еврейскаго народа, разражаются бурными аплодисментами, когда имъ сообщаютъ о благоволеніи турецкаго султана! Люди, драпирующіеся въ тогу безнадежнаго пессимизма, отказывающіе въ кредитѣ *европейскимъ народамъ*, возлагаютъ свои упованія на турецкаго султана, на его дружбу и покровительство!

III.

Мы ужъ однажды допустили недопустимое въ пользу нашихъ противниковъ: мы допустили, что евреи могутъ, вопреки основнымъ законамъ природы, пойти въ Сіонъ *искать* государство, и допустивши это, мы въ дальнѣйшемъ анализѣ дошли до того, что всѣ вѣроятности за то, что они тамъ *своего* государства не нашли бы. Допустимъ, однако, и это. И я спрашиваю: зачѣмъ евреямъ государство, зачѣмъ имъ *свое* государство? Сколько бы сіонисты ни говорили о невзгодахъ, переживаемыхъ евреями въ разсѣяніи, о нищетѣ, безправіи, презрѣніи и т. д., и т. д., они никогда не смогутъ доказать, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія является созданіе еврейскаго государства. Ибо для всѣхъ ясно и очевидно, что есть еще и другой выходъ, не болѣе, но и не менѣе выполнимый, чѣмъ созданіе еврейскаго государства. Этотъ выходъ ведетъ — на церковную паперть. „Цер-

*) Курсивъ корреспондента.

кви передъ нами всегда открыты“, совершенно правильно сказалъ г. Гинцбергъ. Чтобы считать сіонизмъ *единственнымъ* выходомъ, должно разсматривать нежелательность другого выхода само собою понятной. Въ основаніи сіонизма должна лежать, коротко говоря, предпосылка: еврейскій народъ долженъ быть сохраненъ. И я ставлю вопросъ: дѣйствительно-ли путь, предлагаемый сіонизмомъ, ведетъ къ сохраненію еврейскаго народа? Я рѣшительно и категорически утверждаю, что изъ всѣхъ путей, ведущихъ къ исчезновенію еврейскаго народа, путь въ Сіонъ—самый короткій. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ „сохраненіе еврейскаго народа“? Не можетъ-же оно означать, чтобы гдѣ-то на землѣ существовало государство, которое *называлось* бы еврейскимъ, и въ немъ жилъ бы народъ, который также *назывался* бы еврейскимъ. Ибо одно названіе не составляетъ блага, къ которому люди могутъ стремиться. Очевидно, должно существовать нѣчто реальное, которое мы желаемъ сохранить. Это реальное можетъ быть или раса, или культура. Задача можетъ состоять или въ томъ, чтобы сохранить чистоту еврейской расы, или въ томъ, чтобы сохранить и развить національную еврейскую культуру, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Вотъ я и спрашиваю: ведетъ-ли сіонизмъ къ сохраненію еврейской расы и еврейской культуры? И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: изъ всѣхъ путей, ведущихъ къ исчезновенію того и другого, путь въ Сіонъ наиболѣе короткій. И это мое утвержденіе подкрѣпляется каждой страницей всемірной исторіи. Просто невѣроятно, что люди, вопреки явнымъ указаніямъ опыта исторіи вообще и еврейской исторіи въ частности, могли додуматься до такой недѣльной мысли, какъ искать въ государственномъ строительствѣ путь къ самосохраненію. Развѣ не показываетъ вся исторія, что именно въ томъ огромномъ котлѣ, въ которомъ выварились государства, исчезали племена и сливались въ одну массу различныя расы? Мы говоримъ объ англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и т. д. государствахъ. Но подвергните историческому анализу кровь англичанина—сколько различныхъ этнографическихъ элементовъ въ ней откроете! Кельтскія племена, англѣ, саксы, готы, датчане—изъ всего этого матеріала выкованъ былъ англійскій народъ на той же исторической наковальнѣ, на которой выковано было также англійское государство. *Mutatis mutandis* мы можемъ тоже самое сказать о любомъ изъ современныхъ народовъ. И развѣ не потому евреи больше другихъ сохранили чистоту своей крови, что они въ теченіе двухъ тысячелѣтій ходомъ вещей были устранены отъ участія въ процессѣ внѣшняго государственнаго строительства, въ борьбѣ за территорію? Пора, я думаю, оставить сказку о томъ, что талмудъ сохранилъ евреевъ отъ смѣшенія съ другими народами. Непосредственно, конечно, талмудъ и его дальнѣйшее развитіе—раввинистская литература сыграли въ этомъ

отношеніи важную роль. Но для того, чтобы Талмудъ могъ сыграть эту роль, необходима была совокупность благоприятствующихъ этому условій, при которыхъ значительная часть народа имѣла бы возможность изучать Талмудъ; необходимо было, чтобы условія жизни не сталкивались ежечасно съ предписаніями Талмуда и т. д., а большинство этихъ условій въ окончательномъ итогѣ сводятся къ тому, что евреи ходомъ вещей были устранены отъ участія во внѣшнемъ государственномъ строительствѣ. Гдѣ-жъ теоретики сіонизма намъ доказали, что на почвѣ Палестины, куда они насъ зовутъ, процессъ государственнаго строительства не будетъ сопровождаться тѣмъ-же смѣшеніемъ племенъ, какое мы наблюдали во всѣхъ другихъ частяхъ земли?

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другимъ элементомъ національнаго „я“—съ культурой. Очевидно, раньше всего, что, если евреи не могутъ быть увѣрены въ сохраненіи чистоты своей расы, или даже могутъ быть увѣрены въ противоположномъ, то точно также они могутъ быть увѣрены и въ томъ, что имъ не удастся сохранить и свою культуру, ибо культура смѣшанной расы будетъ, вѣроятнѣе всего, представлять и смѣшанную культуру. Сдѣлаемъ, однако, еще одно допущеніе въ пользу сіонизма. Допустимъ не только то, что евреи пойдутъ въ Палестину искать государство; не только, что ихъ поиски увѣчатся успѣхомъ, но допустимъ, что они при этомъ сохранятъ и чистоту своей расы. Значить-ли это, что они также сохранятъ и свою культуру? Духовный сіонизмъ, т. е. то сіонистское ученіе, въ основаніи котораго рѣзче всего выступаетъ принципъ сохраненія и развитія еврейскаго „національнаго духа“, рисуетъ отношеніе между „національнымъ духомъ“ и „государствомъ“ довольно странно. „Національный духъ“, по этому ученію, нѣчто вроде виноградника Божьяго, государство—ограда вокругъ виноградника. Постепенно будетъ разрастаться и расцвѣтать виноградникъ, постепенно-же будетъ воздвигаться и ограда вокругъ виноградника. Что воздвигать эту ограду-государство должны тѣ же живые люди, которые являются и носителями „національнаго духа“, что этотъ процессъ государственнаго строительства долженъ существенно измѣнить „духъ“ cadaго изъ строителей, а слѣдовательно, и „національный духъ“ въ цѣломъ,—объ этомъ творецъ духовнаго сіонизма, очевидно, не подумалъ. Теоретикъ сіонизма, разъ рѣшивъ, что зданіе, которое должно объединить и возродить Израиля—еврейское государство на Св. Землѣ—должно строиться не грубыми руками грубыхъ людей, отправляющихся въ Палестину ради удовлетворенія своихъ непосредственныхъ нуждъ, а нѣжными руками людей „духа“, остается вѣренъ себѣ до конца. Разъ увѣровавъ въ могущество „національнаго духа“, сіонистскій философъ не только допускаетъ, что „духъ“ сможетъ создать государство, но и то, что самъ онъ, „духъ“, при этомъ никакого ущерба не потерпитъ, а наоборотъ, будетъ развиваться и расцвѣтать. Воз-

возможность чего-либо подобного авторъ не считаетъ нужнымъ доказывать; онъ довольствуется ссылкой на то, что все великое въ мірѣ создано было идеей. Но эта ссылка — не болѣе, какъ указаніе въ пустое пространство, такъ какъ — оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что создано было идей, и что не создано было ею — въ мірѣ мы не знаемъ ничего такого, что могло бы служить аналогіей тому, что проектируетъ авторъ, не знаемъ, когда государство было создано людьми „духа“. Вѣра творца духовнаго сіонизма въ силу и неуязвимость „духа“ очень похвальна. Но что дѣлать съ историческимъ опытомъ? Отказавшись отъ взгляда на исторію, какъ на комбинацію психологическихъ абстракцій, авторъ легко убѣдился бы, что тамъ, гдѣ ставится вопросъ о *созданіи* государства съ цѣлью сохраненія и развитія „національнаго духа“, тамъ невозможно игнорировать *процессъ* создаванія; что процессъ государственнаго строительства имѣетъ такое-же сильное вліяніе на „духъ“ націи, какъ и на созданіе самихъ націй, и что, слѣдовательно, необходимо поставить вопросъ: каково было бы это вліяніе? — Способствовалъ ли бы этотъ процессъ государственнаго строительства сохраненію и развитію „національнаго духа“, или же, наоборотъ, онъ долженъ былъ бы способствовать измѣненію „духа“ и задержать его развитіе? Что касается сохраненія „національнаго духа“, т. е. сохраненія его качественныхъ особенностей — допустимъ, что это нѣчто поддающееся опредѣленію, — то апріорно можно сказать, что процессъ государственнаго строенія долженъ былъ бы этому противодѣйствовать въ самой высокой степени. На „духъ“ единственной въ своемъ родѣ націи, которая въ теченіе двухъ послѣднихъ тысячелѣтій своей жизни ходомъ вещей была устранена отъ участія въ процессѣ государственнаго строенія, это обстоятельство, конечно, должно было наложить глубокій, существенно важный отпечатокъ. И совершенно невозможно, чтобы „духъ“ такой націи, попавши въ совершенно непривычныя для него условія, сопровождающія государственное строеніе, не реагировалъ бы на это. Еще болѣе несомнѣнно, что государственное строительство задержало бы „національный духъ“ въ его развитіи; говоря проще, народъ, тратя свои силы на *созданіе новаго государства*, неминуемо отсталъ бы въ культурномъ развитіи. Тутъ мы уже имѣемъ дѣло не съ апріорнымъ утвержденіемъ, а съ истинной, подтверждаемой всей исторіей человѣчества. Вся исторія показываетъ, что чѣмъ болѣе народу приходится тратить силы на созданіе государства, на борьбу съ землей и за землю, тѣмъ болѣе онъ отстаетъ въ своемъ культурномъ развитіи. Достаточно сравнить судьбу русскаго народа, который ходомъ вещей *вынужденъ* былъ строить одно изъ самыхъ обширныхъ государствъ въ мірѣ, и который такъ отсталъ въ своемъ культурномъ развитіи, съ судьбой его западно-европейскихъ сосѣдей.

Сіонизмъ, такимъ образомъ, впадаетъ въ неустранимое противорѣчіе. Чтобы сохранять и развивать свой „національный духъ“ „національно-культурный типъ“, евреямъ необходимо *имѣть* свое государство; но чтобы имѣть свое государство, надо его *создать*, а *процессъ* созиданія государства — самое настоящее средство, чтобы задержать развитіе „національно-культурнаго типа“ и качественно измѣнить его особенности. Къ разрѣшенію этой антиноміи есть одинъ только путь—это признаніе того, что „національный духъ“, „національно-культурный типъ“, какъ и „государство“, являются *результатомъ* народной жизни, но не могутъ быть ея *цѣлью*; употребляя такія выраженія, какъ: „намъ нужно сохранить свой національно-культурный типъ“, „намъ нужно создать свое государство“, мы имѣемъ дѣло съ призраками, со словами безъ всякаго содержанія, такъ какъ въ природѣ нѣтъ ничего такого, что соотвѣтствовало бы этимъ словамъ.

Сіонисты, впрочемъ, находятъ и другой выходъ изъ этого противорѣчія. Но этотъ выходъ ведетъ въ самую глубь антисемитской трясины—и что для теоріи еще хуже—къ другому противорѣчію, столь же неустранимому. Чтобы найти основаніе для своего ученія, по которому для еврейскаго народа нѣтъ другого исхода, какъ порвать со своимъ прошлымъ и настоящимъ и пуститься въ безпримѣрную въ исторіи авантюру, сіонисты цѣлкомъ переняли философію исторіи евреевъ, изобрѣтенную антисемитами. Въ общихъ чертахъ, эта философія сводится къ слѣдующему. Древніе евреи, евреи библейскаго періода, были, конечно, великимъ народомъ. Они создали Библію, среди нихъ глаголомъ жгли сердца людей пророки, они подарили міру христіанство. Но потерявши свою самостоятельность и разсѣявшись по всей землѣ, евреи въ продолженіе тысячелѣтій вели ненормальную жизнь бездомныхъ бродягъ, скитальцевъ, всюду угнетаемые, всѣми унижаемые, всѣми презираемые. Такая ненормальная жизнь не могла, конечно, не оставить слѣдовъ въ народномъ организмѣ. Эта жизнь наложила на народъ особую печать, печать отверженія и извращенія, печать „голуса“, какъ выражаются иносказательно сіонисты *).

Такова сіонистско-антисемитская концепція исторіи. Антисемиты, отправляясь изъ этихъ общихъ положеній, приходятъ къ тому заключенію, что съ такимъ народомъ, униженнымъ и извращеннымъ, ничего другого и дѣлать не остается, какъ угнетать и унижать его и впредь. Сіонисты-же говорятъ, что евреи должны сбросить съ себя печать „голуса“, должны „возродиться“, а для этого они должны зажечь новой, нормальной жизнью, на своей землѣ, въ своемъ государствѣ, какъ всѣ народы. Эта концепція прошлыхъ и будущихъ судебъ еврейскаго народа свободна отъ

*) «Голусъ»,—изгнаніе, разсѣяніе.

того противорѣчія, на которое я указалъ выше. Народу бродягѣ, потерявшему въ своихъ безконечныхъ скитаніяхъ человѣческой образъ,—такому народу нечего ни сохранять, ни развивать, а потому и не приходится ставить вопроса, сможетъ-ли онъ сохранить свою культуру, сохраняя свое государство. Нужно ему только зажить нормальной жизнью, и изъ его первобытной природы, изъ его субстрата, разовьется новый, здоровый, нормальный народъ. Но и эта концепція, по которой двухтысячелѣтняя исторія евреевъ должна просто пойти на смарку, а исторія заказывается новый народъ, какъ заказываютъ фракъ портному, страдает внутреннимъ противорѣчіемъ. Чтобы сбросить съ себя печать „голуса“, чтобы „возродиться“, народъ долженъ зажить новой жизнью; чтобы зажить новой жизнью, онъ долженъ имѣть свое государство; чтобы имѣть свое государство, онъ долженъ его создать; чтобы поставить себѣ задачу—создать государство, народъ долженъ проникнуться важностью идеи возрожденія въ такой мѣрѣ, чтобы подчинить ему всѣ свои стремленія, всю свою жизнь, и это въ продолженіе не одного, а цѣлаго ряда поколѣній; чтобы народъ, поставивши себѣ такую задачу, могъ ее выполнить, онъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи неисчерпаемый запасъ физическихъ и материальныхъ средствъ. Но народъ, который имѣлъ-бы въ своемъ распоряженіи такой запасъ духовныхъ и материальныхъ силъ,—такой народъ не только не нуждался бы въ „возрожденіи“, не только не носилъ бы на себѣ печати „голуса“,—такой народъ былъ бы поистинѣ народъ-чудо, народъ-идеаль, изъ народовъ народъ. Такому народу могли бы позавидовать всѣ другіе народы міра.

Источникъ этого противорѣчія открыть не трудно. Опять забыли подумать о *процессѣ* созиданія государства. Если, говоря о сохраненіи культуры, сіонисты забыли подумать о томъ, какъ процессъ созиданія государства долженъ отразиться на этой самой культурѣ, то, говоря о „возрожденіи“, они забыли, что проектируемый ими планъ возрожденія требуетъ такихъ силъ, при наличности которыхъ самое возрожденіе оказалось бы ненужнымъ. Выходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій одинъ—признать, что сіонизмъ—призракъ, что сіонистскія теоріи—слова безъ содержанія, что, какъ „національный духъ“, какъ „національная культура“, возрожденіе можетъ быть результатомъ жизни народа, но не задачей ея. *Работая подъ давленіемъ своихъ нуждъ и потребностей, работая для удовлетворенія своихъ ближайшихъ, непосредственныхъ потребностей, народъ, такъ какъ сами потребности исподволь мѣняются и обновляются, тѣмъ самымъ обновляетъ и свою жизнь, но онъ не можетъ составить себѣ рецепта возрожденія и потомъ, въ теченіе столѣтій, стряпать свою жизнь сообразно съ этимъ рецептомъ.*

Скажу теперь нѣсколько словъ по поводу самой теоріи анти-

семитско-сіонистской философіи исторіи евреевъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ этой концепціи еврейской исторіи сіонистамъ и антисемитамъ принадлежитъ только послѣдній штрихъ; во всемъ остальномъ она согласуется съ обычнымъ, ходячимъ пониманіемъ еврейской исторіи. Что жизнь евреевъ въ разсѣяніи, не въ примѣръ жизни другихъ народовъ, полна мукъ и терзаній, униженій и презрѣнія, преслѣдованій и гоненій; что она въ общемъ и въ частностяхъ представляетъ собой нѣчто *исключительно* непріятное, нѣчто *исключительно* безпросвѣтное,—это съ одинаковымъ рвеніемъ доказываютъ, какъ сами евреи и ихъ друзья, такъ и ихъ враги. Разногласіе между обычнымъ пониманіемъ еврейской исторіи и антисемитско-сіонистскимъ пониманіемъ ея касается только вопроса о томъ, какимъ вышелъ еврейскій народъ изъ этой исключительной школы жизни. Евреи и ихъ друзья говорятъ, что еврей, вопреки всѣмъ пережитымъ гоненіямъ и лишеніямъ, сохранилъ свой человѣческій образъ и ничуть не хуже другого; моралисты даже прибавляютъ, что исключительныя муки закалили и возвысили его душу. Антисемиты же и сіонисты, рассуждая въ данномъ случаѣ болѣе послѣдовательно, говорятъ, что тысячелѣтія гоненій и униженій должны были наложить и, дѣйствительно, наложили на евреевъ особую печать—печать рабства.

Такъ какъ исторія пишется рукой времени непрерывно, и настоящее—та-же исторія, только не зарегистрированная еще историкомъ, то пониманіе исторіи евреевъ, вполнѣ естественно, простирается и на оцѣнку ихъ настоящаго положенія. Не послѣдовательны въ этомъ отношеніи только антисемиты. Какъ и подобаетъ рыцарямъ лжи, они оборачиваются спиной къ логикѣ, когда она для нихъ невыгодна. Признавая вмѣстѣ съ другими, что евреи въ продолженіе тысячелѣтій были безпримѣрно угнетаемы, они, тѣмъ не менѣе, находятъ возможность утверждать, что въ результатѣ всѣхъ угнетеній, евреи оказались такой силой, что представляютъ собой грозную опасность для всего человѣчества. За то евреи и ихъ друзья стараются изо всѣхъ силъ доказать, что нѣтъ народа, болѣе жалкаго, болѣе обездоленнаго, чѣмъ еврейскій народъ. Доказываютъ не то, что еврейская масса бѣдна, невѣжественна и обездолена — это въ доказательствахъ не нуждается—главное, что они доказываютъ и что стремятся доказать—это то, что еврейская масса *самая* жалкая, *самая* обездоленная. Максъ Нордау въ своей рѣчи на послѣднемъ конгрессѣ сіонистовъ зашелъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что нашелъ даже возможнымъ сказать слѣдующее: „насколько можно судить по общимъ впечатлѣніямъ, положеніе вещей таково: нѣтъ народа бѣднѣе евреевъ, даже папуасы богаче насъ, ибо у нихъ потребности удовлетворяются всецѣло, а у насъ нѣтъ“. Удивительно, что среди всѣхъ „представителей еврейскаго народа“ не

нашлось ни одного, который напомнилъ бы этому парадоксальному краснобаю слова одного изъ благороднѣйшихъ мыслителей прошлаго вѣка. „Лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей“—сказалъ Дж. Ст. Милль.

Но мы считаемъ своимъ долгомъ раскрыть ложь, заключающуюся въ другомъ словечкѣ, пущенномъ въ ходъ этимъ словообильнымъ сіонистомъ. Это слово—Judenpoth, пущенное въ ходъ на первомъ сіонистскомъ конгрессѣ и съ тѣхъ поръ ставшее крылатымъ словомъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ этомъ словѣ Нордау выразилъ господствующее воззрѣніе на положеніе евреевъ. Приведу этотъ отрывокъ цѣликомъ. „Повсюду, гдѣ евреи въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ водворяются среди другихъ народовъ, во всей силѣ господствуютъ *специфическія еврейскія бѣдствія*,—не тѣ обычные страданія, составляющія, вѣроятно, неизбѣжный удѣлъ человѣческаго рода, а другія, *исключительныя* страданія, преслѣдующія евреевъ *не какъ людей, а только какъ евреевъ*, и отъ которыхъ они могли бы избавиться, если бы не были евреями“ *).

Говорить о специфически-еврейскихъ бѣдствіяхъ, какъ „исключительныхъ страданіяхъ, преслѣдующихъ евреевъ, *не какъ людей, а только какъ евреевъ*“—значить сѣять рознь на той почвѣ, на которой люди легче всего подаютъ другъ другу руку, на почвѣ человѣческой нужды и человѣческихъ страданій; а говорить о „специфическихъ еврейскихъ бѣдствіяхъ, *отъ которыхъ они* (евреи) *легко могли бы избавиться, если бы не были евреями*“,—значить вносить въ исторію духъ фельетона. Въ основаніи мысли, высказанной въ послѣднихъ словахъ разбираемаго отрывка, отмѣченныхъ мною курсивомъ, лежитъ, очевидно, слѣдующее представленіе: возьмемъ еврея X; онъ ограниченъ въ своихъ правахъ, ему не доступна „португеза, судейская тога, фракъ тайнаго совѣтника“**), и онъ отъ этого страдаетъ. Но пусть онъ откажется отъ еврейства, и онъ перестанетъ страдать,—онъ займетъ, на примѣръ, постъ околочнаго надзирателя, и будетъ носить португезу. Если бы то же самое сдѣлали Y и Z и каждый еврей въ отдѣльности, они всѣ перестали бы страдать. Ясно, что они страдаютъ не какъ люди, а какъ евреи, и что существуютъ *специфически-еврейскія бѣдствія*. Нужно-ли доказывать, что такое наивное представленіе не можетъ лежать въ основаніи нашихъ сужденій о судьбахъ народовъ? Очевидно, нужно, если находятся люди, которые такъ разсуждаютъ.

Я, разумѣется, не могу здѣсь заняться вопросомъ о судьбѣ еврейскаго народа въ прошломъ и настоящемъ во всемъ его объемѣ, такъ какъ матеріалъ, необходимый для рѣшенія этого

*) Рѣчи и статьи, стр. 1. Курсивъ мой.

**) М. Нордау. «Рѣчи и Статьи», стр. 25.

вопроса, еще не собранъ. Но я попытаюсь установить критерій, необходимый для подобнаго изслѣдованія, и думаю, что, имѣя такой критерій, мы и о томъ, что намъ извѣстно, будемъ въ состояніи судить болѣе правильно. Если сильное войско, могущественный флотъ, блестящій дворъ, искусная дипломатія и т. п. должны служить признаками благоденствія народовъ, то евреи, несомнѣнно, самый жалкій народъ, ибо у нихъ всего этого нѣтъ. Но если о благоденствіи народа будемъ судить по коэффициенту прироста его численности, по приспособленности его къ социальнымъ условіямъ даннаго историческаго фазиса, по высотѣ средняго уровня культурности составляющихъ его индивидовъ, по степени его участія—активной и пассивной—въ общечеловѣческой культурной работѣ—а я думаю, что съ обязательной для сіонистовъ національной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія благополучія цѣлага, именно перечисленные или эквивалентные имъ признаки должны быть приняты за критерій,—то намъ придется признать, что еврейскій народъ не самый жалкій изъ народовъ на землѣ, а одинъ изъ великихъ культурныхъ народовъ. Нужно-ли доказывать, что участіе еврейскаго народа въ общечеловѣческой духовной работѣ не меньше участія любого изъ европейскихъ народовъ равной съ нимъ численности, что средній уровень культурности еврейскаго народа весьма высокъ?

Я не имѣю данныхъ о ростѣ численности еврейскаго народа, но я знаю, что коэффициентъ прироста численности евреевъ Европейской Россіи, которыхъ, конечно, никто не признаетъ самыми благоденствующими, даже въ наше тяжелое время превосходитъ по своей величинѣ коэффициентъ прироста всѣхъ европейскихъ народовъ, не исключая и русскаго *). Очень трудно, конечно, измѣрить степень приспособленности того или другого народа къ условіямъ жизни даннаго историческаго фазиса. Но я думаю, что тамъ, гдѣ остальные указанные мною признаки имѣются на лицо, тамъ необходимо предположить наличность большой приспособленности и приспособляемости къ условіямъ жизни. Я приведу въ подтвержденіе мысли о приспособленности

*) По даннымъ переписи 1897 г. въ Европ. Россіи евреевъ 3.765.766. Въ словарь Брокгауза (XXVII А, стр. 98 и 105) мы имѣемъ данныя о рождаемости и смертности евреевъ за 1885—1894 гг. Остановившись на 1894 г. какъ ближайшемъ ко времени переписи, мы получимъ цифру прироста еврейскаго населенія Евр. Россіи для этого года 53732. Вычтя утроенный приростъ этого года изъ общаго числа 1897 г., получимъ приблизительно численность еврейскаго населенія Евр. Россіи для 1894 г., откуда легко получить и естественный приростъ за 1894 г.—1,49%. Естественный приростъ всего населенія Европ. Россіи для того-же года—1,46 (энц. сл. Брокгауза XXVII А стр. 93). Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности вывести средній приростъ за болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ, за отсутствіемъ данныхъ. Впрочемъ, и взятый нами по необходимости 1894 г. нѣтъ никакихъ основаній считать необыкновеннымъ.

евреевъ къ борьбѣ за существованіе при современныхъ условіяхъ одинъ лишь фактъ изъ жизни русскихъ евреевъ за послѣднія десятилѣтія. Я говорю объ эмиграціи изъ Россіи въ Сѣверную Америку и Западную Европу цѣлаго милліона евреевъ. Экономическія и другія невзгоды сдѣлали для евреевъ жизнь въ Россіи слишкомъ тяжелой, и одна пятая часть еврейскаго населенія въ теченіе двухъ десятилѣтій перекочевала въ другіе края, не вызвавъ этимъ никакихъ потрясеній. Многіе-ли народы могутъ съ такой легкостью мобилизовать такіа большія—и абсолютно и относительно—массы?

Какъ ни кратки только что сдѣланныя мною замѣчанія насчетъ современнаго положенія еврейскаго народа, они, надѣюсь, достаточны для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что крики нашихъ ноющихъ публицистовъ о *безпримѣрно*-жалкомъ положеніи еврейскаго народа такъ же далеки отъ истины, какъ и крики антисемитовъ о безпримѣрномъ, всепокоряющемъ могуществѣ еврейства. Истина въ томъ, что въ еврейскомъ народѣ таится достаточно силъ для того, чтобы при современномъ его положеніи продолжать борьбу за существованіе, за свое право жить и развиваться на пути общечеловѣческаго прогресса.

О прошломъ еврейскаго народа, объ его жизни въ теченіе вѣковъ въ разсѣяніи я могу, разумѣется, говорить здѣсь лишь еще болѣе бѣгло, чѣмъ о его современномъ положеніи. Основаніемъ для моихъ заключеній послужить именно сказанное мною о современномъ положеніи евреевъ. Если евреи представляютъ собою не самый жалкій народъ въ мірѣ, а великій культурный народъ, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ тотъ выводъ, что и въ прошломъ ихъ положеніе не было *безпримѣрно* тяжелымъ, что въ ихъ жизни наряду съ отрицательными, сравнительно съ жизнью другихъ народовъ, сторонами, были также и положительныя стороны, выгодно ихъ выдѣлявшія: суммируя одніи лишь отрицательныя количества, мы не получимъ положительнаго. Мало того, можно сказать: лишь тѣ историческія судьбы могутъ и должны считаться благоприятными для пережившаго ихъ народа, въ результатѣ которыхъ получился великій культурный народъ. Я не вижу лучшаго объективнаго критерія для оцѣнки историческихъ судебъ народовъ. Чтобы эти апріорныя соображенія подкрѣпить хоть нѣкоторыми данными изъ исторіи евреевъ, укажу на два крупныхъ факта изъ ихъ прошлой жизни въ разсѣяніи. Евреи, во первыхъ, не знали крѣпостного права, а это великое, двойное благо: это значитъ, что они не имѣли въ своей средѣ ни крѣпостныхъ, ни крѣпостниковъ, ни рабовъ, ни рабовладѣльцевъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ высказанной выше мысли можетъ служить также слѣдующее: немало краснорѣчивыхъ страницъ было посвящено исторіографами еврейскаго народа въ разсѣяніи, чтобы доказать, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ (средневѣкового періода)

евреи были единственными хранителями культуры; но охранять культуру, вѣдь это значить, прежде всего,—пользоваться ею, значить и имѣть возможность пользоваться ею. Вообще, мнѣ думается, представленіе о *безпримѣрно-тяжеломъ* положеніи, *исключительно-безпросвѣтной* жизни евреевъ въ разсѣяніи иллюзія, обманъ зрѣнія, проистекающій отъ того, что въ процессѣ грубаго, непосредственнаго насилія человѣка надъ человѣкомъ, въ кровавыхъ расправахъ, совершавшихся одними людьми надъ другими, т. е. въ томъ именно, что болѣе всего потрясаетъ наши нервы, евреи участвовали лишь *односторонне*. Отсюда представленіе о евреяхъ, какъ о чемъ-то исключительно-беззащитномъ и жалкомъ. Но какъ бы такое зрѣлище ни дѣйствовало на нервы, для трезваго ума возникаетъ вопросъ: счастье это или несчастье для евреевъ, что они не имѣли возможности активно участвовать въ той исторіи, которая пишется кровью?

IV.

Я считалъ-бы свою задачу неоконченной, если бы не отвѣтилъ на два вопроса, которые мнѣ часто приходилось слышать. Первый вопросъ: что вызвало сіонизмъ, и въ чемъ причина его успѣха, во всякомъ случаѣ, достаточно шумнаго, чтобы нуждаться въ объясненіи? Для сіониста, разумѣется, такого вопроса не существуетъ, для него сіонизмъ необходимый и даже исключительно важный моментъ въ еврейской исторіи. Это, правда, принимается безъ доказательствъ, но принимается. „Быть можетъ“,—сказалъ д-ръ Герцль, открывая, въ качествѣ предсѣдателя, третій сіонистскій конгрессъ,—„многимъ покажется не существеннымъ то, что мы съѣзжаемъ сюда для того, чтобы произносить рѣчи, полныя вздоховъ. Но и въ другихъ національныхъ собраніяхъ только говорятъ“. Почтенный предсѣдатель, повидимому, забылъ, что не всегда обратная теорема вѣрна, когда прямая выражаетъ истину. Во всѣхъ національныхъ собраніяхъ только говорятъ—это вѣрно. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что всѣ собранія, на которыхъ говорятъ, представляютъ собой національныя собранія, собранія, выражающія стремленія націи? Думаю, что намъ съ вами, читатель, позволено будетъ въ этомъ сомнѣваться. А между тѣмъ, именно этого добивался Герцль вышеприведенной фразой, отвѣчая ею, очевидно, на сомнѣнія, которыя, онъ полагалъ, могутъ зародиться въ умахъ, не въ мѣру пытливыхъ. Именно такъ разсуждаютъ всегда сіонисты, когда они хотятъ доказать, что ихъ устами говорить гласъ народа, что ихъ дѣло—дѣло народное. На нашей сторонѣ—говорятъ сіонисты—сочувствіе и восторгъ народа, который онъ выражаетъ, посылая своихъ делегатовъ на конгрессы, платя шекели, неся свои послѣдніе гроши на уплату за акціи, ашпо-

дируя съ энтузіазмомъ нашимъ ораторамъ и т. д., и т. д.—словомъ, указываютъ на весь шумъ, поднятый сіонизмомъ, и отсюда получается желаемый выводъ по слѣдующему силлогизму: когда та или другая важная для народа потребность приводитъ его въ движеніе, то это движеніе сопровождается большимъ или меньшимъ шумомъ; у насъ шума достаточно, слѣдовательно, наше движеніе—очень важное народное движеніе. При этомъ, благодаря смѣшенію понятій „народный“ въ смыслѣ общенародный и „народный“ въ смыслѣ простонародный, особенно подчеркивается успѣхъ сіонизма среди бѣднѣйшей еврейской массы. Сіонисты, повидимому, забываютъ, что такимъ-же разсужденіемъ могли бы доказать крайнюю важность своей дѣятельности всякіе „цадики“, чудодѣи и ворожеи, которые также пользуются наибольшимъ успѣхомъ среди бѣднѣйшей массы. Не даромъ также политическіе авантюристы всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ искали опоры въ плебисцитѣ.

Какъ бы то ни было, сіонистъ увѣренъ, что его устами говорить народъ, и потому, конечно, у него не можетъ возникнуть вопроса о причинахъ успѣха сіонизма. Но мы, отказываясь видѣть въ сіонизмѣ народное движеніе, считая сіонизмъ чѣмъ-то временнымъ и скоропреходящимъ, должны отвѣтить на вопросъ, что вызвало сіонизмъ и въ чемъ причина его успѣха? Объяснить возникновеніе сіонизма—значитъ объяснить сіонизмъ, какъ идею. Объяснить успѣхъ сіонизма—значитъ объяснить сіонизмъ, какъ общественное явленіе. Что еврейскій націонализмъ вообще и сіонизмъ въ частности представляютъ собой порожденіе антисемитской реакціи, а собственно по отношенію къ русскимъ евреямъ—разыгравшихся въ началѣ 80-хъ годовъ на югѣ Россіи еврейскихъ погромовъ, объ этомъ много разъ говорили, и этого никто не отрицаетъ.

Г. Дубновъ свидѣтельствуетъ, что въ эпоху погромовъ раздался „первый рѣзкій крикъ новорожденнаго націонализма“, что „еврейская національная идея родилась на мостовой разгромленной улицы „черты“ *). Д-ръ Герцль заявляетъ: „Мы вездѣ старались лояльно вступить въ тѣ общества, которыя насъ окружали, сохраняя только религію нашихъ отцовъ. Но этого никакъ не могли допустить. Напрасно являлись мы патріотами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже слишкомъ усердными патріотами: *все народы оказываются антисемитами*, и еврейскій вопросъ существуетъ вездѣ, гдѣ живутъ евреи, „хотя-бы въ незначительномъ числѣ“ **). Еще болѣе опредѣленно высказывается Максъ Нордау. „Мы потому“,—говоритъ онъ,—„сдѣлались сіонистами, что наши

*) „Будущность“ № 5, 1899 г. стр. 15.

**) Т. Герцль. „Еврейское государство“. Цитировано по брошюрѣ А. Берля: Антисемитизмъ и сіонизмъ, переводъ Н. Геккера. Одесса.

соотечественники заявили намъ, что они не хотятъ признать насъ своими соотечественниками“ *). Представитель духовнаго сіонизма, г. Гинцбергъ, скорбитъ о томъ, что сіонизмъ явился результатомъ толчка извинъ,—скорбитъ, значитъ, факта не отрицаетъ. Во всѣхъ приведенныхъ отрывкахъ, число которыхъ можно значительно увеличить, высказывается одно и то же. Націоналистическая, въ частности сіонистская идея, явилась на свѣтъ Божій или какъ результатъ оскорбленнаго самолюбія, или какъ результатъ паническаго страха, охватившаго людей въ то время, когда надъ ихъ головой разразился громовой ударъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ это является результатомъ аффекта, который, по существу своему, не можетъ быть ни долговѣченъ, ни достаточенъ для того, чтобы измѣнить судьбу народовъ. Г. Дубновъ, правда, говоритъ, что „идеалъ народнаго самосознанія одержалъ бы побѣду и безъ этихъ внѣшнихъ факторовъ, что вмѣшательство жизни лишь ускорило дѣло“. Но это говоритъ Дубновъ-публицистъ, а его блистательно опровергаетъ въ той-же статьѣ Дубновъ-историкъ. Послушаемъ прежде публициста: „Теорія ассимиляціи должна была въ своемъ развитіи дойти до точки „абсурда“—и тогда ея несостоятельность открылась бы сама собою, а подавленное ею національное сознаніе выступило бы во всей своей силѣ. Но это былъ-бы очень длинный путь, и долго пришлось бы еще нашей литературѣ бороться за идеалъ народнаго самосознанія, прежде чѣмъ достигнуть побѣды... Тогда въ дѣло вдругъ вмѣшалась сама жизнь. Она вывинула гораздо болѣе убѣдительныя доказательства, чѣмъ литература. То были сильныя, *бьющія* доказательства: началась эпоха погромовъ (1881)“ **). Дубновъ-публицистъ, такимъ образомъ, утверждаетъ, что національная идея должна была явиться „во всей своей силѣ“ за точкой абсурда, до которой *должна была* дойти теорія ассимиляціи въ своемъ стремительномъ развитіи,—должна была явиться какъ нѣчто противоположное, какъ контрастъ теоріи ассимиляціи. Но нѣсколько выше Дубновъ-историкъ документально доказалъ намъ, что теорія ассимиляціи не только не развивалась стремительно, но и вообще не развивалась и даже шла на убыль. Она, слѣдовательно, не могла дойти до точки абсурда, не могла явиться и „национальная идея“, лежащая по ту сторону абсурда. Въ той-же статьѣ, нѣсколькими абзацами выше, мы читаемъ: „Развитіе ассимиляціонной идеи въ еврейскомъ обществѣ достигло своей высшей точки въ 70-хъ годахъ“. (До абсурда, повидимому, она, однако, не дошла, ибо ея антиподъ, „национальная идея“ не выступила „во всей своей силѣ“). Дальше мы узнаемъ, что въ концѣ

*) Рѣчи и статьи, стр. 32.

**) «Будущность», 1899 г. № 5. Курсивъ въ цитатахъ принадлежитъ г. Дубнову.

70-хъ годовъ основались два русско-еврейскихъ органа, „стоявшихъ на точкѣ зрѣнія умѣренной ассимиляціи“, что въ одномъ изъ нихъ, въ „Разсвѣтъ“, „еврейская интеллигенція призывалась на работу въ пользу *своего* народа“. Идея ассимиляціи, такимъ образомъ, не успѣвши дойти до точки абсурда, шла на убыль, и г. Дубновъ разсуждалъ бы, конечно, гораздо логичнѣе, если бы изъ приводимыхъ имъ-же фактовъ сдѣлалъ выводъ, что теорія ассимиляціи должна была въ своемъ *регрессивномъ* движеніи, въ концѣ концовъ, свестись на „нѣтъ“ и замѣниться „національной идеей“. Это, по крайней мѣрѣ, имѣло-бы ви́дѣніи истинны. Истиной, однако, и это не было бы: теорія ассимиляціи, суживаясь и ослабѣвая, не перешла бы въ „національную идею“. Національная идея, т. е. идея охранительная, и теорія ассимиляціи, какъ таковая, какъ теорія, дѣйствительно, имѣютъ общую плоскость касанія, но не какъ противоположности онѣ соприкасаются, какъ думаетъ г. Дубновъ, а какъ однородныя явленія. То, что объединяетъ эти теоріи—это раціонализмъ, на почвѣ котораго выросла и та, и другая теорія. Еврейскіе „просвѣтители“ 60-хъ и 70-хъ годовъ, создавшіе теорію ассимиляціи, были, какъ всѣ просвѣтители, крайніе раціоналисты. Теорія ассимиляціи, которая въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ сводилась къ тому, что евреи *должны* смѣшаться съ другими народами, была чисто раціоналистическимъ измышленіемъ, не только, впрочемъ, безвреднымъ, но для того времени даже очень полезнымъ. Она, конечно, не могла быть долговѣчна, она могла существовать лишь до тѣхъ поръ, пока само „просвѣщеніе“ оставалось теоріей, проповѣдью единичныхъ просвѣтителей, но она должна была уступить мѣсто живымъ *потребностямъ* и реальнымъ *силамъ*, когда просвѣщеніе, проникнувъ въ болѣе или менѣе широкіе слои еврейскаго населенія, стало фактомъ. Такъ оно, въ самомъ дѣлѣ, и было.

Изъ той же статьи г. Дубнова мы узнаемъ, что „Разсвѣтъ“ объявилъ себя „органомъ *нужды* и *потребностей* русскихъ евреевъ“. Развиваясь дальше въ этомъ направленіи, русско-еврейская публицистика, конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, удалялась бы отъ раціоналистическаго измышленія, отъ „теоріи ассимиляціи“, т. е. отъ ученія о томъ, что еврейскій народъ *долженъ* слиться съ окружающими его народами; но въ то же время она удалялась бы и отъ „національной идеи“, такъ какъ эта послѣдняя есть такое-же раціоналистическое измышленіе, какъ и „теорія ассимиляціи“, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что она не отличается безвредностью. Формула, которой просвѣтители обыкновенно резюмировали свое ученіе, гласитъ: мы *должны* жить, какъ всѣ народы. Именно во имя этого лозунга „просвѣщенные“ дѣти боролись съ ортодоксальными отцами. Эта формула, какъ всякая раціоналистическая формула, какъ всѣ безотносительныя утвержденія, заключала въ себѣ много лжи. Эту же формулу выдвинули вы-

шедшіе изъ среды просвѣтителей первые сіонисты; она же служить лозунгомъ сіонистовъ и въ настоящее время. Содержаніе формулы при этомъ, конечно, совершенно измѣнилось, стало даже прямо противоположнымъ предыдущему, но ложь, заключающаяся въ ней, отъ этого не только не уменьшилась, но даже увеличилась.

Я старался возможно кратко выяснитъ генезисъ еврейскаго націонализма и сіонизма. Мы видимъ, что тотъ и другой являются порожденіемъ антисемитизма, съ одной стороны, и рационализма, съ другой стороны. Первый далъ матерію, второй явился формирующимъ началомъ. Передъ нами ублюдокъ, помѣсь человѣческой злобы и человѣческой ограниченности.

Намъ остается объяснить успѣхъ сіонизма, указать условія, способствовавшія распространенію идеи, объяснить сіонизмъ, какъ общественное явленіе. Тутъ нужно прежде всего напомнить о содержаніи сіонистской идеи, о самой сущности ея. Мы видѣли, что она исчерпывается двумя признаками: обособленность, какъ принципъ, какъ самоцѣль, и рационалистическое пониманіе жизни. Такая идея можетъ, конечно, рассчитывать на успѣхъ среди толпы. Разговоры на мотивъ: „мы“ и „они“ всегда будутъ плѣнять толпу, даже такую культурную, какъ еврейская, а рационализмъ есть настоящій способъ ея мышленія. Можно принять за правило: народныя массы никогда не ошибаются въ своихъ *дѣйствіяхъ*, ибо онѣ всегда направляютъ свои силы въ сторону наименьшаго сопротивленія, а это есть единственный критерій для оцѣнки „правильности“ дѣйствій, взятыхъ въ массѣ; но *судятъ* онѣ очень часто неправильно и тѣмъ неправильнѣе, чѣмъ меньше предметъ сужденій соприкасается съ жизнью; схематизмъ и рационализмъ, какъ наиболѣе легкія формы мышленія, характеризуютъ сужденія толпы. Но и помимо этихъ благопріятныхъ условій, лежащихъ въ самой сущности идеи, есть еще много другихъ условій, благопріятствующихъ ея распространенію. Оставляя въ сторонѣ богатство ея аксессуаровъ, роскошную гирлянду словъ, окружающихъ ее, какъ „возрожденіе“, „освобожденіе“, „самоосвобожденіе“ и т. п.; не говоря также объ идилліи, которая рисуется городскому массовому человѣку, когда ему говорятъ о своемъ полѣ, виноградникѣ и т. п. вещахъ, — я укажу на необычайно большую проводимость среды, въ которой распространяется идея сіонизма. Если бы какая-нибудь идея въ продолженіе двухъ десятилѣтій сдѣлала значительныя завоеванія въ средѣ русскаго, напримѣръ, народа, русской массы, то можно было бы съ большою вѣроятностью утверждать, что это идея жизненная; что она выросла изъ жизни и перейдетъ въ нее; пришлось бы допустить, что идея зарождалась въ каждомъ уѣздѣ, въ каждой волости, въ каждой деревнѣ самостоятельно, что она есть продуктъ жизни. Но еврейскій народъ—

народъ городской. Среди него идеи могутъ такъ же легко и удобно распространяться, какъ передаются коммерческія свѣдѣнія. Среди такого народа всегда будетъ обезпеченъ болѣе или менѣе значительный успѣхъ идеи, которая, будучи доступна и, по тѣмъ или другимъ причинамъ, привлекательна, не мѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ никому жить своей обычной жизнью, дѣлать свое обычное дѣло; *не мѣшаетъ*—этому именно условію сіонизмъ удовлетворяетъ въ весьма высокой степени. Это становится особенно ясно, если сравнить сіонистское движеніе съ просвѣтительнымъ, напримѣръ, движеніемъ, начавшимся среди русскихъ евреевъ 40—50 лѣтъ тому назадъ. Въ то время борьба между старымъ и новымъ, между „отцами и дѣтьми“ шла упорная и безпощадная. Она вносила расколъ въ общину, раздоръ въ семью. Просвѣтителі, особенно въ первое время, должны были выносить не мало преслѣдованій и гоненій со стороны ортодоксовъ, и если, тѣмъ не менѣе, новое движеніе все болѣе и болѣе расширялось, то адепты новой идеи могли быть увѣрены, что будущее принадлежитъ имъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ сіонистскомъ движеніи. Нѣтъ ничего дешевле, какъ стать сіонистомъ. Для этого достаточно сказать себѣ: „сіонистъ есмь“ и заплатить 40 копѣекъ. Никакой борьбы выдерживать не приходится, никакимъ преслѣдованіямъ тебя не подвергаютъ. (Явный признакъ, что сіонизмъ—самъ по себѣ, а жизнь—сама по себѣ). За то приобретаешь цѣлый рядъ правъ: можешь избирать, быть избираемымъ, можешь даже попасть въ Базель, а то и въ Лондонъ, и увидѣть то, чего дома не увидишь, парламентъ...

Приведенныхъ соображеній, полагаю, болѣе чѣмъ достаточно для объясненія успѣха сіонизма *), успѣха, замѣтимъ внѣшняго, чисто словеснаго.

Люди поверхностные, судящіе о вещахъ по ихъ внѣшности, усматриваютъ въ значительномъ развитіи литературы (преимущественно періодической печати и переводной литературы) на древне-еврейскомъ языкѣ успѣхъ націоналисткой, въ частности сіонистской идеи. Это несомнѣнное заблужденіе. Достаточно только поставить себѣ вопросъ: на чей счетъ, на счетъ какой литературы развивается древне-еврейская литература?—чтобы въ этомъ убѣдиться. Не на счетъ литературы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ растетъ она, не среди читателей русскихъ и иностранныхъ газетъ вербуетъ древне-еврейская печать, вообще говоря, своихъ подписчиковъ. Новая еврейская литература растетъ

*) Все сказанное касается, главнымъ образомъ, вопроса о причинахъ распространенія сіонизма среди русскаго еврейства. Но врядъ-ли нужно доказывать, что самое существованіе сіонизма обусловливается его успѣхомъ именно среди русскихъ евреевъ. Если бы въ Россіи условія неблагоприятствовали распространенію сіонизма, то «Judenstaat» д-ра Герцля, въ лучшемъ случаѣ, могъ бы послужить лишь удобной темой для фельетона.

на счет литературы на древне-еврейскомъ-же языкѣ, но только духовнаго содержанія. Расширеніе древне-еврейской литературы и печати является результатомъ не націоналистической пропаганды, а прогрессивной секуляризаціи мысли еврейской публики. Подъ вліяніемъ проповѣдей „просвѣтителей“, „ассимиляторовъ“ 60-хъ и 70-хъ годовъ и еще болѣе подъ вліяніемъ общихъ условій времени, свѣтская мысль одержала побѣду надъ духовной, въ нѣкоторыхъ, довольно широкихъ кругахъ еврейскаго народа. Въ этихъ кругахъ выросло цѣлое поколѣніе съ секуляризованной мыслью. Но возможность усвоить себѣ русскую рѣчь не только не росла параллельно и равномерно съ расширеніемъ потребностей въ свѣтской литературѣ среди еврейскаго народа, но даже чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе суживалась. И огромному числу лицъ остается возможность удовлетворять этой потребности своей на единственномъ, доступномъ для нихъ языкѣ—древне-еврейскомъ, который они, въ большинствѣ случаевъ весьма недостаточно и несовершенно, но все же усваиваютъ себѣ въ народной школѣ. Ростъ свѣтской древне-еврейской литературы—явленіе прогрессивное и происходитъ отъ причинъ, съ націоналистической пропагандой ничего общаго не имѣющихъ. Сіонизму здѣсь принадлежитъ лишь та рѣзкая націоналистическая окраска, которая въ настоящее время преобладаетъ въ этой литературѣ. Этого обстоятельства никто, кромѣ самихъ сіонистовъ, въ активъ движенію, конечно, не поставитъ.

Для тѣхъ, которые, не вѣря ни въ долговѣчность сіонизма, ни въ осуществимость его задачи, ни въ то, что въ немъ, дѣйствительно, выражены стремленія еврейскаго народа, тѣмъ не менѣе, приписываютъ сіонизму какія-то мнѣшескія заслуги, будто онъ развиваетъ самосознаніе массъ, кого-то оживляетъ, что-то создаетъ и т. д.,—для этихъ людей только что сказанное здѣсь о ростѣ еврейской литературы можетъ послужить примѣромъ того, какъ, рассуждая по принципу *post hoc ergo propter hoc*, легко приписывать сіонизму заслуги, которые ему, въ дѣйствительности, не могутъ принадлежать. Этимъ наивнымъ людямъ, очевидно, не извѣстенъ столь же глубокомысленный, сколько остроумный афоризмъ, гласящій: „на нарисованномъ крюкѣ можно повѣсить лишь нарисованную же люстру“. Если сіонизмъ не выражаетъ собой назрѣвшихъ нуждъ и потребностей народа, если не полнота жизни его породила, и онъ въ жизнь не перейдетъ, то никого возрождать и ничего создавать онъ не можетъ. Если-же, тѣмъ не менѣе, кому-нибудь покажется, что онъ поднимаетъ сознаніе народныхъ массъ, то здѣсь, очевидно, одинъ изъ двухъ случаевъ: или мы имѣемъ дѣло съ нарисованной люстрой, съ явленіемъ кажущимся, и „возрожденные“ такъ же легко забудутъ сіонистскія фразы, какъ легко ихъ усвоили; или же „возрожденіе“, „поднятіе“, „ростъ“ являются результатами причинъ,

ничего общаго съ сіонизмомъ не имѣющихъ и, такъ какъ всѣ пути закрыты и открытой остается одна лишь сіонистская щель, лишь проявляются въ видѣ сіонизма, окрашиваясь при этомъ въ тотъ специфическій цвѣтъ, ради котораго извѣстными сферами и терпится самъ сіонизмъ.

Второй вопросъ: что-же дѣлать? Отвергая сіонистскую программу, какую другую мы можемъ предложить евреямъ? Въ этомъ вопросѣ, поставленномъ такъ обще, слышится голосъ толпы, тоска по потерянной схемѣ, освобождающей отъ тяжелой обязанности думать, слышится стремленіе поскорѣ замѣнить ее новой схемой, столь-же удобной; слышится легковѣріе; слышится сіонизмъ. Изъ всего сказаннаго въ моей статьѣ, изъ всего ея содержанія вытекаетъ, что на такой общій вопросъ можно дать лишь столь же общій, а потому и мало содержательный отвѣтъ, который въ ней уже и данъ. Что дѣлать евреямъ? Чтобы возможно было дать на этотъ вопросъ болѣе содержательный отвѣтъ, необходимо ограничить вопросъ; необходимо указать, о какихъ евреяхъ идетъ рѣчь—русскихъ, французскихъ, американскихъ, необходимо указать для чего дѣлать, противъ чего дѣлать и т. д. Если спросить, что нужно дѣлать въ настоящее время русскимъ евреямъ, то на этотъ болѣе опредѣленный вопросъ можно дать и болѣе опредѣленный отвѣтъ. На этотъ вопросъ, съ одной стороны, отвѣчаютъ довольно обширныя программы такъ называемыхъ народниковъ, просвѣтителей, филантроповъ и т. д. Упорядоченіе общинныхъ дѣлъ (раввинскій вопросъ въ связи съ вопросомъ о метрическихъ записяхъ, коробочный сборъ и др.), увеличеніе числа школъ, использование обширной сѣти хедеровъ на дѣло народнаго просвѣщенія, разработка еврейской исторіи и еврейской науки, созданіе дешеваго и доступнаго кредита, созданіе дешевой юридической помощи по вопросамъ запутаннаго спеціально-еврейскаго законодательства, содѣйствіе эмиграціи изъ „черты“ во внутреннія губерніи тѣхъ евреевъ, которымъ это закономъ предоставлено, устройство артелей, трудовая помощь, устройство еврейскихъ семействъ на городскихъ земляхъ, развитіе среди нихъ пригородныхъ земледѣльческихъ промысловъ и т. д., и т. д.—таковы пункты этихъ программъ.

Съ другой стороны, на этотъ вопросъ старается дать отвѣтъ, между прочимъ, и моя статья. Что дѣлать въ настоящее время русскимъ евреямъ? Самое важное, самое главное дѣло, которое они должны и котораго не могутъ не дѣлать, — это работать рука объ руку съ передовыми элементами народа, среди котораго они живутъ. Что бы ни говорили антисемиты и сіонисты, еврей—не отрѣзанный ломоть своей родины, а живая часть живого цѣлаго; не можетъ не страдать малокровіемъ и худосочиѣмъ часть, когда худосочно и малокровно цѣлое; не можетъ повыситься пульсъ жизни цѣлаго, безъ того, чтобы не повысилась

интенсивность жизни каждой его части. Для блага этого цѣлаго и должны работать евреи. Это они должны дѣлать, какъ русскіе граждане, это они должны дѣлать, какъ евреи и для евреевъ.

Что нужно дѣлать для „еврейскаго народа“? То-же, что для евреевъ. Ничего другого и нельзя и не должно дѣлать. Сохраненіе и развитіе еврейскаго народа, сохраненіе и развитіе его культуры, сохраненіе и развитіе того, что есть въ ней лучшаго — такова задача. Эту задачу лучше всего можно выполнить, работая на благо евреевъ. Поднимите матеріальный и духовный уровень пяти милліоновъ русскаго еврейства, способствуйте возможно быстрому, возможно легкому переходу массы еврейскаго народа отъ средневѣковаго міросозерцанія къ современному, дайте еврейскому народу возможность выступить болѣе активнымъ факторомъ въ исторіи родной страны—и, будьте увѣрены, онъ выступитъ, какъ *еврейскій* народъ. Четырехтысячелѣтнюю культуру нельзя сбросить съ себя въ одинъ мигъ, какъ сбрасываютъ сюртукъ. Участвуя активно въ жизни того народа, среди котораго онъ живетъ, онъ проявитъ свой „историко-культурный типъ“, проявитъ не какъ нѣчто стаціонарное и самодовлѣющее, а какъ одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ будетъ формироваться его будущій „историко-культурный типъ“. Чѣмъ болѣе кругъ въ средѣ еврейства будетъ охваченъ новымъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ большее количество лицъ будетъ имѣть возможность выступить активно на арену исторіи, тѣмъ меньше опасности для еврейской интеллигенціи раствориться среди другихъ народовъ, ступеваться: *инерція пропорціональна массѣ*. Націоналистская пропаганда, подчиняя требованія жизни раціоналистическому измышленію о сохраненіи „еврейскаго народа“, какъ самоцѣли, фактически, какія бы громкія фразы и сладковзвучныя слова при этомъ ни говорились, стремится задержать естественное развитіе жизни, служить реакціи, препятствуетъ возможному при данныхъ реальныхъ условіяхъ развитію еврейскаго народа и этимъ самымъ *противодѣйствуетъ его сохраненію*. Это самое глубокое противорѣчіе, заключающееся въ „національной идеѣ“.

Резомирую. Задача сіонизма создать еврейское государство—химера. Задача сіонизма не только не выполнима, но не можетъ быть и выполняема. Не только нѣтъ достаточныхъ силъ, чтобъ ее выполнить, но вовсе нѣтъ и не можетъ быть такихъ силъ, которыя направились бы на ея выполненіе. Задачи сіонизма, въ дѣйствительности, вовсе не существуетъ; существуютъ лишь разговоры объ этой задачѣ. Этой призрачности своей, чисто словесной своей природѣ, сіонизмъ, между прочимъ, обязанъ своимъ относительнымъ успѣхомъ. Сіонизмъ и еврейскій націона-

лизмъ, порожденные реакціей, суть сами явленія реакціонныя. Сіонизмъ, по основному догмату своему о неизбѣжности и вѣчности вражды не-евреевъ къ евреямъ есть антисемитизмъ, возведенный въ принципъ. Націоналистско-сіонистская пропаганда имѣетъ чисто охранительную тенденцію и потому *неизбѣжно* реакціонна. Такъ какъ возможный при данныхъ реальныхъ условіяхъ прогрессъ еврейскаго народа важенъ не только для блага евреевъ, но и для сохраненія еврейскаго народа, то націоналистско-сіонистская пропаганда, фактически противодѣйствующая этому прогрессу, есть явленіе также и *антинаціональное*.

І. Бикерманъ.

* * *

Жить—будемъ жить! И отъ судьбы возьмемъ
Хотя одну весну, хотя одно мгновенье
Безъ жалкой слабости, раздумья и сомнѣнья...
—Въ невѣдомую даль, свободные, пойдемъ!..

И если тамъ—могила и покой,
Цвѣты увядшіе и смолкшія желанья,—
Я вижу надъ собой весеннее сіянье...
Сегодня я живу, и день сегодня—мой!..

Г. Галина.

ПРІЯТЕЛИ.

(Очеркъ).

О поѣздкѣ въ Парижъ Иванъ Ивановичъ Рябковъ мечталъ лѣтъ пятнадцать, и вотъ, наконецъ, мечты его осуществились. Особенно хотѣлось Рябкову въ „столицу міра“ попасть къ выставкѣ, но это не удалось. Онъ было уже и отпускъ выпросилъ,—Рябковъ служилъ рисовальщикомъ въ большой хромо-литографіи, — и паспортъ уже получилъ, но Петька, четырехлѣтній сынишка его, проглотилъ гайку отъ подсвѣчника; отъ этого у него сдѣлалось воспаленіе кишекъ, и деньги, въ теченіе очень долгаго времени по грошику откладывавшіяся для поѣздки, въ двѣ недѣли разошлись на докторовъ и аптеку...

— Теперь шабашъ,—думалъ послѣ этой неудачи Иванъ Ивановичъ.—Старъ ужъ я дѣлаюсь... конечно... уже за-границы не увижу...—Но совершенно неожиданно онъ получилъ къ Новому году отъ хозяина сто рублей наградныхъ, и такъ же неожиданно привалилъ къ нему сверхсмѣтный заработокъ. Трактирщикъ Тризна, заколотивъ въ гробъ свою жену, Варвару Филипповну, почувствовалъ потребность пожертвовать въ соборъ образъ великомученицы Варвары, и образъ этотъ заказалъ Ивану Ивановичу. — „А ну, такъ все-таки поѣду,—съ сердечнымъ замираніемъ говорилъ Рябковъ,—Лувръ увижу, дрезденскую галерею... въ Мюнхенъ, въ пинакотеку загляну тоже... Эхъ, вѣдь все же художникъ я, какъ ни какъ!..“

Въ Парижѣ Иванъ Ивановичъ разыскалъ своего школьнаго товарища художника Пташникова. Въ былыя времена, ученикомъ рисовальной школы, Пташниковъ этотъ представлялъ изъ себя долговязаго, растрепаннаго, неопрятнаго верзилу. Теперь же Рябковъ увидѣлъ передъ собой стройнаго, красиваго мужчину, съ выразительными синими глазами, съ великолѣпной русой бородой. Рябковъ сначала было заробѣлъ: элегантность товарища, его важный, почти величе-

ственный видъ, роскошная обстановка его великолѣпной квартиры,—на бѣднаго провинціала подѣйствовали ошеломляюще; онъ пугливо озираясь и съ тоской говорилъ себѣ:— „и зачѣмъ только я къ нему полѣзъ!..“ Скоро, однако же, робость эта стала таять, минутъ черезъ десять Рябковъ уже думалъ, что Пташниковъ „ей-Богу добрякъ“, а еще черезъ четверть часа уже смѣтрѣлъ на пріятеля съ той благодарной и ласковой радостью, съ какой прозинившаяся, ожидавшая пинка собака трется у ногъ приласкавшаго ее хозяина.

— Такъ вотъ ты какой, Николай Васильичъ!—весело, почти съ умиленіемъ восклицалъ онъ.

— Да, такой... Приходи, Ванюшка, ко мнѣ завтракать каждый день, запросто приходи. А завтра приходи и обѣдать,—я и Жуйкина позову.

— Да развѣ и Жуйкинъ здѣсь?!

— Здѣсь... Измѣнился и онъ. Глазастый и губатый, какъ и раньше былъ, но сталъ толстѣе и брюхатѣе, сѣдѣетъ, и плѣшь у него почище твоей.

Обѣдъ у Пташникова на другой день былъ великолѣпный,—съ трюфелями, съ шампанскимъ, а десертъ и сыры были такіе, что Рябковъ не зналъ, какъ ихъ ѣсть, и ждалъ, чтобы первымъ за нихъ ваялся хозяинъ. Рябковъ почти все время молчалъ, ежился, озираясь, конфузливо запискивалъ въ рукава маншеты, то и дѣло наѣзжавшія на самые пальцы, и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ тому, что говорили Жуйкинъ и Пташниковъ. Тѣ оба были отлично настроены и ѣли, пили и говорили очень много.

— То, что ты теперь пишешь, Николай Васильичъ, удивительно!—восклицалъ Жуйкинъ.—Прямо удивительно! Твоя новая картина,—поразительный шедевръ. Знаешь, я прямо говорю: ты еще не овладѣлъ секретомъ, но ты къ нему близокъ. Ты дѣлаешь теперь новый шагъ къ великой тайнѣ и теперь ты уже *touche le sublime du doigt*.

Рябковъ впился своими маленькими, близко къ носу поставленными глазками въ говорившаго, а Пташниковъ, проглатывая большой кусокъ, отвѣтилъ:

— Да-а, закачу штуkenцію знатную.

— Ты создаешь теперь нѣчто необыкновенное, нѣчто абсолютно-новое. Это ново даже по отношенію къ твоимъ работамъ. Твоя картина окончательно опрокидываетъ всю ту ветошь, которую нагромождали въ искусствѣ такъ называемые „художники“ до сихъ поръ.

— Саа-гла-сень!

— И я тебѣ объясню, какъ это происходитъ!—Жуйкинъ отложилъ въ сторону свою вилку. Лицо его приняло выраженіе значительное, строгое, почти торжественное.—Я тебѣ

объясню, отчего собственно ты можешь создавать такія вещи. Есть, видишь ли, двухъ сортовъ память. Память прошедшаго, во-первыхъ, и память будущаго, во-вторыхъ. Память прошедшаго,—въ ней все ясно, понятно, несомнѣнно, и ею обладаютъ всѣ люди. Въ памяти же будущаго все туманно, мглисто, шатко, и многое въ ней невѣрно. Но то, что въ ней уловить можно—драгоценно, драгоценно безконечно. Ты, Николай Васильичъ, обладаешь именно этой памятью будущаго; и ты поэтому предугадываешь содержаніе завтрашняго дня, совершенно такъ же, какъ мы, обыкновенные люди, нашей обыкновенной, банальной памятью прошедшаго можемъ отдавать себѣ отчетъ въ содержаніи дня вчерашняго.

— Иванъ Ивановичъ, понялъ что-нибудь?—кивая на Жуйкина, спросилъ Пташниковъ Рябова.

Иванъ Ивановичъ тихо улыбался и не отвѣчалъ. Изъ того, что говорилъ Жуйкинъ, онъ не понялъ ничего. Но онъ и многого другого здѣсь не понималъ. Не понималъ картинъ Пташникова, не понималъ, почему тотъ знаменитость, не понималъ, съ какой стати прислуживавшій за обѣдомъ Арманъ, французъ, одѣтъ въ русское платье, не понималъ, почему рядомъ съ мастерской Пташникова имѣется комната, вся занятая огромнымъ иконостасомъ и многочисленными лампадками.

— Твоя память будущаго даетъ тебѣ возможность опередить другихъ художниковъ, по крайней мѣрѣ, на четверть вѣка,—началъ опять Жуйкинъ. — И тебя поэтому ждуть успѣхи неслыханные. Звѣзда, подъ которой ты родился...

— Э нѣтъ, Андрей Михалычъ,—взмахнуль вдругъ руками Пташниковъ,—это уже ты брось. Что хочешь мели, но только про звѣзды свои брось. Знаешь, вѣдь я эту канитель не выношу.

Жуйкинъ съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія оглядѣлъ Пташникова и перевелъ глаза на Рябова.

— Не понимаю,—сказалъ онъ, пожавъ плечами и вздохнувъ.—Рѣшительно не понимаю... У него психическій аппаратъ такой, что онъ опережаетъ миллионы людей, и не смотря на это, онъ всетаки рутинеръ. Онъ стоитъ и спереди, и сзади современности. Онъ создаетъ поразительныя вещи, такія, которыхъ, теперь и оцѣнить, и понять не могутъ, и всетаки отрицаетъ вліяніе небесныхъ тѣлъ на человѣческую судьбу. Не понимаю... Но вѣдь и эта, ваша официальная наука,—продолжалъ Жуйкинъ, воспламеняясь и поворачиваясь къ Пташникову,—вѣдь и она тоже вынуждена, въ концѣ концовъ, признать, что приливы и отливы находятся въ зависимости отъ луны! И вѣдь каждый же и всякій можетъ провѣрить на самомъ себѣ, что волосы, остриженные

въ новолуніе перестаютъ расти. Такъ какъ же послѣ этого упорствовать? И какъ можешь ты, ты, провидецъ, умственнымъ окомъ пронизывающій завѣсу будущаго...

— Мели, мели! — спокойно проговорилъ Пташниковъ. — Вѣдь вотъ какая исторія, Иванъ Ивановичъ! Какъ только меня и мои картины начинаютъ хвалить, такъ сейчасъ появляется и „завѣса“, и разный тамъ „мракъ“ съ будущимъ. И въ похвалахъ этихъ все и „туманно“, и „мглисто“, и непонятно. Но за то когда примутся ругать, — тутъ уже все и ясно, и понятно, и хорошо. Ей-Богу! Иногда такъ остроумно раздѣляютъ, мое почтеніе!..

Рябовъ подобныхъ признаній отъ своего пріятеля не ожидалъ и не могъ не выразить удивленія такой откровенности.

— Чудакъ! — Пташниковъ пожалъ плечами. — „Откровенность“! Когда это мнѣ не вредить, отчего же не быть откровеннымъ? Ты, можетъ быть, думаешь, что я постыжусь тебѣ сказать, что всѣ мои картины сплошная дичь и бессмыслица?

Рябовъ смотрѣлъ на говорившаго со смущенной улыбкой и молчалъ.

— Дичь и бессмыслица, — выразительно повторилъ Пташниковъ. — *Fumisterie*. Но психопаты, дураки, кривляки и другіе Жуйкины отъ моихъ картинъ въ восторгѣ, и я этому очень радъ.

— *Mais, enfin*, что ты говоришь! — запротестовалъ Жуйкинъ.

— А ты, Андрюшка, не безпокойся... Всѣмъ извѣстно, и тебѣ первому, что у тебя голова не Аристотелева. Ну, значить, и помалкивай...

— Картины мои, — продолжалъ Пташниковъ, обращаясь къ Рябову, — сдѣлали то, что я вотъ теперь *artiste bien connu*, что я *maître*, что я насадитель *art nouveau* и что деньжищъ у меня пропасть. Какого же мнѣ еще дьявола нужно?

Рябовъ съ минутой помялся, почмокалъ языкомъ и потомъ началъ:

— Да, но видишь-ли... Ты меня извини... но... я на правахъ, такъ сказать, товарища... все же мы вѣдь... тово.. какъ бы сказать... и натурщика когда-то вмѣстѣ брали...

— Ну, брали.

— Собственно поэтому-то я и говорю... то есть я и позволяю себѣ... Деньжищъ, ты говоришь, много... Но ты же вотъ самъ признаешься, что... бессмыслица. А вотъ, если бы твои картины идейныя были...

Рябову хотѣлось сказать и еще кое-что, но саркастиче-

ская улыбка пристально глядѣвшаго на него Пташникова словно вогнала ему слова обратно въ горло. Бѣдняга поперхнулся, и умолкъ.

— Идеинья,—сказалъ Пташниковъ.—Идейня!.. Но какія же у нашего брата, у Митрофанушки, идеи? Да и дарованьишко-то вѣдь у насъ ростомъ въ вершокъ. О чемъ же хлопотать!—И, ошипывая вѣтку винограда, Пташниковъ продолжалъ:—Я, для своего дебюта въ „салонѣ“, мусорщиковъ написалъ—копаются два оборвыша въ мусорной кучѣ. Это идейное? Картинка, собственно говоря, ничего себѣ вышла, но, конечно, осталась совершенно незамѣченной. Я ее потомъ за пятьдесятъ пять франковъ продалъ, консьержка попротезировала... И если бы я упирался и продолжалъ писать „идейное“, я бы теперь тоже служилъ гдѣ-нибудь рисовальщикомъ и тоже безъ сапогъ ходилъ бы. Мало насъ такихъ? Эхъ, Иванъ Ивановичъ!—вздохнувъ, добавилъ Пташниковъ.—Станный ты, ей Богу, человекъ. Провинціей отъ тебя за сто верстъ несетъ. Нѣтъ у тебя ни самолюбія, ни размаха, ни нюха тонкаго, ни аппетита, ничего нѣтъ.

— Отчего же? Самолюбіе у меня есть.

— Аппетита у тебя нѣтъ, вотъ главное! У cadaго человека долженъ быть аппетитъ, здоровенный аппетитъ долженъ быть. Пасть свою широко раскрывать надо. А ты—мямля... Вотъ что-то такое про идейное бормотать сталъ...

— Онъ не понимаетъ новыхъ идеаловъ прекраснаго,—за сопѣлъ Жуйкинъ.—У него отсутствуетъ пониманіе вопросовъ жизни и духа.

— Положимъ, я знаю отлично, зачѣмъ ты про идейное заговорилъ,—продолжалъ Пташниковъ, не обращая никакого вниманія на слова Жуйкина.—Это ты показать себя хотѣлъ, пофорсить, достоинство свое соблюсти. „Мы хоть и изъ Кобелякъ, а понимаемъ тоже...“ Эхъ, братъ! А что собственно ты понимаешь?..

Минуту помолчавъ, Пташниковъ началъ опять.

— Вотъ что, Иванъ Ивановичъ! Мнѣ приходится въ голову, что я хорошо сдѣлаю, если расскажу тебѣ кое-что о себѣ. О томъ, на примѣръ, какъ я въ люди вышелъ. Это тебѣ будетъ полезно... Ты какъ-то такъ наивенъ и простъ, что прямо досадно дѣлается. Воображаешь, что какъ у васъ тамъ, въ Кобелякахъ, жизнь идетъ, такъ она и вездѣ. Глупо это... А вотъ я расскажу тебѣ, какъ умные люди дѣла обдѣлываютъ, такъ, можетъ быть, и ты хоть чуточку поумнѣешь.

— Ну вотъ!—заворчалъ Жуйкинъ,—разсказы какіе-то пойдутъ... къ чему это?

— А тебѣ что?.. Вотъ тебѣ кофе, вотъ тебѣ сигары. Если

объялся—ступай засни. А то на кухню къ Жюстинѣ ступай... пофилософствовать.

— Строга твоя Жюстина,—вздыхнул Жуйкинъ.

— Ну, это ужъ какъ знаешь устраивайся...—Пташниковъ положилъ себѣ винограду.—Да, Иванъ Ивановичъ! тебѣ положительно полезно будетъ послушать...

Рябковъ замигалъ глазами и неловко завозился на стулѣ.

— Я, признаться, и самъ тоже,—съ благодарностью въ голосъ проговорилъ онъ,—я и самъ все думаю себѣ: „дай-ка, думаю, разспрошу его о томъ, о семъ“,—о разномъ, то есть,—да все какъ-то не того... какъ бы сказать... не выходитъ. Боюсь нескромности...

— Какая тутъ нескромность? Красть я не кралъ, убивалъ рѣдко, скрывать мнѣ нечего... Расскажу съ удовольствіемъ... Только начать придется со стороны, не съ себя, а съ другихъ. Съ княгини Асланбековой начну...

— О-уфффъ!..—Жуйкинъ, оттопыривая губы, шумно вздохнулъ и пересѣлъ въ кресло.

Пташниковъ, не спѣша, доѣлъ свой виноградъ, отодвинулъ тарелку и облокотился на столъ.

— Да, съ Асланбековой, стало быть...—сказалъ онъ.—Во времена оны процвѣтала тутъ княгиня Асланбекова, Глафира Пантелеймоновна. Собственно говоря, она была не княгиня, а купчиха, но родитель ея, московскій фабрикантъ и миллионеръ, приобрѣлъ ей князя въ мужья. Приобрѣлъ, и вскорѣ послѣ того благополучно скончался. Князь только было нацѣлился купеческіе миллионы спускать, а княгиня взяла да и со двора его долой. Баба была съ характеромъ.

— Вотъ это правда: въ высшей степени замѣчательный человекъ,—вставилъ Жуйкинъ съ убѣжденіемъ.

— Да, замѣчательный. А, главное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма небезполезный... Прогнавъ князя, княгиня Асланбекова переселилась въ Парижъ. Здѣсь она вела очень большой train, и было у нея нѣчто вродѣ литературно-артистическаго салона. Собою княгиня была очень нехороша,—толста и нескладна, животь у нея начинался чуть-ли не у шеи, губы были лиловыя, носъ огурцомъ, глаза круглые, какъ у курицы... И умъ тоже какъ у курицы...

— Ну, зачѣмъ клеветать!—съ неудовольствіемъ сказалъ Жуйкинъ.

— Андрей Михалычъ, ты молчи!—и, обернувшись къ Рябкову, Пташниковъ сказалъ:—этотъ кавалеръ за Асланбекову въ огонь и воду поидетъ,—онъ ей „родственникъ по духу“. Вѣдь ты знаешь, чѣмъ собственно онъ тутъ занимается? Онъ тутъ „съ рутиной борется“.

— То есть какъ же это?

— Посредствомъ банкетовъ... Видишь-ли, вѣдь уже лѣтъ пятнадцать, какъ онъ тутъ околачивается, и знакомыхъ у него за это время завелось пропасть. Все люди извѣстные— писатели, художники, актеры. И вотъ, если кому-нибудь изъ его „amis“ выпадетъ успѣхъ—онъ сейчасъ и устраиваетъ банкетъ. Суетится, волнуется, бѣгаетъ, двѣ недѣли, три недѣли, мѣсяцъ, и успокоится только тогда, когда банкетъ устроенъ...

— Ты бы о себѣ рассказывалъ, если языкъ чешется,— заговорилъ Жуйкинъ. И по лицу его трудно было понять, сердится онъ, или же, напротивъ, радуется, что рѣчь идетъ именно о немъ.

— Устроить онъ банкетъ, — продолжалъ Пташниковъ, добродушно улыбаясь, — и говорить рѣчь. Рѣчь эта всегда одна и та же: все надо обновить, — науку, литературу, искусство, формы общественной жизни. Все старое сгнило и не годится никуда, теперь восходитъ новая заря, и каждый изъ васъ, mes chers amis, есть лучъ этого возрождающаго солнца... Точно я передаю, Жуйкинъ?

— Чортъ тебя знаетъ, что ты тамъ городишь!

— Видишь, Ванюшка, не опровергается! — весело сказалъ Пташниковъ. — „Всѣ вы, говорить, лучи...“ Меня лично онъ тоже признаетъ лучомъ, даже очень яркимъ, даже ослѣпительнымъ. Себя же самого теперь не считаетъ ничѣмъ, но было время, когда онъ видѣлъ въ себѣ цѣлое солнце. Онъ писалъ тогда симфоніи и собирался произвести переворотъ въ музыкѣ. Перевернуть ему не удалось ничего, и онъ взялся за живопись. Ее онъ не возродилъ тоже, и сталъ изучать теологію. Поселился въ монастырѣ, у монаховъ-трапистовъ, и совсѣмъ уже приговился перейти въ католичество, да вышла какая-то скверность, не подъ силу даже Жуйкину... Ну, онъ обидѣлся и убѣжалъ... Что ты послѣ этого еще затѣялъ, Михалычъ? я запоматывалъ.

— Ничего не затѣвалъ, чортъ! — Теперь уже было совершенно ясно, что Жуйкину пріятно, что говорятъ о немъ.

— Послѣ этого онъ задумалъ писать изслѣдованіе о развратѣ. Реалистовъ и натуралистовъ онъ „терпѣть не можетъ“, но наблюденія надъ жизнью считаетъ дѣломъ полезнымъ. И чтобы сдѣлать наблюденія, онъ затѣялъ наняться къ одной *demi mondaine* лакеемъ. Ну, она, конечно, сразу догадалась, что передъ нею не лакей, заинтересовалась Жуйкинымъ и оставила его при себѣ... въ качествѣ чего это, Андрей Михалычъ?

— Я личнымъ секретаремъ у нея служилъ, — съ достоинствомъ промолвилъ Жуйкинъ.

— Ну вотъ... Секретарствовалъ онъ у нея мѣсяца три, она возила его съ собой повсюду,—на скачки, въ театры, на балы... потомъ онъ ей надоѣлъ, и она его отослала.

— Врешь, я самъ ушелъ.

— Ну, положимъ, что ушелъ самъ... Потомъ онъ еще много другихъ хорошихъ предпріятій затѣвалъ, всѣхъ не припомню. Въ Индо-Китай ѣздилъ,—но очутился почему-то въ Сиднеѣ. Стрѣлялся тоже, но, къ сожалѣнію, неудачно. Сейчасъ вотъ онъ спиритизмомъ занимается и астрологіей, находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Маріей-Антуанетой, съ Годфриломъ Бульонскимъ, составляетъ гороскопы и можетъ въ точности объяснить, какая звѣзда управляетъ мною, когда я пишу, и какая командуетъ, когда я ѣмъ или парюсъ въ банѣ... У княгини Асланбековой астрологъ этотъ одно время былъ въ большомъ фаворѣ. Она очень любила „новыхъ людей“, любила ихъ даже больше, чѣмъ шампанское, а это много... Народу въ ея салонѣ бывало множество, и часто люди съ большими именами. Особенно льнули къ ней художники: она составляла галлерею и платила за картины огромные куши... Вотъ, вскорѣ послѣ моего дебюта въ „салонѣ“, я на одномъ изъ „soirée“ этой барыни былъ представленъ Жюлю Арсену, романисту и художественному критику, человѣку очень вліятельному. Арсенъ обошелся со мной очень ласково, сказалъ мнѣ много пріятнаго о моемъ дарованіи, но „мусорщиковъ“ моихъ не похвалилъ.—„C'est vieux ça, c'est bien vieux,—сказалъ онъ.—Et puis, je n'en sais rien, n'est-ce pas, mais je crois que vous êtes un peu nihiliste“ *).

— „Mais c'est justement ce que je lui dis toujours **),—съ горячностью подхватила Асланбекова.

— „Et ils sont tous comme ça chez nous, tous. Impossible de comprendre ce qu'ils font. Ils sont tous des arriérés, les artistes, les écrivains, tous, même les savants“ ***).

— Около получаса просвѣщалъ меня мосье Арсенъ, и фразы о новомъ искусствѣ, о новой красотѣ, о новыхъ идеалахъ такъ и сыпались.

— „Et ce qu'il y a de plus facheux“ ****),—вмѣшалась опять княгиня,—„это то, что вѣдь онъ настоящій талантъ. Если бы вы видѣли, какія у него пастели! Да онъ могъ бы дѣлать чудесныя вещи.“

*) Это старо... и потомъ, я не знаю... но мнѣ кажется, вы немного nihiliste.

**) Это и я говорю ему постоянно.

***) И таковы они у насъ всѣ. Невозможно понять, что они дѣлаютъ. Всѣ они отсталые: артисты, писатели, даже ученые.

****) И что особенно досадно...

— „Я въ этомъ не сомнѣваюсь“,—подтвердилъ Арсенъ.

— „Ателье M-r de Ptachnicoff въ улицѣ Grande Chaumière, № 12“. Арсенъ почтительно поклонился,—„Вы удивительно проницательны, *princesse*! Вы отвѣтъ даете раньше, чѣмъ поставленъ вопросъ“.

— На слѣдующій же день Арсенъ сидѣлъ у меня въ мастерской. Онъ съ комическимъ ужасомъ отбрасывалъ въ сторону этюды „à la nihiliste“—„*affreux, affreux!*“,—но довольно благосклонно отзывался о моихъ пастельныхъ изображеніяхъ танцовщицъ.

— „То, что дѣлали старые художники, было, можетъ быть, хорошо въ свое время,—говорилъ онъ,—но теперь это отжило. Теперь идеалы другіе. Молодые силы, идущія по стопамъ стариковъ, осуждены на безславную гибель, а будущее принадлежитъ этимъ смѣлымъ борцамъ, этой гордой когортѣ, *si noble, si plein de courage*, предъ которой *le critique ne peut s'empêcher de s'arrêter intimidé et respectueux*“ *).

— „Mais regardez moi ça!—вдругъ прервалъ онъ себя, схвативъ небольшой квадратный подрамникъ.—Ah, mais ça, c'est tout simplement superbe! Ah, quelle finesse! Quel sentiment! Quelle sincérité! Mais c'est d'un Dégas ça! C'est d'Ibsen, de Bjornson, de Greag“ **).

— И пошелъ, и пошелъ... Восхищается, радуется, любитъ... Онъ восхищается, онъ радуется, а я стою озадаченный, смущенный, растерянный, стою—прямо сказать—какъ болванъ, и нѣтъ у меня храбрости сознаться, что не я писалъ этотъ этюдъ и что попалъ онъ ко мнѣ въ мастерскую случайно... Андрей Михалычъ, а знаешь ты, чей это былъ этюдъ?

Пташниковъ умолкъ и, лукаво улыбаясь, уставился на Жуйкина.

— Какой тамъ этюдъ?—лѣниво пробормоталъ Андрей Михалычъ.—Ты все врешь. Далъ бы лучше соснуть полчасика...

— Ну, спи!—весело сверкнулъ глазами Пташниковъ.—А только этюдъ этотъ писалъ ты.

— Я?

— Да, голубчикъ, ты! Собственными неумѣлыми руками своими...—Видишь ли,—обратился Пташниковъ къ Рябкову,—это происходило въ ту пору, когда Жуйкинъ занимался возрожденіемъ живописи...

— Брехня, все брехня,—невозмутимо проворчалъ Жуй-

*) Благородной и полной мужества, передъ которой критика не можетъ не остановиться робко и почтительно...

**) Посмотрите вотъ это. Это просто прелестно. Какая тонкость, какое чувство, какая искренность! Это Дегазъ, это Ибсенъ, Бьернсонъ, Григъ!..

кинъ и протянулъ свои коротенькія, обутыя въ лакированныя ботинки ноги на стулъ.

— Онъ до такой степени лишенъ способностей къ живописи,—разгорячаясь, продолжалъ Пташниковъ,—что если бы работалъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, то не сумѣлъ бы дойти до того, чтобы сносно изобразить,—ну вотъ этотъ, положимъ, графинъ. Этудь же, который такъ по вкусу пришелся Арсену, былъ собственно не этюдъ, а копія, копія съ одной символической картины, висѣвшей въ то время въ Люксембургскомъ музеѣ. Полная неумѣлость Жуйкина,—да отчасти умышленныя „усовершенствованія“,—сдѣлали то, что копія совершенно не напоминала оригинала, и это собственно мнѣ и послужило...

— И что ты все „копія, копія“!—прервалъ Жуйкинъ,—врешь, должно быть... чучело...

— Ушелъ отъ меня Арсенъ,—продолжалъ Пташниковъ,—а я долго потомъ сидѣлъ надъ разбросанными по полу этюдами, и смотрѣлъ то на нихъ, то на жуйкинское произведеніе. Чортъ знаетъ, что такое!—думалъ я,—а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ надо бы вотъ такъ писать... Были реалисты, а теперь пошли символисты... Когда-то были еще классицизмъ и романтизмъ... Искусство не стоитъ, все мѣняется...

— „Мусорщики за пятьдесятъ пять франковъ пошли,—думалъ я дальше.—Другое что-нибудь въ этомъ родѣ напишешь—та же исторія повторится. Этакъ и самъ, чего добраго, когда-нибудь мусорщикомъ сдѣлаешься“... А такого рода перспективы соблазняли меня весьма мало. Наивнымъ младенцемъ, ротозѣемъ я никогда не былъ, аппетитъ я всегда имѣлъ отличный, и къ жизни требованія предъявлялъ весьма опредѣленные. Я хотѣлъ богатства, я хотѣлъ извѣстности. Извѣстность, слава нужны мнѣ были во чтобы то ни стало,—нужнѣе даже, чѣмъ богатство. Такъ, братъ, ужъ я устроенъ, что до извѣстности жадеи. Мнѣ непременно надо играть роль, надо быть на виду, надо шумѣть... Если бы мнѣ пришлось провести жизнь темнымъ, безвѣстнымъ обывателемъ, рисовальщикомъ, какъ ты, примѣрно, я бы навѣрное былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ; я бы удавился съ тоски!.. Помнишь вѣдь, какъ еще въ школѣ, совсѣмъ еще ничтожнымъ соплячкомъ, я уже изъ кожи лѣзъ, чтобы обратить на свою особу общее вниманіе. Волосы носилъ до плечъ, шляпу добылъ себѣ съ такими огромными полями, что во всемъ городѣ другой такой не было, на визитныхъ карточкахъ изобразилъ—„художникъ“... Изъ школы дорога домой была мнѣ направо, а я всегда налѣво ходилъ, дѣлалъ крюкъ въ добрую версту,—затѣмъ, собственно, чтобы по Дерибасовской въ часы гулянья свой ящикъ съ красками попромени-

ровать,—„смотрите, народы, художникъ идетъ“!.. Я читаль, какъ хвалять Айвазовскаго, Шишкина, Крамского, и я думаль о томъ, что вотъ, кабы и меня вотъ этакъ... Въ „Нивѣ“ я читаль, что у Ганса Маккарта было неслыханной роскоши ателье и что къ нему позировать прїѣзжали первыя красавицы Вѣны,—и я весь загорался и обѣщаль себѣ, что такое же великолѣпное ателье будетъ и у меня, и что красавицы и ко мнѣ прїѣзжать будутъ... Тутъ, въ Парижѣ, посреди этого блеска и роскоши, и подъ вліяніемъ товарищескихъ разсказовъ о баснословныхъ кушахъ, вырабатываемыхъ нѣкоторыми модными художниками, аппетиты мои еще больше разгорѣлись. Смотришь на разѣздъ изъ Булонскаго лѣса—и безпокойно дѣлается: а отчего бы и мнѣ вотъ этого самага кабріолета и съ такимъ же самымъ, въ бѣлый халатъ укутаннымъ, негритенкомъ, на запяткахъ, не имѣть?.. Читаешь въ газетахъ списокъ разнаго рода *sommités*, посѣтившихъ *première* въ большой оперѣ и злишься: а отчего бы и моему имени тутъ не быть?.. Ну, а затѣмъ и Ліана, напримѣръ, де-Пужи изъ *Bouffes-Parisiens*, тоже вѣдь и она недаромъ на свѣтѣ существуетъ... Но какъ, однако же, далеко отъ всего этого отстоялъ я со своими „Мусорщиками“, со своими выреченными за нихъ пятидесятью пятью франками!.. А между тѣмъ, мнѣ было ясно, что Арсенъ, если бы только захотѣлъ, могъ бы ужасно много для меня сдѣлать. „Только бы ему понравиться“!.. А было очевидно, что понравиться можно въ томъ лишь случаѣ, если бросить свой „нигилизмъ“ и начать писать въ жуйкинскомъ духѣ. И вотъ, сообразивъ все это, я и попробоваль подражать Андрюшкиной копїи...

Пташниковъ отхлебнулъ кофе, вытеръ усы и началъ опять:

— Сперва какъ будто трудновато было. Мѣшала прочно установившаяся привычка искать точную форму, настоящій цвѣтъ. Сѣрая расплывчатая мазня выходила недостаточно... какъ бы это сказать... *debridé*, что-ли. Ну, а потомъ дѣло наладилось. И въ томъ году я въ салонѣ выставилъ вотъ какую картину: на мутно-лиловомъ фонѣ паритъ полупрозрачная, мутная дѣва; въ рукахъ у нея черепъ, на головѣ терновый вѣнецъ. Черепъ имѣетъ выраженіе смѣющееся, дѣва выраженія не имѣетъ никакого. Внизу полотна огонекъ, отъ него кверху подымается дымокъ и оканчивается этотъ дымокъ тремя змѣиными головами.

— И Арсену твоему это понравилось? — спросилъ Рябковъ.

— Еще бы! Онъ обо мнѣ написалъ восторженную статью. „*Art nouveau... conscience naïve... esprit libérateur... on est*

saisi par l'impression de grandeur, de mélancolie de ces symboles bleuâtres qui ont la poésie des grandes solitudes“ *).

— Я приходилъ въ „Салонъ“, останавливался передъ своею картиной и подолгу на нее глядѣлъ.— „Mélancolie... poésie... grandes solitudes“...—а чортъ его знаетъ! а можетъ оно тутъ и есть,—приходило иногда мнѣ въ голову. Отецъ у меня алкоголикъ, мать постница и богомолка,—почемъ я знаю, какъ все это на моей душѣ отразилось... Видишь ли въ чемъ дѣло! Читать, ты знаешь, я не охотникъ; но довелось всетаки и мнѣ прочесть что-то такое о Ломброзо, о criminel-né. Родился, молъ, арестантомъ, такъ ужъ какъ тамъ ни хитри, а отъ Владимирки не отвертись. Слыхалъ я также, что Эдгаръ По, американскій писатель, писалъ свои поэмы безсознательно, въ пьяномъ видѣ, мѣломъ на полу. Наконецъ, гдѣ-то я слыхалъ или читалъ про признаніе, кажется, Тургенева о томъ, что ему собственные герои сдѣлались понятнѣе послѣ того, какъ ихъ освѣтилъ и истолковалъ Добролюбовъ. Въ головѣ моей все это какъ-то сумбурно перемѣшалось, перепуталось и выходило что-то въ этомъ родѣ: я родился художникомъ, я artiste-né, я пишу безсознательно. Но критика мои работы понимаетъ и критика ихъ истолковываетъ.

— И мнѣ, дѣйствительно, начинало иногда казаться, что отъ моей лиловой дѣвы и отъ змѣиныхъ головъ, выходящихъ изъ дыма, вѣетъ меланхоліей... А впрочемъ, я на счетъ этихъ мнѣ самому непонятныхъ талантовъ моихъ успокоился скоро. Тамъ сознательно, безсознательно я пишу, есть меланхолія или нѣтъ ея, это Богъ съ нимъ. Важно было то, что проба удалась, что успѣхъ я имѣлъ, людямъ нравится, имъ это пріятно, нужно... Ну и т. д. Оставалось только продолжать. И я продолжалъ.

— А вѣдь я таки и въ самомъ дѣлѣ копировалъ когда-то въ Люксембургѣ „Зимнія видѣнія“, — прервалъ Жукинъ. — Теперь припоминаю... И къ тебѣ, помню, копию приносилъ...

— Вотъ, милый человѣкъ, вотъ! Именно съ этихъ-то видѣній благополучіе мое и пошло... Въ слѣдующемъ году я опять выставилъ лиловую дѣву. Но вмѣсто черепа я вложилъ ей въ руки летучую мышь, и змѣиныя головы вытянулъ уже не изъ дыма—его я замѣнилъ обрывкомъ радуги,—а изъ волосъ самой дѣвы. Асланбекова картиной этой была „e-b-l-ou-ie“! Толстый животъ тонкой цѣнительницы, когда она говорила о моемъ „génie“, колыхался и раскачивался,

*) Новое искусство... наивная совѣсть... духъ освобожденія... вась невольню охватываетъ ощущеніе величія, меланхолія отъ этихъ голубоватыхъ символовъ, проникнутыхъ великой поэзіей пустыни...

какъ воздушный шаръ передъ подъемомъ. Арсенъ же, недолго думая, провозгласилъ меня одной изъ лучшихъ надеждъ молодой школы. Сдѣлалъ, молъ, я un immense progrès, un heureux et triomphal effort pour s'affranchir de la convention bête, des routines et des formules... *). Онъ такъ яростно и пламенно меня превозносилъ, такъ много кричалъ объ alliance etourdissante, который въ моей душѣ заключили lyrisme gaulois съ mysticisme slave **), что на меня обратилъ, наконецъ, внимание tout Paris. Обо мнѣ стали говорить въ художественныхъ кружкахъ. Я попалъ въ revue и въ шансонетки монмартрскихъ кабачковъ, и куплетисты остряли, что мнѣ натурщицей служилъ le père de la Pudeur, т. е. старый сенаторъ Беранже... Наконецъ, пришла ко мнѣ цѣлая банда молодыхъ поэтовъ, совершенно мнѣ неизвѣстныхъ, и въ складчину устроили у меня пиръ и дебошъ. Поэты говорили, что я имъ братъ по духу, и въ доказательство читали переводы моей картины на стихи. Я стиховъ не понималъ, но пилъ съ поэтами много, и всего чаще, сколько могу теперь припомнить, чокался со мной и цѣловался нѣкоторый начинающій драматургъ, высокій, блѣдный юноша, съ странно сшитымъ, до полу доходившимъ рединготомъ, и съ цѣлымъ каскадомъ огненного шелка на безконечной шеѣ. Впоследствии я узналъ, что свѣтило это было осуждено за проступокъ contre nature. Наказанія онъ, однако же, не отбывалъ, такъ какъ заблаговременно впалъ въ слабоуміе и помѣщенъ въ сумасшедшій домъ...

— Ты это про Сенъ-Жермэна говоришь?—сердито, почти вызывающе спросилъ Жуйкинъ.

— Я это про тебя говорю.

— Какъ про меня? Когда же я драмы писалъ?

Пташниковъ только рукой махнулъ.

— Дѣла мои пошли хорошо. Тильбюри съ негритенкомъ у меня еще не было, но зарабатывать я сталъ шибко. Я завелъ обстановку и обстановку, конечно, необычайную. Мнѣ такую обстановку, какъ у всѣхъ, нельзя было. И такъ какъ говорили много объ alliance, который въ моей душѣ заключили lyrisme gaulois съ mysticisme slave, то я обстановку сдѣлалъ въ соотвѣтствіи съ этимъ именно alliance'омъ.

— А, такъ вотъ оно что!—вырвалось вдругъ у Рябкова. И на лицѣ его изобразилось нѣчто похожее на радость.

— Да, да, оно самое,—разсмѣялся Пташниковъ:—вотъ по этому-то самому я Армана моего, чистокровнаго потомка

*) Огромный прогрессъ, счастливое и успѣшное усиліе для освобожденія себя отъ глупыхъ условностей и рутинныхъ формулъ.

**) Галльскій лиризмъ съ славянскимъ мистицизмомъ.

Версенжеторикса, наряжая въ костюмъ ярославскаго плотника, а вонъ въ той комнатѣ завелъ иконостасъ и лампадки. И представить себѣ трудно, какъ это опарашиваетъ заказчиковъ, и до какой степени наполняетъ ихъ почтеніемъ къ моему таланту. Прямо страхъ на нихъ нагоняетъ... Видишь, стало быть, сами обстоятельства указывали, какъ поступать, а мнѣ оставалось только не ротозѣйничать... Ну, и вотъ-съ! Прошелъ годъ... Однажды, проснувшись, я сказалъ себѣ, что надо мнѣ теперь *porter un grand coup*. Надо изобразить нѣчто новое, нѣчто такое, что на всѣ тридцать семь залъ „Салона“ кричало бы... „Горластое нѣчто“!.. И я сталъ ломать голову. Хорошо бы такъ, думалъ я, чтобы что-нибудь совершенно новое изобрѣсти, чтобы не повторяться... Но сколько ни силился, ничего придумать не могъ. А не придумавши, и успокоился: ничего, если и повторяться. Кто же не повторяется? Вотъ Неппер: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ удалось ему мертваго Христа хорошо написать, и онъ съ тѣхъ поръ только и дѣлаетъ, что мертвецовъ изображаетъ. Каждый годъ по десятку фабрикуетъ. А Пювисъ-де-Шаваннь—этого на что ужъ за глубину мысли, за оригинальность, за разный тамъ *sentiment* превозносятъ,—а вѣдь и у него тоже, что ни картина, то и лѣзетъ голый кавалеръ куда-то на лѣстницу. Чего же мнѣ смущаться? Жаръ опять лиловую дѣву! Жаръ двѣ лиловыя дѣвы!... А вотъ, насчетъ самого письма, насчетъ техники, тутъ ужъ, дѣйствительно, недурно бы что-нибудь экстраординарное проявить.

И я проявилъ.

Всю картину я написалъ узенькими вертикальными мазочками, а между мазочками оставилъ полоски чистаго полотна. Ни одного не только горизонтальнаго, но и сколько-нибудь наклоннаго мазка не было. Все шло по отвѣсу, и вся картина была точно изъ цвѣтныхъ веревочекъ выложена.—Глупо это! Ей Богу, глупо!—думалъ я, — а продолжалъ. Отойду отъ полотна, смотрю: пестрить, рябить, чортъ знаетъ что такое! Но я доволенъ, пишу. „Есть новое“. Окончилъ, наконецъ, вправилъ въ раму—и рама тоже необыкновенная, узенькая, бѣлая,—экзаменую: „Точно ли горласто“?—Дѣва... крабъ... огоньки на фонѣ... „Non, c'est pas ça!“ Видали ужъ это, охъ, видали... Ужъ этимъ теперь не удивишь, мало „нового“, мало...

— И такъ мнѣ стало досадно, такъ неспокойно... Вѣдь „Салонъ“ не то, что у насъ выставка „передвижниковъ“, на-примѣръ. Вѣдь въ „Салонѣ“ четыре тысячи номеровъ съ лишнимъ. Вѣдь тамъ и безъ меня горластыхъ много. Вѣдь, чтобы ихъ всѣхъ перекричать, надо уже, дѣйствительно, паровознымъ свисткомъ рявкнуть... И вотъ все больше разбираетъ

меня смущеніе. До того заробѣлъ, что о другой картинѣ думать сталъ... Но тутъ вдругъ и ожилъ... Экая мысль!.. Схватилъ я кисть, ткнулъ ее въ бѣлила и—трахъ!—вдоль всей картины, какъ разъ по срединѣ, черезъ носъ, грудь и животъ лиловой дѣвы провелъ черту. Потомъ взялъ ножницы, да по чертѣ этой картину и перерѣзалъ. „Là!“ Мнѣ принесли другую раму,—тоже узкую, тоже бѣлую, и я вправилъ въ нее обрѣзокъ „Là!..“ Лиловая дѣва всей длиною перерѣзаннаго тѣла упиралась въ багетъ. Направо отъ нея было широкое пространство пустого фона. Размахистыми ударами помѣтилъ я на ней смутную фигуру Христа, въ углу помѣстилъ окровавленные обломки колокола, а сверху, въ видѣ хвоста кометы, пустилъ градъ золотыхъ монетъ...

— Это была божественная вещь!—вдругъ взвился на своемъ креслѣ Жуйкинъ.—Это было откровеніе!

— Разумѣется, откровеніе,—спокойно согласился Пташниковъ.—Только здорово я трусилъ, когда откровеніе это отправлялъ на выставку. „Ну, думаю, переборщилъ! Провалюсь теперь. Затюкаютъ“.—Оказалось, однако, что я не переборщилъ, и что меня не затюкали. Жюль Арсенъ, правда, обо мнѣ не заикнулся ни единымъ словомъ,—но это отъ того, что онъ въ то время предложилъ руку и сердце Асланбековой, а она, тайно вздыхая по мнѣ, ему отказала. За меня взялся тогда морфиноманъ Жолибуа. „Chose bizarre,—писалъ онъ,—je n'y comprends point, et je suis ravi tout de même. Chose plus bizarre encore, je ne demande plus à comprendre“... И потомъ,—„une page de philosophie si haute, d'une portée si douloureuse“... И потомъ,—„de cette oeuvre coule une source délicieuse d'anxiété et de terreur; je la bois, et j'ai peur... *)“ И потомъ:—„la petite lueur d'infini,“ и потомъ:—„grandeur des problèmes agités...“ (**). И въ заключеніе, какъ, впрочемъ, и вначалѣ, опять „esprit libérateur“, и опять „conscience naïve...“ А варианты на эту тему вслѣдъ за Жолибуа подтягивали и другіе прокладыватели „новыхъ путей“. Имя мое было достаточно извѣстно, чтобы господа журналисты и безъ всякаго спеціального подбадриванія занимались мною. А Асланбенкова къ тому же и подбадривала...

— Это просто возмутительно!—вскричалъ вдругъ Жуйкинъ. Онъ всталъ и направился къ двери.—Ты пошлый циникъ. Для тебя нѣтъ ничего святого.

*) «Странная вещь... Я ничего не понимаю, и однако я восхищенъ. И что еще страннѣе: я даже не стараюсь понять»... «Страница философіи, возвышенной и печальной».

**) «Изъ этого произведенія быть источникъ желанія и ужаса. Я пью и прихожу въ ужасъ». «Маленькій отблескъ безконечности»... «величіе волнующихъ загадокъ».

— Ты для меня святыня!—Пташниковъ положилъ руки на плечи Жуйкина и придавилъ его къ креслу.—Сиди, чортъ!

— Пусти!

— Нѣтъ, посиди... Выпей вотъ шампанскаго,—или на голову себѣ его вылей, и успокойся... Зачѣмъ гримасничать?.. Такъ вотъ стало быть, Иванъ Ивановичъ, какъ дѣлаются дѣла!—обернулся Пташниковъ къ Рябкову.—Ты вотъ тянешь старое... „идейное“... А я иду новымъ путемъ. Я нашелъ способъ заставить обо мнѣ шумѣть, хвалить, изумляться... Въ этомъ, какъ хочешь,—сила! Ты рисуешь этикетки для пива и для „чудо-ваксы“, и тобою помываетъ скотина-хозяинъ. А я изображаю символы... Отъ этого, согласишься, вреда людямъ не больше, чѣмъ отъ твоихъ этикетокъ...—Однако, твой скотина-хозяинъ ко мнѣ отнесется съ благоговѣніемъ... И я ему на поклонъ, пожалуй, не отвѣчу. Кто же изъ насъ двухъ лучше устроился, а?

Рябковъ старательно сметалъ горстью крошки и задумчиво ихъ разсматривалъ.

— Да,—проговорилъ онъ съ тихой улыбкой,—это того... какъ бы сказать?... столица міра... конечно... А у насъ, напримѣръ, въ провинціи... вѣковая, какъ говорится, у насъ тишина...

— Заплесневѣлый народъ!..

— Возьму да и разтрезвоню всѣмъ все, что ты тутъ набрехалъ,—пригрозилъ вдругъ Жуйкинъ.

Пташниковъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

— Глу-у-пая твоя голова!—нараспѣвъ сказалъ онъ,—нашелъ чѣмъ пугать... Да я, можетъ быть, нарочно для того все это сейчасъ и рассказывалъ, чтобы ты трезвонить пошелъ... Вотъ вѣдь, Иванъ Ивановичъ, исторія какая: мнѣ теперь трезвонъ всякій, всякая сплетня и шумъ до зарѣву нужны.

— Это зачѣмъ же?

— А зачѣмъ, что надо одно дѣло оборудовать... Надо мнѣ теперь у принца Уэльскаго заказъ получить... Онъ, принцъ-то этотъ самый, перестраиваетъ въ Шотландіи замокъ и требуются туда декоративныя пано. Дадутъ мнѣ этотъ заказъ,—я окончательно укрѣплюсь въ самомъ первомъ рангѣ художнической іерархіи, дѣлаюсь живописцемъ коронованныхъ особъ... Держись тогда американскіе миллиардеры! Но бѣда въ томъ, что заказъ можетъ и уплыть. Обо мнѣ тамъ хлопочутъ, но есть и противное теченіе. Говорятъ, что надо, молъ, національное искусство поддерживать и отдать заказъ англичанину. И вотъ, по этому-то самому случаю мнѣ сейчасъ трезвонъ нуженъ: шумъ, толки, споры, скандалъ... Ну, и это, разумѣется, будетъ: я свои мѣры приму.

— А было бы любопытно...—виновато улыбаясь, проговорилъ Рябковъ.

— Вонъ у меня тамъ пишется картина,—весело перебилъ его Пташниковъ,—та самая, о которой Жуйкинъ говорилъ, que je touche le sublime du doigt. Она будетъ выставлена въ „Салонъ“, и черезъ недѣлю послѣ его открытія я ее оттуда уберу, заявлю, что недоволенъ ею, что я ошибся, что она никуда не годится... Ну, Жолибуа сейчасъ артикль нака-таетъ,—ему это не повредить,—другіе подхватятъ... Поды-метъ полемика, грязня, свалка... Надо будетъ, чтобы это подольше тянулось... Въ случаѣ чего, я интервьюеровъ по-зову и объявлю, что отрекаюсь отъ всей своей прежней художнической дѣятельности... Заявлю, что уѣзжаю,—куда-нибудь на Филиппины... за вдохновеніемъ... или тигровъ бить, что-ли... Вотъ какъ это Сенъ-Сансъ практикуетъ... Словомъ, буду дѣйствовать, небо на землю стащу,—и ужъ я надѣюсь на свою звѣзду, — что заказъ отъ меня не уйдетъ... Вотъ увидишь.

— Нѣтъ, я ухожу,—рѣшительно заявилъ Жуйкинъ.—До свиданія!

Пташниковъ вскочилъ и ухватилъ пріятеля за руки.

— Сиди, тебѣ говорятъ!

Но вдругъ, уставившись на него широко раскрытыми глазами, онъ сталъ что-то соображать.

— Tiens, tiens, tiens! Сегодня какое число? третье?

— Третье,—подтвердилъ Рябковъ.

— А мѣсяцъ у насъ мартъ... а часъ теперь десятый... Такъ вѣдь это онъ на молитву спѣшитъ. Я тебѣ не гово-рилъ, Рябковъ? Вѣдь Жуйкинъ—сектантъ, chévriste.

— Шевристъ? Какой шевристъ?

— А чортъ его разберетъ! Знаю, что они тамъ каждое третье и семнадцатое число всѣхъ нечетныхъ мѣсяцевъ со-бираются въ подземелье, подвязываютъ къ спинѣ красныя крылья и поютъ предъ алтаремъ гимны. На алтарь у нихъ два бѣлыхъ козла и рыжая коза. Андрюшка grand prêtre'-омъ состоитъ.

— Если бъ ты не былъ такимъ слѣпымъ ретроградомъ, ты давно и самъ бы къ намъ примкнулъ,—насупившись, сказалъ Жуйкинъ.

— Завтра примкну. А теперь знаешь, Иванъ Ивановичъ, что мы сдѣлаемъ? Погода отличная, луна свѣтитъ—махнемъ-ка мы въ Фонтенбло. Я на прошлой недѣлѣ автомобиль купилъ, девяносто километровъ въ часъ откалываетъ. Ощуще-нія—восторгъ...

Черезъ четверть часа оба пріятеля сажались на выкра-шенную въ алый цвѣтъ трепыхавшую машину. На Пташни-

ковѣ была шуба мѣхомъ вверхъ и огромныя очки, въ видѣ банокъ. Онъ ощупывалъ то одно колесо, то другое, и громкимъ голосомъ дѣлалъ распоряженія. Рябковъ молчалъ, обѣими руками крѣпко держался за сидѣніе и, скромненько ухмыляясь, думалъ о томъ, что, вотъ, на обѣдѣ онъ двадцать пять су сегодня сберегъ, а теперь, ничего не тратя, еще и на автомобилѣ покатается...

Д. Айзманъ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Гроза идетъ. Веселые огни
По чернымъ тучамъ пролетаютъ...
Полночный мракъ они пугаютъ
И землю радуютъ они.

При блескѣ ихъ деревья шелестятъ,
Слышнѣе дальній плескъ прибоя...
Вся, вся природа жаждетъ боя,
Живыя силы жить хотятъ!

Звенить трава, сухой ковыль звенить...
Сова вспорхнула осторожно...
Метнулась молнія тревожно—
И громъ торжественно гремитъ!

Н. Шрейтеръ.

Теорія Інстинкта Уильяма Джемса *).

Теорія Джемса представляє собою нову попытку объясненія психической природы инстинктовъ и ихъ отношенія къ разумнымъ способностямъ.

Не смотря на кажущуюся оригинальность приѣма, которымъ Джемсъ шель къ рѣшенію этой задачи, приѣмъ этотъ, по существу своему, оказывается весьма старымъ: это все тотъ же путь разсужденія о явленіяхъ психической жизни животныхъ—*ad hominem*. Только психологи школы Вундта мѣрили каждый данный фактъ животной психологіи масштабомъ психологіи человѣка, и считали свой приѣмъ единственно возможнымъ и научнымъ; а Джемсъ вовсе не касается частныхъ и не даетъ фактическаго матерьяла, котораго у него для психологіи животныхъ и нѣтъ; онъ просто переноситъ на животный міръ теорію психологіи инстинкта, какъ она ему представляется по даннымъ психологіи человѣка. Немногіе факты изъ жизни животныхъ берутся имъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, не въ качествѣ аргументовъ, а главнымъ образомъ, если не исключительно, для иллюстраціи его теоретическихъ соображеній.

Къ чему долженъ былъ привести такой путь рѣшенія задачи, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія основныхъ положеній теоріи Джемса. Начнемъ съ опредѣленія даваемого Джемсомъ инстинкту.

I.

О п р е д ѣ л е н і е инстинкта.

Инстинктъ, читаемъ мы въ книгѣ Джемса, обыкновенно опредѣляется какъ способность дѣйствовать „цѣлесообразно, но безъ сознательнаго предвидѣнія цѣли и безъ предварительной выучки производить данное цѣлесообразное дѣйствіе. Инстинкты находятся въ функціональной связи съ нашей организаціей“.

*) Уильямъ Джемсъ. Психологія. Перев. съ англійскаго И. И. Лаппина. Спб. 1901 г.

Съ этими положеніями, которыя автору собственно не принадлежать, и которыя, поэтому, онъ приводитъ какъ мнѣніе третьихъ лицъ, нельзя не согласиться, хотя бы съ нѣкоторыми оговорками и дополненіями. Но тотчасъ же за этими положеніями слѣдуютъ факты, приводимые авторомъ не столько для обоснованія его теоретическихъ разсужденій, сколько для иллюстраціи этихъ разсужденій. Ни съ толкованіемъ этихъ фактовъ, ни съ соображеніями, которыя ими пытаются обосновать Джемсъ, согласиться уже невозможно.

Коротенькая серія этихъ фактовъ начинается съ сообщенія о томъ, будто-бы кошка гонится за мышью, какъ за *опредѣленного вида добычей*, что она бѣжитъ отъ собаки, какъ отъ *опредѣленного ея врага* и т. п. Прекрасныя наблюденія Моргана не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло обстоитъ вовсе не такъ, какъ это полагаетъ Джемсъ. Циплята бросаются въ разсыпную при видѣ ястреба вовсе не потому, чтобы у нихъ было *опредѣленное* инстинктивное чувство страха именно къ ястребу, какъ это полагалъ Спальдингъ и, судя по указаннымъ примѣрамъ, думаетъ Джемсъ. Такого опредѣленного инстинкта у нихъ не существуетъ, а есть инстинктивный страхъ общаго характера, ко всякому быстро двигающемуся въ воздухѣ предмету, что вовсе не одно и то же. Примѣры, доказывающіе справедливость этого заключенія съ полною очевидностью, читатель найдетъ въ книжкѣ Моргана „Привычка и инстинктъ“.

Кошка бѣжитъ за мышью не потому, чтобы считала ее своей добычей, а по тому-же инстинкту, который заставляетъ котенка, гораздо раньше, чѣмъ онъ принимается за охоту на крысъ и мышей, бросаться на бумажку, которую ребенокъ приводитъ въ движеніе помощью нитки; и бросаться тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ скорѣе двигается бумажка. Бѣжитъ котенокъ отъ собаки не потому, разумѣется, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь понятіе о жизни и смерти, о личности и самосохраненіи: какъ справедливо замѣчаетъ Джемсъ, такихъ понятій у животныхъ нѣтъ; но и не потому, чтобы инстинктъ говорилъ котенку что-либо по поводу собаки, какъ его опредѣленного врага. Наблюденія Моргана и въ этомъ отношеніи не оставляютъ никакого сомнѣнія. Совершенно расходятся съ фактами, поэтому, нижеслѣдующія соображенія Джемса: „она (кошка) ужъ такъ организована, что чуть завидитъ нѣчто бѣгущее, *называемое мышью*, такъ сейчасъ же должна броситься за этимъ существомъ; чуть встрѣтится со страшнымъ лающимъ животнымъ, *называемымъ собакой*, такъ сейчасъ же должна обратиться въ бѣгство, если собака находится въ нѣкоторомъ отдаленіи, или оцѣтиниться и выпустить когти, если собака находится въ нѣсколькихъ шагахъ“.

Правильно поставленныя наблюденія и опыты доказываютъ, что этого нѣтъ; что тѣ случаи инстинкта, на которые указываетъ

Джемс, представляются не „опредѣленными“, какъ онъ полагаетъ, а лишь весьма общими; въ такой степени общими, что къ нимъ необходимо должны присоединяться еще и личные опыты и наблюденія надъ животнымъ какими бы скромными эти опыты и эти наблюденія ни были. Сдѣланныя Джемсомъ ошибки въ толкованіи инстинкта какъ опредѣленной реакціи на опредѣленный предметъ должны были, разумѣется, повести и къ другимъ ошибкамъ. Предположивъ, что котенокъ обладаетъ инстинктомъ узнавать *мышь* и *собаку*, какъ таковыхъ, Джемсъ eo ipso долженъ былъ допустить, что инстинкты у животныхъ могутъ вызываться не только чувственными впечатлѣніями (что совершенно справедливо), но еще и *образами*, что безусловно ошибочно: инстинктивные дѣйствія образами вызываться не могутъ.

Высказавъ эту идею, Джемсъ пишетъ. „На первый взглядъ такая точка зрѣнія должна показаться странной, такъ какъ она предполагаетъ заранѣе заложенными въ организацію животного множество приспособленій къ тѣмъ объектамъ, среди которыхъ ему предстоитъ жить. Неужели каждое существо рождается приспособленнымъ къ опредѣленнымъ объектамъ, подобно тому, какъ ключи бываютъ приноровлены къ замкамъ?“

Какъ, дѣйствительно, ни странна эта идея,—Джемсъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ утвердительно.

II.

Всегда-ли инстинкты «слѣпы»?

Джемсъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, и полагаетъ, что инстинкты отнюдь не обречены быть неизмѣнно слѣпыми, что бываютъ случаи, когда къ инстинктамъ присоединяется сознание, возникающее на почвѣ *инстинктивной дѣятельности* и вносящее лучъ свѣта въ тьму этой дѣятельности. Появляется сознание или, вѣрнѣе, продупируется оно двумя категоріями случаевъ инстинктивной дѣятельности: во-первыхъ, при повторности инстинктивныхъ актовъ и, во-вторыхъ, когда въ животномъ вызываются къ дѣятельности два противоположныхъ инстинкта, и когда вопросъ о томъ, которому изъ нихъ слѣдовать, рѣшается опытнымъ путемъ.

И самую идею Джемса о просвѣтленіи инстинктовъ, которые, оставаясь инстинктами, могутъ включать въ себя элементы сознанія, и аргументацію этой его идеи я считаю вполне ошибочными и рѣшительно невѣрными.

Разсмотримъ соображенія автора по тѣмъ двумъ рубрикамъ, въ которыя они сами собой укладываются.

А) *Просвѣтленіе инстинктовъ сознаніемъ, которое продуцируется повторностью инстинктивныхъ дѣйствій.*

Вотъ какъ аргументируетъ эту часть своей задачи авторъ.

„Всякое инстинктивное дѣйствіе, разъ будучи повторено животнымъ, обладающимъ памятью, должно перестать быть „слѣпымъ“, и должно ровно постольку сопровождаться предвидѣніемъ цѣли, къ которой оно ведетъ, поскольку животное ранѣе могло узнать эту цѣль. Насѣкомое, кладущее яйца въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно никогда не наблюдаетъ вылупленія изъ нихъ потомства, должно всегда „слѣпо“ класть яйца, но курица, выведшая однажды цыплятъ, едва-ли будетъ высиживать второе гнѣздо яицъ совершенно „слѣпо“, не предвидя появленія на свѣтъ цыплятъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, аналогичномъ съ даннымъ, у животного должна быть извѣстная степень предвидѣнія результатовъ, и поскольку это предвидѣніе касается желательнаго или нежелательнаго результата, постольку оно можетъ способствовать импульсу или задерживать его. Мысль о цыплятахъ, быть можетъ, побуждаетъ курицу терпѣливѣе высиживать яйца; съ другой стороны, воспоминаніе о благополучномъ бѣгствѣ изъ мышеловки, возникши въ умѣ крысы, должно удерживать ее отъ импульса взять приманку, лежащую въ чемъ-нибудь, похожемъ на мышеловку. Если мальчикъ видитъ толстую жабу, въ немъ (особливо въ присутствіи компаніи пріятелей) легко можетъ возникнуть неудержимый импульсъ раздавить ее камнемъ, при чемъ можно предположить, что онъ совершенно слѣпо повинуется этому импульсу. Но видъ умирающей жабы со сложенными лапками можетъ вызвать въ немъ мысль о жестокости его поступка или напомнить ему о томъ, какъ ему раньше говорили, что страданія животныхъ сходны съ его собственными; въ силу этого, когда при видѣ другой жабы онъ снова почувствуетъ соблазнъ раздавить ее, въ его головѣ возникаетъ мысль, которая не только удержитъ его самого отъ жестокости, но даже можетъ вызвать въ немъ добрыя чувства и сдѣлать его защитникомъ жабы предъ его не столь умудренными опытомъ пріятелями“.

Здѣсь цѣлый рядъ психологическихъ явленій, въ такой степени различныхъ, что смѣшеніе ихъ въ одну, якобы однородную, группу, по моему мнѣнію, ставитъ рѣшеніе задачи въ условія неразрѣшимыя.

Начать съ того, что съ какими-бы оговорками не высказывалъ Джемсъ свою мысль о томъ, что курица, выведшая однажды цыплятъ, *едва-ли* будетъ высиживать второе гнѣздо яицъ *совершенно* (?) „слѣпо“, предположеніе о томъ, что она можетъ предвидѣть появленіе на свѣтъ цыплятъ, — все же останется ни на чемъ не основаннымъ и потому рѣшительно не научнымъ предположеніемъ. Что оно ни на чемъ не основано, это слѣдуетъ уже изъ того одного, что такое предположеніе *не нужно*: отношеніе курицы къ гнѣзду во второй разъ ничѣмъ не отличается отъ ея отношенія къ нему въ первый; если-же для объясненія этого отношенія

въ первый разъ самъ Джемсъ находить вполне достаточнымъ наличность у курицы соответствующихъ инстинктовъ, то для чего же ему понадобились предположенія о томъ, что во второй разъ „курица едва-ли будетъ высиживать гнѣздо совершенно (?) слѣпо“?

Понадобилось это Джемсу, разумѣется, только для того, чтобы обосновать его идею о томъ, что инстинктивные дѣйствія при ихъ повтореніи могутъ превращаться въ дѣйствія разумныя, что между ними и разумными способностями нѣтъ антагонизма, что это способности генетически между собою связанныя. Для доказательства справедливости этой идеи Джемсу очень важно было бы установить тезисъ, по которому всякое инстинктивное дѣйствіе, разъ будучи повторено животнымъ, обладающимъ памятью, должно перестать быть „слѣпымъ“, т.-е. перестать быть инстинктомъ и сдѣлаться разумнымъ. Мы видѣли сейчасъ, однако, что первая попытка доказать это путемъ предположенія, что курица, насиживая во второй разъ, едва-ли насиживаетъ слѣпо, такъ какъ *предвидитъ* появленіе на свѣтъ цыплятъ,—не можетъ быть названа удачной.

Другой „фактъ“, имѣющій подтвердить справедливость его догадки, Джемсъ видитъ въ томъ, что воспоминаніе о благополучномъ бѣгствѣ изъ мышеловки, удерживаетъ крысу отъ импульса взять приманку.

Не трудно убѣдиться въ томъ, во-первыхъ, что этотъ „фактъ“ хотя онъ и приводится какъ совершенно однородный съ первымъ ничего общаго съ нимъ не имѣетъ.

Насиживаніе есть дѣйствіе, въ которомъ опытъ и наученія не играютъ никакой роли, и котораго дѣль не извѣстна исполняющему это дѣйствіе животному; другими словами, — явленіе насиживанія сплошь инстинктивно, какъ это доказалъ Морганъ.

Совсѣмъ иное мы видимъ въ фактѣ избѣганія приманки однажды побывавшей въ мышеловкѣ крысой. Въ этомъ явленіи два рода факторовъ: одинъ лежитъ въ унаслѣдованной крысою осторожности; это факторъ инстинктивный и вполне аналогичный инстинкту насиживанія, какъ и всякому другому; но, кромѣ инстинкта, въ дѣйствіи крысы, очевидно, имѣетъ мѣсто и другой факторъ: *необходимый для этого личный опытъ*, который составляетъ индивидуальное пріобрѣтеніе даннаго животного и представляетъ уже актъ не инстинктивный, а разумный.

Какъ-же могъ возникнуть этотъ разумный актъ изъ инстинкта въ данномъ случаѣ?

Если руководиться соображеніями Джемса надъ насиживаніемъ курицы,—вопросъ получаетъ слѣдующее разъясненіе. Крыса идетъ на запахъ пищи, входитъ въ мышеловку и начинаетъ ѣсть. На этомъ мѣстѣ все, что представляло собою результатъ дѣятельности исключительно или отчасти инстинктивной — кончилось. Затѣмъ мышеловка захлопывается и крыса обнаруживаетъ, что она по-

пала въ ловушку, о чемъ заключаетъ изъ того обстоятельства, что попытка ея уйти изъ мышеловки оказывается невозможной. Но случай спасаетъ ее отъ бѣды, и она рѣшается съ этихъ поръ быть осторожной и ловушки избѣгать.

Такъ ли шли разсужденія крысы отъ начала до конечнаго ея рѣшенія, или дѣло было гораздо проще, и она начала избѣгать предмета, который однажды ее напугалъ, безъ всякаго размышленія,—это для насъ въ данномъ случаѣ безразлично. Важнѣе для насъ лишь тотъ фактъ, что какъ бы просто ни былъ психическій процессъ, который дѣлаетъ крысу осторожнѣе, послѣ того какъ она побывала въ ловушкѣ, онъ *ни въ какомъ случаѣ не вытекаетъ изъ ея инстинктовъ*.

У насѣдки, по крайней мѣрѣ, возможно предположить появленіе сознанія изъ повторности инстинкта: она насиживала разъ и неожиданно получила цыплятъ, насиживаетъ въ другой—и ничто (кромѣ опыта и болѣе точныхъ изслѣдованій, конечно) не мѣшаетъ допустить, что она уже понимаетъ, что дѣлаетъ, и ожидаетъ цыплятъ.

А какое же инстинктивное дѣйствіе *повторяетъ* крыса, однажды побывавъ въ ловушкѣ? какіе инстинкты, вслѣдствіе повторности, имѣютъ превратиться въ акты сознанія и освѣтить ея слѣпой образъ дѣйствій? Былъ инстинктъ разыскивать себѣ пищу, руководясь болѣе или менѣе опредѣленными воздѣйствіями среды, и общій инстинктъ осторожности.

Первый, разумѣется, остался неизмѣннымъ, и ничего для генезиса разумнаго акта не далъ.

Остается второй инстинктъ,—общей осторожности, инстинктъ не связанный ни съ какимъ опредѣленнымъ предметомъ, или, точнѣе, направленный *противъ всякаго незнакомаго предмета*. Какимъ же образомъ этотъ общій инстинктъ превращается въ разумное избѣганіе опредѣленныхъ предметовъ?

Какимъ образомъ возникаетъ разумное отношеніе крысы, однажды побывавшей въ ловушкѣ и болѣе въ нее не идущей?

Явленія, очевидно, происходили въ слѣдующемъ порядкѣ.

Когда крыса впервые подошла къ мышеловкѣ, то инстинктъ общей осторожности несомнѣнно предостерегалъ ее о могущей произойти опасности, но другой инстинктъ *питанія* взялъ перевѣсъ, и крыса очутилась въ ловушкѣ. Освободившись изъ нея, крыса, по прошествіи нѣкотораго времени, снова подходитъ къ ловушкѣ; въ ней попрежнему возникаютъ два инстинкта: *питанія* и осторожности, т. е. *повторяются тѣ же самые психическіе процессы*, какіе она однажды уже пережила. Если разумный актъ возникаетъ изъ повторности инстинктивныхъ дѣйствій, которые вслѣдствіе этой повторности изъ слѣпыхъ превращаются въ разумные, то вѣдь они оба одинаково повторяются?! Ясно, что этотъ примѣръ, который Джемсъ приводитъ для того, чтобы подтвер-

дять имъ свою идею о возникновеніи разумныхъ актовъ, вслѣдствіе повторности инстинктивныхъ дѣйствій, для такой цѣли не подходитъ и для рѣшенія задачи ничего не даетъ.

Еще большую ошибку и еще большую путаницу въ рѣшеніе вопроса о слѣпотѣ инстинктовъ вносить третій и послѣдній изъ указываемыхъ Джемсомъ фактовъ: рассказъ о мальчикѣ и жабѣ. Въ немъ психическіе процессы еще сложнѣе, и включаютъ ихъ въ одну категорію съ актомъ насилживанія представляется совершенно невозможнымъ.

Начать съ того, что желаніе убить жабу при видѣ ея *вовсе не составляетъ инстинкта*, ибо, если у одного мальчика жаба можетъ вызвать такое желаніе, то у другого видъ жабы вызываетъ простое отвращеніе, у третьяго страхъ и бѣгство, у четвертаго желаніе видѣть, какъ она прыгаетъ, или ползаетъ и т. д., и т. д. Затѣмъ всѣ эти желанія — подъ вліяніемъ фактора, о которомъ Джемсъ не упоминалъ, да и не могъ упоминать въ двухъ предшествующихъ случаяхъ, — фактора *мысли*, могутъ замѣниться другими дѣйствіями.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что между этимъ фактомъ и двумя другими, ранѣе описанными авторомъ, нѣтъ ничего общаго, и, что соединять ихъ въ одно цѣлое невозможно; а изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ, что и того общаго изъ всѣхъ этихъ фактовъ вывода, для которого они приводятся Джемсомъ, невозможно сдѣлать.

Таковы данныя и заключенія Джемса по вопросу о превращеніи слѣпотствующихъ инстинктовъ въ инстинкты сознательные путемъ повторности инстинктивныхъ дѣйствій.

Выше было сказано, что къ такому превращенію, кромѣ повторности, ведетъ еще и другой путь; это случай, когда въ животномъ вызываются къ дѣятельности два противоположныхъ инстинкта, и когда вопросъ о томъ: которому изъ нихъ слѣдовать? рѣшается частнымъ опытомъ. Къ разсмотрѣнію аргументаціи Джемса по этому пункту мы теперь и обратимся.

В) *Просвѣтленіе инстинктовъ сознаниемъ, когда эти инстинкты оказываются противоположными.*

„Низшія животныя“, — говоритъ Джемсъ, — отличаются отъ чловека тѣмъ, что природа сообщила имъ менѣе совершенную, сравнительно съ нами, организацію, заставляя ихъ дѣлать *всегда* то, что лишь *въ большинствѣ случаевъ* цѣлесообразно. Въ природѣ гораздо болѣе червей, свободно ползающихъ, чѣмъ червей, надѣтыхъ на крючки удочекъ: потому природа внушила рыбамъ: „хватайте всякаго червяка, какой только попадется на глаза, рискуя попасться на крючекъ“. Но чѣмъ выше животный типъ, чѣмъ цѣннѣе его жизнь (?), тѣмъ менѣе природа заставляетъ его рисковать. Гдѣ тотъ же предметъ начинаетъ казаться то пищей, то опасной приманкой; гдѣ общительный характеръ животного заста-

влияет его различать въ отдѣльныхъ индивидахъ друзей или соперниковъ, смотря по обстоятельствамъ; гдѣ каждый впервые видимый объектъ разсматривается сразу, какъ нѣчто вредное или полезное,—тамъ природа влагаетъ въ животное стремленіе реагировать на многіе классы объектовъ прямо противоположнымъ образомъ и предоставляетъ рѣшающее влияніе въ пользу того или другого импульса мелкимъ частнымъ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ. Такъ, напримѣръ, и въ человѣкѣ, и въ другихъ млекопитающихъ, и въ высшихъ породахъ птицъ, жадность и подозрительность, застѣнчивость и похоть, скромность и тщеславіе, общительность и утормость равнымъ образомъ быстро приходятъ во взаимное столкновеніе и равнымъ образомъ находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи. Все это — природные импульсы, первоначально совершенно „слѣпые“, порождающіе двигательныя реакціи строго опредѣленнаго типа. Слѣдовательно, каждый изъ нихъ есть инстинктъ, т. е. подходитъ подъ обычное опредѣленіе инстинкта, но всѣ они противоположны другъ другу, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ приложенія тотъ или другой частный „опытъ“ дѣлаетъ между ними выборъ. Проявляя ихъ, животное перестаетъ дѣйствовать „инстинктивно“ и является, повидимому, существомъ, ведущимъ интеллектуальную жизнь, колеблющимся между различными альтернативами и дѣлающимъ между ними выборъ, не потому, чтобы оно не имѣло вовсе инстинктовъ, но скорѣе потому, что оно обладаетъ такимъ множествомъ инстинктовъ, что они, приходя во взаимное столкновеніе, модифицируютъ конечный результатъ“.

Выходитъ, стало быть, что эволюція психическихъ способностей представляетъ собою простое возрастаніе количества инстинктовъ, которыхъ, въ концѣ концовъ, накопляется такъ много, что внѣшній факторъ можетъ призывать къ дѣятельности не одинъ какой-нибудь изъ нихъ, а нѣсколько; при чемъ *опытъ особи* рѣшаетъ: который изъ вызванныхъ къ дѣятельности инстинктовъ долженъ получить приложеніе въ данномъ случаѣ.

Съ этого момента дѣятельность особи представляется, „повидимому“, интеллектуальной, говоритъ авторъ.

Само собою разумѣется, человѣкъ по такой гипотезѣ долженъ являться существомъ, обладающимъ самымъ большимъ количествомъ инстинктовъ, какимъ только способны обладать живущіе на землѣ существа. Такимъ онъ дѣйствительно и представляется Джемсу. Онъ говоритъ: „мы смѣло можемъ утверждать, что сколь ни кажутся иногда неопредѣленными реакціи человѣка на окружающія условія, сравнительно съ реакціями низшихъ животныхъ, неопредѣленность эта по всей вѣроятности происходитъ не оттого, что послѣднія располагаютъ такими импульсами къ дѣятельности, которыхъ нѣтъ у человѣка. Наоборотъ, человѣкъ распо-

лагаетъ всѣми импульсами къ дѣйствію, какія имѣются у животныхъ, и, сверхъ того, еще множествомъ другихъ“ *).

Ни одно изъ этихъ утвержденій автора я не могу признать ни справедливымъ, ни доказаннымъ.

Что касается до идеи Джемса объ инстинктахъ человѣка, то я понимаю, конечно, что безъ этого конечнаго заключенія гипотеза Джемса была бы не законченной. Но именно потому, что авторъ долженъ былъ придти къ этому заключенію, меня и удивляетъ, какъ онъ не замѣтилъ всей несообразности того, къ чему онъ, въ концѣ концовъ, пришелъ, оставаясь послѣдовательнымъ въ своихъ разсужденіяхъ, и какъ не понялъ, что если его конечный выводъ очевидно не вѣренъ, то и предшествующія послылки и самый исходный пунктъ по малой мѣрѣ подлежатъ пересмотру и проверкѣ. А что его конечное заключеніе представляется совершенно очевидной ошибкой, въ этомъ насъ удостовѣряетъ уже одинъ тотъ фактъ, что и воспринимающія внѣшнія воздѣйствія органы чувствъ огромнаго большинства животныхъ (за исключеніемъ сравнительно маленькой группы позвоночныхъ), и строеніе ихъ нервной системы являются совершенно иными, чѣмъ у человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ человѣкъ располагать *всѣми* инстинктами животныхъ, когда, напримѣръ, обоняніе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, какъ показываетъ опытъ, представляетъ собою нѣчто, чего мы не только приблизительно не испытываемъ, но что превосходитъ даже всякую возможность нашего представленія (опыты надъ шелкопрядомъ въ Америкѣ и др). Какъ можетъ онъ располагать всѣми инстинктами животныхъ, когда мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ видятъ животныя со сложными глазами? Нѣтъ, впрочемъ, надобности говорить о безпозвоночныхъ, организація которыхъ такъ далека отъ нашей; и позвоночныя животныя доставятъ намъ достаточное число данныхъ, доказывающихъ невѣрность тезиса Джемса. Что, напримѣръ, мы знаемъ о такъ называемомъ шестомъ органѣ чувствъ рыбъ и амфибій? Какъ можемъ мы себѣ представить инстинкты, связанные съ глазами ночныхъ хищныхъ птицъ? или съ органомъ обонянія собакъ? и т. п. Тысячи фактовъ и наблюденій приводятъ насъ къ заключенію, что Прейеръ, на книжку котораго („Душа ребенка“), какъ на талантливый трудъ, ссылается Джемсъ, и который, вмѣстѣ съ длиннымъ рядомъ изслѣдователей вопроса, утверждаетъ, что человѣкъ одаренъ лишь *немногочисленными инстинктивными* актами, да и они, за исключеніемъ инстинктовъ, связанныхъ съ половымъ влеченіемъ, трудно подмѣчаются по минованіи ранняго дѣтства—въ данномъ случаѣ несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ Джемсъ; а съ этимъ вмѣстѣ, разумѣется,

*) Не забудемъ, что импульсъ по Джемсу понятіе равноцѣнное инстинкту

и вся аргументація автора въ защиту его положенія падаетъ сама собой.

Что касается до идеи Джемса о возникновеніи разумныхъ актовъ, какъ слѣдствія количественнаго возрастанія инстинктовъ и ихъ дифференцировки, то постольку, поскольку въ этой идеи заключается истина, она никакого отношенія къ теоріи Джемса не имѣетъ, поскольку же Джемсъ хочетъ сдѣлать изъ нея аргументъ въ пользу своей теоріи—едва-ли можетъ быть признана основательною. Припомнимъ, что по опредѣленію самого автора инстинктъ представляетъ собою ту именно способность животнаго, которая прирожденно заставляетъ его дѣлать *всегда* то, что можетъ быть пѣлесообразнымъ лишь въ *большинствѣ* случаевъ. Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что у инстинкта не бываетъ сомнѣній и не бываетъ колебаній въ рѣшеніи вопроса: какъ быть? *)

Признавъ это опредѣленіе точнымъ, спросимъ теперь: въ какой же моментъ и какъ могутъ возникнуть разумныя способности у животнаго съ двумя противоположными инстинктами?

Возьмемъ для примѣра конкретный случай изъ жизни не позвоночныхъ, какъ это дѣлаетъ Джемсъ, а безпозвоночныхъ, и предположимъ, напримѣръ, что муравей А встрѣтилъ муравья В. Встрѣча наѣдомыхъ можетъ кончиться или войной, или вполне дружественно, — въ зависимости отъ того: изъ одной они семейной общины, или изъ разныхъ.

Разсуждая по Джемсу, мы какъ разъ имѣемъ передъ собою случай, въ которомъ „общительный характеръ животнаго составляетъ его различать въ отдельныхъ индивидахъ друзей или соперниковъ, смотря по обстоятельствамъ“.

Что же руководитъ животнымъ при такомъ различеніи, какіе психическіе процессы переживаютъ муравьи А и В, при встрѣчѣ другъ съ другомъ и что даетъ имъ возможность рѣшать вопросъ: какъ быть?

Если у муравьевъ существуютъ инстинкты, способные рѣшить задачу, то они ее и рѣшаютъ безъ „колебанія и сомнѣній“, ибо по Джемсу—инстинкты *всегда* дѣлаютъ одно и то же.

Если же для рѣшенія вопроса однихъ инстинктовъ не достаточно, то, слѣдуя Джемсу, мы должны будемъ допустить, что „природа предоставляетъ рѣшающее вліяніе мелкимъ частнымъ особенностямъ отдельныхъ случаевъ“. Другими словами, выборъ поступка опредѣляется частнымъ опытомъ индивида.

Какіе же изъ этихъ двухъ процессовъ имѣютъ мѣсто на самомъ дѣлѣ: инстинктивные или разумные? Вотъ что отвѣчаютъ на это точныя изслѣдованія.

*) Дѣйствительныя колебанія инстинктовъ къ данному случаю не имѣютъ никакого отношенія.

Муравей, встрѣчая муравья, на одного нападаетъ, другого не трогаетъ, не потому вовсе, что природа вложила въ него противоположныя инстинкты, которые частный опытъ призываетъ къ дѣятельности, глядя по тому, кто изъ встрѣтившихся „врагъ и кто другъ“, какъ это выходитъ по мнѣнію Джемса. Опыты Бэте сдѣлали разговоры на подобныя темы относительно муравьевъ—совершенно праздными; и въ томъ случаѣ, когда муравьи встрѣчаются „дружественно“, и въ томъ, когда они встрѣчаются „враждебно“, они повинуются тому или другому, но только *одному* инстинкту и *никогда* никакого выбора между *противоположными инстинктами* не производятъ. Все дѣло, какъ это теперь уже не подлежитъ сомнѣнію,—въ запахѣ: одинъ запахъ ведетъ за собою войну, другой—добрую встрѣчу. Придайте искусственно другой запахъ встрѣтившимся и вы можете наблюдать проявленіе инстинктовъ противоположныхъ, хотя дѣйствующіе герои остаются тѣ же самыя, какъ тѣми же самыми останутся въ нихъ и руководящія ими инстинкты.

До тѣхъ поръ, пока о дѣятельности муравьевъ судили *ad hominem*—она дѣйствительно казалась интеллектуальной. Разсужденія Джемса какъ нельзя лучше подходили бы тогда къ обоснованію внѣшнихъ проявленій муравьиной психологіи гипотетическими соображеніями о многочисленности инстинктовъ и о роли частнаго опыта при рѣшеніи вопроса, какъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ.

Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ данныя опыта и наблюденія надъ муравьями, не трудно убѣдиться въ томъ, что такого рода вопросы даже и мѣста имѣть не могутъ по отношенію къ этимъ животнымъ. Вѣдь частный опытъ, чтобы служить руководствомъ въ поведеніи для будущаго, долженъ практиковаться, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ; а между тѣмъ, муравей, однажды ставъ въ необходимость производить *опыты*, либо ничего не узнаетъ, если будетъ встрѣчаться только съ друзьями, либо неминуемо погибнетъ, если встрѣтится съ врагомъ (борцы обыкновенно гибнутъ оба). Ясно, что опыта быть не можетъ, и что у безпозвоночныхъ животныхъ разумныя способности этимъ путемъ ни возникнуть, ни вмѣшаться въ дѣло инстинктовъ не могутъ.

Но если это невозможно для безпозвоночныхъ, то, быть можетъ, возможно для позвоночныхъ животныхъ? Съ увѣренностью говорю, что нѣтъ. Ибо у нихъ, какъ и у безпозвоночныхъ животныхъ, инстинктъ болѣе или менѣе опредѣленный, соотвѣтствующій данному явленію, либо есть, либо его нѣтъ. Средняго рѣшенія вопроса быть не можетъ.

Если инстинктовъ нѣтъ, то и говорить о нихъ, очевидно, нечего. Если же они на лицо, то всегда дѣйствуютъ одинаково и безъ колебаній, давая опредѣленный отвѣтъ на раздраженіе среды. Нужды нѣтъ, что эти инстинкты могутъ быть только об-

щими, на примѣръ, общее чувство осторожности или страха: *постольку, поскольку данное дѣйствіе животнаго является актомъ инстинктивнымъ*, оно всегда представляетъ собою точно опредѣленный отвѣтъ на раздраженіе среды; *все сверхъ этого уже не инстинктъ*, а результатъ опыта, разсужденія, мысли, чего угодно, но не инстинкта.

Хотя это мое заключеніе основывается на такомъ обиліи фактовъ, что я ни минуты не могу сомнѣваться въ его справедливости *), но допустимъ, однако, на минуту, что это невѣрно, что правъ Джемсъ, и что элементы разума вступаютъ въ дѣятельность именно тогда, когда количество инстинктовъ животнаго сдѣлалось очень значительно и когда, поэтому, 'для рѣшенія вопроса: какому изъ нихъ слѣдовать въ данномъ случаѣ?—участіе разумныхъ способностей необходимо. Допустимъ это, и постараемся выяснитъ себѣ, въ какой же моментъ при этихъ условіяхъ получается психическое состояніе, при которомъ можетъ получить мѣсто требуемый опытъ и наступаетъ участіе разумности въ поступкахъ животнаго.

Возьмемъ для этого позвоночное животное, у котораго, согласно указываемому Джемсомъ случаю противоположныхъ инстинктовъ, были бы на лицо *„жадность и подозрительность“*; на примѣръ—волка. Инстинктъ жадности, скажемъ, заставляеть его найдаться до такихъ предѣловъ, которые грозятъ довести его до неспособности уйти отъ опасности, такъ часто ему угрожающей. Противоположный инстинктъ осторожности подсказываетъ ли ему не ѣсть до такихъ предѣловъ? Нѣтъ сомнѣнія, никогда не подсказываетъ: въ каждомъ данномъ случаѣ у позвоночнаго, какъ и у безпозвоночнаго животнаго, всегда дѣйствуетъ только *одинъ* какой-либо инстинктъ и никогда два; другими словами, никогда не можетъ быть такого момента въ сферѣ инстинктивной дѣятельности, въ которомъ могли бы вмѣститься разумныя способности. Не можетъ быть уже въ силу того одного, что инстинкты возникаютъ путемъ естественнаго отбора наиболѣе цѣлесообразныхъ, и подборъ не могъ бы вызвать и фиксировать такихъ два инстинкта, которые могли бы мѣшать другъ другу и ставить животное въ рискованное положеніе. Я полагаю поэтому, что идея Джемса о возникновеніи разумныхъ способностей, какъ слѣдствія возрастанія числа инстинктовъ и ихъ дифференцированія такъ же далека отъ истины, какъ и его идея о возникновеніи разумныхъ способностей путемъ повторности инстинктивныхъ дѣйствій и вслѣдствіе этой повторности.

Я полагаю затѣмъ, что разумная дѣятельность возникаетъ при условіяхъ какъ разъ противоположныхъ, т. е. тогда, *когда жизненная деятельность организма становится разнообразнѣе, когда,*

*) См. В. Вагнеръ «Вопросы зоопсихологін».

вслѣдствіе этого, она мало-по-малу начинаетъ совершаться въ условіяхъ, устраняющихъ для нервной системы возможность работать специальными ко всемъ имъ отношенія, а вовсе не тогда, когда эти инстинкты увеличились въ такомъ числѣ, что между ними могутъ происходить „недоразумѣнія“, и потому становится необходимымъ выборъ, подъ руководствомъ сознанія.

Но если вмѣшательство разума невозможно при такого рода „столкновеніи инстинктовъ“, на которое указываетъ Джемсъ, то не будетъ ли оно возможно въ случаяхъ иного рода; напримѣръ: насѣкомое ползетъ, разыскивая добычу и наталкивается разомъ на два предмета, присутствіе которыхъ обнаруживаетъ глазами; оба предмета оказываются одинаково подходящей ему добычей, но одинъ изъ нихъ находится направо, другой налево. Къ которому идти?

Или другой случай: насѣкомое обнаруживаетъ на своемъ пути, и тоже въ одно время: помощью органовъ обонянія,—предметъ для него опасный, а помощью зрѣнія—предметъ, который оно ищетъ. Какъ поступить: бѣжать ли отъ опасности, или временно пренебречь ею и попытаться схватить искомый предметъ? По теоріи Джемса въ обоихъ случаяхъ, разумѣется, должны выступить разумныя способности насѣкомаго. Тщательныя біологическія изслѣдованія доказываютъ намъ, однако, что допустить и въ этихъ и въ аналогичныхъ имъ случаяхъ участіе разума у животныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ птицъ и млекопитающихъ, несравненно менѣе основательно, чѣмъ сомнѣваться въ томъ, напримѣръ, что осель, попавши между двумя стогами сѣна,—умреть съ голоду, не успѣвши рѣшить вопроса, къ которому изъ стоговъ подойти?

IV.

Привычка и инстинктъ.

Отъ вопроса о „снѣпотѣ“ инстинктовъ перейдемъ къ возрѣніямъ Джемса на роль привычекъ въ области инстинктивной дѣятельности.

Привычки говоритъ авторъ, оказываютъ *задерживающее вліяніе на инстинкты*, и ихъ роль въ этомъ отношеніи опредѣляется имъ въ формѣ слѣдующаго „закона“: когда объектъ, принадлежащій извѣстному классу, вызываетъ въ животномъ извѣстнаго рода реакцію, то нерѣдко случается, что животное начинаетъ оказывать предпочтеніе первому экземпляру изъ даннаго класса, на который оно реагировало, и впослѣдствіи перестаетъ реагировать на другіе экземпляры даннаго класса.

Этотъ нѣсколько неясно сформулированный „законъ“ авторъ выясняетъ слѣдующими примѣрами.

Между животными, даже низшими видами животных,—говорит онъ,—„широко распространено стремленіе оказывать предпочтеніе опредѣленному углу для житья, опредѣленной самкѣ, опредѣленному пастбищу, опредѣленному виду пищи, вообще, опредѣленнымъ объектамъ среди множества другихъ имъ подобныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ животное, предпочитаая извѣстный объектъ, относится индифферентно ко всѣмъ другимъ подобнымъ объектамъ, что физиологически можно объяснить только задерживающимъ вліяніемъ прежнихъ импульсовъ, вошедшихъ въ привычку, на новые аналогичные импульсы. Обладая своимъ домомъ, своей женою, мы становимся удивительно индифферентны къ домамъ и женамъ другихъ, какъ бы они ни были привлекательны. Немногіе изъ насъ настолько отважны, чтобы относиться къ любой пищѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: для большинства изъ насъ непривычное меню обѣда представляетъ нѣчто противное. Мы склонны думать, что незнакомыя намъ лица, особенно прѣхавшія изъ дальнихъ городовъ, не представляютъ никакого интереса для знакомства. Тотъ первоначальный импульсъ, который побудилъ насъ къ пріобрѣтенію дома, заключенію брака, установленію дружескихъ отношеній, опредѣленнаго образа питанія, въ самомъ началѣ своихъ воздѣйствій на насъ заставилъ насъ истратить весь запасъ энергіи, такъ что новыя, аналогичныя впечатлѣнія не вызываютъ въ насъ никакой реакціи“. Представляю самому читателю судить, поскольку приведенныя соображенія Джемса справедливы по отношенію къ человѣку. Мнѣ они кажутся болѣе чѣмъ сомнительными.

Что же касается до животныхъ, то разсужденія Джемса о нихъ, какъ всегда *ad hominem*, представляютъ одну сплошную ошибку,—и является совершенно непонятнымъ: откуда, на какомъ основаніи онъ счелъ себя въ правѣ утверждать, что у животныхъ *широко распространено* стремленіе оказывать *предпочтеніе* опредѣленному углу, *опредѣленной* самкѣ, *опредѣленному* пастбищу и *опредѣленной* пищѣ?

Въ этомъ утвержденіи ровно столько-же правды, сколько правды въ томъ, что человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ корки хлѣба, *предпочитаетъ* корку хлѣба всѣмъ кушаньямъ въ мірѣ.

Наблюденія надъ жизнью животныхъ прежде всего устанавливаютъ передъ глазами наблюдателя фактъ величайшаго значенія, а именно, что не смотря на кажущійся просторъ—*жить тѣсно: всѣ мѣста заняты*. Подъ камнемъ, въ дуплѣ дерева, въ травѣ, на деревьяхъ, даже въ воздухѣ,—появленіе новаго существа тотчасъ бываетъ замѣчено кѣмъ либо изъ тѣхъ, кто въ этомъ мѣстѣ заинтересованъ. Въ сказанномъ всякій можетъ убѣдиться тысячи разъ. Безъ колебаній можно утверждать, что *получить мѣсто* въ природѣ много труднѣе, чѣмъ получить его въ канцеляріяхъ какихъ угодно вѣдомствъ, ибо при протекціи, въ случаѣ чего,

всегда можно „придумать“ новую должность. Въ природѣ новаго мѣста придумать нельзя, и потому однажды занятое и eo ipso удовлетворяющее требованіямъ инстинкта не покидается животнымъ вовсе не потому, чтобы у него было *стремленіе оказывать предпочтеніе* однажды выбранному, — ничего подобнаго такому инстинкту у животныхъ не бываетъ, — а просто потому, что всѣ мѣста уже заняты, и тысячи, милліоны успѣли погибнуть, разыскивая себѣ углы и вступая за нихъ въ борьбу съ тѣми, кто былъ ранѣе ихъ обладателемъ. Немногіе счастливы, занявъ свое мѣсто, ни о какихъ предпочтеніяхъ, какъ, впрочемъ, и о трудности получить себѣ мѣсто, не знаютъ, а слѣдуютъ строго фиксированному подборомъ инстинкту: держаться однажды полученнаго мѣста, если оно удовлетворяетъ заложеннымъ въ ихъ организмъ природою требованіямъ.

Что касается до стремленія оказывать предпочтеніе определенной самкѣ, то если среди высшихъ животныхъ такіе факты иногда и встрѣчаются, то они имѣютъ совершенно аналогичное объясненію тому, которое я далъ факту *предпочтенія* однажды занятаго угла: когда самокъ меньше самцовъ, и послѣднимъ, вслѣдствіе того, приходится вести за нихъ борьбу, тогда „предпочтеніе“ определенной самки наблюдается иногда тѣмъ яснѣе выраженнымъ, чѣмъ сильнѣе и опаснѣе борьба. Левъ *предпочитаетъ* однажды выбранную самку потому, что своими боками убѣдился, что переимѣна эта обойдется не дешевле, чѣмъ пріобрѣтеніе, а пріобрѣтеніе иногда обходится весьма дорого. О предпочтеніи однажды выбранныхъ самцами самокъ у низшихъ животныхъ я никогда не слыхалъ; наоборотъ, наблюденія показываютъ, что если самецъ переживаетъ спариваніе, то никогда не оказываетъ однажды выбранной самкѣ *предпочтенія* передъ другими, уже потому, что узнаваніе особей тамъ не существуетъ, и самцы не могутъ даже знать — встрѣчалась имъ когда-нибудь данная самка, или никогда не встрѣчалась.

Не стану останавливаться на „предпочтеніи“ пастбища, пищи и пр., всѣ эти указанія одинаково невѣрны; всѣ расходятся съ фактами и я не знаю ни одного, которое можно было бы (особенно по отношенію къ низшимъ животнымъ) привести въ пользу идеи Джемса, съ тѣмъ толкованіемъ, по крайней мѣрѣ, которое онъ имъ дѣлаетъ.

Само собою разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ падаетъ и устанавливаемый Джемсомъ тезисъ, по которому привычки будто-бы оказываютъ задерживающее вліяніе на инстинкты вслѣдствіе стремленія оказывать предпочтеніе „первому экземпляру изъ даннаго класса“.

Совершенно такъ же не основательны разсужденія Джемса и о томъ, будто привычки оказываютъ задерживающее вліяніе на инстинкты, „въ томъ случаѣ, когда тотъ же классъ объектовъ вызываетъ прямо противоположные инстинктивные импульсы“.

Убѣждаютъ насъ въ неосновательности этой догадки Джемса, тѣ самые факты, которые онъ указываетъ.

„Если,—говорить онъ,—собака, при первой попыткѣ ребенка погладить ее, оскалить зубы или укусить его, и тѣмъ сильно испугаетъ его, то можетъ случиться, что цѣлые годы пройдутъ, прежде чѣмъ ребенокъ снова почувствуетъ импульсъ приласкать собаку. Съ другой стороны, величайшіе враги по своей природѣ, если ихъ воспитывать съ ранняго дѣтства вмѣстѣ и держать въ строгой дисциплинѣ, въ результатѣ образуютъ тѣ „счастливыя семейства“ друзей-животныхъ, которыя показываютъ въ нашихъ звѣринцахъ“.

Факты эти, разумѣется, вѣрны, но смыслъ ихъ вовсе не тотъ, который въ нихъ предполагаетъ Джемсъ. Желаніе ребенка приласкать собаку прежде всего вовсе не *инстинктъ*, и потому не можетъ быть противоположаемо инстинктамъ животныхъ, враждебно относящихся другъ къ другу. Прейеръ *) свидѣтельствуетъ, что многія дѣти боятся собакъ и кошекъ, не будучи никогда ими укушены или оцарапаны. Съ другой стороны, извѣстны случаи, когда и укушенные собакой дѣти собакъ не боялись.

Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, тотъ фактъ, что животныя, враждебно относящіяся другъ къ другу, при воспитаніи ихъ вмѣстѣ (левъ и собака, напримѣръ), образуютъ „счастливыя семейства“, доказываетъ вовсе не существованіе въ нихъ двухъ разныхъ инстинктовъ, изъ которыхъ тотъ будетъ руководящимъ, который первымъ будетъ призванъ къ дѣятельности, и такимъ образомъ образуетъ привычку, потомъ задерживающую проявленіе другого, противоположнаго инстинкта, а нѣчто, ничего съ этими соображеніями общаго не имѣющее.

Указываемый Джемсомъ фактъ доказываетъ только то, что у животныхъ, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь и говорилъ выше, *нѣтъ* вовсе *опредѣленнаго инстинкта, фиксированнаго съ опредѣленнымъ предметомъ*. Морганъ, Хетсонъ и другіе точные изслѣдователи жизни животныхъ, привели въ доказательство этого послѣдняго положенія столько фактовъ, что говорить о нихъ вновь не стоитъ труда. Теперь извѣстно, что птенцы не боятся даже своихъ безпощадныхъ враговъ—змѣй, напримѣръ, если тѣ приближаются къ нимъ медленно и въ отсутствіи родителей. Ясно, что тутъ дѣло вовсе не въ двухъ „прямо противоположныхъ инстинктахъ“, какъ это ошибочно полагаетъ Джемсъ, а въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни одного изъ предполагаемыхъ имъ двухъ инстинктовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что явленія, принимаемыя Джемсомъ за вліяніе *привычекъ на инстинкты* (изъ которыхъ одни, благодаря этому развиваются, а другіе подавляются), на самомъ

*) Die Seele des Kindes, гл. VII.

дѣлѣ не что иное, какъ случай, когда дѣятельность одного изъ имѣющихся на лицо инстинктовъ, вслѣдствіе благопріятно для этого сложившихся обстоятельствъ, находитъ преимущественное приложеніе передъ другими, также, однако, имѣющимися на лицо инстинктами. Если, напримѣръ, птица, которой инстинктъ позволяетъ дѣлать гнѣздо въ мѣстахъ *a*, *b* и *c*, сдѣлавъ его однажды въ мѣстѣ *a*, сдѣлаетъ его тамъ же и во 2-й и въ 3-й разъ, то это вовсе не значитъ, что она приобрѣла привычку (когда же бы она у ней успѣла сложиться?), которая будто бы подавила въ ней инстинкты *b* и *c*; ничего подобнаго здѣсь нѣтъ: инстинкты у ней какіе были такіе и остались; руководить ея дѣятельностью не привычка, а одинъ изъ имѣющихся у ней инстинктовъ; руководить именно онъ, а не другой только потому, что вслѣдствіе трудностей борьбы за существованіе, птицы, какъ и подавляющее большинство животныхъ, кромѣ многихъ частныхъ инстинктовъ имѣютъ еще одинъ общій: держаться однажды добытаго угла, если онъ удовлетворяетъ ихъ инстинктивному спросу.

Изъ сказаннаго по поводу „закона“ Джемса о задерживающемъ вліяніи привычекъ на инстинкты слѣдуетъ, что такихъ явленій, которыми доказывалась бы эта идея автора—нѣтъ, и что такого вліянія, какое за привычками предполагаетъ авторъ—не существуетъ.

Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ право заранѣе ожидать, что и воззрѣнія Джемса по вопросу гораздо болѣе важному, о роли привычекъ въ области инстинктивной дѣятельности въ качествѣ фактора, способнаго не только задерживать и подавлять, но и *измѣнять инстинкты*,—окажутся невѣрными. Невѣрными, впрочемъ, они являются и сами по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ соображеній.

Законъ измѣнчивости „инстинктовъ“ говоритъ Джемсъ, *можно формулировать такъ: многие инстинкты созрѣваютъ въ известномъ возрастѣ и затѣмъ мало-по-малу исчезаютъ.*

Результатомъ этого закона является то, что, сталкиваясь въ періодъ наибольшей способности къ развитію даннаго инстинкта съ соотвѣтствующими этому инстинкту объектами, мы приобретаемъ привычку реагировать на эти объекты опредѣленнымъ образомъ, привычку, которая сохраняется въ насъ и тогда, когда первоначальный инстинктъ уже исчезъ; если же намъ не случается придти въ столкновеніе съ соотвѣтствующими данному инстинкту объектами, то въ насъ не образуется никакой привычки; и впослѣдствіи, сталкиваясь въ жизни съ этими объектами, и животныя, и люди не реагируютъ на нихъ такъ, какъ они инстинктивно реагировали бы въ болѣе раннюю пору жизни.

Все это разсужденіе, какъ видитъ читатель, хотя и имѣетъ въ виду животныхъ, построено, однако, не на данныхъ біологій, а сплошь—*ad hominem*. Отсюда рядъ недоразумѣній.

Прежде всего для меня, напрімѣръ, совершенно неясно, какую группу явленій имѣть въ виду Джемсъ. Изъ устанавливаемого имъ закона *измѣнчивости* инстинктовъ, который формулированъ словами: „многіе инстинкты созрѣваютъ въ извѣстномъ возрастѣ и затѣмъ мало-по-малу исчезаютъ“,—слѣдуетъ, что подъ измѣнчивостью инстинктовъ Джемсъ разумѣетъ *возрастную смѣну однихъ инстинктовъ другими*.

Въ существованіи такой смѣны, такъ же какъ и смѣны возрастныхъ морфологическихъ признаковъ однихъ другими, никто изъ представителей новѣйшей школы зоопсихологовъ не сомнѣвается. Также несомнѣнно, однако, и то, что факты возрастной смѣны инстинктовъ — это одно; *измѣненіе инстинктовъ*, согласно существующимъ въ этомъ смыслѣ законамъ—это другое; а измѣненіе инстинктовъ подъ вліяніемъ привычекъ — это уже третье, и спору нѣтъ, ничѣмъ не доказанное предположеніе.

Молодые паучки *Ereiga angulata*, напрімѣръ, въ ранній періодъ жизни держатся обществами и мирно сидятъ одинъ возлѣ другого; позднѣе они обнаруживаютъ другъ къ другу такую же враждебность, какъ и ко всякой другой добычѣ. Тѣ же паучки въ ранній періодъ жизни бываютъ всѣ одного цвѣта; позднѣе цвѣтъ этотъ измѣняется, и у тѣхъ, которые участвуютъ въ борьбѣ за существованіе, окраска будетъ совпадать съ окраской предмета, на которомъ они держатся. Ближайшія изслѣдованія этихъ фактовъ и многого множества другихъ аналогичныхъ доказываютъ, что между первоначальными и слѣдующими за ними инстинктами ни связи, ни преемственности не существуетъ. Первоначальные инстинкты (какъ и морфологическіе признаки) не обуславливаютъ появленія послѣдующихъ; тѣ и другіе прирожденно заложены въ животное и смѣняютъ другъ друга, какъ смѣняютъ одна другую декорации въ театрѣ, по мѣрѣ движенія драмы. Изъ чего слѣдуетъ, что смѣшивать возрастные смѣны инстинктовъ съ дѣйствительными измѣненіями ихъ, какъ явленій, подлежащихъ біологической эволюціи, представляетъ крупную ошибку.

Джемсъ дѣлаетъ, однако, еще большую ошибку, такъ какъ полагаетъ, что образовавшаяся въ извѣстный періодъ жизни *привычка* можетъ *измѣнить* инстинктъ. Идея эта не только ничѣмъ не доказана, но доказано какъ разъ противное *). Никакой инстинктъ привычкою измѣненъ быть *не можетъ*. Факты, которые приводитъ Джемсъ въ доказательство своей идеи о способности къ *такой* измѣнчивости инстинктовъ — толкуются имъ не вѣрно, и доказываютъ не то, что онъ полагаетъ.

Вотъ эти факты (ихъ всего два).

1. Спальдингъ, наблюдая цыплятъ, которые росли въ сторонѣ отъ матери, замѣтилъ, что, по истеченіи 8 дней, они отно-

*) См. мою статью въ «Научномъ Обзорніи»: «Привычка и инстинктъ».

сятся къ призывному крику матери, какъ къ постороннему звуку, а по истеченіи 10 дней одинъ цыпленокъ дичился матери.

2. Другой фактъ: инстинктъ сосанія у млекопитающихъ исчезаетъ, если ребенокъ первые дни кормится съ ложечки. То же наблюдалось и надъ телятами.

Джемсъ видитъ въ этихъ фактахъ явленіе измѣнчивости инстинктовъ подъ влияніемъ замѣняющихъ ихъ и образовавшихся вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ привычекъ.

Легко доказать, что это не вѣрно.

И у цыплятъ, и у млекопитающихъ съ ихъ рожденія уже заложены тѣ два инстинкта, изъ которыхъ одинъ въ свое время замѣнить другой: хожденіе за матерью смѣнится у цыпленка самостоятельною жизнью; сосаніе млекопитающаго—другимъ способомъ принятія пищи. Періоды дѣятельности инстинктовъ смѣняемыхъ непродолжительны; искусственныя условія, въ которыя поставлено ихъ развитіе, дѣлаютъ эти періоды еще болѣе краткими. Вотъ и все, что представляютъ собою приводимые Джемсомъ факты. Для рѣшенія вопроса объ измѣненіи инстинктовъ въ нихъ нѣтъ абсолютно ни единого элемента.

Извѣстно, напримѣръ, что развитіе листовыхъ побѣговъ у растений предшествуетъ развитію побѣговъ цвѣтковыхъ, что способности производить тѣ и другія, будучи приращенными у растений, смѣняютъ другъ друга во времени; извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, что растеніе, поставленное въ искусственныя условія, начинаетъ проявлять свою вторую способность гораздо раньше, чѣмъ это совершается въ обычныхъ нормальныхъ условіяхъ, и первый періодъ развитія можетъ быть очень значительно сокращенъ. Подрѣзая деревьямъ корни или сажая въ горшки, ихъ заставляють приносить плоды совсѣмъ маленькими; другими словами, ставя ихъ въ искусственныя условія, садовникъ можетъ сократить у нихъ періодъ вегетативнаго развитія и раньше времени вызвать къ дѣятельности ихъ способность къ развитію цвѣтковыхъ побѣговъ. Накладывая „кольца“, садовникъ получаетъ тѣ же явленія на отдѣльныхъ вѣтвяхъ, вызывая на нихъ появленія цвѣтковыхъ побѣговъ тогда, когда на остальныхъ развиваются побѣги листовые.

Значить-ли это, что садовники *измѣняютъ* способность этихъ деревьевъ, искусственно превращая ее во что-то новое, чего растенія эти не имѣли? Разумѣется, нѣтъ: обѣ способности остаются *столна неизмѣнными*, и ни о какихъ измѣненіяхъ этихъ способностей рѣчи быть не можетъ. Измѣнился только періодъ времени, въ теченіе котораго проявляется одна изъ нихъ и вступаетъ на очередь другая. Но это уже совершенно иной вопросъ, который никакого отношенія къ „закону *измѣнчивости*“ этихъ способностей не имѣетъ. Онѣ измѣняются, конечно, но явленія, въ которыхъ эти измѣненія выражаются, и законы, которымъ они

слѣдуютъ, лежать въ совершенно другой области біологіи. Измѣняются, конечно, и инстинкты, но законы измѣнчивости ихъ никакого отношенія къ тѣмъ, о которыхъ трактуетъ Джемсъ, не имѣютъ.

Къ сожалѣнію, именно этой-то важнѣйшей стороны вопроса авторъ не касается вовсе, да по существу его воззрѣній и не можетъ касаться.

А между тѣмъ, вопросъ этотъ представляетъ собою одинъ изъ коренныхъ вопросовъ сравнительной психологіи; ему посвящена огромная литература. Морганъ, на примѣръ, написалъ по его поводу интереснѣйшую монографію „Привычка и инстинктъ“. Въ рецензіи, которую я написалъ въ свое время по поводу этой его книги, я, между прочимъ, говорилъ *) слѣдующее: „свой взглядъ на предметъ Морганъ формулируетъ такимъ образомъ: „частое повтореніе дѣйствій приобрѣтенныхъ вызываетъ другого рода автоматизмъ—автоматизмъ привычки, который слѣдуетъ отличать отъ первоначальнаго автоматизма инстинкта“. И далѣе: „мы не имѣемъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что автоматизмъ привычки передается по наслѣдству и порождаетъ, такимъ образомъ, автоматизмъ инстинкта“.

Эти выводы устанавливаются авторомъ путемъ очень тщательно рассмотрѣннаго и очень разнообразнаго матеріала, которымъ онъ пользовался.

Не могу сказать, чтобы я *присоединился* къ этому выводу, такъ какъ раньше Моргана, сначала на страницахъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“, потомъ „Научнаго Обзорѣнія“ и, наконецъ, въ книжкѣ: „Вопросы зоопсихологіи“ я высказывалъ тотъ же взглядъ на этотъ вопросъ; но не могу, разумѣется, не привѣтствовать этихъ заключеній въ литературѣ нашей науки.

Подводя конечные итоги сказанному о попыткѣ Джемса дать отвѣтъ на нѣкоторые основные вопросы сравнительной психологіи, я скажу, что попытка эта не внушаетъ довѣрія уже по одному тому, что необходимыхъ для обоснованія его теоріи біологическихъ данныхъ у него нѣтъ; личныхъ изслѣдованій въ этой области онъ не дѣлалъ; тѣ же немногіе факты, которыми онъ иллюстрируетъ свою аргументацію, заимствованы имъ изъ вторыхъ рукъ и толкуются имъ *ad hominem*. Его взглядъ на инстинктъ какъ на психическую способность животныхъ *опредѣленно* реагировать на *опредѣленные* предметы среды,—расходится съ результатами добытыми экспериментальнымъ путемъ и болѣе точно сдѣланными біологическими наблюденіями въ нормальныхъ условіяхъ жизни животнаго. Его идея о томъ, что „слѣпыя“ инстинкты мо-

*) «Научное Обзорѣніе». 1899 г. № 3.

гутъ просвѣтляться сознаниемъ, возникающимъ на почвѣ инстинктивной дѣятельности и ею самой продуцируемой — не выдерживаетъ критики данныхъ, предлагаемыхъ для ея обоснованія самимъ же Джемсомъ. Наконецъ, ученіе Джемса о привычкахъ и ихъ роли въ области инстинктивной дѣятельности представляетъ столько недоразумѣній, что за ихъ устраненіемъ отъ этой части его ученія въ сущности ничего не остается.

Владиміръ Вагнеръ.

ИЗЪ ТЕТМЕЙЕРА.

Коль хочешь сердце отъ ранъ избавить—

Забудь о немъ.

Приютъ укромный спѣши оставить,

Лишь грянетъ громъ!

Для царства мысли умѣй порою

Міръ чувствъ забыть.

Пусть сердце мѣртво: съ душой живою

Не страшно жить!

Пускай въ неравной борьбѣ съ судьбою

Разбить твой челнъ:

Пока владѣешь хотя доскою—

Не бойся волнъ!..

Кто съ сердцемъ сладилъ, лишь тотъ сумѣетъ

Владѣть толпой;

Судьбы преграды онъ одолѣетъ—

Смѣлѣе въ бой!

Усталъ—не падай! Вновь подкрѣпленный,

Ставь свой алтарь:

Левъ умираетъ, врагомъ сраженный,

А все-жъ онъ царь!..

О. Дзеляковская.

ЛЮБОВЬ КУКЛЫ.

(Повѣсть).

I.

Пароходный поваръ Егорушка волновался. Онъ, вообще, считалъ себя отвѣтственнымъ лицомъ за порядокъ на пароходѣ „Братъ Яковъ“, дѣлавшимъ рейсы (по Егорушкину—бѣгавшимъ) по р. Камчужной, между уѣзднымъ городомъ Бобыльскомъ и пристанью Красный Кустъ. Ниже пристани начинались пороги, которые начальство старалось уничтожить въ теченіе ста лѣтъ, собирало на это предпріятіе деньги, получало какія-то таинственныя субсидіи и отчисленія изъ какихъ-то еще болѣе таинственныхъ „спеціальныхъ средствъ“. На этихъ порогахъ воспитался цѣлый рядъ водяныхъ и „канальскихъ“ инженеровъ. Самое дерзкое предпріятіе, совершенное этими неутомимыми тружениками, было то, что какой-то инженеръ Ефимъ Ивановичъ взорвалъ порохомъ одинъ порожный камень. Камчужскіе сторожилы и сейчасъ вспоминаютъ объ этомъ удивительномъ событіи.

— И откуда онъ только взялся?—ворчалъ Егорушка, вытирая запачканныя стряпней руки о свою бѣлую поварскую куртку.—Когда выбѣжали изъ Краснаго Куста, его и въ поминѣ не было... Надо полагать, ночью сѣлъ на пароходъ, когда грузились дровами у Машкина-Верха.

Егорушка морщилъ лобъ и усиленно моргалъ своимъ единственнымъ глазомъ,—другой глазъ вытекъ и былъ прикрытъ распухшимъ вѣкомъ. Ему было за шестьдесятъ, но старикъ удивительно сохранился и даже не утратилъ николаевской солдатской выправки. Онъ точно застылъ въ вѣчномъ желаніи отдать честь или сдѣлать на караулъ какому-то невидимому грозному начальству.

А „онъ“ преспокойно разгуливалъ на палубѣ третьяго класса, ставя ноги по военному. По походкѣ и по замѣтной

кривизнѣ ногъ Егорушка сразу опредѣлили отставного кавалериста. Видно птицу по полету... И ростомъ вышелъ, и здоровъ изъ себя, и вся повадка настоящая господская, хотя одёжонка и сборная,—старый дипломатъ, какая-то порыжѣлая, широкополая половеская шляпа, штаны спрятаны въ сапоги. Большіе усы и запущенная, жесткая борода съ легкой просѣдью тоже обличали военнаго. И красивъ былъ, надо полагать, а вотъ до какого положенія дошелъ. Много и изъ господъ такихъ-то бываетъ. Того гляди, еще мѣдную кастрюлю изъ кухни благоувѣститъ, и поминай, какъ звали. Последняя мысль пришла въ голову Егорушки рѣшительно безъ всякаго основанія, но тѣмъ не менѣе сильно его беспокоила.

— Навѣрно, лишенный столицы...—думалъ вслухъ Егорушка.—Другая публика, какъ слѣдуетъ быть публикѣ, а этотъ какой-то вредный навязался...

Публика на пароходѣ, дѣйствительно, набралась обыкновенная. Въ первомъ классѣ ѣхалъ „предсѣдатель“ Иванъ Павлычъ въ форменной дворянской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, потомъ земскій врачъ, два купца по лѣсной части, монахъ изъ Чувскаго монастыря, красивый и упитанный, читавшій, не отрывая глазъ, маленькое евангеліе, потомъ бѣлокурая барышня, распустившая по щекамъ волосы, какъ болонка, и т. д. Изъ второго класса публика попроще: двѣ сельскихъ учительницы, о. дьяконъ изъ Бобыльска, ѣздившій на свадьбу къ брату, мелочной торговецъ изъ Краснаго Куста, ветеринарный фельдшеръ и мелкотравчатые чиновники разныхъ вѣдомствъ. Егорушкѣ нужно было знать наперечетъ публику этихъ двухъ классовъ. А вдругъ потребуютъ филей-миньонъ или соусъ съ трюфелями? Ступай-ка, угоди на одного Ивана Павлыча... Утробистый баринъ, однимъ словомъ.

Стояла половина іюля. День выдался жаркій, а рѣка стояла, какъ зеркало. Хоть-бы вѣтеркомъ дунуло. А тутъ еще въ кухнѣ, какъ на томъ свѣтѣ въ аду. Егорушка въ послѣднемъ былъ самъ виноватъ, потому что нещадно палилъ хозяйскія дрова съ ранняго утра. Да и кухня была маленькая, едва одному повернуться, и Егорушка выскакивалъ изъ нея, какъ ошпаренный. Впрочемъ, послѣднее объяснялось не однимъ дѣйствіемъ накаленной плиты, а также и неосторожнымъ обращеніемъ съ монополькой. По поводу послѣдней слабости Егорушка оправдывался тѣмъ, что николаевскому солдату полагается „примочка“.

— У насъ какъ полагалось по артикулу?—объяснялъ Егорушка, вытирая потное лицо рукой. — Девять человѣкъ заколоти, а одного выучи... Каждый день вотъ какая битва шла, не приведи, Господи! Отдыхали-то на войнѣ... Разъ ны-

нѣшній солдатъ можетъ что-нибудь понимать? Ну-ка, вытяни носокъ... ха-ха!..

Сегодня Егорушка особенно страдалъ отъ жары и на этомъ основаніи съ особеннымъ неистовствомъ накаливаль свою плиту. Онъ вытаскивалъ жестяной чайникъ съ кипяткомъ на скамейку у водяного колеса и отдувался чаемъ. Ничего не помогало... Да и скучно какъ-то одному. Въ третьемъ классѣ ѣхалъ монашикъ изъ неважныхъ, и Егорушка его пригласилъ.

— Не хочешь-ли, батя, чайку?

Монахъ имѣлъ необыкновенно кроткій видъ. Высокій, сгорбленный, съ впалой грудью и длинными натруженными руками. Худое и длинное лицо чуть было тронута бородкой, изъ подъ послушнической скуфейки выбивались пряди прямыхъ и сѣрыхъ, какъ ленъ, волосъ. Онъ отвѣтилъ на приглашеніе Егорушки немного большой улыбкой, но подошелъ и занялъ мѣсто на скамеечкѣ.

— Въ Чуевскій монастырь ѣздить, батя?—допрашивалъ Егорушка, наливая стаканъ чая.

— Такъ... вообще...—уклончиво отвѣтилъ послушникъ, поправляя расхолодившіяся полы заношеннаго подрясника.

— Я видѣлъ, какъ ты впередъ ѣхалъ... А какъ авать?

— Павлинъ...

— Значить, братъ Павлинъ. Такъ... Я самъ хотѣлъ поступить въ монахи, да терпѣнья не хватило. Вотъ табачишко курю, монополю пью... А грѣховъ—неочерпаемо!

Егорушка въ отчаяніи только махнулъ рукой...

— Господь милостивъ, ежели покаяться...—робко посовѣтовалъ братъ Павлинъ, отхлебывая горячій чай.—Все отъ Господа.

— А ты изъ какого монастыря будешь?

— У насъ не монастырь, а обитель Пресвятыя Богородицы Нечаянныя Радости.

— Это за Бобыльскомъ?

— Недалече...

— И много братіи?

— Такъ, человѣкъ десяти не наберется. Я-то еще на послушаніи... Всего какъ три года въ обители.

— Строго у васъ, какъ я слышалъ?

— Нѣтъ, ничего... Для себя стараемся.

За чаемъ Егорушка довольно хитро навелъ разговоръ на таинственнаго незнакомца, который шагаль цѣлое утро по палубѣ третьяго класса.

— Онъ съ тобой что-то разговаривалъ, братъ Павлинъ?

— А такъ... Разспрашивалъ объ обителяхъ... про нашего игумена...

— Такъ... гм... Ну, а потомъ?

— Потомъ ничего...

— А изъ какихъ онъ будетъ, по твоему?

— А кто его знаетъ... Такъ, трезвый человѣкъ.

Братъ Павлинъ просто былъ глупъ, какъ опредѣлили его про себя Егорушка. Овца какая-то... Прямо вредный человѣкъ, а онъ ничего не замѣчаетъ. Эхъ, ты, простота обительская...

Эта сцена мирнаго чаепитія была нарушена появленіемъ самого вреднаго человѣка. Онъ подошелъ какъ-то незамѣтно и спросилъ глуховатымъ баскомъ:

— Поваръ, можно у васъ получить картофель?

Егорушка вскочилъ и отрапортовалъ:

— Сколько угодно-съ... Картофель мѣтеръ-дѣтель, картофель о-гратенъ, въ сметанѣ, о финъ-зебръ...

— Нѣтъ, просто горячій варенный картофель...—довольно сурово перебилъ его вредный человѣкъ.

— Значить, по просту вареная картошка?

— Вотъ именно...

— Этого никакъ невозможно, господинъ, а для буфетчика даже и обидно. Извините, у насъ не обжорный рядъ, чтобы на пятачокъ и картошка, и лукъ, и хлѣбъ. У насъ кушанья отпускаются по карточкѣ. Ежели желаете, можно автрекотъ зажарить, сижка по польски приготовить... Другіе господа весьма уважаютъ филей-миньенъ, баранье жиго... Можно соусъ бордлезъ подпустить, провансаль, ала Суцовъ...

— Хорошо, хорошо... А кашу можно получить?

— Въ какомъ смыслѣ кашу-съ, баринъ?

— Ну, напимѣръ, гречневую, размазную, изъ проса?

— Тоже по карточкѣ никакъ не выдетъ, господинъ. Вотъ ежели гурьевскую, съ цукатомъ и миндалемъ, подъ сахарнымъ колеромъ съ гвоздикой...

Вредный человѣкъ по военному круто повернулся на каблучкахъ и зашагалъ къ себѣ на палубу, а Егорушка подмигнувъ своимъ единственнымъ окомъ брату Павлину и проговорилъ:

— Видѣлъ?

— Что-же, человѣкъ, какъ человѣкъ... Уважаешь простую пищу. Давеча утромъ чай пилъ съ ситнымъ...

— То да не то... Разъ онъ не понимаетъ, что такое буфетъ на пароходѣ? Очень хорошо понимаетъ... А вотъ ежели мѣдныя кастрюли плохо лежатъ да поваръ воронъ считаетъ—ну, тогда и поминай, какъ звали.

— Вы это напрасно...

— Я?!.. Ого! Достаточно насмотрѣлись на тому подобныхъ лишенныхъ столицы... Скажите, пожалуйста, вареной картошки захотѣлъ и размазни?!.. Видали-съ и даже вполнѣ такихъ

фруктовъ и вполне можемъ ихъ понимать-съ. Картошка... размазня...

Егорюшка серьезно рассердился и даже началъ плевать.

II.

„Онъ“, повидимому, ничего не подозрѣвалъ и спросилъ себя приборъ для чая. Третьеклассный официантъ въ грязной ситцевой рубахѣ и засаленномъ пиджакѣ подаль чайникъ съ кипяткомъ и грязный стаканъ. „Онъ“ брезгливо поморщился, не торопясь, досталъ изъ узелка полотенце и привелъ стаканъ въ надлежащій видъ. Изъ свертка выпалъ при этомъ узенькій желтоватый конвертъ, на которомъ тонкимъ женскимъ почеркомъ было написано: Михаилу Петровичу Половецкому. Онъ поднялъ его, пробѣжалъ лежавшее въ немъ письмо, разорвалъ и бросилъ въ воду.

— Михаилъ Петровичъ Половецкій...—повторилъ онъ про себя свое имя и горько улыбнулся.—Нѣтъ больше Михаила Петровича...

Онъ мысленно еще разъ перечиталъ строки брошеннаго женскаго письма, гдѣ каждая буква лгала... Да, ложь и ложь, безконечная женская ложь, тонкая, какъ паутина, и, какъ паутина, льнущая ко всему. А онъ такъ хорошо чувствовалъ себя именно потому, что ушелъ отъ этой лжи и переживалъ блаженное ощущеніе свободы, какъ больной, который всталъ съ постели. Будетъ, довольно... Прошлое умерло.

— Да, хорошо...—подумалъ вслухъ Половецкій, глядя на убѣгавшій берегъ рѣки.—Хорошо потому, что ничего не нужно.

Ни сама „р. Камчужная, ни ея берега никакихъ особенныхъ красоть не представляли, но Половецкому все теперь казалось въ какомъ-то особенномъ освѣщеніи, точно онъ видѣлъ эту блѣдную красками и линіями русскую сѣверную природу въ первый разъ. Да, онъ любовался красотами Капри, венеціанскихъ лагунъ, альпійскихъ ледниковъ, прибоемъ Атлантическаго океана, а своей родной природы не существовало. А вѣдь она чудно хороша, если хорошенько всмотрѣться, она—широкій масштабъ, по которому выстроилась русская душа. Что можетъ быть лучше этихъ блѣдныхъ акварельныхъ тоновъ сѣверной зелени, этихъ мягкихъ, ласкающихъ линій и контуровъ, этого блѣдно-голубого неба? О, какъ онъ отлично все это понималъ и чувствовалъ, и любилъ именно сейчасъ... Ему дѣлалось даже жаль ѣхавшихъ въ первомъ классѣ пассажировъ, которые такъ равнодушно относились къ окружающему ихъ пейзажу.

Это созерцательное настроеніе было прервано громкимъ
№ 7. Отдѣлъ I.

хохотомъ Егорушки, который хлопалъ себя по ляжкамъ и раскachiвался всѣмъ корпусомъ.

— Да не игумень-ли... а?—повторялъ онъ, задыхаясь.

Братъ Павлинъ сконфуженно улыбался. Половецкій подошелъ къ намъ и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, пусть онъ самъ расскажетъ...—отвѣчалъ солдатъ, продолжая хохотать.—Вотъ такъ игумень... Ловко!.. Ты, грить, съ молитвой работай?!.. Ха-ха...

— Это они даже совсѣмъ напрасно,—объясняли смущенный братъ Павлинъ.—Я имъ рассказалъ про обитель, а они смѣются...

— Ну, ну, расскажи еще разокъ?

— У насъ обитель небольшая, всей братіи семь человѣкъ, а я, значить, восьмой,—заговорилъ братъ Павлинъ уже безъ смущенія.—И обитель совсѣмъ особенная... совсѣмъ въ болотѣ стоитъ, въ водополы или осенью недѣль по шести ни пройти, ни проѣхать. Даже на лодкахъ нѣтъ ходу...

— Затѣмъ же въ болото забрались, батя, точно комары?

— А это ужъ не отъ насъ, а отъ божьяго соизволенія. Чудо было... Это когда царь Грозный казнилъ городъ Бобыльскъ. Сначала-то пріѣхалъ милостивымъ, а потомъ и началъ. Изъ Бобыльского монастыря велѣлъ снять колоколъ, привязалъ бобыльского игумена бородой къ колоколу и припечаталъ ее своей царской печатью; а потомъ колоколъ съ припечатаннымъ игуменомъ и велѣлъ бросить въ Камчужную.

— Ловко! Ох-хо-хо...—заливался солдатъ.

— Ну, и братію монашескую началъ казнить немилостиво. Кому голову отрубить, кого въ воду бросить. Изъ всего монашескаго состава спасся одинъ старецъ Мисаилъ. Онъ убѣжалъ въ болото и три дня просидѣлъ въ водѣ по горло. Искали, искали и никакъ не могли сыскать... Господь сохранилъ блаженнаго человѣка, а онъ въ память о чудѣ и поставилъ обитель Нечаянныя Радости. А царь Иванъ Грозный сдѣлалъ въ Бобыльскую обитель большой вкладъ на вѣчный поминъ своей царской души.

— Ты, батя, про игумена-то своего расскажи,—перебилъ Егорушка.—Вѣдь тоже Мисаиломъ звать...

— Что-же, игумень у насъ хорошій, строгій и милостивый, спокойно отвѣтилъ братъ Павлинъ.—Раньше-то я хаживалъ въ обитель по сапожному дѣлу, ну, а лѣтомъ помогалъ сѣно косить, дрова рубить... Очень мнѣ нравилось тихое монашеское житіе. Мѣсто глухое, передъ обителью озеро... Когда идетъ служба, такъ по озеру-то далеко несется дивное монашеское пѣніе. Даже слеза прошибаетъ... Такъ-то я лѣтъ пять ходилъ въ обитель, а потомъ о. игумень и говоритъ: „Павлинъ, оставайся у насъ... Будешь въ міру жить—осквер-

нишься“. Я по первоначально испугался, потому какъ монашеское послушаніе строгое. Боялся не выдержать... Однако, о. игуменъ по добротѣ своей уговорилъ меня. Только и всего.

— А послушаніе-то?—допытывалъ Егорушка.

— Какое же послушаніе; дѣлаю то же самое, что и раньше.

— Вотъ, вотъ... Только даромъ работаешь на всю обитель, а братія спитъ. Ха-ха... Ловко приспособилъ игуменъ дарового работничка.

Обратившись къ Половецкому, Егорушка добавилъ:

— Да еще что дѣлаютъ съ нимъ: не даютъ отдыха и въ праздники. Въ церковь даже лѣтомъ некогда сходить... „Работа на обитель, грить игуменъ-то, паче молитвы“! Павлинъ-то и трубить за всю братію...

— Надо послушаніе до конца пройти,—кратко объяснялъ братъ Павлинъ.

— А потомъ-то?

— А потомъ приму! окончательный постригъ, ежели Господь сподобитъ.

Голубиная кротость брата Павлина очень понравилась Половецкому, и даже его некрасивое лицо казалось ему теперь красивымъ. Когда Егорушка съ какой-то оторопью бросился къ себѣ въ кухню жарить антрекотъ для Ивана Павлича, Половецкій разговорился съ братомъ Павлиномъ и узналъ удивительныя новости. Разговоръ зашелъ о городѣ Бобыльскѣ, исторія котораго являлась чѣмъ-то загадочнымъ и удивительнымъ. Онъ поставленъ былъ на границѣ новгородской пятины и московскаго рубежа. На этомъ основаніи его постоянно зорили московскіе воеводы, а когда онъ попадалъ въ московскій полонъ—зорили и грабили сами новгородцы. Кромѣ того, приложила свою руку Литва немилостивая, и даже татары.

— Татары не доходили до Бобыльска,—объяснялъ Половецкій, припоминая исторію.

— Сами-то они не приходили, а высылали стрѣлу... Значить, баскакъ наѣдетъ и заставляетъ выкупать стрѣлу. Много Бобыльскихъ денежекъ набрала орда въ разное время...

— Откуда вы все это знаете?

— А какъ-же: лѣтописцы были и все записали. Первый-то былъ тотъ самый игуменъ, котораго Иванъ Грозный съ кололомъ утопилъ. Юной Шелудякомъ назывался. У него про татарскую стрѣлу и было записано. Потомъ былъ лѣтописецъ, тоже игуменъ, Іакинъ Болящій. Онъ про Грознаго описалъ... А послѣ Грознаго въ Бобыльскѣ объявился самозванецъ Якуня и за свое предерзостное воровство былъ повѣшенъ жалостливымъ образомъ.

— Какъ это жалостливымъ образомъ?

— А не знаю... Я вѣдь не грамотный, да и лѣтописи всѣ пригорѣли. У насъ въ обители живетъ о. келарь, древній старичокъ, такъ онъ все знаетъ и рассказываетъ.

— Были и еще лѣтописцы?

— Былъ одинъ, ужъ послѣдній—Пафнуцій Хроменькій. Ну, этотъ такъ себѣ былъ... Все о Петрѣ Великомъ писалъ, какъ онъ наѣзжалъ въ Бобыльскъ и весьма угнеталъ народъ своимъ стремленіемъ. Легко сказать, хотѣлъ оборотить Камчужную въ каналъ, чтобы изъ Питера можно было проѣхать водой вплоть до Кіева. Однако Господь отнесъ царскую бѣду... Ну, тогда царь Петръ поступилъ наоборотъ. Полюбилась ему заповѣдная липовая роща подъ Бобыльскомъ, которую развели монахи. Ну, онъ и велѣлъ всю рощу цѣликомъ перевезти къ себѣ въ Питеръ... Вотъ было горе, вотъ была битва, когда тыщи три деревъ нужно было тащить по болотамъ верстъ триста. Сколько народу погибло, сколько лошадей—и не пересчитать. А царь Петръ пріѣхалъ въ Бобыльскъ, поблагодарилъ жителей и на память посадилъ на мѣстѣ липовой рощи жолудь. Теперь вотъ какой царскій дубъ растетъ... Царь Петръ ѣздилъ по всему царству и всегда возилъ въ карманѣ желуди. Если городъ ему понравится, онъ сейчасъ и посадитъ желудь, чтобы помнили его. Ну, а послѣ царя Петра ужъ никакой исторіи не было, кромѣ пожаровъ да холерныхъ годовъ.

Братъ Павлинъ съ трогательной наивностью перепутывалъ историческія событія, лица и отдѣльныя факты, такъ что Половецкому даже не хотѣлось его разубѣждать. Вѣдь наивность—проявленіе нетронутой силы, а именно такой силой являлся братъ Павлинъ. Все у него выходило какъ-то необыкновенно просто. И обитель, и о. игуменъ, и удивительная исторія города Бобыльска, и собственная жизнь—все въ одномъ масштабѣ, и отъ всего вѣяло тѣмъ особеннымъ тепломъ, какое даетъ только одна русская печка.

— А знаете, господинъ...—заговорилъ братъ Павлинъ послѣ нѣкоторой паузы.—Извините, не умѣю васъ назвать...

— Называйте просто: братъ Михаилъ...

Будущій инокъ посмотрѣлъ на Половецкаго недовѣрчивымъ взглядомъ и улыбнулся.

— Да, просто братъ Михаилъ,—повторилъ Половецкій и тоже улыбнулся.

Странно, что улыбка какъ-то не шла къ его немного суровому лицу. Вѣрнѣе сказать, она придавала ему какое-то чуждое, несвойственное всему складу выраженіе.

— А я хотѣлъ сказать... (Братъ Павлинъ замялся, не рѣшаясь назвать Половецкаго братомъ Михаиломъ). Видите-ли, у насъ въ обители есть братъ Ираклій.. Большого ума че-

ловѣкъ, но строптивецъ. Вотъ онъ меня и смутилъ... Придется о. игумну каяться. Обманулъ я его, какъ невѣрный рабъ...

— Какъ-же вы его обманули?

— Охъ, случился такой грѣхъ... Братъ Ираклій все подзуживалъ. И то не такъ у насъ въ обители, и это не такъ, и о. игуменъ строжить по напрасну, и на счетъ пищи... И все хвалить Чуевскую обитель. Ужъ тамъ все лучше... И смутилъ меня. Я и сказалъ, что у меня дядя помираетъ, а дяди-то и не бывало. Развѣ это хорошо? Ираклій-же и научилъ... Ну, о. игуменъ отпустилъ меня, благословилъ на дорогу... Ахъ, какъ это совѣстно вышло все!.. Вотъ я и поѣхалъ въ Чуевскую обитель, прожилъ тамъ три дня и даже заплакалъ... Лучше нашей обители нѣтъ, а только строптивость брата Ираклія меня ввела въ обманъ.

— Ну, это грѣхъ не великъ. Всякій человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше...

Грѣхъ-то не великъ, а велика совѣсть.

III.

Ночь. Рѣка точно застыла, и только оставляемые пароходомъ гряды волнъ тяжело бьются въ глинистые берега. Темное іюльское небо точно усажено звѣздами, блѣдными, трепещущими въ водѣ, не оставляющими послѣ себя слѣда и вѣчно живыми. Какъ ничтоженъ человѣкъ, когда онъ смотритъ на небо... Вѣдь отъ ближайшей звѣзды свѣтъ приходитъ только черезъ восемь лѣтъ, и небо, въ его настоящемъ видѣ, только блестящая ложь. И эти міры міровъ смотрятъ на насъ свѣтлыми глазами, и мы никогда не постигнемъ ихъ тайны. Половецкій долго смотрѣлъ на рѣку и на небо и переживалъ такое ощущеніе, какъ будто онъ поднимается къверху, какъ бываетъ только въ молодыхъ снахъ.

— Господи, вѣдь каждый день—чудо,—думалъ онъ.—И минута каждая—чудо... Каждый листочекъ на деревѣ—чудо, и травка, и козявка, и капля воды. Непрерывающееся вѣчное чудо, которое окружаетъ насъ, а еще большее чудо—внутри насъ. Бездна бездну призывающая...

Онъ долго стоялъ надъ люкомъ, въ который можно было разсмотрѣть работавшую пароходную машину. И пароходъ былъ скверный, старой конструкціи, и машина дрянная, но въ работѣ послѣдней чувствовалась всетаки могучая сила. Вѣдь работала не машина, т. е. извѣстная комбинація стальныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ частей, и не вода, превращенная въ паръ, а вѣчно живая человѣческая мысль.

Машиннымъ отдѣленіемъ пароходъ дѣлился на двѣ поло-

вины—носовая часть для сѣрой публики, а корма для привилегированной. Всего удивительнѣе было на этомъ углу суденышкѣ, какъ, впрочемъ, и на лучшихъ волжскихъ пароходахъ, распредѣленіе грязи, доведенное чуть не до математической точности, такъ что если бы разни́ца въ цѣнѣ билета составляла всего одну копѣйку, то и грязи получилось бы въ одномъ классѣ на копѣйку больше, а въ другомъ меньше. Кажется, въ этой системѣ распредѣленія грязи заключается единственная аккуратность русскаго человѣка.

Эта грязь коробила Половецкаго, когда приходилось вечеромъ пить чай за грязнымъ столикомъ и укладываться потомъ спать на грязной паровой скамейкѣ. Братъ Павлинъ помѣстился напротивъ и наблюдалъ за Половецкимъ улыбающимися глазами. Онъ понялъ, что барину претитъ непролазная паровая грязь.

— Сѣрый народъ ѣдетъ...—объяснялъ онъ, точно стараясь оправдаться.—Привыкли къ грязи сызмала.

— Да, но все-таки... Мнѣ кажется, что можно бы обойтись и безъ грязи. Это вѣдь совсѣмъ нетрудно. Напримѣръ, вымыть вотъ этотъ столикъ, нашему официанту вымыть руки, повару не вытирать грязныхъ рукъ о свою куртку.

— Да, оно конечно... Только ужъ привычка... У насъ крестьяне даже избу не метутъ, чтобы теплѣе было.

— А въ обители у васъ чисто?

— Даже весьма строго по этой части...

Половецкій и братъ Павлинъ уже улеглись спать, какъ неожиданно явился поваръ Егорушка. Въ одной рукѣ онъ несъ жестяную лампочку, а въ другой чайникъ съ горячей водой.

— Батя, погоди спать... Давай, чайку попьемъ. Ухъ, умалялъ же меня сегодня Иванъ Павлычъ! Прямо безъ ногъ меня сдѣлалъ... За каждымъ соусомъ меня разъ по пяти гонялъ. А я унесу соусъ-то, постою съ нимъ за дверью и назадъ „Ну вотъ теперь хорошо“, хвалить Иванъ Павлычъ. Ха-ха.. Страшный привередникъ.

— А какъ его фамилія?—спросилъ Половецкій.

— Ну, этого ужъ не знаю, господинъ... Мы его предсѣдателемъ зовемъ.

— Гдѣ же онъ предсѣдательствуетъ?

— А кто его знаетъ... Просто предсѣдатель города Бобльска.

Егорушка былъ замѣтно навеселѣнъ, хотя и держался на ногахъ твердо: Онъ нѣсколько разъ хлопалъ брата Павлина по спинѣ, безпричинно хихикалъ и, вообще, находился въ хорошемъ расположеніи духа.

— Вы какой губерніи-то, батя?—спрашивалъ онъ.—Да, изъ

Ярославской... такъ... Всѣмъ бы хороши ваши ярославцы, да только грибовъ бояться... х-ха! Ярославецъ грибы не будетъ ѣсть, потому какъ черезъ грибокъ волкъ шагаль... Тоже вотъ телятины не уважають... потому какъ теленокъ выходитъ по ихнему незаконорожденный... Мы, значить, костромскіе, дразнимъ ихъ этимъ самымъ. Баринъ, чайку съ нами?—предлагаль онъ Половецкому.

— Нѣтъ, спасибо, я уже пилъ...

Неугомонный солдатъ продолжалъ болтать, поддразнивая брата Павлина.

— Хороша ваша обитель, батя, правильная, а только одно не хорошо... Зачѣмъ у васъ дѣвка была игуменомъ? Положимъ, не простая дѣвка, а княжиха, ну, а всетаки какъ будто не ладно...

— Это не у насъ, а въ женской Зачатіевской обители дѣйствительно былъ такой случай. Тамъ игуменьей лѣтъ тридцать состояла княжиха... Она прямо съ балу пріѣхала въ монастырь, какъ была, во всей бальной одеждѣ. Ее на балу женихъ обидѣлъ, ну, она не стерпѣла и сейчасъ въ монастырь. Ндравная, сказываютъ, была, строгая. Померши ужъ теперь лѣтъ съ десять...

— А за поминъ души графа Евтихія Ларивонича молитесь?

— Молимся... Отъ него у насъ вкладъ на вѣчныя времена.

— Больше молитесь, батя. Много на емъ нашихъ солдатскихъ грѣховъ... Охъ, трещала солдатская спинушка!..

— Давно это было... Еще при Александрѣ Благословенномъ.

— Давно-то оно давно, а память осталась. Вонъ на берегу, сейчасъ за мысомъ его хоромины стоятъ... И солдаты только были. Тридцать пять лѣтъ выслуга, а верстали мужиковъ сорока лѣтъ иногда... До смерти солдатъ. Я пятнадцать годовъ отбылъ. Поляка замирялъ...

— Страшно на войнѣ?—полюбопытствовалъ братъ Павлинъ.

— Это только думать страшно, а тамъ и бояться некогда. Ты палишь, въ тебя палятъ... х-ха!

— И... и вы убивали человѣка?—робко спросилъ братъ Павлинъ, съ трудомъ выговаривая роковое слово.

— И даже очень просто... Отечество, первое дѣло, а потомъ начальство. Такъ, ежели сосчитать, душъ пять порѣшилъ...

— И... и вамъ не страшно, т. е. тогда, когда вы...

— Чего бояться-то? Мы, напримѣрно, ихъ на острову устigli, польшу эту самую. Человѣкъ съ чотыреста набралось конницы, а насъ лазутчикъ провель... Ночь, дождь—ну, ни одного не осталось живого. Въ темнотѣ-то гдѣ разбирать,

убилъ или не убилъ... Меня по головѣ здорово палашомъ хлопнули, два мѣсяца въ больницѣ вылежалъ.

Лицо Егорушки оставалось добродушнымъ, точно онъ рассказывалъ самую обыкновенную вещь. Именно это добродушіе и покорило Половецкаго, напомнивъ ему цѣлый рядъ сценъ и эпизодовъ изъ послѣдней турецкой войны, въ которой онъ принималъ участіе. Да, онъ видѣлъ всѣ ужасы войны и тоже былъ раненъ, какъ Егорушка, но не могъ вспомнить о всемъ пережитомъ съ его равнодушіемъ.

— Главное, непріятель... — объяснялъ Егорушка. — Онъ, вѣдь, меня не жалѣетъ, ну, и я его не жалѣю...

— Всетаки живой человѣкъ, и вдругъ...

— Ну, про это начальство знаетъ. Извѣстно, всѣ люди — человѣки. У насъ свое начальство, у нихъ — свое... А тамъ ужъ Господь разберетъ, кто и чего стоилъ.

— Богъ одинъ у всѣхъ... — тоскливо замѣтилъ братъ Павлинъ.

— А какъ же сказано: христілюбивое воинство? Богъ-то одинъ, а вѣра, значитъ, разная... Вотъ и вы молитесь по своимъ обителямъ объ одолѣніи супостата. И даже очень просто... Мы воюемъ, а вы за наши грѣхи Богу молитесь...

Егорушка долго еще что-то рассказывалъ, но Половецкій уже дремалъ, не слушая его болтовни. Въ ночной тиши съ особенной рѣзкостью выдавались и глупая работа машины, и шумъ воды. Тянулась смѣшанная струя звуковъ, и, прислушиваясь къ удушливымъ хрипамъ пароходной машины, Половецкій совершенно ясно слышалъ картавый, молодой женскій голосъ, который безъ конца повторялъ одну и ту же фразу:

...А храмъ оставленный — все храмъ.

Кумиръ поверженный — все Богъ.

— Нѣтъ, не правда!.. — хотѣлось крикнуть Половецкому.

Развѣ вода можетъ говорить? Машина при всей ея подавляющей физической силѣ не можетъ выдавить изъ себя ни одного слова... А слова повторялись, онъ ихъ слышалъ совершенно ясно и даже могъ различить интонаціи въ произношеніи. Онъ въ какомъ-то ужасѣ сѣлъ на своей скамейкѣ и удивился, что кругомъ никого не было, а противъ него мирно спалъ братъ Павлинъ. Половецкій вздохнулъ свободно.

— Милый братъ... — подумалъ онъ, прислушиваясь къ ровному дыханію будущаго инока.

Начинало свѣтать. Всѣ кругомъ спали. Шумъ пароходной машины разносился далеко по рѣкѣ. На луговомъ берегу Камчужной бродилъ волокнистый туманъ. Половецкій долго ходилъ по палубѣ. Спать не хотѣлось. Онъ въ послѣднее время,

вообще, спать плохо, а сегодня просто задремалъ и проснулся отъ слуховой галлюцинаціи, которая, какъ молнія, освѣтила все прошлое. Боже мой, какъ онъ жилъ, если бы можно было рассказать... И развѣ это былъ онъ? Какое-то полуживотное состояніе, затемнѣніе сознанія, полная разнузданность дурныхъ инстинктовъ, отсутствіе задерживающихъ нравственныхъ основъ. День шелъ за днемъ, какъ звенья роковой цѣпи. Не являлось даже мысли о томъ, что необходимо провѣрить себя, подвести итогъ, просто подумать о другой жизни. И кругомъ всѣ другіе жили такъ-же, т. е. люди извѣстнаго обезпеченнаго круга. У всѣхъ порядокъ жизни и логика были одинаковы. Сытая тоска, мучительная погоня за удовольствіями, пресыщеніе, апатія и недовольство жизнью. Мужчины искали развлеченія на сторонѣ, женщины—тоже. Это были два вѣчно враждовавшихъ лагеря, и семейная жизнь держалась только приличіями. Да и какая могла быть семейная жизнь при такихъ условіяхъ... Прибавьте къ этому дешевенскій скептицизмъ, презрѣніе къ остальнымъ людямъ, которые не могутъ такъ жить и въ лучшемъ случаѣ—общественная дѣятельность на подкладкѣ личнаго самолюбія. А главное, никакой серьезной работы и серьезныхъ интересовъ въ жизни...

— И это былъ я...—повторилъ Половецкій въ какомъ-то ужасѣ.

Смыслъ и цѣль жизни были затемнены, красота окружающаго проходила незамѣтной. А сколько можно было сдѣлать хорошаго, добраго, честнаго, любящаго...

— Папа, а какъ другіе живутъ?—спрашивалъ его дѣтскій голосъ.

— Каждый живетъ по своему,—уклончиво отвѣчалъ онъ, потому что нечего было отвѣчать.

Онъ лгалъ передъ ребенкомъ и не сознавалъ этого. Нужно было отвѣтить такъ:

— Твой папа, милая дѣвочка, дрянной человѣкъ и не знаетъ, какъ живутъ другіе, т. е. большинство, потому что думаетъ только о себѣ и своей легкой жизни.

Ахъ, какъ мучилъ его временами этотъ дѣтскій голосъ... И онъ его больше не услышитъ на яву, а только во снѣ. Половецкаго охватила смертная тоска, и онъ едва сдерживалъ накипавшія въ груди слезы.

Убѣдившись, что всѣ кругомъ спятъ, Половецкій торонливо развернулъ котомку, завернутую въ клеенку, вынулъ изъ нея большую куклу и поцѣловалъ запачканное личико со слезами на глазахъ.

— Милая... милая...—шепталъ онъ, прижимая куклу къ груди.

IV.

Утромъ пароходъ долго простоялъ у пристани Гребешки. Сначала грузили дрова, а потомъ ждали какую-то важную чиновную особу. Братъ Павлинъ началъ волноваться. „Братъ Яковъ“ придетъ въ Бобыльскъ съ большимъ опозданіемъ, къ самому вечеру и придется заночевать въ городѣ, а всѣхъ капиталовъ у будущаго инокъ оставалось четыре копѣйки.

— Задастъ тебѣ жару и пару игумень,—поддразнивалъ поваръ Егорушка.

— Это ничего... По дѣломъ вору и мука. А лиха бѣда въ томъ, что работа стоитъ. Какое сейчасъ время-то? Страда стоитъ, а я цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла прогулялъ.

— Въ томъ родѣ, какъ барыня... Ахъ, ты, горе луковое!..

Егорушка продолжалъ все время слѣдить за Половецкимъ, даже ночью, когда тотъ бродилъ по палубѣ.

— Охъ, не простъ человѣкъ...—соображалъ Егорушка.—Его и сонъ не беретъ... Сейчасъ видно, у кого что на умѣ. Вонъ предсѣдатель, какъ только проснулся и сейчасъ подавай ему антрекотъ... Потомъ приговаривался къ пирожкамъ... А этотъ бродить, какъ неприкаянная душа.

За время стоянки набралась новая публика, особенно наполнился третій классъ. Чувствовалась уже близость Бобыльска, какъ центра. Ъхали поставщики телятины, скупщики яицъ, сѣнные подрядчики и т. д. Между прочимъ, сѣли два солидныхъ мужичка и начали ссориться, очевидно продолжая заведенный еще въ деревнѣ разговоръ.

— Дураки мы, и больше ничего,—повторялъ рыжебородый мужикъ въ рваной шапкѣ.—Прямо отъ своей глупости дураки...

Его спутникъ, оборванный, сгорбленный мужичокъ, съ бородкой клинушкой утнетенно молчалъ. Изрѣдка онъ подергивалъ лѣвымъ плечомъ и слезливо моргалъ подслѣповатыми глазами.

— Да, дураки,—повторялъ рыжий.—Сколько берлоговъ мы оказали барину Половецкому? На, получай сotelный билетъ... Помнишь, какъ онъ ухлопалъ медвѣдицу въ восемнадцать пудовъ? А нынче цѣна вышла-бы по четвертному билету за пудъ... Сосчитай-ка... восемнадцать четвертныхъ... двѣсти пятьдесятъ да двѣсти—четыреста пятьдесятъ и выйдетъ. А мы-то за сotelный билетъ просолили медвѣдицу...

Половецкій даже покраснѣлъ, слушая этотъ разговоръ. Мужички—медвѣжатники, обкладывавшіе медвѣжьи берлоги, конечно, сейчасъ не узнали-бы его, хотя и говорили именно

о немъ. Ахъ, какъ давно все это было... Да, онъ убилъ медвѣдицу и былъ счастливъ этимъ подвигомъ, потому что до извѣстной степени рисковалъ собственной жизнью. А къ чему онъ это дѣлалъ? Сейчасъ онъ рѣшительно не могъ бы отвѣтить.

Рыжій медвѣжатникъ только дѣлалъ видъ, что не узналъ Половецкаго, и съ расчетомъ назвалъ его фамилію. Ишъ, какъ перерядился, точно собрался куда-нибудь на богомолье. Когда пароходъ, наконецъ, отвалилъ, онъ подошелъ къ Егорушкѣ и спросилъ:

— А давно вонъ тотъ баринъ ѣдетъ?

— А ты его знаешь?—обрадовался Егорушка.

— Случалось... На медвѣдя вмѣстѣ хаживали. Михайлой Петровичемъ звать. Ловкій, удалый баринъ... Онъ тогда служилъ офицеромъ, жена красавица, все было по богатому.

— Такъ, такъ... А я то и ни вѣсть чего надумался о немъ. Сѣлъ онъ прошлой ночью за Краснымъ Кустомъ. Такъ-съ... Ахъ, ты грѣхъ какой вышелъ...

— У него большущее имѣніе въ Тверской губерніи, да у жены два въ нашей Новгородской. Однимъ словомъ, жили свѣтленько...

— Проигрался въ карты—вотъ и все,—рѣшилъ Егорушка, махнувъ рукой. — А я то, дуралей, всю ночь караулить... Думаю, благоувѣститъ онъ у меня кастрюли.

— Куда бы ему, кажется, ѣхать,—соображалъ мужичокъ, поддергивая бородку. — И съ котомкой ѣдетъ... Не спраста дѣло.

Егорушка только крутилъ головой. Нынче мудреные и господа пошли, не то, что прежде. Одинъ предсѣдатель изъ настоящихъ господъ и остался.

Половецкій видѣлъ особу, изъ-за которой пароходъ стоялъ на пристани цѣлыхъ пять часовъ. Это былъ брюзглий, прежде времени состарившійся господинъ въ штатскомъ костюмѣ. Онъ шелъ съ какой-то особой важностью. Его провожали нѣсколько полицейскихъ чиновъ и какіе-то чиновники не изъ важныхъ. Вглядѣвшись въ этого господина, Половецкій узналъ своего бывшаго пріятеля по корпусу. Боже мой, какъ онъ измѣнился и постарѣлъ за послѣдніе года, когда бросилъ Петербургъ и посвятилъ себя провинціальной службѣ. По женѣ Половецкій приходился ему дальнимъ родственникомъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Половецкій прочелъ въ газетахъ о назначеніи Палтусова на выдающійся постъ, но не зналъ, котораго изъ братьевъ. „Предсѣдатель“ Иванъ Павлычъ такъ и вытянулся предъ особой, но Палтусовъ едва отдалъ ему поклонъ. Это было олицетвореніе чиновничьяго тщеславія.

— „Вѣдь и я могъ быть такимъ же“, — съ улыбкой подумалъ Половецкій, припоминая по ассоціаціи идей цѣлый рядъ пристроившихся по теплымъ мѣстамъ товарищей.

Ему почему-то сдѣлалось даже жаль этого важничавшаго господина. Сколько тутъ лжи, а главное — человѣкъ изъ всѣхъ силъ старается показать себя совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Всѣ это видятъ и знаютъ и стараются пресмыкаться.

Быть самимъ собой — развѣ это не величайшее счастье? О, какъ онъ доволенъ былъ теперешнимъ своимъ настроеніемъ, той согрѣвающей душевной полнотой, о которой еще недавно онъ не имѣлъ даже приблизительнаго представленія.

И все кругомъ было такъ тѣсно связано между собой, представляя собой одно цѣлое. Вотъ и поваръ Егорушка съ его краснымъ носомъ близокъ ему, и мужички медвѣжатники, и братъ Павлинъ. Здѣсь все такъ просто и ясно... Кстати, Егорушка нѣсколько разъ подходилъ къ нему и какъ-то подобострастно и заискивающе спрашивалъ:

— Не прикажете-ли чего нибудь, ваше благородіе?

— Почему ты думаешь, что я благородіе?

— Помилуйте-съ, сразу видно... Въ кирасирскомъ полку изволили служить?

— Въ кавалеріи...

— Такъ-съ. Лучше военной службы ничего нѣтъ. Благородная служба-съ... У всякаго свой гоноръ-съ.

Егорушка уже успѣлъ сообщить брату Павлину все, что выпросилъ у медвѣжатника про Половецкаго, но братъ Павлинъ даже не удивился.

— У насъ въ обители жилъ одинъ баринъ въ этомъ родѣ, — кротко объяснялъ онъ. — Настоящій баринъ. Даже хотѣлъ монашество принять, но игумень его отговорилъ. Не господское это дѣло... Послушаніе велико, не выдержать. Тяжело вѣдь съ гордостью-то разставаться... Ниже всѣхъ надо себя чувствовать.

— Да, трудновато... — согласился Егорушка. — Вотъ хоть до меня коснись — гордъ я и никому не уступлю. Игумень бы мнѣ слово, а я ему десять.

Половецкій заказалъ чай и пригласилъ брата Павлина, который счелъ долгомъ отказаться нѣсколько разъ.

— Мнѣ скучно одному, — объяснилъ Половецкій.

За чаемъ онъ подробно расспрашивалъ брата Павлина о всѣхъ порядкахъ обительской жизни, о братіи, игуменѣ и о всемъ обительскомъ укладѣ.

— У насъ обитель бѣдная, и все на крестьянскую руку, — объяснялъ братъ Павлинъ. — И самъ игумень изъ крестьянъ...

Одинъ братъ Ираклій изъ духовнаго званія. Ну, и паства вся тоже крестьянская и работа...

— А посторонніе бываютъ?

— Конечно, наѣзжаютъ. Купчиха одна живетъ по цѣлымъ недѣлямъ. О мужѣ покойномъ все убивается... Страсть тоскуетъ. А, вѣдь, это грѣшно, т. е. отчаяніе, когда человѣкъ возлюбитъ тварь паче Бога. Онъ хоть и мужъ ей былъ, а все таки тварь. Это ей игуменъ объяснялъ при всей братіи. Онъ умѣетъ у насъ говорить. До слезъ доводитъ... Только съ однимъ братомъ Иракліемъ ничего не можетъ подѣлать. Строптивецъ и постоянно доносы пишетъ... И про купчиху архіерею жаловался, и меня тутъ же приплелъ... А я его все таки люблю, когда у него бываетъ просвѣтлѣніе души.

— А новыхъ братьевъ принимаютъ въ обитель? — спросилъ Половецкій.

— А этого я ужъ не могу знать. Все зависитъ у насъ отъ игумена... Такъ приѣзжаютъ и живутъ. Только больше мѣсяца оставаться игуменъ не позволяетъ.

Когда вечеромъ пароходъ подходилъ уже къ Бобыльску, Половецкій спросилъ брата Павлина:

— А если я приду къ вамъ въ обитель, меня примутъ?

— Даже очень хорошо примутъ... Игуменъ будетъ радъ.

— Вы будете ночевать въ городѣ?

— Придется... Одному-то ночью какъ-то неудобно идти.

— Пойдемте вмѣстѣ.

Братъ Павлинъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Половецкаго и кротко согласился.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жилища финляндских рабочих.

Здоровыя, свѣтлыя, просторныя и притомъ недорогія помѣщенія для рабочаго населенія—вотъ тотъ идеалъ въ квартирномъ вопросѣ, къ которому стремятся всѣ наиболѣе культурныя страны. Едва-ли приходится говорить въ настоящее время объ огромномъ вліяніи благоустроенныхъ жилищъ на физическое и моральное здоровье рабочихъ; даже наиболѣе консервативно-настроенные умы признаютъ весь ужасъ современныхъ квартирныхъ условий для крупной массы трудящагося населенія. Тѣмъ не менѣе, квартирный вопросъ продолжаетъ выступать темнымъ пятномъ на общемъ фонѣ социальнаго прогресса, настоятельно требуя повсемѣстно скорѣйшаго разрѣшенія.

Чѣмъ дальше шагаетъ страна по пути капиталистическаго развитія, чѣмъ быстрѣе возрастаетъ ея городское населеніе, тѣмъ жгучѣе и обостреннѣе становится жилищный вопросъ для трудящагося люда. Грандіозные дома, снабженные всѣми новѣйшими техническими приспособленіями, дома для богатыхъ квартирантовъ, украшавшіе нѣкогда лишь центры городовъ, теперь, благодаря усовершенствованію путей сообщенія, захватываютъ все новыя и новыя районы, вытѣсняють скромныя жилища съ недорогими квартирами и изгоняють дешевыхъ квартирантовъ изъ города въ его отдаленныя окраины *). Лондонъ съ его East-End'омъ, Парижъ съ предмѣстьями уже давно получили всемірную извѣстность; не лучше квартирные условия и въ остальныхъ промышленныхъ центрахъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странъ.

Само собою разумѣется, въ Финляндіи—странѣ съ молодымъ

*) Пеллутье сообщаетъ, что еще относительно недавно въ кварталахъ Парижа: Монмартръ, Ла-Вилльетъ, Мениль-Монтанъ и др. рабочіе за скромную плату могли имѣть сносную квартиру; но съ тѣхъ поръ, какъ въ этихъ кварталахъ появились новѣйшей конструкціи дома съ газовымъ освѣщеніемъ, подъемными мачинами и т. п. усовершенствованіями, средняя цѣна помѣщенія значительно повысилась, и рабочее населеніе оказалось оттѣсненнымъ въ еще болѣе отдаленныя предмѣстья Парижа, гдѣ пока рабочій еще можетъ найти себѣ помѣщеніе по карману («Жизнь рабочихъ во Франціи», Пеллутье—Глава: «Какъ живетъ рабочій классъ»).

промышленно-капиталистическимъ прошлымъ и относительно рѣдкимъ населеніемъ *)—нельзя встрѣтить чего-нибудь подобнаго тѣмъ классическимъ рабочимъ кварталамъ городовъ старой Европы, въ которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе ютится рабочая бѣднота. Однако, и здѣсь квартирный вопросъ для рабочаго населенія приобретаетъ съ каждымъ годомъ все болѣшую и болѣшую настоятельность, заставляя общество, правительство, а, главное, самихъ рабочихъ изыскивать средства для устраненія серьезныхъ золъ, причиняемыхъ неудовлетворительными квартирными условиями.

Квартирный вопросъ въ Финляндіи имѣетъ свою особенность: онъ существуетъ не только въ городахъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ, одинаково задѣвая интересы какъ городского, такъ и сельскаго населенія. Въ далекой, глухой деревнѣ мы встрѣчаемся съ той же скученностью, съ тѣми же анти-гигіеническими условиями и почти съ той же дороговизной помѣщеній, отъ которыхъ страдаетъ рабочій людъ наиболѣе промышленныхъ городовъ Финляндіи.

Явленіе это вызывается двумя причинами. Во-первыхъ, промышленныя предпріятія Финляндіи не сконцентрированы въ городахъ, а разбросаны по всей странѣ, вслѣдствіе естественнаго желанія промышленниковъ воспользоваться дешевой двигательной силой водныхъ потоковъ и обезпечить себѣ сосѣдство съ необходимыми топливомъ—лѣсами; 53% всѣхъ предпріятій Финляндіи, занимающихъ 48% промышленныхъ рабочихъ, расположены по деревнямъ **); эти рабочіе, разумѣется, группируются возлѣ предпріятій, значительно увеличивая собою численность деревенскаго населенія. Во-вторыхъ, обширная группа безземельнаго населенія Финляндіи ***), не имѣющая собственнаго жилища и снискивающая себѣ пропитаніе случайными заработками, ютится въ избахъ осѣдлыхъ крестьянъ-собственниковъ, увеличивая тѣсноту и безъ того плотно населенныхъ помѣщеній. Слѣдующія цифры могутъ служить подтвержденіемъ перенаселенности деревенскихъ домовъ: въ 1895 году, по официальнымъ даннымъ, во всей Финляндіи насчитывалось 343,819 обитаемыхъ домовъ, изъ числа которыхъ 18,728 расположены были въ городахъ, остальные же 325,091 въ сельскихъ общинахъ; при этомъ, въ среднемъ на каждый городской домъ приходилось 14,5 и на каждый сельскій домъ 6,9

*) Въ 1897 г. на 1 квадрат. километръ приходилось въ Финляндіи 7,8 жителей. См. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи за 1900 г., стр. 13.

**) Въ 1898 году въ городахъ Финляндіи было 3,671 промышленное заведеніе съ 47,659 рабочими; въ сельскихъ общинахъ—4,116 предпріятій, съ 43,396 рабочими. См. «Notices sur la Finlande, publiées à l'occasion de l'exposition universelle à Paris en 1900», стр. 11.

***) Въ 1895 году эта группа составляла 865,916 человекъ или 35% отъ общаго населенія Финляндіи. См. «Земельный вопросъ въ Финляндіи», А. Колонтай. «Научн. Обзоръ» 1902 г. Февраль.

обитателей (общее среднее для всей страны число обитателей—7,3 чел. на 1 домъ) *). Принимая во вниманіе, что городскіе дома, имѣющіе 2—3 и болѣе этажей, гораздо помѣстительнѣе деревенскихъ избъ, состоящихъ въ большинствѣ случаевъ лишь изъ 1—2 комнатъ, нельзя не признать факта значительной скученности деревенскаго населенія. Наибольшей плотностью населенія домовъ отличаются губерніи Улеаборгская, Сентъ-Михельская и Куопіоская, въ которыхъ, въ среднемъ на 1 домъ, приходится 8,3; 8,8 и 9,1 жителей. Въ этихъ губерніяхъ и процентъ неосѣдлага безземельнаго населенія держится сравнительно высоко **).

Само собою разумѣется, что и устройство деревенскихъ помѣщеній несравненно примитивнѣе, чѣмъ городскихъ; во многихъ мѣстахъ Финляндіи встрѣчаются еще и до сихъ поръ курныя избы, особенно у бѣднѣйшей части населенія — бобылей. Въ 1895 году курныхъ избъ по всей странѣ насчитывалось 12.268; наибольшій процентъ ихъ падалъ на нѣкоторые приходы губерній—Куопіоской (51—63%), Тавастгусской (58%) и Сентъ-Михельской (58—86) ***). Скученность населенія въ сельскихъ мѣстностяхъ не искупаетъ, однако, неблагопріятныхъ условий жизни рабочаго класса въ городскихъ центрахъ. Непрерывное стремленіе сельскаго пролетаріата въ города создаетъ постоянное переполненіе имѣющихся помѣщеній; число вновь строящихся домовъ не поспѣваетъ за ростомъ городского населенія; въ то время какъ это населеніе возрасло за 10 лѣтъ, съ 1887 по 1897 г., на 38%, число обитаемыхъ домовъ увеличилось всего на 3¹/₂% ****); въ 1890 г. 32,6% всѣхъ жителей Гельсингфорса жило такъ, что на каждую комнату, не считая казармъ, тюремъ и больницъ, приходилось въ среднемъ по 4 человѣка; во многихъ комнатахъ насчитывалось 10—13 человѣкъ. Въ остальныхъ городахъ Финляндіи плотность населенія распределялась такимъ образомъ *****):

въ Або на 1 комнату приходилось въ среднемъ 10 чел.

» Выборгѣ » » » » 3 »

» Улеаборгѣ » » » » 2 »

» Таммерфорсѣ и Бьернеборгѣ » » » 1 »

Изъ перечисленныхъ городовъ въ наиболѣе благопріятныхъ

*) Ofversigt af Finlands Ekonomiska Tillstånd. Bidrag till Finlands Officiella Statistik. Femårsper. 1891—1895. (Экономич. полож. Финляндіи. Оффич. статистика за пятилѣтіе 1891—95), стр. 24.

**) Ofversigt af Finl. Ekonomiska Tillstånd. Femårsper. 1891—1895, стр. 17 и 24.

***) То же, стр. 25.

****) Въ 1887 г. городское населеніе составляло 211,963 чел., жилыхъ же домовъ было 18,103 а въ 1897 г. городское населеніе составляло 291,584 чел., жилыхъ же домовъ было 18,728.

*****) «Työväenasunto - kysymys meillä». O. Groundstroem. (Квартирный вопросъ.—Оск. Грудстрёма). 1897 г., стр. 321.

условіяхъ находился Бьернеборгъ: лишь $\frac{1}{10}$ его жителей (948 человекъ) жили въ перенаселенныхъ квартирахъ.

Обыкновенно, въ городахъ Финляндіи рабочій съ семьей изъ 5—6 человекъ занимаетъ маленькую комнату, служащую ему одновременно и спальней, и кухней, и прачешной, и кладовой. Рабочій, располагающій двумя комнатами,—рѣдкость, исключеніе; такую роскошь могутъ дозволить себѣ лишь мастера, надсмотрщики, пожалуй—машинисты на фабрикахъ. *) Гораздо чаще случается, что двѣ семьи рабочихъ тѣснятся вмѣстѣ въ одной комнатѣ или же семья пускаетъ къ себѣ холостыхъ жильцовъ—парней или дѣвушекъ.

Въ 1890 г. въ Гельсингфорсѣ приходилось: **)

на 100 квартиръ въ 1 комнату . . .	383	обитателей.
» 100 » » 2 »	243	»
» 100 » » 3 »	158	»

Статистика за тотъ же періодъ показываетъ, что 6000 семействъ жило въ одной комнатѣ; изъ нихъ 1000 семействъ состояло изъ 4 человекъ, 850 семействъ изъ 5 человекъ, 600 семействъ—изъ 6 человекъ и т. д. ***).

Конечно, всѣ приведенныя данныя не могутъ служить точнымъ показателемъ истинной скученности населенія,—гораздо правильнѣе было бы судить по кубическому объему воздуха, приходящагося на каждого человека; но за неимѣніемъ подобныхъ статистическихъ данныхъ, приходится довольствоваться указанными свѣдѣніями.

Нечего и говорить о томъ, что тѣснота связана съ массою анти-гигіеническихъ и анти-моральныхъ послѣдствій. Квартиры рабочаго люда обыкновенно страдаютъ отсутствіемъ свѣта, чистаго воздуха; подчасъ онѣ холодны и сыры, рѣдко содержатся опрятно. Въ Гельсингфорсѣ многія квартиры находятся въ подвальныхъ этажахъ, что при суровомъ и сыромъ климатѣ влечетъ за собою неминуемыя простудныя заболѣванія. Въ 1890 году подвальныхъ помѣщеній въ Гельсингфорсѣ насчитывалось 977; въ нихъ жило 5% всего городского населенія; съ 1890 г. число подвальныхъ помѣщеній относительно понизилось, но абсолютно еще возрасло ****).

*) Arsberättelse af Yrkesinsp. i östra distr., för år 1896. (Отчеты фабричныхъ инспекторовъ).

**) «Tudvåenasunto-kysym. meillä».—O. Groundstroem, стр. 320.

***) Språkpartierna och Arbetarefrågan. Iv. Heikel. (Партія языковъ и рабочій вопросъ.—И. Гейкель), 1896, стр. 16.—Въ Берлинѣ въ 1895 г. въ 27,417 квартирахъ, состоявшихъ изъ 1 комнаты, жило 6 и болѣе человекъ, въ 471 квартирахъ изъ 2-хъ комнатъ,—по 11 и болѣе обитателей. См. «Die Arbeiterfrage» von D-r H. Herkner. Dritte Auflage. 1902. стр. 86.

****) «Arbetarebostadsfrågan» (Квартирный вопросъ)—N. R. af Ursin, (въ «Humanitas» за 1897), стр. 102 и «Tudvåenasunto-kys meil. O Groundstroem», стр. 322.—Въ Гамбургѣ въ 1888 г. въ подвальныхъ помѣщеніяхъ жило 8%.

Въ остальныхъ городахъ Финляндіи подвальные помѣщенія встрѣчаются значительно рѣже: такъ, въ томъ же 1890 г. въ Таммерфорсѣ ихъ было всего-на-всего 11.

Главнымъ недостаткомъ рабочихъ квартиръ является въ Финляндіи, такъ же какъ и всюду, отсутствіе чистаго воздуха. Въ тѣсной комнатѣ живутъ изо-дня въ день люди различныхъ возрастовъ, различныхъ профессій, больные, здоровые, старики и дѣти; здѣсь спятъ, ѣдятъ, готовятъ пищу; здѣсь же, возвращаясь съ работы, складываютъ одежду, зачастую пропитанную вредными веществами. Лѣтомъ, благодаря открытымъ окнамъ и дверямъ, воздухъ такъ или иначе обновляется, но зимою, когда ради тепла тщательно замазываются всѣ щели, атмосфера дѣлается нестерпимой; особенно портится воздухъ ночью, когда всѣ обитатели помѣщенія собираются на ночлегъ и въ то же время прекращается послѣдній способъ вентиляціи при помощи топящейся печи. Такая атмосфера губительно отзывается на легкихъ, на нервахъ, на всемъ организмѣ рабочаго и порождаетъ высокую смертность дѣтей *). О соблюденіи чистоты, при условіяхъ указанной скученности, не можетъ быть и рѣчи; посторонніе семьямъ жильцы являются въ этомъ отношеніи главнымъ препятствіемъ: не имѣя своего угла, постоянно перекочевывая съ квартиры на квартиру, они привыкаютъ къ беспорядочной и неряшливой жизни и не заботятся о соблюденіи чистоты и порядка въ домѣ своихъ квартирохозяевъ. Особенно много беспорядка вносятъ холостые постояльцы, возвращающіеся по ночамъ часто въ нетрезвомъ видѣ, шумящіе и безчинствующіе въ тѣсной клѣтушкѣ рабочаго. Постояльцы составляютъ тяжелую обузу для квартирохозяевъ, но въ виду дороговизны квартиръ въ Финляндіи лишь рѣдкія рабочія семьи могутъ безъ нихъ обойтись. Не сладко приходится и жильцу, у котораго никогда нѣтъ своего угла, гдѣ бы онъ могъ въ тишинѣ отдохнуть послѣ изнурительной работы; онъ принужденъ проводить всѣ свои досуги въ тѣсномъ общеніи съ чужими, порою несимпатичными ему людьми или же бѣжать изъ дому, попадая въ компанію уличныхъ бродягъ, въ притоны, въ кабаки. Тѣсное сожителство чужихъ людей вредно отзывается на нравственности какъ хозяевъ, такъ и жильцовъ,—особенно молодыхъ дѣвушекъ и парней. Всѣ неприглядныя стороны жизни квартирохозяевъ и ихъ жильцовъ въ рабочихъ кварталахъ Германіи, описанныя такими яркими и сильными красками у профессора Херкнера, можно найти, хотя въ болѣе слабой степени, и въ промышленныхъ центрахъ Финляндіи.

Для изслѣдованія вопроса о жилищахъ рабочихъ, таммер-

населенія; въ Халле въ 1890 г. — 4% населенія. См. Вурмъ «Жизнь нѣм. раб.», стр. 48.

*) «Arsberättelse af Yrkesinspektören i öst. distr». 1891.

фёрскимъ рабочимъ союзомъ *) были разосланы вопросные листы: сколько комнатъ у семьи? сколько людей живетъ въ одной комнатѣ? имѣются ли жильцы? каковы—длина, высота и ширина комнатъ? плата за квартиру? и т. п. Отвѣты получены были отъ 150 рабочихъ семействъ. По подсчетамъ оказалось, что большинство семействъ живетъ въ большой тѣснотѣ: на человѣка приходится отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ куб. саж. воздуха **), не болѣе; одна кухня служитъ двумъ и болѣе семействамъ; плата за комнату въ мѣсяцъ колеблется отъ 6 до 12 финскихъ марокъ ***). Но съ времени этого подсчета плата за квартиру значительно поднялась какъ въ Таммерфорсѣ, такъ и въ остальныхъ городахъ Финляндіи. Въ настоящее время квартира въ Гельсингфорсѣ обходится не только относительно, но и абсолютно больше, чѣмъ за границей ****). Въ европейскихъ промышленныхъ городахъ квартира въ 1 комнату стоитъ нормально 20 финск. мар. въ мѣсяцъ, въ Гельсингфорсѣ же подобное помѣщеніе оплачивается 22—25 ф. м. *****).

*) Упомянувъ о дѣятельности рабочихъ союзовъ Финляндіи, нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ финляндскихъ союзныхъ организацій. Въ 1900 г. въ Финляндіи имѣлось 68 рабочихъ союзовъ съ 9,232 членами; это показываетъ, что около 10% всего рабочаго населенія вступило уже въ правильныя организаціи. Союзы проявляютъ оживленную дѣятельность въ области улучшения экономическаго положенія рабочихъ и развитія ихъ духовныхъ стремленій. Въ настоящее время при болѣе крупныхъ союзахъ—гельсингфоргскомъ, таммерфоргскомъ, абоскомъ и нѣкот. др., имѣются собственные дома-клубы съ залами для собраній, читальнями, библиотеками и т. д.; здѣсь устраиваются лекціи научно-популярнаго и просвѣтительнаго характера; здѣсь рѣшаются дѣла союзовъ; здѣсь обсуждаютъ различные вопросы, касающіеся условій труда; по вечерамъ въ клубахъ нерѣдко организуются увеселительныя вечеринки, съ музыкой, пѣніемъ, танцами, на которыхъ спеціальныя ораторы произносятъ рѣчи на злобы дня. Первый рабочій союзъ основанъ былъ въ Гельсингфорсѣ въ 1884 г.; съ тѣхъ поръ союзная организація распространилась по всему краю и охватила всё сколько-нибудь крупныя отрасли производства. Эти союзы, однако, далеко не всё носятъ профессиональный характеръ; большинство считаетъ своими членами рабочихъ различныхъ отраслей производства, но принадлежащихъ къ извѣстному городу или району. Только за послѣдніе годы профессиональная организація начинаетъ дѣлать успѣхи. При союзахъ существуютъ кассы на случай болѣзни, старости, похоронъ. Фонды пополняются членскими взносами и добровольными пожертвованіями.

**) По Вурму на 1 человѣка полагается минимумъ 1,5 куб. саж. воздуха.

***) «Tampereen Työväenyhdistiksen vuosikertomus vuodelta» (Годовой отчетъ таммерфорскаго рабочаго союза), 1889, стр. 26.

****) Въ рабочей газетѣ «Arbetaren» за 1901 г. въ № 52 была помѣщена замѣтка, сопоставлявшая цѣну квартиръ въ столицахъ Даніи, Швеціи и Финляндіи. Оказывается, что въ Гельсингфорсѣ рабочіе за квартиру въ 1 комнату и кухню платятъ на 100 кронъ (140 финск. мар.) въ годъ дороже, чѣмъ рабочіе Стокгольма и на 200 кронъ дороже рабочихъ Копенгагена.

*****) «Suunnitelma Työväenas untokusumyksen ratkaisemiseksi. meillä». (Проектъ рѣшенія квартирнаго вопроса). S. Ingmann, 1898, стр. 5.

Въ Манхеймѣ квартира изъ 2-хъ комнатъ средней величины стоитъ въ годъ 250—320 ф. м., въ зависимости отъ того, полагается ли при квартирѣ

Не дешевле обходится квартира рабочему въ Або: за комнату съ кухней, помѣщающуюся въ домахъ, специально выстроенныхъ акціонерными компаніями для рабочаго населенія, платять въ годъ 325 ф. м. или въ мѣсяцъ 27 ф. м.; одна комната, безъ кухни, оплачивается 15 ф. м. въ мѣсяцъ *). Помѣщеніе для рабочаго семейства средняго достатка (имѣющаго 800 ф. м. годового дохода) стоило въ Вазѣ послѣднее время 120—140 ф. м. за годъ,—сумма, значительная для небольшого промышленнаго города. Цѣна квартиръ въ сельскихъ мѣстностяхъ немногимъ ниже; напримѣръ, на фарфоровомъ заводѣ „Арабія“ женатый рабочій платить за помѣщеніе 15—20 ф. м. въ мѣсяцъ, холостой—6 м. Цѣны эти кажутся высокими даже по сравненію съ цѣнами, существующими въ такихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, какъ Парижъ: въ кварталахъ Ла-Виллетъ, Белльвиль и др., гдѣ главнымъ образомъ и селятся рабочіе, рабочая семья платитъ за помѣщеніе въ годъ 169 фр. **) или въ мѣсяцъ около 14 фр.; въ болѣе центральныхъ частяхъ Парижа квартиры, конечно, дороже—въ годъ подобное помѣщеніе обходится въ 400 фр. или по 33 фр. въ мѣсяцъ; за то въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Франціи, цѣны значительно ниже; напримѣръ, въ Рубѣ, въ Армантьерѣ и др. рабочая семья уплачиваетъ за квартиру 12—14 фр. въ мѣсяцъ. Даже въ Америкѣ рабочее семейство платитъ за свое помѣщеніе не дороже, чѣмъ въ Финляндіи: въ среднемъ 260 фр. въ годъ или около 22 фр. въ мѣсяцъ ***). При этомъ не слѣдуетъ забывать, что квартиры въ Финляндіи, особенно въ городахъ, постоянно дорожаютъ: за помѣщеніе въ 1 комнату, за которое въ 1893 г. въ Гельсингфорсѣ платили 12—16 ф. м. ****), въ настоящее время платять 25 ф. м. и болѣе въ мѣсяцъ. Пользуясь постояннымъ ростомъ народонаселенія городовъ, домохозяева непрерывно набавляютъ плату на квартиры мелкихъ квартирантовъ, зная, что ими особенно дорожить не приходится и что квартирная нужда заставить ихъ согласиться на самыя невыгодныя и тяжелыя условія *****).

Въ поискахъ за болѣе дешевыми жилищами финляндскіе рабочіе, подобно своимъ европейскимъ товарищамъ выселяются на

кухня или нѣтъ. Меньшее помѣщеніе—въ 1 комнату и кухню стоитъ обыкновенно 200—235 ф. м. въ годъ. См. Вурмъ «Жизнь нѣм. раб.», стр. 54.

*) «Työväenkuusutus Suomessa» (Рабочій вопросъ въ Финляндіи), N. R. af Ursin, 1902, стр. 52.

**) 1 фр. = 1 финск. маркѣ.

***). Пеллуте. «Жизнь раб. во Франц.», стр. 154—174.

****) «Työväenkuus. Suom.» N. Ursin, стр. 65.

*****). Здѣсь приходится отмѣтить, что на вздорожаніе квартиръ вліяетъ также постоянное возвышеніе цѣнъ на землю въ городахъ; въ настоящее время участокъ земли въ 1 кв. метръ стоитъ въ центральной части Гельсингфорса свыше 100 мар.; постройка же жилыхъ помѣщеній обходится въ Гельсингфорсѣ—въ среднемъ на 1 комнату 4000—5000 ф. м. См. «Työväen kuus. Suom.» Ursin, стр. 32.

окраины городовъ, не взирая на разстоянія, отдѣляющія ихъ квартиры отъ мѣстъ работы. Въ сѣверо-восточной части Гельсингфорса образовался такимъ образомъ цѣлый рабочий кварталъ „Sörnes“, но и сюда уже проникаютъ баснословные для рабочихъ цѣны на квартиры.

Можно принять, что, въ среднемъ, помѣщеніе въ 1 комнату обходится финляндской рабочей семьѣ въ 260 ф. м. въ годъ или, если считать семью изъ 4 человекъ, то по 65 ф. м. на человека *). Принявъ во вниманіе, что лишь хорошій городской рабочий въ Финляндіи зарабатываетъ въ среднемъ по 3 ф. м. въ день или при 300 рабочихъ дняхъ въ году—900 м. въ годъ, не трудно убѣдиться, что плата за квартиру ложится тяжелымъ бременемъ на скромный бюджетъ финляндскаго рабочаго. Расходъ на квартиру занимаетъ въ бюджетѣ рабочаго второе послѣ пищи мѣсто; размѣръ этой статьи расхода колеблется въ предѣлахъ отъ 7 до 18% всѣхъ его расходовъ. Раздѣливъ рабочія семьи Гельсингфорса (здѣсь рабочая семья получаетъ въ среднемъ приблизительно 1222 ф. м., считая заработки жены и дѣтей, холостой же рабочий—797 ф. м. въ годъ) **), на 4 группы по высотѣ ихъ заработка, можно видѣть, какъ велика та часть дохода, которая поглощается тратами на квартиру; получается слѣдующій результатъ ***):

Категоріи дохода:	Квартирн. плата въ % отъ дохода:	
	семьи жен. рабочихъ.	холостыхъ рабочихъ.
Отъ 600 до 800 ф. м.	16,30	8,10
» 800 » 1200 »	18,24	8,72
» 1200 » 2000 »	17,94	7,84
свыше 2000 »	17,26	11,33

Для сопоставленія приводимъ соотношенія, существующія въ Германіи между доходами рабочихъ и ихъ расходами на квартиры: Въ Гамбургѣ при доходѣ отъ 600 до 1200 марокъ (1 герм. марка = приблизительно 1¼ финск. мар.), трата на квартиру составляла 18,77%; всѣхъ ихъ расходовъ; въ 1894 г. уже—24,71%; въ Бреславлѣ и Дрезденѣ, при доходѣ ниже 600 герм. марокъ въ годъ, расходъ на квартиру составлялъ 28,7 и 26,8%.—Die Arbeiterfrage“ Н. Herkner. Dritte Aufl. 1902, стр. 36.

Въ книгѣ Вурма „Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ“ на стр. 55 находимъ также слѣд. таблицу.

*) «Tuöväenasunt. kys. meil» (Экономическое положеніе гельсингфорскихъ рабочихъ), O. Groundstroem, стр. 323.

**) «Helsingin tuöväen taloudellista olöista» O. Groundstroem., 1897, стр. 105.

***) Тоже, стр. 111. Къ числамъ, приводимымъ Грундстрёмомъ относительно средней заработной платы и издержекъ на наемъ квартиры слѣдуетъ относиться съ нѣкоторой осторожностью, такъ какъ данныя эти получены на основаніи сравнительно небольшого числа отдѣльных фактовъ; кромѣ того, онѣ болѣе имѣютъ въ виду категорію ремесленныхъ, чѣмъ фабричныхъ рабочихъ.

Доходъ, перечисленный на финск. марки.	Берлинъ 1876 г.	Гамбургъ 1882 г.	Бреславль 1880 г.	Лейпцигъ 1875 г.	Дрезденъ 1880 г.
720	—	26,5	28,7	29,9	26,8
721 — 1440	24,7	23,5	21,0	21,2	18,4
1441 — 2160	21,8	18,9	20,8	19,7	16,8
2161 — 2880	21,6	19,5	19,1	20,4	15,9
2881 — 3600	18,6	18,8	19,7	18,3	15,4

Чѣмъ хуже оплачивается трудъ рабочаго, тѣмъ относительно больше его траты на квартиру—это положеніе оправдывается и для Финляндіи. Расходы холостого рабочаго на помѣщеніе могутъ показаться сравнительно небольшими; однако, это объясняется лишь тѣмъ, что неженатые рабочіе ютятся по чужимъ семьямъ и лишь при 2000 мар. годового дохода могутъ позволить себѣ роскошь въ видѣ отдѣльной комнаты. Нѣкоторое представленіе объ абсолютной величинѣ платы, какую холостые рабочіе вносятъ за своей уголъ въ чужой семьѣ, могутъ дать слѣдующіе примѣры. Рабочая семья въ кварталѣ „Sörnes“ въ Гельсингфорсѣ уплачиваетъ за комнату въ два окна и кухню въ одно окно—312 ф. м. въ годъ; съ двухъ постояльцевъ-рабочихъ получаетъ въ годъ 126 ф. м. Другая семья, также проживающая въ Гельсингфорсѣ, уплачиваетъ за небольшую комнату съ плитой,—168 ф. м. въ годъ или по 14 ф. м. въ мѣсяцъ; жиличка (вдова съ дѣтьми) вноситъ за свой уголъ 6 ф. м. въ мѣсяцъ, т. е. несетъ на своихъ плечахъ почти половину квартирной платы *).

Въ городахъ Финляндіи забота о присканіи себѣ жилища возлагается обыкновенно на самихъ рабочихъ; рабочіе наравнѣ съ остальными обывателями нанимаютъ квартиры у частныхъ домовладѣльцевъ; лишь въ Гельсингфорсѣ, Або, Таммерфорсѣ, Бьернеборгѣ, Выборгѣ, Вазѣ, Улеаборгѣ, Ювескюлэ и Фредриксхамнѣ имѣются помѣщенія, специально приспособленныя для рабочаго населенія. Въ Вазѣ, Ювескюлэ и Фредриксхамнѣ жилища эти строятся самими предпринимателями; въ остальныхъ городахъ, рядомъ съ фабричными казармами, принадлежащими предпринимателямъ **), существуютъ еще дома, выстроенные акціонерными обществами, частью—коммерческаго характера, частью—изъ самихъ рабочихъ.

Въ сельскихъ мѣстностяхъ рабочіе живутъ либо въ домахъ,

*) «Språkpart. och Arbetarefr.», Iv. Heikel, стр. 19 и 20.

**) «При фабрикѣ Finlaysson et C.» въ Таммерфорсѣ въ 1898 г. въ домахъ, принадлежащихъ предпріятію, проживало свыше 1500 рабочихъ; въ виду растущаго недостатка въ квартирахъ для рабочихъ, предпріятіе это скупало еще участки земли и приступило къ постройкѣ новыхъ домовъ для рабочаго населенія. См. Отчетъ фабр. инст. сѣв. район. 1898. стр. 86.

принадлежащихъ предпріятію, либо поселяются на сторонѣ, въ избахъ крестьянъ. Рабочія жилища, встрѣчающіяся на сельскихъ фабрикахъ и заводахъ, могутъ быть подраздѣлены на три главныхъ типа: во первыхъ—многоквартирные дома-казармы, въ которыхъ рабочіе и ихъ семьи нанимаютъ себѣ помѣщенія (мѣстами семья пользуется также отдѣльнымъ клочкомъ земли для огорода); во-вторыхъ—избушки на двѣ-три семьи, также отдаваемые только въ наемъ; въ третьихъ—отдѣльныя домики на одну семью, изъ одной или двухъ комнатъ съ кухней, кладовой, садикомъ или огородомъ; при этой послѣдней системѣ рабочій можетъ постепенной выплатой приобретать избу въ полную собственность, тогда какъ при первыхъ двухъ помѣщеніе сдается только въ наемъ. Система эта, болѣе новая, извѣстна подъ названіемъ „ота тура“; утвердилась она главнымъ образомъ на металлургическихъ заводахъ въ Питкярантѣ. На многихъ предпріятіяхъ встрѣчается смѣшанная система; такъ, напримѣръ, на крупной Форсовской бумагопрядильнѣ часть рабочихъ живетъ въ наемныхъ квартирахъ, другая часть—въ домикахъ, выстроенныхъ самими рабочими на землѣ, принадлежащей фабрикѣ *). Нѣкоторые предприниматели сами выдаютъ ссуды, съ помощью которыхъ рабочіе строятъ себѣ жилища, по плану, одобренному фабричнымъ начальствомъ, и на участкахъ земли, принадлежащихъ предпріятію. Этимъ способомъ фабриканты обезпечиваютъ себѣ контингентъ опытныхъ и постоянныхъ рабочихъ. Въ случаѣ смерти рабочаго или перехода его на другое мѣсто, земля и домъ опять поступаютъ въ собственность предпринимателя, стоимость же всѣхъ затратъ по внутреннему устройству помѣщенія возвращается рабочему или его наслѣдникамъ.

Которая изъ всѣхъ перечисленныхъ системъ пользуется наибольшимъ распространеніемъ, за неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, рѣшить трудно; однако, свѣдѣнія, приводимыя въ отчетѣ комиссіи, занимавшейся разработкой жилищнаго вопроса, при гельсингфорскомъ рабочемъ союзѣ, служатъ нѣкоторой, хотя и слабой, характеристикой жилищныхъ условій въ сельскихъ мѣстностяхъ. Разославъ по рабочимъ союзамъ и промышленнымъ заведеніямъ до полутора ста вопросныхъ листовъ, комиссія получила 55 отвѣтовъ, указывавшихъ на положеніе квартирнаго вопроса въ данной мѣстности. 30 отвѣтовъ пришло отъ предпріятій, расположенныхъ по деревнямъ; сгруппировавъ эти отвѣты, комитетъ получилъ слѣдующіе результаты: а) на 19 фабрикахъ и заводахъ жилища строились предпринимателемъ и отда-

*) «Kertomus antanut Maame työväenasunto kysymystä selvittämään Helsingin Työväenyhd. asettama Komitea (Отчеты комитета гельсингфорскаго раб. союза по кварт. вопр. въ Финляндіи), 1895, стр. 2.

вались рабочимъ только въ наемъ; в) на 5 предпріятіяхъ вовсе отсутствовали помѣщенія для рабочихъ—послѣдніе принуждены были селиться по деревнямъ или же сооружать на собственные средства избы на землѣ предпріятія; с) при 3 промышленныхъ заведеніяхъ имѣлись одновременно: квартиры, сдаваемые въ наемъ предпринимателемъ, и жилища, выстроенныя самими рабочими, помощью займовъ, заключенныхъ у фабрикантовъ; d) при 3 предпріятіяхъ существовала система, допускавшая переходъ отдѣльных избушекъ въ полную собственность рабочихъ, помощью постепенной выплаты *). Свѣдѣнія эти слишкомъ скудны, чтобы, основываясь на нихъ, дѣлать какіе-нибудь дальнѣйшіе выводы, и могутъ лишь служить нѣкоторой иллюстраціей современнаго положенія вопроса.

Благоустройство жилищъ, отдаваемыхъ въ наемъ предпринимателемъ, зависитъ какъ отъ мѣстныхъ условій, такъ и отъ величины и богатства заведенія, а еще больше отъ личнаго благоусмотрѣнія хозяина. Немало жалобъ слышится со стороны фабричной инспекціи на неисправное, анти-гигіеническое содержаніе этихъ помѣщеній: комнаты здѣсь обыкновенно низки, обои ободраны, оконныя рамы со щелями,—о неопрятности, здѣсь царящей, и говорить нечего. Особенными недостатками отличаются казарменныя постройки при фабрикахъ въ 2—3 этажа, рассчитанныя на 30 и болѣе рабочихъ семействъ; помѣщенія эти не не отвѣчаютъ самымъ скромнымъ требованіямъ: въ нихъ отсутствуютъ необходимѣйшія хозяйственныя удобства; санитарныя и гигиеническія условія, вслѣдствіе тѣсноты и неопрятности помѣщеній, въ высшей степени неудовлетворительны; неумолкаемый шумъ, суета, крикъ дѣтей, перебранка сосѣдей лишаютъ рабочаго необходимаго покоя въ короткіе часы отдыха. При такихъ условіяхъ, рабочій имѣетъ, собственно, не домашній очагъ, а лишь „крышу надъ головою“, какъ говоритъ фабричный инспекторъ западнаго района **). На нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, расположенныхъ по деревнямъ, даже отсутствуютъ бани, вообще говоря, охотно и часто посѣщаемыя финскимъ народомъ; въ такомъ случаѣ жилая комната служитъ одновременно и баней. Наконецъ, тѣснота здѣсь ничуть не меньшая, чѣмъ въ квартирахъ, сдаваемыхъ частными владѣльцами: хотя каждое помѣщеніе рассчитано на одну семью, но не возбраняется пускать и постороннихъ жильцовъ, что, естественно, ведетъ къ скученности со всѣми ея вредными послѣдствіями. Нерѣдко въ одной комнатѣ живутъ 2—3 семьи; фабричный инспекторъ Линдебергъ рассказываетъ, что встрѣтилъ однажды на одной сельской фабрикѣ 5 семействъ,

*) «Kertomus ant. Maam. työväenasunto kys.», стр. 3.

**) Berätt. af Urkesinsp. i Norra Distr. 1898 г., стр. 66.

проживавшихъ въ одной комнатѣ и составлявшихъ въ общемъ 22 человѣка *).

Даже крупнѣйшія предпріятія Финляндіи страдаютъ перенаселенностью рабочихъ квартиръ. Напр., на извѣстномъ Фискарскомъ механическомъ заводѣ въ 1901 году въ одной комнатѣ, площадью равной 8,89 кв. метр., тѣснилось 6—9 человѣкъ; семьи изъ 8 человѣкъ проживали въ комнатѣ величиною въ 12 кв. метровъ, такъ что на одного человѣка приходилось пространство всего въ 1½ кв. метр. (¼ кв. саж.)! Не слѣдуетъ забывать, что отцу семейства приходится искать отдыха послѣ изнурительной ночной работы въ этой переполненной людьми клѣтущкѣ. Особенными недостатками въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніяхъ отличаются на Фискарскомъ заводѣ постройки стараго типа: это низкія, темныя, вросшія въ землю избушки, невзрачныя на видѣ, неопрятныя, пропитанныя тяжелой удушливой атмосферой.

Впрочемъ, за послѣднее время, благодаря дѣятельности фабричной инспекціи, благоустройство рабочихъ жилищъ при фабрикахъ замѣтно повышается: помѣщенія дѣлаются нѣсколько просторнѣе, свѣтлѣе, содержатся они опрятнѣе; въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ семьи проживаютъ въ одной комнатѣ, по большей части помѣщеніе раздѣляется перегородкой. Казарменная система вытѣсняется домиками на двѣ или на одну семью, лежащими на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, окруженными палисадниками и снабженными необходимыми хозяйственными удобствами. Въ настоящее время только на старѣйшихъ сельскихъ предпріятіяхъ отсутствуютъ спеціальныя жилища для рабочихъ, и послѣднимъ приходится селиться по деревенскимъ избамъ.

Съ другой стороны и общество, и сами рабочіе далеко не пассивно относятся къ вопросу объ улучшеніи рабочихъ жилищъ. Непрерывно изыскиваются мѣры къ оздоровленію квартиръ, къ увеличенію числа жилыхъ домовъ; образуются строительныя акціонерныя компаніи; союзы вырабатываютъ проекты рабочихъ жилищъ, основываютъ строительныя кассы; коммуны и правительствѣ жертвуютъ средства на улучшеніе рабочихъ жилищъ и т. п.

Изъ всѣхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью доставленіе рабочимъ дешевыхъ и удовлетворительныхъ жилыхъ помѣщеній, остановимся прежде всего на акціонерныхъ компаніяхъ. Строительно-акціонерныя общества бываютъ двухъ типовъ: одни образуются съ чисто коммерческими цѣлями капиталистами, другія основываются на принципѣ самопомощи самими рабочими. Общества перваго типа существуютъ въ Финляндіи уже съ 70-хъ годовъ. Нѣкото-

*) Berätt. af Yrkesinsp. i östra distr. 1890r., стр. 146.

рыя строительныя компаніи коммерческаго характера отдають квартиры исключительно въ наемъ *), за плату, обеспечивающую обществу извѣстные барыши; такія компаніи существуютъ: въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Таммерфорсѣ и Бьернеборгѣ. Самыя крупныя и значительныя изъ нихъ находятся въ Гельсингфорсѣ; этими послѣдними до 1890 года было построено всего 39 домовъ, въ томъ числѣ 29 одно-этажныхъ, 7 двухъ-этажныхъ и 3 трехъ-этажныхъ, съ общимъ числомъ комнатъ 508, въ которыхъ жило 386 семействъ или 1.814 человекъ; въ среднемъ на 100 комнатъ приходилось 357 человекъ **); эта средняя показываетъ, что здѣсь царить едва ли меньшая скученность, чѣмъ въ домахъ частныхъ домовладѣльцевъ.

Другія общества коммерческаго характера строятъ небольшіе домики въ 2—3 отдѣльныхъ помѣщенія, и затѣмъ, путемъ постепенной выплаты, перепродаютъ ихъ рабочимъ. Акціонерныя общества, основанныя на этомъ принципѣ, имѣются въ Або и Улеаборгѣ. Въ Або самъ городъ является владельцемъ акцій такой строительной компаніи; жилища выстроены все по одному типу, въ каждомъ домѣ имѣется 3 комнаты и кухня, изъ каждой комнаты отдѣльный выходъ; рабочий можетъ приобрести жилище въ собственность путемъ погашенія долга въ теченіе 17 лѣтъ **). Въ Улеаборгѣ срокъ выкупа 15 лѣтъ. Наибольшей популярностью пользуется Улеаборгская строительная компанія „Jntiö“, вследствие чрезвычайной дешевизны ея акцій: каждая акція стоитъ—50 ф. м., между тѣмъ, какъ высокая цѣна акцій остальныхъ компаній лишаетъ рабочихъ возможности становиться членами этихъ предпріятій ****).

Второй типъ акціонерныхъ строительныхъ компаній, членами которыхъ состоятъ сами рабочіе, появился въ Финляндіи впервые лишь въ концѣ 80-хъ годовъ. Въ 1888 году 30 гельсингфорскихъ рабочихъ, изъ болѣе зажиточныхъ, основали акціонерно-строительную компанію „Alku“ (Начало), вложивъ въ нее капиталъ въ 60.000 ф. м. (30 акцій по 2.000 ф. м.), и, кромѣ того, сдѣлавъ заемъ подъ залогъ строящихся зданій (въ Финляндіи такой видъ залога допускается); при этомъ общій основной капиталъ получился равнымъ 145.000 ф. м. Компанія „Alku“ выстроила въ Гельсингфорсѣ 5 одно-этажныхъ зданій съ 78 квартирами, состоящими каждая изъ одной комнаты и кухни. Въ основу

*) Одна изъ существующихъ въ Гельсингфорсѣ крупныхъ строительныхъ компаній «Ruoholahden huvilat» въ принципѣ допускаетъ выкупъ помѣщеній въ полную собственность рабочихъ; однако, фактически параграфъ этотъ не примѣняется и остается мертвой буквой.

**) «Työväenasiat. kys. meil.». Groundstroem, стр. 327 и 332.

***) Въ Або постройка одной жилой комнаты обходится въ среднемъ 2.000—3.000 ф. м. См. «Työväenkys. Suom.», Ursin, стр. 32.

****) «Työväenasiat. kys. meil.». O. Groundstroem. стр. 326.

положенъ принципъ выкупа помѣщенія въ полную собственность постепенной выплатой въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1890 г. въ домахъ общества жило 66 семействъ; въ среднемъ на каждую комнату приходилось 4,55 человѣка *). Жильцами являются по большей части сами же акціонеры.

По образцу „Alku“ организовалось въ Гельсингфорсѣ еще нѣсколько строительныхъ компаній; до 1890 года 7-ю подобными компаніями выстроено было 21 зданіе съ 280 комнатами, въ которыхъ жило 1067 человѣкъ. Въ большинствѣ случаевъ, наемъ помѣщеній разрѣшается не только акціонерамъ, но и постороннимъ лицамъ. Плата за комнату и кухню относительно высока: 27—31 м. въ годъ **). Главнымъ недостаткомъ акціонерныхъ, компаній изъ рабочихъ является относительно высокая цѣна акцій, 500—2000 ф. м. ***), что дѣлаетъ ихъ недоступными для главной массы рабочихъ. Финляндскій экономистъ Грундстрёмъ указываетъ еще на другой недостатокъ: выкупъ помѣщеній производится въ относительно короткій срокъ и при томъ крупными взносами; по его мнѣнію, было бы гораздо рациональнѣе производить выкупъ небольшими еженедѣльными уплатами. Во всякомъ случаѣ, существованіе этихъ компаній приноситъ большую пользу рабочему населенію: онѣ являются опасными конкурентами частныхъ домовладѣльцевъ, понижаютъ цѣну на квартиры и поднимаютъ требованія рабочихъ относительно благоустройства помѣщеній.

Финляндское правительство поощряетъ образованіе строительно-акціонерныхъ компаній рабочихъ. Изъ государственной казны на эти цѣли выдано было до 1897 года различными ссудами 500.000 ф. м. На сеймѣ 1897 года было принято предложеніе о выдачѣ строительнымъ компаніямъ изъ рабочихъ правительственныхъ ссудъ на новыя постройки въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ стоимости возводимыхъ зданій ****). Законъ, устанавливающій выдачу подобныхъ ссудъ на постройку жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, вышелъ въ маѣ 1898 года. Ссуды эти, подлежащія погашенію, выдаются, по усмотрѣнію хозяйственнаго департамента сената, на сроки свыше 20 лѣтъ и „съ пониженіемъ процентовъ до трехъ съ половиною со ста въ годъ, какъ городскимъ общинамъ подѣ обязательство общинъ отвѣчать за уплату дома, такъ и учрежденнымъ для сей цѣли акціонернымъ обществамъ подѣ обезпеченіе закладною записью“ *****).

*) «Tuöväenas. kys. meil.»,—O. Grundstroem. стр. 332.

**) Тоже, стр. 327.

***) Общество «Taimi» и «Kukka» при своемъ основаніи выпустили 10 акцій по 2.000 ф. м.; общество «Koetus»—10 акцій по 1.000 ф. м.: общество «Askel»—10 акцій по 500 ф. м. Недостаточный капиталъ пополнялся помощью займовъ. См. «Kertomus ant. Maam. tuöväenas. kys.» стр. 3.

****) «Финляндскій Сеймъ». Вѣстн. Евр. 1897 г. декабрь.

*****) Сборникъ Постановл. Велик. Княж. Финляндскаго. 1898 г. № 19.

Въ законѣ отмѣчено также, что дивидендъ не можетъ превышать своего „умѣреннаго роста“, остатокъ же прибыли долженъ быть употребляемъ по преимуществу на пониженіе наемныхъ платъ.

Этимъ постановленіемъ значительно облегчается вопросъ о средствахъ, служившій постояннымъ тормазомъ въ развитіи строительной дѣятельности какъ коммунъ, такъ и акціонерныхъ обществъ изъ рабочихъ. Со времени обнародованія закона уже многія компаніи воспользовались денежной поддержкой государственнаго казначейства, такъ, напр., изъ означенныхъ фондовъ было выдано въ 1901 г. по 50 тыс. марокъ 2 строительнымъ компаніямъ, „Турго“ и „Акц. Общ. Плотниковъ“; 75.000 ф. м. компаніи „Eläköön“ и пяти другимъ обществамъ въ размѣрѣ 100—120 тыс. ф. м. каждому *). Нельзя не пожалѣть только о томъ, что наиболѣе крупныя суды выдаются не рабочимъ строительнымъ обществамъ, а акціонернымъ компаніямъ коммерческаго характера.

Настоятельность квартирнаго вопроса въ Финляндіи заставляетъ также и рабочіе союзы отводить видное мѣсто составленію проектовъ постройки жилищъ для трудящагося населенія и изысканію мѣръ къ улучшенію квартиръ. Съ этой цѣлью гельсингфорскій рабочій союзъ выработалъ слѣдующую программу: рабочіе, вполне другъ другу довѣряющіе, соединяются въ небольшія группы изъ 10—20 человекъ; затѣмъ еженедѣльно одинъ изъ членовъ обходитъ остальныхъ и собираетъ опредѣленный взносъ, который передается въ банкъ на сбереженіе. Когда такимъ образомъ образуется достаточный капиталъ, приступаютъ къ постройкѣ жилищъ; особое выборное правленіе слѣдитъ за денежными дѣлами общества и за производствомъ построекъ; сами члены общества являются жильцами; выкупъ помѣщенія въ полную собственность производится въ теченіе 20—30 лѣтъ и при томъ мелкими взносами **).

Таммерфорскій союзъ составилъ нѣсколько иной проектъ: рабочимъ предлагается основать акціонерную компанію съ опредѣленными ежегодными взносами; рекомендуется обращаться въ городъ съ просьбою объ отведеніи за низкую плату квартала подъ рабочія жилища. Кварталь этотъ предполагается разбить на двѣ части, при чемъ на одномъ его участкѣ возвести дома съ наемными квартирами, на другомъ—жилища, которыя могутъ быть выкупаемы жильцами въ полную собственность. Такимъ образомъ, можно будетъ на дѣлѣ испытать обѣ системы (съ выкупомъ или безъ выкупа жилища) и убѣдиться, которая изъ нихъ является болѣе рациональной и выгодной для рабочихъ. Ежегодные вы-

*) См. газету «Arbetaren» за 1901 г.

**) «Työväen as, kys. meil». O Groundstroem, стр. 328.

купные платежи слѣдуетъ установить въ размѣрѣ 6% со стоимости дома *), (въ томъ числѣ 2% погашенія); выплата можетъ производиться въ теченіе 28 лѣтъ, но при желаніи жильца допускается погашеніе долга и въ 10 лѣтъ. Во избѣжаніе злоупотребленій со стороны аферистовъ немедленный выкупъ помѣщеній — не дозволяется; послѣднее стѣсненіе установлено также съ цѣлью сохраненія надзора за помѣщеніями, въ виду того, что жильцы, вносящіе выкупные платежи, подлежатъ контролю спеціального комитета **), не допускающаго переполненія жилищъ, ихъ загрязненія и т. п., собственникъ же не подлежитъ подобному полезному контролю. Комитетъ, слѣдящій за порядкомъ въ домахъ, можетъ выселять жильцовъ за неплатежъ или за недобропорядочное поведеніе; въ такомъ случаѣ внесенные ими выкупные платежи (2%) возвращаются имъ обратно, наоборотъ, при особой исправности жильца, ему можетъ быть сдѣлана нѣкоторая скидка, напр., сокращеніе годовъ выплаты съ 28 на 20 лѣтъ. Въ случаѣ смерти жильца семья его также можетъ потребовать обратно выкупные платежи или же остаться на квартирѣ, продолжая взносы. Капиталь, который образуется изъ выкупныхъ платежей, долженъ быть употребляемъ на постройку новыхъ жилищъ. Дома проектированы въ 2 комнаты, съ двумя кухнями и съ садикомъ вокругъ, при чемъ изъ санитарныхъ и противопожарныхъ соображеній, предположено ставить ихъ на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи ***).

Таммерфорскій рабочій союзъ неоднократно обращался къ городской управѣ, прося ее объ ассигновкѣ на возведеніе жилищъ для рабочихъ капитала въ 100 тыс. марокъ изъ доходовъ, получаемыхъ городомъ со спиртныхъ напитковъ. Послѣ долгихъ и тщетныхъ просьбъ союзъ получилъ, наконецъ, отъ таммерфорской управы въ 1889 г. 25.000 ф. м. и такую же сумму въ 1890 г. Однако, недостатокъ въ капиталѣ мѣшаетъ таммерфорскому рабочему союзу выполнить изложенный проектъ во всей его полнотѣ и заставляетъ пока ограничиваться лишь частичными попытками въ дѣлѣ улучшенія рабочихъ жилищъ.

Какъ видно, начинъ въ дѣлѣ постройки здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ исходитъ по большей части отъ самихъ рабочихъ; но какъ акціонерныя компаніи изъ рабочихъ, такъ и строительныя общества при союзахъ врядъ-ли получаютъ большое распространеніе.

*) Стоимость выработаннаго союзомъ типа строенія на двѣ семьи (2 комнаты и 2 кухни) рассчитана по проекту въ 5.000 ф. м., считая въ томъ числѣ затрату на первый ремонтъ черезъ два года.

**) По предположенію комитетъ этотъ долженъ состоять наполовину изъ членовъ рабочихъ союзовъ и наполовину изъ городскихъ уполномоченныхъ.

***) Tampereen Työväenyhdistiksen vuosikertomus vuodelta, 1889, 1891 и 1892.

ніе—таково мнѣніе многихъ финляндскихъ экономистовъ. Всѣ эти общества придерживаются принципа выкупа помѣщенія въ собственность,—принципа, подвергающагося за послѣднее время въ Финляндіи серьезной критикѣ.

Долгое время идеаломъ финляндскаго рабочаго и его лидеровъ являлась „собственная изба“; сложилась даже пословица: „ома тура—ома лүра“ „своя изба—своя и воля“. Но уже на второмъ сѣздѣ рабочихъ представителей въ Таммерфорсѣ, въ 1896 году, извѣстный рабочій дѣятель д-ръ Н. Р. Урсинъ категорически высказался противъ системы собственныхъ домиковъ. По его мнѣнію, собственная изба уничтожаетъ, во-первыхъ, независимость рабочаго, прикрѣпляетъ его къ мѣсту, заставляетъ идти на уступки и вообще является для него лишь обузою. Во-вторыхъ, въ строительнo-акціонерныхъ компаніяхъ могутъ принимать участіе лишь рабочіе-аристократы; у большинства же рабочаго люда не найдется требуемыхъ нѣсколькихъ сотъ марокъ для вступленія въ члены общества. Въ-третьихъ, постройка одно-этажныхъ домиковъ является въ высшей степени неэкономичной, особенно при растущихъ цѣнахъ на землю. Наконецъ, имѣя свою избу, рабочій, естественно, захочетъ извлечь изъ своей собственности всю возможную выгоду, будетъ пускать къ себѣ жильцовъ, и тогда въ „собственной избушкѣ“ рабочаго можно будетъ встрѣтиться со всѣми темными сторонами частныхъ, наемныхъ квартиръ. Нѣтъ необходимости, по мнѣнію Урсина, чтобы рабочій непременно обладалъ собственностью, важно лишь, чтобы ему всегда былъ обезпеченъ чистый, веселый и здоровый уголокъ, въ которомъ онъ могъ бы чувствовать себя хозяиномъ. Поэтому, гораздо раціональнѣе возложить заботу о постройкѣ жилищъ на городскія и сельскія коммуны, которыя могутъ сдавать рабочимъ въ наемъ благоустроенныя помѣщенія за дешевую цѣну *).

Предложеніе Урсина вызвало сначала цѣлую бурю протестовъ, такъ какъ система „ома тура“ имѣла слишкомъ много приверженцевъ. Однако, въ настоящее время идеи Урсина получаютъ все большее и большее распространеніе и постепенно проникаютъ въ сознаніе массы. Особенно ясно обозначилось это на четвертомъ сѣздѣ рабочихъ представителей въ Выборгѣ лѣтомъ 1901 г. Одинъ изъ докладчиковъ—Мэкелінъ опредѣленно высказался не только противъ системы „ома тура“, но рельефно подчеркнул всѣ тѣ злоупотребленія, какія практикуются подъ прикрытіемъ акціонерныхъ компаній: зачастую акціонеры изъ рабочихъ превращаются сами въ аферистовъ и, въ погонѣ за наживой, перепродаютъ съ барышомъ предварительно скупленные акціи, уступаютъ за повышенную цѣну собственную квартиру другому лицу, поселяясь сами

*) «Toisen Työväeyhd. Edustajan. Kokouksen. Pöytäkirja» (Протоколъ второго сѣзда рабоч. представителей), 1896, стр. 42 и 140.

на сторонѣ, пускаютъ въ квартиру черезмѣрное количество жильцовъ и т. п. Какъ бы точно и строго ни были составлены уставы обществъ, они безсильны пресѣчь эти злоупотребленія, особенно же перепродажу акцій по повышеннымъ цѣнамъ. Указавъ затѣмъ на неблагопріятное вліяніе собственной избы, дѣлающей рабочаго „работъ“ предпринимателя, тормозящей его свободное передвиженіе и т. д., докладчикъ кончилъ пожеланіемъ объ изыятіи изъ частныхъ рукъ жилищнаго вопроса и о передачѣ его на попеченіе коммунальнаго самоуправленія и правительства *).

Соотвѣстственно съ высказанными докладчикомъ мыслями, съѣздъ выразилъ желанія: во-первыхъ, чтобы правительство и коммуна взяли заботу о доставленіи рабочему классу здоровыхъ и дешевыхъ жилищъ на себя; во-вторыхъ, чтобы правительство ассигновало спеціальныя фонды на покупку земельныхъ участковъ подъ дешевыя квартиры, коммуны же уступали эти участки, если не даромъ, то за минимальную плату; въ-третьихъ, чтобы правительство субсидировало строительно-акціонерныя компаніи рабочихъ, принявъ на себя главную инициативу въ дѣлѣ рѣшенія жилищнаго вопроса **).

Вообще, за послѣдніе годы въ руководящей программѣ по постройкѣ рабочихъ жилищъ замѣчаются новыя тенденціи, которыя могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: 1) постройка жилищъ по принципу отдачи помѣщеній *въ наемъ*, 2) объединеніе отдѣльныхъ строительныхъ компаній изъ рабочихъ въ одно большое строительное общество, что гарантируетъ большій порядокъ, большую систематичность въ образѣ дѣйствій, 3) образованіе особыхъ строительныхъ кассъ при рабочихъ союзахъ, 4) обращеніе къ коммунамъ съ просьбою объ отведеніи участковъ земли по пониженной цѣнѣ и къ правительству—объ обезпеченіи ссудъ ***).

Вѣянія эти проникаютъ и въ городскія общественныя управленія и, хотя побѣда въ большинствѣ случаевъ остается пока еще на сторонѣ консерваторовъ стараго закала, не желающихъ ассигновывать средства „на бесполезныя и мало прибыльныя затѣи“, однако, самая горячность и ожесточенность дебатовъ, возникающихъ по этому поводу, служитъ лучшимъ доказательствомъ, на чьей сторонѣ предвидится въ недалекомъ будущемъ побѣда. Особенно рельефно сказалось настроеніе умовъ городскихъ уполномоченныхъ въ преніяхъ и обсужденіяхъ проекта постройки дешевыхъ жилищъ въ Гельсингфорсѣ. Въ проектѣ этомъ, обсуждавшемся въ началѣ 1902 г. особымъ комитетомъ при гельсинг-

*) «Ensimäisen Suom. Työv. Puolnekok. Pöytäk.» (Протоколъ перваго съѣзда рабочей партіи), прилож., стр. 33.

**) Тоже, стр. 93.

***) Справ. «Suun. Työv. asunt. kys. ratkaisem. meil.» S. Ingman.

форской городской думѣ, предлагалось городу отвести определенный, принадлежащій ему участокъ земли, оборудовать его на городской ладъ, т. е. провести водопроводъ, сравнять землю для улицъ и т. д. и затѣмъ выстроить дома, стоимостью каждый въ 12.000 ф. м. на 8—10 помѣщений для рабочихъ семействъ. Помѣщения проектировано сдавать въ наемъ, но отнюдь не допускать выкупа ихъ въ полную собственность квартирантовъ. Деньги на постройку предполагалось добыть помощью займовъ. Проектъ этотъ не только былъ одобренъ комитетомъ, но тутъ же было постановлено передать его на разсмотрѣніе слѣдующему сейму. Пока же рѣшено было внести въ бюджетъ текущаго года расходъ на подготовительныя работы въ намѣченной части города и передать проектъ въ строительную контору для детальной его разработки.

Рѣшеніе это служить благопріятнымъ симптомомъ, показывающимъ что въ финляндскомъ обществѣ укрѣпилось сознаніе цѣлесообразности передачи изъ частныхъ рукъ въ руки городского коммунальнаго управленія серьезнаго по своему значенію квартирнаго вопроса для рабочихъ. Сумѣютъ ли городскіе уполномоченные оправдать возлагаемыя на нихъ рабочимъ населеніемъ надежды, покажетъ будущее; во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ настоящее время въ средѣ городскихъ представителей замѣчается пробужденіе живого интереса къ жилищному вопросу и дѣйствительное стремленіе къ наиболее удовлетвори-тельному его рѣшенію.

А. Коллонтай.

ЧУЖОЕ ВДОХНОВЕНІЕ.

Романъ *Мабель Гартъ.*

I.

— Вы куда, синьорина?—спросилъ художникъ, сидѣвшій за однимъ изъ мольбертовъ, тянувшихъ длинной вереницей вдоль картинной галлерей Uffizzi, во Флоренціи. Вопросъ звучалъ властно, какъ будто спрашивающій имѣлъ право задать его. Молодая дѣвушка пріостановилась около художника и усмѣхнулась: ее забавлялъ его авторитетный тонъ.

— Въ мастерскую къ вашему отцу,—пояснила она:—я общалась Эвелинѣ заглянуть туда, пока она работаетъ. Кстати навѣщу и синьора Вивальди.

— Отецъ мой,—строго произнесъ молодой художникъ, разбираясь въ краскахъ, — тратитъ драгоценное время на пустяки! Творецъ прошлогодняго „Леандра“ пишетъ что-то вродѣ вывѣски: какіе-то фрукты и рыбы, для украшенія столовой манчестерскаго милліонера!

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Леандровъ каждый день создавать не приходится,—сказала она.

— Выражайтесь точнѣе: скорого сбыта для нихъ не предвидится!—съ горечью возразилъ Гуго Вивальди (такъ звали художника) — вотъ въ чемъ суть, синьорина Беатриса. „Леандръ“ и по сію пору красуется рядомъ съ „Психеей“, написанной десять лѣтъ тому назадъ; посѣтители мастерской восхваляютъ ихъ, охаютъ; барышни восторгаются бабочкой, усѣвшейся на голову Психеи и, отворачиваются отъ Леандра, потому что онъ умираетъ не въ полной парадной формѣ... Многіе даже спрашиваютъ, что будетъ стоить отправка и упаковка... Затѣмъ откланиваются, а на другой день получается заказъ: написать монаха, смакующаго рюмку вина, или изобразить разрѣзанный лимонъ и кисть винограда, а чтобъ фономъ служила мѣдная кастрюлька...

Беатриса нагнулась и начала внимательно разсматривать копию Тициана „Св. Семейство“, надъ которой трудился ея пріятель.

— Что вы тамъ нашли?—сурово освѣдомился художникъ, какъ будто ея тщательный осмотръ до нѣкоторой степени раздражалъ его.

Но она нисколько не смутилась, помолчала и, поднявъ на него свои большіе каріе глаза, серьезно сказала:

— Да что съ вами?

— Вы хотите сказать, что я въ чертовски скверномъ настроеніи и всему виною эта мазня?—онъ ткнулъ пальцемъ въ картину.

— Вы угадали мою мысль.

— Пожалуй, вы правы. Ужъ не лучше-ли временно бросить работу и проводить васъ—если вы ничего противъ этого не имѣете. Согласны вы подождать минутку, пока я соберу свои пожитки?

— Только не мѣшкайте.

Она прислонилась къ окну, рядомъ съ мольбертомъ и стала ждать.

Для своихъ двадцати пяти лѣтъ она казалась нѣсколько старообразной, благодаря высокому росту и худощавому стану. Я бы предпочелъ назвать ее „тоненькой“—но это было бы не совсѣмъ вѣрно: она именно была худа, и только своеобразная, замѣтная грація и сознаніе собственнаго достоинства не давали права причислить ее къ разряду нескладныхъ и тощихъ. Черныя, рѣзко очерченныя брови гармонировали съ прекрасными карими глазами съ красноватыми искорками, взглядъ которыхъ постоянно мѣнялся, сообразно съ ея настроеніемъ: то они задорно блестяли, то казались задумчивыми, серьезными, то свѣтились теплой нѣжностью и лаской. Матовый цвѣтъ лица рѣдко оживлялся румянцемъ. Мягкіе, черные волосы гладко обрамляли лицо и изящно спускались на лобъ, а на затылкѣ были высоко подобраны въ узелъ. Костюмъ ея всегда отличался изяществомъ и простотой; она слѣдила за модой, но не вдавалась въ крайности.

— Мнѣ нельзя распускаться,—поясняла она, если кто-нибудь обращалъ вниманіе на контрастъ ея костюмовъ съ туалетами ея пріятельницы Эвелины Грей:—на Эвелину что ни надѣнь, она все равно будетъ похожа на нимфу! Я же должна памятовать, что я *стшалка* и одѣваться сообразно съ этимъ сознаніемъ. Нѣкоторыя моды сдѣлали-бы изъ меня расфранченное чучело, а этого я не желаю.

Вскорѣ Гуго Вивальди заявили, что готовъ къ ея услугамъ.

— Не люблю я оставлять работу въ подобномъ состояніи!—не то съ отвращеніемъ, не то съ сожалѣніемъ сказалъ онъ;—

на другое утро возвращаешься къ ней съ неохотой. Да и ночью иногда не спится—такъ бы вотъ побѣждалъ и все переправилъ! Еще мальчишкой, синьорина, я копировалъ „Юдифь“ Боттичелли; было лѣто, и я жалѣлъ о потерѣ свѣтлыхъ утреннихъ часовъ (галлерей вѣдь открывается довольно поздно); вотъ я и придумалъ слѣдующую комбинацію: стали галлерей заперать,—я спрятался за „Геркулесомъ“ (онъ указалъ на мраморную группу въ концѣ корридора),—меня и заперли на всю ночь. Увѣряю васъ, что мнѣ было довольно таки жутко остаться хоть и въ многочисленномъ, но въ высшей степени молчаливомъ обществѣ; я побаивался, какъ бы статуи не накинута на меня и не раздавали меня своей тяжестью, какъ непрощеннаго гостя... Я ушелъ въ боковую галлерей и легъ рядомъ съ мальчикомъ, вынимающимъ изъ ноги занозу; онъ казался мнѣ добрымъ малымъ, да, кромѣ того, поглощенъ былъ своей операціей,—можетъ быть, не обратитъ на меня вниманія; но при мысли объ умирающемъ гладиаторѣ въ сосѣдней комнатѣ, морозъ пробѣгалъ у меня по спинѣ, честное слово! Мнѣ мерещились его стиснутые зубы и взглядъ, полный безконечной муки и ненависти! Ночь была холодная, не смотря на іюль мѣсяцъ, и я до зари проворочался, не смыкая глазъ. Тѣмъ не менѣе въ 4 часа утра я принялся за работу и изрядно потрудился до открытія галлерей.

— И что же, васъ по головкѣ погладили, когда застали тамъ?—смѣясь, спросила Беатриса.

— Не пришлось: я быстро закрылъ полотно, спряталъ краски и ступевался за спасительную группу. Въ законный часъ незамѣтно выскользнулъ изъ засады. Молодость опрометчива и безразсудна, но что можетъ быть лучше ея?

По тону его казалось, что его молодость давнымъ давно среднихъ лѣтъ, осталась позади, а говорилъ эти слова высокій флорентинецъ со смуглымъ добродушнымъ лицомъ и рѣзкими ухватками.

— Не всѣ же юноши опрометчивы и безразсудны!—замѣтила Беатриса, выходя изъ галлерей. Они вышли изъ-подъ арки Уфиции и направились вдоль рѣки, медленно катившей свои зеленоватые волны.—Инымъ даны и молодость, и талантъ, а пылкости они не проявляютъ ни малѣйшей. Живой примѣръ: Гвидо!

— Вы полагаете, что Гвидо не пылокъ, не способенъ увлекаться? Да что вы, синьорина?! Онъ влюбленъ въ искусство, оно приноситъ ему наслажденіе, удовлетворяетъ его! Куда намъ, грѣшнымъ, равняться съ нимъ! Ему нипочемъ препятствія, заставляющія насъ переживать не одну мучительную минуту, и онъ побѣдоносно шествуетъ по тому пути, по кото-

рому намъ приходится подвигаться впередъ черепашьимъ шагомъ!

— Талантъ у Гвидо громадный—этого я не отрицаю.

— Онъ гений!—съ жаромъ воскликнулъ Вивальди.

— Надо-ли удивляться, что птица летаетъ?—пожала плечами Беатриса:—такъ и Гвидо. Ему ничего не стоитъ писать. Положимъ, онъ любить свое искусство (вѣдь и бабочка любить порхать!), имъ живеть, на него радуется... Но пылкимъ энтузіастомъ его назвать нельзя. Чѣмъ пожертвовалъ Гвидо для искусства? Пожертвовалъ-ли хоть разъ ужиномъ, весельемъ, кутежомъ съ товарищами, минутою сна на удобной постели, чтобы нѣсколько лишнихъ часовъ посвятить работѣ?

— Вы несправедливы къ Гвидо.

— Только не къ его таланту, увѣряю васъ. Но вы слишкомъ носитесь съ нимъ, точно мать съ первенцомъ. Вамъ мало его дарованія и тѣхъ качествъ, которыми надѣлила его природа; вы хотите видѣть въ немъ совершенство, да и другимъ хотите навязать ваши иллюзіи. Но совершенства на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ. Опять таки, подобно пристрастной матери, вы слишкомъ много берете на себя. Вы при мнѣ не разъ журили Гвидо за различныя провинности, но если бъ я позволила себѣ найти его въ чемъ-либо виноватымъ, вы тотчасъ бы на меня накинулись, упрекая въ несправедливости.

— Я въ послѣдній разъ говорю съ вами о Гвидо.

— Ну, Богъ не безъ милости!—усмѣхнулась Беатриса.

— Когда мнѣ захочется поговорить о мальчикѣ, я отправлюсь къ синьоринѣ Эвелинѣ; она его не осуждаетъ.

Беатриса пытливо взглянула на него, потомъ спокойно сказала:

— У Эвелины доброе сердце; она ни о комъ дурно не отзывается. И что удивительнѣе всего,—она, кажется, дѣйствительно вѣрить въ людскую непогрѣшимость!

Разговаривая такимъ образомъ, они миновали мостъ св. Троицы и пошли по набережной; у одного изъ домовъ, Гуго отворилъ дверь и пропустилъ дѣвушку впередъ; въ прихожей было довольно темно, и они сначала не примѣтили фигуру, присѣвшую на столѣ, у самыхъ дверей; но чей-то веселый голосъ воскликнулъ:

— Гуго, это ты?

— Гвидо! Ты что здѣсь дѣлаешь?

— Оплакиваю мои грѣхи! Не знаю только, возможно-ли еще надѣяться на прощеніе... Хотя, по моему, я пострадалъ за правду. Простите, синьорина!—онъ соскочилъ со стола и поклонился Беатрисѣ:—если вы желаете видѣть синьорину

Грей, то выбрали для этого не особенно удачный моментъ: она, кажется, не въ меньшей опалѣ, чѣмъ и я.

— Что вы тутъ натворили, несчастные, говори скорѣе!— подступилъ къ юношѣ Гуго Вивальди и опустилъ свою тяжелую руку ему на плечо.

— Мы были не въ состояніи дольше переносить запаха той тряпки, насъ все утро мучило,—я и выкинулъ ее за окно.

— О какой тряпкѣ ты толкуешь?—недоумѣвалъ Гуго.

— О тряпкѣ, на которой лежала рыба. А ужъ что случилось съ самой рыбой, вспомнить страшно! Мы просили, умоляли удалить ее изъ мастерской, но синьоръ-отецъ и слышать не хотѣлъ! Ужасъ! Наконецъ, слава Создателю, картина была почти кончена, дѣло стало лишь за деталями, въ число коихъ попала... злосчастная тряпка! Грошовый бумажный платчишко, какіе продаются у всякой уличной торговли. Ну, хоть бы въ стирку, что-ли, отдать его сначала, тогда и писать съ него... Мы цѣлую недѣлю терпѣли, вчера ужъ нигдѣ продохнуть нельзя было, сегодня же... сегодня онъ пропалъ... исчезъ!

Беатриса засмѣялась.

— Бѣдняжка Эвелина! Спасибо, что спасли ея обоняніе!

— Охъ, не благодарите! Синьорина такъ и не избавилась отъ вони!

Онъ трагическимъ жестомъ указалъ на дверь, которая вела въ мастерскую Вивальди-отца.

— Какъ же такъ?—удивился Гуго,—изъ твоихъ словъ я понялъ, что платокъ пропалъ безъ вѣсти?

— Да, только на полчаса, не болѣе! Учитель весь домъ вверхъ дномъ поставилъ, а затѣмъ злой духъ навелъ его на мысль выглянуть въ окошко: драгоцѣнный платокъ валялся тамъ въ канавкѣ! Онъ послалъ меня выудить его, я исполнилъ это съ помощью палки и торжественно вручилъ его по принадлежности. Но вмѣсто благодарности, передъ моимъ носомъ дверь мастерской захлопнули!

Гуго миновалъ прихожую и распахнулъ дверь въ мастерскую.

Прямо противъ входа, у мольберта, стоялъ его отецъ, широкоплечій, бодрый старикъ, больше похожій на простолюдина, чѣмъ на художника (дѣдъ Гуго и на самомъ дѣлѣ былъ крестьяниномъ изъ окрестностей Сесто). Бѣлые взъерошенные волосы его еще не порѣдѣли и были острижены подъ гребенку; лицо изобиловало множествомъ морщинъ и морщинокъ, живописно пересѣкавшихся по всѣмъ направленіямъ, черные глазки блестѣли, а въ настоящую минуту даже горѣли злобнымъ огнемъ: за спиною посѣтителей онъ успѣлъ высмотрѣть юнаго Гвидо, смиренно остановившагося у порога.

Въ глубинѣ комнаты, подъ навѣсомъ, умѣрявшимъ свѣтъ съ потолка, находилась эстрада, а на ней возсѣдалъ натурщикъ—старый бродяга, въ живописныхъ лохмотьяхъ и съ длинной трубкой въ зубахъ. Передъ самой эстрадой стояли два мольберта: одинъ, принадлежавшій Гвидо, пустовалъ, по причинѣ уже извѣстной; за другимъ стояла молодая дѣвушка, изящная и хорошенькая, какъ полевой цвѣтокъ. Вьющіеся золотистые волосы обрамляли лицо ея словно сіяніемъ; а какое лицо! чтобы описать его, надо владѣть перомъ поэта или кистью художника: тонкія, идеальныя черты, въ связи съ здоровымъ, жизнерадостнымъ выраженіемъ; дѣтски-довѣрчивый, веселый взглядъ,—и вмѣстѣ что-то пытлиное, серьезное свѣтилось во взорѣ ея темно-сѣрыхъ глазъ; въ очертаніи губъ сказывался характеръ. Она оглянулась на Беатрису и украдкой привѣтствовала ее рукой.

Беатриса подошла къ старому художнику и пожала ему руку.

— Здравствуйте, синьорина!—не особенно привѣтливо буркнулъ онъ.

— Что у васъ здѣсь за зловоніе?—вскричалъ Гуго, втягивая въ себя воздухъ.

Эвелина сочувственно махнула головой и взглянула на Гвидо.

— Если воздухъ тебѣ здѣсь не нравится, можешь уходить!—отпарировалъ старикъ, выпуская руку Беатрисы и снова углубляясь въ свою работу.

— Маэстро!—воскликнула Беатриса,—вы превзошли самого себя!—видала я на картинахъ рыбъ, которыхъ можно было принять за живыхъ, а ваша дѣйствуетъ даже на обоняніе! Такъ и представляется, какъ съ недѣлю тому назадъ ее вытащили изъ воды...

Старикъ не отозвался, но глаза его блеснули: онъ цѣнилъ остроуміе.

Гуго, между тѣмъ, подвинулся къ алополучной „тряпкѣ“, которая лежала рядомъ съ мольбертомъ его отца, на деревянномъ столѣ. Гуго протянулъ было руку...

— Гуго!—грозою обратился къ нему старикъ Вивальди,—прошу не вмѣшиваться въ мои дѣла!

Эвелина бросила кисть и обратилась къ дѣйствующимъ лицамъ.

Положеніе Гуго было затруднительное. Онъ самъ не любилъ, когда кто-нибудь вмѣшивался въ его личныя дѣла, и сознавалъ правоту отца; старикъ, видя на своей сторонѣ всѣ преимущества, рѣзко продолжалъ:

— Ума не приложу, что случилось со всѣми вами! Воображаю на моемъ мѣстѣ престарѣлаго Тирабоши, у котораго въ

мастерской я въ свое время учился. Ваше счастье, молодой человѣкъ, — онъ ткнулъ кистью по направленію къ Гвидо, по-прежнему стоявшему у дверей, — ваше счастье, что вы имѣете дѣло со старымъ дуракомъ Андреа Вивальди, а не съ самимъ Тирабоши! Онъ не церемонился съ учениками и трости своей не жалѣлъ для нихъ! И по самому ничтожному поводу. Вамъ извѣстно, что онъ сдѣлалъ? — внезапно обратился онъ къ Беатрисѣ, снова приходя въ ярость при одномъ воспоминаніи о продолжкѣ ученика: — дерзкій, своевольный лѣнтяй! Онъ взялъ этотъ платокъ; съ котораго я списываю одну изъ необходимѣйшихъ деталей моей картины, и выкинулъ его въ окошко! Хорошо еще, что я уже успѣлъ набросать наиболѣе важныя складки, а то вѣдь онъ рисковалъ испортить мнѣ всю картину! Я былъ правъ, тысячу разъ правъ, не желая разводить у себя въ мастерской этихъ обезьянъ!

— Вы ужъ и меня не причисляете-ли къ этой категоріи? — спросила Эвелина.

— Вы — женщина! — рѣзко оборвалъ ее Вивальди.

— Но вѣдь складки всѣ на мѣстѣ, и искусство торжествуетъ! — примирительно встала Беатриса, надѣясь положить конецъ распрѣ.

Въ отвѣтъ послышалось невнятное бормотанье. Старику уже надоѣло сердиться, и онъ торопился выложить весь запасъ раздраженія, пока злость еще не совсѣмъ въ немъ остыла.

— Не смѣетъ трогать мои вещи, вотъ что!

— Значить вы намѣрены изъ принципа держать эту заразу? — освѣдомился сынъ.

— Хотя бы и такъ! — возразилъ Вивальди.

— Мы всѣ рискуемъ помереть!

— Никого не приглашаю ходить сюда.

— Синьоръ! — терпѣливо начала Беатриса, — позвольте вамъ сказать, что вы несете ужасный вздоръ! Гдѣ же бѣдной Эвелинѣ найти другого такого учителя? Вы еще недавно хвалили ее за успѣхи, а теперь гоните вонъ, чтобы она забыла все, чему вы ее научили? Ну, не ожидала я, что вы такъ жестоки!

Рѣчь эта благотворно подѣйствовала на старика, но ему не хотѣлось слишкомъ скоро уступить.

— Мало-ли художниковъ во Флоренціи! — утрово проворчалъ онъ.

— Еще бы! — весело отозвалась Эвелина, — и бумажныхъ платковъ съ красными горошинами немало въ городѣ, однако, для васъ существуетъ только одинъ, вотъ этотъ! Такъ вотъ и для меня существуетъ только одинъ учитель. Намъ обоимъ, синьоръ, не легко разстаться съ вѣрнымъ, испытаннымъ другомъ.

— Мнѣ, по крайней мѣрѣ, повидимому, не суждено разстаться съ вѣрнымъ, испытаннымъ мученіемъ!—отвѣчалъ Вивальди и хмуро улыбнулся.

Беатриса поняла, что побѣда на сторонѣ большинства и не дала Гуго времени безтактно настаивать на немедленномъ удаленіи зловоннаго яблока раздора, что несомѣнно подлило бы масла въ потухающій огонь. Къ счастью, общее вниманіе отъ опасной темы отвлечено было старикомъ-натурщикомъ: онъ ужъ минутъ десять мирно клевалъ носомъ на своей эстрадѣ и теперь неожиданно храпнулъ, но тутъ же опомнился и тщетно силился свалить неумѣстный звукъ на кашель.

— Отпустили бы старикашку домой!—посовѣтовала Беатриса,—да покажите мнѣ свои новинки; я для этого и пришла.

— Мнѣ нечего вамъ показывать,—возразилъ Вивальди, съ нѣкоторымъ смущеніемъ взглядывая на сына,—я выполняю заказъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ, который, вѣроятно, очень жаденъ и желаетъ разукрасить стѣны своей столовой изображеніями всякой провизіи. Лучше поглядите на работу синьорины... Она дѣлаетъ большіе успѣхи... Нѣтъ, этого не глядите!—онъ поспѣшно повернулъ лицомъ къ стѣнѣ картину Гвидо, которую Беатриса хотѣла было посмотреть.

Эвелина засмѣялась и поблагодарила старика-учителя, который покраснѣлъ, понявъ, что выдалъ себя: картина молодой дѣвушки показалась бы черезчуръ плохой и безцвѣтной, сравнительно съ талантливымъ эскизомъ юнаго художника. Между двумя произведеніями существовала та же неизмѣримая разниа, какая существуетъ между чтеніемъ Шекспира, когда его, хотя бы и вполне осмысленно, читаетъ ученикъ старшихъ классовъ или выдающійся актеръ.

Беатриса съ любовью заглядѣлась на работу своей пріятельницы.

— Очень недурно! — произнесла она, наконецъ, и посмотрѣла на Вивальди, ожидая подтвержденія своихъ словъ.

— Да, недурно. Я доволенъ. Но надо трудиться для болѣешаго успѣха, синьорина.

— Обѣщаюсь!—отозвалась Эвелина,—о, если бы успѣхъ зависѣлъ только отъ прилежанія!.. А теперь, Беатриса, тебѣ больше не возбраняется полюбоваться на картину Гвидо. Посмотри, какъ прекрасно!..

— Безусловно прекрасно, если можно назвать прекраснымъ портретъ такого стараго урода! Когда же вы приметесь за серьезную картину, Гвидо?

Старикъ Вивальди нѣсколько отошелъ отъ нихъ и не могъ слышать ихъ разговора; Эвелина понизила голосъ:

— Не правда-ли? И ты согласна со мною? Не грѣхъ-ли ему тратить свой талантъ на пустяки, когда онъ созданъ для иного? Мнѣ кажется, что онъ по-пустому тратитъ время. Онъ давно могъ бы добиться славы и гремѣть на весь міръ своими произведеніями.

— Въ благодарность за ваше мнѣніе, синьорина,—сказалъ польщенный Гвидо Гвидотти,—я открою вамъ маленькую тайну: въ слѣдующемъ мѣсяцѣ двѣ комнаты въ четвертомъ этажѣ этого дома освободятся. Я думаю занять ихъ и открыть самостоятельную мастерскую, по сосѣдству съ моими друзьями.

Эвелина одобрительно захлопала въ ладоши.

— Отлично! Но четвертый этажъ, Гвидо! Не знаю, рѣшатся-ли англійскіе и американскіе милліонеры взбираться подъ небеса?

— Какъ ты предусмотрительна, моя милая!—иронически замѣтила Беатриса,—но не лучше-ли сначала убить медвѣдя, а потомъ ужъ прикинуть, удобно-ли будетъ покупателямъ подниматься наверхъ за его шкурой? Вы раздѣляете мое мнѣніе, Гвидо?

— Вполнѣ, синьорина! — безопасно смѣясь, согласился юноша,—а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, увѣряю васъ, комната въ четвертомъ этажѣ представляетъ изъ себя идеальную мастерскую,—большая, свѣту въ ней пропасть, словомъ, всѣ удобства, необходимыя для художника. Въ нижнихъ этажахъ квартиры дороже, да и свѣту въ нихъ меньше, если не имѣть средствъ для разныхъ приспособленій, которыя можетъ позволить себѣ знаменитость. А крутая лѣстница по моему, даже нѣкоторое преимущество: не каждый изъ друзей-пріятелей рискнетъ по ней взбираться, слѣдовательно, меньше будетъ у меня соблазну бить баклуши въ ихъ пріятномъ обществѣ.

— Люблю за откровенность!—похвалила Эвелина, снимая съ себя холщевый рабочій передникъ и прибирая краски,—неправда-ли, Беатриса, какъ вѣжливо и въ то же время настойчиво даетъ онъ намъ понять, что не желаетъ видѣть посѣтителей въ своей новой мастерской? Премило! Разумѣется, послѣ подобнаго заявленія, ему нечего опасаться нашего вторженія.

— Я говорилъ о соблазнахъ, синьорина...—сконфуженно оправдывался Гвидо,—о васъ и синьоринѣ Гэмлинѣ не могло быть и рѣчи!

— беру свои слова назадъ: ваша правда, вы говорили о друзьяхъ, и я опрометчиво причислила къ нимъ и себя!

Она задорно поглядѣла на него черезъ плечо и, не давъ

ему времени опомниться, взяла Беатрису подъ руку и направилась къ Вивальди.

Старый художникъ довольно ласково простился съ молодыми дѣвушками (онъ не умѣлъ долго сердиться).

— До свиданія!—проговорилъ Гуго, отворяя имъ дверь,— не зачитывайтесь до разсвѣта и не опаздывайте завтра!

Это увѣщаніе относилось къ Беатрисѣ, и она покорно выслушала его. Выйдя съ Эвелиной на улицу, она озабоченно сказала:

— Какъ-то отнесется Вивальди къ проекту Гвидо открыть мастерскую подъ одной кровлей съ нимъ!

— Не все-ли имъ ему равно?

— Можетъ быть. Но мы съ тобой врядъ-ли такъ поступили бы!

— Почему же?—пылко вступилась Эвелина:—Гуго и Гвидо такъ привязаны другъ къ другу, что весьма естественно, если Гвидо желаетъ поселиться ближе къ своему покровителю. Я убѣждена, что онъ не сдѣлалъ бы Гуго никакой непріятности, ни за что на свѣтѣ. Ты бы только послушала, какъ онъ на-дняхъ распространялся о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему отцомъ и сыномъ Вивальди: отъ умиленія у него даже слезы навернулись на глазахъ.

— Гуго, дѣйствительно, благодѣтель: онъ вытащилъ Гвидо, можно сказать, изъ грязи!—рѣзко продолжала Беатриса, нисколько, повидимому, не тронутая описаніемъ благородныхъ чувствъ Гвидо.—Вообще, кажется, чѣмъ хуже, испорченнѣе или... несчастнѣе человѣкъ, тѣмъ больше привязывается къ нему Гуго. Я склонна думать, что онъ иногда со мною такъ рѣзокъ, почти грубъ, исключительно по причинѣ моей порядочности; я для него не представляю интереса, какъ субъектъ, который требовалъ бы его покровительства. Мысль эта нѣсколько утѣшаетъ меня.

— Можетъ быть, онъ строгъ съ тобою, какъ съ ученицей? Ты бываешь лѣнива и упряма.

Беатриса улыбнулась. Не лѣнью страдала она, а апатіей, которая временами на нее нападала: чуткая и воспріимчивая, она часто невыразимо мучилась сознаніемъ, что ей никогда не достигъ желаемого идеала.

Тѣмъ не менѣе она промолчала. Эвелина снова заговорила:

— Къ какому же разряду причисляешь ты Гвидо: къ людямъ сквернымъ, испорченнымъ, или только несчастнымъ?

— Ко всѣмъ тремъ понемножку. Почти всѣ натурщики въ достаточной степени испорчены. А объ его „несчастьяхъ“ мы неоднократно слышали изъ его собственныхъ устъ.

— Но его вѣдь нельзя назвать натурщикомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова!—обиженно возразила Эвелина.

— Пожалуй. У него не было никакой опредѣленной профессіи. Онъ снискивалъ себѣ пропитаніе, какъ могъ и чѣмъ попало, и былъ внѣ себя отъ радости, когда Андреа Вивальди предложилъ ему пятьдесятъ сантимовъ за сеансъ, позировать въ качествѣ купидона, Іоанна Крестителя или младенца Самуила,—смотря по надобности. Натурщикъ по профессіи никогда не позволилъ бы себѣ взяться за кисть, въ отсутствіи хозяина.

— Благодаря чему и открылся его талантъ! — заявила Эвелина:—я помню разсказъ объ этомъ... Что-то въ такомъ родѣ случилось и съ извѣстнымъ художникомъ...

— Да. Тотъ художникъ писалъ красной глиной на камнѣ.

— Судьба не привела его въ мастерскую, гдѣ у него подъ руками были бы краски!—отпарировала Эвелина:—Не пройись-ли намъ еще? Или уже пора домой?

Онѣ очутились у дверей пансіона, въ которомъ онѣ жили, на противоположномъ берегу рѣки, противъ дома Вивальди. Колоссальная статуя юнаго Давида (копія съ Микель-Анджело) глядѣла на нихъ съ площади, носившей имя того же великаго ваятеля. За нею высилась черная съ бѣлымъ мраморная громада—церковь Санъ-Миніато,—и старинная, темно-коричневая башня, уцѣлѣвшая, какъ разсказываютъ, во время осады Флоренціи, лишь благодаря нѣжной заботливости Буонаротти, который бережно укрывалъ ее перинами и тюфяками отъ выстрѣловъ нападавшихъ Медичи.

Солнце зашло, и могучая фигура бронзоваго Давида рѣзко вырисовывалась на блѣдно-розовомъ небѣ.

— Дойдемъ до моста,—отвѣчала Беатриса:—и полюбуемся на рѣку, при вечернемъ освѣщеніи.

Черезъ нѣсколько минутъ онѣ уже стояли на висячемъ мосту, перекинутомъ черезъ Арно, на восточной окраинѣ города. Онѣ облокотились на перила и стали глядѣть по направленію къ Ponte-Vecchio, съ его оригинальными, полуразвалившимися лавчонками, гдѣ торгуютъ драгоценными вещами и всякими древностями; лавочки прилѣпились къ нему, словно губки къ куску гнилого дерева; дальше виднѣлись деревья парка Cascine, а за ними сѣрыя, туманныя очертанія Аппенинъ.

Вдругъ справа, съ башни Santa-Croce раздались мѣрные удары колокола; слѣва немедленно откликнулись четыре колокола поменьше.

— Шесть часовъ!—сказала Эвелина:—мы опять опоздаемъ къ обѣду!

— И доставимъ этимъ несказанное удовольствіе миссъ

Беттъ!—усмѣхнулась Беатриса и лѣнливо послѣдовала за другой.

II.

Домъ, гдѣ двѣ молодыя дѣвушки—англичанки жили во время своего пребыванія во Флоренціи, носилъ названіе „Пансіона госпожи Больдъ“, какъ гласила изящная мѣдная дощечка на дверяхъ. Госпожа Больдъ, якобы стоявшая во главѣ учрежденія, была вдова, съ виду болѣзненная, блѣлая и рыхлая словно недопеченное тѣсто; умъ ея во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ этой наружности. Друзья мистрисъ Больдъ считали ее донельзя добродушной, а враги (какъ это ни странно, но враги у нея были) называли ее слабохарактерной тряпкой. Миссъ Беттъ, попеременно фигурировавшая въ обѣихъ роляхъ, большей частью, придерживалась послѣдняго мнѣнія.

Судьба не покровительствовала вдовѣ, и большинство людей, съ которыми ей приходилось сталкиваться на жизненномъ пути, становились на сторону судьбы. Дочь бѣднаго, провинціальнаго врача, всю жизнь съ горя пьянствовавшего, племянница и компаньонка скупой, злущей старухи, жена невѣрнаго и жестокаго мужа (да еще игрока), вдова банкрота и самоубійцы, — мистрисъ Больдъ мало отраднаго видѣла на своемъ вѣку, но со смиреніемъ несла свой крестъ.

Другой на ея мѣстѣ (за малыми исключеніями) навѣрно или озлобился бы, или палъ бы духомъ; но въ слабости мистрисъ Больдъ заключалась ея сила: бороться она была не въ состояніи, — оставалось, значить, покориться. Но въ глубинѣ души у нея часто возникало мучительное подозрѣніе, не сама-ли она по оплошности виновата въ своей судьбѣ, — и эта мысль лишала ее послѣдняго утѣшенія—видѣть въ себѣ мученицу. Даже самымъ близкимъ ея друзьямъ порою надоѣдало, когда она предавалась отчаянному самобичеванію.

Младшая компаньонка ея по содержанію пансіона, и ея правая рука, миссъ Беттъ — была одновременно ея бичомъ и опорой.

Что претерпѣвала мистрисъ Больдъ отъ миссъ Беттъ, и, съ другой стороны, отъ какихъ крупныхъ непріятностей та же миссъ Беттъ избавляла ее ежедневно—объ этомъ пансіонеры и нахлѣбники смутно догадывались.

— Миссъ Беттъ держитъ хозяйку въ ежовыхъ рукавицахъ, — замѣтила какъ-то Беатриса Гэмлингъ: — но за то бываетъ для нея незамѣнима!

Миссъ Беттъ была особа небольшого роста, съ суетливыми тѣлодвиженіями и рѣзкимъ голосомъ; ея жидкіе сѣдые во-

лосы скручены были шипечкой на затылкѣ; затѣмъ она обладала остренькимъ, краснымъ носикомъ и выдающимися впередъ зубами.

О хозяйкѣ она говорила: „бѣдная наша, милѣйшая мистрисъ Больдъ“, но по тону можно было догадаться, что она про себя прибавляетъ „и глупѣйшая“. Обращалась она всегда съ хозяйкой сурово, но почтительно, чѣмъ повергала ту въ немалое смущеніе; миссъ Бэттъ никогда не забывала (да и другимъ не давала забывать) того факта, что мистрисъ Больдъ благороднаго происхожденія, а она сама нѣтъ.

— Я сажусь съ вами за столъ, миссъ Гемлингъ, по настоянію нашей бѣдненькой, милѣйшей мистрисъ Больдъ, — сказала она какъ-то разъ Беатрисъ, — но я всегда помню, что не принадлежу къ вашему кругу.

Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ разсказъ, въ концѣ табль д'ота помѣстилась миссъ Бэттъ, поминутно ерзая на своемъ стулѣ. Стояла ранняя осень и большая часть туристовъ (англичане и американцы) еще не съѣхались изъ Швейцаріи и сѣверной Италіи во Флоренцію. Молодые дѣвушки пошли въ столовую; хозяйка встрѣтила ихъ блѣдной улыбкой; миссъ Бэттъ поклонилась и, выразительно поджавъ губы, взглянула на свои часы.

— Мы опоздали? Неужели? — освѣдомилась Эвелина съ лукавымъ безпокойствомъ.

Мистрисъ Больдъ робко покачала головой и съ умоляющимъ видомъ посмотрѣла черезъ столъ на свою компаньонку; та сказала:

— Вы, кажется, пришли не позже, чѣмъ обыкновенно, миссъ Грэй!

— Хорошо-ли вы провели время? Много-ли наработали? — справился сосѣдъ Беатрисы, когда она уѣхала на свое мѣсто.

То былъ профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, проводившій каникулы въ Италіи; вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ аккуратно каждый день задавалъ своей сосѣдкѣ одни и тѣ же вопросы, и она принуждала себя безъ раздраженія удовлетворять его пустое любопытство. Получивъ и на сей разъ желаемый отвѣтъ, онъ улыбнулся и, по усвоенной программѣ, обратился къ Эвелинѣ:

— Ваша подруга не лѣнится! Прилежно работаетъ! — затѣмъ принялся за прерванную фду.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ сосѣдъ Эвелины, молодой англичанинъ, на предложенный ею вопросъ: — по моему, Флоренція вовсе не выигрываетъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Я нахожу, что это просто трущоба. Моя мать непремѣнно желаетъ провести здѣсь зиму. Не понимаю! Прошлую зиму мы были въ Ниццѣ: тамъ все-таки сносно, развлеченія кое-какія

есть, въ Монте-Карло можно съѣздить... А здѣсь буквально дѣлать нечего.

— Однако, есть на что посмотреть, сэръ,—замѣтилъ, сидѣвшій по другую его сторону американецъ:—по-моему, городъ очень интересенъ.

— Что вы сегодня осматривали, мистеръ Бортонъ? — съ улыбкой освѣдомилась Эвелина.

— Сегодня,—американецъ принялся отсчитывать по пальцамъ—я осмотрѣлъ: Дното, башню Джіотти Loggia dei Lanzi, дворецъ Vecchio; затѣмъ я отправился въ картинныя галереи дворца Уфици, и тамъ имѣлъ удовольствіе видѣть миссъ Гемлингъ, которая упражнялась въ живописи.

Эвелина улыбулась, а мистеръ Бортонъ продолжалъ:

— По галлереѣ я перешелъ черезъ рѣку и закончилъ осмотръ дворца Питти и Санъ-Миніато.

— Богъ мой! Какая энергія! На завтра, пожалуй, ничего не оставили?

— Что вы! Завтра я намѣренъ заняться картинами Belle Arti, Санъ-Лоренцо, Санта-Марія-Новелла, Санта-Кроче, Санъ-Марко и Аннунціата. Тогда я покончу съ Флоренціей, но останусь еще на денекъ ради Fiesole и Certosa, а затѣмъ, въ пятницу, съ ночнымъ поѣздомъ укачу въ Римъ.

— И вы способны запомнить все видѣнное вами?—съ ужасомъ освѣдомилась Эвелина.

— Понятно. Я все отмѣчаю въ путеводителѣ.

— Ненавижу осматривать достопримѣчательности!—зѣвая, замѣтилъ первый англичанинъ,—это такъ утомительно! Разумѣется, я помогу матери моей устроиться здѣсь, а самъ вернусь въ Англію и вздохну свободно. Дурачье эти итальянцы! Представьте, миссъ Грэй, что со мной на дняхъ случилось. Затѣяли мы съ знакомыми пикникъ въ Fiesole и поджидали одного изъ участниковъ у какихъ-то воротъ,—не помню названія,—словомъ, у рѣчной пристани. Мы всѣ уже вышли за ворота, къ рѣкѣ, когда мнѣ вздумалось снова вернуться на дорогу, поглядѣть—не идетъ-ли нашъ пріятель. а сторожъ ни за что не хотѣлъ пропустить меня, ссылаясь на то, что у меня въ рукахъ корзинка (провизія для пикника!), которую онъ обязательно долженъ осмотрѣть. А самъ прекрасно зналъ, негодяй, что тамъ одни бутерброды, такъ какъ онъ же осматривалъ ихъ съ минуту тому назадъ.

— Ловко!—засмѣялась Эвелина,—какъ же вы выпутались изъ этого затрудненія?

— Ну, я ему сказалъ два-три прочувствованныхъ слова по-англійски... Но онъ не понялъ, а только расхохотался; а тутъ подоспѣлъ запоздавшій пріятель, мы и отправились дальше.

— Вамъ бы слѣдовало сказать ему,—замѣтилъ мистеръ Бортонъ,—что на обратномъ пути онъ волей-неволей выпуститъ васъ съ этими бутербродами бесплатно.

Отвѣта не воспослѣдовало. Чей-то рѣзкій голосъ между тѣмъ отчеканивалъ:

— Это фактъ, смѣю васъ завѣрить, миссъ Дугласъ! Герцогъ Эдинбургскій неизмѣнно за завтракомъ требуетъ мармеладу изъ айвы; онъ намазываетъ его на кусочекъ поджаренной булки и ѣстъ. Мнѣ, лично, ни за что бы этого не съѣсть, но на вкусъ и цвѣтъ...

— Да неужели мистрисъ Питманъ? Какъ интересно! Чѣмъ же вы объясняете подобную причуду?

— Право, не знаю. Вотъ, напримѣръ, герцогиня: она всѣмъ цвѣтамъ предпочитаетъ сиреневый! Она бы всю жизнь, готова носить платья сиреневаго цвѣта, но, разумѣется, это немислимо: всѣ бы думали, что она вѣчно въ полутраурѣ...

— Понятно, это не годится! Но какъ пріятно знать такія подробности! Подумайте только: сиреневый цвѣтъ!

— Я прочелъ въ сегодняшнемъ „Galagnani“,—вмѣшался въ этотъ интересный разговоръ мистеръ Бортонъ,—что герцогъ Ноттингэмскій предложилъ руку и сердце миссъ Чатфильдъ, самой хорошенькой дѣвушкѣ въ Нью-Йоркѣ.

— Ага!—съ лукавой улыбкой подхватила почтенная матрона,—ужъ это въ газетахъ напечатано? Еще на прошлой недѣлѣ мнѣ про это говорила моя племянница, большая пріятельница кузины частнаго секретаря герцога,—но я, разумѣется, не считала себя вправѣ разглашать помолвку до публикаціи ея въ газетахъ.

— Еще бы!—восторженно одобрила миссъ Дугласъ,—такъ значитъ онъ женится на простой миссъ? Ахъ, какъ интересно! Вы говорите, невѣста очень хороша собой?—обратилась она къ американцу съ живѣйшимъ любопытствомъ,—скажите, она брюнетка или блондинка? Тутъ всякая подробность полна значенія!

— Уйдемъ!—шепнула Беатриса своей подружкѣ,—я задыхаюсь въ этой компаніи!

Въ дверяхъ столовой онѣ посторонились, чтобы пропустить выходящую изъ комнаты, въ сопровожденіи молодой дѣвушки, даму.

Высокая, стройная дама, съ блестящими глазами, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, прошла мимо съ надменнымъ кивкомъ головы. Молодая дѣвушка, пухленькая, бѣлокурая, вѣчно улыбающаяся, хотѣла было остановиться и заговорить съ ними, но раздумала и, продолжая улыбаться, поспѣшила за гордой теткой, которая строго оглянулась на нее. Беатриса засмѣялась и стала подниматься съ Эвелиной

вверхъ по лѣстницѣ, въ тотъ этажъ, гдѣ онѣ занимали комнаты.

— Значить теперь и ты, Эвелина, въ не милости у миссъ Гріерсонъ? Это почему? Къ тебѣ она благоволила, только на меня смотрѣла искоса.

— Она меня еще не считала безнадежной въ тѣ дни,—пояснила Эвелина.

Подруги вошли въ свою гостиную и усѣлись.

— А теперь я погибла въ ея мнѣніи. Мы съ ней сегодня поговорили по душѣ, до моего ухода въ мастерскую.

— О чемъ же вы говорили?

— Да опять старая пѣсня, на нѣсколько новый ладъ. По ея мнѣнію, скромнымъ дѣвицамъ не подобаетъ жить безъ компаньонки; слѣдовательно, мнѣ надо безотлагательно вернуться къ роднымъ. Затѣмъ она заговорила о тебѣ и заявила, что такой юной особѣ, какъ ты, нечего стремиться стать знаменитостью.

— А не прибавила, что такой старухѣ, какъ она, нечего соваться не въ свои дѣла?—вспылила Беатриса.

— Нѣтъ, этого она, кажется, не говорила. Дѣло въ томъ, что она никакъ не можетъ оправиться отъ потрясенія, которое ты ей нанесла своею радостью по поводу первой проданной тобою картины. Она откровенно созналась, что обо мнѣ она лучшаго мнѣнія,—по крайней мѣрѣ была,—а теперь начинаетъ испытывать разочарованіе.

— Почему же такъ?

— Я ей отплатила откровенностью за откровенность и объяснила, что другихъ родныхъ, кромѣ женатаго брата, у меня нѣтъ, а они какъ нельзя лучше безъ меня обходятся; съ другой стороны, я скромно замѣтила, что тебѣ пріятно жить со мною и я не хочу лишать тебя этого удовольствія. А что касается до тебя...

— Понимаю!—поспѣшно перебила ее Беатриса, понявъ, что Эвелина скомпрометировала себя, хваля безмѣрно опальную подругу,—теперь мы погибли въ ея мнѣніи, душа моя!

— Да, и до извѣстной степени объ этомъ сожалѣю! Все таки она особа вполне порядочная, хотя нѣсколько ограниченная и упрямая. Ты только сравни ее съ остальными салонницами—пріятельницами пріятельницъ кузины частнаго секретаря *самого герцога!* Быть можетъ, это съ моей стороны и глупо,—слегка понижая голосъ, продолжала Эвелина,—но мнѣ обидно, что миссъ Гріерсонъ велитъ своей племянницѣ сторониться отъ меня, словно я зачумленная.

— Ты скучаешь по миссъ Бланшъ Гріерсонъ? Дорожишь ея дружбой?

— Нѣтъ, не то,—а самолюбіе мое страдаетъ. Чѣмъ мы

хуже этой дѣвчонки? Мы и лицомъ, и манерами лучше ея. Я убѣждена, что она переглядывается съ офицерами... Вчера сидѣла съ книжкой у окна, напротивъ казармъ, и что-то подозрительно поглядывала туда изподтишка. Неужели я бы стала дѣлать что-либо подобное?

— Ненавижу пансіоны!—сказала вдругъ Беатриса.

— И я тоже! Знаешь, о чемъ я подумываю? Хорошо бы намъ самостоятельно снять небольшую квартирку! На много ли дороже обойдется это?

— Нѣсколько дороже, но это пустяки.хлопотъ будетъ больше, а здѣсь мы на всемъ готовомъ.

— Я берусь за хозяйство!—пылко воскликнула Эвелина,—мы поселимся въ самомъ верхнемъ этажѣ, а надъ нами, на крышѣ, будетъ площадка съ бѣлыми арками, поросшими дикимъ виноградомъ; въ глиняныхъ горшкахъ мы разставимъ гвоздику и ноготки, къ намъ будутъ прилетать за кормомъ голуби...

— Лучше ужъ прямо снять средневѣковую башню и избражать изъ себя заколдованныхъ принцессъ!—смѣясь, сказала Беатриса.

Но подруга ея не унялась; она встала и взволнованно начала ходить по комнатѣ, развивая свой планъ.

— Давно было бы хорошо жить въ своемъ собственномъ, уютномъ гнѣздышкѣ! Ни туристовъ, ни сплетенъ, ни нравоученій!

— Эвелина, — рѣзко перемѣнила разговоръ Беатриса, — что еще говорила тебѣ миссъ Гріерсонъ?

Эвелина пріостановилась, смущенная.

— Не стоитъ обращать вниманія на ея слова!—запинаясь, произнесла она.

— Все это такъ, но я желаю знать вашъ разговоръ до самаго конца.

Эвелина усѣлась у ногъ своей подруги, ласково обняла ея колѣни и повернулась такъ, чтобы Беатриса не могла видѣть ея лица.

Она сказала, — неохотно начала она, — что нельзя пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ... Что мы съ тобой и не подозреваемъ, какъ другіе истолковываютъ наши поступки.

— Кто это „истолковываетъ“?—гнѣвно перебила ее Беатриса.

— Другіе ученики... ихъ друзья... Вивальди, наконецъ.

— Вивальди?!

— Она сказала, что итальянцы—люди ужасные: въ глаза съ вами любезны, а за глаза вышучиваютъ васъ, сплетничаютъ.

— Эвелина! Считаешь-ли ты Вивальди способными на это?—съ негодованіемъ спросила Беатриса,—я, по крайней мѣрѣ, думаю, что Гуго не способенъ лицемѣрить: онъ слишкомъ откровенно любитъ дѣлать выговоры и читать нотации!—она притворно засмѣялась.

Но Эвелина не улыбнулась.

— Мнѣ противна мысль, что мы своимъ поведеніемъ унижаемъ себя въ ихъ глазахъ!—съ горечью сказала она.

— И ты въ это серьезно вѣришь? Плохо же цѣнишь ты ихъ доброту къ намъ!

— Не брани меня, Беатриса! Я знаю, что это глупо! Я дура... но... не... сердись... завтра это пройдетъ!..

— Надѣюсь!—строго сказала та, но тутъ же ласково погладила прижавшуюся къ ея колѣнямъ кудрявую головку.

Настроение Эвелины приводило ее въ недоумѣніе. Она сама не придавала бы никакого значенія словамъ, которыя врѣзались въ чувствительную душу ея подруги и не давали ей покоя. Однако, она попыталась утѣшить Эвелину.

— У миссъ Гріерсонъ понятія допотопныя! По счастью, мало кто ихъ раздѣляетъ.

— О, да!—согласилась и Эвелина, но, видимо, не очень этимъ утѣшилась.

Въ это же время, въ общей гостиной, племянница миссъ Гріерсонъ изливала свои сѣтованія передъ миссъ Дугласъ, веселой, добродушной, плохо образованной старой дѣвой неопредѣленныхъ лѣтъ и съ изумительной прической.

— Я такъ была рада этому знакомству!—жаловалась миссъ Бланшъ,—думала сойтись съ ними,—а тетя теперь и слышать объ этомъ не хочетъ. Другихъ же сверстницъ мнѣ тутъ нѣтъ... Ахъ, какъ все это грустно, не правда-ли, миссъ Дугласъ?

— Быть можетъ, молодежь еще и сѣдется съ полнымъ наступленіемъ зимняго сезона!—сочувственно отозвалась старая дѣва; но Бланшъ продолжала:

— Я увѣрена, что онъ пріемилъ! Миссъ Грэй совсѣмъ красавица, а миссъ Гэмлинъ такъ умна... При томъ у нихъ такіе интересные знакомые! До того, какъ тетя ихъ не влюбила, я разговаривала съ миссъ Грэй, и она мнѣ рассказывала, какъ хорошо къ нимъ относится старый синьоръ Вивальди: онъ позволяетъ ей писать въ его мастерской, хотя больше не беретъ учениковъ, и у нея (по ея словамъ) способности не блестящи. Должно быть, превесело быть знакомой съ настоящими художниками, учениками ихъ, натурщиками и всѣми этими господами.

Миссъ Бланшъ вздохнула, вспомнивъ о своемъ скучномъ прозябаніи, лишенномъ всякихъ живыхъ интересовъ.

— А рассказывала она вамъ о своемъ товарищѣ по классу живописи?—освѣдомилась миссъ Дугласъ.

— Нѣтъ. Кто онъ такой? — полюбопытствовала миссъ Бланшъ, почувявъ что-то романическое.

— Юный синьоръ Гвидотти, воспитанникъ обоихъ Вивальди.

— Красивый? У него черные глаза, роскошные кудрявые волосы и лѣнливныя, граціозныя манеры?

— Гдѣ вы его видѣли?—спросила миссъ Дугласъ, пылливо всматриваясь въ молодую дѣвушку.

Я какъ-то встрѣтила его съ миссъ Гэмлинъ и миссъ Грэй на улицѣ и терялась въ догадкахъ, кто онъ такой. Они съ миссъ Грэй такая прекрасная парочка.

Миссъ Дугласъ разсмѣялась; Бланшъ тоже захихикала. Позже вечеромъ, когда всѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ, миссъ Гріерсонъ замѣтила племянницѣ:

— Я очень рада была видѣть, что ты помогаешь миссъ Дугласъ разматывать шелкъ, милочка. Она достойная особа, и разговоры съ ней принесутъ тебѣ больше пользы, чѣмъ пустая болтовня свѣтской молодежи.

— Разумѣется, тетя!—покорно согласилась миссъ Бланшъ.

III.

Два дня спустя, Беатриса собралась поработать въ картинную галлерею; на крыльцѣ „пансіона“ она замѣтила мистера Бортонъ, озаирившагося по сторонамъ, съ самой плачевной фізіономіей. Шелъ упорный, частый дождь и какъ-будто говорилъ бѣднымъ смертнымъ: „мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ плановъ: хочу идти и буду.“

Воды Арно вздулись и шумно бурлили въ своихъ берегахъ. Тамъ и сямъ на глинистомъ берегу виднѣлись рыболовы, то взрослые, то мальчишки.

— Славный денекъ, неправда-ли, мистеръ Бортонъ?—сказала Беатриса, пріостанавливаясь на крыльцѣ и готовясь открыть зонтикъ, такъ какъ рѣшилась мужественно бороться съ непогодой.

— Я просто не знаю, что съ собою дѣлать,—мрачно отозвался американецъ, — на сегодняшній день я намѣтилъ осмотръ Fiesole утромъ и Certosa послѣ обѣда.

— Какая жалость! Но вѣдь остаются еще картинныя галереи...

— Я ихъ ужъ разъ обошелъ!—нетерпѣливо возразилъ тотъ.

— И ничего такого не примѣтили, на что стоило бы взглянуть еще разъ?

— Ровно ничего. Поглядите-ка туда, миссъ Гэмлинъ: какъ будто проясниваетъ...

— Нисколько. Да и вѣтеръ дуетъ съ противоположной стороны. Боюсь, что вамъ придется сидѣть дома. Прощайте! Она закуталась въ плащъ и поспѣшила вдоль рѣки.

Благодаря-ли плохому освѣщенію, или по какой другой причинѣ, но работа въ этотъ день показалась Беатрисѣ необыкновенно трудной и мало интересной; мысли ея разбѣгались и часто возвращались къ высказанному Эвелиной желанію нанять отдѣльную квартирку. Но мечты ея были прерваны чѣмъ-то голосомъ, радостно и изумленно произносившимъ ея имя.

Она подняла голову: передъ нею стоялъ молодой человекъ невзрачной наружности, но тщательно и даже изящно одѣтый.

— Я несказанно счастливъ, что опять васъ вижу!— молодой человекъ протянулъ ей руку.

Беатриса нехотя поздоровалась съ нимъ.

— Вы когда прибыли во Флоренцію?—спросила она.

— Вчера вечеромъ—и сразу окунулъ въ міръ волшебныхъ грезъ! Какой былъ закатъ! Весь городъ со своими башнями и куполами церквей былъ залитъ пурпурнымъ сіяніемъ! Призрачный городъ, сотканный изъ свѣта и блеска!

— А сегодня—изъ дождя и грязи!—встала Беатриса, поднимая упавшую на полъ кисть.

— Ахъ, позвольте мнѣ услужить вамъ!.. Гдѣ же вы все время пропадали, миссъ Гэмлинъ? Спрашивалъ я у вашихъ пріятельницъ, миссъ Фрезеръ и миссъ Беванъ, куда вы дѣвались,—но онѣ вашего адреса не знали...

— Я давно уже путешествую, — пояснила Беатриса и мысленно поблагодарила своихъ пріятельницъ.

— Вѣдь здѣсь вы работаете въ самой колыбели искусства! Вдохновляетесь самымъ воздухомъ Флоренціи! Въ подобной обстановкѣ всякій сдѣлается артистомъ!

Восторженный господинъ прислонился къ рѣшоткѣ, обнесенной вокругъ Венеры Медицинской, и одобрительно осматривался кругомъ.

Беатриса въ душѣ злилась; она чувствовала, что приходъ Гуго Вивальди въ настоящую минуту не желателенъ; ей хотѣлось сначала повидаться съ нимъ и описать ему чудака Гэрри Плейделя, съ которымъ она встрѣчалась въ рисовальной школѣ: она и ея подруги постоянно поднимали его на смѣхъ за его жеманную восторженность, самолюбіе, увѣренность въ своемъ талантѣ.

— Что вы въ настоящую минуту дѣлаете?—спросилъ онъ, склоняясь надъ нею и рассматривая ея работу съ видомъ

снисходительнаго знатока,—а! Mantegna! Прекрасно! Дайте-ка взглянуть!—онъ сложилъ пальцы на подобіе бинокля и взглянулъ на работу Беатрисы,—вполнѣ-ли вы довольны фигурой волхва? Правая рука немного длинна, — вы не находите?

— Не замѣчаю,—отвѣчала она, преодолевая злость и разбигающій ее въ то же самое время смѣхъ.

Приближался часъ обычнаго посѣщенія Гуго: онъ всегда приходилъ справляться, не нужны ли ей его помощь и совѣтъ.

Въ головѣ у нея мелькнула блестящая мысль: она вытащила свой завтракъ.

— Щепетильность его не выдержать подобнаго испытанія!—подумала она.

Но ее постигло горькое разочарованіе: онъ съ живѣйшимъ любопытствомъ заглянулъ въ ея свертокъ, который она методически развернула.

— Хлѣбъ и сушеные фрукты! Какъ поэтично!

Ей крѣпко захотѣлось запустить въ него своимъ поэтичнымъ завтракомъ, но въ виду неисполнимости этого желанія, она предложила ему раздѣлить ея скромную трапезу. Онъ сорвалъ двѣ-три ягодки изюму съ вѣтки, какъ дверь распахнулась, и на порогъ показалась широкоплечая фигура Гуго Вивальди. Онъ поспѣшно двинулся къ Беатрисѣ, но вдругъ остановился,—увидавъ, что молодая дѣвушка не одна, повернулся къ нимъ спиной и вышелъ обратно въ ту же дверь.

Не успѣла она за нимъ закрыться, какъ снова распахнулась: на этотъ разъ вошли миссъ Гріерсонъ и ея племянница. Тетка, съ каталогомъ въ рукахъ, принялась добросовѣстно осматривать картины, дѣлая отмѣтки въ своей записной книжкѣ.

При видѣ Беатрисы и ея собесѣдника, голубые глазки миссъ Бланшъ жадно раскрылись; она послушно слѣдовала за теткой, но постоянно на нихъ оглядывалась, что, конечно, не ускользнуло отъ вниманія Беатрисы. Обѣ дамы, наконецъ, прошли въ сосѣднюю комнату.

Плейдель все не уходилъ, и терпѣніе Беатрисы истощилось.

— Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности больше съ вами бесѣдовать,—сдержанно сказала она,—я очень отстала со своей картиной...

— Не обращайтесь на меня вниманія!—послѣдовало милое разрѣшеніе,—я согласенъ молчать, только буду слѣдить за вашей работой.

— Пожалуйста этого не дѣлайте!—въ полномъ отчаяніи

воскликнула Беатриса. Плейдель усмѣхнулся: ея волненіе польстило ему.

— Увѣрю васъ: я не строгій критикъ!—сказалъ онъ,—но ваше желаніе для меня законъ. До свиданія! — онъ съ улыбкой откланялся и ушелъ.

Въ первый моментъ Беатрисѣ страстно захотѣлось выбѣжать въ корридоръ къ Гуго и все объяснить ему; но, по здоровомъ размышленіи, она нашла этотъ поступокъ безразсуднымъ.

„Онъ и такъ, разумѣется, сообразилъ, что это мой старый знакомый, и потому ретировался. Навѣрно сейчасъ же вернется“...

Но время шло, а Гуго не появлялся. Вскорѣ сзади послышались легкіе шаги, и за спиной Беатрисы задыхающійся голосъ произнесъ:

— О, миссъ Гэмлинъ, какая вы артистка! Замѣчательно!

— Очень рада, что моя работа вамъ нравится, — сухо откликнулась Беатриса, узнавъ въ говорившей Бланшъ Гріерсонъ.

— Нравится? Еще бы! Какое счастье быть художницей!

Беатриса промолчала, а Бланшъ продолжала:

— Милая миссъ Гэмлинъ! Я вамъ хочу что-то сказать, но не знаю съ чего начать. Вы не сердитесь, что я при тетѣ отношусь къ вамъ такъ сухо?

— Ничуть!—съ улыбкой отвѣчала Беатриса:—но не лучше ли будетъ, если вы и безъ тети станете относиться ко мнѣ такъ же?

— О, какъ можно, что вы! Я такъ восхищаюсь вами, миссъ Грэй, и дивной жизнью, которую вы ведете!

Беатриса опять промолчала.

— А съ вами сейчасъ разговаривалъ тоже художникъ?— съ блестящими глазками освѣдомилась Бланшъ.

— Этого господина я знавала въ Англіи.

— Но я увѣрена, что онъ художникъ, не такъ-ли? Какая прелесть его пиджакъ и шляпа! Только живописцы носятъ такіе!

— О, да!—смѣясь, отвѣтила Беатриса.

— Миссъ Гэмлинъ,—конфиденціально начала Бланшъ:—я отыскала въ этой комнатѣ портретъ молодого синьора Гвидотти. Вы видѣли?

— Нѣтъ!—Беатриса недоумѣвала.

— Вотъ онъ!—съ торжествомъ указала Бланшъ на Эндиміона,—неправда ли похожъ, какъ двѣ капли воды?

— Есть легкое сходство, — согласилась Беатриса, мелькомъ взглянувъ на фигуру [спящаго юноши-красавца и съ

облегченіемъ замѣтивъ вдали приближающуюся фигуру строгой тетки Бланшъ.

— Ахъ, вонъ и тетя!—шепнула племянница и, мотнувъ своей бѣлокурой головкой, моментально отвернулась отъ Беатрисы.

Беатриса снова попробовала приняться за прерванную работу, но на душѣ у нея было неспокойно и писанье не клеилось. Почувствовавъ утомленіе, она встала, чтобы расправить усталые члены. Передъ ея глазами опять мелькнулъ несносный бархатный пиджакъ и мягкая, войлочная шляпа.

— Устали сидѣть на одномъ мѣстѣ?—произнесъ Гэрри Плейдель:—пройдемтесь-ка лучше по корридору. Мнѣ хочется показать вамъ одну картину; вы, быть можетъ, ее не замѣтили, такъ какъ она виситъ въ тѣни и принадлежитъ кисти неизвѣстнаго художника,—но у меня особенная способность откапывать жемчужины, мимо которыхъ равнодушно проходить толпа. Тонъ картины изумительный: ярко-желтый, реальный. Честь и слава маэстро, написавшему ее!

— Идемте!—съ неожиданной рѣшимостью согласилась Беатриса,—въ галлерей у меня есть знакомый художникъ, съ которымъ я васъ познакомлю.

Плейдель заставилъ ее сперва полюбоваться ярко-желтымъ тономъ картины XV столѣтія, изображающей Преображеніе Господне; затѣмъ они направились къ галлерей, гдѣ за своимъ мольбертомъ сидѣлъ Гуго Вивальди и, повидимому, совершенно былъ поглощенъ своей работой.

— Синьоръ,—тихо обратилась Беатриса къ художнику:—если вы не чересчуръ заняты...

Гуго всталъ, сдержанно поклонился и серьезно отвѣтилъ:

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, синьорина.

Торжественный тонъ его заставилъ Беатрису улыбнуться: тотъ ли это обыкновенно добродушный и грубоватый Гуго? Тѣмъ не менѣе, она продолжала все такъ же официально:

— Позвольте вамъ представить мистера Плейделя, одного изъ моихъ товарищей по лондонской рисовальной школѣ.

Англичанинъ граціозно взмахнулъ широкополой шляпой надъ живописно взбитыми кудрями, а Вивальди, быстро окинувъ его взглядомъ, отвѣтилъ на поклонъ; Беатриса была увѣрена, что отъ него не ускользнула ни одна подробность изъ нѣсколько шутовской наружности Плейделя.

— Синьоръ говоритъ по-итальянски или нѣтъ?—освѣдомился Гуго на родномъ своемъ языкѣ.

— Увы!—съ отрицательнымъ жестомъ отвѣчалъ Плейдель,—у меня никогда не было случая изучить вашъ божественный языкъ, но я надѣюсь вскорѣ освоиться съ нимъ здѣсь!

— Боже, да онъ намѣренъ тутъ корни пустить! — въ ужасѣ подумала Беатриса. Гуго не отвѣчалъ, очевидно, считая разговоръ исчерпаннымъ. Молодая дѣвушка знала, что всякія церемоніи ему въ тягость, и что онъ не замедлитъ выдать себя.

— Но вы вѣдь говорите по-англійски? — съ очаровательной улыбкой освѣдомился Плейдель.

— Немножко... въ случаѣ крайней необходимости, — отрѣзалъ Гуго, снова садясь, помахивая кистью и стараясь скрыть возрастающее нетерпѣніе.

— Разрѣшите взглянуть на вашу работу! Тиціанъ? Ну, да, въ смыслѣ красокъ онъ великій мастеръ, но въ его твореніяхъ души нѣтъ. Вы вѣрно изучаете его краски?

— Я пишу эту картину по заказу, — грубо пояснилъ Гуго.

— Неужели же вы настолько унижаете свое искусство, что пишете картины, которыхъ не одобряете, исключительно ради наживы?

Вопросъ былъ, конечно, дерзкій; но Беатриса въ душѣ посмѣялась, при мысли, что Гуго не разъ читалъ проповѣди своему отцу на ту же тему.

— Но мистеръ Плейдель, — поспѣшила она вмѣшаться, — по счастью, эта картина одна изъ нашихъ любимыхъ! Она одинаково нравится и синьору Вивальди, и мнѣ.

Гуго взглянулъ на нее и смягчился. Беатриса почувствовала большое облегченіе, когда онъ обратился къ ней прежнимъ рѣзковатымъ тономъ:

— Почему вы не работаете, синьорина?

— Главнымъ образомъ, потому, что теряю время на разговоры съ вами, — съ веселымъ задоромъ отвѣчала она, — кромѣ того, мнѣ вообще сегодня не работается. Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.

Гуго всталъ и безпрекословно послѣдовалъ за Беатрисой. Долго стоялъ онъ передъ ея копіей и, наконецъ, сказалъ:

— Безобразіе! Придется уничтожить все, что вы сегодня наработали!

— Согласенъ ли онъ со мной насчетъ правой руки волхва? — не унимался Гэрри Плейдель; Гуго, какъ и всегда, говорилъ съ Беатрисой по-итальянски. При этомъ вопросѣ онъ рѣзко повернулся къ англичанину:

— Вы настолько любезны, что беретесь помочь синьоринѣ? Въ такомъ случаѣ я ухажу. У семи нянекъ ребенку плохо.

Беатриса не успѣла опомниться, какъ тяжелая дверь съ шумомъ за нимъ захлопнулась, и удаляющіеся шаги его гулко зазвучали по мраморному полу корридора.

Она сѣла, но настроеніе ея окончательно испортилось. Работа не налаживалась, присутствіе Плейделя раздражало ее... Разсерженная, кромѣ того, поведеніемъ Гуго, и не зная, что предпринять, она схватила кисть и начала яростно писать. Голосъ Плейделя снова раздался надъ ея ухомъ:

— До свиданія, пока, миссъ Гэмлинъ... Надѣюсь, что это пріятное свиданіе не послѣднее.

Беатриса насмѣшливо улыбнулась.

— Дайте мнѣ вашъ адресъ, — попросилъ неугомонный Плейдель.

Чтобы поскорѣе отвязаться отъ него, молодая дѣвушка назвала пансіонъ Больдъ.

Въ тотъ же вечеръ, за обѣдомъ, добродушный нѣмецъ-профессоръ испыталъ неожиданное потрясеніе: вмѣсто обычнаго, безмятежнаго отвѣта на его неизмѣнный вопросъ, Беатриса раздраженно отвѣтила:

— Нѣтъ, я испортила свою картину.

Готовая появиться на губахъ добродушнаго старика улыбка такъ и застыла; онъ растерянно заморгаль и могъ только пробормотать:

— А... а... а...—и умолкъ. Съ огорченнымъ вздохомъ принялся онъ за фѣду, по всей вѣроятности размышляя о томъ, что характеръ женщины навсегда останется загадкой даже для нѣмца, профессора естественныхъ наукъ.

IV.

— Что съ тобой?—спросилъ старикъ Вивальди сына, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія Плейделя въ Palazzo Uffizzi,—ты на всѣхъ накидываешься словно дикій звѣрь!

Въ этихъ словахъ выразилось все безпокойство старика при видѣ перемѣны, подмѣченной въ сынѣ.

— Джемма переварила курицу, а салатъ, должно быть, валяла по полу!—проворчалъ Гуго, съ отвращеніемъ глядя на кушанья и придвигая стулъ къ столу.

— Обѣдъ какъ обѣдъ. У тебя ужъ не мигрень ли?

Гуго засмѣялся.

— Ты когда нибудь слыхалъ, чтобы я жаловался на мигрень? Но ты правъ, я сильно не въ духѣ. Со мной это бываетъ. Гдѣ Гвидо?

— Пошелъ къ нотаріусу подписывать контрактъ на квартиру. Сегодня съ нимъ серьезно говорить нельзя: онъ дурачится, какъ ребенокъ. Я думаю, что Строцци и Корсини не такъ гордятся своими дворцами, какъ Гвидо своей мастерской въ четвертомъ этажѣ.

— Мальчикъ правъ, онъ радъ своей независимости. А, вотъ и онъ!

Мимо окна быстро промелькнула стройная фигура юноши.

— Привѣтствую тебя, владѣлецъ четвертаго этажа! Что ты это притащилъ?

— Бутылку Орвиетто! — провозгласилъ Гвидо, бережно устанавливая ее на столъ, — надо spruzzare мои начинанія!

— И ознаменовываешь ихъ неразсчитливой тратой на дорогое вино? Или ты полагаешь, что за будущую твою славу нельзя выпить дешевенькаго Chianti?

Гвидо налилъ три стакана.

— Немыслимо! — возразилъ онъ, — слава будетъ, это неоспоримо. Я чувствую, что добьюсь ея, и не столько благодаря своему таланту, сколько потому, что я обязанъ выказать вамъ этимъ мою благодарность за вашу любовь и возню со мной. Мысль эта придастъ мнѣ силы и будетъ вдохновлять мои произведенія. Дайте руку, маэстро, и ты, Гуго. Пока, я благодарю васъ только на словахъ; но въ будущемъ надѣюсь доказать благодарность свою на дѣлѣ!

Гуго добродушно засмѣялся и потрепалъ юношу по плечу; но Андреа былъ, видимо, растроганъ: итальянцы страстные охотники до всякихъ сердечныхъ изліяній, а Гвидо, очевидно, говорилъ отъ души, хотя и высокопарнымъ слогомъ. Со слезами на глазахъ поднялся старикъ на ноги и отвѣтилъ тоже краткой рѣчью:

— Гвидо, пріемный сынъ мой, пью за твой успѣхъ! Желаю тебѣ счастья и славы до глубокой старости. Я буду молиться за тебя, пока не умру. Только, Гвидо, помни мой совѣтъ: не злоупотребляй бистромъ! Эта твоя слабость. Такую краску надо употреблять крайне осмотрительно и умѣренно.

Андреа осушилъ стаканъ и сѣлъ; ни одинъ изъ молодыхъ людей не улыбнулся при рѣзкомъ переходѣ отъ почувствованныхъ словъ къ краскѣ. Они видѣли, что голосъ стараго художника дрожить, какъ дрожить и его рука, ставя на столъ стаканъ.

— Но вы не совѣмъ покинете меня? — доврчиво спросилъ Гвидо; — позвольте мнѣ забѣгать къ вамъ за помощью и совѣтомъ? Не забывайте, что я вашъ сынъ, не отказывайтесь отъ меня! Я вѣдь еще сильно нуждаюсь въ вашей поддержкѣ!

— Мы и не думаемъ отказываться отъ тебя! — ласково возразилъ старшій Вивальди, — приходи, когда вздумается, мы всегда будемъ тебѣ рады. Совѣты мои тоже къ твоимъ услугамъ, если ты дорожишь ими, но... ты былъ ужасно упрямъ, Гвидо, насчетъ бистра!

На этотъ разъ Гвидо разсмѣялся.

— Виновать, но обѣщаюсь исправиться. Скажи мнѣ, Гуго, ужъ не купить-ли мнѣ бархатный пиджакъ и широкополую sombrero, чтобы быть похожимъ на артиста, какъ тотъ англичанинъ, что знакомъ съ нашей синьориной?

Лицо Гуго омрачилось и онъ проворчалъ что-то невнятное; но Гвидо продолжалъ, словно не замѣчая:

— Миссъ Грей рассказывала мнѣ сегодня, какъ онъ имъ надоѣдаетъ, въ особенности миссъ Беатрисъ: вѣчно торчитъ въ галлерей, критикуетъ ея работу и толкуетъ о будущихъ своихъ великихъ произведеніяхъ... Хочетъ тоже скопировать что-нибудь въ галлерей, но только еще ничего не выбралъ достойнаго его кисти. Бѣдная миссъ Гэмлинъ!

— Почему же бѣдная?—спросилъ Гуго.

— Потому что она его терпѣть не можетъ. Писать онъ умѣетъ такъ же прекрасно, какъ любой котъ концомъ своего хвоста, за то мнѣнія о себѣ необычайно высокаго! Словомъ, настоящій англичанинъ. Синьоринамъ онъ надоѣлъ до тошноты.

— Ты видалъ его?—оживился Гуго.

— Какъ же! Его костюмъ сталъ посмѣшищемъ всего рода! Я и пошелъ сегодня въ Уфицци, съ спеціальной цѣлью поглядѣть на него. Онъ торчалъ по обыкновенію на подмосткахъ, воалъ миссъ Гэмлинъ; она познакомила насъ и шепнула мнѣ: „уведите его! Я не могу работать, когда онъ торчитъ у меня подъ бокомъ!“ Я и утащилъ его въ другую комнату, хотъ онъ и упирался. Кстати, гдѣ же ты былъ, Гуго? Я тебя не видалъ.

— Я не былъ тамъ сегодня.

Гвидо приподнялъ кверху брови; Андреа съ безпокойствомъ взглянулъ на сына. Ужъ вѣрно Гуго боленъ, если не работаетъ!

— Ну-съ, а какъ же вы провели время съ синьоромъ Плейделемъ?—рѣзко спросилъ Гуго: его раздражало безмолвное недоумѣніе отца и Гвидо.

Послѣдній заемѣлся.

— Мы отправились по галлерейамъ, и онъ комично критиковалъ и попадалъ пальцемъ въ небо. На меня просто страху нагналъ своими безапелляціонными сужденіями. Наконецъ, мы остановились передъ Венерой Ботичелли. Я всегда неособенно любилъ эту Венеру, а теперь я ее просто ненавижу!

— Должно быть, мистеръ Плейдель одобрилъ ее?

— Впалъ въ восторгъ неописанный. Приподнялся на цыпочки, склонилъ головку на бокъ и началъ говорить стихами. Всплескивалъ руками и билъ себя въ грудь. Я сначала молча наблюдалъ за нимъ, а потомъ не выдержалъ и

сказалъ: „вась смущаетъ ея поза, синьоръ? Я самъ всегда боюсь, какъ бы она не упала: ишь вѣдь стоитъ на самомъ краю раковины!“ Онъ обдалъ меня презрительнымъ взглядомъ и спросилъ, неужели я не понимаю, что картина заключаетъ въ себѣ аллегорію? Я сознался, что слыхать про аллегорію слыхалъ, но никакъ въ толкъ не возьму, въ чемъ она заключается,—и обратился за разъясненіемъ непосредственно къ нему самому. Онъ отвѣчалъ, что понимать мало, надо ощущать... Я придрался къ буквальному значенію слова и выразилъ сожалѣніе, что сторожъ не позволитъ мнѣ трогать картину руками. Тутъ ужъ онъ окончательно задралъ носъ и отказался вразумлять меня. И мы разстались.

— Ты ужасно деракій юноша!—засмѣялся Гуго,—отецъ, дай я положу тебѣ еще кусокъ курицы: она очень вкусна!

— Che-e!—воскликнулъ Андреа, и черные глазки его блеснули изъ-подъ нависшихъ бровей:—значить, не совсѣмъ переварила ее Джемма?

— Я ухожу!—заявилъ Гвидо, вставая изъ-за стола,—загляну сегодня въ клубъ... Не зайти-ли мнѣ мимоходомъ въ пансіонъ Больдъ, Гуго? Не пойдутъ-ли синьорины завтра вечеромъ гулять?

— Какъ хочешь,—сказалъ Гуго, но на душѣ у него стало необыкновенно легко. Не далѣе какъ утромъ, онъ обвинялъ себя въ томъ, что слишкомъ навязываетъ свое общество молодой англичанкѣ и рѣшилъ положить конецъ прогулкамъ, которыя они предпринимали каждое воскресенье. Это было умѣстно, говорилъ онъ самъ себѣ, пока у нихъ не было во Флоренціи болѣе близкихъ друзей, чѣмъ онъ, его отецъ и Гвидо; но теперь вполне понятно и естественно, что онѣ предпочитаютъ общество своего соотечественника и стараго знакомаго. Непосредственно, положимъ, за этимъ разсужденіемъ послѣдовалъ припадокъ ярости, и бѣдному Плейделю за глаза порядкомъ таки досталось! Гуго обозвалъ его мысленно обезьяной и шуткомъ, и вообще не жалѣлъ для него самыхъ лестныхъ эпитетовъ. Теперь уже въ его чувствахъ произошла моментальная перемѣна: онъ уже относился къ Плейделю съ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ, а негодовалъ и злился лишь на самого себя.

„Сидѣлъ дома, какъ дуракъ,—ругалъ онъ себя,—а ее, бѣдную, отдалъ на съѣденіе этой глупой мартышкѣ! И вчера хорошъ я былъ, когда огрызался на нее на каждомъ шагу! Ахъ Гуго Вивальди, ты просто злой, неотесанный болванъ!“

— Иди, иди, Гвидо! куда собирался!—громко сказалъ онъ.

— До свиданія!—весело крикнулъ Гвидо съ порога.

— Скучно намъ будетъ безъ малаго!—замѣтилъ Андреа Вивальди, зажигая толстую сигару и располагаясь въ креслѣ

поудобнѣе, чтобы отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ,—я, по крайней мѣрѣ, привыкъ къ его проказамъ и мнѣ будетъ не доставать ихъ. Скучно въ домѣ безъ молодежи, неправда-ли, Гуго?

— Онъ не за тридевять земель отъ насъ уѣзжаетъ. Что же касается до молодежи, то и мои волосы еще не убѣлены сѣдинами!—возразилъ Гуго, спуская на лобъ прядь темно-каштановыхъ кудрей и скашивая глаза съ цѣлью увидеть ихъ.

— Ну, тебѣ ужъ за тридцать перевалило!.. Не коси такъ глаза, Гуго!.. А многіе женятся раньше двадцати пяти лѣтъ.

— Дураки!—рѣшилъ Гуго.

— Я женился на твоей матери двадцати семи лѣтъ, Гуго!

— Твое счастье, отецъ. Но... я до сихъ поръ не встрѣчалъ ни одной женщины, которая походила бы на мою мать.

— Есть же на свѣтѣ хорошія! Присмотрись. Что ты скажешь о дочери Берлети, напримѣръ? Полленькая, ясноглазая вострушка съ прелестной улыбкой...

— Черезъ десять лѣтъ растолстѣетъ до того, что перестанетъ двигаться!—съ отвращеніемъ перебилъ Гуго.

— А Джулія Панни? Она худенькая, съ хорошимъ приданымъ!

— Съ ней умрешь отъ скуки.

— Она просто робѣетъ въ твоемъ присутствіи! Женись, и сразу увидишь въ ней перемѣну.

— Рискъ слишкомъ великъ!

— Да ты ни одной дѣвушки не узнаешь хорошо до свадьбы,—потому что совсѣмъ въ обществѣ не бываешь!

— Не желаю. Каждая маменька видитъ во мнѣ жениха, и раньше чѣмъ познакомить меня со своей дочерью, завѣшиваетъ всѣ выгоды и невыгоды брачнаго союза со мной. Спасибо!

— Упрямый осель! — вскипѣлъ вдругъ старикъ,—ну, такъ и живи одинъ, пока не впадешь въ дѣтство и сдуру не женишься на своей кухаркѣ или натурщицѣ, какъ старый Джакомо Форли. Прекрасно она съ нимъ обращается, нечего сказать! Дошло дѣло до того, что онъ не знаетъ, въ правѣ ли считать свою голову собственностью. Кстати, и натурщицы лишился, а вмѣсто нея приобрѣлъ сварливую жену, отравляющую ему послѣдніе годы жизни. То же и съ тобой будетъ, вотъ увидишь!

— Не будетъ!—невозмутимо отвѣчалъ Гуго, покуривая сигару.

— А дѣтки, Гуго?!—продолжалъ старикъ, поглаживая колѣни и съ мольбой глядя на сына,—рѣзвились бы вокругъ тебя милыя крошки, ласкали бы тебя, называли бы папой... Ты всегда любилъ даже чужихъ дѣтей, а своихъ-то...

Лицо Гуго смягчилось.

— Я не говорю, отецъ, что избралъ для себя лучшую долю, но... такова, значить, судьба!

Старикъ продолжалъ потирать колѣни и шепталъ: „Nonno! nonno!“ (по-итальянски: дѣвушка).

Сердце Гуго сжалось. Онъ подошелъ къ отцу и ласково положилъ ему руку на плечо.

— Желалъ бы я, ради тебя, отецъ, осуществить твою мечту, но...

Но минутная слабость Андреа уже миновала; онъ снова разсердился и страхнулъ съ плеча руку сына.

— Какъ ты великодушенъ! Пожалуйста, не стѣсняйся изъ за меня. Прелестно, когда молодой человѣкъ съ постной фізіономіей говоритъ своему отцу: „и радъ бы для тебя жениться, да не могу!“ Скоро ты и курить, и пить вино будешь исключительно въ угоду мнѣ!

Гуго пожалъ плечами и вернулся на свое мѣсто.

— Я начинаю подозрѣвать тебя въ несчастной любви! — вспылить отецъ.

— Ты лучше примись за Гвидо, — посовѣтывалъ Гуго, не обращая вниманія на послѣднія слова отца, — онъ изъ тѣхъ, которые рано женятся.

— Славный выйдетъ отецъ семейства изъ этой мартышки! А по моему, ты похожъ на человѣка, который страдаетъ отъ несчастной любви, слышишь ты?

Онъ повторилъ эту догадку въ насмѣшку надъ сыномъ, потому что злился на него и рассчитывать разсердить его, но никакъ не подозрѣвалъ, насколько онъ недалекъ отъ истины.

— Слышу! — откликнулся Гуго, поднимая голову и съ вызывающимъ видомъ глядя на отца, — мысль эта дѣлаетъ тебѣ честь. И къ кому же, по твоему, я питаю роковую страсть?

— Къ своей картинѣ, можетъ быть, почему я знаю! Женщинъ ты почти не видишь, Богъ тебя пойметъ! За этотъ мѣсяцъ ты только и говорилъ, что съ Джеммой, да съ нашими синьоринами...

И вдругъ, при послѣднихъ словахъ, старика какъ громомъ поразило: что-то въ лицѣ Гуго навело его на слѣдъ, и онъ мгновенно все понялъ! Холодный потъ выступилъ по его тѣлу, слова замерли на губахъ и онъ простеръ къ сыну дрожащія руки:

— Гуго, сынъ мой! — пробормоталъ онъ упавшимъ голосомъ.

Гуго почувствовалъ къ нему смутную жалость, но ни слова не сказалъ. Всего только нѣсколько дней тому назадъ онъ и самъ-то понималъ, что съ нимъ творится, а теперь чужая рука неосторожно коснулась его раны...

Андреа испугался дѣйствія своихъ словъ, когда увидѣлъ, что сынъ смертельно поблѣднѣлъ. Онъ схватилъ его руку и прижалъ ее къ своей груди.

— Гуго, скажи мнѣ хоть одно слово! Сынъ мой, я вѣдь не могъ знать... ахъ, я оселъ! ахъ, дуракъ старый! Я ровно ничего не подозрѣвалъ!

— Я понимаю это, отецъ.

Гуго уже поборолъ свое волненіе и говорилъ обычнымъ, твердымъ голосомъ.

Безпокойство Андреа нѣсколько поулеглось, и любопытство, полное сочувствія и страха, взяло верхъ надъ другими чувствами.

— Любишь ее? Лучше бы ты прямо влюбился въ одну изъ Мадоннъ въ церкви!

— Это вѣрно.

— Сынъ мой... а можетъ быть, я ошибаюсь... она отвѣчаетъ тебѣ?

Гуго подскочилъ какъ ужаленный.

— Она ничего не знаетъ! Какъ могъ ты вообразить!..

— И ты смиренно, молча страдаешь?

Гуго передернуло.

— Могу ли я не страдать, когда болятъ зубы?

— Тебѣ будетъ нелегко! — покачалъ головой старикъ.

— Лучше вѣкъ терпѣть, чѣмъ вдругъ умереть! — былъ рѣзкій отвѣтъ, — равнодушіе ея я переношу, но презрѣніе ея убьетъ меня. А съ моей стороны было бы подло открыть ей мои чувства. Она на чужбинѣ, у нея здѣсь нѣтъ ни защитниковъ, ни покровителей; она надѣется на самое себя, да еще довѣряетъ намъ, нашимъ совѣтамъ... Мыслимо ли мнѣ надождать ей любовью при существующихъ условіяхъ?

Андреа съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на сына.

— Да, да, ты правъ, — если ты только вполнѣ увѣренъ... Но...—старикъ задржалъ на креслѣ,—почему ты такъ увѣренъ Гуго, что она не раздѣляетъ твоего чувства?

— Ахъ, какая я ей пара!

— Чѣмъ же ты не женихъ? — обидчиво сказалъ Вивальди, съ гордостью оглядывая статную фигуру сына, — чѣмъ ты плохъ?

— Не въ томъ дѣло. Но я считаю постыднымъ нарушить ея душевный покой моими сердечными изліяніями. Неужели ты думаешь, что я бы не догадался, если бъ она питала ко мнѣ болѣе нѣжное, чѣмъ дружба, чувство? Я не такъ ужъ тупъ.

— Положимъ!.. — съ видомъ мрачной покорности проворчалъ старикъ, — ты не бойся, я вмѣшиваться въ твои дѣла не стану...

— Ну и будемъ считать разговоръ исчерпаннымъ! — сказалъ Гуго, усталымъ жестомъ проводя рукой по лбу, — только ты ужъ больше не приставай ко мнѣ съ Лизой Берлети и Джулией Панни! Не такъ ли, отецъ? — добавилъ онъ съ улыбкой, но Андреа въ отвѣтъ пробормоталъ что-то невнятное: онъ, видимо, былъ разстроенъ и недоволенъ.

V.

На другой день стояла великолѣпная погода, а во Флоренціи въ ясный солнечный день улицы кипать самой разношерстной публикой; конки биткомъ набиты: цѣлыя семьи отправляются за городъ.

Четверо друзей, весело болтая, отправились по дорогѣ къ Болоньѣ. Беатриса рада была видѣть Гуго въ обычномъ настроеніи, а не въ томъ странномъ состояніи, въ которое повергло его злополучное появленіе Гэрри Плейделя въ картинной галлерей. Она понимала, что онъ ревнуетъ ее къ англичанину, а потому и дуется, — но считала его ревность чисто профессиональной, зная, что Гуго не терпитъ вмѣшательства въ дѣла „его ученицы“ — какъ онъ привыкъ считать Беатрису. Ей хотѣлось объяснить ему, что ревность его неосновательна, что совѣты его, Гуго, не могутъ быть замѣнены для нея ничѣмъ другими; но она не желала дѣлать перваго шага къ примиренію. А теперь онъ, повидимому, взялся за разумъ — и слава Богу.

Беатриса сообщила ему зародившійся въ головѣ Эвелины планъ касательно самостоятельной квартиры.

— Примѣръ Гвидо заразилъ и насъ, — сказала она и улыбнулась юношѣ, который шелъ рядомъ съ Эвелиной.

— Поздравляю, синьорина! — отозвался тотъ, — чтобы узнать всю прелесть независимости, надо ее испытать на себѣ самомъ! Встанешь поздно, некому разбудить тебя; начнешь разводить огонь, онъ упорно отказывается горѣть, — ты весь въ поту и въ сажѣ; въ результатѣ наглотаешься холоднаго сырого кофе. За то независимъ!

— Боже мой! Все это вы претерпѣли сегодня? Послушаешь васъ, такъ перетрусишь заранѣе!..

— Но вѣдь у васъ, синьорины, будетъ прислуга. Кажется, есть подходящая квартирка въ Casa-San-Яасоро... Да вы, быть можетъ, ее знаете? Надъ входной дверью рельефъ Мадонны...

— Ахъ, какое прелестное мѣстечко! — воскликнула Эвелина, — мы часто имъ любовались.

— Только домъ въ довольно жалкомъ состояніи, — при-

бавиль Гвидо,—не лучше ли поискать прежде въ новыхъ кварталахъ, на Piazza Saviour или d'Azeglio?

— Ни за что на свѣтъ!—въ одинъ голосъ воскликнули молодыя дѣвушки.

— Въ такомъ случаѣ давайте завтра же осмотримъ помѣщеніе! — предложилъ Гуго.

— Въ пансіонѣ Больдѣ насъ, конечно, сочтутъ за сумасшедшихъ! — сказала, смѣясь, Эвелина.

— И меня возьмете съ собой? — спросилъ Гвидо.

— Какъ же обойтись безъ васъ! — отвѣтила Беатриса, — вы стали опытнымъ въ этихъ дѣлахъ. Вы проводите миссъ Грей изъ мастерской, а мы съ синьоромъ Вивальди вмѣстѣ выйдемъ изъ галлерей — и всѣ сойдемся въ Casa-San-Jacopo.

Они свернули на тропинку, которая ведетъ въ Fiesole, предпочитая окольную дорогу для возвращенія въ городъ.

Неподалеку отъ Badia сдѣлали привалъ.

Подъ ихъ ногами, справа, тихо струилась рѣчка Mugnone, на окраинѣ города впадающая въ Арно. Флоренція, съ ея стариннымъ соборомъ и многочисленными куполами церквей, раскинулась по обѣимъ сторонамъ рѣки и со всѣхъ сторонъ защищена была горами. Слѣва между ними вилась пустынная долина, гдѣ протекаетъ верхняя часть Mugnone.

— Эта долина особенно нравится мнѣ, — заявила Эвелина, — какая тишина, какая благодать вдали отъ человѣческаго муравейника!

— Не понимаю вашего вкуса! — возразилъ Гвидо, — печальная, мертвая мѣстность, что тутъ хорошаго?

— Вы врагъ всего печальнаго, Гвидо?

— Правда, синьорина, сознаюсь. Я молодъ и... хоть не всегда веселъ, но грустить не люблю.

Отправились дальше. Гуго и Беатриса, разговаривая, ушли впередъ.

У края дороги шла низенькая каменная ограда; Эвелина присѣла на нее и сказала:

— Я васъ печальнымъ никогда не видала, Гвидо...

— Да,—усмѣхнулся онъ,—стараюсь въ этомъ не грѣшить. А случалось ли вамъ, синьорина, чего нибудь страстно желать... и думать, что если бъ жизнь ваша сложилась иначе, желаніе ваше могло бы исполниться?..

Эвелина съ удивленіемъ взглянула на него.

— Я никакъ не думала, что вы недовольны своей жизнью, Гвидо.

— Я недоволенъ прошлымъ, синьорина!—съ горечью сказалъ юноша,—вы вѣдь знаете, что я ничто! А хотѣлъ бы быть „чѣмъ-нибудь“... Родныхъ у меня нѣтъ, я даже не знаю,—кто были мои отецъ и мать, кто далъ мнѣ имя! Большинству

людей воспоминанія дѣтства отрадны,—а во мнѣ онѣ вызываютъ лишь стыдъ.

— Бѣдность и сиротство—не позоръ, Гвидо,—ласково сказала Эвелина.

— Но не къ хорошему ведутъ!—вдохнулъ юноша,—ребенокъ я былъ гадкій, испорченный, шлялся, безпріютный, по улицамъ, выпрашивалъ милостыню и лгалъ. Помню, разъ я стащилъ съ лотка торговли каштановое пирожное,—та поймала меня, но я тотчасъ же навралъ ей, что укралъ для больной, умирающей матери... и она простила меня, добрая душа!—повѣрила, пожалѣла! А мнѣ ничуть не было совѣстно, напротивъ. Я убѣждалъ за уголъ и, посмѣиваясь, вонзилъ острые зубенки въ украденное пирожное. Если бы не Вивальди, изъ меня несомнѣнно вышелъ бы разбойникъ.

— Бѣдный мальчикъ! Бѣдное дитя!—прошептала дѣвушка.

— Вы жалѣете его?—радостно воскликнулъ Гвидо,—жалѣете замарашку, лгуна, воришку? Съ годами онъ сталъ умнѣе, сдержаннѣе, но... едва-ли лучше... Сколько разъ, изъ разсчета и личныхъ выгодъ, я лгалъ самому маэстро!

— Это, конечно, не похвально,—кратко замѣтила Эвелина,—но вѣдь вы сознавали, что дурно поступаете? У васъ натура не испорченная, иначе вы не могли-бы, послѣ такого прошлаго, возвыситься до...—она не нашла слова и покраснѣла.

— И вы вѣрите въ мою теперешнюю порядочность,—тихо спросилъ Гвидо.

— Да,—твердо отвѣтила она и встала.

Они пошли дальше въ молчаніи. Кажется, ничего особеннаго не было сказано между ними; а сердца ихъ трепетно бились, новый огонь загорѣлся въ глазахъ. Солнце такъ ярко свѣтило косыми лучами; какъ хорошъ міръ Божій!..

Разговоръ между другой парочкой былъ въ иномъ родѣ.

— Посмотрите, какое великолѣпіе!—сказалъ Гуго своей спутницѣ,—неправда-ли, какъ хороша наша Флоренція?

— Восхитительна!—горячо отозвалась Беатриса.

— А между тѣмъ, иные утверждаютъ, что Неаполь красивѣе.

— Неаполь ужасенъ! Онъ похожъ на красивую блудницу..

— А Римъ?

— Римъ это—городъ чудесъ. Только кто-то сказалъ, что тамъ въ воздухѣ носится запахъ крови... И это вѣрно. Надъ нимъ тяготеетъ атмосфера былыхъ преступленій и убійствъ...

— Значитъ, наша Флоренція болѣе всего пришлась вамъ по вкусу?

— Я ее люблю... да родной нашъ Лондонъ. Да, да, не изумляйтесь! Увѣряю васъ, что нашъ туманный Лондонъ милъ моему сердцу!

— Я прожилъ въ Лондонѣ недѣлю и яснаго солнышка не видалъ ни разу.

Она засмѣялась и оглянулась назадъ.

— Гвидо!—крикнула она приближавшемуся юношѣ,—если синьоръ Вивальди и я останемся еще минуту съ глазу на глазъ, то мы навѣрно поссоримся изъ-за Лондона! Идите къ намъ!

— Иду, синьорина!—Гвидо подошелъ къ ней со свойственной ему лѣнивой граціей,—о чемъ прикажете вести съ вами разговоръ?

— Хотя бы о вашей работѣ. Когда вы намѣрены приняться за картину?

— Скоро... Завтра!

— Вотъ какъ! Очень торопитесь написать ее?

— Желалъ бы поскорѣе. Все дѣло за сюжетомъ.

— Не придумали еще?

— Нѣтъ... Не можете-ли вы мнѣ?

— Сцену изъ Бокаччіо...

— Эпизодъ изъ отечественной войны,—предложилъ Гуго.

— А вы что посоветуете, синьорина?—обратился Гвидо къ Эвелинѣ. Та вдрогнула. Въ воображеніи ея рисовалась картина: маленькій, бездомный оборвышъ, брошенный на произволъ судьбы въ городѣ...

— Я бы взяла сцену изъ собственной жизни...—робко намекнула она. Онъ понялъ и взглядомъ поблагодарилъ ее.

Подъ конецъ прогулки разговаривали почти исключительно Гуго съ Беатрисой. Гвидо и Эвелина погружены были въ свои думы.

Когда молодыя дѣвушки очутились вдвоемъ въ своей комнатѣ, Беатриса взглянула на подругу и ахнула отъ восхищенія:

— Какая ты красавица, Эвелина!

— Неужели?—Эвелина вспыхнула и побѣжала къ зеркалу,—я рада... очень рада, что я красива!—сказала она, вся сіяя счастьемъ.

VI.

На другой день, около трехъ часовъ, Эвелина бросила кисти и, надѣвая на ходу шляпу, сказала старому маэстро:

— До свиданія, дорогой учитель! Меня навѣрно уже ждутъ въ Santosoro.

— Я думалъ, что и Гвидо пойдетъ съ вами?

— Я сама такъ думала, да видно заработался и забылъ.

— Я васъ провожу.

— Что вы, дорогой маэстро! Къ чему вамъ терять время изъ-за меня.

— Я еще раньше намѣревался идти,—сурово отрѣзалъ онъ, взявъ шляпу и накинулъ плащъ,—немыслимо вамъ, дѣтямъ, самимъ выбрать квартиру. Вы увлечетесь какимъ-нибудь дурацкимъ окномъ или дверью, откуда открывается живописный видъ, и наймете вонючую или сырую нору.

Эвелина засмѣялась, вспомнивъ эпизодъ съ клѣтчатымъ платкомъ, и выразила старому живописцу благодарность за его заботы.

Беатриса и Гуго поджидали ихъ въ улицѣ Santocoro.

Надъ дверями дома рельефъ, della-Robbia, изображалъ Благовѣщеніе.

— Madonna будетъ благословлять насъ при выходѣ изъ дома и при возвращеніи!—замѣтила Эвелина.

Старуха-привратница, сгорая отъ любопытства, принесла ключи отъ пустой квартиры.

— Пожалуйте, синьорины! Осторожнѣе поднимайтесь по темной лѣстницѣ... Воздухъ наверху, разумѣется, свѣжѣе... Ну вотъ...—она, тяжело дыша, остановилась передъ дверью и принялась возиться съ заржавленнымъ замкомъ. Дверь отворилась, и посѣтителы вошли въ маленькую переднюю, слабо освѣщенную крошечнымъ окошечкомъ. Изъ передней выходили двѣ двери,—одна въ кухню, другая въ большую комнату въ два свѣта, тянущуюся въ длину всего этажа.

Беатриса съ удовольствіемъ замѣтила, что изъ оконъ передняго фасада открывается видъ на рѣку; а съ другой стороны виднѣются верхушки деревьевъ садовъ Boboli.

— Какой чудный карнизъ!—восторгалась Эвелина, разглядывая гирлянду изъ цвѣтовъ и фруктовъ, окаймлявшую стѣны.

— А паутину можете употребить на занавѣски!—брезгливо проворчалъ Андреа Вивальди.

Старуха обидѣлась.

— Паутина? Эка важность, подумаешь!—проворчала она и съ азартомъ принялась смахивать пыль передникомъ, такъ что посѣтителы шарахнулись отъ нея,—не чистить-же мнѣ комнаты для привидѣній!

— И видно, что вы съ этимъ народомъ не церемонитесь!—замѣтилъ Андреа.

— Привидѣнія?—повторила Эвелина.

— Это я такъ сказала, милая барышня! Никакихъ привидѣній нѣту, Богъ миловалъ. Пустая квартира, вотъ что я разумѣю. А уберете ее, да принарядите, чистый дворецъ выйдетъ! До васъ жила здѣсь актриса,—богатое убранство было у нея! Ужъ и кутила-же она, сердечная!

— Не смѣйте рассказывать о кутежахъ вашей актрисы!— свирѣпо прикрикнулъ на нее Андреа,—или не видите, что къ вамъ пришли двѣ порядочныя дѣвушки, благовоспитанныя, изъ хорошей семьи? Какое имъ дѣло до вашихъ безпутныхъ кутилъ?

Старуха тоже разсердилась.

— Не умрутъ ваши синьорины,—огрызнулась она,—коли узнаютъ, кто жилъ здѣсь раньше! Чего вы, въ самомъ дѣлѣ, лаетесь? Актриса была хорошая барыня, добрая, пѣла какъ ангелъ небесный... Красавица была... Стоило бы ей захотѣть, и герцога...

— А еще комнаты есть?—перебилъ ее Гуго.

— Конечно, есть. Но, можетъ быть, синьоръ не всѣ паутинны сосчиталъ въ этой?—сѣзвила она по адресу Андреа,—тамъ еще двѣ комнаты. Чудныя комнаты обѣ. Синьоринамъ навѣрно понравятся.

— Это ужъ предоставьте намъ судить!—снова обрѣзалъ ее старикъ Вивальди,—вы, что-ли, хозяйка квартиры?

— Вы шутите, синьоръ! Домъ принадлежитъ графу Кавелли!

— Ну, такъ я съ графомъ спихнусь обѣ условіяхъ,—проворчалъ Андреа.

— Кто тутъ еще живетъ?—освѣдомился Гуго.

— Въ нижнемъ этажѣ живу я сама и отдаю половину квартиры почтенному семейству Судди; самъ Судди собачій художникъ.

— Какъ? Кто?—въ одинъ голосъ спросили Эвелина и Беатриса.

— Собачій художникъ, синьорины!—повторила старуха, дѣлая въ воздухѣ проворные знаки пальцами, на подобіе стригущихъ ножницъ.

— Вѣрно стрижетъ собакъ, превращаетъ пуделей и болонокъ въ львовъ!—догадался Гуго.

— Неужели-же этой профессіей можно прокормить себя и семью?—съ изумленіемъ спросила Беатриса.

— Понятно, можно, синьорина! Судди мастеръ своего дѣла. По праздникамъ онъ зарабатываетъ отъ 10 до 12 франковъ. Въ ясный день его всегда можно видѣть на набережной: онъ посадить собаченку на низенькіе каменные перила и обкарнаетъ какъ слѣдуетъ. А кругомъ народъ ждетъ очереди.

— Ну, а кромѣ этого артиста, кто еще живетъ въ домѣ?—справился Гуго.

— Въ первомъ этажѣ живутъ Геноцци, тоже хорошіе жильцы, только немножко носъ задираютъ. У самого Геноцци большая бронзовая мастерская; два старшихъ сына работаютъ при немъ. Иностранцы часто посѣщаютъ его мастерскую.

— Значить, надъ Геноцци будемъ помѣщаться мы, а подъ ними?..

— Луиджи Барри и его сестра. Онъ писецъ, а она кружевница.

— Все, кажется, народъ порядочный,—замѣтила Эвелина.

— Да развѣ графъ пуститъ къ себѣ непорядочныхъ жильцовъ?—сказала съ достоинствомъ старуха,—прошлый разъ когда онъ меня видѣлъ, онъ и говоритъ: Монна Сибилла...

Но слушателямъ не суждено было (по крайней мѣрѣ на этотъ разъ) — узнать, что именно сказалъ графъ Кавелли Моннѣ Сибиллѣ: явился запыхавшійся Гвидо и закричалъ.

— Вы еще тутъ? Здравствуйте, синьорины! Осматриваете помѣщеніе?

— Почему вы такъ опоздали?—спросила Беатриса.

— Простите... время забыть... Я нашелъ сюжетъ для своей картины!—радостно объявилъ онъ Эвелинѣ.

— Неужели, Гвидо? Разсказывайте скорѣе!

— Знаете фонтанъ въ видѣ кабана? Такъ вотъ мальчикъ прильнулъ къ его мордѣ и пьетъ; въ канавѣ играютъ другія дѣти; справа продавщица цвѣтовъ; въ глубинѣ, между колоннами рынка, продавцы соломы...

— Прелестъ! Цѣлая поэма.

— Идете вы, что ли?—окликнулъ ихъ Андреа, спускаясь по лѣстницѣ за Гуго и Беатрисой.

Получивъ отъ Беатрисы на чай, старуха довольно привѣтливо распростилась съ компаніей и долго смотрѣла съ порога ей вслѣдъ, защищая рукой глаза отъ яркаго солнца.

Послѣ продолжительной и подробной переписки съ графомъ Кавелли, Андреа Вивальди разрѣшилъ, наконецъ, молодымъ дѣвушкамъ занять квартирку въ San Jacopo; онъ же посоветовалъ имъ взять мебель на прокатъ,—чему Эвелина подчинилась, скрѣпя сердце. Въ квартиркѣ появился круглый столъ орѣховаго дерева, диванъ—далеко не располагающій къ отдыху; два кресла (передъ каминомъ), шесть неудобныхъ, съ хрупкими спинками, стульевъ и т. п.

— Беатриса, что за ужасъ!—воскликнула огорченная Эвелина, разглядывая обстановку.

— Такую мебель мы въ дѣтствѣ покупали для куколъ!—сказала Беатриса,—не набита ли и наша теперешняя опилками? Не превратится бы и намъ самимъ въ куколъ... Эвелина, можешь ли ты закрыть глаза сидя, или для этого тебѣ непременно надо лечь на спину? И вдругъ, кромѣ „папа“ и „мама“, мы не можемъ ничего выговорить?!

— У насъ даже игрушечнаго огня нѣтъ въ каминѣ!—вадригая отъ холода, замѣтила Эвелина,—а впрочемъ, все это ничего!—она почувствовала вдругъ новый приливъ энер-

гін,—завтра къ вечеру я разукрашу наше гнѣздо, ты и не узнаешь, когда вернешься! Мы съ Бетти выкажемъ чудеса изобрѣтательности!

Беттина доводилась двоюродной сестрой Джеммѣ, кухаркѣ Вивальди, и та рекомендовала ее молодымъ англичанкамъ. Служанка показалась на порогѣ кухни, красная и улыбающаяся, съ двумя чашками душистаго чернаго кофе въ рукахъ.

— Беттина, вы сущій ангелъ!—воскликнула Эвелина и принялась грѣть обѣ чашку свои озябшіе пальчики.

Служанка смущенно улыбнулась.

— А, можетъ быть, у васъ топится кухня?

— Понятно, синьорина!

— Посланница небесъ! Мы перейдемъ къ вамъ пить кофе!

— Пожалуйте, синьорины, тамъ теплѣе!

Ахъ, здѣсь много пріятнѣе и уютнѣе! — со вздохомъ сказала Эвелина, войдя въ кухню и осматривая незатѣйливую посуду на полкахъ. — Хоть бы вы намъ кое-что одолжили для украшенія, вотъ изъ этихъ хорошенькихъ вещицъ! — И она указала на глиняную утварь, разставленную на полкахъ.

Беттина засмѣялась, принявъ эти слова за шутку.

— Ну я чего-нибудь прикуплю завтра!..—задумчиво сказала Эвелина.

— Подумай, Эвелина, мы сегодня въ послѣдній разъ обѣдаемъ за табль д'отомъ въ пансіонѣ!—напомнила Беатриса, когда онѣ выпили по чашкѣ кофе.

„Безразсудное“ рѣшеніе молодыхъ дѣвушекъ, разумѣется, не обошлось безъ комментарій со стороны обитателей пансіона Больдъ. Миссъ Дугласъ случайно видѣла, какъ молодыя англичанки выбирали въ магазинѣ мебель и посуду, и сообщила объ этомъ знаменательномъ обстоятельстве мистрисъ Питманъ; та, сгорая отъ любопытства, подсѣла къ миссъ Бэттъ и, смягчая обычный рѣзкій тонъ, освѣдомилась о здоровьи мистрисъ Больдъ, хотя послѣдняя находилась тутъ же. Миссъ Бэттъ отвѣчала, что бѣдная, дорогая мистрисъ Больдъ схватила жесточайшій насморкъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ вышла на балконъ, не накинувъ даже платка. — Какъ жаль, — добавила она язвительно, — что люди, уже почтеннаго возраста, не берегутся и тѣмъ причиняютъ своимъ друзьямъ массу непріятностей и хлопотъ!

— Но, заключила она, со злобнымъ торжествомъ глядя на свою провинившуюся пріятельницу, — я знаю прекрасное лѣкарство, и недугъ какъ рукой сниметъ!

— Дорогая миссъ Бэттъ, — взмолилась простудившаяся особа изъ своего угла, — пожалуйста, не беспокойтесь изъ-

за моего насморка! Я поправляюсь и безъ лѣкарствъ. Признаюсь, терпѣть не могу лѣчиться.

— Хотите вы избавиться отъ простуды?—строго освѣдомилась миссъ Бэттъ, — или вамъ пріятно заразить весь домъ?

Послѣдній доводъ подавилъ слабый протестъ опекаемой.

Такъ на этотъ разъ любопытная мистрисъ Питманъ ничего и не узнала о „художницахъ“ и пустила слухъ въ пансіонѣ, что одна изъ нихъ выходитъ замужъ.

Въ результатѣ сплетенъ получилось то, что Бланшъ Гріерсонъ остановила Эвелину на лѣстницѣ.

Милая миссъ Грэй, разрѣшите мнѣ поздравить васъ! Я такъ, такъ рада за васъ!—она задыхалась отъ волненія.

— Поздравить меня?—въ недоумѣніи спросила Эвелина, — съ чѣмъ собственно?

— Вы не желаете пока разглашать это? Но всѣ уже знаютъ... и я давно объ этомъ догадывалась!

— Вы, должно быть, намекаете на то, что мы съ миссъ Гэмлинъ наняли себѣ отдѣльную квартирку? — сказала Эвелина, всетаки не понимая, почему этотъ фактъ приводитъ Бланшъ въ такой трепетный восторгъ.

— Значить, и миссъ Гэмлинъ поселится съ вами? Ну, конечно, ей было бы скучно безъ васъ! — не унималась романическая дѣвица.—Ахъ, вы навѣрно будете очень, очень счастливы! Какой онъ красавецъ! Вылитый Эндиміонъ.

Тутъ только Эвелина поняла, и яркій румянецъ залилъ ея лицо.

— Вы, должно быть, впали въ заблужденіе,—дрожащимъ голосомъ сказала она, — въ нашемъ переселеніи играемъ роль—только миссъ Гэмлинъ да я.

— О, миссъ Грэй! А я думала...

— Вы лучше ничего не думайте!—улыбнулась Эвелина, видя несомнѣнное и горькое разочарованіе на лицѣ Бланшъ,—я вамъ сказала сущую правду, а сплетнямъ не вѣрьте,—и она ушла, оставивъ Бланшъ на мѣстѣ, съ разинутымъ отъ удивленія и огорченія ртомъ.

VII.

Насталъ послѣдній вечеръ пребыванія Эвелины и Беатрисы въ пансіонѣ.

Послѣ обѣда, вопреки своему обыкновенію, молодыя дѣвушки остались въ общей гостиной. Мистрисъ Больдъ позволила къ себѣ Эвелину, усадила ее рядомъ съ собою и взяла ее за руку.

— Душечка моя,—застонала она, печально качая головой,—вѣрно мы не сумѣли угодить вамъ, а то бы вы не задумали сѣѣзжать! Если бѣ вы только сказали, въ чемъ дѣло, и я, и миссъ Бэттъ ничего бы не пожалѣли, только бы удержать васъ. Въ прошлое воскресенье я и сама очень разстроилась изъ-за куръ и сдѣлала выговоръ кухаркѣ за то, что онѣ были такіа жесткія...

— Увѣряю васъ, мистрисъ Больдъ, что дѣло вовсе не въ курахъ!—старалась успокоить ее Эвелина,—намъ было у васъ хорошо! Только намъ хочется жить самостоятельно...

— Понимаю, душечка! Васъ стѣснялъ нашъ педантичскій порядокъ... все въ назначенные часы!.. Если вамъ неудобно обѣденный часъ, то мы могли бы перемѣнить его...

— Вы забываете, мистрисъ Больдъ, — обидчиво перебила мистрисъ Питманъ,—что онѣ не однѣ жили у васъ! Я увѣрена, онѣ сами поймутъ, что въ пансіонѣ надо подчиняться общимъ правиламъ!..

— Мы и не думали протестовать! — оправдывалась Эвелина, а Беатриса обратилась къ хозяйкѣ:

— Прежде всего, вы сообразуйтесь съ вашими удобствами, мистрисъ Больдъ, а остальные приноруются.

— Гдѣ ужъ тутъ!—уныло махнула рукой хозяйка и вздрогнула, потому что вошла миссъ Бэттъ, отличавшаяся способностью врываться въ комнату какъ ураганъ. Замѣтивъ слезы на глазахъ хозяйки, она напустила на себя веселость.

— Ну какъ, миссъ Гэмлинъ, завтра покидаете насъ? Молодежь народъ безпокойный! Только надѣюсь, что вы не раскаетесь, когда будетъ уже поздно!

— Душечки!—воскликнула мистрисъ Больдъ,—если вамъ не понравится жить самостоятельно, то вы, безо всякой церемоніи, возвращайтесь! Мы всегда будемъ вамъ рады, неправда ли, миссъ Бэттъ?

— Ужъ не знаю, мистрисъ Больдъ! Недѣли черезъ двѣ у насъ навѣрно всѣ комнаты будутъ заняты! Ужъ сегодня справлялись, не освободятся ли которыя...

— Ахъ, Богъ мой! — всплеснула руками мистрисъ Больдъ,—но если имъ плохо будетъ на квартирѣ? Неужели же отказать? Развѣ что вотъ займутъ всѣ комнаты... Ахъ, какъ трудно на всѣхъ угодить!

Но молодя дѣвушки поспѣшили ее успокоить.

— Мы увѣрены, что заживемъ чудесно! Живутъ же другія...

— Увидимъ, увидимъ... — зловѣще произнесла миссъ Бэттъ.

— Станный кварталъ вы выбрали! — замѣтила мистрисъ

Питманъ,—мы сегодня съ миссъ Дугласъ прошли мимо вашей квартиры и изумились вашему выбору!

— Какъ вы добры, что такъ о насъ безпокойтесь, — сухо сказала Беатриса. Всѣ эти разговоры страшно ей надоѣли.

— Скучненько вамъ будетъ тамъ! — вмѣшалась миссъ Дугласъ, — трущоба! Двумъ каретамъ не разъѣхаться! Порядочныхъ людей не увидишь! Лихорадки, вѣрно, не переводятся!

— Бѣдняжечки мои! А у меня и изъ ума вонь! Ахъ, я дура!

— За что вы такъ браните себя, мистрисъ Больдъ?

— Да какъ же я не предупредила васъ объ оспѣ! Въ третьемъ году оспа свирѣпствовала по ту сторону рѣки! Ужъ въ точности не припомню, въ какомъ кварталѣ... Миссъ Бэгтъ, вы, вѣрно, помните, близко отъ San-Jасоро?

— Не особенно!...—съ неохотой отозвалась *правая рука* хозяйки,—около Porta Romana...

Эвелина и Беатриса съ облегченіемъ вздохнули.

Наконецъ, распростились онѣ со своими доброжелательницами и ушли къ себѣ.

Но испытаніямъ ихъ не насталь еще конецъ: въ дверь тихонько стукнули и вошла, чуть слышно ступая мягкими туфлями, миссъ Бланшъ.

— Тсс...—зашептала она, прикладывая палецъ къ губамъ, хотя никто не издалъ ни звука,—мнѣ страшно достанется, если тетя узнаетъ, что я здѣсь...

— Такъ не лучше-ли не входить, если ей это не нравится?—замѣтила холодно Беатриса.

— Но мнѣ хочется проститься съ вами... сказать, какъ мнѣ жаль, что вы уѣзжаете... Какъ скучно будетъ безъ васъ!...

— Мы такъ рѣдко видѣлись съ вами... Почти не разговаривали...

— Но я хоть издали любовалась вами!

Эвелина засмѣялась; она вспомнила, какъ надоѣдалъ и ей, и Беатрисѣ пристальный, восторженный взглядъ назойливой дѣвицы Гріерсонъ.

— Ахъ, какая поэтичная фантазія пришла вамъ въ голову!—захлебываясь, сказала Бланшъ, опускаясь въ кресло.

— Ну, положимъ, поэзіи тутъ я не вижу!—улыбнулась Беатриса.

— А я васъ попрошу встать, миссъ Гріерсонъ, вы сѣли на мой бюваръ...—замѣтила насмѣшливо Эвелина.

— Да неужели? Ахъ, что я надѣлала!—Бланшъ вскочила какъ ужаленная, при чемъ листы почтовой бумаги и конверты градомъ посыпались на полъ.—Позвольте, я подберу... А теперь мнѣ, пожалуй, пора уходить... До свиданья, миссъ Грэй!

Къ крайнему своему смущенію, Эвелина попала въ объятія своей поклонницы, оросившей ея лицо слезами умиленія.

Беатриса же категорически протянула руку, которую восторженная дѣвица стиснула до боли.

Затворивъ дверь за посѣтительницей, Эвелина стерла съ лица слѣды ея слезъ и сказала:

— Должно быть, я безчувственное созданіе, что не могу умиляться и восторгаться!

Но Беатриса въ отвѣтъ только засмѣялась.

На другой день послѣ переѣзда на новую квартиру, Беатриса не узнала комнатъ: Эвелина сдѣлала ихъ уютными, благодаря гравюрамъ, фотографическимъ карточкамъ, полочкамъ съ книгами и цвѣтамъ.

Въ особенности цвѣты привели Беатрису въ восторгъ. Вазы и букеты оказались подношеніями Гэрри Плейделя, Гуго Вивальди и Гвидо.

Пообѣдавъ, подруги усѣлись погрѣться передъ каминомъ.

— Представь, Эвелина, какая-то дама хочетъ купить мою картину...—неожиданно сказала Беатриса.

Эвелина отвѣтила вопросительнымъ взглядомъ, ожидая дальнѣйшихъ разъясненій: она ясно видѣла, что Беатриса чѣмъ-то недовольна.

— Какая-то нѣмецкая баронесса...—неохотно продолжала Беатриса,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ она купила у Гуго нѣкоторыя изъ его копій. Теперь она просила его написать для нея ту самую Mantegna, которую копирую я, а онъ отказался, мотивируя отказъ недостаткомъ времени (вздоръ какой!), и посоветовалъ ей взглянуть на мою копію... Удивляюсь!..

Эвелина поняла.

— Въ этомъ поступкѣ выразилась его доброта,—тихонько замѣтила она.

— На что мнѣ нужна его доброта!—нахмурила брови Беатриса,—и его работы продаются не нарасхватъ, такъ нечего ему покровительствовать другимъ...

— Артисты съ возвышенной душой всегда такъ поступаютъ, оттого вѣрно никогда не богатѣютъ.

Беатриса помолчала, затѣмъ съ раздраженіемъ сказала:

— Я не продамъ картины этой барынѣ!

— Ты обидишь Гуго, если откажешься отъ его дружеской услуги,—серьезно замѣтила Эвелина.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до его обидъ.

— Ты къ нему несправедлива, сердисься за его заботливость о тебѣ.

— Плохо же онъ меня знаетъ, если думаетъ, что, лишаясь заработка, доставляетъ удовольствіе мнѣ.

— Знаешь-ли онъ, что тебѣ извѣстно, кому предложеніе было сдѣлано впервые?

— Положимъ, нѣтъ... Синьора Габелли, которая рисуетъ неподалеку отъ него въ галлерей, слышала его разговоръ съ баронессой и передала мнѣ, воображая, что я страшно обрадуюсь!

Беатриса неестественно засмѣялась.

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю, за что ты въ претензіи на Гуго!..—пылко заявила Эвелина.

Беатриса, смущенная, снова засмѣялась, взяла съ камина букетъ, принесенный Гуго, и стала усиленно нюхать его.

— Славный этотъ Гуго!..—говорила она, посмѣиваясь,— и чудакъ ужасный! Но мы, должно быть, созданы для взаимныхъ недоразумѣній! Съ самыми лучшими намѣреніями, мы дѣлаемъ другъ другу непріятности. Если бъ я не знала, что баронесса дѣлала первоначально заказъ ему, тогда дѣло другое... а теперь не могу!

— Охотно этому вѣрю...—задумчиво согласилась Эвелина.

Она не знала, что посоветовать, сознавая, что самолюбіе Беатрисы страдаетъ отъ неумѣстнаго великодушія Гуго, но въ то же время не понимала, почему бы отъ друга не принять услуги. Она попробовала еще разъ вступить за Гуго.

— Съ твоей стороны было бы великодушно исполнить его желаніе, это обрадовало бы его въ сто разъ больше, чѣмъ продажа дюжины его собственныхъ картинъ.

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія его радовать,—сухо отрѣзала Беатриса,—желаю только, чтобы меня оставили въ покоѣ, такъ какъ я не хочу никому обязываться.

— Въ такомъ случаѣ надо дѣйствовать начистоту, скажи ему, что ты знаешь, благодаря чему твоя картина можетъ продаться—и откажись отъ его великодушія! Только, пожалуйста, не принимай на себя оскорбленнаго вида!..

— Онъ поступилъ преглупо,—съ нетерпѣніемъ перебила ее Беатриса,—не спросивъ броду, сунулъ въ воду! Я обѣщала картину баронессѣ, и поставлена въ неловкое положеніе.

— Такъ принеси свою гордость въ жертву дружбѣ, и дѣло съ концомъ!

Беатриса нахмурилась.

— Поставь себя на мое мѣсто...

— Попробую. Знаешь, Беатриса, мнѣ кажется, что ты выпадаешь въ крайность, присущую многимъ англичанамъ: ты слишкомъ много значенія придаешь фунтамъ, шиллингамъ и пенсамъ.

— Какимъ это образомъ?

— Да какъ же, подумай, ты безпрекословно принимаешь отъ друзей все, что у нихъ есть лучшаго,—ихъ расположе-

ніе, совѣты, довѣріе, время, заботы, хлопоты, долготерпѣніе,—но лишь только дѣло коснулось денегъ (да еще самой пустяшной суммы, навѣрно!)—ты хорохоришься, оскорбляешься... и сама страдаешь!

— Съ чего ты взяла, что я сама страдаю?—придирчиво спросила Беатриса, пропуская мимо ушей болѣе серьезную часть обвиненія.

— Твое ясное чело, веселая улыбка и необычайно привѣтливое обхожденіе служатъ наилучшимъ доказательствомъ!

Беатриса засмѣялась.

— У тебя острый язычекъ, моя голубка!—попрежнему ласково сказала она,—но какъ бы то ни было, а коши своей я баронессѣ не продамъ!

— Охъ!—вдохнула Эвелина,—мнѣ суждено быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

VIII.

Не безъ внутренняго трепета приступила Беатриса на другой день къ объясненію съ Гуго Вивальди.

Если бъ кто-нибудь обвинилъ ее въ трусости, она, разумѣется, отреклась бы отъ всякаго чувства страха,—между тѣмъ, сердце ея ёкнуло вовсе не отъ радости, когда она увидала молодого Вивальди въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя на Ponte Vecchio; оправдательную рѣчь свою она подготовила заранѣе, но, не взирая на это, спуталась въ объясненіяхъ, и вдохнула съ облегченіемъ, когда онъ спокойно, безъ всякихъ видимыхъ признаковъ гнѣва или горечи, отвѣчалъ:

— Хорошо, синьорина, я такъ и скажу баронессѣ.

Она не смотрѣла на него, иначе могла бы замѣтить, что улыбка исчезла съ его лица и оживленіе во взорѣ погасло.

„Даже этой пустяжной услуги не хочетъ принять отъ меня“!—подумалъ онъ и вспомнилъ совѣтъ отца лучше ужъ влюбиться въ мадонну въ церкви.

— Простите, я не разслышалъ...—произнесъ онъ вслухъ,—вы говорите, я недоволенъ? Полноте! Какое имѣю я право быть недовольнымъ? Вы вольны распорядиться картиной по своему усмотрѣнію. Только мнѣ жаль, что вы упускаете случай выгодно сбыть ее.

Его спокойствіе пристыдило самолюбивую дѣвушку, она поняла, что придавала инциденту слишкомъ большое значеніе.

— Баронесса очень довольна будетъ,—вскользь замѣтила она,—что вы сами напишете картину.

— Я ее писать не буду.

— Но, синьоръ...

— Я уже сказалъ баронессѣ, что у меня времени нѣтъ.

— Она подождетъ, а вамъ работа будетъ по сердцу...

— Такъ вы поэтому только отказываетесь продать вашу копію?—спросилъ Гуго, взглянувъ прямо въ глаза.

— Нѣтъ,—отвѣчала Беатриса и потупилось.

— Я такъ и думалъ!—угрюмо проговорилъ Гуго.

— Чему же вы приписываете мой отказъ?—съ вызывающимъ видомъ спросила она.

— Я думаю,—съ разстановкой отвѣчалъ Гуго,—что въ васъ говоритъ гордость, а потому вы вчера на меня и обидѣлись.

— Обидѣлась? За вашу доброту?

— Вотъ именно. Вы приняли мое предложеніе за признакъ доброты и возмутились. Неужели вы думаете, я не замѣтилъ перемѣну въ вашемъ обращеніи (хотя вы и старались ее скрыть) послѣ вашего разговора съ синьорой Габелли?

— Вы очень проницательны!

Они уже поднимались по каменнымъ ступенькамъ въ картинную галлерею. Беатриса на минуту остановилась, чтобы перевести дыханіе; Гуго поджидалъ ее.

— А что же васъ побудило отказаться отъ работы, если не доброта?—неожиданно спросила она, глядя ему прямо въ глаза.

Онъ приводилъ ее въ недоумѣніе, такъ какъ она вовсе не этого ожидала.

— Я, право, не знаю... Но мнѣ кажется, что чувство мое можно назвать симпатіей... расположеніемъ!..

Она засмѣялась и пожала плечами, стараясь обратить его серьезныя слова въ шутку.

— Расположеніе? Ко мнѣ? Да вы вѣчно браните меня, и то не хорошо, и это не такъ.

— Я?—съ неподдѣльнымъ ужасомъ переспросилъ Гуго.

Беатриса окончательно развеселилась и бодро дошла до галлерей.

Изъ небольшого придѣла выскочилъ Гвидо, услыхавъ ихъ голоса.

— Съ добрымъ утромъ, синьорина! Гуго смѣшитъ васъ остротами?

— Самъ не понимая соли своихъ остротъ!—мрачно сказалъ Гуго,—а ты что тутъ дѣлаешь, Гвидо? Я думалъ ты на площади Меркато...

— Тамъ такъ холодно,—оправдывался Гвидо,—что у меня замерзли руки, и я не могъ работать. Тогда я вспомнилъ, что оригиналъ кабана находится въ галлерей; остальные фигуры я могу написать у себя въ мастерской,—а весной за-

кончу картину въ Меркато. Не правда-ли, синьорина, блестящая мысль?

— Безъ сомнѣнія!—иронически согласилась Беатриса,—вы вообще за себя и за свои удобства постоять сумѣете!..

Гвидо не замѣтилъ презрительной насмѣшки въ ея тонѣ, но Гуго тотчасъ-же обидѣлся за друга.

— Если бѣ онъ окончилъ, картина его не много-бы отъ этого выиграла.

— О, никакихъ бѣдствій ему не желаю! До свиданія, синьоры!..

Беатриса ушла къ своему мольберту, а Гуго замѣпкался около Гвидо.

— Къ апрѣлю ты думаешь кончить картину?—спросилъ онъ.

— И кончить, и продать!—засмѣялся жизнерадостный юноша,—къ тому времени фонды мои совсѣмъ изсякнутъ.

— Значитъ, будешь свободенъ, и примешься писать на медаль?

— Какъ?—переспросилъ Гвидо.

— Да, ты еще и не знаешь! Въ Римѣ на будущую зиму будетъ большая выставка. Маркизь Феррора предлагаетъ медаль и призъ тому изъ итальянскихъ художниковъ, кто напишетъ лучшую картину на выбранный имъ сюжетъ,—а объявятъ сюжетъ по всей вѣроятности въ мартѣ. Если тебѣ присудятъ медаль,—имя твое прогремитъ и ты станешь сразу извѣстнымъ.

— Ты съума сошелъ, Гуго! Если призъ не пустяшный, то всѣ наши лучшія силы примутъ участіе въ состязаніи. Какіе-же шансы имѣю я отличиться?

— Нешуточные, Гвидо!—съ убѣжденіемъ сказалъ Гуго,—ты самъ еще не сознаешь своей силы, потому и сомнѣваешься. Въ моихъ же глазахъ талантъ твой неоспоримъ. Знаешь, что Леопарди на прошлой недѣлѣ продалъ твои эскизы за 5,000 франковъ.

Гвидо вспыхнулъ.

— Мерзавецъ! А мнѣ не далъ за нихъ 700 франковъ!

— Я услышалъ объ этомъ вчера въ клубѣ. Кромѣ эскизовъ, онъ продалъ твою „Эмилию въ саду“ — не знаю, за сколько. Ты знаешь, что картина эта очень хороша.

— Да... картина недурна!—согласился Гвидо.

— Такъ не унывай. Приложи всѣ старанія. Даже если и приза не получишь, я ручаюсь, что твою картину замѣтятъ.

— А ты, Гуго, тоже будешь писать на медаль?

— Я? Куда мнѣ гоняться за славой! Устарѣлъ ужъ я...

— Вздоръ!—пылко перебилъ его Гвидо,—если ты не пошлешь картины на выставку, я тоже отказываюсь, слышишь?

— Ну, тамъ увидимъ. Много будетъ зависѣть отъ сюжета,— только у меня ничего не выйдетъ.— Съ этими словами Гуго ушелъ къ своей работѣ.

Гвидо задумался; Гуго вдохнулъ въ него смѣлую увѣренность въ свои силы. Онъ всегда мечталъ добиться славы, но не воображалъ, что можно однимъ могучимъ взмахомъ крыльевъ достичь ея; неужели Гуго правъ? Онъ такой серьезный человѣкъ, что, вѣроятно, говоритъ на основаніи твердаго убѣжденія! А какъ отнесется Эвелина къ его торжеству? Вѣдь тогда онъ, Гвидо Гвидотти, въ собственныхъ глазахъ будетъ имѣть право добиваться ея руки!..

У своего мольберта Гуго засталъ поджидавшую его нѣмецкую баронессу въ горячемъ препирательствѣ съ Беатрисой; у послѣдней видъ былъ разстроенный, въ глазахъ свѣтилось нетерпѣнье. Завидѣвъ Гуго, она попыталась было ускользнуть, но баронесса фонъ-Штурмъ удержала ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! На очную ставку, миссъ Гэмлинъ! Синьоръ Вивальди, потрудитесь вы объяснить мнѣ: въ чемъ дѣло. Молодая особа эта утверждаетъ, что не можетъ продать мнѣ свою картину, а вчера была согласна!

— Крайне сожалѣю, баронесса,—заговорилъ Гуго официальнымъ тономъ,—что я вчера ввелъ васъ въ заблужденіе; оказывается, что миссъ Гэмлинъ не торопится сбыть свою картину.

— Почему-же она сама вчера была иного мнѣнія?—раздражительно спросила баронесса,—охъ, ужъ эти мнѣ любительницы!—Ни съ того, ни съ сего мѣняютъ намѣренія! Помните мое слово, миссъ, съ вашими капризами прогадаете всегда и во всемъ!

Беатриса улыбнулась на эту дерзость, а Гуго взялся за кисть, въ видѣ тонкаго намека.

Баронесса отошла отъ нихъ.

Беатриса сдѣлала замѣчаніе по поводу ея грубости.

— Съ нею тоже не поцеремонились!—возразилъ Гуго, начиная работать.

— Значить, по вашему, она имѣла право такъ обойтись со мной?

— Право? Нѣтъ, но нѣкоторое оправданіе, конечно, имѣетъ.

— Я не переносу вашего авторитетнаго тона!—вспылила Беатриса.

— Зачѣмъ же спрашивать мое мнѣніе?

Послѣ нѣкотораго молчанія, молодая дѣвушка сдѣлала надъ собой усиліе и сказала:

— Очень жалѣю, что впутала васъ въ эту глупую исторію. Благодаря мнѣ, вы, можетъ быть, лишились заказчицы.

— Вы передо мной не виноваты. Я поступилъ опромет-

чиво, что самъ затѣялъ „глупую исторію“, какъ вы ее называете.

— О, Боже!—съ сарказмомъ воскликнула Беатриса,—значить, я выхожу суха изъ воды?

— Значить такъ. Я одинъ во всемъ виноватъ.

— Неужели всѣ виновные принимаютъ такой надменный видъ и свысока глядятъ на невинныхъ?

Гуго поглядѣлъ на нее и добродушно улыбнулся.

— Ну, хорошо, бросимъ это!—улыбнулась и она,—скажите мнѣ лучше вотъ что: чѣмъ могла я оскорбить вашего отца?

— Съ чего вы это взяли?

— Онъ послѣднее время поглядываетъ на меня искоса, вздыхаетъ, отворачивается... Ничего понять не могу!

Гуго принужденно разсмѣялся. Съ того памятнаго объясненія, въ поведеніи отца стало проглядывать много комичнаго трагизма, что было не особенно пріятно для самого Гуго. Нѣмое сочувствіе старика скорѣе раздражало, чѣмъ утѣшало сына, но слѣдять онъ ничего не могъ, и помѣшать старому отцу бросать безпокойные и пытливые взгляды на Беатрису—было не въ его силахъ.

— О, не думайте ничего худого!—отвѣтилъ Гуго,—у него недавно вышла маленькая непріятность, вотъ онъ и кажется такимъ разсѣяннымъ и страннымъ!—произнося эту ложь, Гуго отвернулся.

— Это пройдетъ!—добавилъ онъ смущенно.

— А вы, синьоръ, никакого отношенія не имѣете къ этой непріятности?—съ тревогой спросила Беатриса.

Силясь скрыть свое замѣшательство, онъ отвѣчалъ, какъ показалось Беатрисѣ, холоднымъ и принужденнымъ тономъ:

— Все, что огорчаетъ отца, разумѣется, непріятно и мнѣ (при этихъ словахъ онъ покраснѣлъ)—равно какъ мои неудачи заставляютъ страдать и его.

Беатрису отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ, а показался даже обиднымъ.

— Извините меня за нескромность,—сдержанно сказала она:—но меня побуждаетъ не пустое любопытство.

— Вы слишкомъ добры, синьорина, что принимаете наши дѣла такъ близко къ сердцу...

Молодая дѣвушка поспѣшила переменить разговоръ.

— Я цѣлое утро пролѣнилась!—сказала она, наблюдая за движеніями его кисти,—но въ моей Mantegna осталось всего на 2 часа работы, а новой картины я сегодня все равно не начну. Я хотѣла посоветоваться съ вами, на чемъ мнѣ теперь остановиться? А пока поучусь, глядя на васъ. Я вамъ не мѣшаю?

— Не мѣшаете, но съ однимъ условіемъ: не притягивать

къ моему мольберту вонъ того господина!..—онъ указалъ головой на Гэрри Плейделя, показавшагося въ глубинѣ корридора.

— Поздравьте меня!—закричалъ англичанинъ, немедленно подходя къ нимъ,—я получилъ разрѣшеніе снять копію съ картины „Преображеніе!“

Беатриса выразила свое удовольствіе по поводу постигшей его удачи.

Плейдель сіялъ какъ мѣдный тазъ.

— Сейчасъ же переговорю со сторожемъ и покажу, какъ ее поставить, чтобы болѣе выгодно освѣтить! Вы меня извините, что я такъ тороплюсь, миссъ Гэмлингъ, но вы сами художница и поймете мое волненіе!

Онъ исчезъ, а Гуго съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Онъ имѣетъ особенный талантъ раздражать меня. Что онъ собственно такое, синьорина?

— Недалекій чудакъ, больше ничего. Изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы оригинальничать и поражать своими идеями, взглядами, вкусами.

— Онъ ужъ того, въ порядкѣ-ли?—выразительно pokrutyть у лба пальцемъ Гуго.

— Какъ и всѣ мы, въ большей или меньшей степени!—смѣясь, сказала Беатриса,—но его рвеніе пристыдило меня, пойду работать!

IX.

Быль канунъ Рождества.

Младшій членъ семьи Геноцци, малолѣтняя Франческа, играла на лѣстницѣ, вопреки желанію своей родительницы, да еще въ обществѣ Джіусто Судди, мальчика нѣсколькими годами старше ея. По мнѣнію синьоры Геноцци, собачій художникъ не пара бронзовщику, и дружба между ихъ дѣтьми неумѣстна.

По счастью, дѣти не понимаютъ такихъ тонкостей, и Франческа, потихоньку отъ гордой мамыши, выбѣгала, при всякомъ удобномъ случаѣ на площадку лѣстницы къ своему пріятелю, поиграть съ нимъ или послушать его сказокъ.

Джіусто цѣнилъ дружбу Франчески, любилъ ея черные бархатные глаза, а главное—цѣнилъ въ ней усердную и восторженную слушательницу.

Крошечная малютка, сестренка Джіусто, за которой онъ обязанъ былъ присматривать, ползала тутъ-же у его ногъ и когда рисковала полетѣть съ лѣстницы, Джіусто хваталъ ее за подолъ и заставлялъ повернуться въ болѣе желательное направленіе.

— Расскажи мнѣ новую сказку, Джіусто!—потребовала Франческа Геноцци:—совсѣмъ новую, пойми, а не составленную изъ старыхъ кусочковъ! Твой „Продавецъ шляпъ“ похожъ на „Торговца каштанами“ и на „Принца съ индюкомъ“... Ты только въ иныхъ мѣстахъ измѣнилъ да перепуталъ! Только очень страшнаго не рассказывай!—она понизила голосъ и осмотрѣлась: зимнія сумерки быстро сгущались, съ верхняго этажа тускло свѣтило маленькое окошечко.

Джіусто нахмурилъ черныя брови и задумался.

— Слушай внимательно!—приказалъ онъ торжественно.

Франческа вся съежилась и прижалась къ нему поближе.

— Жила-была прекрасная принцесса,—началъ тономъ повѣствованія Джіусто,—волосы ея похожи были на солнечные лучи, а глаза...

— На темное озеро!—подсказала Франческа, видя, что онъ затрудняется подобрать сравненіе.

— Нѣтъ, они напоминали вечернее небо, и блестѣли какъ звѣздочки.

— Черные глаза красивѣе синихъ!—возразила Франческа.

— Ея глаза были очень красивы, и были синіе, разсиніе,—строго сказалъ Джіусто,—принцесса эта жила въ заморскихъ краяхъ, гдѣ царитъ вѣчная ночь и гдѣ люди не видятъ солнышка. Ее окружали злые, жестокіе люди, но сама она была добра какъ ангелъ и имѣла преданную подругу.

— Тоже принцессу?—освѣдомилась Франческа.

— Нѣтъ, она была просто знатная дама и обожала принцессу.

— Она тоже была красива?

Джіусто призадумался на минуту.

— Только когда улыбалась!—рѣшилъ онъ, наконецъ,—волосы у нея были черные, глаза каріе. Люди въ этомъ царствѣ холода и злобы ненавидѣли принцессу за ея доброту и ласковое обхожденіе, но убить ее боялись, такъ какъ она была дочь короля; они посадили ее въ лодку и пустили въ открытое море; подруга не пожелала разстаться съ принцессой и поѣхала съ нею. Королю сказали, что обѣ молодыя дѣвушки сбѣжали. Но королю было все равно: онъ только-что женился на второй женѣ и взрослая дочь мозолила ему глаза. Между тѣмъ, молодыя дѣвушки плыли три дня и три ночи, безъ ѣды, безъ питья, а на четвертый день пристали къ берегу и... какъ ты думаешь, гдѣ онѣ очутились?

— Опять въ царствѣ злости?—съ безпокойствомъ спросила Франческа.

— Нѣтъ, въ Италиі! Имъ такъ понравилось солнце, голубое небо, цвѣты,—все это онѣ видѣли въ первый разъ!—что онѣ сначала забыли и про голодъ, все шли, да шли, пока

принцесса не выбилась изъ силъ. Тогда подруга посовѣтовала ей прилечь и положить голову къ ней на колѣни, а сама заплѣла пѣсенку, чтобы поскорѣе усыпить принцессу.

— Что-же она заплѣла?—спросила Франческа, не терпѣвшая неточностей.

— Пѣсню своей родины. Я разъ слышалъ, какъ слѣпой наигрывалъ этотъ мотивъ на скрипкѣ, и спросилъ: что онъ играетъ? А онъ отвѣчалъ, что эта пѣсня называется „Годсевкинъ“... Я не понималъ, что это значитъ, но онъ пояснилъ, что за эту пѣсню иностранцы даютъ ему много денегъ. Ну, такъ вотъ, подруга принцессы все плѣла „Годсевкинъ“, пока принцесса не уснула. Во снѣ явилась ей Божья мать...

— Сказка вѣрно выйдетъ похожа на „Странствующую монахиню!“—предостерегла рассказчика Франческа.

— Ничуть не похожа!—разсердился Джіусто,—монахинѣ Божья мать велѣла вернуться назадъ въ монастырь, а принцессѣ приказала идти все прямо впередъ, пока не дойдетъ до города, а въ городѣ Пресвятая Дѣва сама укажетъ ей, въ какомъ домѣ поселиться, такъ какъ явится ей надъ самой дверью. Принцесса проснулась, рассказала подругѣ свой сонъ, и онѣ поступили, какъ велѣла имъ Дѣва Марія. Теперь онѣ во Флоренціи...

— Въ Casa San Jacopo!—съ испугомъ вскричала Франческа:—надъ нашимъ домомъ Пресвятая дѣва! Джіусто, значитъ принцесса *она*?—дѣвочка съ безпокойствомъ указала вверхъ по лѣстницѣ.

Джіусто убѣжденно кивнулъ головой и прибавилъ шопотомъ:

— Только, кромѣ насъ съ тобой, Франческа, никто не знаетъ, гдѣ она живетъ—и мы обязаны хранить ея тайну: ея земляки, если бъ провѣдали, пожалуй, явились бы убить ее. Могу сказать тебѣ еще вотъ что: за ней ухаживаетъ принцъ, но скрываетъ свое высокое происхожденіе, и про нее не знаетъ, что она принцесса. Если эта тайна обнаружится до ихъ свадьбы, то произойдетъ ужасное несчастье и судьба разлучитъ ихъ.

— А они обвѣнчаются когда-нибудь?—съ живѣйшимъ любопытствомъ спросила Франческа.

— Этого не знаю. Надѣюсь, что да, если только злые люди не откроютъ ея убѣжища и они сами не проболтаются другъ другу!

Пылкій мальчикъ, какъ истый сынъ юга, несомнѣнно наполовину вѣрилъ въ дѣйствительность своей фантастической исторіи; Франческа и подавно.

— А кто женится на ея пріятельницѣ?—спросила она.

— Не знаю... У нея жениха нѣтъ.

— Но, Джіусто, надо же и ей выйти замужа!

Джіусто нахмурился, отыскивая въ воображеніи жениха для „черной“, синьорины, но не успѣлъ этого сдѣлать: съ верхняго этажа смутно донеслись до дѣтей звуки пѣнія подъ гитару.

Дѣти вздрогнули.

— Это ангелы!—выразила догадку Франческа,—нынче сочельникъ, вотъ они и распѣлись въ честь Спасителя!

— Это принцесса!—тономъ глубочайшаго убѣжденія заявилъ Джіусто, сверкая глазенками.

— Поднимемся на верхъ и послушаемъ! Я хочу видѣть принцессу.

— Ты каждый день можешь видѣть ее на лѣстницѣ.

— Но я хочу ее видѣть сейчасъ и послушать, какъ она поетъ.

Джіусто принужденъ былъ уступить, такъ какъ въ голосѣ пріятельницы слышались уже слезы. Онъ посадилъ Пакиту къ себѣ на плечо (малютка привыкла, чтобы ее таскали, и въ старшемъ братѣ видѣла олицетвореніе своей судьбы) и, спотыкаясь подъ ея тяжестью, началъ взбираться вверхъ по лѣстницѣ; нетерпѣливая Франческа побѣжала впередъ.

Со страхомъ и трепетомъ миновала она квартиру Геноцци, слыша сквозь дверь, какъ Леонора, старшая сестра Франчески, моетъ полъ. Дѣти живо очутились у дверей третьяго этажа. О, радость! Она была открыта.

Никто не слышалъ, какъ они, чуть ступая, прокрались въ переднюю и жадными глазами впились въ полуоткрытую дверь гостиной: служанка только что собралась подать туда чай.

Незванные гости просто замерли отъ восторга, при видѣ того, что происходило въ комнатѣ: всякія сомнѣнія Франчески, да и самого рассказчика, насчетъ знатнаго происхожденія ихъ героини, исчезли навсегда.

Комната была освѣщена двумя розовыми лампами; стѣны утопали въ зелени, въ воздухѣ носился запахъ цвѣтовъ. У весело потрескивающаго камина размѣстились: двѣ молодыя англичанки, оба Вивальди, Гвидо и мистрисъ Больдъ, — которую подруги затащили изъ церкви на чашку чая.

„Слава въ вышнихъ Богу!“—пѣли Эвелина и Беатриса, а Гвидо аккомпанировалъ на гитарѣ и подпѣвалъ нѣжнымъ теноромъ.

Гуго тоже подтягивалъ басомъ. Мистрисъ Больдъ утирала слезы умиленія. Когда прозвучалъ послѣдній аккордъ, Андреа крикнулъ „браво“.

— Бау!—громко повторила за нимъ Пакита, протягивая рученки къ розовой лампѣ.

Всѣ оглянулись. Беатриса встала и распахнула дверь въ

переднюю: виновники переполоха стояли на порогѣ, трепеща отъ стыда; только малютка Пакита радостно подпрыгивала на рукахъ брата и тянулась къ свѣту.

— Это дѣти!..—воскликнула Эвелина,—пусть они войдутъ, Беатриса.

— Ты забыла свое обѣщаніе?—напомнила старшая подруга и пояснила остальнымъ,—въ первый же день, какъ мы сюда переѣхали, я нашла ее сидящей на лѣстницѣ и буквально облѣпленной дѣтьми. Я предвидѣла, что изъ этого выйдетъ, квартира наша, очевидно, должна превратиться въ ясли! А потому и взяла съ нея слово никого не впускать къ намъ, безъ моего разрѣшенія.

— Ради сочельника сдѣлай исключеніе!—сказала Эвелина.

— Милости просимъ!—Беатриса пропустила дѣтей въ комнату,—разъ ужъ вы пришли, дѣлать нечего!—и она на дѣдила ихъ шоколадомъ и каштанами.

Вдругъ Гвидо подошелъ къ Джіусто, взялъ его за подбородокъ и повернулъ лицомъ къ свѣту. Мальчикъ недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на „принца“ и продолжалъ жевать засахаренные каштаны.

— Не знаю, откуда ты взялся,—сказалъ Гвидо, отпуская его на свободу,—но ты долженъ быть моимъ натурщикомъ. Я цѣлый мѣсяцъ отыскиваю такую фizioномію!

— Въ его годы ты былъ очень похожъ на него, Гвидо!—вставилъ Андреа Вивальди, рассматривая въ свою очередь мальчугана.

— Въ этомъ-то и вся суть!—пояснилъ радостно Гвидо.

— Онъ годится!—заявилъ старикъ.

Юный Судди съ недоумѣніемъ глядѣлъ то на того, то на другого,—но Франческъ стало обидно, что на нее никто не обращаетъ вниманія, она подняла гитару и стала потихоньку брать аккорды.

— Ого, между гостями оказалась и музыкантша!—сказалъ Гвидо съ улыбкой, нагибаясь къ ней. Она довѣрчиво кивнула головой, ухлылась на скамеечку и тоненькимъ голоскомъ затянула „Caroli“—самую модную пѣсню уличныхъ пѣвцовъ Италіи.

Но вотъ явилась Бетина съ чаемъ, чуть не раздавила ползавшую Пакиту и сказала:

— Франческа, тебя мамаша зоветъ!

Пѣвица въ испугѣ вскочила со скамеечки.

— Ради Бога, синьорины, не говорите, что я пришла сюда съ нимъ!—она указала на Джіусто Судди,—а ты, Джіусто, сиди здѣсь, пока я не буду дома! Благодарю васъ, синьоры! Покойной ночи!

Съ тѣмъ-то вродѣ реверанса она поспѣшно распростилась и исчезла.

— Надо полагать, что вы, молодой человѣкъ, явились сюда съ подругой безъ разрѣшенія высшей власти?—спросилъ Гуго.

Мальчикъ искоса взглянулъ на него.

— Что же мнѣ было дѣлать, синьоръ? Она хотѣла, чтобы я шелъ съ нею!

— Скажите, новый Адамъ явился,—„жена дала мнѣ и я ѣлъ“?

— Такъ она тебѣ не сестра?—спросила Беатриса.

— О нѣтъ, синьорина! Вотъ эта дама знаетъ, кто она!—сказалъ Джіусто, указывая на Эвелину.

— Не сомнѣваюсь, что она всю вашу братію знаетъ по головно! А младенецъ, чей такой?

— Это сестра моя, Пакита!—отвѣчалъ Джіусто, дотрогиваясь до малютки ногой. Пакита приняла это движеніе за ласку и радостно ухватила рученками за его дырявый башмакъ.

Беатриса принялась разливать чай.

— Какъ поживаютъ ваши пансіонеры?—освѣдомилась она, передавая мистрисъ Больдъ чашку чая.

Но та съ уныніемъ покачала головой.

— Миссъ Бэттъ поссорилась съ мистрисъ Питманъ! — сказала она и глубоко вздохнула.

— Это очень печально. Значить, мистрисъ Питманъ собирается выѣхать?

— О нѣтъ. Въ томъ-то и бѣда. А жить, при существующихъ условіяхъ, невыносимо. Онѣ другъ съ другомъ не говорятъ, обѣ приходятъ ко мнѣ съ жалобами... А я что-жъ могу сдѣлать?

— Мнѣ васъ жаль отъ души! А миссъ Бланшъ процвѣтаетъ?

— Говорить, что скучаетъ, бѣдняжка, а я не придумаю, чѣмъ поразвлечь ее.

Джіусто, между тѣмъ, уписывалъ сладкіе пирожки и печеніе, дѣлая видъ, что чай ему не противенъ, и наблюдалъ. Замѣтивъ, что Гуго услуживаетъ Беатрисѣ, онъ вывелъ изъ этого свое заключеніе: всѣ герои его сказки найдутъ свою судьбу, это ясно! Любопытство Франчески будетъ удовлетворено. Блестящій взоръ его встрѣтился съ глазами Андреа Вивальди. Старикъ подсѣлъ къ мальчугану и, подъ шумъ общаго разговора, тихонько спросилъ его:

— О чемъ ты думаешь?

Джіусто не смутился, а указалъ головой на Гуго.

— Онъ тебѣ сынъ?

— Да.

— Хорошій онъ человѣкъ?

— А тебѣ какое дѣло?

Мальчикъ тряхнулъ кудрями и засмѣялся.

— Ахъ ты, бѣсенокъ! Ты тутъ сидишь, да втихомолку высматриваешь?

— А ты, небось, не высматриваешь, старый котъ?—не со-всѣмъ учтиво отозвался Джіусто,—глазъ не спускалъ съ нихъ все время!..

— Съ кого?—вспыхнулъ Андреа.

Джіусто лукаво разсмѣялся.

— Со старухи, да съ того, который держалъ меня за под-бородокъ!—поддразнилъ бѣдовый мальчикъ.

— Ахъ, ты, шельма эдакая!—въ смущеніи выбрали его Андреа.

Джіусто сунулъ въ ротъ Пакитѣ кусокъ пирожного.

Эвелина нагнулась къ Гвидо, который что-то оживленно говорилъ ей вполголоса, Беатриса разговаривала съ мистрисъ Больдъ; Гуго не сводилъ глазъ съ миссъ Гэмлинъ и ни съ кѣмъ, кромѣ нея, не разговаривалъ.

Молча, серьезно, оглядѣлъ всю компанію Джіусто и затѣмъ снова обратился къ Андреа.

— Я люблю обѣихъ синьоринъ!—торжественно заявилъ онъ,—и принцессу, и подругу.

Старикъ ровно ничего не понималъ, но нашелъ, что прида-вать значеніе его словамъ глупо. Инстинктивно онъ отвѣтилъ:

— А я люблю моего сына!—и вздохнулъ.

— Конечно, такъ и надо,—серьезно одобрилъ мальчикъ,—чего-жъ ты вздыхаешь? Онъ будетъ счастливъ.

— То-то онъ такой веселый!—грустно замѣтилъ Андреа.

— Такъ всегда бываетъ сначала!—возразилъ юный фан-тазеръ,—но награда уже недалека!

Андреа съ невольной симпатіей взглянулъ на маленькаго, убѣжденнаго пророка и шепнулъ ему:

— Ты смотри, не болтай!

— Болтать вообще не годится!—былъ отвѣтъ.

Но Франческа онъ считалъ „нѣмой, какъ могила“, а по-тому, встрѣтивъ ее на другой день на лѣстницѣ, сказалъ:

— Франческа, я нашелъ жениха для черной синьорины!

— Кого?—освѣдомилась та.

— Высокаго мужчину, который подтягивалъ густымъ басомъ...

Франческа сдѣлала презрительную гримаску.

— Но онъ вовсе не красивъ!—рѣшила она,—вотъ принцъ... тотъ дѣйствительно годится въ женихи!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ В. ГЮГО.

Пока любовь не перестанетъ плакать,
А ненависть—смѣяться, зло—царить;
Пока народъ хотя единый будетъ
Въ цѣпяхъ позорно жизнь влачить;
Пока не перестанутъ Прометеевъ
Грызть коршуны; пока въ душѣ моей,
Гдѣ гордый долгъ живетъ несокрушимо,
Сознанье есть, что для людей
Спасительно, когда стихомъ могучимъ
Средь общей тьмы гремитъ поэтъ-судья,—
До той поры мечомъ негодованья
Не перестану биться я!
Иначе мнѣ имѣлъ бы право каждый
Сказать: „подлецъ!“ Въ виду народныхъ слезъ,
Въ виду васъ всѣхъ, жертвъ лжи и злобы гнусной,
Счастливыхъ только въ мірѣ грезъ,
А на яву богатыхъ лишь скорбями;
Въ виду всѣхъ золь, преступныхъ дѣлъ, грѣховъ,
И столькохъ душъ, упавшихъ низко, столькохъ
Высоко поднятыхъ головъ;
До той поры, пока необходимо,
Чтобъ пробивалъ гряды зловѣщихъ тучъ,
Чтобъ освѣщалъ губительную бездну
Животворящій солнца лучъ—
До той поры, о Франція родная,
Мой мрачный гнѣвъ останется при мнѣ,
И повторять я неустанно буду
Всю истину моей странѣ.
И ни предъ кѣмъ карающій мой голосъ
Не замолчить, какъ эхо той трубы,
Предъ коею ничто во Іерихонѣ
Не избѣжитъ своей судьбы!

Петръ Вейнбергъ.

ДЖЕКЪ РЭЙМОНДЪ.

Романъ Е. Л. Войничъ.

Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.

VIII.

— Рэймондъ!—кричалъ Тео, врываясь въ классъ.—Мама прѣхала.

Джекъ низко опустилъ голову надъ алгеброй.

— Перестанешь-ли ты шумѣть, поросенокъ! Развѣ ты не видишь, что я готовлю уроки?

— Нечего огрызаться на меня, коли ты алишься!—Тео дѣлалъ быстрые успѣхи въ англійскомъ языкѣ, и необычайная изысканность его рѣчи исчезла вмѣстѣ съ золотистыми локонами.

— Я пришелъ только сказать, что мама хочетъ тебя видѣть.

— О, чортъ возьми!—произнесъ Джекъ, швырнувъ книгу въ ящикъ.

Онъ вошелъ въ комнату съ дѣланнымъ выраженіемъ лица, равнодушнымъ и скучающимъ. Глубокіе, серьезные глаза Елены остановились на немъ съ выраженіемъ сочувствія.

— Джекъ,—сказала она,—Тео и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы провели пасхальныя каникулы съ нами на о-вѣ Уайтѣ. Хотите?

Джекъ отступилъ назадъ, медленно поднялъ глаза и взглянулъ на нее. Не стоило играть роль: онъ могъ обмануть кого угодно, но только не ее; она съ перваго же раза разгадала всѣ его тайны.—Зачѣмъ я вамъ нуженъ?

Она улыбнулась.

— Главнымъ образомъ затѣмъ, что мы любимъ васъ.

— Поѣдемъ,—вмѣшался Тео.—Ты выучишь меня грести.

— Зачѣмъ я вамъ нуженъ? — упрямо повторилъ Джекъ.

Онъ подошелъ и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

Имъ овладѣло безумное желаніе расхохотаться. А вдругъ она встрѣтится съ его дядей, м-ромъ Люиттомъ, или д-ромъ Дженкинсомъ, и услышитъ о томъ, что случилось прошлымъ лѣтомъ? Что если онъ самъ ей расскажетъ, пусть она тогда выбираетъ: приглашать ли его, или нѣтъ?

Онъ весь трясся отъ какого-то ужаснаго внутренняго веселья при мысли о томъ, какъ она схватитъ своего драгоценнаго сыночка и убѣжитъ. Джекъ уже зналъ, что есть вещи, въ которыхъ достаточно только обвинить человѣка, и никто даже слышать не захочетъ, что онъ не виноватъ.

Она подошла къ нему и положила руку ему на плечо.

Что же, онъ ведетъ себя какъ подлецъ, плаваетъ подъ чужимъ флагомъ? Но это спасетъ его отъ Порткэррика. А разъ онъ такой презрѣнный трусъ, что не сумѣлъ спастись иначе...

— О, да, я съ удовольствіемъ поѣду, — сказалъ онъ, — если только дядя позволить.

Елена осталась до сумерекъ въ деревенской гостиницѣ, и каждый разъ, какъ Джекъ смотрѣлъ на нее, ея кроткіе, ласковые глаза заставляли его краснѣть отъ стыда.

„Точно пощечину получилъ“, — думалъ онъ.

Джекъ былъ въ ежечасномъ ужасѣ, что викарій прикажетъ ему отказаться отъ приглашенія, и найдетъ нужнымъ объяснить д-ру Кроссу причину отказа. Но м-ръ Рэймондъ не сдѣлалъ никакихъ затрудненій; онъ былъ бы благодаренъ за всякое предложеніе, избавляющее его отъ тлетворнаго присутствія племянника въ Порткэррикѣ. Онъ успокоилъ свою совѣсть, написавъ мальчику длинное посланіе, въ которомъ заклиналъ его не злоупотреблять добротою новыхъ друзей. Джекъ прочиталъ письмо, швырнулъ его въ огонь и отправился съ Еленой и Тео въ Соутгэмптонъ, съ холоднымъ отвращеніемъ повторяя про себя: „Этакій подлецъ! Онъ вѣритъ, что я негодай, и пускаетъ меня! Да и я не лучше!“

Всю дорогу до Шенклина Джекъ увѣрялъ себя, что слѣдуетъ воспользоваться тѣми удовольствіями, которыя богамъ угодно было послать ему, и отложить всѣ остальные мысли до конца праздниковъ. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ будетъ въ безопасности, и, конечно, можетъ позволить себѣ повеселиться хотя три недѣльки. Вѣдь бываютъ же другіе счастливы цѣлые годы.

Первые дни Джекъ утомлялъ всѣхъ своей бурной веселостью, но однажды, вернувшись домой съ берега моря и войдя въ садикъ, онъ увидѣлъ какъ Тео, лежа на травѣ подъ большимъ деревомъ и положивъ голову на колѣни

матери, читаетъ ей вслухъ. Одной рукой Елена обнимала сына, а другой приглаживала его локоны.

Въ эту ночь Джекъ рыдалъ до тѣхъ поръ, пока у него не закружилась голова, пока ему не сдѣлалось дурно.

О, какъ это несправедливо, несправедливо!

Черезъ недѣлю пріѣхалъ новый гость, сѣдой старикъ, звавшій Елену просто по имени, и котораго Тео называлъ „дядя Конрадъ“. Однако, онъ былъ не родственникъ, а просто старинный другъ семьи Елены и товарищъ ея мужа по ссылкѣ. Онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ скоро сталъ извѣстнымъ и уважаемымъ музыкальнымъ критикомъ. Онъ строго проэкзаменовалъ Тео изъ гармоніи, и нашелъ столько недостатковъ въ его игрѣ на скрипкѣ, что мальчикъ послѣ экзамена убѣжалъ въ садъ, гдѣ Джекъ нашелъ его въ слезахъ.

— Это безсовѣстно! — рыдалъ онъ. — Англійскіе учителя просто олухи, они сами ничего не знаютъ! Учитель говорилъ, что я дѣлаю успѣхи, а дядя Конрадъ разбилъ меня. Я и смычокъ держу слишкомъ крѣпко, и считать не умѣю, и играю какъ сапожникъ!..

— А можетъ, онъ самъ олухъ, — попробовалъ замѣтить Джекъ, не зная, какъ утѣшить своего пріятеля. Но Тео даже подскочилъ и пересталъ плакать, ошеломленный такой ересью.

— Джекъ! Дядя Конрадъ всегда правъ, когда дѣло идетъ о музыкѣ. И на этотъ разъ онъ правъ, я самъ это знаю: я игралъ сегодня отвратительно. Я всегда буду только любителемъ, и никогда, никогда не буду играть, какъ Іоакимъ!

Тео снова зарыдалъ съ такимъ страстнымъ отчаяніемъ, что Джекъ кинулся на веранду позвать на помощь Елену, такъ какъ его усилія успокоить Тео оставались безплодны.

Стеклянная дверь въ гостиную была отперта, Елена съ Конрадомъ сидѣли въ комнатѣ, серьезно и оживленно разговаривая на родномъ языкѣ. Джекъ не понималъ, что они говорятъ, но инстинктивно отступилъ назадъ, увидѣвъ выраженіе ихъ лицъ.

— Елена, — говорилъ старикъ, — вѣдь это же призваніе! Кто осмѣлится утверждать, что оно менѣе свято? Я не хотѣлъ настаивать, пока не убѣдился вполнѣ. Въ прошломъ году я сказалъ вамъ, что у ребенка есть способности. Теперь я утверждаю: у него талантъ.

— Если это его призваніе, — тихо отвѣчала она, — онъ долженъ слѣдовать ему, больше ничего. Я надѣялась...

— Помоги мнѣ, Боже! — сказала Елена и закрыла лицо руками; Джекъ тихонько удалился. Изъ всего онъ только понималъ, что она несчастна; но и этотъ фактъ заставилъ его призадуматься; до сихъ поръ, ему никогда не приходило въ

голову, что кто-нибудь другой, кромѣ него, можетъ носить въ душѣ затаенное горе.

Передъ своимъ возвращеніемъ въ Парижъ, Конрадъ снова проэкзаменовалъ Тео, на всѣ лады испытывая его слухъ. Въ послѣдній вечеръ, когда они всѣ сидѣли въ саду, онъ обратилъ вниманіе мальчика на особенности гармонизаціи пѣнія нѣкоторыхъ птицъ.

— Помни, Тео, ты не перестаешь учиться музыкѣ, когда оставляешь скрипку и идешь гулять; каждая птичка можетъ научить тебя чему-нибудь. Моимъ лучшимъ учителемъ былъ ручной жаворонокъ.

— Что вы, Конрадъ! — сказала Елена. — Неужели вы держали жаворонка въ клѣткѣ?

Конрадъ разсмѣялся.

— Мы оба сидѣли въ одной клѣткѣ... подобралъ какъ-то во дворѣ птичку со сломаннымъ крыломъ, и мнѣ позволили оставить ее въ моей камерѣ. Она стала совсѣмъ ручной, пока ея крыло не зажило.

— А потомъ она жила съ вами? — спросилъ Тео.

— Нѣтъ, она улетѣла, счастливое маленькое созданіе.

Джекъ, казалось, не слушалъ; онъ вырѣзывалъ ножикомъ свой вензель на корѣ толстаго дерева, но оставилъ его недоконченнымъ и вдругъ порывисто вскочилъ со скамейки.

— Пойду взглянуть на кроликовъ.

Небрежно раскачиваясь, онъ пошелъ черезъ лужайку, засунувъ руки въ карманы и рѣзко насвистывая сквозь зубы пѣсенку. Въ послѣднее время онъ вѣчно насвистывалъ, но фальшивилъ немилосердно, потому что у него совсѣмъ не было слуху.

— Джекъ! — закричалъ Тео, бросаясь догонять его, — опять невѣрно! тутъ фа діэзъ.

— Довольно шумный товарищъ у Тео. Онъ, кажется, очень привязанъ къ нему? — спросилъ Конрадъ, когда мальчики удалились.

— Кажется, — разсѣянно отвѣчала Елена.

Тео прибѣжалъ назадъ.

— Мамочка, Джекъ ужасно не въ духѣ!

— Неужели?

— Да я хотѣлъ идти съ нимъ смотрѣть кроликовъ, — а онъ сказалъ, чтобы я убирался къ чорту.

— Не выдумывай, — проговорилъ Конрадъ.

Елена съ безпокойствомъ встала.

— Куда онъ пошелъ?

— Въ комнаты. Лучше оставить его въ покоѣ, мамуся; на него иногда находятъ припадки мрачности, это было съ нимъ и въ школѣ. Онъ потомъ успокоится.

— Покажи дядѣ Конраду кроликовъ, — отвѣтила на это Елена.

Она вошла въ домъ и поднялась къ Джеку. У дверей она остановилась и прислушалась. Изъ комнаты донесся тотъ же заглушенный стонъ, который она иногда слышала по ночамъ. Она тихонько открыла дверь.

Джекъ лежалъ на постели лицомъ внизъ, сжавъ подушку обѣими руками и тихо, сдавленно, не по дѣтски рыдая.

Елена подошла къ нему и положила ему руку на голову.

— Джекъ, что случилось?

Онъ не вздрогнулъ, не вскрикнулъ отъ неожиданности, только какъ-то съежился и задрожалъ, едва переводя дыханіе. Потомъ онъ поднялъ голову; глаза его были воспалены, но сухи, на щекахъ не было слезъ.

— О, со мной ничего!

Елена сѣла на кровать и обняла его.

— Ты не хочешь сказать мнѣ? Я знаю, ты часто не спишь по ночамъ; вѣдь я все слышу изъ моей комнаты.

— Право, ничего особеннаго не случилось, благодарю васъ. Мнѣ было немножко не по себѣ, а Тео такой дурень, — не можетъ оставить человѣка въ покоѣ.

— Я ничѣмъ не могу помочь тебѣ?.. Вѣдь это ужасно, въ твоемъ возрастѣ носить тайное горе! Если ты не доверяешь мнѣ, такъ кому же ты можешь довѣриться?

— Нечего мнѣ говорить. Это было... давно, прежде чѣмъ я поступилъ въ школу.

— Въ прошломъ году, значитъ? Развѣ твои родные не знаютъ?

Джекъ засмѣялся. — Весь Порткэррикъ знаетъ, вотъ отчего меня и отдали въ школу.

Она крѣпче прижала его къ себѣ.

— Ты не хочешь сказать *мнѣ*?

Джекъ не смотрѣлъ на нее и тяжело дышалъ.

— Спросите Дженкина, онъ вамъ все расскажетъ, — глухо проговорилъ онъ.

— Кто такой Дженкинсъ?

— Новый докторъ въ Порткэррикѣ. Онъ и д-ръ Вильямсъ оба пришли, когда я сломалъ руку, и онъ тоже хотѣлъ меня обойти, какъ и вы. Я сказалъ ему, чтобы онъ лучше выручилъ меня, чѣмъ причитаетъ, что ему жалко меня; однако, онъ видно мало жалѣлъ, если не захотѣлъ помочь.

Елена задумалась на минуту.

— Позволишь ты мнѣ написать д-ру Дженкинсу, попросить его, чтобы онъ рассказалъ? Видишь, ты былъ такой добрый къ моему Тео, что я не могу не думать о тебѣ.

Джекъ вырвался изъ ея объятій и отошелъ къ окну.

Когда онъ повернулся къ ней черезъ нѣсколько мгновений, брови его были сдвинуты и все лицо искажено; такимъ она еще никогда его не видѣла: губы его совершенно побѣлѣли.

— Ладно,—сказалъ онъ.—Пишите, если хотите: д-ръ Дженкинсъ, Клиффъ-Коттадэръ, Порткэррикъ.—Скажите ему, что я позволяю написать вамъ все, что онъ знаетъ про меня. Я думаю, вы тогда не будете просить меня дружить съ Тео. Ну, да мнѣ все равно.

Джекъ засунулъ руки въ карманы и пошелъ внизъ, снова громко насвистывая.

Ни онъ, ни Елена больше не возвращались къ этому предмету. Она написала д-ру Дженкинсу, объяснивъ въ чемъ дѣло.

Въ послѣдній день каникулъ пришло толстое письмо изъ Порткэррика. Елена быстро опустила его въ карманъ, чтобы Джекъ не замѣтилъ, и послѣ завтрака ушла читать въ свою комнату. Д-ръ Дженкинсъ подробно описалъ все, что видѣлъ своими глазами и что слышалъ отъ викарія, учителя и миссисъ Рэймондъ. Письмо кончалось серьезнымъ предостереженіемъ противъ тѣхъ опасностей, которымъ можетъ подвергнуться Тео, благодаря близости съ Джекомъ.

„Какъ врачъ, лѣчившій мальчика,—прибавлялъ докторъ,—я дѣлалъ всѣ усилія пріобрѣсти его довѣріе, но безуспѣшно. Его характеръ показался мнѣ угрюмымъ, упрямымъ, мстительнымъ и скрытнымъ. Еще раньше, чѣмъ открылось это несчастное дѣло, онъ, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ, успѣлъ пріобрѣсти во всей окрестности крайне дурную репутацію. Я далекъ отъ того, чтобы считать, что этотъ фактъ можетъ извинить поведение м-ра Рэймонда; я увѣренъ, что именно онъ виноватъ во всемъ случившемся, благодаря своей систематической жестокости, и что нравственная гибель мальчика всецѣло на его душѣ. Можетъ быть, я несправедливъ къ викарію, но я до сихъ поръ сомнѣваюсь, чтобы онъ не зналъ о сломанной рукѣ“.

Елена читала и перечитывала письмо; она услала мальчиковъ на длинную прогулку, желая подумать на свободѣ. Уже подъ вечеръ, когда чай былъ конченъ, а Тео игралъ на скрипкѣ въ столовой, она пошла искать Джека, но его не было въ домѣ. Она вышла на веранду. Удары молотка раздавались изъ сада; Джекъ сидѣлъ на крышѣ бесѣдки и чинилъ ее. Елена нѣсколько времени наблюдала, съ какимъ увлеченіемъ онъ работалъ, какъ ловко дѣйствовалъ инструментами. Несомнѣнно, у него были способности къ плотничанью.

— Джекъ!—позвала она его, наконецъ.

Онъ оглянулся.

— Что?

— Поди ко мнѣ на минутку!

— Сейчасъ,—сердито пробормоталъ онъ, соскакивая на землю однимъ прыжкомъ. Онъ вбѣжалъ на ступеньки веранды и неуклюже вошелъ въ комнату, съ шумомъ захлопнувъ стеклянную дверь и оставляя на коврѣ грязные слѣды.

— Въ чемъ дѣло?

— Присядь на минутку; я хочу поговорить съ тобой.

— О,—сказалъ Джекъ, неловко присаживаясь на кончикъ стула.—Я думаю, вамъ нужно что-нибудь починить.

Елена молча смотрѣла на огонь, а Джекъ, качался на стулѣ, нахмутивъ брови и барабая каблуками по коврику.

— Ты помнишь,—начала она, устремивъ глаза на красные уголья,—что ты позволилъ мнѣ написать д-ру Дженкинсу?

Джекъ вдругъ выпрямился и пересталъ болтать ногами.

— Я написала ему и сегодня утромъ получила отвѣтъ.

Джекъ тяжело дышалъ. Она не смотрѣла на него.

— Онъ разсказалъ мнѣ все, что знаетъ.

Наступило молчаніе; слышно было только прерывистое дыханіе мальчика.

— Гдѣ письмо?

— Здѣсь, только я не хотѣла бы, чтобы ты читалъ его.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней:—Дайте мнѣ письмо!

Она молча протянула ему. Джекъ отошелъ къ окну, сѣлъ и началъ читать. Елена наблюдала за его лицомъ; оно было блѣдно, приняло страдальческое выраженіе, морщины собрались вокругъ рта, и она вспомнила сказку объ оборотняхъ, постарѣвшихъ, измученныхъ дѣтяхъ, которымъ ничѣмъ нельзя вернуть юность.

Наконецъ, Джекъ положилъ письмо на столъ.

— Ладно,—сказалъ онъ,—что же дальше?

Елена не отвѣтила. Онъ, дрожа, подошелъ на шагъ ближе.

— Вы узнали все, что хотѣли? Я не выспрашивалъ ничего о вашихъ дѣлахъ. Дженкинсъ подлецъ, что сказалъ вамъ.—Глаза его горѣли, какъ раскаленные уголья.—Вѣдь я говорилъ вамъ: вы уже не захотите, чтобы я возился съ вашимъ ненагляднымъ любимчикомъ, побоитесь, какъ бы я не испортилъ его. Теперь вы все знаете, знаете, что я лгалъ, дѣлалъ всякія мерзости, училъ гадостямъ мальчиковъ, и за это меня чуть не убили, и очень жаль, что не убили! Вы желаете еще что-нибудь знать?

Елена встала и положила ему руку на плечо.

— Только еще одно, дитя мое: обращался-ли кто-нибудь съ тобою по-человѣчески, повѣрилъ-ли кто-нибудь твоему слову, хотя разъ въ жизни?

Онъ выскользнулъ изъ подъ ея руки и смотрѣлъ ей въ лицо, весь блѣдный, задыхаясь.

— Вы думаете.... вы вѣрите?..

— Я даже не требовала твоего слова.

Джекъ все еще не понималъ. Онъ поднесъ руку къ горлу, и пальцы его дрожали.

— Если я скажу... что я не сознавался, потому что... не въ чемъ сознаваться было... потому что... А если я скажу вамъ... это все ложь... сначала до конца?

Елена вдругъ обняла его.

— Голубчикъ, и говорить мнѣ нечего. Я сама знаю.

Джекъ рыдалъ, беззвучно, безъ слезъ, какъ рыдаютъ взрослые мужчины.

Потомъ они сѣли вмѣстѣ,—она на низенькомъ креслѣ у камина, онъ на коврѣ у ея ногъ, пристально глядя на красные угли, и она услышала исторію дрозда, по крайней мѣрѣ, то, что Джекъ сумѣлъ выразить словами, а это было немного.

Онъ говорилъ спокойно, безъ слезъ, но съ паузами и долгими молчаніями, такъ, какъ ей давно, давно рассказывали тамъ далеко, въ Сибири...

Если бы не Сибирь, она, какъ и д-ръ Дженкинсъ, не сумѣла бы понять. Но она жила среди отчаянія, и глаза ея видѣли много обнаженныхъ ранъ. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ ежедневныхъ сношеній съ преступниками, идиотами, безумными; года, проведенные среди ужаснаго населенія дегенерантовъ, научили ее многому. Для нея болѣзнь викарія не была ужасной новостью, она видѣла подобныхъ ему во всѣхъ видахъ и стадіяхъ, начиная со страшныхъ дѣтей, хохочущихъ и радующихся при видѣ мученій бѣлки, которую они жгутъ живьемъ, и кончая убійцами-маньяками, бросающимися въ ужасныя оргіи съ окровавленными руками, еще не обсохшими послѣ совершеннаго убійства.

Рассказъ былъ конченъ, и оба нѣкоторое время сидѣли молча.

Въ комнатѣ темнѣло. Елена нѣжно гладила голову, лежавшую у нея на колѣняхъ.

— Скажи мнѣ еще одно, сынъ мой. Что ты собирался дѣлать, когда выйдешь изъ окна? Убѣжать и поступить на корабль?

— Нѣтъ, я хотѣлъ дойти только до утеса. Я больше не могъ терпѣть...

Голосъ его звучалъ не по-дѣтски безжизненно и устало.

— А всетаки Дженкинсъ не правъ, — прибавилъ онъ. — Дядя не зналъ, что у меня рука сломана; я изо всѣхъ силъ старался, чтобы онъ не замѣтилъ.

Ея рука крѣпче сжала его руку.—Почему же?

— Видите-ли, мнѣ не удалось его убить, я разъ попробовалъ, да ничего не вышло. Такъ я думаю: не могу-ли я заставить его убить меня; его тогда повѣсили бы.

Елена наклонилась и поцѣловала мальчика. Сумерки медленно уступали мѣсто темнотѣ; потухающіе уголья въ каминѣ чуть свѣтили.

— А вѣдь все это такая чепуха,—вдругъ началъ Джекъ и остановился. Елена продолжала обнимать его.

— Что, дорогой?

— Вы ласкаете меня и возитесь со мной, точно я—Тео. Понятно, я забочусь о малышѣ, стараюсь сдѣлать его человекомъ и не даю обижать другимъ, онъ такой нѣженка! Но его желаніе быть моимъ другомъ и все такое—чужъ и чепуха.

— Тео совсѣмъ ребенокъ и... ему не случалось еще спускаться въ адъ. Его придетъ очередь, когда онъ вырастетъ. Но мнѣ кажется, я понимаю тебя.

Джекъ расхохотался. Голосъ его казался рѣзкимъ и такимъ старымъ въ темнотѣ.

— Вы?—сказалъ онъ.—Славная штука!

Онъ вырвался изъ ея объятій и началъ мѣшать кочергой потухающія головешки.

— Вы думаете, если вы видѣли тюрьмы и всякіе... Что вы знаете? Вы чисты. Вашихъ родныхъ разстрѣливали и вѣшали и все такое, но ихъ не связывали, не...

Она закрыла ему ротъ рукой.

— Тише! Чѣмъ же сыномъ тебѣ быть, какъ не моимъ?

Когда Джекъ пришелъ на другое утро угрюмый и неловкій, чтобы проститься съ Еленою, она привѣтствовала его такъ просто и весело, точно ихъ новыя отношенія существовали много лѣтъ.

— Такъ, значить, ты будешь проводить здѣсь всѣ каникулы, если твои родные ничего не будутъ имѣть противъ. Я сбѣжу къ нимъ и постараюсь сама уладить дѣло; можетъ быть они позволятъ мнѣ усыновить тебя. Что же касается до карманныхъ денегъ, то ты раздѣлишь ихъ съ Тео, а я дамъ побольше, для обоихъ. Доходы мои не особенно велики, и намъ придется жить очень скромно, пока оба мои сына не вырастутъ и не начнутъ сами зарабатывать.

Джекъ угрюмо пробормоталъ, что „чертовски долго“ ждать двадцати одного года. Онъ боялся разрыдаться, поэтому выражался отрывисто и не особенно изысканно.

На глазахъ Елены были слезы, когда она поцѣловала его.

— Ты вѣдь будешь присматривать за Тео? Съ тѣхъ

поръ, какъ я осталась одна, я такъ боюсь за него; у меня никого нѣтъ, на кого бы я могла положиться. Онъ будетъ музыкантомъ, а музыканты не всегда могутъ назваться счастливыми людьми. Но теперь я совсѣмъ спокойна, ты у меня есть, а ты любишь пѣвчихъ птичекъ. Да хранить тебя Богъ, сынъ мой!

Это было послѣднее упоминаніе объ исторіи съ дроздомъ.

IX.

Годъ совершеннолѣтія Джека былъ для него годомъ испытаній. Онъ выросъ и вступалъ въ жизнь; это всегда бываетъ критическимъ моментомъ, а для него этотъ моментъ былъ особенно мучителенъ.

Онъ изучалъ медицину въ Лондонѣ, и особенно наблюдательные изъ профессоровъ начинали съ интересомъ слѣдить за его развитіемъ. Когда Джеку случалось увлечься, и онъ сбрасывалъ съ себя напускную холодность и преувеличенную добросовѣстность, которая обыкновенно мѣшала ему работать, онъ высказывалъ необычайную для его лѣтъ широту взгляда и увѣренность мысли. Не одинъ профессоръ, демонстрируя препараты или производя вскрытіе, съ удивленіемъ смотрѣлъ на него при его вопросахъ, спрашивая въ свою очередь „какъ вы дошли до этого?“

Но эти вспышки гениальности никогда не помогали ему на экзаменахъ. Въ это время онъ снова становился покорнымъ и глуповатымъ ученикомъ, какимъ зналъ его докторъ Кроссъ. Онъ былъ слишкомъ настойчивымъ и усерднымъ работникомъ, чтобы провалиться, но выдерживалъ экзамены безъ всякой славы, только благодаря своему трудолюбію, не выказывая и слѣдовъ тѣхъ исключительныхъ способностей, которыя дѣлали его врожденнымъ врачомъ.

Мечтой его жизни, о чемъ онъ, однако, никому не говорилъ, кромѣ Елены, было—сдѣлаться знаменитымъ дѣтскимъ врачомъ. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета почему онъ къ этому стремится; но глубоко въ его душѣ, скрытое подъ кажущимся равнодушіемъ, жило ощущеніе, что именно въ этомъ его призваніе. Онъ полубезсознательно требовалъ у боговъ награды за прошлыя страданія. Боги будутъ справедливы хоть разъ и не отвергнуть его законнаго требованія. Онъ покорно принималъ проклятiе, наложенное ими на его дѣтство, не ропталъ противъ ихъ воли, не упалъ безъ силъ при дорогѣ,—и будетъ только дѣломъ справедливости, если они дадутъ ему исключительное пониманіе болѣзней и страданій дѣтей, исключительное право исцѣлять и помогать. Если бы д-ръ Дженкинсъ умѣлъ понять...

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дѣтство оставило на немъ даже меньше слѣдовъ, чѣмъ опасалась Елена. Оно отразилось только исключительной сдержанностью сужденій, серьезнымъ, рано возмужавшимъ взглядомъ на жизнь. Но горечи не было въ его характерѣ, и если онъ былъ нѣсколько старше своихъ лѣтъ, то всетаки казался теперь моложе, чѣмъ въ 14 лѣтъ.

Джекъ рѣдко говорилъ о Молли даже съ Еленой, и она часто оплакивала его сдержанность, боясь, что за нею скрывается тайное горе. Но какъ ни хорошо она умѣла читать въ его душѣ, на этотъ разъ она ошиблась. Джекъ выучился не тратить силъ на бесполезное сокрушеніе, но сберегать ихъ до тѣхъ поръ, когда придетъ время дѣйствовать. Спаси сестру было его твердымъ намѣреніемъ, а не пустымъ мечтаніемъ; когда онъ самъ станетъ на ноги, тогда придетъ пора протянуть ей руку помощи, а пока онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ предпочиталъ, чтобы мысль о безпомощности сестры въ рукахъ врага не отвлекала его отъ дѣла.

Джекъ не видѣлъ сестру семь лѣтъ. Онъ зналъ, что ее отдали въ школу въ Труро, а теперь, въ 16 лѣтъ, она считалась уже взрослой. „Будущее лѣто,—писала тетя Сара въ своемъ рождественскомъ письмѣ,—она вернется домой и займется благотворительностью; я уже стара и не могу работать, какъ прежде, а дядя страдаетъ ревматизмомъ въ сырую погоду. Молли пришла фантазія сдѣлаться сидѣлкой, но дядя рѣшилъ, что она можетъ быть полезна дома и вдали отъ искушеній, поэтому она больше не говорила о своемъ желаніи. Она всегда была хорошей, очень послушной дѣвочкой, и дядя доволенъ ею.“

Рождественскія письма, одно отъ тети Сары, другое отъ самой Молли, были, въ продолженіе этихъ семи лѣтъ, единственной связью между Джекомъ и его прежней жизнью, кромѣ тѣхъ формальныхъ отчетовъ объ успѣхахъ, которые онъ посылалъ викарію, и пространныхъ отвѣтовъ на нихъ, переполненныхъ мудрыми совѣтами и благочестивыми воззваніями, со вложеніемъ скуднаго чека. Наставленія мало трогали Джека; денежная помощь была черной тѣнью, омрачавшей его юность, тѣнью, о которой даже Елена не рѣшалась заговаривать, такъ какъ не въ силахъ была удалить ее. Только однажды, на Пасхѣ,—Джеку въ то время минуло уже 16 лѣтъ,—выраженіе его лица, когда онъ отдавалъ ей чекъ, заставило ее нарушить молчаніе. Она протянула свою тонкую руку и погладила его по щекѣ.

— Дорогой мой, ты не увидишь его, пока не станешь совсѣмъ взрослымъ человѣкомъ.

— Но я долженъ ѣсть его хлѣбъ,—отвѣтилъ онъ мед-

ленно, задумчиво.—Бездомныя собаки на улицѣ счастливые меня: онѣ не знаютъ, кто бросаетъ имъ объѣдки.

Когда Джекъ вернулся въ школу, Елена, не смотря на свое слабое здоровье, снова рѣшилась на утомительную поѣздку въ Порткэррикъ, и повторила не имѣвшую въ первый разъ успѣха, просьбу, чтобы викарій разрѣшилъ ей усыновить мальчика.

— Я въ состоянїи содержать его, пока онъ не встанетъ на ноги,—говорила она,—и это уничтожило бы много осложненій. Разъ вы позволяете ему жить со мной, зачѣмъ вы платите за его ученіе? Будетъ только справедливо, чтобы я, пользующаяся всей его привязанностью, приняла на себя и расходы. Это слишкомъ ничтожная плата за ту пользу, которую онъ принесъ моему собственному сыну. И самъ мальчикъ чувствовалъ бы себя счастливымъ.

Только крѣпко сжатія губы викарія показывали, что Елена оскорбила его, лицо же оставалось неподвижно.

— Дѣло не въ счастїи Джека, а въ справедливости или несправедливости, — отвѣтилъ онъ.—Сынъ моего покойнаго брата имѣетъ право на то, чтобы я одѣвалъ, кормилъ его далъ бы ему приличное христіанское воспитаніе, и я не сброшу съ себя своихъ обязанностей. Довольно того, что я согласился отступить отъ него, дозволилъ постороннимъ занять то мѣсто, которое, передъ лицомъ божїимъ, принадлежитъ мнѣ и моей женѣ. Что мальчикъ оказался недостойнымъ, что онъ заплатилъ мнѣ злобой и ненавистью — къ дѣлу не относится. Мой долгъ—заботиться о немъ.

Елена покорилась; настаивая дольше, она рисковала разбудить въ викаріи враждебныя чувства, а если бы онъ захотѣлъ взять мальчика домой, она не имѣла бы права бороться.

— Я снова пыталась, дитя мое,—сказала Елена Джеку въ свое ближайшее посѣщеніе школы, — и меня снова постигла неудача. Придется тебѣ потерпѣть.

Взглянувъ, Елена увидѣла складку, появившуюся вокругъ его рта, и была поражена этимъ сходствомъ съ викаріемъ. Въ голосъ его тоже звучали дядины ноты, когда онъ отвѣтилъ:

— Очень жаль, что вы ѣздили такъ далеко по пустякамъ. Если бы вы спросили меня, я бы впередъ могъ сказать, что не стоитъ.

Въ день своего совершеннолѣтія Джекъ получилъ отъ дяди приглашеніе прїѣхать въ Порткэррикъ, чтобы познакомиться съ положеніемъ оставленнаго капитаномъ Рэймондомъ, маленькаго состоянія, которымъ управлялъ викарій. „Я со-

хранилъ его неприкосновеннымъ для тебя и для твоей сестры,— писалъ викарій,—и для этого принялъ на свой счетъ всѣ расходы по вашему воспитанію. Такъ какъ вы мои ближайшіе родственники, то наследуете и то небольшое, что я имѣю; поэтому тебѣ необходимо знать, какъ помѣщенъ капиталъ. Я предполагаю также, что тебѣ пріятно будетъ, послѣ столькихъ лѣтъ, свидѣться съ сестрой“.

Джекъ отвѣтилъ холодно, но вѣжливо, отклонивъ приглашеніе.

„Прошу васъ восполнить изъ моей части все, что вы издержали на мое воспитаніе, если же еще что-нибудь останется, то сохраните для моей сестры. Я постараюсь вернуть и то, что она стоила вамъ. Что же касается тѣхъ денегъ, которыя вы желаете оставить мнѣ, я не нуждаюсь въ нихъ“.

Письмо кончалось короткимъ: „Преданный вамъ и т. д.“.

На лѣтніе каникулы Джекъ поѣхалъ, какъ всегда, въ Шенклинъ. Елена не встрѣтила его на платформѣ, и когда онъ вышелъ со станціи, глубокія морщины прорѣзались вокругъ его рта. Онъ уже давно беспокоился о ея здоровьи и зналъ, что ничто, кромѣ серьезной болѣзни, не могло удержатъ ее дома, когда его ждуть. Подойдя къ коттеджу, Джекъ вдругъ остановился, дыханье замерло въ его груди: длинная вѣтка жасмина, оторванная отъ стѣны ночной бурей, валялась на ступенькахъ лѣстницы; на клумбахъ лежали пунсовые гвоздики, — любимые цвѣты Елены, которая ухаживала за ними, какъ за дѣтьми.

Прислуга сказала Джеку, что барыня лежитъ въ гостиной на диванѣ. Ей всѣ эти дни нездоровилось, но она стояла на томъ, чтобы встать сегодня, потому что онъ долженъ былъ пріѣхать. Тихонько войдя въ комнату, Джекъ нашелъ ее спящей и неподвижно стоялъ, глядя на нее. Морщины вокругъ его рта стали еще рѣзче: она перемѣнилась больше, чѣмъ онъ боялся.

Когда Елена проснулась, Джекъ поцѣловалъ ее безъ видимыхъ признаковъ волненія и заговорилъ о постороннихъ вещахъ.

Она украдкой присматривалась къ нему и видѣла, что онъ все понялъ. „Онъ самъ врачъ и долженъ знать,—подумала она,—съ Тео будетъ другое дѣло“.

— Когда пріѣдетъ Тео?—спросилъ Джекъ, точно читая ея мысли.

— На будущей недѣлѣ. Каникулы въ консерваторіи начнутся въ субботу, а онъ еще долженъ остановиться въ Парижѣ. Конрадъ хочетъ, чтобы Сень-Сансъ прослушалъ его.

Тео учился въ Берлинѣ у Іоахима. Осенью онъ долженъ

былъ въ первый разъ выступить публично, и отъ него ожидали очень многого.

— Я очень рада, что ты побудешь со мной одинъ нѣсколько дней до его пріѣзда, — продолжала Елена, — есть много вопросовъ, о которыхъ я хотѣла поговорить съ тобой.

— О Тео?

— Главнымъ образомъ, да. Онъ не такой... взрослый, какъ ты, мой дорогой; можетъ быть это потому, что онъ — гений, а гении всегда остаются дѣтьми. Тебѣ придется быть взрослымъ за него и за себя, когда...

Она прервала свою рѣчь; незачѣмъ было кончать, она видѣла, что Джекъ понялъ. Онъ молча сидѣлъ съ минуту, потомъ посмотрѣлъ на нее и заставилъ себя улыбнуться.

— Да, ему будетъ тяжело. Однако, надо кому нибудь быть гениемъ, чтобы мы, остальные, могли наслаждаться музыкой. Хорошо, что судьба не наградила меня талантомъ, при такомъ положеніи вещей.

Елена тихонько засмѣялась и взяла его руку.

— Это было бы меньшимъ проклятіемъ? Однако, эти проклятія стали благословеніемъ для старухи, которая любитъ тебя, мой вѣрный и почтенный совѣтникъ. Придетъ время, когда молодая женщина полюбитъ тебя, и ты самъ съ нею станешь молодъ. Я бы хотѣла видѣть тебя молодымъ, хоть на пять минутъ.

— Совсѣмъ не нужно, разъ у насъ есть Тео. Онъ не только молодъ, онъ вѣчно будетъ юнъ.

— Бѣдный Тео! — Она вздохнула, а Джекъ, вмѣсто отвѣта, поцѣловалъ ея руку.

— Мама, — сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть ей въ глаза, — ты что-то обѣщала мнѣ прошлый мѣсяцъ?

— Да, дорогой, и сдержала обѣщаніе.

Онъ вздрогнулъ и взглянулъ на нее.

— Ты ѣздила въ Лондонъ и... не сказала мнѣ?

— Конечно, нѣтъ. Случайно одинъ изъ специалистовъ, о которыхъ ты упоминалъ, пріѣхалъ на прошлой недѣлѣ въ Вентноръ; я и подумала, что лучше ужъ сдѣлаю это дѣло, достала рекомендацію и...

— Кто такой?

— Профессоръ Бруксъ. Не стоило писать тебѣ объ этомъ, потому что ты долженъ былъ и такъ пріѣхать.

— И онъ?..

— Да, это ракъ.

Послышался странный звукъ, точно кто захлебнулся, потомъ настала тишина. Джекъ сидѣлъ молча, неподвижно глядя передъ собой, какъ каменное изваяніе.

— Неужели ты такъ пораженъ, дорогой? Я давно думала

объ этомъ и мнѣ казалось... мнѣ казалось, что ты... догадываешься.

Онъ медленно поднялъ глаза, блѣдный, какъ полотно.

— Я подозрѣвалъ, но другое дѣло—знать. Онъ думаетъ?..

— Онъ хочетъ повидать тебя. Я сказала ему, что ты приѣдешь, и онъ назначилъ завтра. Онъ отказался сообщить мнѣ какія-нибудь подробности; даже самый фактъ не отрицалъ лишь потому, что видѣлъ, какъ я сама увѣрена въ этомъ.—Снова наступило молчаніе. Когда Елена опять заговорила, голосъ ея былъ еще тише и слегка дрожалъ.

— Я хочу сказать тебѣ одну вещь, и ты долженъ помнить ее всю жизнь. Самъ того не зная, ты былъ мнѣ утѣшеніемъ въ тяжеломъ горѣ. Удѣлъ каждой матери — создавать въ своемъ воображеніи такого сына, о какомъ она мечтала, и когда уже состарится — увидѣть, что сынъ не похожъ на ея мечту; можетъ быть, онъ и лучше, но не такой, какъ она мечтала. Я не имѣю права упрекать судьбу, что она надѣлила моего сына артистическимъ талантомъ и ограниченностью, которая часто идетъ объ руку съ талантомъ. Можетъ быть, онъ для меня еще дороже, потому что его натура такъ странна и чужда моей. Но ты, въ комъ нѣтъ ни капли моей крови, былъ другимъ моимъ сыномъ, сыномъ моихъ тайныхъ надеждъ, и я спокойно иде навстрѣчу смерти, потому что я вижу осуществленіе моихъ желаній, вижу сына, на котораго могу положиться.

Вмѣсто отвѣта, Джекъ опустился передъ ней на колѣни и прижался лицомъ къ ея груди.

— Я могу положиться на тебя,—она еще разъ повторила эти слова:—Я могу положиться на тебя, довѣрить тебѣ Тео. Если бы у меня не было тебя, я должна бы умереть и—подумай только!—оставить его одного...

Джекъ внезапно поднялъ голову, и она увидѣла, какъ онъ блѣденъ.

— А развѣ ты не оставишь меня одного? Тео—у Тео буду я; а кто будетъ у меня? Кто на свѣтѣ есть у меня, кромѣ тебя? Какая была твоя жизнь? А теперь, когда я могъ бы доставить тебѣ счастье и покой... Это несправедливо! Несправедливо! Ахъ, ради Бога не будемъ говорить!

Онъ вырвалъ свою руку изъ руки Елены и поспѣшно вышелъ.

Елена слышала, какъ хлопнула выходная дверь, какъ поспѣшные шаги раздались по дорожкѣ сада; потомъ все стало тихо, и она, задыхаясь, откинулась на подушки.

Взрывъ скорби Джека заставилъ ея сердце забиться отъ страха: это было такъ не свойственно ему.

А Джекъ лежалъ въ это время на землѣ, подъ деревомъ,

уткнувшись лицомъ въ траву. Наконецъ, онъ всталъ и, походивъ взадъ и впередъ по саду, вошелъ на веранду съ обычнымъ видомъ.

— Мама,—сказалъ онъ, — я подвяжу жасминъ, а потомъ и велю Элизѣ дать чай и помочь тебѣ лечь въ постель. Ты не должна утомляться.

На слѣдующій день Джекъ пошелъ къ Бруксу и съ неподвижнымъ лицомъ выслушалъ приговоръ.

Больная, по словамъ профессора, могла еще прожить годъ и даже больше, или только нѣсколько мѣсяцевъ. Нельзя сказать опредѣленно, когда имѣешь дѣло съ внутреннимъ ракомъ.

Онъ не совѣтуетъ операціи; она можетъ продолжить жизнь, но лишь на нѣсколько мѣсяцевъ; милосердіе ничего не дѣлать.

— Если бы это была моя мать,—осторожно сказалъ профессоръ,—я бы не хотѣлъ операціи.

Голосъ Джека былъ твердъ и не дрожалъ, когда онъ спросилъ:

— Вы думаете, что она не будетъ слишкомъ страдать?

Профессоръ колебался.

— Это зависитъ... Можетъ быть, не очень, если болѣзнь пойдетъ быстро; но ракъ всегда останется ракомъ, и возможно что...

Онъ остановился съ чувствомъ глубокаго изумленія при видѣ безучастнаго лица Джека.

— Что это—безчувственность или самообладаніе?—подумалъ онъ. Но тутъ онъ замѣтилъ мелкія капли пота, выступившія на лбу Джека. „Бѣдный мальчикъ“!

На слѣдующей недѣлѣ явился Тео, сіяющій, какъ воплощенный солнечный лучъ, существо, незнакомое съ горемъ и смертью. Елена написала ему въ Парижъ, что была больна и еще недостаточно окрѣпла, чтобы выходить; поэтому онъ былъ подготовленъ къ тому, что его встрѣтилъ на станціи только Джекъ, и что онъ нашелъ мать лежащею на диванѣ.

Онъ влетѣлъ съ сіяющимъ лицомъ, въ ореолѣ золотистыхъ локоновъ, со скрипкой въ рукахъ, бросился передъ Еленой на колѣни, горячо обнималъ и цѣловалъ ее, усыпая диванъ привезенными подарками.

— Какъ ты смѣешь, мамочка, хворать, когда мы уѣзжаемъ? Развѣ для того, чтобы доставить Джеку случай проявить свое искусство? Но это ужъ слишкомъ далеко распространять материнскую предусмотрительность! А какъ ты поухдѣла! Однако, торопись выздоравливать, пока еще стоитъ хорошая погода; вѣдь мы должны покатать тебя на лодкѣ. Постой-ка,

у меня тамъ есть что-то, что сразу вылъчнть тебя однимъ своимъ видѣмъ!

Онъ вылетѣлъ въ переднюю и вернулся съ громаднымъ снопомъ бѣлыхъ лилій, который онъ съ трудомъ держалъ двумя руками, и засыпалъ ими диванъ.

— Видѣли-ли вы когда нибудь такую красоту? Я былъ проѣздомъ въ Гаврѣ; тамъ украшаютъ лиліями статуи мадонны въ церквахъ, и крестьянки продаютъ ихъ на рынкѣ. А я скупилъ ихъ всѣ для моей собственной мадонны.

— И везъ ихъ все время? Въѣсть со скрипкой?

— Что же, мамуся, вѣдь ангелы въ небѣ носятъ лиліи и музыкальные инструменты? Чѣмъ же я хуже? Море сегодня было точно небо, бѣлыя чайки летали, какъ серафимы, а блестящія рыбы веселились, какъ души праведниковъ послѣ смерти. Джекъ, что ты какой мрачный? Слишкомъ много мертвецовъ рѣзалъ, а?

Джекъ стоялъ у окна, смотрѣлъ на цвѣтущій садъ и удивлялся, какъ много можетъ вынести человѣкъ. Онъ повернулъ къ Тео свое окаменѣлое лицо

— О, я въ порядкѣ, благодарю тебя.

— А не лучше-ли поставить лиліи въ воду?

— Да, только придется поставить ихъ, должно быть, въ ванну.

— Мамуся, да ты просто красавица! Тебѣ всегда надо лежать такъ, засыпанной лиліями.

Когда онъ наклонился и сталъ собирать цвѣты, Елена обвила его руками, притянула къ себѣ и прижалась щекой къ его щекѣ.

— Коханку мой!—Глаза ея сіяли тѣмъ свѣтомъ, который всегда зажигало въ нихъ появленіе Тео, голосъ звучалъ еще задушевнѣе, произнося родныя слова.

А Джекъ, чужой, смотрѣлъ на нихъ безъ горечи, безъ зависти, но съ болью въ сердцѣ. Онъ привыкъ къ этому много лѣтъ тому назадъ, но чувствовалъ каждый разъ боль. Это было неизбежно, и онъ долженъ былъ покориться и страдать молча. Въ концѣ концовъ, его безграничная преданность доставляла ей меньше радости, чѣмъ одно прикосновеніе этого жизнерадостнаго созданія; однако, она и его любила такъ сильно, какъ только могла любить того, кто былъ не Тео, и въ чьихъ жилахъ текла не польская кровь.

— Она видитъ въ немъ родину,—думалъ онъ,—а ему до родины столько же дѣла, какъ мнѣ до Эльдорадо.

Тео убѣжалъ со смѣхомъ, съ руками, полными лилій, неся на плечахъ мурлыкающаго черненькаго котика, съ головы до хвоста ссыпаннаго ихъ золотсю пылью.

Дверь закрылась за нимъ, и свѣтъ потухъ въ глазахъ Елены.

— Джекъ, какъ мы скажемъ ему? Будетъ святотатствомъ омрачить его радость; онъ—свѣтлый Бальдуръ.

Джекъ поправилъ подушку подъ ея головой, нагнулся и сталъ собирать разсыпанные по полу лепестки лилій.

Онъ заговорилъ, не глядя на нее.

— Позволь мнѣ сказать ему, мама; это меньше поразить его отъ меня, да и Бруксъ запретилъ тебѣ волноваться.

На лицѣ Елены выразилась борьба.

— Нѣтъ милый!—сказала она, наконецъ.—Мы ничего не скажемъ ему. Пусть онъ проведетъ это лѣто беззаботно. Вспомни, онъ выступаетъ осенью, а это можетъ потрясти его нервы и испортить первый концертъ, который такъ много значить! Сейчасъ нѣтъ надобности торопиться; я... я пока еще не часто страдаю, а онъ опять уѣдетъ въ Германію въ сентябрь; до тѣхъ поръ онъ самъ догадается...

Джекъ наклонился надъ ней и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Какъ хочешь, мама. Пусть это будетъ наша тайна, твоя и моя.

Х.

Каникулы проходили, и Тео ничего не подозрѣвалъ.

Слабость матери и невозможность для нея принять участіе во всѣхъ задуманныхъ имъ прогулкахъ были для него горькимъ разочарованіемъ; его нѣжная, свѣтлая душа не понимала удовольствій, которыхъ нельзя раздѣлить съ другими; онъ свято сберегалъ свои немногія лишнія деньги, чтобы попутешествовать съ матерью лѣтомъ. Не имѣя возможности выполнить свои планы, онъ теперь тратилъ деньги на персики и оранжерейный виноградъ для Елены, а время—на поиски за цвѣтами и раковинами, устраивая морской аквариумъ, чтобы позабавить ее. Въ сумерки онъ часами просиживалъ за роялемъ, импровизируя нѣжныя фантазіи, а она лежала и слушала его, держа въ своихъ рукахъ руку Джека.

— Слышишь, мамочка, какъ плещетъ вода о дно лодки,—говорилъ онъ,—въ будущемъ году мы поѣдемъ съ тобой кататься, и ты услышишь настоящій плескъ, вмѣсто моего подражанія.

— Я предпочитаю твое подражаніе, мой дорогой,—весело отвѣчала она и крѣпко сжимала руку Джека...

Для Елены и Джека это было тяжелое лѣто, по временамъ настолько тяжелое, что мужество Джека иногда готово было измѣнить ему, если бы она не поддерживала его счастліи безконечнымъ терпѣніемъ. Болѣзнь еще не достигла

самой мучительной степени, но и теперь уже бывали нерѣдко долгія безсонныя ночи, когда Джекъ сидѣлъ у ея постели, читая ей вслухъ, или, когда ей бывало очень худо, молча глядя на нее. Часто она умоляла его уйти и лечь въ постель. „Право, мнѣ будетъ совсѣмъ хорошо“,—говорила она, втайнѣ боясь остаться одной среди ужасовъ долгой ночи страданья и не менѣе опасаясь, что недостатокъ сна подорветъ его здоровье.

— Позволь мнѣ какъ можно дольше быть съ тобой, мама,—нѣжно отвѣчалъ онъ, и она сдавалась съ легкимъ вздохомъ облегченія.

Наконецъ, наступалъ день, а съ нимъ являлся Тео, веселый и сіяющій, съ длинными, осыпанными росой вѣтками жимолости, которыми онъ заплеталъ спинку ея постели.

— Ты хорошо спала, мамочка?—Иногда онъ, замѣчая утомленное лицо Джека, говорилъ:—Ты слишкомъ много работаешь, старина.

Однажды Тео вышелъ за Джекомъ въ садъ и просунулъ подъ его руку свою гибкую, сильную руку съ подвижными пальцами музыканта.

— Джекъ,—сказалъ онъ,—я беспокоюсь о тебѣ. Мнѣ кажется, у тебя есть какія-то заботы.

Джекъ задумался на мгновеніе, потомъ взглянулъ ему въ лицо, улыбнувшись своей серьезной улыбкой.

— Сердечныя заботы, думаешь ты? Милый мой мальчикъ, вѣдь я самая обыкновенная лоховая лошадь, я не могу сбросить съ себя хомутъ и влюбляться, какъ вы, артисты. А кстати, куда дѣвалась та дѣвица, которой ты посвятилъ романсъ прошлымъ лѣтомъ?

Способность Тео постоянно влюбляться служила вѣчнымъ предметомъ шутокъ для его домашнихъ. Менѣе любящей матери, чѣмъ Елена, могли бы немножко наскучить его вѣчные восторги по адресу то одной, то другой дѣвушки, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ въ концертѣ или встрѣтился на улицѣ. Онъ умѣлъ находить сходство то съ ливійской Сивиллой, то съ мадонной della Pia, или Notre Dame des roches тамъ, гдѣ Джекъ видѣлъ только женщину, похожую на всѣхъ другихъ. Однажды, бродя по берегу моря, они увидѣли босоногую рыбачку, сидѣвшую на низкой скалѣ у самой воды и чинившую отцовскую сѣть; ея растрепанные вѣтромъ волосы висѣли по плечамъ, за ея спиной разливался багровый свѣтъ заката, мокрый песокъ блестѣлъ кругомъ.

Въ продолженіе цѣлой недѣли Тео волновался и страдалъ; не смотря на проливной дождь онъ ежедневно путешествовалъ по скользкимъ скаламъ въ деревню, гдѣ она жила, и возвращался вечеромъ, промокшій до костей, блѣдный отъ

усталости и разочарованный, что ему не удалось увидѣть ее. Но пришло воскресенье, и онъ встрѣтилъ ее, когда она шла въ церковь въ лучшемъ своемъ платьѣ, въ блестящихъ неуклюжихъ сапогахъ, жавшихъ ей ноги, съ гладко причесанными густыми волосами подъ чудовищной шляпкой, на которой качались большія, безобразныя искусственныя розы. Онъ вернулся домой съ трагическимъ выраженіемъ лица, но излѣчился.

Отъ его страсти къ босоногой незнакомкѣ не осталось ничего, кромѣ восхитительнаго романса для скрипки, названнаго имъ „Сѣти рыбачки“.

Когда каникулы прошли, Тео вернулся въ Германію. Елена настояла на томъ, чтобы отъ него скрыли истину.

— Мама,—сказалъ, наконецъ, Джекъ,—вѣдь онъ узнаетъ же когда-нибудь. Не поберегай этотъ ударъ къ самому концу. И... Германія такъ далеко.

— Время еще есть; пусть онъ спокойно дастъ свои первые концерты. Мы можемъ послать за нимъ, когда мнѣ станетъ хуже. А когда онъ пріѣдетъ, ты долженъ скрыть отъ него тяжелое зрѣлище, мой дорогой. Я... я видѣла... какъ умираютъ отъ рака, и не хочу, чтобы Тео...

— Мама!—прервалъ ее Джекъ,—это несправедливо! Онъ тоже человѣкъ, и ты не имѣешь права лишать его человѣческихъ чувствъ. Ты стоишь передъ нимъ со щитомъ, а вѣдь такимъ образомъ онъ никогда не выучится жить.

— Онъ успѣетъ выучиться—послѣ.

— Послѣ... а ты будешь одинока эту послѣднюю зиму!

— Нѣтъ, дорогой, я не буду одинока, разъ ты со мной.

— Да, конечно, я съ тобой, но я не Тео. Мама, ты жертвовала собой всю жизнь, а теперь въ концѣ... Не хорошо доводить свое безкорыстіе до этого, не справедливо даже.

— Было бы несправедливѣе съ моей стороны мѣшать ему совершенствоваться. Артистъ—высокій служитель божій, онъ принадлежитъ всѣмъ людямъ и никому. Я не имѣю права отрывать его отъ музыки, только потому, что я умираю; такъ могутъ поступать матери, у сыновей которыхъ нѣтъ таланта.

Джекъ смотрѣлъ въ землю, крѣпко сжавъ зубы.

— Слава Богу, что у меня нѣтъ таланта!—сказалъ онъ, наконецъ. Елена притянула его къ себѣ и поцѣловала въ лобъ.

— И я готова благодарить Бога за это.

Когда Тео уѣхалъ, Джекъ перевезъ Елену въ Лондонъ и поселился вмѣстѣ съ нею недалеко отъ Нью-Гардена. Ежедневное путешествіе въ городъ и обратно было лишнимъ утомленіемъ въ его рабочей жизни, но тамъ Елена могла

еще куча денегъ. Торопись, торопись, торопись поправляться и носи тѣ кружева, которыя я посылаю по почтѣ. Теперь довольно тебѣ копить и лишать себя всего, а старина Джекъ можетъ купить себѣ столько скелетовъ, сколько захочетъ.“

— Мама,—сказалъ Джекъ, складывая письмо,—жестoko оставлять его дольше въ неизвѣстности.

Слезы медленно потекли изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ Елены; даже чтеніе письма было уже утомительнымъ для нея, и голосъ ея дрожалъ отъ слабости.

— Можешь теперь сказать Тео, если хочешь, мой дорогой, это уже не повредить его успѣху. — Голосъ ея оборвался, и она нервно прибавила:—И... Джекъ...

— Что, мама?

— Ты не скажешь ему, что это такая ужасная болѣзнь? Ты знаешь, слово „ракъ“ бываетъ такимъ ударомъ... Конечно, мнѣ можетъ стать еще хуже... Но морфинъ такъ облегчаетъ...

— Да, я такъ и скажу ему.

Джекъ написалъ Тео и звалъ его домой, какъ только позволить ангажементъ; онъ не сказалъ ему всей правды, однако и того, что онъ написалъ было достаточно, чтобы подготовить Тео ко всему. Въ отвѣтъ пришла телеграмма: Тео былъ уже въ дорогѣ, предоставивъ импрессарио извиниться передъ взволнованной парижской публикой.

Когда, наконецъ, Тео узналъ всю правду, онъ перенесъ ее съ большимъ достоинствомъ и терпѣніемъ, чѣмъ предполагалъ Джекъ. Казалось, неожиданный ударъ разбудилъ въ его душѣ отголоски материнскаго характера. Въ ея присутствіи онъ ни разу не потерялъ самообладанія; но однажды Джекъ, войдя поздно ночью къ нему въ комнату, нашелъ его у окна, забившагося въ уголъ, блѣднаго и дрожащаго отъ ужаса. Онъ вскочилъ при видѣ своего всегдашняго покровителя и, какъ испуганное дитя, уцѣпился за руку, Джека.

— О, какъ я радъ, что ты пришелъ! Мнѣ такъ страшно!

Джекъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на кровать и обнялъ рукою, чтобы успокоить его нервную дрожь.

Онъ не понималъ; его собственное горе не походило на это; но въ немъ говорилъ врачъ, и онъ былъ счастливъ, если могъ помочь и облегчить страданіе, даже не понимая его.

Черезъ нѣсколько минутъ Тео поднялъ голову; онъ еще былъ блѣденъ, но пересталъ дрожать, зубы его больше не стучали.

— Какъ ты добръ ко мнѣ, старина,—проговорилъ онъ,—я задерживаю тебя, когда ты такъ усталъ.

— Ничего, я привыкъ.

— Джекъ, тебѣ никогда не бываетъ страшно, никогда?

— Я не понимаю. Страшно чего?

— Смерти.

Брови Джека сдвинулись.

— Ну,—медленно сказалъ онъ,—если ужъ бояться, то есть вещи пострашнѣе смерти.

— Я не о собственной смерти думалъ, это пустяки, я хотѣлъ сказать...

— О смерти близкихъ? Да, это хуже. Но со временемъ и къ этому можно привыкнуть.

— Нѣтъ, все не то! Я думалъ... вѣчное присутствіе ея, одна мысль о томъ, что она всегда здѣсь, всегда ждетъ и караулитъ того, кого мы любимъ. Я... никогда прежде не думалъ объ этомъ; это точно яма, вырытая подъ нашими ногами и говорящая: „перешагни черезъ меня, если смѣешь.“ Кажется, будешь всю жизнь бояться любить: если боги увидятъ, они возмуть любимаго человѣка...

Джекъ сидѣлъ, молча, задумавшись; горькія морщины прорѣзались вокругъ его рта.

— Все равно,—сказалъ онъ, наконецъ.—Мы должны быть счастливы, если съ тѣми, кого мы любимъ, не случится чего-либо похуже, чѣмъ смерть. Мнѣ кажется, смерть довольно ничтожная вещь, принимая во вниманіе, какъ люди сокрушаются надъ ней. И развѣ стоитъ ломать себѣ надъ ней голову? Слушай, Тео; если на тебя нападеть ужасъ или тоска, не сиди одинъ; держись крѣпко за меня, и я какъ-нибудь вытащу тебя.

— Развѣ у тебя самого мало ужаса и тоски? А кромѣ того, не могу же я всю жизнь держаться за тебя!

— Почему же нѣтъ? Для чего же я здѣсь? Я не умѣю играть на скрипкѣ.

Тео со вздохомъ всталъ, вытянувъ руки надъ головой.

— Благодари боговъ за это,—сказалъ онъ.—Знаешь-ли ты, что Гауптманъ опять телеграфировалъ? Онъ хочетъ, чтобы я завтра вечеромъ вернулся въ Парижъ и игралъ въ Бетховенскомъ концертѣ въ Шателѣ.

— Да, и ты долженъ ѣхать и играть, какъ можно лучше, иначе твоя мать будетъ разочарована. А теперь ложись въ постель и изволь спать черезъ пять минутъ; ты долженъ ѣхать рано утромъ, чтобы захватить пароходъ. Я тебя разбужу; я все равно не лягу.

Игралъ ли Тео на слѣдующій вечеръ въ концертѣ, какъ могъ лучше или нѣтъ,—однако онъ игралъ такъ, что удовлетворялъ и публику, и своего импрессарио.

Онъ сжималъ зубы при громѣ апплодисментовъ; нервы его

были напряжены до той степени, когда каждый звукъ кажется угрозой, а толпа—разъяреннымъ звѣремъ.

Возбужденная публика, кричащая, аплодирующая, машущая афишками и платками, заставляла его страдать и приводила въ ужасъ; онъ въ отчаяніи закрылъ глаза.

— Бисъ! Бисъ!—ревѣла толпа.—Бисъ!

Дыханіе замерло въ его груди, ему хотѣлось обѣими руками зажать уши, чтобы не слышать. Крики звучали, какъ удары кнута, какъ святотатство; ему хотѣлось крикнуть: „замолчите! Сжальтесь! Я не могу играть, моя мать умираетъ“!

Онъ хотѣлъ сойти съ эстрады, но на ступенькахъ импресарио вложилъ ему въ руки скрипку. Онъ оттолкнулъ ее.

— Не могу... Усталъ.

— Что нибудь, что хотите, скорѣй! Или мы никогда не освободимся сегодня! Только такъ и можно заставить ихъ замолчать!

Тео машинально взялъ скрипку и вернулся на эстраду. Крики и аплодисменты мгновенно смолкли, какъ только онъ взмахнулъ смычкомъ. Наступило молчаніе, и онъ увидѣлъ, что ему нечего играть. Онъ печально смотрѣлъ на море головъ; память его казалась чистой, вымытой доской; ни одной ноты, ни одного названія піесы не сохранилось въ ней.

Однако, онъ долженъ что-нибудь сыграть; слушатели замерли въ напряженномъ ожиданіи, а ему нечего дать имъ. Тонкимъ туманомъ заволоклись передъ его глазами сіяющія люстры; въ концѣ залы было какое-то темное пятно, и онъ устремилъ на него свой взглядъ, стараясь вспомнить. Вдругъ изъ тѣни выплыла комната, полутемная, грустная, полная скорби; мать съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, со слабыми, исхудавшими руками; рядомъ съ кроватью молчаливо, сидящая фигура съ утомленными глазами...

Тео началъ играть. Что ему было до публики—онъ забылъ ее; онъ игралъ не для парижанъ, не въ концертъ, а для Елены и Джека. Когда онъ окончилъ, все было тихо, затѣмъ внезапно раздался громъ аплодисментовъ. Онъ вздрогнулъ и быстро спустился съ эстрады.

Въ „артистической“ комнатѣ Конрадъ схватилъ его за рукавъ.

— Тео,—хрипло сказалъ онъ,—это было... твое?

Тео съ отчаяніемъ оглядывался; неумолкающій громъ аплодисментовъ наполнялъ его ужасомъ; казалось, невозможно было убѣжать отъ этого злораднаго преслѣдованія.

— Я... Это вышло по мѣрѣ того, какъ я игралъ. Развѣ очень плохо? Дядя Конрадъ, останови ихъ, пусть оставятъ меня въ покоѣ! Я...

Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ. Конрадъ тоже поблѣднѣлъ,

но по другой причинѣ. Онъ торжественно положилъ руку на плечо юноши.

— Воздай хвалу Богу,—сказалъ онъ,—за его великій даръ—твой талантъ.

Тео вдругъ разразился страстными рыданіями.

— А мама умираетъ...

На послѣдніе зимніе мѣсяцы Тео не принималъ ангажемента на континентѣ. Напрасно импрессарио убѣждалъ, умолялъ и грозилъ, ему всетаки пришлось покориться, и онъ сталъ устраивать концерты въ Лондонѣ.

Къ счастью, сборы давали настолько достаточно, чтобы поддерживать довольство въ скромномъ хозяйствѣ и окружить Елену тѣмъ комфортомъ, который могъ хотя нѣсколько скрасить тяжелыя предсмертныя страданія.

Приближаясь къ концу, Елена сбросила съ себя грустную сдержанность, лежавшую на ней, какъ саванъ, во все время ея вдовства. Конрадъ пріѣзжалъ дважды изъ Парижа навѣстить ее и по временамъ она опять напоминала ему ту дѣвочку Елену, которую онъ зналъ, когда самъ былъ молодъ.

Иногда по вечерамъ, держа руки Джека, сидѣвшаго у ея низенькой кушетки передъ огнемъ, въ то время какъ Тео лежалъ, вытянувшись во всю длину на ковръ, и смотрѣлъ на нее влюбленными глазами, Елена рассказывала обоимъ юношамъ отрывки изъ своей жизни въ полярныхъ пустыняхъ, о смерти своего мужа, о своей трагической молодости, о скорбномъ зрѣломъ возрастѣ. Но всетаки у нея рѣдко хватало силъ на что-нибудь, кромѣ молчаливаго страданія. Она терпѣла свои мученія съ героической ясностью, но они тѣмъ не менѣе изнуряли ее.

Въ эту послѣднюю зиму къ ней вернулся даръ импровизаціи, которымъ она отличалась въ молодости. Въ рѣдкіе счастливые дни, когда она не особенно страдала и не чувствовала себя обезсиленной и утомленной, говоря съ Джекомъ или Тео, Елена переходила на размѣренную рѣчь, то приемованную, то бѣлыми стихами, напоминавшую своимъ неправильнымъ ритмомъ старинныя былины.

Въ послѣдній разъ она вышла изъ своей комнаты въ концѣ марта. Между двумя періодами скверной погоды настало нѣсколько безоблачныхъ весеннихъ дней, и ранніе цвѣты вдругъ сразу распустились. Въ Нью-Гарденѣ, въ тѣнистыхъ мѣстечкахъ между деревьями бѣлые подснежники граціозно покачивали своими поникшими головками, а на лужайкахъ ярко сверкали въ лучахъ солнца золотыя рюмочки желтыхъ крокусовъ.

Въ самый теплый день Джекъ и Тео вынесли Елену на кушеткѣ въ паркъ, чтобы она передъ смертью могла въ послѣдній разъ полюбоваться пробужденіемъ весны.

Они положили ее на открытой полянкѣ, гдѣ десятки тысячъ бѣлыхъ, золотыхъ и фіолетовыхъ крокусовъ прямо подымали свои яркія головки изъ густой травы, пронизанной цѣлымъ лѣсомъ ихъ серебристыхъ стебельковъ.

Джекъ сидѣлъ на скамейкѣ около Елены, Тео, по обыкновенію, бросился во всю длину на траву, подложивъ сложенные руки подъ голову. Елена лежала и смотрѣла на море крокусовъ; неподвижность ея лица заставляла обоихъ юношей молчать, точно въ присутствіи смерти.

— Мама,—сказалъ, наконецъ, Джекъ,—боюсь, что тебѣ слѣдуетъ вернуться домой.

— Еще минуточку, дорогой, вѣдь я этого никогда больше не увижу. Посмотри!

Ея глаза снова обернулись къ цвѣтамъ и она заговорила...

Когда Елена закончила свою импровизацію послѣдовало долгое молчаніе. Елена со вздохомъ повернулась.

— Пора домой, дѣти, наша весна еще не настала.

Джекъ продолжалъ молчать, пока они несли ее домой, и глаза его были мрачны. Вѣроятно, ея мечта осуществится. Сѣмена взойдутъ, и жатва наступитъ. Но что пользы, когда сѣмена такъ горьки, и жатва—смерть.

ХІ.

Послѣ смерти Елены, Джекъ два года занимался въ Парижѣ. Потомъ онъ вернулся въ Лондонъ и годъ работалъ въ больницахъ, прежде чѣмъ поѣхать въ Вѣну, гдѣ онъ хотѣлъ закончить свое медицинское образованіе. Небольшой капиталъ, завѣщанный ему Еленой, благодаря скромнымъ привычкамъ Джека, съ избыткомъ могъ покрыть его расходы, пока ему не удастся получить мѣста въ больницѣ; но онъ не пренебрегалъ никакой представляющейся работой, чтобы увеличить его: дѣлалъ микроскопическіе препараты, опыты, литературныя справки, откладывая каждый заработанный грошъ для Молли.

Сначала Джекъ надѣялся, что Молли приѣдетъ къ нему въ Парижъ и будетъ учиться вмѣстѣ съ нимъ, но на всѣ его приглашенія она отвѣчала холодными отказами, ссылаясь, что „не можетъ оставить дома.“ Они продолжали переписываться, но холодно, формально, какъ чужіе. Джекъ нѣсколько разъ пробовалъ сломить возникшую между ними преграду, но не встрѣтилъ сочувствія; письма ея приходили въ опредѣленные сроки, были составлены въ обычныхъ, оффиціальныхъ выраженіяхъ, натянутыя и жестко сдержанныя. Вѣроятно, ее выучили смотрѣть на него, какъ на отверженнаго, родство

съ которымъ клало на нее пятно. Джеку было очень горько отъ этой мысли, но онъ примирился, какъ примирился со многими вещами.

Однажды, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Парижа, Джекъ получилъ письмо, адресованное рукою Молли, но съ городской маркой. Это было краткое увѣдомленіе, что она пріѣхала слушать лекціи при амбулаторіи св. Іоанна, живетъ въ Кенсингтонѣ у родныхъ тети Сары, и если онъ зайдетъ въ воскресенье днемъ, то застанетъ ее дома.

Конечно, Джекъ пошелъ, но съ безнадежнымъ чувствомъ бесполезности своего визита. Вотъ она, та сестра, ради которой онъ отказывалъ себѣ во всемъ, копилъ, работалъ, мечталъ столько лѣтъ, а теперь ему приходится идти къ ней съ церемоннымъ визитомъ, какіе онъ изрѣдка дѣлалъ женамъ профессоровъ! Единственная разница была въ томъ, что онъ былъ менѣе увѣренъ въ ласковомъ приѣмѣ.

Джекъ нашелъ, — въ страшно-безвкусной гостиной временъ начала царствованія Викторіи, — высокую, серьезную, сдержанную дѣвушку, окруженную старыми сплетницами съ тонкими губами, глаза которыхъ съ леденящимъ любопытствомъ впились въ него, какъ только онъ появился въ дверяхъ. Глаза Молли были упорно устремлены въ полъ, густыя рѣсницы совсѣмъ закрывали ихъ; сжатые губы придавали жесткое выраженіе. Джекъ вытерпѣлъ получасовую пустую болтовню, прислушиваясь къ рѣдко звучащему голосу сестры.

Она произносила самыя обыденныя фразы, предоставляя нить разговора хозяйкамъ дома; но когда она говорила, звукъ ея глубокаго, звучнаго контральто, ласкающая интонація мягкаго западнаго діалекта казались ему, среди сухой и жеманной болтовни, свѣжимъ родникомъ въ безплодной пустынѣ. У ворота ея былъ приколотъ букетикъ вереска.

Когда Джекъ собрался уходить, Молли обратился къ хозяйкѣ:

— Миссисъ Пеннингъ, я провожу брата черезъ паркъ; я вернусь домой къ ужину.

Миссисъ Пеннингъ прикусила губу. Викарій, поручая ей племянницу, предупредилъ ее, что братъ, который живетъ въ Лондонѣ и навѣрное явится, „не подходящее общество для молодой дѣвушки“. Ей вовсе не хотѣлось позволить Молли гулять съ этимъ козлищемъ семьи; а послать съ ними одну изъ приживалокъ — значило нарушить весь заранѣе установленный порядокъ дня. Право, какое невниманіе со стороны дѣвушки!

— Къ сожалѣнію, мнѣ нельзя выйти сегодня, моя милая, — сказала она, — но если вамъ очень хочется идти, то, я думаю, Мильдредъ не откажется сопровождать васъ. Однако,

вы должны вернуться черезъ полчаса, потому что она хочетъ идти въ церковь.

— Благодарю васъ, но не стоитъ утруждать Мильдредъ.

— Моя милая, я не могу позволить вамъ возвращаться одной. Это неприлично для молодой дѣвушки, особенно такъ мало знакомой съ Лондономъ, какъ вы.

Молли подняла глаза и посмотрѣла на Джека. Онъ сейчасъ же вмѣшался:

— Я провожу сестру домой.

— Конечно,—нервно отвѣтила миссисъ Пеннингъ,—но.. я думаю.. Молли не слѣдуетъ выходить иначе, какъ въ сопровожденіи почтенной особы, пока она на моемъ попеченіи. М-ръ Реймондъ такъ требователенъ; я увѣрена, что ему не понравится, если ее увидятъ въ паркѣ съ молодымъ человекомъ...

— Даже съ братомъ?

Молли внезапно повернулась къ ней, и глаза ея загорѣлись недобрымъ огонькомъ.

— Въ особенности съ братомъ, конечно. Вы очень добры, миссисъ Пеннингъ, но намъ съ братомъ надо переговорить о семейныхъ дѣлахъ, и мы хотѣли бы быть одни. Идемъ, Джекъ.

Они молча вышли, а миссисъ Пеннингъ просто окаменѣла отъ изумленія. На порогѣ Молли обернулась къ брату.

— Эти женщины—шпіонки,—сказала она.

Онъ серьезно принялъ это заявленіе, въ душѣ соглашаясь съ ней, и они пошли.

— Ты знаешь зачѣмъ я пріѣхала въ Лондонъ?—начала оно, наконецъ, не поднимая головы.

— Я ничего не знаю, Молли; я даже не знаю, какая у меня сестра...

— Я пріѣхала посмотрѣть на тебя.

Джекъ повернулся и взглянулъ на Молли. Выраженіе его лица было жесткое, оскорбленное.

— Я тоже не знаю, какой у меня братъ, и подумала, что пришла пора узнать. Очевидно, во мнѣ больше любопытства, чѣмъ въ тебѣ.

Около рта его появились глубокія морщины, и дѣвушка, наблюдавшая изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, замѣтила, что уколола его. Джекъ помолчалъ немного, прежде чѣмъ отвѣтить:

— Я радъ, что ты пріѣхала.

Молли бросила на него быстрый взглядъ. Ноздри ея страстно расширились, и выраженіе лица мгновенно преобразилось.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я не увѣрена въ томъ, рада-ли я. Это зависитъ отъ...

Она остановилась, затѣмъ безпощадно продолжала:

— Каковъ бы ты ни былъ—ты мой единственный близкій родственникъ. Какъ тебѣ кажется, намъ не мѣшаетъ познакомиться другъ съ другомъ теперь, когда мы выросли, а не принимать на вѣру то, что говорятъ другіе? Или ты думаешь, что кровное родство—нелѣпость?

— Нѣтъ, Молли, я этого не думаю, и я никогда ничего не принимаю на вѣру.

— Ничего? Такъ почему же ты отказался отъ приглашенія пріѣхать и повидаться со мной послѣ—сколькихъ?—семи или восьми лѣтъ разлуки?

— Это было приглашеніе въ домъ дяди. А что касается до желанія видѣть тебя, то я такъ долго ждалъ, что мнѣ ничего не стоило потерпѣть, пока ты пріѣдешь ко мнѣ, вмѣсто того...—Послѣ короткой паузы, онъ добавилъ:—Я не могъ войти въ его домъ. Когда мы хорошо узнаемъ другъ друга, ты поймешь, почему я не могу объяснить тебѣ.

— Джекъ,—внезапно вырвалось у нея.—Что произошло между тобой и дядей? Нѣтъ, не говори мнѣ, если не хочешь! Я не должна тебя спрашивать, это не мое дѣло. Но вѣдь приходится слышать кое-что... разные слухи...

— Ты имѣешь полное право спрашивать,—серьезно отвѣтилъ Джекъ.—Но, мнѣ кажется, я не имѣю права отвѣтить тебѣ.

— Развѣ это справедливо по отношенію ко мнѣ?

— Нѣтъ, да и все кругомъ несправедливо. Но, мнѣ кажется, пока ты пользуешься всѣмъ отъ дяди, онъ имѣетъ право требовать, чтобы его враги не возстановляли тебя противъ него.

— Ты хочешь сказать, что ты—его врагъ? Въ полномъ смыслѣ слова? Развѣ ты ничего не можешь сказать про него, кромѣ дурного?

— Ничего.

— И ничего про тетю Сару? Ты тоже и ея врагъ?

Джекъ помолчалъ.

— Мнѣ нечего сказать про нее ни дурного, ни хорошаго.

— Джекъ, что бы тамъ ни случилось, но вѣдь уже прошло больше десяти лѣтъ, а она до сихъ поръ не спитъ по ночамъ и плачетъ о тебѣ. Прошлой зимой, когда мы всѣ думали, что она умретъ,—у нея былъ плевритъ,—она прижималась ко мнѣ и повторяла, что дѣлала для тебя все, что могла. Что она могла сдѣлать тебѣ дурного? Я не вѣрю, чтобы тетя Сара въ жизни своей обидѣла даже муху. Я до-

пускаю, что ты могъ имѣть что-нибудь противъ дяди, но за что ты ненавидишь тетю Сару?

— Я не ненавижу ее.

— Ну такъ презираешь,—быстро сказала дѣвушка.

— Въ этомъ не я виноватъ. Она тепла, какъ ангелъ Лаодики; я хотѣлъ бы, чтобы она была горяча или холодна.

Гнѣвные слезы заблестали на глазахъ Молли.

— Ты заставишь меня возненавидѣть тебя!—сказала она сдавленнымъ, страстнымъ голосомъ. — Больная, нравственно разбитая старуха, а ты заставляешь ее мучиться и сокрушаться надъ какой-то давнишней ссорой, случившейся въ твои школьные дни. На дняхъ она просила простить ее, если она дѣлала ошибки, воспитывая меня. Простить ее, единственного на свѣтѣ человѣка, который заботился обо мнѣ! Она вбила себѣ въ голову, что ты сталъ „дурнымъ“, потому что былъ несчастливъ дома, и отчасти по ея винѣ. Развѣ ты былъ несчастливъ, Джекъ?

— Несчастливъ!—Джекъ повторилъ это слово съ такимъ внезапнымъ содроганіемъ въ голосѣ, что дѣвушка сама вздрогнула и повернулась къ нему.

— Послушай, Молли,—продолжалъ онъ съ замѣтнымъ усиленіемъ.—Стоить-ли перебирать все это? Я ничего не имѣю противъ тети Сары, кромѣ того, что она оказалась трусомъ и передалась на ту сторону. Во всякомъ случаѣ, она была добра къ тебѣ, и я благодаренъ ей за это, объ остальномъ пусть она не беспокоится. Что касается до дяди, мнѣ нечего сказать о немъ, кромѣ такого, что лучше не говорить. А если ты хочешь знать, почему я не могу войти въ его домъ, то знай, что я хотѣлъ однажды убить его, а это, мнѣ кажется, достаточная причина.

— Я разъ спросила его объ этомъ, и онъ сказалъ, что ты...

— Довольно,—прервалъ Джекъ.—Я ничего не хочу слышать отъ тебя, и самъ тебѣ ничего не скажу. Не суди о дядѣ по моимъ словамъ, это было бы несправедливо. А обо мнѣ суди по тому, что сама видишь, а не потому, что тебѣ говорить другіе; если я негодяй—ты это скоро узнаешь и безъ чужихъ словъ!

Молли съ улыбкой повернулась къ брату. Во внезапно смягчившихся чертахъ ея грустнаго, наивнаго лица была какая-то особенная прелесть.

— Никто не говорилъ мнѣ, что ты негодяй, а если бы и говорили, я бы не повѣрила. Я думаю, что ты злопамятенъ, но это семейная черта. Я тоже кое-что помню.

Она остановилась.

— Тиддлса?—спросилъ Джекъ.

Лицо Молли вдругъ прояснилось.

— Почему ты знаешь?

Оба засмѣялись, потомъ наступило молчаніе; оба они только теперь поняли, какъ близки другъ другу.

— Дядя очень несчастный человѣкъ,—сказала Молли, глядя задумчивыми, мрачными глазами на разстилавшееся передъ ними море зелени. — Онъ всю свою жизнь старался перекраивать человѣческія души по своему образцу; и нѣтъ ни одного живого существа, которое бы любило или уважало его.

— Кромѣ тети Сары...

— Тетя Сара всю свою жизнь поклонялась созданію своего собственнаго воображенія. Теперь она состарѣлась, устала, подозрѣваетъ истину и страдаетъ.

— Какую истину?

— Что въ душѣ она презираетъ его.

— Потому ты и не могла пріѣхать въ Парижъ?—рѣзко спросилъ Джекъ.

Молли взяла его подъ руку и прижалась къ нему.

— Ты вѣрно угадалъ. Я не могла бросить тетю; ты не можешь себѣ представить, какое запустѣніе у насъ въ домѣ! Они живутъ вмѣстѣ и избѣгаютъ встрѣчаться взглядами; они похожи на людей, видящихъ всегда передъ собою ужасный призракъ. Дядя представляется, что онъ забылъ о твоёмъ существованіи, а тетя дѣлаетъ видъ, что онъ не представляется.

— А ты?

— Я дѣлаю видъ, что ничего не вижу. А сосѣди стараются показать, что съ тобой никогда не было никакого скандала. Мы всѣ представляемся.

— Молли, неужели ты не видишь, чѣмъ это кончится? Придетъ время, когда между тобой и дядей произойдетъ разрывъ, смертельный разрывъ. Это неизбежно, потому что ты тоже человѣкъ.

— Возможно, но этого не будетъ, пока тетя жива.

— Она не такъ стара, она можетъ прожить еще лѣтъ тридцать. А какъ, по твоему, она поступитъ, если это случится?

— Такъ, какъ велитъ дядя.

— А если онъ велитъ ей выгнать тебя?

— Она, конечно, такъ и сдѣлаетъ. Но это убьетъ ее. Да и не будетъ этого никогда! Пойми, у нея нѣтъ на свѣтѣ никого, кромѣ меня, даже если она тепла, какъ ангелъ Лаодикии. И дядя это знаетъ, и благодаренъ мнѣ за то, что я привязана къ ней. Бѣдняжка, она не виновата, если родилась такой, какъ не виновата, я думаю, и лаодикійскій ангелъ. Отчего Господь не далъ ему большаго мужества, вмѣсто того, чтобы обвинять его въ трусости?

Онъ тихонько засмѣялся.

— По крайней мѣрѣ, никто не станетъ обвинять тебя за то, что ты „родилась такой“, дорогая моя.

Они вернулись назадъ, какъ старые друзья, толкуя объ его планахъ и будущей работѣ. Со смерти Елены онъ ни съ кѣмъ не говорилъ такъ откровенно.

Весь слѣдующій мѣсяцъ миръ, казалось, улыбался Джеку.

Онъ даже меньше работалъ и провелъ много счастливыхъ часовъ, бродя вмѣстѣ съ Молли по Національной галлерей и по Вестминстерскому аббатству. Иногда случалось, что за ними увяжется Мильдредъ Пеннингъ, и тогда подъ ея инквизиторскимъ взглядомъ ихъ радость исчезала. Чтобы избѣжать этого, Молли однажды предложила провести слѣдующее воскресенье съ Джекомъ на его квартирѣ. Послѣ краткой, но бурной сцены съ миссисъ Пеннингъ братъ и сестра взобрались одни, на верхушку омнибуса.

— Я думаю, она напишетъ дядѣ и будетъ жаловаться на тебя?—сказалъ Джекъ. Молли только пожала плечами.

— Пожалуй. Я уже многимъ пожертвовала въ угоду дядѣ, но я не желаю жертвовать ему моимъ единственнымъ братомъ, и чѣмъ скорѣе онъ пойметъ это, тѣмъ лучше. Онъ посердится, а потомъ уступитъ. Онъ всегда уступаетъ, когда видить, что я не расположена уступать.

Сердце Джека забилося сильнѣе, когда онъ вынулъ свой ключъ. Если даже только одинъ разъ она будетъ сидѣть съ нимъ вдвоемъ, у его огня, и онъ почувствуетъ ея присутствіе...

— Войди, Молли. У меня только одна комната. О, миссисъ Смитъ затопила каминъ! Какъ это внимательно съ ея стороны!

Вдругъ онъ отступилъ назадъ и остановился на порогѣ, съ изумленіемъ глядя въ комнату. Тео лежалъ, растянувшись на коврѣ передъ каминомъ, слѣдя за пляской тѣней на потолкѣ. Горячій отблескъ пылающихъ углей освѣщалъ его голову, его гибкія, стройныя руки съ нервными пальцами, характерныя неправильныя линіи подбородка и лба. Казалось, онъ наслаждался тепломъ, какъ змѣя на солнцѣ.

— Алло, Джекъ!

Даже въ первую минуту изумленія Джекъ не могъ не замѣтить красивую небрежность позы и свободу движеній артиста. Тео не сдѣлалъ никакого усилія, поднимаясь на ноги. Казалось, вставая съ пола, онъ просто перемѣнилъ одну граціозную позу на другую.

— Моя сестра,—представилъ Джекъ.—Теодоръ Мирскій.

Его собственный голосъ прозвучалъ въ его ухахъ утомленно и грубо. Онъ успѣлъ замѣтить, какъ застыло лицо Молли, принявъ жесткое выраженіе; успѣлъ замѣтить, какъ

она мгновенно замкнулась и ушла въ себя, и почувствовалъ, что сердце его стало тяжело, словно свинецъ.

— Я думалъ, ты въ Вѣнѣ,—сказалъ Джекъ.

— Иахимъ не могъ прѣхать и мнѣ телеграфировали, прося играть завтра вмѣсто него въ Джемсъ-Голлѣ. Я очень обрадовался случаю повидать тебя. Послушай, Джекъ, ты никогда не выглядѣлъ такъ хорошо, и въ то же время такъ мрачно. Я тебѣ не нуженъ? Вы можете выгнать меня, миссъ Рэймондъ, если я здѣсь лишній.

— Я думаю,—скорѣе я здѣсь лишняя,—отвѣтила Молли.

Голосъ ея звучалъ такъ холодно, что заморозилъ даже Тео. Онъ пробормоталъ нѣсколько обычныхъ любезностей, съ изумленіемъ глядя на нее, и они всѣ солидно усѣлись, чувствуя себя угнетенными и неловкими.

Джекъ добросовѣстно старался смягчить эту странную принужденность своихъ гостей. Но, посмотрѣвъ на Молли, на Тео, и снова на Молли, онъ понялъ, какъ безнадежны его странія.

Оба существа, между которыми раздѣлялась вся его привязанность, казались олицетворенными противоположностями: одинъ артистъ, полу - богъ, полу - ребенокъ, по отношенію къ которому онъ былъ заботливой матерью и поклонникомъ; другая—несформировавшаяся, нетерпимая, страстная дѣвочка-пуританка, державшая его на благородномъ разстояніи, ради которой онъ готовъ былъ умереть. Онъ былъ точно скованъ съ обоими, и ему казалось, что ихъ взаимное отталкиваніе разорветъ его на куски.

Наконецъ, всѣ жалкія усилія Джека завязать разговоръ разбились безнадежно, и онъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ на горящіе угли, думая, что предпринять, прежде чѣмъ молчаніе станетъ невыносимымъ.

На лицѣ Тео было какое-то странное волненіе; выраженіе Молли было серьезно и непроницаемо.

Джекъ оглянулъ комнату, и взглядъ его упалъ на футляръ скрипки.

— Тео,—сказалъ онъ,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты поигралъ. Сестра еще никогда не слышала тебя.

Артистъ сейчасъ же всталъ и схватилъ скрипку. Онъ почувствовалъ большое облегченіе.

— Что же ты хочешь?—спросилъ онъ, опять опускаясь на коверъ и прижимая скрипку къ подбородку. — Народную пѣсню? Онъ не требуютъ акомпанимента.

— Славянскую, пожалуйста. Слыхала ты когда-нибудь польскую народную пѣсню, Молли?

— Ты знаешь, что я ничего не слыхала.

Молли откинулась въ креслѣ и заслонилась каминнымъ

экраномъ; лобъ ея былъ слегка наморщенъ, глаза серьезные и широко раскрыты на затуманенномъ внимательномъ лицѣ, а народныя пѣсни разливали свои нѣжные напѣвы въ полутемной комнатѣ, наполняя ее безплотными призраками давно умершей музыки.

— Джекъ,—сказалъ Тео, опуская скрипку на колѣни.— Помнишь, мамину фантазію о крокусахъ? Ну, такъ все это я недавно себѣ представилъ, и фантазія вылилась въ звуки. Я думаю, что напишу ее для оркестра, не знаю навѣрное еще; но я долженъ сыграть тебѣ нѣкоторые отрывки. Миссъ Рэймондъ, видѣли-ли вы когда-нибудь крокусъ, т. е. я хочу сказать, разсматривали-ли вы его?

— Да,—отвѣтила Молли изъ-за экрана,—но не часто. Нѣкоторыми цвѣтами можно всегда любоваться и чувствовать себя счастливымъ при этомъ; но я боюсь крокусовъ: они состоятъ изъ трехъ копій и похожи на ангеловъ съ пламенными мечами, „а мои двери заперты“.

Братъ съ изумленіемъ взглянулъ на нее; ему казалось, что это говорить Елена. Она повернула теперь голову и пламя камина свѣтило ей прямо въ лицо. Она и Тео молча смотрѣли другъ на друга долгимъ взглядомъ людей, смотрящихъ въ пропасть и боящихся того, что они видятъ.

Тео началъ играть очень нѣжно, не сводя глазъ съ лица дѣвушки. Черезъ нѣсколько времени онъ безсознательно перешелъ на импровизацію, то останавливаясь съ поднятымъ смычкомъ, то снова наполняя комнату тихимъ, ритмическимъ пѣніемъ. Тихая жалоба, нѣжный, мѣрный ропотъ скрипки; мерцаніе огня, бѣдная темная комната—все потеряло свой характеръ, слилось въ какой-то фонъ для сновидѣній. Блистающія копья призрачныхъ воиновъ, видъ и звукъ приближающагося великаго воинства росли и оживали передъ глазами артиста и его слушателей.

Наступило глубокое молчаніе. Тео сидѣлъ, опустивъ голову, вдрагивая, еще держа въ рукахъ скрипку. Молли все еще была въ тѣни, неподвижная, точно спящая съ открытыми глазами. Джекъ первый заговорилъ, вставая и зажигая лампу.

— Голубчикъ мой,—сказалъ онъ,—постарайся вспоминать иногда одну вещь.

— Да?—разсѣянно прошепталъ Тео. Онъ еще не спустился на землю.

— Не забывай, что обыкновенные смертные—твои ближніе, хотя они и не помазанники божіи, могутъ такъ же видѣть, когда ты открываешь имъ глаза.

— Помазанники?.. Джекъ, какъ тебѣ не стыдно? Ты думаешь, я не отдалъ бы все—скрипку и все остальное, что—

бы походить на тебя? Кто можетъ скорѣе назваться помазанникомъ божіимъ—тотъ, кто видитъ въ цвѣтахъ воиновъ божіихъ, или тотъ, кто одинъ изъ нихъ? А что я такое—только скрипачъ!

Онъ отвернулся; голосъ его дрожалъ горькимъ разочарованіемъ и сдержанными слезами. Молли медленно подняла голову и взглянула на брата. Лицо его было торжественно, почти мрачно; но въ ту же минуту онъ увидѣлъ свое изображеніе въ зеркалѣ и расхохотался, какъ школьникъ, которому пришла въ голову смѣшная мысль. Молли вдругъ поразило то, что онъ никогда не смѣялся такъ, когда былъ ребенкомъ.

— Какъ тебѣ нравится, Молли, изображеніе этого артиста? Я—похожъ на крокусъ, это съ моей-то рожей? Тео, поставь на огонь котелокъ, сынъ мой, пора пить чай. И не будь такимъ безграничнымъ осломъ, если можешь избѣжать этого... Какъ, а что случилось съ масломъ? Гдѣ же бисквиты? Ты всѣ съѣлъ?

Джекъ перерылъ весь шкафъ.

— Не всѣ я, хозяйская кошка мнѣ помогала. Мы съ нею здѣсь пировали, пока ждали тебя. Она насорила на полу, а я былъ слишкомъ голоденъ, чтобы оставить даже крошки; я ничего не ѣлъ съ утра, съ завтрака въ Парижѣ.

— Отчего же ты не пообѣдалъ на пароходѣ?

— Денегъ не было. У меня хватило только на извозчика, и еще, кромѣ этого, осталось два пенса. Я хотѣлъ купить на нихъ булочку, но буфетчикъ былъ слишкомъ внушительнъ.

— Куда же ты дѣвалъ послѣдній чекъ Гауптмана?

— О... почему я знаю?

— Ну, а я знаю,—сердито сказалъ Джекъ.—Когда къ тебѣ въ слѣдующій разъ придетъ какой-нибудь проситель и расскажетъ чувствительную исторію, пошли-ка его ко мнѣ: я ужъ позабочусь, чтобы у тебя осталось кое-что на прожитіе. У тебя добрыя намѣренія, Тео, но ты—юродивый отъ рожденія: тебѣ нельзя довѣрять чековую книжку. Сиди смирно, и я добуду чего-нибудь поѣсть. Ужъ переночуешь здѣсь, а завтра телеграфируешь Гауптману, чтобы онъ прислалъ тебѣ денегъ.

Джекъ вышелъ, оставивъ Тео и Молли у огня. Ихъ снова охватило то же смертельное замѣшательство, что и часъ назадъ.

— Вы знаете брата лучше, чѣмъ я,—сказала вдругъ Молли, глядя на Тео своими серьезными глазами.—Я не поняла, что вы сейчасъ подразумѣвали.

Онъ улыбнулся, но тотчасъ же снова сталъ серьезенъ.

— А я не сумѣю вамъ объяснить; вы сами поймете,

когда лучше его узнаете. Я думаю, я хотѣлъ сказать, что онъ... самъ не сознаетъ... .

— Не сознаетъ?

— Да, какъ всѣ люди, поступающіе по законамъ своей собственной природы, а не руководствуясь этическимъ закономъ другихъ. Понимаете? Напримѣръ... возьмемъ справедливость—ему не нужно развивать этого качества. Это у него врожденная, вѣчно неудовлетворенная страсть, какъ музыка для меня. Поэтому-то онъ кажется мнѣ самымъ печальнымъ феноменомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ. Онъ всю жизнь будетъ жаждать справедливости, а ее нѣтъ...

Тео колебался съ минуту, не глядя на нее; потомъ вдругъ шопотомъ спросилъ:

— Значитъ „всѣ ваши двери заперты“?

Молли вскочила, протянувъ руки, точно желая остановить его, потомъ медленно опустила ихъ и отвернулась съ полнымъ безнадежнымъ равнодушіемъ.

— Да, всѣ, и ни у кого нѣтъ ключа къ нимъ.

Она отошла къ окну и стала смотрѣть въ него, повернувшись спиною къ Тео. Джекъ вернулся домой, нагруженный пакетами, увидѣлъ ее въ этомъ положеніи и, тихонокъ вадыхая, началъ варить яйца. Сестра была такъ близка къ нему, а Тео вспугнулъ ее въ ту минуту, когда чувство ея готово было робко распуститься, и она снова спряталась въ свою раковину, какъ улитка. Она уѣдетъ въ Порткэррикъ такой же чужою, какъ пріѣхала, и онъ лишится друга, который такъ нуженъ ему, благодаря другу, которому онъ самъ необходимъ.

ХІІ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Вѣнѣ, Джекъ почти ничего не слыхалъ о сестрѣ. Онъ разстался съ ней съ робкой надеждой, что завязавшаяся во время пребыванія Молли въ Лондонѣ дружба ихъ будетъ развиваться и крѣпнуть. Но съ той минуты, какъ Молли очутилась снова въ Порткэррикѣ, она вернулась къ прежнимъ натянутымъ, формальнымъ родственнымъ отношеніямъ. Письма ея, рѣдкія и короткія, казалось, были написаны школьницей, черезъ плечо которой смотритъ гувернантка. Черезъ нѣкоторое время и эти письма прекратились.

Горечь разочарованія была для Джека еще сильнѣе послѣ того короткаго, счастливаго мѣсяца взаимнаго довѣрія. Онъ достаточно узналъ внутренній міръ дѣвушки и не могъ сомнѣваться, что ея лучшія силы безцѣльно гложутъ въ тѣс-

ныхъ рамкахъ жизни въ Порткэррикѣ, что она сама сознаеть узость, фальшь и низкое лицемѣріе этой жизни.

Выраженіе лица Молли ясно показывало, что она несчастна и не находитъ себѣ удовлетворенія, а у него были еще и другія доказательства. Если бы не Тео, ему, можетъ быть, удалось бы вырвать ее изъ-подъ мертвящаго вліянія церковнаго дома или, по крайней мѣрѣ, поддержать въ неравной борьбѣ за личную свободу, за болѣе широкое, болѣе полезное, болѣе достойное жизненное поприще. Но бѣдный Тео, это кротчайшее, радужно-настроенное созданіе, нечаянно разстроилъ все. Казалось, онъ возбуждалъ въ душѣ Молли какую-то рѣзкую, сильную антипатію,—тотъ Тео, къ которому ласкалась каждая бездомная собака на улицѣ; котораго до сихъ поръ обожало каждое знавшее его живое существо!

Послѣ Вѣны Джекъ отправился въ Единбургъ, — получить ученую степень. Достигнувъ этого съ честью, но безъ особаго блеска, онъ вернулся въ Лондонъ и сталъ искать работы въ больницахъ. Онъ не боялся, что останется безъ дѣла; многіе профессора, знавшіе его еще студентомъ, обѣщали ему рекомендаціи, если представится вакансія.

Въ скоромъ времени дѣйствительно открылись двѣ вакансіи, и изъ нихъ Джекъ выбралъ ту, гдѣ вознагражденіе было меньше, такъ какъ это мѣсто представляло ему возможность больше учиться и имѣло то преимущество, что онъ не долженъ былъ жить при больницѣ.

Джекъ поселился въ бѣдномъ Блумсбери и работалъ какъ лошадь, стараясь наполнить каждую минуту своего времени тяжелымъ трудомъ, до смертельной усталости, чтобы не чувствовать ужаса и отчаянія своего одиночества. Онъ походилъ на человѣка, вошедшаго изъ темнаго коридора въ освѣщенную залу и торопящагося закрыть двери, чтобы за нимъ не прокралась тьма. Елена спасала его отъ власти ужаса; въ ея испѣляющемъ присутствіи онъ забывалъ, что на немъ тяготѣетъ проклятіе; но теперь, когда она покинула его, ужасы дѣтства снова протягивали ледяные пальцы воспоминаній и кошмаровъ и охватывали его, беззащитнаго. Пока онъ работалъ, онъ ничего не боялся, но безъ трепета не могъ думать о досугѣ и связанномъ съ нимъ одиночествѣ.

Да, онъ былъ совершенно одинокъ. Тео совершалъ артистическое турне по Америкѣ, а оттуда собирался прямо въ Австралію и Новую Зеландію; его отсутствіе могло продолжиться цѣлый годъ. Да и будь онъ въ Лондонѣ, это не принесло бы Джеку облегченія. Какое-то облако спустилось на ихъ дружбу; не менѣе теплая и не менѣе искренняя, она омрачалась со стороны Тео какой-то нервной раздражитель-

ностью, со стороны Джека,—глубокимъ, грустнымъ, все возрастающимъ въ его душѣ сознаніемъ своей неспособности понять натуру Тео, столь непохожую на его собственную. Елену онъ всегда понималъ.

Въ началѣ марта въ Лондонѣ наступила бурная и вѣтряная погода съ внезапнымъ пониженіемъ температуры, вызвавшая много болѣзней и горя и, сообразно съ этимъ, очень тяжелую работу въ госпиталяхъ.

Однажды вечеромъ, когда Джекъ, усталый и мокрый, возвращался домой подъ проливнымъ дождемъ, прямыми нитями падавшимъ на землю, при мерцающемъ свѣтѣ фонарей онъ замѣтилъ женскую фигуру, которая прильнула къ рѣшеткѣ какого-то двора, въ то время какъ вѣтеръ трепалъ на ея головѣ промокшій капюшонъ плаща. Онъ перешелъ черезъ улицу, чтобы помочь ей въ борьбѣ противъ свирѣпой бури, но когда добрался до противоположнаго тротуара, женщина повернула за уголъ и исчезла.

Онъ, наконецъ, добрелъ до дому, перемѣнилъ промокшее платье и усѣлся у своего дымившаго камина въ ожиданіи обѣда.

Вѣроятно, потому что онъ продрогъ и усталъ, ему въ этотъ вечеръ было еще труднѣе стряхнуть съ себя гнѣтъ, всегда лежавшій весною на его душѣ. Онъ сидѣлъ праздно, что рѣдко случалось съ нимъ, прислушиваясь къ сердитому шипѣнію дождевыхъ капель, падавшихъ сквозь трубу на горячіе угли въ каминѣ.

— Какая-то женщина справлялась о васъ,—сказала хозяйка, подавая обѣдъ.

— По такой погодѣ? Кто такая?

— Она не хотѣла назвать своего имени; сказала, что опять зайдетъ. Она все ходила взадъ и впередъ по улицѣ, поджидая васъ. Выглядитъ она очень плохо.

— Пациентка, которая ходитъ въ такую ночь по улицѣ. А какова на видъ?

— Не могла я разглядѣть,—она такъ закутана, но промокла насквозь. Странная такая,—дрожитъ, трясется, вся въ грязи, волосы растрепаны, а одѣта барыней. Сдается мнѣ, что она не въ своемъ умѣ.

— А можетъ просто у нея горе. Вѣроятно, что-нибудь серьезное, если...

Кто-то постучалъ во входную дверь, очевидно дрожащей рукой.

— Это вѣрно она,—сказала хозяйка.—Впустить ее, сэръ?

— Конечно.

Женщина вошла и остановилась въ полусвѣтѣ у двери; совершенно промокшее платье съ какимъ-то свистящимъ

звукомъ хлопало вокругъ ея ногъ. Хозяйка вышла, покачивая головою и бросивъ быстрый, подозрительный взглядъ.

— Мнѣ очень жаль, что меня не было дома, когда вы заходили ко мнѣ,—началъ Джекъ, вставая навстрѣчу.

Онъ не могъ разглядѣть свою посѣлительницу, потому что она закрыла лицо рукою, точно свѣтъ лампы ослѣплялъ ее, но онъ узналъ плащъ, который развѣвался по вѣтру у рѣшотки.

— Вы навѣрное насквозь промокли,—сказалъ онъ.—Вы желали видѣть меня...

Рѣчь Джека оборвалась, и онъ отступилъ назадъ. Женщина медленно направилась къ нему нетвердой, спотыкающейся походкой, точно она была слѣпая. Маленькіе ручейки воды текли съ ея плаща, съ ея юбокъ, съ распустившейся массы волосъ, упавшей на плечи. Капюшонъ плаща былъ надвинутъ на лобъ, но когда она опустила руку, Джекъ увидѣлъ, что ея наполовину закрытое лицо было совершенно блѣдно, растерянно и безумно.

— Молли!—закричалъ онъ.

Молли откинула капюшонъ и бессмысленно уставилась на брата. Она сдѣлала два или три бесполезныхъ усилія заговорить, прежде чѣмъ изъ устъ ея вырвался звукъ.

— Да,—сказала она,—ты былъ совершенно правъ!

— Молли! Что случилось?..

— Дядя выгналъ меня изъ дому. Ты говорилъ, что это такъ будетъ. Я пришла къ тебѣ... Мнѣ больше некуда идти. Примешь-ли ты меня на одну или двѣ ночи... пока я придумаю... что нибудь... приму мѣры... Я устала... мнѣ спать хочется... Я ничего не вижу...—Голосъ ея перешелъ въ невнятное бормотанье. Джекъ успѣлъ подхватить ее на руки.

— Сядь. Ты послѣ расскажешь. Теперь надо снять промокшія вещи.

Его прикосновеніе, казалось, привело Молли въ сознаніе, она вырвалась изъ его объятій.

— Я не сяду, пока ты не поймешь. Почему ты знаешь, захочешь-ли принять меня?.. Я говорю тебѣ, онъ выгналъ меня, потому что...

— Богъ съ тобою, дитя, что мнѣ за дѣло до этого? Снимай скорѣе твой плащъ, изъ него можно выжать ведро воды,—Джекъ сталъ растегивать ея плащъ. Молли вдругъ сорвала его съ себя и выступила въ освѣщенное пространство.

— Смотри,—сказала она.

Джекъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на нее; прошла минута, прежде чѣмъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, Молли от-вернулась съ медленнымъ, почти торжественнымъ жестомъ

и нагнулась поднять свой мокрый плащъ, кучей лежавшій на полу, но онъ выхватилъ его изъ ея рукъ съ крикомъ:

— О, моя бѣдная дѣвочка... и во власти дяди!

Съ внезапнымъ порывомъ нѣжности онъ схватилъ ее на руки и уложилъ на диванъ, покрывая поцѣлуями ея руки. Но его краснорѣчивое волненіе не вызвало въ ней отвѣта, она только слегка вздрагивала, безучастно лежа въ его объятіяхъ. Черезъ мгновеніе онъ опомнился:

— Какая ты холодная! Надо сейчасъ же снять всѣ эти мокрыя вещи. Подожди, я запру дверь и уйду въ спальню, пока ты раздѣнешься у огня. Я сейчасъ принесу что нибудь сухое, тебѣ придется пока обойтись моимъ бѣльемъ и одѣяломъ. Дай, я сниму прежде твои башмаки. Я думаю, придется раздѣзывать ихъ.

Придвинувъ диванъ къ огню и завернувъ Молли въ свое одѣяло, Джекъ побѣждалъ внизъ за горячими бутылками, кипяченымъ молокомъ и водкой.

Вернувшись, онъ нашелъ Молли въ какомъ-то оцѣпененіи, въ полуобморкѣ, полуснѣ, слишкомъ разбитой отъ усталости и холода, чтобы понимать, что ей говорить. Черезъ нѣсколько времени легкая краска выступила на ея посинѣвшихъ губахъ. Она открыла глаза и серьезно посмотрѣла на Джека.

— Джекъ,—сказала она—ты понялъ?

Джекъ сидѣлъ на краю дивана и грѣлъ ея руки. Онъ нагнулся и поцѣловалъ сперва одну, потомъ другую руку.

— Да, дорогая моя.

— И ты... примешь меня?

Онъ откинулъ съ ея лба мокрые волосы.

— Что ты, дурочка! выпей горячаго молочка и не говори глупостей!

— Нѣтъ, нѣтъ!—Молли отодвинулась отъ Джека и сѣла съ горящими глазами.—Ты хочешь быть милосерднымъ, какъ тетя Сара. Она пробовала вмѣшаться вчера, говорила дядѣ о женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи, и о кающейся грѣшницѣ... Мнѣ не въ чемъ каяться, и я не стыжусь. Ты долженъ понять это, прежде чѣмъ примешь меня. Моя жизнь принадлежитъ мнѣ, я могу сохранить ее и отдать, и если я предпочла погубить себя и поплатиться за это...

— Ты все это Расскажешь мнѣ послѣ, дорогая. Теоріи могутъ подождать, а твой ужинъ не ждетъ. Кушай, пока онъ горячій.

Она съ жадностью схватила чашку и попробовала пить. Теперь, въ первый разъ, силы измѣнили ей.

Джекъ стоялъ на колѣняхъ передъ диваномъ, прижимая къ себѣ сестру, и ему казалось, что прошло нѣсколько ча-

совъ, а она все рыдала на его плечъ. Наконецъ, Молли нѣсколько успокоилась, и онъ съ нѣжной настойчивостью заставилъ ее проглотить немного молока.

— Когда ты ѣла въ послѣдній разъ?

— Я... не помню. Какъ-то вчера. Все открылось днемъ... мнѣ кажется; или это было вечеромъ?.. Ахъ да! было темно. Я старалась найти немножко воды... на болотѣ было такъ холодно, а горло мое горѣло... Должно быть, отъ вѣтра... Я нашла лужу... но вода отзывала могилой... шла изморозь... у меня кружилась голова... я нѣсколько разъ падала... Вотъ отчего у меня руки такъ исцарапаны...

— Ты всю ночь провела на болотѣ? — Джекъ говорилъ сдавленнымъ голосомъ, грубо и едва слышно.

— Да... я дошла до Пенрика къ утру и захватила ранній поѣздъ... знаешь, тотъ, дешевой. Мнѣ посчастливилось, правда? У меня бы не хватило денегъ на экспресъ.

— Неужели онъ выгналъ тебя одну на болото, ночью, въ непогоду, безъ денегъ?

— Это произошло потому, что я не хотѣла отвѣчать на его вопросы. Тетя Сара дала мнѣ нѣсколько шиллинговъ, которые ей принесли съ чего-то сдачи. Она такъ горько плакала, бѣднаяжка. У меня самой было полъ-соверена. Мнѣ не хватило трехъ пенсовъ на билетъ, но у меня было нѣсколько почтовыхъ марокъ...

— Отчего у тебя синякъ на лбу?—первакъ Джекъ.

Лѣвый високъ Молли былъ расцѣченъ и распухъ; если бы ударъ пришелся однимъ дюймомъ ниже, она была бы убита. Она колебалась одно мгновенье, потомъ молча обнажила правую руку. Около локтя синими пятнами отпечатались слѣды пальцевъ.

— Я... не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ это нарочно,—кратко сказала она и опять опустила рукавъ.

— Онъ ударилъ тебя?—спросилъ Джекъ тѣмъ же беззвучнымъ, мертвымъ голосомъ.

— Онъ хотѣлъ заставить меня сознаться. Я отказалась сказать ему... кто отецъ. Онъ точно постепенно терялъ рассудокъ. Онъ все повторялъ,—кто? и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ мою руку. Тогда тетя Сара попробовала остановить его... онъ повалилъ меня на землю...

— Перестань, довольно!

При страстномъ звукѣ голоса брата, Молли повернулась къ нему. Она еще никогда не видѣла его въ гнѣвъ, и видъ его заставилъ ее замолчать.

— Лучше не говори мнѣ больше ничего о дядѣ,—сказалъ Джекъ снова спокойно, своимъ обыкновеннымъ голосомъ.—Ты вѣдь знаешь, что мы уже разъ чуть не убили другъ

друга; а теперь я долженъ позаботиться о тебѣ. Заключимъ условіе—никогда не упоминать его имени. Я думаю, пора приготовить тебѣ постель, дорогая, а о нашихъ планахъ мы поговоримъ завтра!

— А гдѣ же ты ляжешь, если я займу твою комнату?

— Здѣсь, на диванѣ, конечно. Мы устроимся пока такъ, на недѣльку на двѣ, а тамъ подыщемъ другую квартиру. Какъ только тебѣ станетъ лучше, надо будетъ тебѣ купить платье.

— Но Джекъ, не могу же я оставаться на твоихъ рукахъ. Все это прекрасно на одну ночь, но завтра я должна пріискать себѣ какую-нибудь работу.

— Голубчикъ, сразу найти работу не такъ-то легко, да ты и не въ состояннн работать, если бы она даже нашлась. Отдохни нѣсколько дней, а тамъ посмотримъ.

— О, ты не понимаешь! Еще больше двухъ мѣсяцевъ... а когда время настанетъ... Какъ ты думаешь, меня примутъ въ пріютъ, Джекъ?

Онъ повернулся къ ней, объятый смертельнымъ страхомъ.

— Молли, неужели ты покинешь меня?

— Ты хочешь, чтобы я осталась здѣсь, была бы тебѣ обузой, пока не родится ребенокъ? Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ!

— Отчего же нѣтъ? Развѣ тебя научили такъ ненавидѣть меня, что ты не можешь придти ко мнѣ, когда тебѣ нужна поддержка и помощь?

— Ты видишь, я пришла; не знаю почему. Я... думала, что ты все-таки не прогонишь меня. Если бы ты меня выгналъ, я бы...

— Что же, ты думаешь, у меня такъ много радостей въ жизни, что я могу прогнать солнечный лучъ, когда онъ заглянетъ ко мнѣ? Молли! Молли! Я принужденъ былъ жить всѣ эти годы безъ тебя. Теперь ты здѣсь, и твоя первая мысль—снова уйти! Я не отпущу тебя. Останься, хоть пока все кончится; если ты послѣ этого должна будешь уйти, ты, по крайней мѣрѣ, немножко поживешь со мной.

— Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь меня? Для тебя самого? Не изъ жалости? Мнѣ не нужна ничья жалость!

Джекъ засмѣялся и обнялъ ее.

— Такъ ты останешься?

— Постой немного.—Молли оттолкнула его, и лицо ея приняло жесткое выраженіе.

— Если я останусь съ тобой, ты долженъ обѣщать мнѣ, никогда не спрашивать, кто онъ, вообще не задавать никакихъ вопросовъ.

— Молли! Дареному коню въ зубы не смотреть! Если

онъ когда-нибудь отниметъ тебя у меня, я узнаю его, если же нѣтъ...

— Этого никогда не будетъ. Онъ меня забылъ.

Глаза Джека снова потемнѣли.

— Забылъ? Бросилъ тебя нести одной...

— Молчи!—крикнула она съ загорѣвшимися глазами.— Я люблю его!

Джекъ наклонилъ голову, молча, съ внутренней яростью.

— Не смѣй ни слова говорить противъ него, я сама сдѣлала свой выборъ. Онъ захотѣлъ меня, и я отдалась ему; я не торговалась, не требовала, чтобы онъ женился на мнѣ. Онъ былъ счастливъ, а я плачу за это. И почему мнѣ не платить, разъ я согласна? Это былъ свободный даръ!

Молли остановилась и поднесла руку къ разбитому виску.

— О, эта боль въ головѣ! Я почти ослѣпла!.. Слушай, Джекъ, если я струшу въ концѣ, если я буду бранить его, когда буду внѣ себя, помни всегда, что все, что я скажу—ложь. Мнѣ не на что жаловаться, не на что!

Вдругъ глаза ея наполнились слезами. Она обняла Джека обѣими руками.

— Ахъ, какая я безсовѣстная! Я пришла къ тебѣ, какъ умирающая съ голоду собака, просящая защиты, а когда ты принялъ меня, я же ставлю условія.

— Сокровище мое, ставь какія хочешь условія, только останься со мной!

— Такъ дай мнѣ сказать еще одно—ужасное!

Она схватила его за обѣ руки: ея пальцы горѣли.

— Обѣщай мнѣ, если я умру, а ребенокъ останется въ живыхъ, что ты усыновишь его, убьешь его, что хочешь съ нимъ сдѣлаешь, только спаси его отъ дяди.

Джекъ торжественно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не надо и брать такого обѣщанія.

— Вѣроятно, тебѣ не придется исполнить его. Нѣтъ...

Голосъ ея вдругъ оборвался, но затѣмъ она спокойно продолжала:

— Нѣтъ надежды на это. Мы, Рэймонды, ужасно выносливы.

— И ужасно одиноки иногда. Постарайся остаться въ живыхъ, Молли.

Ея большіе, задумчивые глаза смотрѣли прямо на него.

— Развѣ ты такъ одинокъ? Я думала... у тебя есть друзья.

— У меня есть Тео. Но Тео...

Джекъ не окончилъ фразы и разсѣянно уставился на огонь. Вдругъ онъ, вздрогнувъ, пришелъ въ себя.

— Молли, голубка, какъ ты дрожишь! О чемъ я думать, что сразу не уложилъ тебя въ постель!

XIII.

— Джекъ,—сказала Молли, входя въ его убогій маленький кабинетъ,—оставилъ бы ты свой микроскопъ на полчасика; ты выглядишь до смерти усталымъ.

Джекъ поднялъ голову отъ микроскопа, надъ которымъ онъ портилъ глаза съ той минуты, какъ возвращался изъ больницы. По субботамъ было всегда много работы въ переполненныхъ амбулаторіяхъ, а сегодня онъ чувствовалъ себя особенно усталымъ и больнымъ, благодаря густому ноябрьскому туману и тяжелому запаху газа, человѣческихъ тѣлъ и мокрыхъ лохмотьевъ.

— Нечего тебѣ браться за препараты до обѣда,—продолжала Молли,—ты ихъ, усталый, сдѣлаешь слишкомъ грубо, и у тебя разболится голова.

— О, я здоровъ, только всѣ эти приходящіе пациенты такъ неблагоприятны: они имѣютъ привычку говорить всѣмъ заразы, особенно въ такіе туманные дни. Шлепанье по грязи, кажется, приводитъ этихъ бѣдняковъ въ такое же волненіе, какъ ломовыхъ лошадей. Я самъ сегодня вернулся забрызганный съ головы до ногъ.

Молли обвила его шею руками. Они прожили вмѣстѣ почти четыре года и привыкли читать мысли другъ друга, какъ могутъ ихъ читать только самые лучшіе друзья. Никто другой, кромѣ Молли, не увидѣлъ бы по выраженію его рта, что онъ не только усталъ физически, но и нравственно угнетенъ.

— Дурныя вѣсти?—спросила она тихонько, прижимаясь щекой къ его волосамъ.

— Нѣтъ, ничего особеннаго. Съ моей стороны просто глупо вѣшать голову въ ту минуту, когда я, наконецъ, добился хорошаго содержанія, да еще мнѣ такъ повезло съ медицинскимъ конгрессомъ.

— А можетъ быть, въ этомъ-то и кроется причина твоего угнетенія. Въ тѣ дни, когда намъ почти нечего было ѣсть, меня никогда такъ не угнетали недѣльные счета, какъ теперь, когда я могу тратить на хозяйство три фунта въ недѣлю.

— Нечего тебѣ беспокоиться, родная,—послѣдній шиллингъ долга будетъ уплаченъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Ты вѣдь знаешь, всѣ наши матеріальныя затрудненія кончились, даже частная практика начинаетъ развиваться.

Молли со смѣхомъ поцѣловала брата.

— Поэтому-то ты носишь вѣшаешь? Мы съ тобой курьезные

люди, Джекъ: нашего мужества хватаетъ только на тяжелыя времена, но при первой же удачѣ у насъ руки опускаются.

— Ты права,—серьезно отвѣтилъ Джекъ,—я не стою ни гроша. Два года тому назадъ, когда мальчикъ былъ такъ боленъ, а въ домѣ не было ни копѣйки, мелкія заботы и туманъ не привели бы меня въ разстройство. Я избаловался, и это твоя вина, Молли; если ты будешь такъ нянчиться со мной, я растолстѣю, расчувствуюсь, начну капризничать, какъ старый богатый пациентъ, придумывающій болѣзни отъ нечего дѣлать.

— Лучше и не пробуй, а то я отдамъ тебя на расправу Джонни. Онъ найдетъ для тебя дѣло!

— Да, однако, у меня и теперь есть дѣло, а я болтаю о пустякахъ и теряю время. Стоило конгрессу приглашать меня для демонстраціи препаратовъ, если мнѣ нечего будетъ показать ему. Все должно быть готово и отправлено въ Эдинбургъ къ 15-му.

Молли продолжала обнимать его.

— Постой минуточку: ты не сказалъ мнѣ, какія у тебя мелкія заботы? Пациенты въ больницѣ?

— Да, пациенты, и Тео...

— Ты получилъ письмо сегодня утромъ?

Голосъ ея вполне повиновался ей, и она такъ нагнулась надъ Джекомъ, что онъ не могъ видѣть выраженія ея глазъ.

— Да, онъ меня беспокоитъ. Онъ пишетъ изъ польскихъ танцевъ сюиту для струнныхъ инструментовъ и увѣряетъ, что звуки облекаются въ образы и всю ночь пляшутъ вокругъ его постели. Почеркъ его опять сталъ такой нетвердый; а ты знаешь, что это у него значитъ.

Молли глядѣла куда-то мимо головы брата большими, серьезными глазами. Онъ вздохнулъ и прибавилъ съ покорнымъ видомъ:

— Тео не говоритъ на этотъ разъ, кто она, но я увѣренъ, что *она* существуетъ; это неизбежное условіе его творчества. Трудненько понять, чтобы привязанность человѣка могла такъ скакать съ одного предмета на другой.

— Можно сказать одно: если радуга не постоянна, она все же чиста и прекрасна. Каждый артистъ—великое дитя; его талантъ защищаетъ его отъ грязныхъ увлеченій.

— Тѣмъ хуже,—мрачно прервалъ Джекъ.—Если бы онъ затѣвалъ обыкновенныя интриги, свѣтскій флиртъ, какъ дѣлаютъ 99 процентовъ пользующихся успѣхомъ музыкантовъ...

— Онъ никогда не написалъ бы „Симфоніи крокусовъ“.

— Да, правда, его музыка опошлilась бы. Но, по крайней мѣрѣ, никто бы не страдалъ. А теперь... Молли, у меня сердце болитъ за тѣхъ женщинъ, что любили его. Напримѣръ, эта молоденькая австрiйская принцесса—помнишь, въ тотъ годъ, какъ Джонни родился?—я долго говорилъ съ нею. Бѣдная дѣвочка серьезно вѣрила, что онъ будетъ вѣренъ ей, и что хуже всего, онъ самъ вѣрилъ этому. Я не сомнѣваюсь, она пережила свое разочарованiе и вышла замужъ по желанiю отца; но думаешь-ли ты, что она осталась прежней дѣвушкой? Онъ разбилъ на куски ея юность и нашелъ себѣ другую игрушку.

— Совсѣмъ такъ, какъ сдѣлалъ бы Джонни, если бы ты далъ ему поиграть какую-нибудь драгоценную вещь. Это привилегiя младенцевъ и боговъ, всѣхъ беззащитныхъ и божественныхъ существъ; они берутъ наше счастье и разбиваютъ его, а мы утѣшаемся обломками.

Братъ внезапно обернулся и обнялъ ее.

— Какъ ты смягчилась, Молли, послѣ рожденiя ребенка! Иногда ты напоминаешь мнѣ мать!

— Мать Тео?

— Да, или мать Христа. Она казалась мнѣ всегда воплощенiемъ католической идеи Мадонны: всеобщая мать.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я мать Джонни, Джекъ, какъ могу я жестоко относиться къ кому бы то ни было? когда у меня есть ребенокъ?

Она сѣла у камина и пододвинула корзину съ бѣльемъ для починки.

Джекъ, насвистывая, снова принялся за свои препараты, Молли начала серьезно штопать чулокъ; никто изъ нихъ не былъ въ настроенiи продолжать разговоръ.

— Мама!—запищаль изъ сосѣдней комнаты тонкiй голосокъ.—Мой домъ развалился!

Молли встала и открыла дверь. Кирпичики разсыпались по коврѣ; среди развалинъ сидѣлъ Джонни, съ отчаянiемъ вытаращивъ глаза, готовый расплакаться. Мать подхватила его и внесла въ кабинетъ.

— Ничего, сыночекъ; мы завтра другой домъ выстроимъ. Иди, играй здѣсь, пока твое молочко будетъ готово, только не толкай стола: Джекъ дѣлаетъ препараты.

Джонни вырвался изъ ея объятiй и побѣжалъ къ столу, весело и вопросительно блестя синими глазками.

— Дядя!—онъ протянулъ къ микроскопу пухлую рученку,—хочу посмотреть! Дядя!

Слово „дядя“ было совершенно новое въ его словарѣ, и онъ гордился имъ. Сусанна, служанка, только что внушила

ему, что маленькіе мальчики не должны звать дядю просто Джекомъ.

Джекъ быстро поднесъ къ губамъ лѣвую руку и укусилъ ее. Черезъ минуту онъ вспомнилъ, что даже боги имѣютъ состраданіе, и что его дѣтство прошло.

— Я хочу посмотрѣть!—повелительно повторилъ Джонни. Онъ не привыкъ ждать.

— Не надоѣдай Джеку, голубчикъ,—сказала мать.—Онъ занятъ.

— Онъ мнѣ не мѣшаетъ, я люблю, когда онъ со мной. Джекъ наклонился и поднялъ ребенка на колѣни.

— Что ты хочешь посмотрѣть, буянъ? Сегодня нѣтъ ничего интереснаго.

— Заставъ звѣрьковъ прыгать.

— Звѣрьковъ?

— Онъ хочетъ сказать инфузорій,—вмѣшалась Молли.— Ты на дняхъ показывалъ ему каплю воды.

— А, вотъ что! Нѣтъ, цыпленокъ, сегодня у меня нѣтъ воды изъ канавы, а въ водѣ изъ нашего графина звѣрькамъ прыгать не позволяютъ.

— Отчего?

— Чтобы они не прыгнули тебѣ въ горлышко, а то оно можетъ заболѣть у тебя. Ну, влѣзай на этотъ стулъ и садись рядомъ со мной, только не толкай меня подъ локоть. О, чортъ возьми, этотъ винтъ!

Джекъ нагнулся, нахмурилъ брови, и сталъ подвинчивать микроскопъ. Домашній кумиръ критически смотрѣлъ на него.

— Ты не такъ вертишь,—замѣтилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Ты правъ, сынокъ, а заслоняя головой свѣтъ, ты не можешь помочь мнѣ.

— Кажется, идетъ Сусанна,—вмѣшалась Молли.—И я думаю, горячія булочки къ чаю уже готовы. Бѣги скорѣй, вымой свои грязныя лапки.

Она открыла дверь, и Джонни, сіяющій при мысли о горячихъ булочкахъ, побѣжалъ къ Сусаннѣ.

Тотчасъ же изъ кухни раздались восторженные крики.

— Молли,—сказалъ Джекъ, низко нагнувшись надъ микроскопомъ,—не позволяй ребенку звать меня дядей, ради Бога!

Эпидемія дифтерита, распространяясь на югъ Англіи, дошла до Корнуэлля. Въ Порткэррикѣ и въ окрестныхъ деревушкахъ дѣти заболѣвали и умирали одинъ за другимъ.

Осень была мокрая и бурная, тяжелая для рыбаковъ. Много

жизней погибло въ морѣ, и ничтожное количество рыбы, которую по затопленнымъ дорогамъ тащили на рынокъ, не оплачивало труда и опасности ловли.

Бѣдность, заботы и утомленіе тяжело ложились на бѣдную деревушку еще въ сентябрѣ, а теперь, подѣ самое Рождество, пришла ужасная болѣзнь.

Положеніе жителей Порткэррика было бы еще хуже, если бы не викарій. Д-ръ Дженкинсъ, постарѣвшій, заработавшійся, преслѣдуемый вѣчной заботой о громадной семьѣ при незначительныхъ доходахъ, дѣлалъ, что могъ; но какъ ни былъ онъ добросовѣстенъ и старателенъ, онъ ничего не могъ бы сдѣлать безъ поддержки болѣе смѣлаго человѣка. Викарій вербовалъ добровольныхъ помощниковъ; собиралъ пожертвованія; безъ усталы ходилъ по залитому болоту отъ одного коттеджа къ другому, навѣщая больныхъ и несчастныхъ, разслѣдуя положеніе бѣдняковъ, находя временныя убѣжища, вдали отъ зараженныхъ мѣстъ, для сестеръ и братьевъ заболѣвшихъ дѣтей. Въ эти тяжелые дни онъ съ утра до ночи былъ на ногахъ, совсѣмъ сѣдой и не такой подвижный, какъ въ то время, когда Джекъ зналъ его, но такой же прямой и неутомимый.

Что касается до миссисъ Рэймондъ, она осталась той же преданной женой. Она стала слишкомъ слаба, отяжелѣла и страдала астмой, поэтому не могла бѣгать цѣлый день по деревнямъ, какъ ея мужъ; у нея не хватило мужества для самой себя, не то что для помощи другимъ; она не смѣла искушать боговъ, утѣшая женщинъ, потерявшихъ своихъ дѣтей, но она безъ сожалѣнія, покорно отдавала несчастнымъ то немногое, что могла дать. Она еще разъ перевернула свое старое шелковое платьѣ, чтобы оно могло прослужить еще годъ, и робко сунула въ руку викарія скопленные на покупку платья деньги, со словами: „на угли, на одѣяла, Джозайа“. Утро она проводила въ стряпнѣ суповъ и желе для больныхъ, день — въ шитьѣ и вязанѣ для нихъ же, но раздавалъ пособія самъ викарій.

Въ старости, какъ и въ молодости, она пряталась за своего господина и спрашивала его одобренія каждому своему шагу, терпѣливая Гризельда, состарѣвшаяся въ повиновеніи, въ глазахъ которой постоянно мелькалъ призракъ ужаса.

Надрывавшій душу дождь, наконецъ, прекратился, и въ одно прекрасное утро, накрывая на столъ, миссисъ Рэймондъ замѣтила на скатерти солнечный отблескъ. Первымъ ея движеніемъ — было вознести горячую благодарность за милосердный отвѣтъ на ея молитвы: если наступитъ сухая погода, болѣзнь, можетъ быть, наконецъ, прекратится. Второе —

явилось слѣдствіемъ многолѣтней привычки: она разложила на полу газеты, чтобы коверъ не выцвѣлъ.

Членъ санитарнаго правленія въ Труро зашелъ къ викарію вмѣстѣ съ нимъ самимъ, чтобы наскоро закусить; они оба должны были присутствовать на засѣданіи комитета, а потому хотѣли обойти нѣсколько домовъ, неблагополучныхъ въ санитарномъ отношеніи.

— Я, вѣроятно, вернусь поздно, — сказалъ викарій женѣ, — недалеко отъ Зенноръ-Кресса опять покойникъ, и я долженъ зайти туда, когда мы кончимъ осмотръ.

— Не душите себя работой, — замѣтилъ посѣтитель, — что тогда будетъ съ Порткэррикомъ?

— Надѣюсь, что мы задушимъ дифтеритъ, — мужественно отвѣтилъ викарій, — и мы очень скоро сдѣлаемъ это, если Всемогушій въ милосердіи своемъ пошлетъ намъ хорошую погоду.

Санитарный чиновникъ одобрительно закивалъ головой. Онъ самъ былъ серьезный дѣятель и любилъ хорошихъ работниковъ. Неукротимая энергія викарія приводила его въ восторгъ. „Что за славный старикъ! — говорилъ онъ д-ру Дженкинсу. — По виду черствый и жесткій, какъ старый сухарь, а какъ работаетъ!“ Онъ съ искреннимъ восхищеніемъ смотрѣлъ на суровое лицо старика.

— А кстати о дифтеритѣ, — заговорилъ онъ. — Не родственникъ-ли вамъ д-ръ Рэймондъ изъ Блумсбери, который въ послѣднее время дѣлалъ опыты съ дифтеритнымъ ядомъ? Я видѣлъ объ этомъ статью въ „Ланцетѣ“; онъ будетъ читать докладъ на конгрессѣ въ Единбургѣ. Его теорія возбуждала всеобщій интересъ.

Если бы онъ обернулся къ миссисъ Рэймондъ, ея испуганные глаза заставили бы его замолчать, но онъ смотрѣлъ на викарія, въ неподвижномъ лицѣ котораго ни одинъ мускулъ не дрогнулъ.

— Да, это родственникъ.

— Неужели? Однако, какъ свѣтъ не великъ! Я прожилъ цѣлую недѣлю въ одномъ пансіонѣ съ д-ромъ Рэймондомъ; прошлымъ лѣтомъ я проводилъ свой отпускъ на южномъ берегу, и онъ тоже былъ тамъ съ сестрой, молодой вдовой, я думаю, и ея маленькимъ сыномъ, прелестнымъ ребенкомъ!

Вдругъ онъ замѣтилъ принужденное молчаніе окружающихъ, и самъ замолчалъ.

— Это родственники, — повторилъ викарій, — но мы не знаемъ ихъ.

Разговоръ неловко замаялся на нѣсколько минутъ, потомъ посѣтитель взглянулъ на часы.

— Пора идти, я думаю.

Въ саду викарій вдругъ остановился.

— Простите, — сказалъ онъ своему спутнику, — я забылъ дать женѣ одно порученіе. Я догоню васъ по дорогѣ.

Онъ вернулся въ домъ. Жена опутивъ глаза въ полъ, неподвижно стояла на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ.

— Сара, — началъ онъ и остановился въ дверяхъ.

Она вадрогнула, но сейчасъ же подобралась и подошла къ нему.

— Ты забылъ что нибудь?

Онъ медлилъ отвѣтомъ, смотря мимо нея.

— Можеть быть, ты чувствуешь себя одинокой, когда я ухожу?

— Нѣтъ, Джозайа, я привыкла.

— Да. — Онъ снова остановился.

— Я думалъ... не хочешь-ли ты, чтобы къ тебѣ иногда приходила посидѣть дѣвочка д-ра Дженкинса? Она славная, спокойная малютка, а ты всегда такъ любила дѣтей... Слова замерли на устахъ викарія, когда онъ увидѣлъ, какъ она отшатнулась отъ него, вытянувъ руки, съ широко-раскрытыми глазами полными ужаса.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джозайа! О, не приводи сюда дѣтей!

Лицо его, какъ будто, окаменѣло.

— Ты хочешь сказать, Сара...

Они стояли и смотрѣли другъ на друга. Онъ оказался храбрѣе, — ея взглядъ опустился, худыя, старыя руки безсильно повисли.

— Я... я не такъ сильна, какъ прежде... а дѣти такъ шумять...

Онъ не сдался. — Какъ хочешь, — сказалъ онъ и вышелъ.

Она смотрѣла на него изъ окна, пока онъ шелъ по лугу: черная, мрачная фигура на фонѣ пейзажа, корректная, прямая, съ упрямыми плечами, которыхъ ни года, ни тяжесть позора не могли согнуть... Потомъ она усѣлась къ своему рабочему столу и стала штопать носки.

На колокольнѣ пробили часы; двери школы раскрылись, и толпа маленькихъ дѣвочекъ, смѣясь, болтая и размахивая сумками, высыпала на улицу.

Миссисъ Рэймондъ сложила работу.

— Что-то мои глаза ослабѣли за послѣднее время, — сказала она вслухъ, точно въ комнатѣ былъ какой-то невидимый слушатель, передъ которымъ она должна лицемѣрить.

— Они болятъ отъ шитья. — И она украдкой провела по нимъ рукой. Потомъ встала, раздвинула накрахмаленныя бѣлыя занавѣски, осторожно, чтобы не измять ихъ, и выглянула въ окно на дѣтей. Онѣ бѣжали по лугу, нѣкоторые мимо окна

даже не взглянувъ на него, другія равнодушно глядѣли на нее, какъ она, старая и одинокая, стоитъ и смотритъ такимъ взглядомъ, какимъ, бывало, смотрѣла на Спотти...

Миссисъ Рэймондъ вадрогнула, какъ вздрагивала Спотти, когда кто-нибудь проходилъ мимо нея по двору, и поспѣшила задернуть занавѣски. Но бахрома занавѣсей не мѣшала ей видѣть дѣтей. Это были чужія дѣти, съ холодными неласковыми глазами, но у многихъ изъ нихъ были атласныя щечки съ золотистымъ загаромъ, и у всѣхъ—быстрыя ножки и смѣющіеся голоса, а у одной малютки (но она отвернулась, когда та бѣжала мимо)—золотисто-каштановые локоны, блестящіе на солнцѣ; рука другой женщины расчесывала ихъ и связывала ленточкой..

„Джонни опасно боленъ. Дифтеритъ. Зовешь тебя“.

Джекъ еще и еще разъ повторялъ эти слова.

Ихъ выстукивали колеса поѣзда; дребезжаніе оконъ, дыханіе спящихъ пассажировъ, тяжелая тупая боль въ груди или въ головѣ (онъ не отдавалъ себѣ отчета—гдѣ)—все утомляло и раздражало его бессмысленнымъ повтореніемъ тѣхъ же словъ. Иногда они обрывались на минуту, и онъ слышалъ другія, едва внятные, но назойливыя и несмолкающія: „ты опоздаешь, опоздаешь, опоздаешь“! Навѣрное это ст. Альбансъ,—этотъ клубокъ темныхъ улицъ, промелькнувшій за окномъ. Скоро онъ будетъ дома. Но прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ телеграмма Молли вызвала его съ завтрака въ Единбургъ и заставила мчаться съ первымъ же поѣздомъ обратно въ Лондонъ. Все могло случиться съ тѣхъ поръ! Если бы онъ только не поѣхалъ на медицинскій конгрессъ! Если бы...

Джекъ опустилъ окно и высунулся. Уже стемнѣло, но зимою такъ рано темнѣетъ... Тамъ и сямъ на плоской равнинѣ слабо блестѣли снѣжныя пятна.

Какъ-то вышло, что до послѣдняго дня онъ не отдавалъ себѣ отчета, чѣмъ былъ для него ребенокъ.

Ему некогда было раздумывать о своихъ личныхъ привязанностяхъ; у него всегда было такъ много дѣла: и больница, и микроскопъ, и подготовка студентовъ къ экзаменамъ, чтобы свести концы съ концами. Нельзя же было пренебрегать представлявшимися случаями заработать нѣсколько лишнихъ фунтовъ, когда нужно прокормить три рта и еще откладывать на воспитаніе Джонни. Когда онъ, наконецъ, освобождался, онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ, а тутъ еще звали къ пациентамъ, или приходилось мчаться на экспрессъ черезъ всю Европу въ отвѣтъ на отчаянные те-

леграммы Тео. Бѣдный Тео! Периодическія трагедіи его съ графинями и герцогинями всегда случались въ самое неудобное время, — но онъ относился къ нимъ такъ горячо, пока онѣ разыгрывались! Только годъ тому назадъ пробовалъ онъ удушить себя угаромъ вмѣстѣ съ непонятой красавицей, молоденькой женой какого-то плѣшиваго посланника. Прощальная телеграмма его застала Джека въ жестокой инфлуенціи, но онъ вскочилъ съ постели и съ курьерскимъ поѣздомъ помчался въ Брюссель (Весьма благоразумно было со стороны природы создать его выносливымъ какъ ломовая лошадь!).

Джекъ пріѣхалъ какъ разъ во время, чтобы открыть окна, скрыть скандалъ отъ репортеровъ и подать первую помощь, а затѣмъ утѣшенія и совѣты обоимъ взрослымъ дѣтямъ.

Вѣроятно, они теперь забыли даже о существованіи другъ друга...

— „Ты опоздаешь, опоздаешь, опоздаешь...“

Жестоко, однако, что это дифтеритъ, та самая болѣзань, надъ которой онъ работалъ въ послѣдніе три года, побѣдить которую втайнѣ надѣялся. Онъ былъ почти убѣжденъ теперь, что стоитъ на порогѣ великаго открытія; но какая польза въ открытіяхъ, если они не могутъ спасти любимаго ребенка? Какая польза въ нихъ, если уже слишкомъ поздно.

Джекъ снова поднималъ окно, прижался въ свой уголъ и закрылъ глаза. Онъ чувствовалъ себя усталымъ, когда уѣзжалъ изъ Эдинбурга, а теперь въ вискахъ его стучало точно молотками. Надо посидѣть смирно нѣсколько минутъ и стараться не слышать стука колесъ.

А вотъ и лѣстница... дверь заскрипѣла, когда дядя толкнулъ ее... чердачная комната съ покатымъ потолкомъ... двѣ балки на потолкѣ...

Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Воображеніе перенесло его назадъ, къ дѣтству, въ церковный домъ въ Порткэррикѣ, въ комнату ужасовъ и мученій.

Уже нѣсколько лѣтъ къ нему не возвращался тотъ кошмаръ, который мучилъ его послѣ смерти Елены. Онъ провѣлъ рукой по лбу: лобъ былъ мокрый.

Вѣдь это бессмысленно: не можетъ же человѣкъ, у котораго столько дѣла, распускать свои нервы и впадать въ истерики, точно Тео.

— Если бы только ребенокъ выжилъ...

— Позвольте билеты!

Когда дверь распахнулась, Джекъ выпрямился; онъ смутно сознавалъ, что въ полузабытій торговался съ какимъ-то неизвѣстнымъ божествомъ, обѣщая забыть Порткэррикъ, уничтожить въ своей памяти картину комнаты на чердакѣ, если только ребенокъ будетъ жить...

Сестра встрѣтила его на лѣстницѣ, на перилахъ которой висѣла простыня, пропитанная дезинфицирующей жидкостью. На лицѣ ея было странное, безучастное выраженіе, точно ее только что разбудили и глаза ея еще слипаются отъ сна.

— Молли,—началь Джекъ, и замеръ; потомъ прошепталъ опять:—Молли?..

Она опустила голову на его плечо.

— Ты опоздалъ...

Они вошли въ комнату. Тамъ все уже было прибрано; лампа подъ абажуромъ горѣла у кровати, въ которой лежалъ Джонни, точно большая восковая кукла; золотые локоны его разсыпались по подушкѣ, въ правую ручку былъ вложенъ букетъ подсыѣжниковъ.

Джекъ опустился на колѣни и долго стоялъ безмолвно и неподвижно. Наконецъ, онъ открылъ лицо маленькаго покойника и поцѣловалъ холодную ручку ребенка.

Когда Джекъ поднимался, онъ задѣлъ рукавомъ за абажуръ и отодвинулъ его. Полоса яркаго свѣта упала на кровать и освѣтила восковое личико: оно какъ двѣ капли воды походило на лицо Елены.

Джекъ замеръ. Минуты медленно текли, а онъ все стоялъ и смотрѣлъ. Точно что-то оборвалось и умерло внутри его. Въ жизни дѣлаешь столько ошибокъ, а когда онъ обнаружатся, оказывается, что онъ ровно ничего не значуть; да развѣ что-нибудь въ мірѣ имѣеть значеніе?

Что-то пошевелилось по ту сторону кровати. Это была Молли. Джекъ поднялъ голову, и глаза ихъ встрѣтились. Она протянула руки передъ собой, точно онъ хотѣлъ ударить ее.

— Ахъ, не смотри такъ сурово! Онъ хотѣлъ сказать тебѣ; онъ не виноватъ, вина моя!

— Моя вина,—устало отвѣтилъ Джекъ и отвернулся.—Я долженъ былъ видѣть.

Джекъ отошелъ къ пустому камину и облокотился на него, глядя въ пустую рѣшетку. Молли подошла къ нему.

— Я не могла сказать тебѣ, дорогой. Ты бы возненавидѣлъ его. Никто на свѣтѣ не любить его вѣрно и преданно, кромѣ тебя и меня, а меня онъ забылъ... Если ты измѣнишь ему...

Она остановилась. Джекъ не шевелился, и лицо его было попрежнему сурово. Молли обвила его шею рукой, какъ всегда это дѣлала Елена.

— Вспомни, вѣдь онъ не то, что обыкновенный человѣкъ. Несправедливо порицать его, если даже онъ дѣлаетъ намъ

больно. Онъ не понимаетъ отвѣтственности такъ же, какъ дитя или жаворонокъ. Не его вина, что онъ гений. И если я родила ему сына, онъ тоже подарилъ мнѣ свое дитя, свою первую симфонію. Какъ бы тамъ ни было, пусть даже есть что прощать, я уже давно простила. Кто-нибудь долженъ платить за музыку.

Джекъ безнадежно покачалъ головой.

— Ты не понимаешь. Я не о тебѣ думалъ Ты не будешь покинута, пока я живъ, и, въ худшемъ случаѣ, ты взрослая женщина — сумѣешь отстоять себя, насколько это возможно живому созданію. Но если бы ты и я вдругъ умерли, а ребенокъ остался бы въ живыхъ и попалъ въ руки дяди... Подумалъ-ли онъ объ этомъ?

Молли прижалась щекой къ его лицу.

— Голубчикъ, это нехорошо и несправедливо, не похоже на тебя; ты всегда былъ справедливъ. Опасности для Джонни никогда не было; навѣрное ты или я сумѣли бы спасти его, хотя бы капелькой хлороформа. Во всякомъ случаѣ судьба была милосердна: что она ни сдѣлала намъ, она пощадила ребенка. Джекъ, ты не имѣешь права ожесточаться противъ него: ребенокъ не пострадалъ. Онъ сдѣлалъ зло только мнѣ, но я не жаловалась.

— Не бойся,—отвѣтилъ Джекъ, вздыхая.—Разницы не будетъ; ничто не можетъ измѣнить нашихъ отношеній. Онъ ея сынъ и имѣетъ право на меня. А я долженъ пережить это какъ-нибудь.

Въ наружную дверь постучали.

— Должно быть телеграмма. Изъ Эдинбурга, вѣроятно; я долженъ былъ продемонстрировать препараты сегодня вечеромъ. Мнѣ, Сусанна? Нѣтъ, отвѣта не будетъ.

Дверь затворилась и въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Изъ Эдинбурга? — спросила Молли. Джекъ все еще стоялъ, держа телеграмму въ рукахъ. Когда онъ повернулся къ Молли, выраженіе его лица точно ударило ей по сердцу. Что-то слабое и горькое, какая-то тѣнь улыбки мелькнула на его лицѣ и исчезла.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Опять, должно быть, что-то стряслось съ одной изъ герцогинь.

Джекъ протянулъ Молли телеграмму. Она была изъ Парижа.

— „Случилось ужасное несчастіе. Пріѣзжай. Тео.“

Молли молча положила бумагу на столъ и вернулась къ сыну.

Джекъ провелъ рукой по глазамъ. Слабое, смутное отраженіе былого дѣтскаго горя вспыхнуло передъ нимъ и ис-

чезло, полузабытый образъ птички, улетающей изъ открытой клѣтки... Онъ тоже подошелъ къ кроваткѣ.

— Молли, сколько у насъ денегъ въ домѣ?

— Три соверена и сколько-то мелочи.

Джекъ взглянулъ на часы.

— Я возьму золото и напишу тебѣ чекъ. Гдѣ карболовая кислота? Вели, дорогая, Сусаннѣ позвать извозчика, пока я дезинфецируюсь; я только, только успѣю захватить курьерскій поѣздъ: онъ отходить въ 9 часовъ отъ Чэрингъ-Кросса.

Онъ съ минуту молча стоялъ, опустивъ глаза; потомъ наклонился и закрылъ простынею личико Джонни.

* * *

Обманчиво-нѣма глухая тишь ночей...

Въ ней смутно слышатся таинственные звуки,

Какъ-будто цѣлый міръ видѣній и тѣней

Наполнилъ тишину рыданьемъ горькой муки.

То слышится вдали неудержимый плачь,

Какъ-будто бы излить всѣ слезы кто-то хочетъ,

И злобно въ тѣмѣ ночей безжалостный палачь

Надъ нимъ презрительно хохочетъ;

То пронесется вдругъ восторга полный крикъ,

Безумно-дикій крикъ желанія и счастья,

Какъ будто бы къ устамъ устами кто приникъ

И позабылъ весь міръ въ порывѣ сладострастья.

То смѣхъ послышится, веселый, звонкій смѣхъ,

То голосъ нищеты, унылый и печальный...

Нестройный гулъ толпы средь праздничныхъ потѣхъ

Вдругъ звонъ колоколовъ покроетъ погребальный...

О, сколько въ немъ тоски, въ безмолвіи ночномъ!

Недвижна и мертва, ночь говорить и дышетъ,—

И трижды счастливъ тотъ, кто знаетъ жизнь лишь днемъ,

Кто ночью сладко спитъ и тишины не слышитъ!

М. Бескинъ.

НЕИЗРЕЧЕННЫЙ СВѢТЪ.

(Разсказъ).

ВІІ.

Именины о. Романа шли по программѣ какъ по маслу. Весело было словно на свадьбѣ. Сначала отцы, видя въ своей средѣ малознакомыхъ свѣтскихъ гостей—слѣдователя Салманова, одутловаатаго господина среднихъ лѣтъ въ золотыхъ очкахъ, со скучающимъ видомъ, и молодого угловато-педвижного станового Калчанова, въ высокихъ ботфортахъ, нѣсколько стѣснялись, но когда усмотрѣли, что это очень простые люди и не дураки выпить, воодушевились. Пили много, при чемъ молодые батюшки на этотъ разъ воздали равную честь всѣмъ винамъ по совершенно неожиданному обстоятельству. О. Николай Гусевъ, изрядно заложивши за бѣлый воротничекъ, кокетливо выставившійся изъ-за зеленой рясы, спросилъ сидящаго передъ нимъ станового:

— А гдѣ такъ называемая мадера хересовна?—На это становой отвѣтилъ:

— А не угодно ли хереса мадерыча?

Это направило мысли всѣхъ въ одну сторону, и гости начали изощрять свое остроуміе въ установленіи родства винъ. Языки заработали.

— Мнѣ бы двоюродную сестру вишневки,—просилъ одинъ.

— Это которая?

— А вотъ та, что стоитъ рядомъ съ tenerифовой свояченицей.

— Такъ это золовка, глаголемая горькая полынь.

Уѣздный наблюдатель, о. Александръ Святицкій, человѣкъ очень сентенціозный, но довольно горделивый, ибо онъ нѣсколько не зависѣлъ отъ мѣстнаго духовенства, а, напротивъ, представлялъ собою особое, параллельное благочинному, начальство по школьному дѣлу, не принималъ дѣятельнаго участія въ выпивкѣ и остроуміи расходившейся компаніи.

Желая подняться въ глазахъ скучавшаго слѣдователя на особую высоту, онъ, обернувшись къ нему, громко на весь столъ выводилъ высокимъ, сдавленнымъ фальцетомъ:

— Церковно-приходскія школы—это, такъ сказать...

— Самодѣльное винодѣліе!—сболтнулъ о. Николай Гусевъ, не слушая оратора, который принялъ это на свой счетъ и, обидчиво затаивъ что-то въ душѣ, замолкъ.

— Всѣ вина одной крови,—продолжалъ о. Николай,—мать ихъ водка, а отецъ...

— Шпиртъ!—закончилъ мысль о. Гусева сидѣвшій на углу стола большепеузинскій дьяконъ Бычковъ, Федоръ Гавриловичъ или, по семинарскому сокращенію имени и отчества въ одно слово,—Федрилычъ.

Всѣ захохотали и подхватили:—шпиртъ! шпиртъ! молодецъ дьяконъ!

— А не такъ ли я говорю?—возвысилъ голосъ старый дьяконъ, чувствуя, что на него обращено всеобщее вниманіе.

Благочинника была рада, что дьякону удалось лучше наблюдателя повернуть разговоръ.

— Ну, слава Богу,—думала она про себя,—на дьякона напали, теперь не страшно, а то все о винахъ, да о винахъ, нудно дѣлается на сердцѣ за самодѣльное винодѣліе.

— Ваше преподобіе, о. дьяконъ шпиртъ?

— Что прикажете, ваше высокоблагословеніе, о. Николай?

— А сколько вы дадите за отмѣнно краснорѣчивую фразу?—спросилъ о. Гусевъ, зная пристрастіе дьякона къ громкимъ выраженіямъ.

— Смотря какъ... если фраза хорошая, можно рюмку поднести.

— Наливай, что у тебя тамъ подъ рукой.

— Когда хлѣбъ, тогда и мѣра, прежде скажите.

О. Николай однимъ духомъ произнесъ какой-то совершенно бессмысленный наборъ словъ.

— Плохо о. Николай,—замѣтилъ дьяконъ,—залежавшійся товаръ, знаемъ... читали въ свое время у Миши Евстигнѣева.

Всѣ засмѣялись. Поощренный смѣхомъ, о. дьяконъ потерялъ долю уваженія къ о. Николаю и, въ свою очередь, заговорилъ на „ты“:

— А ты вотъ, о. Николай, слушай, я загадку загаду.

— Ну, загади, загади...

— „Я и по землѣ хожу, и по водѣ плаваю, и въ воздухѣ летаю, а толку нѣтъ“—кто это?

— Ты.

— Нѣтъ, не я... Я не Гусевъ,—отбивался дьяконъ.

— А я не Тпрусевъ,—въ свою очередь, напелся о. Ни-

колай, дѣлая намекъ на фамилію о. дьякона,—Бычковъ.—Острота подняла о. Николая во мнѣніи общества и во мнѣніи самого о. дьякона, который опять началъ обращаться съ о. Николаемъ на „вы“.

— Нѣтъ, вы позволѣте, о. Николай, если на то пошло, отгадайте шараду.

— Изволь, о. Шпиртъ Оедрилычъ.

— Первый слогъ ищи въ дудкѣ, а второй поймай въ рѣкѣ, а цѣлымъ тотъ бываетъ, кто шараду отгадываетъ.

Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ сидѣла за особымъ столомъ молодежь—барышни епархіалки и семинаристы, высунулось нѣсколько любопытныхъ стриженныхъ головъ, воскликнувшихъ:

— Оедрилычъ загадки загадываетъ, интересно!..

Многіе отгадали дьяконову шараду, но смущались высказать вслухъ рѣшеніе въ виду ехидно поставленнаго дьякономъ „цѣлаго“. О. Николай, понявшій тонкій смыслъ дьяконской закорючки, прикинулся непонимающимъ и началъ:

— Гдѣ намъ дойти! Вѣдь ты съ утра до вечера только и занятъ шарадами. Навѣрно, вычиталъ въ дѣтскомъ журналѣ.

— Нѣтъ, самъ.

— Что же ты не поплешь ее въ журналъ, какой бы тебѣ гонораръ за нее выдали! Головоломная задача...

Всѣ поняли подвохъ о. Николая и изобразили на лицѣ искусственное недоумѣніе. Дьяконъ былъ польщенъ и сталъ распространяться:

— А ей Богу же, нигдѣ не вычиталъ. Страсть люблю эти шарады, такъ всякое слово и тянетъ, чтобъ обратить его въ шараду.

— А ну-ка сдѣлай шараду изъ „балкона“?—сталъ экзаменовать о. Николай.

— Первый слогъ находится здѣсь вотъ,—кружилъ дьяконъ обѣими руками надъ головами присутствующихъ, а второй на улицѣ, когда ребятишки въ козны играютъ.

— А ребятъ въ школѣ ты этой премудрости учишь?

— Ежели разохочусь... И страсть они любятъ... „О. дьяконъ, шарадку“!.. Ну, и дашь, смотря по случаю, если на душѣ весело.

— Это, чай, если съ поминокъ или со свадьбы завернешь въ школу, когда ни о чемъ, кромѣ шарадъ, и думать не хочется.

— Нѣтъ, я во всякое время могу. У меня и дѣти къ этому привычны, шарадами бредятъ. Этимъ я самодѣтельность въ нихъ пробуждаю.

— Филологи они у тебя будутъ...

— А все можетъ стать.

— А вы всетаки скажите, о. дьяконъ, что значитъ ваша

шарада о дудкѣ съ рѣчкой?..—вмѣшался слѣдователь.—Видите, сколько времени бьемся, не можемъ отгадать.

— Неужто не отгадали?—окинулъ довольнымъ взоромъ дьяконъ все общество.—„Дуракъ!“

— Ха-ха-ха!

— А чего смѣтесъ?

— А цѣлое-то забылъ? Цѣльнымъ тотъ бываетъ, кто шару отгадаетъ...

— Себѣ на голову дьяконъ сочинилъ!—острили гости.

— Что поѣшь, то пожнешь!

Но дьяконъ не унимался. Чтобы окончательно срѣзать насмѣшника о. Николая, онъ обратился къ помощи латыни.

— А вы, господа ученые, знаете ли Понтификальную Абракадабру?

— Это что же такое?—спросилъ о. Николай.

— А-а, не знаешь!

Федрилычъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ стоявшему въ углу карточному столу, вынулъ мѣлокъ и изобразилъ большими буквами слѣдующее:

S	a	t	o	r
A	r	e	p	o
T	e	n	e	t
O	r	e	r	a
R	o	t	a	s

Послѣ того взялъ обѣими руками подъемную крышку стола и показалъ всѣмъ присутствующимъ, объясняя:

— Какъ хочешь читай—все одно выходитъ,—сзаду напередъ, спереду назадъ, сверху внизъ, снизу вверхъ, и вдоль и поперекъ, все едино.

Репутация Федрилыча была блистательно восстановлена, и по предложенію хозяина всѣ единодушно выпили за его здоровье. Видя, что послѣ того подается кратеровское шампанское, Федрилычъ закатилъ источнымъ, трескучимъ голосомъ, обрывавшимся на гортанныхъ звукахъ, многолѣтне хозяину и хозяйкѣ. Обѣдъ былъ конченъ, помолились Богу и стали цѣловаться съ хозяиномъ.

Сытный обѣдъ и изрядная выпивка сами собою позывали къ пѣнію. Начали „Въ полдневный жаръ въ долину Дагестана“, затѣмъ отъ „Чернаго ворона“ и „Черной шали“ перешли къ „Матушкѣ голубушкѣ“, вспомнили и „Дѣвицу съ прялкой“, и „Осѣдлаю коня“, и „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, и „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ“ и, наконецъ, „Gaudeamus igitur“, однимъ словомъ, перепѣли все извѣстное. Когда репертуаръ былъ исчерпанъ, Федрилычъ запѣлъ было: „Какъ у бѣднаго мужика одна жена, да и та“... Но дьяконица быстро и энер-

гично повернула его высокую фигуру къ прихожей, такъ что никто не узналъ, что это за новая пѣсня и ужъ не собственнаго ли сочиненія Ѳедрилыча. Любопытство семинаристовъ до того было подстрекнуто, что они приставали къ дьякону даже въ сѣняхъ, гдѣ подталкивала его въ спину дьяконица со словами:—Иди, иди домой, срамникъ! чего запѣлъ!..

— Ѳедрилычъ, скажи!—молили семинаристы.

— Не въ соборѣ поется!—отвѣчалъ онъ имъ, дѣлая произвольный уклонъ при спускѣ съ крыльца, но былъ своевременно придержанъ отъ паденія дьяконицей.

Послѣ того затѣялись танцы. Таня взяла гармонію и бойко начала играть польку. Семинаристы жались къ печкѣ, по угламъ и не начинали. Тогда о. Николай подхватилъ чью-то молоденькую попадейку и вихремъ понесся по залѣ. Всѣ захлопали ему въ ладоши и началось всеобщее оживленіе. Молодые люди стали развязнѣе, и, когда объявлена была кадрили, всѣмъ даже мѣста не хватило въ залѣ; танцующія пары заняли и столовую. Барышни то и дѣло отмахивались платками, выходили на балконъ и говорили: „Уфъ! жарко! Терпѣнья нѣтъ. Рано начали, надо бы подождать, когда солнышко сядетъ“.

Но Костя Гусевъ, пятиклассникъ, братъ о. Николая, тоже великій танцоръ, говорилъ:—Ну, нечего разбирать, рано или поздно. Лови, лови часы... Только вакатомъ и потанцовать, а тамъ запрутъ на весь годъ въ общежитіе въ четырехъ стѣнахъ, одурь возьметъ... Давайте въ веревочку играть!

— Вы больно бьете по рукамъ, Константинъ Ивановичъ. Лучше не сходить-ли погулять въ рощу?—Въ самомъ дѣлѣ.—Хорошо бы тамъ въ горѣлки поиграть.

И молодежь шумно, подъ присмотромъ матушекъ, двинулась въ близъ лежащую рощу. Мужская половина гостей осталась въ комнатахъ. Слѣдователь Салмановъ подошелъ къ ломберному столу и со скучающимъ видомъ разсматривалъ Ѳедрилычеву Абракадабру, предоставляя заискивавшему становому догадываться, какъ его развлечь. Калчановъ, наконецъ, догадался, потому что вдругъ метнулся, что-то шепнулъ о. Роману и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ слѣдователю.

— Не хотите ли въ карточки сразиться? — предложилъ хозяинъ.

— Что же не прочь, только гдѣ же партнеры?

— Вотъ васъ двое, да о. Ардальонъ.

— А четвертый?

— Жаль, вотъ, дьяконъ того... А то онъ даже въ винтъ умѣетъ.

— Ну?—сказали въ одинъ голосъ Салмановъ и Калчановъ,—вотъ бы его, съ нимъ, должно быть, весело.

— Еще бы! отъ природы такой.

— Такъ нельзя ли его?

— Вытрезвить развѣ?... Эй, Логинычъ,—обратился хозяинъ къ псаломщику,—иди-ка къ дьякону, вытрезви его.

— А какъ?

— Ну, не въ первѣй... Воды изъ колодца бадьи двѣ вылей ему на голову, а внутрь три капли нашатырнаго спирту. Потомъ веди сюда.

Логинычъ убѣжалъ и скоро вернулся съ дьякономъ, у котораго съ волосъ сбѣгали капли на воротникъ рясъ.

— Икупался, Ѳедрилычъ?

— Да. Холодную ванну принялъ.

— Дѣльно... Ну-ка, съ нами въ карточки?—предложилъ становой.

— А-а-а, давно не играть... Съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ!—и онъ вынулъ изъ разложенныхъ вѣеромъ картъ двойку.

— Въ винтикъ?—предложилъ слѣдователь.

— Могу, могу...—говорилъ Ѳедрилычъ.—Во всякій—и съ прикупкой, и въ классическій, даже калужскій—втроемъ—знаю.

Но оказалось, что о. Ардальонъ не обладалъ такими знаніями по части винта, а даже имѣлъ о немъ довольно смутное представленіе; и хотя Ѳедрилычъ и объяснялъ, что это то же, что и „свои козыри“ въ соединеніи съ „фильками“, но всѣ нашли лучше играть въ преферансъ.

— По десятой,—предложилъ слѣдователь.

— Очень высоко,—отозвался о. Ардальонъ.

— Само собою,—согласился и дьяконъ.

— А можете выиграть,—обнадеживалъ становой.

— Гдѣ ужъ намъ выиграть, рѣдко въ эти святцы приходится заглядывать. По сороковой, больше не играю.

— Дьяконицы боятся,—подтрунивалъ становой.—Она ему шкуру спустить, если онъ проиграетъ.

— Еще бы!—подтвердилъ и Ѳедрилычъ.—Это у васъ деньги бѣшенныя, вамъ не жаль, а я за трешницу-то—ого-го-го!..

— Тебѣ карта всегда претъ,—говорилъ о. Ардальонъ.

— Да, идетъ, какъ бы не такъ,—сказалъ дьяконъ, сдавая карты.

— Пасъ!—проговорилъ слѣдователь.

— Пасъ и я!—сказалъ Колчановъ.

— И я пасъ!

— Всѣ пасъ! значитъ—распаховка,—произнесъ дьяконъ и спросилъ:—Съ ловомъ, или безъ лова?

— Съ ловомъ,—отвѣтилъ слѣдователь.

— Ну, ловите!—сказалъ Ѳедрилычъ, выкидывая семерку.—

Э, нѣтъ распашовка моя,—радовался онъ, приготовляясь списывать со всѣхъ распасовку.

— А почему вы, о. дьяконъ, говорите: распашовка?—правлялъ слѣдователь.—Правильнѣе: распасовка.

— А по моему—правильнѣе „распашовка“, отъ слова „распахать“, „распашу“, какъ землю сохой, такъ и это по мастямъ разворачиваютъ.

— Вовсе не отъ этого.

— А отъ чего же?

Слѣдователь сталъ объяснять:

— Разъ—пасъ! два—пасъ! три—пасъ! вотъ и распасовка.

— Тогда бы надо: трипасовка.

— Лучше ужъ потасовка,—острилъ и становой.

— Ну, нечего въ филологію ударяться. Оедрилычъ, говори, вистуешь, или нѣтъ?—спрашивалъ о. Ардальонъ.

— Фистъ!

— Какой фистъ?—вистъ!

— А по моему—фистъ и тоже правильно.—И онъ выкинулъ карту.

— Ну вотъ, съ чего пошелъ, не было у тебя другой масти,—упрекалъ о. Ардальонъ.

— Господа, пожалуйста, безъ домашнихъ средствъ,—разговоры послѣ,—удерживалъ слѣдователь, объявившій семь червей.

— Тамъ громадный ремизъ ставили, безъ двухъ, а ты выпустилъ. Чего пожалѣлъ короля бубенъ? Тоже игрокъ...

— Тоже товарищъ—сдастъ,—говорилъ и о. дьяконъ, получая отъ о. Ардальона карты.

— Все недоволенъ, чего еще тебѣ? Ну объявляй!—смотря къ нему въ карты, какъ сдатчикъ, говорилъ о. Ардальонъ.

— На три-то вѣтки!? Чай, мы не въ камушки играемъ.

— А прикупка?

— Чего прикупка? Чего на рубашкѣ-то у ней разберешь, кабы подъ рубашку посмотрѣть, да не велятъ.

— Трусы въ карты не играютъ.

— А на прикупку надѣяться все равно, что лошадь у цыгана покупать. Нѣтъ, пасъ!

— Я беру,—сказалъ слѣдователь.

— Уступаю,—сказалъ становой, дѣлая почтительный кивокъ въ сторону слѣдователя.

— Два туза!

— Ахъ, волкъ те заѣшь! восьмерная игра была бы,—жалѣлъ дьяконъ, взявъ себя за волосы.

— Нюха у тебя, Оедрилычъ, нѣтъ настоящаго,—говорилъ о. Ардальонъ.

— Десять безъ козырей!—объявилъ слѣдователь.—А было ровно шесть взятокъ.

О. дьяконъ швырнулъ карты, такъ что они упали.

— Горячій игрокъ... Ну-ка, теперь что пришло, о. дьяконъ?

— Ерунда, глядѣть не хочется.

— А вы къ медалямъ ближе держите карты... Не показывайте...

О. Аполлонъ держался все время какъ-то неодинаково. То онъ, по обыкновенію, щипалъ свою тощую бороденку и по мальчишески усмѣхался, то вдругъ напускалъ на себя серьезность и важно выпагивалъ. Это не осталось незамѣченнымъ его товарищемъ Гусевымъ, который спросилъ:

— Что ты такъ нахохлился, Аполлонъ Бельведерскій?

— Что такое?—еще серьезнѣе сдѣлался о. Аполлонъ, принимая оборонительную позу.

— Я тебя не узнаю.

— А-а,—важно проговорилъ о. Аполлонъ, круто отвернувшись и прошелся неподобно торжественными шагами, заложивши руки за спину.

Товарищъ закусилъ губы, недоумѣвая и произнесъ сквозь зубы:—Фигура!—подумавъ въ то же время: „Не удобно здѣсь скандалить, а въ другомъ мѣстѣ я бы тебя пронялъ“.

Уже солнце давно зашло, и улеглась пыль отъ табуна, а гости все не уѣзжали. Дожидались фейерверка, который изготовилъ Костя Гусевъ, мастеръ на всѣ руки. Когда узнала объ этомъ благочинника, то очень обезпокоилась.

— Смотри, Костя, не надѣлай пожара.

— Ну вотъ, Ираида Ивановна, мы вѣдь въ конопляникѣ, не загорится...

И послѣдняя ракета была пущена, а молодежи все не хотѣлось уѣзжать.

— Мамаша, погодите еще полчасика,—упрашивали барышни матерей.

— Конечно, куда такъ рано, мы еще потанцуемъ,—упрашивали и семинаристы.

Наконецъ, пробило на колокольнѣ одиннадцать часовъ.

— А, батюшки!—всполошились всѣ матери.—Вотъ засидѣлись! Когда-то мы домой попадемъ! Нѣтъ, пора, пора,—кричали онѣ въ одинъ голосъ, на этотъ разъ совершенно не слушая дѣтей, восторженное настроеніе которыхъ все усиливалось, но не дошло еще до апогея.

— Мамаша!—все-таки жалобно пыталась иная барышня.

— Замолчи ты... не ночевать же въ гостяхъ! Живо, живо домой.

И не одно молодое сердечко въ этотъ тихій теплый ве-

черъ билось отъ крѣпкаго рукопожатія на прощанье. Не могъ ѣхать и принужденъ былъ остаться только о. Николай, выпившій, съ горя отъ чваннаго вида товарища, какую-то смѣсь, чѣмъ огорчена была его молоденькая и недуренькая жена, даже заплакавшая при этомъ и встрѣтившая сочувствіе въ хозяйкѣ дома; да еще остался о. Ардальонъ Целебровский, котораго, какъ своего помощника, удержалъ почевать о. Романъ, чтобы вывѣдать и уяснить, въ какомъ положеніи находится дѣло о. Аполлона, и какъ смотритъ на него о. Сосипатръ.

— Чуетъ мое сердце: влетитъ тебѣ за твой „Неизреченный свѣтъ“,—сказалъ на другое утро зятю о. Романъ, проводивъ послѣднихъ гостей.—Главное, у меня-то съ вашими благочиннымъ контры вышли. Все изъ-за калошъ... На епархіальномъ съѣздѣ мы были... Да, кажется, я рассказывалъ?

Калоши онъ мои новыя, резиновыя, только свои купленные, подтибрилъ, подмѣнилъ, а мнѣ оставилъ свои старыя, худыя. Сначала думалъ я: ну, размѣняемся... А онъ вѣдь, шельма какая!—все ходитъ въ нихъ день, другой, и не снимаетъ даже въ засѣданіяхъ, хотя какая нужда парить ноги, особенно если въ комнатѣ и безъ того духота страшная... Бойтся, значить, хозяина, если такъ бережетъ чужое... Зло меня взяло. Ну, думаю, погоди, я тебя уважу! И вотъ разъ, когда по вопросу объ эмеритурѣ онъ понесъ невообразимую галиматью, я и говорю: — „О. Сосипатръ! Что вы толкуете! Гдѣ ужъ намъ съ вами, старикамъ, это понять? Можемъ ли мы различать свои и чужіе интересы? Вы взгляните-ка на калоши,—не ваши!“ — Какъ такъ? — „А ужъ не знаю какъ... Снимите да посмотрите, внутри есть мѣтка, только не ваша“... Онъ было упираться, а я къ собранію: „Отцы святыя! окажите содѣйствіе! Потому что какъ же мы будемъ рѣшать вопросъ объ эмеритурѣ, когда находимся не въ своихъ собственныхъ калошахъ? Только тогда о. Сосипатръ и пойметъ, что нельзя облагать церкви въ пользу нашей эмеритуры“. Всѣ—ха-ха! Нечего дѣлать, закряхтѣлъ о. Сосипатръ, поставилъ калоши на зеленое сукно, всѣ смотрятъ на нихъ и говорятъ: „Дѣйствительно, чернилами сбоку изображено: „Р. К.“ Романъ Кратеровъ, стало быть“... Тогда сразу два вопроса рѣшили—о моихъ калошахъ и объ эмеритурѣ... Не по губѣ пришлось о. Сосипатру, замолкъ и рта не раскрывалъ всѣ засѣданія.

Отецъ Аполлонъ уныло молчалъ.

VIII.

Какъ говорилъ о. Романъ, такъ и вышло.

О. Сосипатръ, случайно узнавши на базарѣ отъ шевыряловской чернички Марены, что о. Аполлонъ отправился къ тестю, нагрянулъ въ Шевыряловку. Замѣтивши при вѣздѣ въ село, что одна глава на церкви безъ креста, о. Сосипатръ спросилъ своего работника, что бы это значило.

— Должно быть, много меду въ куполь пчелы натащали, и вотъ его достигають, или рой привился...

— Галиматью несешь,—отозвался о. Сосипатръ и велѣлъ подѣвзжать къ попову двору, дѣлая видъ, что ничего не знаетъ объ отсутствіи приходскаго священника. Выслушавъ отъ кухарки сообщеніе объ отѣздѣ хозяевъ, о. Сосипатръ сказалъ:

— Дѣлать нечего, придется заѣхать къ дьякону.

Дьяконъ Кирикъ Евдокимовъ до того былъ радъ такой чести, что отъ волненія не могъ какъ слѣдуетъ застегнуть пуговицы своего полукафтаны, испытывая въ то же время недоумѣніе: снять-ли теплые сапоги, въ которыхъ онъ ходилъ по случаю застарѣлаго ревматизма, или оставаться въ нихъ при благочинномъ? А дьяконница сначала заперлась въ чуланѣ, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ, оказавшійся неприличнымъ послѣ доенія коровъ, и уже потомъ вышла подъ благословеніе.

И пока она съ ногъ сбилась, ставя и чистя въ то же время самоваръ, засиженный мухами и тараканами, Кирикъ пошелъ сопровождать благочиннаго въ церковь.

Когда о. благочинный вошелъ туда и его глазамъ представилась сверху купола дыра прямо въ небо, ничѣмъ не защищенная и не покрытая, а подъ дырой круглая рама, около которой на лѣсахъ возились, какъ муравьи, босые рабочіе въ грязныхъ фартукахъ, его изумленію не было границъ, и онъ засыпалъ Кирика и старосту Трофима градомъ вопросовъ.

— Это что такое? Почему мнѣ не доложили? Да какъ вы рѣшились? Гдѣ разрѣшеніе консисторіи?

Но тѣ оба въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Это дѣло батюшки, о. Аполлонія, а мы ничего не знаемъ.

— А попечители?.. Позвать сюда попечителей!

Церковный сторожъ, хромой отставной фейерверкеръ, контуженный въ послѣднюю турецкую войну, Семень, извѣстный болѣе подъ прозвищемъ „Бомба“, пустился изъ церкви бѣ-

гомъ, потомъ, сомнѣваясь, такъ ли онъ понялъ приказаніе, вернулся и переспросилъ:

— Кого?

— Попечителей церкви, говорятъ тебѣ, безтолочь!—съ гнѣвомъ прокричалъ благочинный, выходя въ притворъ за нимъ.

Бомба пуще испугался и потянулъ за веревку колокола, самъ не зная зачѣмъ, и тутъ же себя остановилъ:

— Да чего я сдуру звоню! Ахъ, грѣхъ какой... Да кто они, попечители-то?—обратился онъ къ дьякону.

— Кто?—раздумывалъ Кирикъ.—Ну, староста Петруха Шалай, Кузьма Крышкинъ, Егоръ Пичужкинъ, Оома Лукичъ, Иванъ Чекушкинъ, Семень Пыжиковъ и другіе.

— Другіе-то кто?

— Я и самъ всѣхъ не знаю. Двѣнадцать человѣкъ надо. Зови съ порядка, которые побогаче, тѣ и попечители. Да еще писаря Ефима Павлыча.

— Вотъ самоуправство! вотъ самоуправство!—качалъ головой о. Сосипатръ въ волненіи, сидя на скамьѣ въ открытомъ притворѣ.

Бомба кидался съ порядка на порядокъ и кричалъ громко:

— Эй вы, попечители которые, въ церковь къ благочинному безпремѣнно сію минуту!

Когда они собрались около церкви, благочинный, опираясь на камышевую трость, съ верхняго приступка паперти обратился къ стоявшимъ на землѣ безъ шапокъ старикамъ:

— По какому праву вы строите?

— А мы этому дѣлу не причинны,—началъ Петруха Шалай, рыжий коренастый мужикъ, въ синей рубахѣ, съ отвислымъ животомъ, опоясаннымъ краснымъ поясомъ, на которомъ сбоку висѣлъ ключъ.—Тутъ, стало быть, все дѣло отъ Ивана Емельяныча.

— Да онъ попечитель, что-ли?

— Пока нѣтъ, а должнъ быть, по время, потому очень усердствуетъ этому дѣлу. Негласный, значить, попечитель.

— Да вы согласились? Созывалъ-ли васъ о. Аполлоній?

— Разговоръ былъ: хорошо, батъ, свѣтъ поставить въ куполѣ. Мы что-жъ? хорошо, молъ, конечно. А кто знаетъ, хорошо-ли будетъ? Можетъ, еще темнѣе будетъ. Да и то сказать: урожайныхъ бы годовъ дожидаться. Вотъ и колоколь-то у насъ хворый, разбить, на Пасху звонить какъ скворода, перелить бы его.

— Такъ вы не согласны были?

Мужики переглянулись.

— Прощеніе подавали кому-нибудь? Есть постановленіе?

— Ничего не писали.

— А сходъ былъ?

— Не было.

— Какъ же это? А деньги откуда берете?

— Батюшка пока свои даль, изъ женинаго, стало быть, приданаго, взаимообразно, то есть. А послѣ, когда по путѣ въ городъ поѣдемъ, церковныя изъ банка вынемъ.

Писарь Колмыковъ уже пронюхалъ, чѣмъ недоволенъ благочинный, и что-то на скорую руку строчилъ въ своей избѣ. Потомъ онъ поставилъ „заднее число“, засыпалъ написанное пескомъ изъ черной, грязной песочницы и тотчасъ послалъ пакетъ съ однимъ нѣмымъ, но понятливымъ парнемъ, жившимъ у него изъ-за одного хлѣба и исполнявшимъ разныя обязанности... Благочинный прочелъ:

„Честъ имѣю доложить Вашему Высокопреподобію, что въ нашей, села Шевырялова, церкви совершается капитальная постройка неизреченнаго свѣта при участіи священника онаго села Аполлонія Доброхотова, по его единственному желанію и по неизвѣстной причинѣ. По сему дѣлу не было собрано схода и попечительнаго совѣта не собиралось. А такъ что деньги церковныя и ихъ мало, и такъ что церковный колоколъ нуждается въ ремонтѣ, то потому, честъ имѣю заявить, что при могущей быть отвѣтственности за самовольную трату церковныхъ средствъ и не разрѣшенный ремонтъ по случаю разломанной главы, снятія креста и прочаго, оной отвѣтственности на себя не принимаю, по закону касательно отвѣтственности учреждений Россійской имперіи по циркуляру N. О томъ же гласитъ инструкція церковнымъ старостамъ и наказъ попечителямъ. Сельскій писарь и церковный попечитель Ефимъ Павловъ Колмыковъ“.

О. Сосипатръ крикнулъ, спрятавъ бумагу въ портфель, а мужикамъ сказалъ:

— Больше вы мнѣ теперь не нужны. Всѣ подѣ судъ пойдете, окромя писаря.

— А васъ за что же?—спрашивали мужики.

— Дѣла своего не знаете, обязанностей не понимаете, во время не доносите.

— Да мы что-же? Мы ничего.

— За растрату всѣ подѣ судъ! Кто вамъ разрѣшилъ тратить церковныя деньги?

— Мы не тратили.

— Докажите. Сходъ соберите и сдѣлайте приговоръ.

— Ладно. Міръ не согласится, это вѣрно. Зачѣмъ намъ новый свѣтъ?.. и прежняго довольно.

— Эй, староста церковный, ты у меня ухо остро держи:

денегъ не давай, а не то--въ Сибирь пойдешь за растрату. Ну, идите всѣ съ Богомъ.

И строгій благочинный вернулся въ домъ дьякона. Молча онъ сѣлъ за чай и, какъ бы не замѣчая присутствія хозяевъ,—которые не рѣшались даже садиться при немъ, а начальникъ не предлагалъ имъ присѣсть на собственной ихъ мебели и пить ихъ собственный чай,—перелистывалъ съ дѣловымъ видомъ бумаги, вынутыя изъ портфеля. Дьяконица черными сросшимися густыми бровями своими подавала знакъ мужу въ сѣни, гдѣ между ними произошелъ такой діалогъ:

— А ты, дьяконъ, предложи ему, можетъ, водочки или бальзамцу выпить.

— Боюсь, дьяконица, ей-богу, боюсь...

— Ну чего, дуракъ, боишься? не съѣсть.

— Строгий онъ, бѣда!

— Ну, я сама предложу.

— Иди, если смѣла...

Дьяконъ остался въ сѣняхъ и съ дрожью, отъ страха и ревматизма, во всемъ тѣлѣ, прислушивался въ дверную скважину однимъ ухомъ. Дьяконица сначала прокашлялась, потомъ начала:

— Ваше высокопреподобіе, не желаете-ли ме... меду... сотового?

— Сотового? Что же, пожалуй...

Дьяконъ ахнулъ: что это, не съ ума-ли сошла дьяконица? медомъ угощаетъ, а меду нѣтъ.

— Ты что это?—осадила онъ ее въ сѣняхъ и даже трагически ударилъ себя по сухимъ бедрамъ.

— И не говори, дьяконъ!.. Какъ вошла, шагъ шагнула, думаю: водки предложу!.. еще шагъ—нѣтъ, лучше наливки! А онъ какъ посмотреть на меня изъ-подъ черныхъ очковъ, поджилки затряслись и душа въ пятки... Думаю, нѣтъ лучше медоваго квасу предложу. А какъ съ языка сорвался медъ, да еще сотовый, ужъ сама не знаю... Должно, съ испугу...

— То-то, вотъ, хвалилась: не боюсь... Добывай теперь меду, гдѣ возьмешь?

— Къ Власу схожу на пчельникъ.

— За двѣ версты?

— А что же дѣлать? Ближе, гдѣ же?

Самоваръ уже давно притихъ и остылъ, а благочинный все сидѣлъ за столомъ въ ожиданіи сотового меда, о которомъ онъ думалъ, что хорошо бы его со свѣжими огурцами, тепленькими отъ солнца, прямо съ гряды...

— Возьмешь этакій огурчикъ, зелененькій, длинненькій, разрѣжешь его вдоль, тамъ зернышки перламутровыя, мак-

нешъ половинку въ медь, онъ и потянется, какъ сусло, а тутъ его языкомъ, какъ лопаточкой, поддѣнешъ и...

О. Сосипатръ даже глаза зажмурилъ отъ воображаемаго удовольствія, смакуя прислонился къ стѣнѣ и казался дьякону черезъ щелку задремавшимъ и какъ бы уснувшимъ. Но вдругъ очнулся отъ укуса мухи въ руку и сталъ озираться. Было тихо, только тараканы шуршали на потолокъ, расхаживая по сухой газетной бумагѣ вверхъ ногами вопреки всякому закону тяготѣнія. Одинъ изъ нихъ черный, толстый и потому наиболѣе благоразумный, изъ повиновенія-ли поспранному его товарищами закону, или изъ любопытства, хлестко шлепнулся на писарскій доносъ и быстро, какъ преступникъ, любѣжалъ, такъ что о. благочинный не успѣлъ словить и предать его казни объ полтъ. Съ улицы доносилось, какъ одиноко бродившая курица выводила на разные тона какую-то меланхолическую руладу, какъ выкрикивалъ гѣтухъ, выгибая султаномъ хвостъ и словно поздравляя кого-то, какъ завизжала голодная, съ опущенною мордою, собака, въ которую благочинническій кучеръ отъ одуряющей и отупляющей скуки лукнулъ камнемъ и попалъ ей въ ногу, когда она хотѣла воспользоваться выжатымъ кускомъ лимона, выплеснутымъ за окно изъ чайнаго стакана благочиннымъ. О. Сосипатръ оглянулся на собачій визгъ и сталъ собирать бумаги въ порывѣвшій отъ времени портфель съ веревочными завязками.

— Повремените, ваше высокопреподобіе, малость,—удерживалъ гостя дьяконъ, оставивъ свою позицію и становясь на порогъ комнаты.—Можетъ и добьется.

— Чего?

— Меду-то.

— Ну, вотъ еще, я думалъ у васъ свой...

Когда о. Сосипатръ заносилъ ногу въ тарантасъ, къ нему подошла одна старуха, кланяясь чуть не до земли:

— Отецъ благочинный, батюшка, пожалѣйте сироту...

— Чего тебѣ?

— Да вотъ насчетъ своей Палашки... умерла она...

— Ну и царство ей небесное...

— Знамо, такъ, спасибо на добромъ словѣ... А ты послухай-ка, какъ она умерла-то? Не своею смертию.

— А кто виновать?

Баба вздохнула, пригорюнилась и, утирая носъ передникомъ, плаксиво отвѣтила:

— Отъ попа...

— Какъ такъ?

— Залѣчилъ ее, горемычную. Какихъ-то крупинокъ давалъ ей, вотъ съ того на другой день и легла „подъ святые“. Не знай, гдѣ и управу искать. Сказываютъ, что только

ты, отецъ благочинный, можешь заступиться зачасъ, несчастныхъ.—И баба повалилась въ ноги, чѣмъ испугала лошадей, которыя дернули въ сторону, такъ что благочинный хорошо сдѣлалъ, что во время отступилъ.

— Такъ чѣмъ же я тебѣ могу помочь?

— Можеть, способіе какое, какъ въ голодный годъ... Вотъ у меня и гумага насчетъ этого написана.

Она вынула изъ-за пазухи обернутый въ платокъ листъ бумаги и, оглядываясь кругомъ, тихо прибавила, наклоняясь къ уху благочиннаго, чтобы и дьяконъ, стоявшій поодаль, не слыхалъ:

— Писарь писалъ, не велѣлъ только сказывать объ этомъ, а подписался паренекъ, мнучекъ мой, то-есть покойницынъ сыночекъ Петька, грамотный, учился въ батюшкиной школѣ и похвальный листъ имѣеть...

— Ну, давай,—сказалъ благочинный, успокаивая бабу.— Дома разберу, старуха, что можно, сдѣлаю.

Когда благочинный выѣзжалъ изъ околицы, дьяконица неслась на всѣхъ парахъ межникомъ и махала чѣмъ-то въ рукахъ надъ головой.

— О. благочинный! Ваше высокопреподобіе!—кричала она.

— Подождать, что-ль?—спрашивалъ кучеръ.

— Приостанови.

Скоро она, босая, запыхавшаяся, приблизилась, простирая впередъ блюдо, покрытое хрѣновыми листками, и говоря:

— Вотъ!..

— Больно долго ходила, не дождался я тебя.

— Такъ ужъ дома покушайте. Не побрезгуйте.

— Пожалуй. А блюдо я тебѣ пришлю съ оказіей, а то, можеть, ваши мужики поѣдутъ на базаръ къ намъ въ Малую Пузу, такъ накажи кому-нибудь. Ну, пошелъ!.. Спасибо, дьяконица!

Та пошла по мягкой, какъ пухъ, пыли, выступавшей между пальцевъ сухими горячими струйками, домой и возвѣстила, что благочинный медъ взялъ.

— Это хорошо,—сказалъ Кирикъ.—Теперь меньше будетъ придиратся ко мнѣ насчетъ неизреченнаго свѣта.—И легъ отдыхать на погребницѣ.

Дьяконица убѣжала рассказывать просвирнѣ, какъ у нихъ былъ благочинный, что говорилъ и что дѣлалъ, и какъ чай пилъ и за медъ благодарилъ.

А мужики-попечители отправились въ винную лавку по такому экстраординарному случаю въ ихъ жизни, что потребовались самому благочинному; и стали распивать на улицѣ водку, въ виду стоявшаго на крылечкѣ лавки сидѣльца.

— Черезъ тебя это дѣло вышло, Иванъ Емельянычъ! За

чѣмъ подбилъ попа насчетъ свѣту? Вотъ теперь и отвѣчай, а мы не согласны,—говорилъ самый старшій изъ попечителей.

— Да я что, Ома Лукичъ? Я, что ли, строю? Мое дѣло сторона,—отвѣчалъ Иванъ Емельянычъ, не приближаясь къ компаніи, расположившейся около лавки въ логу, на травѣ, подъ тѣнью старой ветлы, около которой ходилъ, привязанный на веревкѣ, слабенькій цѣловальниковъ теленокъ и ревѣль.

— Теперь, видно, сторона, а прежде—борона!—замѣтилъ съ упрекомъ Ома. Но за сидѣльца заступился Егоръ Пичужкинъ, состоявшій должнымъ Емельянычу полтинникъ за бутылку водки, взятую о веснѣ:

— Чай, попъ не маленькій, у самого голова на плечахъ, могъ бы рассудить, вѣдь грамотный.

Съ этимъ согласился и сельскій староста, Петруха Шалай, выходя, впрочемъ, изъ другихъ соображеній:

— Да. Это, къ примѣру сказать, вотъ что выходить... Былъ я въ городу на Духовъ день, благодарный молебень надо было отслужить преподобному Пахомію по случаю конопляной торговли. И я того, значить, какъ тетка Марѣя учила, въ пещерную тамъ церковь, подъ соборомъ, пришелъ. День, свѣтло кругомъ, жарко, солнце сіяетъ, а вошелъ въ пещерную церковь—хоть глазъ выколи, темно и холодно, какъ въ погребѣ, только кой-гдѣ впереди у образовъ свѣчки теплятся. Жутко, а хорошо... Вотъ теперь и думаю, чтобы намъ этакую церковь въ Шевыряловкѣ устроить?

— А къ чему?—недоумѣвалъ Пичужкинъ.

— Ты постой, кумъ! Я къ тому и повелъ рѣчь, что къ чему, молъ? Ивану Емельянычу вотъ надобенъ свѣтъ въ церкви, а мнѣ, стало быть, темнота любезнѣе.

— Да, это кому что по душѣ, — подтверждали мужики.

— Само собою. И вотъ, стало быть, къ примѣру будучи сказать, прихожу я къ батюшкѣ и говорю: „А хорошо бы пещерную церковь подъ фундаментомъ устроить“. „Хорошо“,—дескать, онъ сказалъ бы.—Ну вотъ мы бы стали съ имъ орудовать, наняли бы грабарей и сказали: — „Айда, ребята, копай!“ Ладно ли бы это было?

— Это ты точно, кумъ, правильно рассуждаешь.

— Постой, постой, сваты!—перебивалъ Петруха, стремясь скорѣе высказаться.—Потомъ бы привезли кирпичу, известки, песку, наняли каменщиковъ, и опять:—„Айда, ребята! выдѣлывай стѣны и потолокъ или своды“.

— Своды готовы, подвалъ большущій, кирпичу нисколько не потребуется,—произнесъ Ома Лукичъ, какъ бы обсуждая проектъ Шалай.

— Да не о томъ я,—перебивалъ Шалай,—я къ примѣру...

— Не потребуется, — соглашался съ Омой и Кузьма

Крышкинъ,—старикъ такихъ же почти лѣтъ, какъ и Оома,—не слушая Шалаю и сочувственно улыбаясь сверстнику старческой улыбкой, открывавшей беззубый ротъ.

— Чаво вы, безтолковые, не понимаете, что я хочу сказать?—горячился Шалай.—Я къ тому рѣчь веду, что все это обойдется двѣ тыщи цѣлковыхъ.

— Много, — попрежнему возражали и Оома, и Кузьма.

— Фу, какіе! Да, можетъ, всего и полтина расхода, да мнѣ вовсе не надо пещерной церкви. А это я къ тому, что можно ли такъ: кому что надо, то и подай! А деньги церковныя.

— Извѣстно, а то какія же? Чай, въ церкви дѣлается.

— Ну, вотъ, мы бы и выстроили, и пріѣхалъ бы благочинный,—развивалъ свою мысль Петръ Шалай,—и допросъ! „А по какому праву Петру Иванычу съ попомъ потребовалась пещерная церковь? Гдѣ дозволеніе? То да се... Куда смотреть староста? Чево глядятъ попечители? Значить, Петруха съ попомъ въ отвѣтъ. Вотъ оно въ чемъ дѣло.

Но больше половины мужиковъ уже не столько интересовались логикой Петра, сколько случайной идеей пещерной церкви, которая очень многимъ понравилась, такъ что Оома, всѣхъ больше увлекшійся этой идеей, можетъ быть, подъ вліяніемъ смутно сознаваемой близкой своей кончины,—ему было подъ 70 лѣтъ—промолвилъ:

— Значить, того... Хорошо бы устроить пещерную церковь для упокойниковъ. Умеръ упокойникъ, и неси его туда, можетъ три дня стоять и никому онъ не помѣшаетъ, молись, значить, только, а тетка Марѳа псалтырь будетъ читать. А теперь что! умеръ упокойникъ и кисни въ избѣ, душище такой, что мимо того дому нельзя пройти. И ребята пугаются, бредятъ по ночамъ.

— Это еще ничего, въ домѣ держать покойника,—вставилъ Терентій, мужикъ среднихъ лѣтъ, богомоль, любитель житій святыхъ и всякой божественности.—А то всѣ ими брезгаютъ, стараются скорѣе сбыть съ рукъ покойниковъ, скорѣе закопать. А чѣмъ покойникъ виноватъ, что онъ столько хлопотъ дѣлаетъ? Кабы онъ живой былъ, этого бы онъ не позволилъ... пахнуть, или ребятъ пугать тамъ...

— Двистительно, хорошо пещерную церковь завести. Въ ней бы печку устроить, дровъ много не потребуется, тогда и крестить ребятъ можно лучше, чѣмъ въ сторожкѣ.

— А старухамъ больно по душѣ молиться тамотка... вродѣ какъ кievская лавра.

— Да какъ же иначе?—подтвердилъ и Терентій.—Угодники гдѣ спасались, какъ не въ пещерахъ? Во имя бы Антонія и Θεодосія праведныхъ и престолъ освятить. Да и

праздникъ устроить особый, по охотѣ, чтобы не работать, третьего числа іюля бываетъ. Можетъ, Господь тогда и дождичку дать...

— Да, хорошо это.

— Только, чай, свадьбу вѣнчать не подойдетъ въ этой церкви,—промолвилъ Савелій, намѣревавшійся въ этомъ году вѣнчать своего сына.

— Для свадьбы надо поликадилу зажигать, а тутъ низенькая церковь будетъ, гдѣ ее поставить, поликадилу? не на полу же. И безъ того твой Кирюха долговязый нагинаться долженъ.

— А очень способная церковь.

Старички замечтались и когда поднялись съ луговины съ пустою четвертью, то всѣ были поглощены новой идеей больше, чѣмъ неизреченнымъ свѣтомъ, который настолько поблекъ въ ихъ глазахъ, что они уже не хвалили его, какъ раньше, а трактовали какъ препятствіе къ приведенію въ исполненіе болѣе подходящей имъ потребности.

— Гдѣ ужъ теперь пещерную церковь дѣлать! Попъ со старостой всѣ деньги ухлопали въ кунполъ. Не дожить намъ до пещерной церкви, нечего и думать.

— Да, вѣдь, церковныя деньги не дадены.

— А какъ?—всполошился Трофимъ, церковный староста.

— Да, вѣдь, ты самъ говорилъ, что батька свои далъ?

— Чай, то матушкино приданое, взаимнообразно, ихъ вернуть надо.

— А мы не согласны!—заговорилъ убѣжденно Петруха. Его поддержали и другіе: „Не сугласны! Не жаламъ!“

— Попу свое нравится, пусть гдѣ хочетъ, тамъ и беретъ денегъ. А мы пещерную церковь хотимъ,—кричалъ теперь Петруха Шалай, не желавшій, чтобы его идея, всѣмъ такъ пришедшаяся по сердцу, была поднята другими. До этого у него никакихъ проектовъ по части церкви не было и онъ вообще относился равнодушно къ благолѣпію церковному, а теперь совершилось въ его головѣ перемѣщеніе мыслей. Припомнивъ, что онъ сельскій староста, онъ заговорилъ авторитетно:

— Чаво, старики? Айда-те къ писарю! Сходъ на счетъ пещерной церкви!

Шалай даже не взглянулъ на Ивана Емельяныча, въ которомъ, какъ въ сторонникъ неизреченнаго свѣта, видѣлъ невольнаго противника своей идеи. — Чья еще возьметъ!—съ гордостью говорилъ онъ, широко шагая въ срединѣ попечителей, занимавшихъ поперекъ всю улицу, и будучи вполне увѣренъ, что его предложеніе будетъ единодушно принято всѣмъ селомъ.

IX.

Получивши изъ Шевырялова приговоръ о томъ, что прихожане желаютъ строить на имѣющіяся церковныя деньги пещерную церковь и что если этихъ двухсотъ пятидесяти рублей не хватитъ, то они готовы повернуть на это благое дѣло „питейную статью“, т. е. арендныя деньги за право торговли водкой въ ихъ селѣ, при чемъ въ приговорѣ весьма политично умолчано было совершенно о неизреченномъ свѣтѣ, какъ бы его совсѣмъ даже и не было, о. Сосипатръ сразу увидѣлъ, что писарь Ефимъ Павлычъ Колмыковъ обстрипалъ дѣло весьма недурно. Теперь на всякій, тѣмъ болѣе на объективный взглядъ, дѣло ясно какъ дважды два, что въ Шевыряловѣ крупный разладъ между священникомъ и прихожанами: священникъ затѣялъ свое, а прихожане желаютъ другого. Все это, въ связи съ заявленіемъ писаря о самовольныхъ дѣйствіяхъ священника и съ жалобой объ отравленіи поповымъ снадобемъ Петькиной матери, было на руку о. Сосипатру, который теперь ухмылялся при воспоминаніи о калошахъ о. Романа—до чего въ сущности пустая это была обида въ сравненіи съ тою, которую онъ можетъ преподнести ему въ лицѣ его зятя! Духовенство пойметъ, что съ о. Сосипатромъ шутки плохи, что онъ никогда не забываетъ оскорбленія и умѣетъ давать сдачу, да такъ, что весь вѣкъ будутъ помнить. Теперь о. Аполлону не вывернуться, какъ онъ ни старайся. Денегъ въ шевыряловской церкви мало и оба одновременно возникшіе проекта осуществить невозможно. Если бы даже идея крестьянъ и затормазилась священникомъ, что весьма возможно, то мечта самого священника еще дальше отъ дѣйствительности и можетъ найти осуществленіе не иначе, какъ съ пожертвованіемъ личныхъ средствъ самого инициатора, потому что церковныхъ денегъ не видать о. Аполлону, какъ своихъ ушей, а на частныя пожертвованія въ бѣдной Шевыряловкѣ нечего и рассчитывать. Въ другое время, можетъ быть, и нашлись бы благотворители, но теперь всѣ, видимо, увлечены новымъ проектомъ, на который идутъ съ такой охотой, что готовы отдать важную статью своего общественнаго бюджета, доселѣ являвшуюся хорошей затычкой при сборѣ податей, и о. Аполлонъ „остался на бобахъ“. Но воображеніе о. Сосипатра простиралось далѣе. Если бы о. Аполлонъ, изъ гордости или другихъ видовъ, вздумалъ довести свой проектъ до конца на собственный, личный счетъ, по пословицѣ: разорвался, да не подался,—то и тогда ему не будетъ никакого выигрыша,

онъ не получить даже нравственнаго удовлетворенія въ видѣ знаковъ вниманія начальства, хотя въ другое время за это же самое дѣло, если бы онъ даже все его обдѣлалъ на церковныя или чужія деньги, безъ всякой копѣйки съ своей стороны, онъ получилъ бы скуфью.

— А теперь,—посмѣивался о. Сосипатръ, думая объ о. Аполлонѣ,—такую благодарность засвѣтять тебѣ въ формуляръ, что долго ее не выскоблишь оттуда. Консисторія-то Ивановна того... она, братъ, не любитъ, чтобы дѣла дѣлали помимо нея, она очень щепетильна на этотъ счетъ.

Но и этого казалось мало о. Сосипатру.

— Если повести дѣло какъ слѣдуетъ, со всею строгостью законовъ, то неизреченный свѣтъ и не появится на свѣтъ Божій,—можно убрать всѣ воздвигаемыя сооруженія, и ты, голубчикъ, путайся по судамъ, какъ хочешь, со своимъ подрядчикомъ, пока до того не дойдешь, что самъ себѣ опротивѣешь и будешь проклинать день и часъ своего рожденія.

Раздумывая о томъ, что лучше или, вѣрнѣе, что хуже для о. Аполлона, разорить ли его матеріально, давъ возможность докончить постройку, или, не разоривъ, совѣмъ упразднить ее, о. Сосипатръ пришелъ къ послѣднему, думая:

— Ужъ двѣсти рублей своихъ ты загубилъ, голубчикъ, и прости съ ними. На первый разъ довольно. А неизреченнаго свѣта ты все-таки не увидишь, потому что, если онъ осуществится, то это будетъ въ ущербъ чести всѣмъ другимъ церквамъ нашего благочинія и моей въ особенности, и невыгодно отзовется, когда поѣдетъ преосвященный и отмѣтитъ тебя съ похвальной стороны. Лучше вотъ что...

Въ перспективѣ о. Сосипатру рисовался Высокогорскій монастырь среди дубовой рощи и въ немъ... о. Аполлонъ. Такимъ образомъ, о. Сосипатръ, подшивая бумаги въ „Дѣло о неизреченномъ свѣтѣ въ селѣ Шевыряловѣ“, имѣлъ въ виду слѣдующее: во-первыхъ, чтобы о. Аполлонъ потерялъ приданныя деньги безвозвратно, во-вторыхъ, имѣлъ бы о себѣ мнѣніе со стороны епархіальнаго начальства какъ о безтолковомъ самовольникѣ, въ-третьихъ, былъ бы выгнанъ изъ Шевырялова за неуживчивость и неумѣнье ладить съ прихожанами и, въ-четвертыхъ, посидѣлъ бы за это и въ совокупности за вредное лѣченіе въ монастырѣ.

— Попрыгаєте оба,—потиралъ руки о. Сосипатръ, думая объ о. Романѣ и о. Аполлонѣ.—Вотъ вы у меня гдѣ теперь!—сжималъ онъ маленькій сухой кулакъ, предаваясь злобной, мстительной радости.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, если-бы дѣло это было сколько-нибудь сомнительное, о. Сосипатръ не преминулъ бы прибѣгнуть къ хорошо извѣстному и часто

практиковавшемуся имъ способу конфиденціальныхъ сношеній съ начальствомъ и тѣмъ скорѣе обезпечилъ бы своему намѣренію желаемый успѣхъ. Но такъ какъ шевыряловское дѣло было вѣрное съ перваго взгляда и исходъ его можно было предвидѣть и съ точностію опредѣлить, то о. Сосипатръ не видѣлъ нужды въ обычномъ образѣ своихъ дѣйствій и повелъ его открыто. Прежде всего, онъ предалъ его самой широкой гласности и много и часто, по поводу и безъ повода, говорилъ со всѣми, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться—съ земскими начальникомъ, слѣдователемъ, писарями, старшиной и особенно съ духовенствомъ, при чемъ всегда прибавлялъ:

— Ну, и зятка Богъ послалъ о. Роману, нечего сказать, глуше-то не могъ отыскать мужа для своей дочери. Вотъ, вы всѣ говорите: уменъ, уменъ о. Романъ! А это что? Мыслимо-ли, чтобы у благочиннаго былъ такой дуракъ зять? Это значить, о. Романъ людей совсѣмъ не понимаетъ... Да и не учить.

Послѣ того, какъ дѣло подверглось публичной и всесторонней разработкѣ на языкѣ всѣхъ батюшекъ и матушекъ благочинія, о. Сосипатръ сталъ переводить его на бумагу и съ этою цѣлью вызвалъ къ себѣ своего помощника о. Павла Красноперова изъ Сыроѣшкина.

— Слышали, конечно, что настряпалъ въ Шевыряловѣ о. Аполлоній?

— Какъ же, слышалъ. Непріятное дѣло,—отозвался о. Павелъ.

— Не бывало еще такого, да! Надо доносить въ консисторію... Вотъ за этимъ и вызвалъ васъ, чтобы окончательно формулировать и двинуть. Непривыкъ я, знаете, дѣлать изъ-за угла, у меня чтобы все было на виду и всѣ бы могли знать... Не люблю, знаете, этой секретности.

О. Павелъ молчалъ и раздумывалъ.

— Или, можетъ быть, у васъ, о. Павелъ, имѣется что-нибудь такое, чѣмъ можно пособить о. Аполлону? Со своей стороны, я радъ и готовъ, конечно, сдѣлать все въ его пользу, но, хоть тресни, ничего не могу придумать... И глупъ же о. Аполлонъ, какъ тетеревъ, и безтолковъ, и...

— Молодъ очень,—вставилъ о. Павелъ.

— Мало-ли молодыхъ священниковъ у меня, а такихъ глупостей не допускаютъ... Всѣ мы были молоды, а такъ не ерундили. Чего не знали, совѣтовались со старшими, не спросясь броду, не совались въ воду. Дураковъ учать.

О. Павелъ помолчалъ и сказалъ неувѣренно:

— По моему, о. благочинный... конечно, воля ваша... но не худо бы предувѣдомить о. Романа.

О. Сосипатръ на минуту задумался надъ словами о. Павла.

Немного было обидно, что о. Павелъ какъ будто держится общераспространеннаго по уѣзду мнѣнія, что для о. Романа не существуетъ критическихъ положеній, что онъ такая свѣтлая голова, которая выдерется изъ всякаго затрудненія, и потому сказалъ:

— Неужели вы думаете, что о. Романъ поможетъ въ этомъ случаѣ? Да тутъ будь хоть семи пядей во лбу, все равно... тутъ самъ Соломонъ станетъ въ тупикъ.

— Нѣтъ, о. благочинный, я не къ тому,—перебилъ о. Павелъ, понявъ изъ тона о. Сосипатра легкій упрекъ за неумѣстное мнѣніе объ умѣ и талантахъ противника.—Дѣло это, конечно, пропащее, мертвое, вылѣзти сухимъ изъ него о. Аполлону нельзя, кругомъ виновать. А къ тому я собственно рѣчь веду, что было-бы благоприличнѣе предупредить о. Романа обо всемъ. А то онъ будетъ являть: вотъ какъ у васъ въ третьемъ благочиніи дѣлается—доносить, а ничего не говорить!.. А когда мы поставимъ въ извѣстность самого о. Романа обо всемъ, то и онъ, и всѣ поймутъ, что этимъ мы какъ-бы предоставляемъ имъ съ о. Аполлономъ изобрѣтать всѣ средства защиты и принимать всѣ мѣры къ оправданію.

О. Сосипатръ такъ былъ убѣжденъ въ томъ, что никто и ничто не можетъ „вызволить“ о. Аполлона, что не только легко, но даже съ удовольствіемъ согласился на предложеніе своего помощника.

— Ахъ, это... Что же, я согласенъ... Благородство, конечно, должно быть на первомъ планѣ.—И онъ съ достоинствомъ поправилъ на своей груди крестъ.—Такъ что-же, написать о. Роману?

— Этого мало, я думаю, о. благочинный. Надо съѣздить въ Большую Пузу.

Перспектива личной поѣздки заняла воображеніе о. Сосипатра; ему представилось, какъ о. Романъ удивится, какъ самъ о. Сосипатръ будетъ жалѣть о. Аполлона, а о. Романъ долженъ питать въ душѣ чувство благодарности къ о. Сосипатру, а Ираида Ивановна угощать, и какъ это хорошо—быть благороднымъ, прямымъ, честнымъ и т. д. Но воображаемое переживаніе всѣхъ этихъ пріятныхъ перспективъ, положеній и чувствъ круто смѣнилось мгновенно вспыхнувшимъ въ памяти инцидентомъ съ калошами, и о. Сосипатръ, понизивши тонъ, даже съ гнѣвомъ сказалъ:

— Такъ это еще ѣхать, трястись мнѣ къ о. Роману изъ-за его болвана? Много чести.

— Зачѣмъ? Я могу съѣздить, о. благочинный,—предложилъ о. Павелъ.

— А-а...—Находя, что поѣздка о. Павла, не оскорбляя достоинства о. Сосипатра, но будучи новымъ актомъ вѣжли-

вости *rag excellence* и рѣдкостнаго благородства, только усугубить высокое мнѣніе объ административныхъ качествахъ малопузинскаго благочиннаго, о. Сосипатръ сказалъ:

— Ну что же, поѣзжайте, если хотите.

— Кстати, я и дѣло самое захвачу.

— Дѣло? А какъ онъ его уничтожить?..

— Ну, что вы! Отецъ-то Романъ?—Никогда!—убѣжденно произнесъ о. Павелъ, такъ что о. Сосипатръ даже нѣсколько сконфузился, заглушая въ душѣ одно прискорбное воспоминаніе о томъ, какъ въ молодости заставила о. Сосипатра необходимость взять тайно изъ благочинническаго портфеля одно непріятное для него показаніе... Но это было въ другомъ приходѣ и очень давно... Всетаки изъ аккуратности, которая никогда не мѣшается, о. Сосипатръ, отдавая о. Павлу дѣло объ о. Аполлонѣ, взявъ съ него росписку, прибавляя къ этому:

— Мало-ли что можетъ быть... Въ жизни и смерти Богъ воленъ...

— Конечно,—согласился о. Павелъ, перечисляя въ роспискѣ документы.

Х.

О. Павелъ, какъ посоль изъ сосѣдняго благочинія, исполняющій важное порученіе о. Сосипатра, принять былъ о. Романомъ съ приличествующею случаю предупредительностію, вниманіемъ и подобающею деликатностію. Ираида Ивановна поняла, что эта миссія о. Павла является единственнымъ средствомъ уладить непріятное дѣло и потому оказала полное гостепріимство: заколовъ по этому случаю жирную курицу, переставшую нести яйца, изготовила вкусную лапшу и загубила даже цѣлый пятиалтынный на двухъ болотныхъ куликовъ для жаркого, подстрѣленныхъ Терешкой, бездомнымъ мужикомъ, до самозабвенія преданнымъ охотѣ. Во всѣхъ охотахъ слѣдователей, становыхъ и земскихъ начальниковъ онъ былъ непремѣннымъ участникомъ въ качествѣ доѣзжачаго, загонщика, борзятника и вообще егеря во вкусѣ старинныхъ помѣщичьихъ временъ, только безъ всякаго отъ новыхъ господъ жалованья, а за одно угощеніе и честь быть въ барской охотѣ. Нечего и говорить, что обѣденный столъ Ираиды Ивановны былъ уставленъ всевозможными бутылками. Матушка изощрялась въ пріемѣ новаго, дотолѣ невиданнаго, гостя еще и потому, что знала про скупость благочиннихи третьяго округа, Евпраксіи Андреевны, и стремилась рѣзче подчеркнуть эту разницу, какъ бы говоря:

— На-ка, вотъ, тебѣ! Вотъ какъ у насъ живутъ во вто-

ромъ-то благочиніи! Это тебя, чужого, изъ непріятельскаго лагеря, такъ угощаемъ, подумай теперь, какъ своихъ принимаемъ! Гдѣ вамъ до насъ! У вашей благочиннихи голоднымъ насидишься—стаканъ пустого чаю да яичницу черезъ силу!..

Однимъ словомъ, тутъ играло корпоративное чувство, а оно, какъ его задѣнуть, мѣры себѣ не знаетъ. Сама Ираида Ивановна сознавала, что у нея все выходитъ на рѣдкость хорошо,—безъ суеты, безъ чванства, спокойно, съ достоинствомъ, все въ свое время и у мѣста, чисто, прилично и съ отгѣнкомъ даже хорошаго тона въ сервировкѣ стола, на которомъ въ высокой банкѣ красовался громадный букетъ красныхъ георгинъ въ перемежку съ такими же пѣтушьими гребешками и желтыми ноготками, да вырисовывался фаянсовый кувшинъ для молока, которое вездѣ у поповъ подается прямо въ кринкѣ съ грязнымъ дномъ, пачкающимъ скатерть, если никто во время не догадается подставить блюдечко. Она то и дѣло угощала о. Павла:

— Да вы покушайте, пожалуйста... Вотъ я вамъ крылышко еще положу... Дорога дальняя да пыльная, какъ не проголодаться.—И не дожидаясь отвѣта, подливала въ тарелку супу и говорила:—А какъ поживаетъ Евпраксія Андреевна, благочинниха ваша? А здорова-ли ваша супруга? Какъ ей имя и отчество?.. Римма Ильинишна... Ахъ, Римма Ильинишна... хорошо... Да что вы одни пріѣхали? А вы бы съ ней вмѣстѣ, пріятно было-бы познакомиться. Въ другой разъ милости просимъ съ Риммой Ильинишной и съ дѣтками... А сколько у васъ ихъ? Пятеро. Слава Богу. Можетъ и еще предвидится скоро? Это хорошо. Ребятъ нечего бояться. Сначала, конечно, трудно съ ними, а потомъ, какъ подростутъ, да какъ красавцы зададутся, да умные, только любо смотрѣть на нихъ и все забываешь. У меня вотъ десять челоуѣкъ всего было, пять сынковъ да пять дочерей, но изъ каждой стаи скорошила по парѣ, въ живыхъ осталось шестеро. Да вотъ жаль, ни одного сына Богъ не привелъ видѣть священникомъ, богомольца-то на старости лѣтъ и нѣтъ.

— А зятя на что? Помолятся,—утѣшалъ гость.

— Нѣтъ, родной-то сынъ все лучше.

— Да, мы съ попадѣей не дремали,—заговорилъ о. Романъ.—Это, вотъ, теперь завелась мода среди молодыхъ поповъ, какъ-бы безъ дѣтей прожить вѣкъ... Система какая-то... Киндеръ-бальзамъ, то бишь — Цвейкиндеръ-системъ—сынъ Иванъ и дочь Александра и больше никого... Больно умны стали, средства разныя узнали... Да... Пѣганъ это. А между прочимъ, только и слышно, что то та, то другая молодень-

кая попадейка хворасть. Поневолѣ будутъ хворать, если идуть противъ натуры да благословенія Господня...

— Трудно нынѣ воспитывать дѣтей,—вставилъ о. Павелъ.

— А легче, что-ли, хворать всю жизнь? Нѣтъ, не нравится мнѣ это. И для сословія вредно, вымираетъ. Бывало, по-двѣсти, по-триста человѣкъ училось въ духовномъ училищѣ, а нынѣ сотня какая-нибудь и то за великую силу. Куда, спрашивается, ребятишки дѣлись? Изсякъ корень іесеевъ, оскудѣлъ преподобный, нашъ братъ духовный... Ну, чего мы съ вами выпьемъ, о. Павелъ, для перваго знакомства? Я російскую употребляю, а вы?

— А мнѣ чего-нибудь слабенъкаго.

— Ну, полно. Одну-то, чай, можно?

— Развѣ одну.

— Ну, будьте здоровы.

— Равнымъ образомъ.

Когда о. Романъ хотѣлъ было еще налить изъ графинчика съ пѣтухомъ, о. Павелъ загородилъ рукой свою рюмку, говоря:

— Нѣтъ, о. Романъ, довольно, не могу.

— Ну, тогда наливочки...

— Вотъ наливочки развѣ.

— А ты, батя, вишнейной предложи, лучше прочихъ,—предупредила матушка.

— Вишнейной, такъ вишнейной... А себѣ я опять російской.

Впрочемъ, о. Романъ не обременялъ особеннымъ угощеніемъ, высказавъ на отказъ повторить вишневкой:

— Ну, что-же, не неволю. Кто сколько можетъ, каждому противъ его силы...

Когда же гостю надо было по всѣмъ правиламъ приличія выпить послѣ третьяго блюда—превкусныхъ вафлей съ густѣйшими ломтевыми сливками—за здоровье хозяйки дома, и о. Павелъ потянулся было къ „портвейну“, но хозяинъ остановилъ его:

— Не рекомендую нынѣшнія вина, много въ нихъ всякой примѣси. А вы бы лучше опять той наливки.

Но Ираида Ивановна возразила:

— Нѣтъ, отчего-же, батя? можно и вина.—И различивъ опытнымъ взглядомъ въ ряду бутылокъ одну, оставшуюся отъ архіерейскаго угощенія, съ чистымъ удѣльнымъ виномъ, она сказала, наливая въ рюмку гостя:

— А хоть бы вотъ этого... Не крѣпкое. Этого и я даже могу...

— А ну-ка, и мнѣ сего-же,—подставлялъ о. Романъ свою рюмку.

— За угощенье! — чокался гость, привставая.

— За посѣщенье! — отвѣтствовала матушка, тоже вставая и давая тѣмъ знакъ, что обѣдъ окончился. Гость поцѣловался съ хозяиномъ и издали почтительно раскланялся, придерживая лѣвой рукой ниспадавшія на лобъ густыя косицы черныхъ волосъ, съ хозяйкою, отвѣтившею ему на благодарность обычнымъ:

— Не взъщите!

Мужчины удалились въ зало, сѣли на длинный мягкій старомодный диванъ, обитый чернымъ сафьяномъ, и закурили папирсы, облокотясь каждый на ручку дивана. Ихъ раздѣляла лежавшая посерединѣ дивана выпитая шелками подушка, манившая къ себѣ руки сидящихъ своимъ мягкимъ малиноваго цвѣта бархатомъ и располагавшая собесѣдниковъ къ благодушію, не смотря на остроту самой темы.

Надо замѣтить, что о. Павелъ съ перваго момента встрѣчи взялъ вѣрный тонъ. Онъ изложилъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ всю печальную эпопею неизреченнаго свѣта, насколько не отмѣчая комичной стороны нѣкоторыхъ поступковъ о. Аполлона. Рѣчь его была дѣловита и серьезна, но безъ вычурной и обидной жалостливости по отношенію къ провинившемуся. Въ такомъ же духѣ онъ велъ рѣчь и послѣ обѣда, готовя къ этому моменту самое главное, но только дожидаясь со стороны о. Романа вопроса, который самъ собою послѣдовалъ:

— Изъ вашихъ, словъ о. Павелъ, я понялъ, къ чему все клонится, но интересно было бы посмотрѣть самое дѣло. Нѣтъ-ли въ немъ какихъ-нибудь облегчающихъ вину о. Аполлона особенностей?

Тогда о. Павелъ переложилъ подушку на свое мѣсто, передвинулся къ круглому столу, накрытому красной вязаной скатертью и извлекъ изъ-за пазухи „Дѣло“. И о. Романъ тоже пододвинулся къ столу и сталъ слѣдить глазами по бумагѣ за тѣмъ, что не спѣша и выразительно читалъ о. Павелъ. По прочтеніи послѣдней бумаги о неудачномъ врачеваніи о. Аполлона вошла Ираида Ивановна съ подносомъ, на которомъ были двѣ чашки кофе съ сахарницей и сливочникомъ. Это было сюрпризомъ даже для самого протопопа, не только для гостя, который пришелъ теперь въ полное восхищенье отъ угощенія и даже запротестовалъ:

— Да что это вы, матушка! Сколько я вамъ хлопотъ надѣлалъ своимъ пріѣздомъ.

— Хлопоты за хлопоты, о. Павелъ! — тактично промолвила матушка то, что на ея мѣстѣ благочинника третьяго округа Евпраксія Андреевна, непремѣнно выразила бы въ угловатой формѣ пословицей: „Въ чужомъ пиру похмѣлье“. Въ это

время о. Романъ взялъ со стола „Дѣло“ и опять сталъ перелистывать, что заставило о. Павла искоса невольно наблюдать за всѣми движеніями о. Романа. О. Романъ замѣтилъ нѣсколько тревожный взглядъ гостя и поспѣшилъ передать бумаги въ его руки со словами:

— Берегите, а то украду! Ха-ха! Чай, о. Сосипатръ въ огражденіе себя росписку съ васъ взялъ?

— Да, у насъ въ благочиніи формальность строго соблюдается,—уклончиво отвѣтилъ о. Романъ.

— Это видно.—Хотѣлъ было о. Романъ прибавить, что о. Сосипатръ по себѣ о людяхъ судить, но только махнулъ рукой и сказалъ.—Всякъ по своему ведетъ дѣло.

— Да,—согласился гость, прихлебывая кофе въ одинъ разъ съ хозяиномъ.

— Не хотите-ли еще?

— Благодарствуйте, матушка!—отказался онъ, чувствуя, что его миссія окончилась и пора ко дворамъ.—Надо и отправляться.

— А вы посидите. Работникъ вашъ еще не пообѣдалъ, кажется.

Но тотъ въ это время въ кухнѣ молился на образа, выльзая изъ-за стола:

— Ну, ужъ и наѣлся, ровно на Святую недѣлю. Это не то, что въ Малой Пузѣ у нашего благочиннаго. Къ тому, когда пріѣдешь съ батюшкой, ни за что не покормятъ, въ сторожкѣ останавливаюсь, такъ кой-чего похлебаешь съ лукомъ у сторожа и ладно. А это—на-ко-ся! Даже водки вынесла матушка ваша стаканчикъ. Дай ей Богъ здоровья.

— У насъ завсегда такъ,—хвалилась Марья.—Побывалъ бы ты у насъ на именинахъ, не то бы еще видѣлъ!

— Да что ты?

— Кучерамъ водки полведра, а послѣ всего по куску арбуза да по яблоку.

— Сказывали, да я не повѣрилъ.

— А, лопни глаза, правда.

— Хорошо въ вашемъ благочиніи живутъ. И чего это нашъ батюшка, о. Павелъ, дремлетъ, переводился бы къ вамъ.

— Къ намъ всѣ стараются попасть, да не больно благочинный пушаетъ всѣхъ безъ разбору.

— Нашъ-то къ вамъ подойдетъ, не скупой, ладненько живеть. А ты, Марья, скажи про это вашей матушкѣ, не забудь. Тогда мы съ тобой часто встрѣчались бы,—лукаво прищуривая однимъ глазомъ, смотрѣлъ молодой парень въ глаза Марьѣ. Онъ при этомъ потянулся, выгибая грудь и занося руки на шею.—Выспаться бы теперь, Маша!—И какъ будто

невзначай уронилъ руки на ея полныя открытыя плечи, восклицая:—А-ахъ!..

— Ну, полно, не дури! Матушка еще войдетъ,—отстраняла она ласку, но блестя зубами.—А ты иди къ лошадямъ. Въ горницѣ пообѣдали, мотри, поѣдете скоро, чаю, должно, твой о. Павелъ пить не будетъ, кофею довольно.

— А хорошо бы, Марья, если бы о. Павелъ заночевалъ...

Работникъ не дождался отвѣта, потому что въ это время скрипнула дверь и вошла матушка.

— Хорошо-ли ты, Марья, накормила его... какъ тебя звать?

— Васильемъ, матушка... Благодаримъ покорно!—И онъ отвѣсилъ ей глубокой поклонъ. Потомъ взялъ картузъ и вышелъ изъ кухни.

— Ну, и что это за люди! Смотри-ка, овса лошадямъ задали! Не люди, а золото... Митрій! а Митрій! Гдѣ ты?—кричалъ онъ благочинническаго работника.

— Здѣсь,—отдалось изъ глубины соломеннаго навѣса въ противоположной сторонѣ.

— Чаво ты не обѣдалъ съ нами?

— Недосугъ было. Въ поле ѣздили. Тамъ и обѣдалъ.

— А это кто же овса всыпалъ нашимъ лошадямъ?

— Должно, Марья.

— А хорошая дѣвка—Марья, право... Задорная, песъ ее дери. Ты какъ съ ней? Ладишь?.. Ты холостой аль женатый, Митрій?

— Вдовый.

— Вотъ бы и женился.

— Нейдетъ, подлая. Ужъ сколько разговору было. На семью, говорить, не охота...

— Не въ томъ вещь, а старъ ты для нее, Митрій.

— Можетъ, и это. Кто знаетъ.

— Мнѣ бы въ работникахъ быть здѣсь... А? Давай мѣняться?

— А ты полно языкъ чесать. Пои лошадей да запрягай. А то негдѣ нашимъ замѣсить, колода-то одна.

— Ну, ладно... Эхъ, Митрій,—заговорилъ опять Василій,—жаль нашего мерена, у него подъ мордой овесъ, не все съѣлъ старый, зубы, видно, плохи. А жеребецъ, должно быть, нажрался на славу, вздрагиваетъ подлецъ, какъ съ просонья.

XI.

Возвращаясь въ свое Сыроѣшкино мимо Пятины, о. Павелъ вспомнилъ, что о. Романъ просилъ его зайти къ жившему въ этомъ селѣ о. Ардальону, исполнявшему во второмъ благочиніи такую же должность, какъ и о. Павелъ въ третьемъ, чтобы тотъ пріѣхалъ въ Большую Пузу завтра какъ можно пораньше, а зачѣмъ—не сказалъ.

— Ужъ не по этому-ли дѣлу? — думалъ о. Павелъ. Зайдя къ о. Ардальону на минутку, длившуюся съ часикъ, о. Павелъ попилъ чайку и прослѣдовалъ дальше въ Малую Пузу съ отчетомъ по исполненію порученія. Его не задерживали по обычаю, хотя спускались уже сумерки и ѣхать приходилось ночью. Впрочемъ, о. Павелъ едва-ли бы и остался даже на усердныя просьбы. Ему не хотѣлось портить впечатлѣнія отъ пріема у Кратеровыхъ, о которомъ онъ, впрочемъ, совсѣмъ умолчалъ предъ своимъ благочиннымъ, не желая вызвать со стороны благочинника ѣдкаго замѣчанія по адресу Большой Пузы: „Извѣстно, расточители! пиры даютъ, въ чужихъ живутъ“. Только на вопросъ о. Сосипатра,—что же о. Романъ? Какъ?—о. Павелъ сказалъ:

— Да ничего, кланяется и благодарить, просилъ только подождать недѣлку, не пускать пока дѣло въ ходъ. Но если говорить, нельзя, то какъ знаете.

— А чего ждать? Дѣло будетъ отъ того ни лучше, ни хуже.

У помощника начинало накапливаться раздраженіе противъ своего принципала. Этого чувства онъ не испытывалъ со всею яркостью до знакомства съ о. Романомъ. Теперь же, воочию убѣдившись въ лицѣ о. Романа, какіе бываютъ хорошіе благочинные, о. Павелъ отвалился окончательно душой отъ своего благочинія и ѣхалъ въ свое Сыроѣшкино съ горькимъ раздумьемъ:

— Калоши! Все калоши помнить. Но хорошо еще, что уговорилъ подождать недѣлю съ дѣломъ, хотя, въ сущности, что же особеннаго этой отсрочкой сдѣлаешь?

Но о. Романъ принялъ мѣры. Когда на утро пріѣхалъ къ нему изъ Пятины о. Ардальонъ, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Обижаютъ моего зятя, о. Ардальонъ.

— Да, да... Что подѣлаете, о. Сосипатръ тяжелый начальникъ, любить обидѣть,—сочувственно отозвался о. Ардальонъ.

— А я хочу его зятя обидѣть.

О. Ардальонъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на о. Романа и спросилъ:

— Это о. Николая? А какъ?

— Тоже дѣло завести.

— Какое?

— Объ танцахъ.

— А-а, — засмѣялся о. Ардальонъ, но вдругъ заговорилъ:— Вѣдь такъ-то о. Николай—ничего, парень хорошій.

— А мой Аполлонъ чѣмъ плохъ? Чѣмъ не угодилъ имъ?

— Конечно.

— Ну, конечно... Онъ щипнетъ—и я щипну, онъ обидитъ—и я обижу. Я первый не задираю. Но если меня тронутъ, я тоже въ долгу не останусь. Невѣсткѣ на отместку... Вы мнѣ теперь нужны, о. Ардальонъ, затѣмъ, чтобы припомнить всѣ обстоятельства, при которыхъ плясалъ о. Гусевъ, у кого, по какому случаю, когда, какого числа и мѣсяца, съ кѣмъ и такъ далѣе.

— Да онъ часто танцевалъ—и на свадьбахъ, и на именинахъ, и тамъ, гдѣ соберется танцующая компанія. Выпить, воодушевиться и пошелъ... Полю подниметъ и отмахиваетъ...

— Такъ давайте все это изобразимъ, да такъ, чтобы не было неправды и ни одной передержки... Пишите заголовокъ: „Его Преосвященству... благочиннаго такого-то почтительнѣйшее донесеніе.

— Ой, да неужели вы и вправду?.. Раньше никогда этого у насъ не бывало.

— Въ первый разъ. Тяжело, а ничего не подѣлаешь.

Благочинный и его помощникъ написали цѣлый листъ, представивъ полный портретъ о. Николая, какъ человѣка нетрезвой жизни, не занимающагося школой и приходомъ, манкирующаго обязанностями и, главное—какъ танцора, чѣмъ прихожане весьма соблазняются и идетъ молва не къ чести духовенства.

— Вотъ и готово!—весело сказалъ о. Романъ, ставя точку послѣ своей фамиліи. Но, откинувшись на спинку стула, онъ выражалъ въ своемъ лицѣ, обращенномъ въ садъ, за вершинами котораго блестѣли золоченныя главы церкви, какую-то тоску.

— Когда же вы пошлете?

— Въ тотъ день, когда о. Сосипатръ насчетъ шевыряловскаго свѣта,—апатично отозвался о. Романъ.

— А какъ это вы узнаете?

— Въ томъ и задача. Вотъ что! О. Сосипатръ посылалъ къ намъ посольство въ лицѣ о. Павла. Мнѣ это, знаете, очень понравилось, въ духѣ князя Святослава, который

всегда предупреждалъ враговъ: „Иду на васъ!“ Примѣръ, достойный подражанія, и я тоже хочу сдѣлать, командировать съ подобнымъ же порученіемъ въ Малую Пузу.

— О?—засмѣялся о. Ардальонъ.—Славно въ самомъ дѣлѣ! Это—идея!

— Да... Вотъ вы, не медля, и поѣзжайте на нашихъ лошадахъ съ Димитріемъ, а потомъ возвращайтесь.

— Хорошо.

— Только вы много не говорите, а прямо покажите эту бумагу. Пусть, если угодно, о. Сосипатръ даже возьметъ ее. Черновикъ у насъ остался, воспроизведемъ, если потребуется.

ХІІ.

Такъ какъ третье благочиніе вѣзъвалось клиномъ во второе и села были не особенно далеко другъ отъ друга, то о. Ардальонъ часа въ три преодолѣлъ разстояніе между Большой и Малой Пузами. Послѣ небольшого предисловія, о. Ардальонъ такъ же почтительно изложилъ передъ о. Сосипатромъ цѣль своего пріѣзда, какъ и о. Павелъ вчера передъ о. Романомъ.

О. Сосипатръ былъ озадаченъ и заговорилъ растерянно:

— Что же это, о. Романъ мститъ на нашемъ зятѣ за своего? Въ шевыряловскомъ дѣлѣ я вѣдь не при чемъ. Ко мнѣ поступили жалобы, нельзя же ихъ скрывать, самому влетитъ.

— Ничего не знаю, ваше высокопреподобіе. Я только исполняя порученіе своего о. благочиннаго. Что прикажете доложить ему?

О. Сосипатръ соображалъ, что произойдетъ, если оба дѣла будутъ пущены въ ходъ, кому больше достанется: о. Аполлону или о. Николаю? У о. Аполлона дѣло много серьезнѣе, можно завинтить его въ самоуправствѣ, можно разорить его, но, въ концѣ концовъ—кто знаетъ?—вдругъ какъ оно обернется другимъ концомъ? Вѣдь самая подкладка дѣла въ сущности такова, что охулить ее нельзя никоимъ образомъ. Церковное благолѣпіе одна изъ главныхъ обязанностей священника и за это о. Аполлона даже упрекнуть нельзя. А вся его вина только въ томъ, что онъ неопытенъ, не знаетъ формы дѣла. Смутно о. Сосипатръ чувствовалъ, что начальство можетъ обратить преимущественное вниманіе на это обстоятельство: а куда, спросить, самъ благочинный смотрѣлъ? на что онъ поставленъ? Благочинный долженъ благовременно предупреждать и не позволять разыграться безпорядкамъ. Пожалуй, усмотрять недостатокъ бдительности за мо-

лодыми священниками, отсутствіе надлежащаго руководства и прочее подобное.

— Тоже вѣдь она, Консисторія Ивановна... иной разъ мать, а другой—и мачиха... У нея и такъ, и этакъ выходитъ, одно и то же дѣло—и орель, и рѣшотка... Такъ что о. Аполлона, пожалуй, монастыремъ и не замараешь, много-много переведутъ въ другой приходъ. Но что касается о. Николая, зятя, то тутъ вѣрнѣйшая отсидка въ монастырѣ: попу танцовать не полагается и тутъ ни въ чемъ не найдешь извиненія... А преосвященный теперь строгій, выметаетъ соръ изъ епархіи, страшно взыскиваетъ за все—за водку, картежную игру и даже за табакъ. Каѳедральные протопопы на что такіе важные и самостоятельные, но и ихъ скрутилъ, отучилъ отъ куренія, небось, теперь курятъ, да оглядываются, бороду и усы одеколономъ обливаютъ постоянно, чтобы не пахло, а сигары совсѣмъ бросили, какъ пришлось завести новыя рясы вмѣсто старыхъ, насквозь продушенныхъ сигарнымъ духомъ... А тутъ, какъ доложить ему, владыкѣ преосвященному, что есть попъ, который танцуетъ, такъ онъ руками разведетъ и воскликнетъ: „Этого еще не доставало—плясуна-то?!“ И такъ накажетъ нашего зятя, что ой-ой! Свѣтъ яко кожу! И не только въ монастырь засадить, а, пожалуй, во дѣячки сведетъ, въ скверный приходъ переведетъ, запишетъ въ свой кондуитъ, и ужъ никогда о. Николаю не подняться во мнѣніи начальства, во вѣки вѣчные... Награда-ли такая, должность почетная—всегда скажутъ: „Плясуну-то?“

— Ахъ, какъ же это?—вздыхаль о. Сосипатръ.

— Какъ угодно.—О. Ардальонъ едва сдерживалъ улыбку.

Вошла Евпраксія Андреевна и, узнавши въ чемъ дѣло, разразилась градомъ упрековъ по адресу отсутствовавшаго зятя:

— Вотъ вѣдь мошенникъ! Говорила я ему, сколько разъ пилила: „Эй, о. Николай, не хорошо!“ Нѣтъ, неймется дураку. Какъ только попало ему въ голову, да услышитъ музыку, такъ у него ноги ходуномъ и заходятъ, такъ его сейчасъ все равно кто за колѣнки дергаетъ, точно бѣсъ у него въ пяткахъ сидитъ, равнодушно не можетъ слышать гармонь... Не попъ, а лошадь полковая, прости Господи! Одно горе... Несчастная Наташенька—польстилась на что! То ли дѣло вотъ зять у о. Романа, скромный, зря не болтаетъ, пьетъ мало, дѣломъ занимается. Онъ сначала тоже сваталъ нашу Наташу, а та, дура, увлеклась этимъ дуроплясомъ: ни за кого, говорить, не пойду, только за Колю Гусева. Ревѣла, брыкалась, по полу кубаремъ каталась... Какъ же! Первый кавалеръ былъ въ семинаріи, женихъ завидный, всѣмъ епархіалкамъ головы вертѣлъ, такъ бывало и снуютъ около него:

„Николай Иваныч! Николай Иваныч!“ А онъ вонъ какъ показалъ себя, Николаи-то Иванычъ, хуже-то и нельзя. Теперь и болѣй сердцемъ за дочь, да распинайся за этакого охальника... Эхъ, горе родительское, никто-то его не пойметъ!

Огорченіе матушки было настолько искренно, что вначалѣ улыбавшійся было этой тещиной тирадѣ о. Ардальонъ подѣ конецъ смолкъ и произнесъ въ утѣшеніе:

— Ну что вы, Евпраксія Андреевна, такъ себя разстраиваете? Можетъ, и обойдется какъ-нибудь.

— Да-а, обойдется! — всхлипывала благочинника. — Вотъ она — бумага-то, вижу сама, написана ужъ... — И она поглядѣла съ такимъ озлобленіемъ на четкую каллиграфію о. Романа, словно проглотить ее хотѣла, но отъ сознанія безсилія у нея даже слеза брызнула и скатилась на эту бумагу.

— Да вѣдь не послано еще, время не опоздано, можно и того... — говорилъ о. Ардальонъ.

— Такъ чего хочеть о. Романъ? — спросила она.

О. Ардальонъ такъ весело и понятно посмотрѣлъ на протопицу, словно изумляясь ея недалёковидности, что та воскликнула:

— Неужели башъ-на-башъ? — и прибавила сквозь слезы: — А, поняла... Ну, что же, протопопъ? — обратилась она къ мужу. — Ты какъ думаешь, можно поквитать одно на другое и замять шевыряловское дѣло?

— Ужъ и не знаю, что сказать, разыгралось оно порядочно, не уймешь, пожалуй...

— А ты подумай, можетъ и возможно. А если своего ума не хватитъ, вмѣстѣ посудите съ о. Романомъ. Ему не въ первой улаживать такія дѣла.

— А чтобы въ самомъ дѣлѣ, — воскликнулъ о. Ардальонъ, — не повидаться вамъ съ о. Романомъ?

— Да какъ? Мы вѣдь не бываемъ другъ у друга. Онъ гордый, ко мнѣ ни за что не поѣдетъ... Мнѣ ѣхать самому къ нему, тоже не рука... все-таки я старше его.

— А вы изберите нейтральный пунктъ... Идея! — И о. Ардальонъ даже прищелкнулъ поднятыми вверхъ пальцами. — Скоро будетъ пятидесятилѣтній юбилей о. Іоанну Амбразурову, тестю благочиннаго перваго округа. Пріѣзжайте-ка на юбилей туда, въ Дранскъ. Нашъ-то тамъ будетъ непременно.

— Чего лучше! — соглашалась матушка. — Тамъ и порѣшите сообща миромъ.

— Конечно, о. Сосипатръ, — увѣщевалъ о. Ардальонъ. — Неужто изъ-за какихъ-то, прости Господи, ка... (онъ едва не сказалъ: калошъ, но во время удержалъ свой языкъ, отхаркнулся на полъ и продолжалъ) — капризовъ, какихъ-то мелочныхъ личныхъ счетовъ, нестоющихъ выѣденнаго яйца, вы

будете топить своихъ дѣтей? Вѣдь не чужая лется кровь, родная!.. А въ духовенствѣ что будетъ? Вотъ, скажутъ, старики какіе—тузятъ себя своими дѣтьми, швыряются ими какъ полѣньями. На что это похоже?

О. Сосипатръ давно въ сущности былъ радъ такому плану примиренія, но окончательнаго своего слова только потому не произносилъ, что ему хотѣлось побольше послушать о. Ардальона, говорившаго горячо, убѣжденно, краснорѣчиво, хотѣлось продлить это удовольствіе и въ то же время показать, что онъ всетаки нелегко поддается, что за нимъ походи...

— Ну такъ какъ же, о. Сосипатръ, согласны на свиданіе?

— А о. Романъ желаетъ этого?

— Положимъ, разговору объ этомъ не было, но могу увѣрить васъ своею священническою совѣстію, что онъ не откажется поговорить съ вами по этому дѣлу съ глазу на глазъ.

— Такъ хорошо, пріѣду въ Дранскъ.

— А теперь идите яичницу ѣсть!—звала Евпраксія Андреевна.—А то передѣляется.

Яичница на этотъ разъ была съ ветчиной. Къ яичницѣ была поставлена водочка, а къ водочкѣ селедочка и еще кое-что, такъ что когда о. Ардальонъ выѣзжалъ изъ Малой Пузы, то не могъ не подѣлиться своими впечатлѣніями съ большепузинскимъ работникомъ Димитріемъ:

— Зря болтаютъ про здѣшняго благочиннаго, будто скаредъ. Какъ ты полагаешь, Митрій?

— Кормятъ ничего...—спокойно отозвался тотъ.—Это вотъ Василій изъ Сыроѣшкина съ о. Павломъ вчера пріѣзжалъ, больно жаловался, будто въ Малую Пузу надо со своимъ хлѣбомъ пріѣзжать. Признаться, я повѣрилъ дураку, каравай захватилъ изъ дому, да зря, не потребовался... Ёра онъ, Василій-то... набалованъ очень. Ему бы все какъ господамъ. А того не разберетъ, что онъ такой же мужикъ, какъ и прочіе, хоть и поповъ работникъ... Конечно, супротивъ насъ малопузинскимъ гдѣ же сравняться, а все же щецъ похлебали и каша вчерашняя была, жить можно. А запасъ свой я лошадямъ стравилъ. Лошадямъ точно — обидно, солома только была... Ну да, вѣдь, сѣна-то нонѣ какія!.. Можетъ, и не отъ жадности, а самимъ надо.

ХІІІ.

О. Іоанну Амбразурову было семьдесятъ пять лѣтъ отъ роду, но онъ не утратилъ вполне ни зрѣнія, ни слуха и двигался еще сравнительно бодро для своихъ лѣтъ. Службу въ приходѣ онъ оставилъ года три тому назадъ и теперь жилъ

у зятя, замѣстившаго его въ приходѣ и тоже уже старика. О. Іоаннъ еще находилъ возможнымъ исправлять кое-какія требы, но особенно любилъ ходить въ школу, гдѣ занимался съ ребятами совершенно безвозмездно, отъ нечего дѣлать. Голосъ его былъ очень слабый, жиденькій, съ едва замѣтнымъ пригнусомъ и когда надо было сказать громко, онъ выкрикивалъ пѣтушкомъ. Лѣтомъ, когда занятій въ школѣ не было, онъ не сидѣлъ дома, его тянуло на волю, на просторъ, словно онъ торопился насладиться послѣдними минутами земного бытія и хотѣлъ крѣпче запечатлѣть въ своей памяти юдоль плачевную и потомъ уже идти въ жизнь вѣчную.

Рано наступившее въ тотъ годъ лѣто быстро окончилось. Въ воздухѣ холодило и ночи были морозныя, но выдавалось иногда время, когда солнце напрягало всѣ лучи, чтобы дать на прощанье чудный теплый осенній день. И вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, въ половинѣ сентября, о. Іоаннъ шелъ, опираясь на клюку, за городъ въ лѣсокъ, стоявшій на пригоркѣ и обнажившійся теперь снизу, такъ что видѣнъ былъ просвѣтъ на горизонтѣ. Морозъ каждою ночью по своему перекрашивалъ лѣтнюю зелень. Побурѣла береза, за-краснѣлся дубъ и боярышникъ; зажелтѣла трепещущая осина; липа одѣлась въ песочный цвѣтъ; золотомъ отливаютъ на солнцѣ широкія лапы клена, но безпомощно держатся на вѣткахъ, уныло опустились и висятъ какъ омертвѣвшія руки у паралитика. А поблекшая рябина выставила на видъ красныя кисти своихъ кислыхъ ягодъ... Большое разнообразіе въ убранствѣ осени, но не богатое. Видишь бѣдную вдову, одѣвшуюся изъ кокетства во всѣ яркіе наряды, уцѣлѣвшіе отъ разгрома послѣ мужа. Видна смѣсь всего, всѣхъ цвѣтовъ, пестрота, но нѣтъ жизни и вкуса. Листва валится на сопрѣвшую заплѣсневѣлую траву и готова гнить вмѣстѣ съ опенками у корней срубленныхъ деревьевъ... Чуется запахъ мертвеца...

Грустно стало о. Іоанну и онъ вернулся изъ лѣсу. Направо между городомъ и лѣсомъ расположено было кладбище, обсаженное по оградѣ ветлами. „Милое это дерево!—ветла,—думалъ онъ,—чисто русское, неприхотливое, растетъ всюду—и на болотѣ и на пескѣ, гдѣ ни посади, и дольше всякаго другого носить на себѣ крѣпкую одежду,—съ ранней весны до глубокой осени она зелена“. На могилахъ погнувшіеся памятники, вывѣтрившіяся надписи, подгнившіе кресты говорили о полномъ исчезновеніи когда-то жившихъ людей,—имъ у живыхъ даже въ представленіи не осталось мѣста. Только въ кладбищенской церкви, въ поминальняхъ, лежавшихъ на закапанномъ воскомъ низенькомъ столикѣ ря-

домъ съ канунницей, остались ихъ имена, пустые звуки. А вѣдь сколько жило, жило людей! Сколько именъ на крестахъ, и сколько имъ такихъ пожеланій, отъ которыхъ отрещиваются сами пожелавшіе!

„Покойся, милый прахъ, до будущаго вѣка,
Сія участь всякаго человѣка“.

— „Какъ бѣдна могильная поэзія!“ — думалъ о. Іоаннъ, пробѣгая глазами знакомыя надписи и спѣша къ высокой березѣ на краю обрыва, къ могилѣ своей жены, схороненной лѣтъ десять тому назадъ.

— „Ну, старуха, скоро, видно, я къ тебѣ приду,—говорилъ вслухъ о. Іоаннъ.—Больше ждать нечего, завтра юбилей, послѣдняя честь, что-то будетъ тамъ за гробомъ!“

Слезы навернулись у него на глазахъ, отъ того-ли, что старуха не увидитъ готовящагося ему торжества, отъ того-ли, что ему не хотѣлось умирать, а умирать надо. „Надо, надо!“ шептало ему сознаніе. Но подулъ холодный вѣтерокъ, онъ закутался плотнѣе въ рясу и, перекрестившись, пошелъ домой.

Въ свое время онъ тоже былъ благочиннымъ и, когда до него доходили слухи о раздрягахъ въ духовенствѣ, онъ обсуждалъ дѣло съ своей точки зрѣнія и давалъ совѣты, иногда очень оригинальные. Такъ какъ рознь между вторымъ и третьимъ благочиніями была настолько общеизвѣстна, что о ней всѣ говорили, то о. Іоаннъ о ней не могъ не знать, и когда онъ услышалъ отъ своего зятя, что оба благочинные будутъ у него на юбилей, то вниманіе его было почти всецѣло этимъ занято. Придя съ кладбища, онъ позвалъ къ себѣ дочь, тоже ужъ старуху, и, кашляя старческимъ дряхлымъ кашлемъ, сказалъ:

— Ну, вотъ, Аннушка, пріѣдутъ гости... да, пріѣдутъ...

— Ужъ съѣзжаются, папаша,—отвѣтила та.

— Съѣзжаются... это хорошо. А благочинные-то изъ Пузъ пріѣхали?

— Нѣтъ еще.

— Нѣтъ... Ну, такъ, вотъ, когда пріѣдутъ... сегодня вечеромъ должны пріѣхать, потому всенощная... Ты ихъ не въ разныхъ комнатахъ помѣсти ночевать, а въ залѣ обоихъ и больше никого. Каждому кровать особая, чтобы равная честь каждому... Чтобы ни тому, ни другому обиды не было... Въ головахъ у каждой кровати поставь столикъ съ водой и прочее... И лампадку подъ образами затепли... Пусть спятъ вмѣстѣ... Это имъ надо... Сердиты они другъ на друга... Пусть помиряются... Охъ, Господи! Зачѣмъ ссорятся? Всѣ помирать будемъ...

О. Романъ и о. Сосипатръ прѣхали въ половинѣ все-нощной, которую едва выстоялъ утомленный за день юбиляръ и тотчасъ ушелъ въ свою комнату. Какъ провели ночь отцы благочинные, о чемъ говорили и на чемъ порѣшили, никто не зналъ и доселѣ не знаетъ. Только по утру стало ясно, что они за ночь перемѣнились и вели себя иначе, чѣмъ съ вечера. Съ вечера между ними была холодность. О. Сосипатръ прѣхалъ немного позднѣе о. Романа и обратился къ нему:

— Здравствуйте, ваше высокопреподобіе!

— Здравствуйте, ваше высокопреподобіе!—отвѣтилъ о. Романъ. И, пожавъ взаимно руки, безъ обычныхъ лобзаній, они тогда ни слова не сказали при другихъ. Но утромъ вмѣстѣ встали, вмѣстѣ умылись, подавая другъ другу воду изъ луженаго ковша надъ мѣднымъ тазомъ, стоявшимъ на табуретѣ въ углу; утирались однимъ длиннымъ полотенцемъ съ разныхъ концовъ, чесались одной расческой и смотрѣли другъ на друга, какъ примиренные друзья, временно разошедшіеся, и теперь покончившіе съ недоразумѣніемъ. Они вмѣстѣ въ рядъ пошли въ церковь и вмѣстѣ служили соборне обѣдню подъ первенствомъ самого юбиляра. За молебномъ о здравіи юбиляра, посерединѣ собора было умирительно смотрѣть на нихъ, какъ они стояли другъ противъ друга, занимая мѣста около юбиляра и смотрѣли одинъ въ лицо другого не только безъ всякой ненависти, но почти съ любовью. Въ концѣ длинной вереницы священниковъ стояли и о. Николай съ о. Аполлономъ, также другъ противъ друга. Но они были какіе-то невеселые, грустные и избѣгали взаимныхъ взглядовъ. Имъ еще неизвѣстно было на чемъ рѣшили ихъ старшіе, и они покорно ждали участи. Всѣ священники, присутствовавшіе на молебнѣ, повертывали головы то на угнетенную молодежь, то на спокойно созерцавшихъ старцевъ, и всѣ выжидательно и съ напряженіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ разрѣшится вся эта исторія.

Обѣдъ начался тѣкъ же церемонно и въ такомъ же порядкѣ мѣстъ, какъ и за молебномъ, и такъ же на главномъ мѣстѣ возсѣдалъ юбиляръ. Небольшого роста, сгорбленный, съ остатками рѣдкихъ волосъ, собранныхъ въ небольшую косичку на затылкѣ, самъ худенькій, но благообразный, въ голубомъ небеснаго цвѣта полукафтани, о. Іоаннъ точно тонулъ въ высокомъ креслѣ за столомъ. Въ числѣ яркихъ особенностей его костюма была на немъ бѣлая шелковая козыночка, покрывавшая его шею и опускавшаяся частію на плечи. Это была давнишняя мода старинныхъ людей, неизвѣстно откуда и какъ занесенная сюда, но свято соблюдавшаяся послѣдними могикианами изъ бѣлаго духовенства, исче-

зающими съ лица земли вмѣстѣ съ этими косыночками и косичками и другими укладами наивной старины, смиренно уступая мѣсто другимъ привычкамъ, взглядамъ и интересамъ, вродѣ тѣхъ, которые въ настоящее время выразились въ лицѣ семинариста Кости Гусева, приглашеннаго на юбилей съ его собственной дешевой фотографіей затѣмъ, чтобы снять портретъ съ юбиляра и со всей торжественной обстановки, и сейчасъ устанавливавшего аппаратъ въ глубинѣ залы. Юбиларъ весело и любовно обозрѣвалъ своихъ гостей, начавъ тоненькимъ, какъ увязшая въ паутинѣ пчела, голоскомъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, дожилъ... Спасибо, отцы и братья, за честь. Почти всѣхъ васъ знаю, всѣхъ и вижу. Только вотъ не разберу, кто это тамъ молоденькіе такіе сидятъ, совсѣмъ дѣти малыя, но съ крестами—значить священники.

О. Николай и о. Аполлонъ привстали изъ почтенія къ спрашивавшему ихъ старцу.

— Зятья наши съ о. Сосипатромъ,—рекомендовалъ о. Романъ.

— Такъ, такъ... Благочинническая родня... А вы помѣняйтесь мѣстами...

О. Аполлонъ и о. Николай поняли слова юбиляра такъ, что надо пересѣсть одному на мѣсто другого, что имъ, сидѣвшимъ послѣдними съ краю стола, сдѣлать было легко.

— Не то, не то!—махалъ рукою юбиляръ, вскрикивая тонкимъ голоскомъ:—не здѣсь, а тамъ... дома... Приходами помѣняться, говорю... Каждой птицѣ свое гнѣздо...

Всѣ вдругъ на мгновеніе смолкли и насторожились, занятые одною мыслью, а въ глазахъ о. Романа и о. Сосипатра, смотрѣвшихъ другъ на друга, явно отразился необычайный блескъ внезапно ослѣпшей ихъ мысли, къ которой они приближались всю минувшую ночь, но которой всетаки не могли доискаться, придумавъ какой-то другой, болѣе сложный выходъ изъ обоюднаго затрудненія. Но было еще рано выражать свою радость вслухъ передъ всѣми,—свѣтлая мысль должна была пройти тайну рожденія въ глубокомъ торжественномъ молчаніи... Въ этотъ моментъ Костя Гусевъ надавилъ кнопку и снялъ группу...

Только подъ конецъ обѣда, послѣ многихъ тостовъ, когда о. Романъ снова провозгласилъ тостъ за „славнаго старца, патріарха, умиротворителя и старыхъ, и молодыхъ, за мужа совѣта и разума“, и когда послѣ подѣлуевъ съ юбиляромъ оба благочинные, движимые непреодолимымъ чувствомъ близости, очутились другъ у друга въ объятіяхъ и слезахъ, прощая взаимныя обиды, стало очевидно, что совѣтъ о. Іоанна единодушно принять враждовавшими и вся раздрага между

благочиніями окончилась, къ великой радости всѣхъ присутствовавшихъ, при самой прекрасной обстановкѣ и въ большое удовольствіе виновнику торжества и примиренія. Не удержались отъ поцѣлуевъ и товарищи—о. Аполлонъ и о. Николай, и они теперь, зная, что ихъ перемѣщеніе, въ сущности, уже какъ бы состоялось, возобновили прежнія добрыя товарищескія отношенія и начали дѣлиться своими свѣдѣніями о приходахъ, взаимно разспрашивая другъ друга—о. Николай о Шевыряловѣ, а о. Аполлонъ о Бусыгинѣ.

Такъ дѣйствительно и произошло. Тутъ же на юбилей написано было одно общее прошеніе о перемѣщеніи, а благочинные дали отъ себя общій отзывъ, и прошеніе было отправлено къ начальству изъ Дранска же. Соръ не былъ выметенъ изъ избы и спокойно улеживался въ благочинническомъ архивѣ, дальше не пошелъ.

Говорили потомъ, что за неизреченный свѣтъ въ Шевыряловкѣ о. Николай черезъ годъ получилъ набедренникъ и что это не совсѣмъ-де правильно, потому что идея и весь почти трудъ на него положенъ былъ о. Аполлономъ. Но о. Романъ говорилъ своему зятю съ обычнымъ юморомъ:

— Объ этомъ не горюй, Аполлонъ! Свое отъ тебя не убѣжить. Ну, не удался неизреченный свѣтъ, сооруди другое что-нибудь... хоть пещерную церковь, въ самомъ дѣлѣ... И получишь скуфью.

С. Елеонскій.

О Фетѣ.

Оглянись—и міръ вседневный
Многоцвѣтенъ и чудесенъ.

А. Фетъ.

Въ прошломъ году вышло въ свѣтъ, въ изданіи г. Маркса, „Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета“ въ трехъ томахъ. Какъ заявляется въ предисловіи, изданіе это, „оставаясь общедоступнымъ по назначенію, по внѣшности (?) и цѣнѣ (5 р.), все же имѣетъ въ виду удовлетворить по возможности и взыскательнымъ требованіямъ научной критики, какъ относительно точности текста и полноты собранія, такъ и въ отношеніи хронологическихъ указаній“.

Задача похвальная; но, къ сожалѣнію, пониманіе редакторомъ изданія Б. В. Никольскимъ требованій научной критики оказывается весьма своеобразнымъ. Такъ, въ новомъ изданіи стихотворенія размѣщены въ столь удивительномъ, прямо фантастическомъ порядкѣ, что для разъясненія идеи и плана этого quasi-порядка понадобилась цѣлая дюжина страницъ,—и, однако, не смотря на всѣ краснорѣчивыя разсужденія о „клумбахъ“ и „окраинахъ фетовскаго творчества“, научная критика, и не очень даже взыскательная, врядъ-ли почувствуетъ себя „удовлетворенной“. Довольно сказать, что стихи Фета раздѣлены почтеннымъ редакторомъ на 88 (шутка сказать!) отдѣловъ, съ особыми названіями для cadaго, красующимися на отдѣльныхъ бѣлыхъ листкахъ; а нерѣдко новому отдѣлу предшествуютъ и два бѣлыхъ листа: на одномъ выписано общее заглавіе отдѣла (положимъ—„Сердце“), на другомъ стоитъ лишь римская цифра I въ обозначеніе того, что это первый подъ-отдѣлъ, за которымъ послѣдуютъ еще и другія части... „сердца“. Далѣе идутъ: „Грезы“, „Сны“, „Бессонница“, „Природа“, „Снѣга“, „Звѣзды“, „Море“ (это уже не природа?), и т. д., и т. д. Почему бы не помѣстить еще отдѣловъ: „Лужи“ и „Ледяныя Сосульки“?.. Благодаря такой оригинальной системѣ, въ

трехъ томахъ „Полнаго собранія“ публика получаетъ 196 страницъ чистой бумаги!

Что касается хронологіи, то, казалось бы, чего естественнѣе (разъ ужъ стихи размѣщены въ произвольномъ порядкѣ) отмѣчать время написанія каждой пьесы подъ ея текстомъ? Въмѣсто этого, г. Никольскій заставляетъ читателя, ни въ малой даже мѣрѣ не задающагося цѣлями научной критики, а просто лишь любопытствующаго узнать, въ какомъ году сочинена Фетомъ та или другая пьеска, продѣлывать сложную и довольно-таки запутанную процедуру. Положимъ, во II томѣ вы заинтересовались крошечнымъ стихотвореніемъ „Сонъ“ (6 строчекъ). Просмотрѣвъ весь этотъ томъ, заглянувъ и въ первый и убѣдившись, что въ нихъ нигдѣ не указана дата стихотворенія, вы переносите свои поиски въ заключительный томъ изданія (третій) и здѣсь, къ удовольствію своему, дѣйствительно, находите „Хронологическій указатель“. Но вотъ задача: какъ къ нему подступиться? Оказывается, указатель занимаетъ ни много, ни мало—35 страницъ мелкаго шрифта, и стихи расположены въ немъ не въ алфавитномъ порядкѣ, а по годамъ написанія; слѣдовательно, для того, чтобы найти интересующее васъ стихотвореніе, вы должны... предварительно знать, когда оно написано! Перелистывая въ уныніи страницу за страницей, вы, однако, открываете, что г. Никольскій предвидѣлъ затрудненіе и въ томъ же III томѣ помѣстилъ и „Алфавитный указатель“. Благодареніе Богу! Здѣсь вы находите: *Сонъ*. Снился берегъ мнѣ скалистый... II, 70, № 343.

На минуту вы опять становитесь втупикъ: что сей сонъ означаетъ?.. Но—счастливая догадка!—бросаетесь обратно въ „Хронологическій указатель“. Тутъ, подъ № 343, въ числѣ другихъ 42 №№, стихотвореніе „Сонъ“, дѣйствительно, оказывается занесеннымъ въ рубрику „4 января 1854 года“. Наконецъ-то!..

„Научная критика“ могла бы, пожалуй, замѣтить еще, что не могъ же Фетъ 4 января 1854 г. написать сорокъ два стихотворенія, но простой читатель не станетъ придиратся, по горло довольный и тѣмъ, что его хожденія по многочисленнымъ канцеляріямъ и столамъ увѣнчались, въ концѣ концовъ, успѣхомъ; за то въ другой разъ онъ врядъ-ли ужъ захочетъ любопытствовать... Да и къ чему? Г. Никольскій приводитъ мудрое соображеніе, что у такого поэта, какъ Фетъ, хронологія почти не имѣетъ значенія: большинство его стиховъ отлично-де могло бы быть написано въ любой странѣ и даже въ любомъ вѣкѣ. Но тогда для чего же почтенный редакторъ и огородъ городилъ?..

Мы уже видѣли, что изъ трехъ томовъ „Полнаго собранія“ добрый томъ составилъ изъ чистой бумаги; но еще больше занимаютъ въ немъ мѣста плохіе переводы (изъ двадцати слишкомъ иностранныхъ поэтовъ), обширный отдѣлъ совершенно непозитическихъ одъ и посланій, а также огромное количество неуклю-

жихъ и искусственныхъ виршей, написанныхъ Фетомъ въ старости, когда, подъ влияніемъ чтенія Шопенгауэра и поддаваясь лести окружающихъ, онъ пытался создать нѣчто глубокомысленное и проникновенное. Въ старости онъ писалъ, напримѣръ, такіе стихи (какъ бы пародируя свое же знаменитое „Шопоть, робкое дыханье“).

Это утро, радость эта,
 Эта мощь и дня, и свѣта,
 Этотъ синій сводъ,
 Этотъ крикъ и вереницы (?),
 Эти стаи, эти птицы,
 Этотъ говоръ водъ,
 Эти ивы и березы,
 Эти капли, эти слезы,
 Этотъ пухъ—не листъ,
 Эти горы, эти доли,
 Эти мошки, эти пчелы,
 Этотъ зыкъ и свистъ (?),
 Эти зори безъ затмѣнья,
 Этотъ вздохъ ночной селенья,
 Эта ночь безъ сна,
 Эта мгла и жаръ постели,
 Эта дробь (?) и эти трели,
 Это все—весна!..

Конечно, этотъ фокусный наборъ словъ и образовъ не только къ поэзии, но даже и къ грамматикѣ имѣетъ весьма малое отношеніе; и, тѣмъ не менѣе, благодаря усиліямъ г. Никольскаго, такимъ стихотворнымъ мусоромъ завалены теперь лучшія произведенія фетовской музыки, по справедливости признаваемые украшеніемъ русской лирики.

Но у г. Никольскаго свой оригинальный взглядъ на то, что мы называемъ мусоромъ. „Извѣстно,—говоритъ онъ,—какъ медленно росла слава Фета среди непогоды *площадного недоброжелательства* (курсивъ вездѣ нашъ. П. Г.), и какъ постепенно даже теперь расширяется кругъ ея завоеваній. Какъ ни безслѣдно растаетъ со временемъ предубѣжденіе читателей противъ Фета, оно до сихъ поръ еще существуетъ, и до сихъ поръ еще приходится съ нимъ считаться... тщательно остерегаясь, чтобы слабости *великаго лирика* не заслоняли въ глазахъ предубѣжденія великихъ его достоинствъ. Приходится прежде всего раскрыть *все безпредѣльное глубокомыслие, всю мощь и богатство идейнаго содержанія его поэзии*, чтобы съ первыхъ же страницъ читателю становилась очевидной нелѣпость мнѣнія объ отсутствіи въ ней мысли, о бѣдности ея содержанія“.

Вотъ почему новое изданіе начинается съ стихотвореній Фета позднѣйшаго періода. „Пѣсни молодости“,—по мнѣнію г. Никольскаго,—„лишь эпизодъ въ дѣятельности Фета, лишь проба пера, почти *безсознательное проявленіе того, что сознательно и твердо*

выражено имъ въ стихахъ старости“. Послѣдніе—„глубокомысленнѣ“, въ нихъ ярче просвѣчиваетъ „величіе поэта философовъ“ (такимъ громкимъ титуломъ награждаетъ г. Никольскій своего любимца). „Изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ, доселѣ жившихъ (!), ни одинъ до такой степени не сумѣлъ усвоить чисто-философскій духъ и остаться при томъ поэтомъ“.—„Этотъ великій художникъ—какое-то золотое звено, связующее красоту съ истиною, золотой мостъ между философіей и поэзіей“. Этого мало: „Фетъ до такой степени поэтъ будущаго, что съ полнымъ правомъ могъ бы во главѣ своихъ стихотвореній поставить знаменитыя слова Шопенгауэра: черезъ головы современниковъ перedaю мой трудъ грядущимъ поколѣніямъ“.

Къ удовольствію нашему, споръ на эту тему является лишнимъ по той простой причинѣ, что въ той же панегирической статьѣ г. Никольскій такъ искусно самъ себя уничтожаетъ, что лучшаго и пожелать ничего нельзя. А именно, онъ пишетъ: „Его (Фета) стихотворенія требуютъ долгаго и вдумчиваго изученія. *Его замыселъ нужно высматривать, какъ панорамникъ въ Иванову ночь... Музу Фета приходится почти только угадывать по его произведеніямъ, какъ Золушку по башмачку*“. Г. Никольскій охотно признаетъ, что это большой недостатокъ: „то, что оправдываетъ иной разъ въ глазахъ читателя недостатки изложенія у философовъ, не можетъ служить извиненіемъ художнику слова“.

Мы скажемъ больше: это есть лучшее доказательство того, что Фетъ-философъ—не поэтъ! Истинная поэзія легко овладѣваетъ умомъ и чувствомъ читателя, и если нужно покрыться седьмымъ потомъ для того, чтобы „высмотрѣть замыселъ“ поэта, то... дѣло его плохо! Поэтъ въ той только мѣрѣ можетъ, безъ ущерба для себя, касаться вопросовъ философскаго умозрѣнія, въ какой вопросы эти органически имъ восприняты, претворены, такъ сказать, въ плоть и кровь его духа. Тогда онъ „мыслить образами“, идущими къ нему безъ усилія; иначе онъ—лишь холодный риторъ, фальсификаторъ поэзіи, какимъ Фетъ (за рѣдкими исключеніями) и былъ въ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни.

Касаясь, далѣе, не однихъ философскихъ, но всѣхъ вообще стихотвореній Фета, редакторъ новаго изданія говоритъ объ ихъ художественной формѣ слѣдующее: „Вопреки площаднымъ сужденіямъ о великихъ, будто бы, достоинствахъ этой формы, позволительно, напротивъ, утверждать, что превозносить форму Фета въ ущербъ сущности его поэзіи могутъ искренно только тѣ, кому послѣдняя недоступна“. Взглядъ этотъ, правда, не новъ—его проводили еще старые панегиристы Фета. Такъ, Василій Боткинъ писалъ въ 50-хъ годахъ, что „надобно кое-что прощать“ Фету, который рѣдко бываетъ „полнымъ художникомъ“. Точно также у Страхова читаемъ: „Фетъ очень небреженъ. Его стихотворе-

нія, не смотря на образцовую краткость, свойственную лирикѣ, часто не имѣютъ полной правильности въ постройкѣ, того отвлеченнаго порядка, который такъ помогаетъ прозаическимъ читателямъ". Однако, г. Никольскій оставляетъ обоимъ старыхъ критиковъ далеко позади: онъ прямо утверждаетъ (хотя и не подкрѣпляя словъ своихъ примѣрами), что „синтаксисъ Фета—что-то совершенно невѣроятное, а слогъ безпрестанно впадаетъ въ изысканность и даже вычурность“.

„Ужъ эти, эти мнѣ друзья!“ могъ бы сказать покойникъ Фетъ, услыхавъ такую защиту своей поэзіи противъ „площадной“ (читай—либеральной) критики...

Одинъ изъ представителей столь презираемаго г. Никольскимъ направленія критики, г. Коробка, подхватываетъ и подробно развиваетъ его мысль („Образованіе“ 1901, № 7—8). Помимо недостатковъ синтаксиса и слога, критикъ „Образованія“ находитъ у Фета существенные недочеты и въ области стихосложенія, видитъ отсутствіе въ его талантѣ чувства мѣры и правдивости, нарушение на каждомъ шагѣ элементарнѣйшихъ требованій эстетики и, приведя многочисленные образчики невозможно-плохихъ стиховъ, заключаетъ, что Фетъ долженъ быть поставленъ въ русской литературѣ развѣ лишь рядомъ... съ г. Бальмонтомъ!

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о художественной формѣ Фета почти трогательно согласіе между критиками двухъ враждебныхъ литературныхъ направленій. Слѣдуетъ только оговориться, что мотивы этого согласія діаметрально противоположны. Г. Никольскій, въ стремленіи возвысить Фета-философа и посрамить либеральную критику, признававшую за поэтомъ одни чисто-внѣшнія, „птичьи“ достоинства, соглашается утопить его, какъ художника формы; наоборотъ, критикъ „Образованія“, чтобы вѣрнѣе уничтожить Фета-философа, съ радостью ухватывается за легкомысленную уступку редактора „Полнаго собранія“, мотивируетъ ее, развиваетъ и окончательно развѣнчиваетъ Фета, какъ поэта вообще...

Уже одно то обстоятельство, что критики столь различныхъ эпохъ (Боткинъ писалъ еще въ 50-хъ годахъ), направленій и точекъ зрѣнія согласно находятъ у Фета большіе недостатки формы, показываетъ, что недостатки эти, дѣйствительно, бросаются въ глаза. Не даромъ же Фетъ такъ счастливъ былъ на пародіи и еще, какъ острилъ Тургеневъ, на опечатки... Если задаться цѣлью, какую имѣетъ въ виду г. Коробка, то можно бы, пожалуй, привести и болѣе яркіе и бесспорные примѣры.

Прудъ—какъ блестящая сталь,—

воспѣваетъ Фетъ въ одномъ мѣстѣ вечеръ:

Травы—въ рыданіи...
 Можно-ль тужить и не жить
 Намъ въ обаяніи?

Или, напримѣръ, какъ вычурно и нелѣпо слѣдующее стихотвореніе:

Тѣснѣе и ближе сюда,
 Раскрой ненаглядное око!
 Ты—въ сердцѣ съ румянцемъ стыда (?!),
 Я—лучъ твой, летящій далеко.
 На горы во мракъ ночью,
 На сѣрую тучку заката,
 Какъ кистью, я этимъ лучемъ
 (т. е., значить, собою?)
 Наброшу румянца и злата.

Туманности, двусмысленности, вульгаризмы, несуществующія слова и ударенія, дѣйствительно, довольно щедро разсыпаны въ стихахъ Фета (особенно позднѣйшаго періода) и нерѣдко безнадежно портятъ самыя красивыя и граціозныя вещи. У него есть: „гречь“ вмѣсто „греча“, „распускныя цвѣты“, „раздающійся соловей“, „пахучая страсть“, „овдовѣвшая лазурь...“

Все это такъ; но, во-первыхъ, несомнѣнные курьезы, вродѣ только что приведенныхъ, встрѣчаются все же въ ограниченномъ количествѣ; что же касается выраженій, неизящныхъ, или непонятныхъ по мнѣнію одного, то другому они могутъ казаться вполне удачными. Все это довольно субъективно. Почему, напр., излюбленное выраженіе Фета „звѣздъ золотыя рѣсницы“ не только не представляетъ, по словамъ г. Коробки, поэтическаго образа, но даже лишено всякаго смысла? Если и въ народной пѣснѣ, и у поэтовъ всего міра звѣзды называются „Божьими очами“, если общеупотребительно выраженіе „звѣзды мигаютъ“, то почему бы звѣзднымъ лучамъ не называться и „золотыми рѣсницами звѣздъ“? Пожалуй, это даже красиво и поэтично. „Жгучій мѣсяцъ“, конечно, представляетъ нѣкоторую гиперболу, но и это, опять-таки, не кажется намъ бессмыслицей. Вспомнимъ стихи Пушкина:

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
 На пустынные скалы,
 Гдѣ луна *теплѣе* блещетъ...

О теплотѣ мѣсяца, слѣдовательно, говорить можно въ поэзіи. Высмѣиваются такъ же, какъ совершенно нелѣпыя, слѣдующіе стихи Фета:

Какая грусть! Конечъ аллеи
 Опять съ утра исчезъ въ пыли,
 Опять серебряныя змѣи
 Черезъ суробы поползли.
 На небѣ ни клочка лазури,
 Въ степи все гладко и бѣло...

Мы же, съ своей стороны, думаемъ, что картина зимней вьюги, когда по снѣжному полю тамъ и сямъ ползутъ и вьются серебряныя змѣйки, нарисована Фетомъ очень удачно.

А затѣмъ, отъ величія до... г. Бальмонта не одинъ же шагъ, и мы полагаемъ, что, увлекшись пикировкой съ г. Никольскимъ, г. Коробка, въ свою очередь, сильно погрѣшаетъ противъ истины. Его утвержденіе, будто „дѣйствительно-поэтическихъ стихотвореній, колоритно изображающихъ природу и вызываемыхъ ею настроеній“, наберется у Фета не больше двухъ десятковъ, да и въ тѣхъ „нѣтъ настоящаго лирическаго подъема чувствъ“—настолько произвольно и странно, что врядъ-ли можетъ быть оправдано даже и полемическимъ раздраженіемъ. Въ противовѣсъ этому утвержденію можно бы сослаться на Тургенева, который тоже говорилъ о двадцати стихотвореніяхъ Фета, но говорилъ, что ихъ будутъ помнить и цѣнить и черезъ сто лѣтъ (см. „Сѣверные Цвѣты“, № 2).

Ошибка г. Никольскаго (какъ раньше—Страхова) въ другомъ родѣ: во что бы то ни стало, ему хочется выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго превознести *все*, что только когда-либо было написано Фетомъ, *всѣ или почти всѣ 875 стихотвореній*, включенныхъ въ послѣднее изданіе! Это, молъ, великій лирикъ, черезъ головы современниковъ завѣщающій что-то такое грядущимъ поколѣніямъ!

Надо ли, однако, доказывать всю неосновательность подобной претензіи?

Во главѣ такъ называемыхъ „философскихъ“ стихотвореній г. Никольскій ставитъ пьесу „Измученъ жизнью, коварствомъ надежды“, при всѣхъ ея стилистическихъ недочетахъ дѣйствительно плѣняющую слухъ оригинальнымъ, трудно опредѣлимымъ и, тѣмъ не менѣе, гармоническимъ размѣромъ.

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ, и ночью смежаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.
Еще темнѣе мракъ жизни всенедней,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣзды золотыя рѣсницы.
И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эмира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

Въ минуту невыносимаго душевнаго страданія, смѣняющагося утомленіемъ, человѣкъ проникается иногда неожиданнымъ, яркимъ сознаніемъ того, что со всѣми своими стремленіями и горестями онъ лишь ничтожный кусочекъ („лишь сонъ мимолетный“) огромнаго цѣлаго, называемаго вселенной, и это чувство сліянія съ

нею даетъ на время забвеніе страданій. Тема, несомнѣнно, счастливая, и въ цитированныхъ нами стихахъ душевное настроеніе передано Фетомъ тонко и красиво; тѣмъ не менѣе, никакой философской идеи, которая могла бы быть „завѣщена“ грядущимъ поколѣніямъ, усмотрѣть тутъ положительно невозможно. Не говоримъ уже о томъ, что дальше стихотвореніе становится туманнымъ и искусственнымъ:

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грѣзахъ,
Вся сила дрожить (?) и вся вѣчность снится (?).

„Потомство счастливыхъ современниковъ,—продолжаетъ витіствовать г. Никольскій,—современники, старшіе и младшіе, по неволѣ (?) знаютъ относительно Фета, что онъ когда-то былъ кавалергардскимъ офицеромъ, потомъ практическимъ помѣщикомъ, бравившимъ, богатѣя, новые порядки; что старъ и младъ когда-то глумились надъ его произведеніями, то провозглашая ихъ пошлостью и порнографіей, то заявляя, что ихъ авторъ — гнусный реакціонеръ, а, стало быть, эти произведенія никуда негодятся; потомство все это или забудетъ, или будетъ разсматривать лишь какъ забавное (?) личное воспоминаніе великаго старца“.

Сколько разнородныхъ вещей намѣшано здѣсь въ одну кучу! Что Фетъ былъ кавалергардомъ (какъ Лермонтовъ — уланомъ), это отнюдь еще не позоръ; но что онъ, богатый помѣщикъ, готовъ былъ со свѣта сжить крестьянъ, гуси которыхъ попортили у него поле, и вообще былъ ярымъ крѣпостникомъ, — врядъ-ли можно назвать это „лишь забавнымъ (для кого? для крестьянъ?) личнымъ воспоминаніемъ“. Потомству, если только оно вообще будетъ помнить имя Фета, напоминать подобные факты будетъ и сама его поэзія. Любопытно, напримѣръ, стихотвореніе, обращенное имъ въ знаменательномъ 1866 году къ Некрасову:

На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣппа
Цѣнный грошовый твой рассудокъ
Безумной прихоти пѣвца.
Тамъ сбыть малеванному хламу,
На этой затхлои площади,
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму,
Продажный рабъ (?!), не подходи!
Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный (!) стихъ,
Ты слова гордаго «свобода»
Ни разу сердцемъ не постиг!

И это имѣлъ развязность говорить человѣкъ, который дѣйствительно всю жизнь низкопоклонничалъ передъ сильными міра (объ чемъ свидѣтельствуетъ отдѣлъ многочисленныхъ одъ), „сво-

боду“ же обнаруживалъ единственно въ томъ, что людей „толпы“ не называлъ иначе, какъ глупцами и подлецами!

Въ 1857 году Фетъ обращается къ Италіи:

Твоихъ сыновъ паденье и позоръ
И нищету увидя, содрогаюсь...

Но тщетно стали бы вы искать въ его стихахъ того же періода выраженія хотя бы столь же поверхностнаго и мимолетнаго страданія къ родному народу, еще стонавшему подъ крѣпостнымъ игомъ. Въ посланіи къ Тургеневу, объясняя, за что „съ такой любовью“ онъ любитъ родину, почему, въ разлукѣ съ нею, сердце его „готово истечь по каплѣ кровью“, онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ указать на красоту сѣверной весны:

Синѣй, мечтательнѣй божественныя очи,
И раздражительнѣй не меркнуція ночи,
И зеленѣй ея вѣнецъ...

Нѣтъ, панегиристамъ Фета лучше совсѣмъ не упоминать объ его „идеяхъ“.

Махровый цвѣтокъ, пышно расцвѣтшій въ теплицѣ помѣщичьей усадьбы, поэзія Фета слишкомъ нарядна и безпечальна,—и нелѣгко понять тотъ гнѣвъ, который она не разъ вызывала въ людяхъ 60-хъ годовъ, въ тотъ острый моментъ, когда борьба идей только что вышла изъ тиши литературныхъ кабинетовъ на широкую арену жизни. Теперь для Фета и его литературной дѣятельности уже наступила исторія, — мы можемъ отнестись къ дѣлу хладнокровнѣе и рядомъ съ грубымъ, отталкивающимъ образомъ крѣпостника Шеншина разглядѣть и легкій, воздушный очеркъ музы Фета.

Эту разницу между человѣкомъ и поэтомъ безсознательно чувствовалъ, повидимому, и самъ Фетъ, очень сердившійся, когда содержаніе его стиховъ пытались приурочить къ фактамъ его личной жизни, и развивавшій въ частныхъ бесѣдахъ и перепискѣ съ друзьями оригинальную мысль о томъ, что поэзія есть ложь. Въ этомъ парадоксѣ, поскольку онъ относится къ фетовской поэзіи, пожалуй, есть нѣкоторая доля истины. Муза Фета отражаетъ не столько сознательныя, подлежащія этической оцѣнкѣ, сколько неувимыя, смутныя душевныя состоянія, роднящія человѣка съ неодушевленной природой и лучше всего передаваемые музыкой. Въ этой именно области Фетъ былъ настоящимъ чародѣемъ искусства, имѣющимъ мало соперниковъ не только въ русской, но, можетъ быть, и во всемірной литературѣ. Пѣвецъ неувимаго, смутнаго, рѣющаго въ сознаніи, какъ легкая вечерняя греза, онъ можетъ быть непонятенъ и даже смѣшонъ людямъ съ трезвой, положительной складкой ума; Воткинъ, одинъ изъ пер-

выхъ его цѣнителей, справедливо замѣтилъ, что поэзія его „требуется прежде всего симпатической съ нею настроенности“. Возьмемъ для примѣра хотя бы слѣдующее стихотвореніе:

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній;
Былое стремленье
Далѣко, какъ отблескъ вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

При бѣгломъ и равнодушномъ чтеніи, эти удивительно-музыкальныя строки могутъ, пожалуй, затруднить читателя: ему покажется невозможнымъ уловить даже логическую связь между ними... Что это, въ самомъ дѣлѣ, за „крылатые звуки“, и гдѣ они „толпятся“? Не вмѣстѣ ли съ мошками на берегу рѣки или болота? Но тогда при чемъ, далѣе, „цвѣтъ вдохновенья“? Наконецъ, что значать эти два „но“, поставленные, повидимому, совсѣмъ не кстати? Однако, вдумайтесь, перечитайте стихи въ минуту грустныхъ размышленій объ ушедшей свѣтлой молодости, сознанія убывающихъ силъ—и смыслъ музыки вамъ откроется. Вы легко поймете, что крылатые звуки толпятся въ сердцѣ поэта, являясь тѣмъ зерномъ, изъ котораго при благопріятныхъ условіяхъ вырастаетъ „цвѣтъ вдохновенья“. Сердце не въ силахъ разстаться съ несбывшимися грезами юности,—оно стремится воплотить ихъ хоть въ слова, хоть въ художественные образы; но текущая жизнь такъ печальна—слова и образы выходятъ блѣдны, слабы; да и въ душѣ нѣтъ уже былой бодрости... А сердце все не хочетъ смириться, „память былого“ все не умираетъ...

О, если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!—

невольно повторяете вы вслѣдъ за поэтомъ. Никакой „философіи“, никакого особенно-глубокаго „замысла“ здѣсь и съ огнемъ не сыщешь, но поэзія это несомнѣнная...

Фетъ пишетъ съ простодушной наивностью ребенка, который для выраженія своихъ чувствъ и мыслей хватается за первое попавшееся слово (и, конечно, очень часто невпопадъ); какъ ребенокъ же, онъ очень многое пропускаетъ, оставляя подразумеваемымъ, и рѣчь его поэтому производитъ нерѣдко впечатлѣніе безсвязнаго лепета, къ которому нужно еще подыскивать ключъ. Такимъ ключомъ обыкновенно и бываетъ та „симпатическая настроенность“, о которой говорить Боткинъ.

Въ наивной, часто безсвязной рѣчи Фета отразился и внутрен- ній міръ тоже, въ сущности, взрослога ребенка или, скорѣе, ди- каря, перенесеннаго въ обстановку современной культурной жизни. Поэтъ обладалъ изумительно-тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ при- роды. Въ этомъ отношеніи мало сказать, что онъ соперничалъ въ наблюдательности съ первобытнымъ человѣкомъ (довольно вспо- мнить о множествѣ воспѣтыхъ имъ „примѣтъ“),—онъ органически сливался съ природой, чувствуя себя нераздѣльной частью ве- ликаго цѣлаго. Напомнимъ, хотя бы, нѣкоторыя строки извѣст- ныхъ „Пчелъ“:

Пропаду отъ тоски я в лѣни..

*Дай, хоть выйду я въ чистое поле,
Иль совсѣмъ потеряюсь въ лѣсу!..*

*Нѣтъ, постой же! Съ тоскою моею
Здѣсь (!) разстанусь. Черемуха спитъ.
Ахъ, опять эти пчелы подъ нею!..
И никакъ я понять не умѣю,
На цвѣтахъ ли, въ ушахъ ли звенитъ?*

Болѣе полного превращенія живой человѣческой души, въ какой-то растительный организмъ нельзя, кажется, и предста- вить! Но вѣдь таковъ почти весь Фетъ въ лучшихъ его, наив- ныхъ и искреннихъ, стихотвореніяхъ. Другіе поэты любятъ оли- цетворять природу, оживлять ее человѣческимъ сознаниемъ и на- строеніемъ,—у Фета она живетъ сама по себѣ, отдѣльно и неза- висимо отъ его дѣлъ и стремленій. Вотъ нарисованная имъ кар- тинка степи вечеромъ:

*Клубятся тучи, мѣля въ блескѣ аломъ,
Хотятъ въ росъ поныжиться поля.
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Пропалъ ямщикъ, звеня и не пыля.
Нигдѣ жилья не видно на просторѣ.
Вдали огня иль пѣсни—и не ждешь.
Все степь, да степь. Безбрежная, какъ море,
Волнуется и наливаетъ рожь.
За облокомъ до половины скрыта,
Луна светитъ еще не смѣетъ днемъ.
Вотъ жукъ взлетѣлъ и прожужжалъ сердито,
Вотъ лунъ проплылъ, не шевеля крыломъ.
Покрылись нивы сѣтью золотистой,
Тамъ перепелъ откликнулся вдали...
И слышится, въ изложинѣ росистой
Вполголоса скрипятъ коростели.
Ужъ сумракомъ пыливый взоръ обмануть.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вотъ съ неба звезды глянутъ
И, какъ рыка, засветитъ млечный путь.*

Не даромъ въ этой картинѣ ямщикъ, т. е. человѣкъ, *пропалъ*

изъ вида... Выбросьте отсюда, кстати, и нивы спящей ржи—и вы получите единственное въ своемъ родѣ изображеніе природы, прямо поразительное по объективности: вотъ такъ, думается, жила она въ ту отдаленную эпоху, когда покоя земли не смущали еще своими мудрствованіями homo sapiens!..

Сліяніе духа съ матеріей для нашего поэта-пантеиста такъ же естественно, какъ и превращеніе матеріи въ духъ. Характерна въ этомъ смыслѣ рисуемая имъ картинка лѣтняго вечера, когда сосны бросаютъ уже въ долину таинственныя, все растущія тѣни, а вершины ихъ озарены еще блескомъ, и кажется, что „и землю чувствуютъ родную, и въ небо просятся онѣ“...

Въ этомъ умѣннѣ проникать въ душевную суть природы Фетъ не знаетъ различія между грандіозными и мелкими явленіями. Съ всепоглощающимъ любопытствомъ разсматриваетъ онъ прихотливый узоръ, нарисованный морозомъ на оконномъ стеклѣ,—легко и свободно чувствуетъ себя и передъ величественной картиной звѣзднаго неба.

А-ль несея къ безднѣ полунощной,
Иль сонмы звѣздъ ко мнѣ неслись?—

съ прелестной наивностью спрашиваетъ онъ въ одной пьескѣ.

Въ своемъ непосредственномъ воспріятіи впечатлѣній природы и жизни нашъ поэтъ не знаетъ рефлексіи, тоски и сомнѣній, и если у него и найдется нѣсколько пьесъ съ настроеніемъ явно-пессимистическимъ, то не онѣ являются характерными для его поэзіи. Да и пессимизмъ этотъ какого-то особаго свойства. Вотъ, напр., прелестное стихотвореніе „Не спрашивай, надъ чѣмъ задумываюсь я“:

*Мнѣ сознаваться въ томъ и тягостно, и больно,—
Мечтой безумною полна душа моя
И въ глубь минувшихъ лѣтъ уносится невольно.
Сіянье прелести тогда въ свой кругъ влекло:
Взглянуль—и пылкое навстрѣчу сердце рвется!
Такъ голубь, бурей застигнутый, въ стекло,
Какъ очарованный, крыломъ лазурнымъ бьется.
А нынѣ предъ лицомъ сіяющей красы
Нѣтъ этой слѣпоты и страсти безотвѣтной,
Но сердце глупое, какъ ветхіе часы,
Коль и забьетъ порой, такъ все свой часъ завѣтный...
Я помню, отрокомъ я былъ еще. Пора
Была туманная. Сирень въ слезахъ дрожала,
Въ тотъ день лежала мать больна, и со двора
Подруга игръ моихъ надолго уѣзжала.
Не мчались ласточки, звеня передъ окномъ,
И мошекъ не толклись блестящихъ вереницы;
Сидѣли голуби, нахохлившись, рядкомъ
И въ липникъ прятались умолкнувшія птицы.
А надъ колодеземъ, на вздернутомъ шестѣ,
Гдѣ старая бадья болталась, какъ подвѣска,*

Закаркалъ воронъ вдругъ, чернѣя въ высотѣ,
 Закаркалъ какъ-то зло, отрывисто и рѣзко...
 Тотъ плачь давно умолкъ,—кругомъ и смѣхъ, и шумъ,—
 Но сердце вѣчно, звать, пугаться не отвыкнетъ:
 Гляжу въ твои глаза, люблю ихъ нѣжный умъ—
 И трепещу: вотъ-вотъ зловѣщій ворокъ крикнетъ!

Стихи эти приводятся нерѣдко въ доказательство того, что безпечная жизнерадостность Фета сильно преувеличена враждебной ему либеральной критикой, и что и въ его сердца тайлась глубокая трещина... Судя по началу пьесы, и дѣйствительно, думаешь, что поэтъ хочетъ сдѣлать какое-то ужасное, гнетомъ лежащее у него на душѣ, признаніе. Однако, если не считать болѣзнь матери, о которой упоминается лишь вскользь, за одной скобкой съ отъѣздомъ въ гости „подруги игръ“, то ни о какихъ страданіяхъ или несчастіяхъ въ стихотвореніи нѣтъ рѣчи, и весь ужасъ разсказа (правда, очень милого) сводится къ тому, что воронъ неожиданно каркнулъ однажды надъ самымъ ухомъ ребенка... Мотивовъ для пессимизма, какъ видитъ читатель, не особенно много!

„Мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ!“—беретъ Фетъ эпиграфомъ къ своему стихотворенію „Муза“. Вдохновительница поэта отказывается быть „трубой погрома“, вѣстницей человѣческаго страданія, потому что

— Страдать? Страдаютъ всѣ! Страдаетъ темный звѣрь!

И, исполняя завѣтъ Музы, Фетъ съ презрѣніемъ относится къ пѣвцамъ человѣческой скорби (ярко въ этомъ смыслѣ упомянутое уже стихотвореніе къ Некрасову).

Однако, передъ нами не стоическій взглядъ человѣка, закаленного въ битвахъ жизни; самъ Фетъ, прошедшій безоблачно-ясную жизнь богатаго барина, изъ всего многообразія человѣческаго горя испыталъ развѣ лишь страданія нераздѣленной любви съ ихъ своеобразною радостью:

Не нужно, не нужно мнѣ проблесковъ счастья,
 Не нужно мнѣ слова и взора *участья*,
 Оставь... и дозвожь мнѣ рыдать!
 Къ горячему снова прильнувъ изгололю,
 Дозволь мнѣ моей *неразтальной* любовью,
 Забывъ все на свѣтѣ, дышать!
 Когда бы ты знала, какимъ сиротливымъ,
 Томительно-сладкимъ, безумно-счастливымъ
 Я юремъ въ душѣ опьяненъ...

Это—горе соловья, который всю ночь терзается надъ розой; наступаетъ разсвѣтъ, заря отрезвляетъ птицу—„и счастьемъ, и пѣснѣй конецъ!“

Никакого другого смысла не было въ томъ культѣ „страданія“, какой можно сыскать въ стихахъ Фета. Незнакомый самъ

съ горечью настоящихъ слезъ, онъ и чужія разсматриваетъ сквозь дымку поэзи:

Я подъ окномъ спдѣлъ, *влюбленъ,*
 Душой и юнъ, и *боленъ.*
 Какъ пчелы, звуки вдалекѣ
 Жужжали съ колоколенъ.

 И гробикъ розовый прошелъ
 За громогласнымъ хоромъ.

 За гробомъ шла, шатался, мать.
 Надгробное рыданье...
Но мнѣ казалось, что легко
И самое страданье!

Раздумья Фета легки и мимолетны, какъ тѣ волнистыя облака („мечты почиющей природы“, по его образному выраженію), что пробѣгаютъ порой по ясному утреннему небу.

А счастье гдѣ? Не здѣсь, въ средѣ убогой,
 А вонъ оно—какъ дымъ,—

меланхолически заявляетъ онъ, и тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ, забывая всякую грусть, взмахиваетъ крыломъ и уносится въ высъ, вдалѣ отъ „убогой среды“:

За нимъ, за нимъ, воздушною дорогой,
 И—въ вѣчность улетимъ!

Вѣдь онъ и съ вѣчностью чувствуетъ себя за-просто...

Любовь Фета къ женщинѣ бенидейна, такъ сказать, стихійна. Онъ знаетъ, главнымъ образомъ, чувственную любовь и охотнѣе всего воспріимаетъ ея внѣшнія проявленія—„шопотъ, робкое дыханье“, звуки поцѣлуевъ, дрожь влюбленной руки... „Тебя, одну тебя люблю я и желаю“—больше ему нечего сказать своей возлюбленной...

„Красавица степная съ румянцемъ сизымъ на щекахъ“; „въ благоуханьи простоты цвѣтокъ, дитя дубравной сѣни“—вотъ фетовскій идеалъ женщины. „Чистая красота“ въ его представленіи не только согласима, но и нераздѣльна съ „хитростью“ тактичной и ловкой хозяйки дома.

На двойномъ стеклѣ узоры
 Начертилъ морозъ.
 Шумный день свои дозоры
 И гостей унесъ.
 Смокнулъ яркій говоръ сплетней,
 Скучный голосъ дня.
 Благодатнѣй и привѣтнѣй
 Все кругомъ меня.
 Предъ горящими дровами
 Сядемъ,—тамъ тепло.

Мѣсяцъ быстрыми лучами
 Пронизалъ стекло.
 Ты хитрила, ты скрывала,
 Ты была умна,
 Ты давно не отдыхала,
 Ты утомлена.
 Подонъ нѣжнаго волненья,
 Сладостной мечты,
 Буду ждать успокоенья
 Чистой красоты.

Жадными глазами ребенка, начинающего жить, глядит Фетъ на все въ окружающемъ мірѣ, и міръ представляется ему залитымъ сплошнымъ свѣтомъ, жизнь кажется вѣчнымъ радостнымъ праздникомъ. Онъ—какъ та ласточка его же стихотворенія, которая „и въ небо просится, и земля хороша—не разстался-бъ съ ней!“ Поэтъ знаетъ, что счастье мгновенно, какъ жизнь, какъ сонъ, но, какъ бабочка-поденка, онъ хочетъ „жизнію упиться день одинъ, на солнцѣ радостно играя“.

Не спрашивай, откуда появилась,
Куда спѣшу:
Здѣсь на цвѣтокъ я легкій опустилась
И вотъ—дышу.
Надолго-ли, безъ цѣли, безъ усилія,
Дышать хочу?
Вотъ-вотъ, сейчасъ, сверкнувъ, раскину крылья
И улечу!

Сынамъ больной и заѣденной рефлексіей эпохи, намъ кажется часто, что Фетъ переоцѣниваетъ жизнь и ея радости; мы готовы съ улыбкой отнестись ко многимъ изъ его восторговъ... Но развѣ въ наше сѣрое, солидное существованіе не вносить свѣтлаго луча наивная и шумная жизнерадостность нашихъ дѣтей? Вносить его и поэтъ, когда съ искреннимъ, зажигающимъ увлеченіемъ говорить:

Оглянись—и міръ всеневный
Многоцвѣтенъ и чудесенъ!

Настоящимъ призваніемъ Фета, его поэтической миссіей и было именно—открывать и передавать намъ поэзію окружающаго міра, который мы видимъ обыкновенно въ такомъ сѣромъ, буднично-прозаическомъ освѣщеніи. Онъ воспѣваетъ природу и человѣка какъ бы внѣ времени и пространства, жизнь внѣ какихъ-либо опредѣленныхъ социальныхъ условій, ту жизнь, которою равно дышать и „царь и рабъ, и червь и богъ“,—и эта поэзія радости и цѣнности земного существованія можетъ являться источникомъ наслажденія для палача и для жертвы, для узника и для его сторожа, для обиженнаго и обижающаго, словомъ, для всякаго, кто только способенъ воспринимать поэтическія впечатлѣнія. Въ этомъ—непререкаемое значеніе поэзій Фета, значеніе, которое смѣло можемъ признать и мы, какъ бы ни были для насъ чужды и антипатичны общественные идеалы поэта.

Эту свою „миссію“ онъ выполняетъ съ удивительнымъ искусствомъ. Реальный, отлично всѣмъ намъ знакомый и порядкомъ наскучившій „всеневный міръ“ превращается подъ его перомъ во что-то фантастическое и чудесное. Мы широко раскрываемъ глаза: да, это то же самое, что и мы всегда видѣли, но откуда взяли эти краски, эти чудеса?..

Сколько разъ, напримѣръ, наблюдали мы деревья, опушенные снѣгомъ, и равнодушно проходили мимо; но фетовская береза, „разубранная прихотью мороза“, невольно приковываетъ наше вниманіе. Она печальна, она, какъ будто, закутана въ траурное кружево, и, тѣмъ не менѣе, „радостенъ для взгляда“ ея печальный нарядъ. Концы вѣтвей висятъ, точно „гроздья винограда“, солнце причудливо играетъ на нихъ, и поэтъ досадуетъ, когда птицы стряхнуть „красу вѣтвей“. Этой удивительной березы мы уже никогда не забудемъ!

Или—что особеннаго въ равнинѣ, занесенной снѣгомъ? Но когда прочитаешь:

*Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
Полная луна,*

*Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ!—*

результатъ ли это музыки стиха, или другого какого секрета поэтическаго творчества—та же равнина явится совершенно преобразенной передъ глазами...

Слова „дивный“, „чудный“, „волшебный“ — любимыя слова Фета. Рисуя горный пейзажъ, онъ говоритъ:

*Какъ будто изъ дѣйствительности чудной
Уносишься въ волшебную безбрежность.*

Всякій другой поэтъ, сохраняя ту же рифму, навѣрное, называлъ бы дѣйствительность „скудной“, но для Фета она такой никогда не бываетъ. На миломъ лицѣ онъ подмѣчаетъ рядъ волшебныхъ измѣненій; на заиндѣвѣвшемъ оконномъ стеклѣ видитъ чудеснѣйшія письма и рисунки; сугробъ снѣга въ полѣ представляется ему „нѣкимъ мавзолеемъ, изваяннымъ полночью“, простой древесный сукъ—„извилистой и чудной“ вѣткой, на которой, „вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ“, качается жаръ-птица. Ничего въ природѣ и жизни нѣтъ для него мелкаго, не стоющаго вниманія, и самое незначительное обстоятельство можетъ ассоциироваться въ его умѣ съ чѣмъ-нибудь важнымъ, особеннымъ.. Вотъ, напримѣръ, „облакомъ волнистымъ пыль встаетъ вдали. Конный или пѣшій—не видать въ пыли“. Проходитъ минута—„вижу, кто-то скачетъ на лихомъ конѣ“... Кажется, самая заурядная деревенская картинка, воображенія почти совсѣмъ не затрогивающая; но двухъ черточекъ этой картины, отдаленія и неизвѣстности, совершенно достаточно для Фета, и онъ кончаетъ стихотвореніе удивительнымъ по неожиданности и силѣ аккордомъ:

*— Другъ мой, другъ далекій,
Вспомни обо мнѣ!*

Однако, сколько бы чудеснаго ни заключалъ въ себѣ міръ для

нашего поэта, мистическому элементу въ немъ нѣтъ мѣста. Чудеса Фета ничего общаго съ мистицизмомъ не имѣютъ, и настоящія привидѣнія почти не фигурируютъ въ его стихахъ. Здѣсь, характеризуя Фета, опять-таки приходится сравнить его съ ребенкомъ, для котораго все въ природѣ и жизни—чудо и тайна, но тайна, возбуждающая лишь любопытство, создающая праздничное настроеніе, а отнюдь не поражающая душу ужасомъ. Дѣйствительность похожа на свѣтлый сонъ, а сонъ на свѣтлый призракъ.

Снился берегъ мнѣ скалистый...
Море спало подъ луною,
Какъ ребенокъ дремлетъ чистый...
И, скользя по немъ съ тобою,
Въ дымъ прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

Въ противоположность другому пѣвцу смутныхъ настроеній, Тютчеву, Фетъ не любитъ останавливаться на мрачномъ и грозномъ въ природѣ; онъ не далъ, на примѣръ, ни одного настоящего изображенія грозы, хотя охотно рисуетъ предшествующій ей, или слѣдующій за нею моментъ („Примѣты“, „Послѣ бури“).

И что-то къ саду подошло,
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ...

Ждешь, что за этимъ разразятся громъ и молнія съ вихремъ и градомъ, но... Фетъ здѣсь и останавливается, благодушно ограничиваясь жизнерадостной картинкой весенняго дождя съ пахнущими медомъ липами и купающимися въ пескѣ воробьями!

„Быть тронутымъ или потрясеннымъ черезъ посредство произведеній фетовской музыки,—говоритъ Тургеневъ въ одномъ недавно обнародованномъ письмѣ („Сѣв. Цвѣты“, № 2),—такъ же невозможно, какъ ходить по потолку. И потому, при всей его даровитости, его слѣдуетъ отнести къ *dii minorum gentium*“.

Это, конечно, вѣрно; но будемъ принимать и любить Фета такимъ, каковъ онъ есть, хотя бы онъ и не былъ тѣмъ „великимъ лирикомъ“, какимъ рисуютъ намъ его панегиристы. Если забыть (а это необходимо) добрыхъ двѣ трети стихотвореній, вошедшихъ въ послѣднее изданіе г. Маркса, то въ остальномъ,—въ стихахъ, главнымъ образомъ, молодости Фета,—мы имѣемъ источникъ истиннаго художественнаго наслажденія. Порой расцвѣта фетовскаго таланта была, несомнѣнно, дореформенная эпоха. Гулъ внезапно вторгшихся въ русскую жизнь новыхъ идей и понятій словно оглушилъ эту простодушную музу,—она растерялась, начала срываться съ голоса и постепенно умолкла.

За періодъ отъ 1865 до 1892 г., (года смерти поэта) можно насчитать не болѣе десятка стихотвореній, равныхъ по достоинству поэтическимъ перламъ первой половины его жизни.

П. Ф. Гриневичъ.

Народъ и книга.

(Изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній).

V. Степень и формы критическаго отношенія къ тенденціи у народнаго слушателя.

I.

Большинство народныхъ изданій, которыя я читалъ въ деревнѣ и на рудникѣ, въ особенности изданія „Посредника“, были по языку прекрасно поняты слушателями. Не могу, однако, сказать того же самаго относительно тенденціи этихъ книжекъ. Были хорошо поняты только тѣ тенденціи, преимущественно христіанской морали, которыя, такъ сказать, лежали на поверхности и при томъ высказывались устами дѣйствующихъ лицъ. Но если тенденція книжки была сколько-нибудь скрыта, не бросалась въ глаза, слушатели часто не замѣчали ея или понимали не такъ, какъ того хотѣлъ авторъ. Для громаднаго большинства слушателей осталось непонятнымъ, что хотѣлъ сказать Л. Н. Толстой своими разсказами „Чѣмъ люди живы“, „Свѣчка“, „Два брата и золото“, „Сколько человѣку земли надо“, „Два старика“ и др. Однажды, когда я прочелъ въ казармѣ названіе „Чѣмъ люди живы?“, старичокъ, отставной солдатъ, восторженно воскликнулъ, точно боясь, чтобы кто его не перебилъ:

— Живы хлѣбомъ!

И послѣ чтенія большинство слушателей, кажется, не особенно далеко ушли отъ этого отвѣта. Насколько былъ понятъ разсказъ „Гдѣ любовь—тамъ и Богъ“, тенденція котораго вся въ его названіи,—можно судить по тому, что когда по окончаніи чтенія одинъ изъ слушателей выразилъ сожалѣніе, что къ сапожнику въ гости пришелъ не самъ Спаситель, а бѣдные и убогіе, то на это получился отвѣтъ:

— Ишь, чего захотѣлъ! Самъ Спаситель! Хватить съ него, что тѣ пришли. И то жирно!

Осталась непонятной и злополучная, надѣлавшая столько шуму

въ печати тенденція „Сказки объ Иванѣ Дуракѣ“ о работѣ головой. Сказку эту я читалъ разъ пять разнымъ слушателямъ, всюду она слушалась съ восторгомъ, при несмолкаемомъ хохотѣ, подъ градомъ шутокъ и насмѣшекъ по адресу чертей и похвалъ мужику. Но никому не пришло на мысль усмотрѣть въ дьяволѣ, работающемъ головой, олицетвореніе интеллигента *).

Всего лучше были поняты слушателями тенденціи такихъ разсказовъ, какъ „Богъ правду видитъ“, „Упустишь огонь — не потушишь“, „Жадный мужикъ“, „Воръ“, „Сигналъ“, „четыре дня“ и т. п.

Какъ же они къ нимъ отнеслись?

II.

Выше мы говорили, что, благодаря религіозной книжкѣ, у народа установилось глубокое уваженіе и серьезное отношеніе къ книгѣ вообще. Слѣдуетъ отмѣтить, что влияніе это пошло гораздо дальше: оно парализовало у народнаго слушателя всякое сознательное, критическое отношеніе къ книгѣ. Религіозная книжка, какъ „божественное чтеніе“, конечно, стоитъ внѣ критики, внѣ сомнѣнія. Все, что въ ней говорится, назначено на поученіе людямъ, а дѣло читателя—учиться, лучше сказать, пассивно и благоговѣйно воспринимать поученія. Такое же, отчасти, отношеніе установилось у большинства слушателей, особенно деревенскихъ, и по отношенію къ свѣтской житейской книжкѣ, какъ только они увидѣли въ ней серьезную тенденцію, поученіе моральнаго характера.

Разница между крестьянами и рабочими довольно опредѣленно высказалась и въ этомъ отношеніи.

Отъ слушателей крестьянъ мнѣ никогда не приходилось слышать прямого заявленія о своемъ несогласіи съ тенденціей книжки. О чемъ бы я ни читалъ, что бы ни проповѣдывалось въ книжкѣ, крестьяне всегда воспринимали „поученіе“ пассивно, большей частью „соглашаясь“ съ нимъ. Но это еще совершенно не значить, чтобы они всякую тенденцію, всякое поученіе *усваивали*, какъ непреложную истину.

Если крестьянскій слушатель не рѣшался или даже не понималъ возможности прямо выступить противъ авторитета писателя или положительнаго героя, то у него критическое отношеніе къ

*) То же и въ аудиторіи г-жи Алчевской. «Слушатели наши, — читаемъ мы въ отчетѣ о чтеніи «Ивана Дурака» въ деревнѣ, — не проникли въ ея (тенденціи) потаенный смыслъ, не силились дѣлать сближеній съ жизнью, хотя слушали ее съ большимъ интересомъ и вставляли вполне умѣстныя замѣчанія («Что чит. нар., Т. II, стр. 104).

книжкѣ проявлялось въ иной, менѣе сознательной, но довольно яркой и опредѣленной формѣ.

Обыкновенно каждый тенденціозный рассказъ иллюстрировался слушателями примѣрами и рассказами изъ собственной жизни. И вотъ въ этихъ-то примѣрахъ и высказывалось отношеніе слушателей къ тенденціи. Если тенденція не совпадала съ внутреннимъ убѣжденіемъ, съ установившимися воззрѣніями слушателей, они, не оспаривая ее прямо, большей частью даже соглашаваясь съ нею, тутъ же приводили примѣры діаметрально противоположнаго характера. Напротивъ, если тенденція совпадала съ ихъ собственными воззрѣніями, или производила на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они въ глубинѣ души соглашались съ нею,—примѣры и рассказы шли въ унисонъ съ тенденціей. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти „посторонніе рассказы“ по поводу прочитаннаго служили лучшимъ показателемъ отношенія деревенскихъ слушателей къ той или другой тенденціи.

Рабочіе, какъ я уже говорилъ выше, мало разсуждали по поводу книжки. Отдавшись всецѣло впечатлѣнію, они часто совершенно не останавливались на основной тенденціи рассказа. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда они останавливались на ней, они проявляли гораздо меньше уваженія къ авторитету писателя и „поученія“ и иногда довольно рѣшительно высказывали свое несогласіе съ тенденціей, свое критическое отношеніе къ художественной формѣ рассказа, при чемъ опредѣленно высказывали свои собственные взгляды, свое собственное пониманіе критикуемыхъ типовъ.

III.

Особенно характерно было отношеніе деревенскихъ слушателей къ тенденціи о „непротивленіи злу“, положенной въ основу большинства рассказовъ Л. Н. Толстого. Въ рассказахъ этихъ и авторъ, и вѣщающіе съ печи древніе старики, и ангелы,—всѣ поддерживаютъ своимъ авторитетомъ основную тенденцію, всѣ *учатъ* не сопротивляться злу. Слушатели, конечно, не рѣшались высказываться противъ этой тенденціи и при чтеніи подобныхъ книжекъ принимали ее пассивно, какъ давно извѣстную, неоспоримую евангельскую истину, которую всѣ понимаютъ, но, увы! далеко не всѣ исполняютъ. Когда я прочелъ въ одномъ изъ рассказовъ Толстого изреченіе о непротивленіи, одинъ изъ слушателей обратился, улыбаясь, къ бывшему тутъ мужику богатѣю и дружескимъ шопотомъ сказалъ ему:

— Слышь, Василь, какъ сказано? Не противляйся. Какъ у тебя берутъ что—дай и назадъ не проси. Такъ вотъ надо, ха-ха!

— Кабы бѣ мы сполняли...—отвѣтилъ меланхолически, но спокойно, индифферентно Василь.

Въ разсказѣ „Упустишь огонь—не потушишь“ тенденція непротивленія злу выражается въ томъ, что два крестьянина, поссорившись изъ-за пустяка, разорились до тла стараніями мстить другъ другу и, наконецъ, понявъ неразумность своего поведенія, помирились. Слушателямъ разсказъ этотъ очень понравился и въ такихъ рамкахъ они горячо принимали тенденцію о непротивленіи и вполне соглашались, что слѣдуетъ жить „не сердцемъ, а лаской“.

— Старикъ вѣдь правду говорилъ сыну,—отозвался кто-то горячо при чтеніи этого разсказа,—что отъ такого обхожденія добра не будетъ. Говорится же „зло зломъ не выведешь“. Старики лучше насъ жили. Теперь другой народъ пошелъ.

Гораздо болѣе сдержанно отнеслись слушатели къ этой же тенденціи при чтеніи разсказа „Свѣчка“, гдѣ описывается, какъ, при крѣпостномъ правѣ, благоразумный мужикъ убѣждалъ не сопротивляться жестокому приказчику, котораго крестьяне намѣреваются убить. Читалъ я этотъ разсказъ много разъ различными слушателямъ; всюду онъ слушался съ большимъ интересомъ и почти всегда при общемъ тяжеломъ молчаніи. Только по окончаніи чтенія, кто-нибудь изъ слушателей, какъ-то неохотно и затрудняясь, высказывалъ свое одобреніе тенденціи, послѣ чего и начинались безчисленные разсказы и воспоминанія изъ „добраго стараго времени“...

Крестьяне охотно останавливались на воспоминаніяхъ изъ временъ крѣпостного права, ужасы котораго еще далеко не изгладились изъ ихъ памяти. Это, однако, не мѣшало имъ всегда отмѣнять и тѣ хорошія стороны народной жизни, которыя были сильнѣе при крѣпостномъ правѣ: тогда народъ не такъ голодалъ, тогда земли было больше, а главное, тогда было больше солидарности, больше единства въ крестьянствѣ. Отмѣчая эти хорошія стороны, крестьяне, впрочемъ, не приписывали ихъ крѣпостному режиму и тѣмъ меньше выражали сожалѣніе объ этомъ режимѣ. Они просто констатировали фактъ.

По поводу разсказа „Упустишь огонь—не потушишь“ одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

— Да что и говорить: въ старину, куда лучше жили, чѣмъ теперь. Примѣрно, когда крѣпостное право было. Косить хлѣбъ воѣ сразу выходили, какъ одна душа, дружно, любовно. А теперь все въ разбродъ пошло...

— А я что слышалъ,—отозвался вдругъ еще одинъ.—Слышалъ я, что „воля“ эта дана намъ только на время. А какъ выйдетъ срокъ—и воля кончится...

И помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Мы считаемъ такъ: когда у тебя и поле, и лугъ, и лѣсъ, и скотина—тогда и воля. А какъ нѣтъ ничего, тогда и воли нѣтъ. Тогда ужъ не воля, а смерть. Когда нарѣзывали надѣлы, тогда

хозяину досталось примѣрно 3 или, много-много, 5 десятинъ. Тогда ему довольно было. А за эти годы у него подросли, скажемъ, 4 сына и у каждого тоже по 4 сына. А на всѣхъ одинъ надѣлъ. Какъ тутъ прожить? И приходится идти въ неволю, наниматься... Вотъ увидите,—закончилъ онъ съ спокойной увѣренностью,—черезъ 50 лѣтъ половина мужиковъ рабочими подѣлаются.

Разсуждали о хорошихъ сторонахъ дореформеннаго времени и слушатели въ деревенской аудиторіи г-жи Алчевской. Но разсужденія эти и тамъ нисколько не имѣли характера панегирика крѣпостному праву. Слушатели просто констатировали, что тогда было больше земли, больше солидарности (стр. 827), но въ то же время заявляли довольно опредѣленно:

— „Хорошо, что теперь вольные, хоть голодные, хоть голые, а все же лучше“ (стр. 106).

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминали слушатели про „объявленіе воли“ и про свои впечатлѣнія того времени.

— Когда вышла воля,—разсказывалъ—одинъ крестьянинъ,—мнѣ было лѣтъ 18. Работалъ я у Гаврилы плотника. Въ тотъ день какъ должны были читать волю въ церкви въ Бахмутѣ, мы съ Гаврилой домъ барскій почиали. Утромъ пріѣзжаетъ къ намъ баринъ. „Ну, что, ребята, спрашиваетъ, пойдете въ Бахмутъ волю слушать?“—„Не,—говоритъ Гаврило.—Чего ее слушать. Коли Богъ дастъ волю, то все одно получимъ ее, не слушавши“. Боялись мы еще тогда барина.—„И хорошо такъ,—говоритъ.—Я вотъ поѣду, потомъ и разскажу вамъ. А вы поработайте“.

— Ну, хорошо. Уѣхалъ. Работаемъ мы—а тутъ съ самаго утра на-ародъ, на-ародъ такъ и валить, такъ и валить въ Бахмутъ: кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто на дрогахъ. Постоялъ, постоялъ мой Гаврила, почесалъ въ затылкѣ и говоритъ мнѣ: „А что, Степанъ, не пойти ли и намъ. Народъ, видишь, идетъ“. А я и такъ ужъ страсть хочу идти. Вотъ мы и пошли, да пошли мы яркомъ, чтобъ часомъ баринъ не нагналъ насъ. Такъ яркомъ, яркомъ и добрались до Бахмута. Пошли въ церковь. А тамъ народъ—вся площадь. И рота солдатъ стоитъ... Пришелъ священникъ—и всѣ двинулись за нимъ въ церковь. Мы тоже. А тутъ какъ разъ—баринъ нашъ! Надвинули его прямо на насъ. Испугался я: думалъ, вотъ спросить, чего ушли съ работы?

А онъ ничего: стоитъ, будто не примѣчаетъ насъ.

А тутъ начали читать волю... Ужъ не помню, что въ ней написано было...

— А тогда поняли?

— Тогда понялъ...

И подумавъ немного, онъ продолжалъ:

— Сказано было такъ: „Живите промежь себя, помѣщикъ съ мужикомъ, дружно, мирно, какъ братъ съ братомъ. Будьте сосѣдями добрыми, не обижайте другъ друга. Помѣщикъ чтобъ училъ

мужика, чего мужикъ не знаетъ; а мужикъ чтобъ помѣщика учить пахать, сѣять, боронить, косить, чтобъ все ему показывать“...

Шахтеры относились болѣе рѣшительно и въ то же время болѣе индифферентно къ вопросу о непротивленіи. Для большинства изъ нихъ этого вопроса, какъ вопроса моральнаго, даже не существовало, и они большей частью пропускали мимо ушей, не отмѣчали тенденціи о непротивленіи. При чтеніи „Свѣчки“ въ казармѣ, одинъ шахтеръ, и человѣкъ даже довольно добродушный, воскликнулъ:

— А я бѣ его, этого приказчика, прямо безъ разговоровъ, ножомъ въ бокъ—пырхъ, и конецъ!

— Дѣло простое,—прибавилъ равнодушно другой.

Точно также и отношеніе рабочихъ къ крѣпостному праву было совершенно другое, чѣмъ у крестьянъ. Въ казармѣ, гдѣ девять десятыхъ рабочихъ, сравнительно молодые, сами не помнили этого времени, рѣдко когда приходилось слышать воспоминанія объ немъ. Если о немъ и заходила рѣчь, то рабочіе относились къ этимъ рассказамъ какъ къ чему-то чужому и мало возмущались ужасами, которые тогда творились.

IV.

Народныя чтенія, читанныя мною въ деревнѣ и на рудникѣ, дали возможность слушателямъ высказаться по нѣкоторымъ моральнымъ и социальнымъ вопросамъ (вопросы религіозный, семейный, рабочій, земельный, женскій, о войнѣ, о городской культурѣ и т. д.), отношеніе къ которымъ иллюстрировалось массою рассказовъ и воспоминаній. Не имѣя возможности привести здѣсь весь этотъ матеріалъ, остановлюсь пока на отношеніи слушателей къ такъ-называемому „женскому вопросу“ въ деревнѣ.

Среди изданныхъ для народа книжекъ имѣется очень мало такихъ, которыя специально были бы посвящены описанію положенія женщины въ деревнѣ. Не смотря, однако, на это, рѣдкое чтеніе проходило безъ того, чтобы слушатели не вспомнили и не потолковали бы о „бабахъ“. Достаточно было, чтобы въ книжкѣ упоминалось о женщинѣ, чтобы она появилась, произнесла слово, какъ по адресу женщинъ вообще, уже посыпались насмѣшки и упреки, а на рудникѣ—еще и ругань, и циничныя замѣчанія.

При чтеніи „Чѣмъ люди живы“ слушатели поспѣшили обобщить поведеніе Матрены.

— И грець (чортъ) ихъ возьми этихъ бабъ! Тутъ все какъ есть правда! все вѣрно написано! Баба никогда тебя не допуститъ до добраго дѣла!

При чтеніи „Упустишь огонь—не потушишь“ шли такія же разсужденія:

— Бабы! У бабъ всегда ссоры да грызня!

— Вотъ у насъ теперь, примѣрно, раздѣлы семейные идутъ,—отозвался другой.—Живутъ два брата вмѣстѣ, жены ссорятся, ругаются. Братья подѣляются—и оба подыхаютъ съ голоду. А которые мужики бабъ своихъ приудерживаютъ—у тѣхъ порядокъ полный.

— Все изъ-за бабъ проклятыхъ,—воскликнулъ одинъ по прочтеніи „Постоялаго двора“ Тургенева.—Отъ нихъ всякой бѣды и жди.

— Ихъ надо вотъ какъ держать!

— Жинкѣ никогда нельзя вѣрить.

— Бабъ никогда нельзя слушать.

— На жену посмотрѣлъ?—отозвался одинъ по прочтеніи разсказа „Телка“.—Ну, и дуракъ! Я никогда на жену не смотрю, коли что дѣлаю *)...

Были и соответствующія иллюстраціи.

Когда я прочелъ въ разсказѣ изъ временъ первыхъ христіанъ („Фабіола“), какъ одна женщина говоритъ своей рабынѣ: „ты моя“, крестьянинъ одинъ разсмѣялся:

— Точно вотъ какъ нашъ Кирикъ. Пришла его жинка въ сборню жаловаться старикамъ, что онъ ее бьетъ. А онъ говоритъ ей: „Ты, говоритъ, кто? Что у тебя своего есть? Тѣло твое—говорить и на пальцахъ считаетъ,—тѣло твое мнѣ принадлежитъ; кровь твоя—тоже моя собственность; душа твоя—опять же я по надѣ ней хозяинъ. Все, значить, мое. Выходить, и жаловаться нечего“.

Были иллюстраціи и иного характера.

При чтеніи въ разсказѣ „Чѣмъ люди живы“, какъ Матрена ругаетъ мужа, приведшаго съ собою голаго человѣка (ангела), слушатели восклицали.

— А эти бабы все такъ! Къ нимъ какъ-нибудь не такъ приди—онѣ тебя заѣдятъ.

— Нападутъ такъ, что не дай Богъ.

— А я вотъ разъ пришелъ домой странникомъ, съ однимъ батогомъ (кнутомъ),—заговорилъ медленно, лѣниво хозяинъ дома,

*) Не было недостатка въ такихъ разсужденіяхъ даже въ аудиторіи г-жи Алчевской, гдѣ и чтитца, и большинство аудиторіи состояло изъ женщинъ. По поводу «Власти тьмы» раздавались такіа восклицанія:

— Бабамъ не вѣрь никогда!—произнесъ многозначительно и авторитетно старшина—и съ его легкой руки обвиненія такъ и сыпались на головы несчастныхъ женщинъ со всѣхъ сторонъ (т. II, стр. 126).

Въ другой разъ, при чтеніи о языческихъ обрядахъ, раздавались восклицанія:

— Все это бабы выдумываютъ, никто какъ бабы!

— Развѣ съ бабой что сдѣлаешь, столкнешься!

Вообще, бабы были признаны самымъ консервативнымъ элементомъ и на нихъ обрушились всѣ нападки (стр. 136).

гдѣ я читалъ,—а она (онъ указалъ на жену) меня не приняла, не накормила и даже изъ хаты хотѣла выгнать... Вотъ.

Онъ обвелъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ и по лицу его разлилась широкая улыбка.

— „Выгнать“!—передразнила его, смѣясь, хозяйка.

Одинъ изъ слушателей, какъ бы серьезно возмущившись, воскликнулъ:

— Выгнать! А-ахъ она, баба! Да это, ма быть, потому что ты не такъ пришелъ какъ надо? а?

Всѣ разсмѣялись.

— Да кажу-жъ: съ батогомъ пришелъ,—отвѣтилъ униженнымъ тономъ хозяинъ, подчеркнувъ слово „съ батогомъ“.

— То-то „съ батогомъ“,—пригрозила ему, смѣясь, хозяйка.

— А може за то, что ты „страннаго“ человѣка (странника) съ собой не привелъ?—спросилъ опять первый.

— Не!—встрепенулся радостно хозяинъ.—И „странныхъ“ людей трехъ привелъ. А она все же не приняла!

Онъ торжествовалъ.

— То-то „привелъ“. Ма быть, они тебя привели,—заговорила хозяйка.—Поѣхалъ онъ въ „Сѣму Роту“ (названіе села) на ярмарку. Уѣхалъ на парѣ, а назадъ пришелъ черезъ три дня пьяный, съ однимъ батогомъ. Сидѣла я съ Алешкой на „спризбѣ“. Вижу за тыномъ что-то мотается. Присмотрѣлась и говорю Алешкѣ: „Ніякъ, Михайло“? А онъ тутъ и самъ идетъ, молчить и „здорово“ не говорить. Прямо въ хату пошелъ. Я за нимъ. „А коняки гдѣ“?—„Да они саміи пришли!“—„Какъ-то саміи? закричала я,—ихъ нѣтъ, и не видала!“ А онъ: „Ну, такъ придуть“,—и повалился на полъ. Я въ плачь, я въ голось. А тутъ входятъ три москаля, то они его домой привезли. Ъдутъ изъ Сѣмой Роты, а на дорогѣ кто-то лежитъ. Присмотрѣлись — знакомый человѣкъ: „Андреевичъ“?—„Эге!“—„А кони гдѣ“?—„А тамъ“... И самъ не знаетъ. Они и привезли его домой. А я голосю и ругаю его. Боже-жъ мой, какъ мнѣ горько было. Дитѣ хворое лежитъ, конивъ нѣтъ, онъ лежитъ пьяный, а тутъ чужіе люди пришли, надо печку затоплять, вечерю варить надо и его отогрѣвать, измерзъ. А онъ какъ повалился на полъ—я его козюхомъ накрыла—лежитъ и еще ругается: „Бисова баба, кричитъ, придуть кони!“ Ну, я всю ночь не спала. Поднялась до свѣта...

— Поднялась „раньше пана“,—вставилъ кто-то.

— „Раньше пана“. Смотрю—а его ужъ нѣтъ. Видно и его турнуло. Поддался искать. Пошла я къ ворожѣ Аксинѣ. Она говоритъ: „Коней забрали на дорогѣ мужчина и женщина, женщина невысокая. Коли до вечера не придуть сказать—считай, пропали“. Я въ голось. Иду домой а онъ ѣдетъ на коняхъ, нашелъ ихъ въ яру... Вотъ какая была сторія,—закончила хозяйка.

— Вотъ онѣ бабы какія... сердитыя, ахъ!—резюмировалъ одинъ

изъ слушателей—и всё, въ томъ числѣ и хозяинъ, весело разсмѣялись *).

V.

Гораздо менѣе добродушно было отношеніе шахтеровъ къ женщинѣ. Они говорили о женщинѣ большей частью съ глубокимъ негодованіемъ, съ ненавистью, проклинали ее какъ причину всѣхъ золъ, и тутъ же фактами объясняли свое такое отношеніе къ ней.

Когда я началъ читать „Власть тьмы“, одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— Не моя ли Матрена тамъ орудуешь? Мою тоже Матреной зовутъ.

— Не дай Богъ никому такой Матрены,—отозвался другой.

— Да ужъ далъ. Такую далъ, что почище этой будетъ. Блудящая...

— А мою стерву хоть не звать Матреной, а тоже хороша,—отозвался другой.—Видишь?—прибавилъ онъ, поднявъ голову и показавъ на шею широкій шрамъ.—Это она меня соннаго зарѣзать хотѣла.

Въ другой разъ, при чтеніи въ какомъ-то рассказѣ, на пристани, какъ пьяница хвастаетъ, что онъ жену бьетъ,—одинъ босякъ, вострепенувшись, желчно разсмѣялся:

*) Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что въ моей деревенской «аудиторіи» процентъ слушателей былъ положительно ничтожный. Объяснялъ я себѣ это именно тѣмъ, что во время чтеній женщинамъ больше всего приходилось выслушивать насмѣшекъ и упрековъ—и онѣ избѣгали поэтому чтенія.

Отмѣчаетъ это же различіе въ отношеніи къ чтеніямъ и г-жа Волкова, устроивавшая народныя чтенія въ деревнѣ, но объясняетъ это индифференцизмомъ женщинъ къ книгѣ.

«Говоря объ успѣхѣ, которымъ пользовались тѣ или другія книги среди крестьянскаго населенія — пишетъ она,—я должна исключить отсюда этотъ (женскій) элементъ. Молодые бабы были моими постоянными врагами. То ли обстоятельство, что школа не коснулась ихъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ, или другія какія причины, только ни одна книга какъ-то не могла сильно заинтересовать ихъ. Читая любимѣйшіе въ деревнѣ рассказы, когда кругомъ меня слышались смѣхъ и похвалы по адресу книги, я часто посматривала въ ихъ сторону, въ надеждѣ, что и эти молодыя лица озарятся улыбкой удовольствія, и съ ихъ языка сорвется какое-нибудь замѣчаніе по поводу прочитаннаго. Но мои надежды рѣдко сбывались: все тѣ же низко склоненныя надъ шитьемъ головы видѣла я передъ собой, а когда мнѣ удавалось заглянуть въ ихъ лица, равнодушное, безучастное выраженіе ихъ поражаало меня. Въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ рассказа онѣ заводили между собой разговоры о своихъ дѣлахъ, инья, окончивъ шитье, сейчасъ же уходили.

— Будетъ сидѣть-то, пора домой, всего-то не переслушаешь,—говорила которая нибудь изъ нихъ, обращаясь къ своему мужу въ самый разгаръ чтенія и при этомъ бросала на меня косые, недружелюбные взгляды («Чтенія въ деревнѣ и отношеніе къ нимъ крестьянъ». «Образованіе» 1897 г., № 4).

— Хо-хо! какъ я! Влѣпилъ своей бабѣ десятка два лещей по лицу—и готово.

— Ло-овко!

— А она, значить, въ судъ. Ну, судья, извѣстно, присудилъ меня на три мѣсяца въ острогъ. А я ему говорю: спасибо вашей милости за ласку. Только вамъ не слѣдъ бы меня судить. Жена—моя, и мое, значить, дѣло. Зря не сталъ бы бить.

— А за что ты ее билъ?—спросилъ я неосторожно.

Онъ рѣзко повернулъ ко мнѣ свое худое лицо, взглянулъ на меня почти съ ненавистью и проговорилъ отрывисто:

— За что—за блудъ!..

При чтеніи разсказа Оболенскаго, „Четыре брата“, шахтеры сперва отнеслись очень гуманно къ согрѣшившей женщинѣ.

(Въ разсказѣ описано, какъ младшій братъ, вернувшись домой со службы и найдя у жены ребенка, не только не бьетъ ее, какъ его учитъ отецъ,—но еще кланяется ей въ ноги, прося прощенія. За это односельчане и прозвали его „дуракомъ“).

— Ну, братцы, за это его дуракомъ прозывать нечего было!—отозвался съ увѣренностью одинъ шахтеръ.—Онъ хорошо сдѣлалъ, что въ ноги ей поклонился. Самъ онъ виноватъ былъ, что на столько времени ушелъ.

— Конечно—самъ. Гдѣ же человѣку молодому четыре года вытерпѣть.

— Дуракъ не онъ, а старикъ отецъ, что училъ его побить жену.

— Ну, а ты, „Муравей“ (прозвище одного изъ „четырехъ братьевъ“). Ты самъ какъ бы сдѣлалъ?—отозвался вдругъ одинъ изъ бывалыхъ шахтеровъ, Поликарпъ.—Что бы ты сказалъ, если бы жена тебѣ такой подарочекъ принесла? А? Тоже въ ноги бы ей поклонился?

Всѣ разсмѣялись, и отвѣта на вопросъ не послѣдовало.

— Помните Игнатovichа?—спросилъ, подойдя къ столу, другой шахтеръ.—Онъ лѣтъ девять прожилъ на шахтахъ подрядчикомъ. Потомъ пріѣхалъ домой въ деревню—и прямо приступилъ къ женѣ: „Гдѣ деньги, что ты собрала?

— Это Марѳа-то?—спросилъ еще одинъ.—Она съ управляющимъ жила?

— Ну да, жила.

— Что же, собрала денегъ?

— Да куда! Ничего...

— Что жъ онъ ее, Игнатовичъ? Побилъ?

— Нѣтъ, по головкѣ погладилъ,—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, первый и вернулся къ намъ.

Единственно только, когда рѣчь заходила о женскомъ трудѣ, и крестьяне, и шахтеры охотно признавали, что и женщина „чего нибудь стоитъ“, что безъ нея „не обойтись“. Особенно много толковъ по этому поводу было при чтеніи крошечнаго разсказа

Толстого „Кому труднѣе“. Разсказецъ очень понравился и въ деревнѣ, и на рудникѣ.

— А что же ты думаешь,—разсуждали по поводу этой книжки крестьяне.—Вѣдь это правда. Ты съ бабьей работой во вѣкъ не уравнишься.

— Она только незамѣтная, а ра-бота!

— У бабы привычка большая на свою работу и охота. Все къ порядку и идетъ.

Тоже при чтеніи этого же разсказа на рудникѣ.

— Что мужикъ? Мужикъ какъ медвѣдь ломить. А баба будто играетъ, а въ десять разъ больше сработаетъ.

— Какъ мы на Шипиловскихъ работали,—отозвался артельщикъ,—отпустилъ я свою Анисью въ Святые Горы на недѣлю. И что же ты думаешь. Хлѣба еще какъ никакъ испекли, а больше ничего не было. Въ котухѣ не выметено, ложекъ за все время ни разу не банили, чашекъ тоже. Вотъ что значить баба!

VI.

Шахтеры и босяки съ огромнымъ интересомъ и удовольствіемъ слушали описанія романтическаго характера, далеко не одобряемыя деревенскими слушателями, особенно пожилыми. Шахтеры слушали эти описанія съ какимъ-то грустнымъ восторгомъ, и, что очень характерно, никогда не перебивали циничными замѣчаніями.

Описаніе объясненія въ любви Алешки Наташѣ („Воръ“) произвело огромное впечатлѣніе въ казармѣ. Сцена эта точно освѣтила на мигъ мрачную казарму съ ея безпріютностью и одиночествомъ.

— Э-эхъ, жалко, братцы, живо-жалко, что насъ тамъ не было!—отозвался съ глубокимъ вздохомъ и огорченіемъ одинъ изъ типичнѣйшихъ шахтеровъ, Аксютка, парень лѣтъ 20, горькій пьяница, пропившійся до того, что цѣлыми недѣлями разгуливалъ безъ рубахи.

— Да, братъ, жалко! Хоть бы вотъ издали посмотрѣть, какъ Алешка съ Наташкой цѣловались...

— А можетъ Наташка и насъ бы полюбила...—отозвался громко и нерѣшительно еще одинъ.

— Нѣтъ! не полюбила-бъ!—рѣшилъ Аксютка.—Алешка на жалейкахъ игралъ, отличался. А мы чѣмъ бы отличились?

— А мы бы на кайлахъ сыграли!..

Еще больше понравилось описаніе любви Наля и Дамаянти („Наль и Дамаянти“).

Когда я прочелъ въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“ слова Кирибѣевича: „И не надо мнѣ золотой казны. Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь, передъ кѣмъ нарядомъ своимъ я похва-

стаю“,—кузнецъ вдругъ вскочилъ, ударилъ по столу и воскликнулъ съ волненіемъ:

— Стопъ!

И, обратившись къ сосѣду, заговорилъ горячо:

— Слышалъ? Вонъ она гдѣ правда! Мнѣ тоже ничего не надо: ни богатства, ни одежды! Мнѣ человѣкъ живой нуженъ. Что я одинъ съ богатствомъ подѣлаю. Какой я человѣкъ, какъ я одинъ, какъ собака, валяюсь въ кузницѣ и никого при мнѣ нѣтъ!

При чтеніи на другомъ рудникѣ признанія Кирибѣвича Алентъ Дмитріевнѣ, вдругъ, среди общаго молчанія слушателей, раздалось негромкое, задушевное восклицаніе 18-и лѣтняго саночника:

— Какъ хорошо!..

Я взглянулъ на него, онъ сидѣлъ въ углу, покраснѣвшій, съ оживленнымъ лицомъ и сіяющими счастьемъ глазами.

Производили сильное впечатлѣніе на слушателей и описанія самоотверженной любви къ людямъ. Какую горячую симпатію высказывали шахтеры „дураку“ изъ „Четырехъ братьевъ“, стрѣлочнику въ „Сигналѣ“, Настѣ въ разсказѣ Засодимскаго „Весь вѣкъ для другихъ“! Когда я читалъ этотъ послѣдній разсказъ на пристани, одинъ изъ босяковъ, человѣкъ нестарый, но робкій и забытый, проговорилъ какъ-то застѣнчиво и задушевно:

— Мнѣ вотъ понравилось, какъ это Настя говоритъ: „Богатаго да хорошаго всякій полюбитъ. А бѣднаго и грязнаго, какъ его никто не любитъ—дай буду я его любить“. Это мнѣ страсть какъ понравилось!..

VII.

Выше я говорилъ, что рабочіе проявляли гораздо больше самостоятельности въ своихъ сужденіяхъ о книгѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ ея тенденціи, къ сужденіямъ автора, къ художественной обработкѣ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что, стоя на несовершенномъ одинаковомъ уровнѣ моральнаго пониманія, крестьяне и рабочіе должны были различно относиться къ нѣкоторымъ вопросамъ даже элементарной морали. Такъ, напр., было съ вопросомъ о воровствѣ. Деревенскіе слушатели высказывали особенную строгость, до жестокости, къ нарушителю правъ собственности.

Когда я прочелъ въ разсказѣ „Бабыя доля“, какъ присудили къ тюрьмѣ героиню разсказа, Анисью, за то, что она изъ нужды украла, одна изъ слушательницъ воскликнула:

— Стоитъ! Пусть не воруетъ! Нечего жалѣть! Кто не нуждается! Всѣ нуждаются,—а воровать не идутъ.

Тоже было и при чтеніи разсказа „Воръ“. Когда, доведенный до отчаянья напрасными гоненіями, Алешка спивается и идетъ

грабить лавку, деревенскіе слушатели всю вину этого возложили на него одного.

— Довелъ себя значить до воровства!

— Пошелъ на дѣла. Распустился, распутнымъ сталъ.

— Вотъ тебѣ и Алешка!

И никому не пришло въ голову найти хотя бы смягчающія вину обстоятельства для этого Алешки, на сторонѣ котораго раньше были всѣ симпатіи слушателей. Шахтеры гораздо шире смотрѣли на вопросъ. Иногда даже слишкомъ „широко“.

Когда я въ этомъ же разсказѣ прочелъ, какъ Алешка отказывается идти съ товарищами воровать овцу, одинъ шахтеръ воскликнулъ съ презрѣніемъ:

— Трусоватъ паренъ воровать-то!

— Ишь, стерва!—воскликнулъ дальше съ негодованіемъ другой. — Ъсть-то онъ мастеръ, а воровать—трусъ!..

Рудничные слушатели часто высказывали свое мнѣніе, нисколько не считаясь съ симпатіями автора или другихъ слушателей. Когда я прочелъ въ разсказѣ „Махмуткины дѣти“, какъ офицеръ отпускаетъ плѣннаго турка, одинъ изъ слушателей, солдатъ, не обращая вниманія на симпатіи автора и всей казармы къ офицеру, воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Офи-церъ!.. Дѣтей турка пожалѣлъ, а присяги не пожалѣлъ. Измѣнникъ онъ, вотъ что! Къ разстрѣлу бы его присудили, если бъ узнали!

Читалъ я на пристани книжку „Кто выдумалъ желѣзную дорогу“. Когда я прочелъ, какъ крестьяне описываемой мѣстности отнеслись враждебно къ введенію машинъ и авторъ объясняетъ это ихъ невѣжествомъ, одинъ босякъ полутаинственно, но очень увѣренно проговорилъ:

— Они не совсѣмъ дураки были, что не хотѣли машинъ. Это онъ (т. е. авторъ) напрасно.

— Почему?

— Да такъ...

И помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Раньше тысячи людей имѣли работу, а теперь машина все дѣлаетъ сама...

Книжка оканчивается словами, что „каждый помянетъ добрымъ словомъ того, кто выдумалъ желѣзную дорогу“.

— Ну, не каждый!—воскликнулъ уже съ оттѣнкомъ раздраженія тотъ же босякъ.—Тоже и отъ нея радости мало...

Въ довольно слабomъ въ художественномъ отношеніи разсказѣ г-жи Хмѣлевой „Марія Кружевница“ разсказывается, какъ злая баба Арина, правая рука помѣщицы, преслѣдуетъ крѣпостную дѣвушку, кружевницу, и какъ черезъ многія годы эта же Марья, встрѣтивъ Арину нищей спившейся старухой, беретъ ее къ себѣ и замѣняетъ ей мать. Разсказъ этотъ очень понравился въ де-

ревнѣ. На рудникѣ онъ слушался безъ особеннаго интереса. Когда я кончилъ читать, Л-скій, молодой шахтеръ, о которомъ я упоминалъ выше, воскликнулъ съ огорченіемъ:

— Тоже книжка правоучительная... А все же ничего, интересная.

— Ин-те-ресная!—протянулъ желчно П—въ.—Много въ ней интереснаго!..

И, вставъ со скамьи, онъ вдругъ заговорилъ нервно, съ негодованіемъ:

— Ишь, ангелъ какой выискался, Машка эта самая паршивая!

— А мнѣ книжка нравится,—проговорилъ нѣсколько робко, точно оправдываясь Л—скій.

— Тебѣ! Мало ли что тебѣ понравится, —бросилъ ему презрительно П—овъ.—Правоучительности въ ней много. Для дѣтей она годится. Меду въ ней много наложено.

— Медъ кутьи не портить,—сѣстроилъ кто-то.

— Воды подлить...

И подумавъ, онъ добавилъ:

— Да, если хочешь, и эта Арина тоже... Тоже черезъ край лишняго хвачено. Такихъ злодѣекъ, какъ она и не бываетъ. Она же прямо на человѣка не похожа...

VI. Устный рассказъ и печатная книжка.

I.

При моихъ столкновеніяхъ съ читателемъ изъ народа, мнѣ часто приходилось останавливаться на вопросѣ о различіи въ отношеніи народнаго читателя, крестьянина, и рабочаго къ разсказу печатному и разсказу устному.

И въ деревнѣ, и на рудникѣ очень неохотно слушались, напр., описанія жизни другихъ народовъ. Не говоря уже о книжкахъ не беллетристическихъ этого рода, даже такіе разсказы какъ „Жервеза“ и „Братъ на брата“ слушались „тяжело“, безъ интереса. А между тѣмъ, всѣ или почти всѣ разсказы этого рода, которые я читалъ, были составлены интересно и изложены безусловно доступнымъ для моихъ слушателей языкомъ. На основаніи этого мнѣ оставалось сдѣлать выводъ, что слушатели не интересуются совершенно жизнью другихъ народовъ. Но такого вывода я не могъ дѣлать. Тѣ же самые слушатели, которые требовали бросить „Жервезу“ на 10-й—15-й страницѣ и кричавшіе мнѣ:—„Брось ты ихъ проклятыхъ французовъ! Будь они прокляты! Скучно—страсть!“—слушали цѣлыми вечерами съ громад-

нымъ, захватывающимъ интересомъ мои устные рассказы о жизни этихъ же самыхъ французовъ и другихъ народовъ.

Тоже самое и относительно войны. Кто не знаетъ, съ какимъ громаднымъ интересомъ, съ какой жадностью слушаются рассказы побывавшаго на войнѣ солдата. А между тѣмъ *книжки* о войнѣ, — даже, чего больше, такія, какъ „Осада Севастополя“ Толстого, — не вызвали, за исключеніемъ двухъ-трехъ, особеннаго интереса, и даже тѣ, которыя сильно нравились, слушались тоже далеко не съ тѣмъ *неослабнымъ* интересомъ, какъ устные рассказы. Только отдѣльныя мѣста, отдѣльные эпизоды вызывали интересъ, а остальные описанія слушались вяло.

Объясняется это отчасти, конечно, непривычкой слушателей къ книжнымъ формамъ и даже вполне легкой книжной рѣчи. Но главная причина этого заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что книжка, даже самая образцовая, даетъ читателю не тѣ впечатлѣнія, не тѣ свѣдѣнія, которыя онъ самъ желаетъ получить, не то, что его, читателя, интересуется, а то, что считаетъ для него интереснымъ, а, главное, полезнымъ писатель. Между тѣмъ, рассказчикъ и въ особенности рассказчикъ изъ народа, регулируемый вопросами и замѣчаніями слушателей, рассказываетъ именно только то, что интересно для слушателей и только въ такой мѣрѣ, въ какой это для нихъ интересно.

Какъ иллюстрацію этого положенія, приведу два рассказа бывалыхъ солдатъ о китайцахъ и о войнѣ. Въ этихъ рассказахъ, насколько мнѣ кажется, очень ясно высказалось, что интересуется слушателя въ жизни другихъ народовъ, какія стороны войны для него наиболѣе интересны.

II.

Читалъ я въ казармѣ рассказъ „Бабья доля“, въ которомъ описывается, какъ одну женщину сослали въ Восточную Сибирь. Одинъ изъ слушателей, солдатъ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, началъ авторитетно разсуждать о томъ, какъ она можетъ тамъ устроиться, если только ее не зашлютъ къ Якутску, гдѣ „очень трудно“, гдѣ ужъ „не житье, а мученье“.

— Откуда все это знаешь? — спросилъ я его.

— Да я шесть лѣтъ прослужилъ во Владивостокѣ, всѣ мѣста тамошнія знаю, — отвѣтилъ онъ.

— А какіе тамъ народы живутъ? — спросилъ кто-то.

— Все больше наши. А вотъ во Владивостокѣ и китайцевъ много. Тамъ же, въ трехъ верстахъ, и царство ихъ начинается. Ну, и народъ! Насмотрѣлся я на нихъ! — прибавилъ онъ, показавъ головой.

— А живутъ они какъ, китайцы эти?

— Живутъ, какъ свиньи, — отвѣтили рассказчикъ, тихо и грустно покачавъ головой. — Вотъ, примѣрно, мы живемъ въ такой конурѣ и нечисти — такъ мы жъ на то шахтеры, народъ пропащій. А у нихъ и хуже того живутъ. Тамъ, гдѣ они, тамъ и скотина, и птица, и всякая нечисть тутъ же. А какъ затопать — отъ дыму не продохнешь и ничего не увидишь...

— А землю пахутъ?

— А какъ же! Только не по нашему. Землю грядками копаютъ, грядки маленькія, а между ними все ходы, все ходы. А земля у нихъ отличная, родить куда лучше нашей... Такъ они народъ видный, ничего, а на дѣлѣ копотливый. Работать не лѣнятся, да разума нехватка. Пойдутъ трое-четверо въ лѣсъ, копаются, ломаютъ, какъ медвѣди, а толку мало.

— А выпивать вмѣстѣ случалось?

— Ку-уда! Они нашей водки не пьютъ, у нихъ своя такая водка есть... Какъ нажрется ея, отъ него за версту духъ идетъ. А проспится, встанетъ утромъ, напьется воды — и опять пьянъ.

— Э-эхъ, какъ бы намъ такую водку достать! — встрепенулся одинъ шахтеръ.

— Все бы водой запивали ее...

— Ъдятъ они бѣдно и больше хлѣба сухого. А хлѣбъ они пекутъ не по нашему. Стоитъ котелъ съ водою на огнѣ, въ котлѣ, поверхъ воды — рѣшотка. Положатъ тѣсто на рѣшотку, котелъ закроютъ, хлѣбъ отъ пара и печется.

— А въ Бога вѣруютъ?

— Должно вѣруютъ, да не по нашему. У нихъ больше идолы. Среди города на одной каланчѣ стоитъ у нихъ такой чурбанъ, идолъ. Въ одной рукѣ держитъ ананасъ, въ другой палку какую-то...

— Не успѣлъ богъ ихній дома пообѣдать — на каланчу пошелъ, — съострилъ кто-то.

— А на другой каланчѣ сидятъ одинъ противъ другого четыре бога, а посерединѣ — пятый. Вотъ и все. А проходить не кланяются, не крестятся — ничего. Праздники у нихъ тоже не по нашему. Только Новый годъ два дня и еще одинъ праздникъ, — мѣсяцъ цѣлый — все праздникъ, — а больше во всемъ году ни одного дня праздника нѣтъ. У нихъ не говорятъ: „день“, „нынче днемъ“, „три дня“, говорятъ: „нынче солнце“, „три солнца“...

— А царь у нихъ есть?

— А то какъ же. Они царя вродѣ какъ бога считаютъ. Боятся — страсть. Судъ тамъ короткій: первый разъ провинился — надзоръ, второй — острогъ, а третій — безъ разговоровъ, сѣкимъ башка! Солдатъ у нихъ много, да только такіе все... вродѣ бабъ. Да и одѣваются по бабѣ. Вродѣ юбокъ носятъ, все синія китайки. И волосы въ косу. А какъ у нихъ тамъ дворянъ и всякихъ другихъ нѣтъ — и отличія большого нѣтъ между офицеромъ и солдатомъ. Офицеръ спитъ въ одной казармѣ съ солдатами, на

нарахъ—у нихъ тоже нары,—только спитъ посерединѣ, а по бокамъ двое тѣлохранителей. Да и плащъ красный носить. А спать всѣ голые. Въ головахъ отрубокъ, а на немъ одежду кладутъ.

— А еще народы какіе есть тамъ?

— Есть. Вотъ корейцы, японцы. Корейцы тѣ же китайцы, также живутъ свиньями, только свирѣпые. А вотъ японцы—это ужъ народъ мое почтеніе. Хоть ростомъ они поменьше китайцевъ, да за то куда смышленнѣе. Народъ такой живой, бойкій, онъ съ тобой и поговорить, и приметъ тебя. Не то что китаецъ—рыло воротить. Японецъ и въ работѣ молодецъ... Работалъ съ японцами во Владивостокѣ на пристани. У японцевъ и мужчины, и женщины одинаково работаютъ, а у китайцевъ нѣтъ. Въ городѣ до 14 тысячъ китайцевъ живетъ, а женщинъ ты и 100 на улицѣ не увидишь. Сидятъ взаперти и шелкъ ткутъ. Нѣтъ, куда китайцамъ до японцевъ. Тѣ народъ аккуратный, живутъ чисто, до всего любопытствуютъ...

— Въ 84 году,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—французы воевали съ китайцами. Англичане ихъ натравили. Французы тогда много городовъ забрали. А когда война кончилась—французы домой. Какъ разъ и я тогда ѣхалъ. Ѣхали моремъ, и на кораблѣ разнаго народа было—и нашихъ, и французовъ, и нѣмцевъ, и англичанъ. Французы—вотъ народъ! Такого еще, кажется, другого на свѣтѣ нѣтъ. Красивы, обходительны, деликатны. Прямо—полюбишь, какъ поживешь съ нимъ. Англичане тоже ничего. Представительные, рыжіе. Да только ужъ съ нимъ не шути. Чуть что—ножъ! Англичанинъ суровый, строгій, даже свирѣпый. Разговаривать не любить... А вотъ бразильцы тоже молодцы. Вродѣ французовъ: красивы, деликатны...

— А нѣмцы? Аль ихъ не было?

— Ну, какъ не было! Нѣмецъ всюду есть. Да что нѣмцы? Онъ всюду Карлъ Фанычъ. „Руська сольдаты, ню, путилька пива пить, ню, руська сольдаты!“ Пойдешь съ нимъ—онъ тебя и накормить, и напоить до пьяна,—все до послѣдняго отдастъ. Да только съ нимъ надо обхожденіе знать. Ты ему потрафляй. Чуть не по немъ—у него тоже, сейчасъ ножъ—пырь въ бокъ—и конецъ!..

— А какъ же разговаривали?

— А очень просто: цифрами. Цифры у всѣхъ народовъ одинакія. Въ портовыхъ городахъ уже знаютъ, что каждая цифра тебѣ означаетъ. Вотъ, примѣрно, пріѣхали мы въ Колумбію, въ Индію. Заходимъ съ нѣмцемъ съ однимъ,—пріятель такой у меня былъ,—въ трактиръ. Нѣмецъ сейчасъ пишетъ цифирь 15. Ему безъ разговоровъ бутылку рома, цѣна 30 копѣекъ. Деньги тамъ не наши, а все считаются на фунты и шиллинги. Фунтъ—вродѣ десятки, а шиллингъ—полтинникъ. Ну, а съ солдатами сговаривались такъ, больше знаками, да на пальцахъ. Ну, и слова раз-

ныя знали. Понимали все какъ есть... Ну, а вотъ ежели ругаться—это ужъ на слова, и каждый на своемъ языкѣ...

III.

Раньше, чѣмъ привести рассказъ солдата о войнѣ, считаю безынтереснымъ дать небольшую характеристику отношенія слушателей къ войнѣ. Ни въ деревнѣ, ни въ казармѣ мнѣ никогда не случалось слышать какого бы то ни было сочувственнаго отношенія къ войнѣ, чего-нибудь похожаго на шовинизмъ, какого-нибудь національнаго хвастовства въ той или другой формѣ. Слушатели знали, что Россія—большая, что солдатъ у нея много, но изъ этого они не дѣлали вывода, что никого бояться нечего. Они сознавали, что и англичанка, которая „мутить“, и нѣмцы, и турки—тоже сила. И въ общемъ войну всѣ осуждали, всѣ считали несчастьемъ и никто не выдвигалъ необходимости ея.

Въ деревнѣ описаніе войны вызывало больше всего жалости къ солдатамъ и протестъ противъ войны во имя христіанской морали. Слушая „Четыре дня“, крестьяне жалѣли „бѣднаго солдата“ и повторяли съ сокрушеніемъ:

— Вотъ настрадался-то бѣдный! вотъ горя принялъ!

— И подумать! Лежитъ себѣ одинъ въ чужой землѣ и ноги перебиты, а кругомъ поле.

— Говорятъ,—отозвался еще одинъ,—жить тяжело. Волковъ негдѣ пасти. А солдатикамъ еще хуже...

— Сказано: „мужики просто дураки“,—разсмѣялся другой.

— Мужикъ что,—продолжалъ первый.—Вотъ я вчера въ степи ночевалъ съ конями, а эту ночь ужъ дома буду спать. Обладусь подушками, да еще ноги задеру...

— Во, во! самый смакъ мужицкій!—разсмѣялся другой.—А у солдатиковъ этихъ самыхъ подушковъ и нѣтъ!

Въ другой разъ, при чтеніи „Осады Севастополя“, крестьянинъ воскликнулъ съ горечью:

— Боже-жъ мой! И сколько придумано этихъ штукъ на человѣка! Ни на какого звѣря нѣтъ столько выдумокъ, какъ на человѣка, чтобы убить его... А его вѣдь кулакомъ убить можно...

— И грець его знаетъ, зачѣмъ это,—закончилъ его мысль другой.—Взялись бы за чубы и дрались-бы. А то стрѣляютъ изъ ружей, изъ пушекъ, изъ бомбъ—страсть!

Аналогичныя разсужденія велись и въ аудиторіи г-жи Алчевской.

Слушая описаніе, какія чувства охватили одного солдата во время войны, слушатели восклицали:

— «Человѣкъ, а такъ какъ звѣрь. Не дай Богъ никому быть на войнѣ!» (стр. 179).

— «Я хоть и мужчиной была-бы,—говорила одна слушательница,—а въ

военной службѣ не хотѣла бы служить... Оно и страшно, а больше всего жалко: кругомъ все убиваютъ, да и самъ тоже... а какъ тѣмъ матерямъ и жинкамъ, которыхъ пооставляли» (стр. 184).

Нѣкоторые слушатели смотрѣли на солдатъ какъ на мучениковъ, испугающихъ чужіе грѣхи:

— «Вотъ какъ, терпятъ на войнѣ за насъ, грѣшныхъ,—разсуждали по поводу «4 дня»—а мы здѣсь только грѣха набираемся, бранимся да ссоримся» (стр. 95).

И единственная оговорка, которая была сдѣлана, это относительно оборонительной войны:

— «Нападать—грѣхъ, а отбиваться—нѣтъ» (стр. 115).

Въ казармѣ, гдѣ между слушателями почти всегда находился одинъ или нѣсколько бывалыхъ солдатъ, описанія войны вызывали больше разсужденій и разсказовъ, при чемъ слушателей больше занимала эпизодическая, психологическая и правовая сторона войны, чѣмъ моральная.

При чтеніи разсказа г. Немировича-Данченко „Махмуткины дѣти“, въ которомъ тепло разсказано, какъ во время русско-турецкой войны русскій офицеръ отпустилъ плѣннаго турка, присужденнаго къ разстрѣлянью,—слушатели вначалѣ ругали турокъ за ихъ жестокое обращеніе съ плѣнными.

— Къ нимъ если нашъ братъ попадался, они съ него съ живого кожу сдирали, а потомъ пятки поджаривали на огнѣ,—отозвался одинъ.—Мучили, издѣвку дѣлали, проклятые! А когда они къ намъ попадались—мы хорошо съ ними обходились.

— Нашимъ не приказано ихъ мучить,—отвѣтилъ другой.

— А имъ развѣ приказано? Имъ тоже не приказано...

— Нашимъ приказано строже, не мучить... Къ тому же они махмутане.

— Нѣтъ,—отозвался авторитетно кузнецъ.—На конгрессѣ всѣмъ одинъ приказъ, и нашимъ, и ихнимъ—не мучить плѣнныхъ, а они, проклятые, не слушаютъ.

— Такъ мы-жъ на то православные,—стоялъ на своемъ первый,—намъ и по закону нельзя мучительства дѣлать. А имъ можно...

— Они народъ рябкой,—заговорилъ солдатъ, сообщившій раньше, что турки кожу съ живыхъ сдираютъ.—Особливо, какъ на штыки. Чуть что: сейчасъ: „Алла! Алла!“—и сдаются. А много всетаки ихъ погибло...

— Ну, не говори, и нашимъ храбрнякамъ досталось,—отозвался другой солдатъ, Яковъ, человѣкъ хорошо грамотный, продолжавшій компанію 1877 года.—Тоже полегло не мало.

— Полегло-то полегло. Да какъ же, какъ мы все напередъ, да напередъ лѣзли! Говорятъ, эту самую Плевну иначе и взять

то нельзя было, какъ по живой лѣстницѣ. Солдатики другъ на дружку становились, пока до самаго верху не добрались.

— Да и во вѣкъ не взяли-бъ,—настаивалъ кузнецъ.—Плевнато какъ построена? На природной скалѣ стоитъ. Да наши воду отвели, тѣ и сдались.

— А турокъ этотъ,—вспомнилъ кто-то героя только что прочитаннаго разсказа,—какъ ловекъ-то разговаривать! Должно, грамотный былъ.

— Да вѣдь не простой солдатъ, а полковникъ ихній,—пояснилъ другой...

— А страшно бываетъ на войнѣ?—спросилъ его шахтеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Яковъ просто,—страха совсѣмъ никакого нѣтъ. Только злость. У-ухъ, и злость какая! Разгорается человекъ, какъ звѣрь, зубами скрогочетъ, такъ и разорвалъ бы, кажется. И жалость тогда чувствуешь. Примѣрно лежитъ насъ пять человекъ въ ложаментѣ. Только повернулся—а ужъ ты одинъ. Тутъ съ одной стороны кто кричитъ: „Додай, браты, смерти“! съ другой—„Унесите“! У-ухъ, злость беретъ! И того, кто кричитъ, и того разорвалъ бы отъ злости и отъ жалости. Особенно еще, когда голоденъ. Тогда совсѣмъ волкъ волкомъ.

— Гора навидались,—продолжалъ онъ,—за то и радости же было! Боже мой! Были такія радости, что просто не знаешь, гдѣ ты: на землѣ-ли стоишь, или подъ небомъ летаешь, не чувствуешь одежды на себѣ, шапки на головѣ. Забираемъ городъ. Музыка. А тутъ сейчасъ читаютъ намъ благодарность отъ государя. Боже мой! Кажется, вотъ, вотъ подымаетъ тебя отъ земли и не чувствуешь ты ее подъ ногами...

— А когда забирали городъ,—жители оставались?—спросилъ кто-то.

— Ку-уда! Ни одного человека. Болгаре—и тѣ рѣдко оставались. Войдешь въ городъ или деревню—тебѣ на встрѣчу только собаки выходятъ. А на дворахъ—пуху страсть. А въ домахъ добра всякаго, сколько угодно...

— И потѣха-жъ была въ Ловчахъ!—оживился онъ вдругъ.— Всѣ ушли изъ города. А старшій турокъ, должно, не успѣлъ, остался. Взялъ да и спрятался въ ямѣ на кладбищѣ. Думалъ, не замѣтятъ. А нашъ поручикъ, Андрашевымъ звали, и примѣтилъ его. Позвалъ солдатъ. „Эй!—скомандовалъ.—Набирай, ребята, камни въ полы“! Мы набрали. „Стройся“! Выстроились. А сами все не знаемъ, къ чему онъ. А тутъ онъ пальцемъ намъ на яму показалъ, а оттуда голова турка немного видна, лежитъ смирно, притаился. Андрашевъ и скомандовалъ „Пли“! Бо-оже-жъ ты мой, что тутъ было! Камени полетѣли: бухъ! бухъ! бухъ! А турокъ изъ ямы: бебехъ! бебехъ! бебехъ!—подымался долго, пока не заравняли яму...

Онъ разсмѣялся, разсмѣялись и слушатели.

— А любо было смотрѣть,—продолжалъ онъ,—какъ казаки наши воюють. Разъ мы въ ложаментѣхъ лежали, а казаки гнались за турками. День былъ солнечный. Просто заглядѣлся на нихъ. Сабли на солнцѣ только блескъ! блескъ! блескъ! Ловкость просто чортовская, точно у нихъ десять рукъ, и спереди рубить, и сзади, и сбоку, и пикой колеть, и изъ револьвера умѣть выстрѣлить...

— А разъ,—продолжалъ онъ,—взяли мы какой-то городъ. Вошли. Я пошелъ по домамъ искать овесъ. Ткнулся въ одинъ домъ, открылъ дверь—полна хата турокъ. Лежать всѣ на полу. Я бацъ двери назадъ—и бѣжать. Потомъ одумался. Дай, посмотрю. А у нихъ нѣтъ оконъ, какъ у насъ,—деревянные рѣшотки. Подошелъ къ рѣшоткѣ, смотрю,—а турки, что лежать—всѣ безъ головъ. Отрубленные головы тутъ же рядомъ лежать кучей... Пошелъ дальше. Вошелъ въ другой домъ, только ткнулся—бросились ко мнѣ три турчанки, машутъ руками, лопочутъ. Слово не понимаю, а вижу—голодные, хлѣба просятъ. Были при мнѣ двѣ галетки—отдалъ. Пошелъ еще рассказалъ офицеру. А офицеръ у насъ добрейшей души человекъ былъ. Велѣлъ отнести имъ два мѣшка сухарей.

— А турчанки красивы? полюбопытствовалъ кто-то.

— Облѣзлыя... А вотъ гречанки—тѣ красивыя. Бывали такія красивыя, что какъ часто какую изъ нихъ видишь—прямо какъ щепка высохнешь!..

VII. Смѣшеніе религіознаго элемента съ реально-бытовымъ въ народной книжкѣ.

I.

Народные рассказы Л. Н. Толстого, большинство которыхъ проникнуты тенденціей о несопротивленіи злу насиліемъ, вызвали въ свое время много толковъ въ печати, много упрековъ по адресу великаго писателя. Гораздо меньше вниманія было обращено на форму, которую Л. Н. Толстой придалъ своимъ народнымъ рассказамъ. Величайшій реалистъ по силѣ и безпощадной правдивости,—онъ почему-то счелъ нужнымъ ввести въ одни изъ своихъ рассказовъ элементъ религіозный—ангеловъ, видѣнія, чудеса и т. д., въ другіе—сказочный: чертей и чертенятъ. Зачѣмъ понадобилось ему это?

Начавъ писать и, отчасти, издавать книжки для народа, Л. Н. Толстой, долго и много думавшій надъ этимъ вопросомъ,—вопросомъ имъ впервые выдвинутымъ и поставленнымъ на раціо-

нальную почву *), прежде всего искалъ средства, чтобы придать своимъ книжкамъ самое широкое и, главное, самостоятельное распространѣніе въ народной массѣ. Онъ писалъ свои рассказы самымъ простымъ, доступнымъ еле грамотному читателю языкомъ; организованная подъ его руководствомъ фирма „Посредникъ“, издавшая всѣ его книжки, понизила ихъ цѣну до минимума, придала имъ форматъ и внѣшность лубочныхъ книжекъ и пустила ихъ по тому же руслу, по которому ежегодно идутъ въ народъ миллионы лубочныхъ изданій. Можно полагать, что съ этой же цѣлью Л. Н. Толстой придалъ своимъ рассказамъ формы религіозной книжки и сказки, формы единственно знакомыя и привычныя народному читателю. Л. Н. Толстой надѣялся въ этихъ старыхъ мѣхахъ вѣрнѣе пронести въ народъ свое ученіе. Достигъ-ли онъ цѣли?

II.

Остановимся прежде всего на книжкахъ, въ которыя введенъ элементъ религіозный, гдѣ фигурируютъ ангелы и видѣнія („Чѣмъ люди живы“, „Два старика“, „Свѣчка“, „Гдѣ любовь тамъ и Богъ“, „Два брата и золото“ и др.)

Выше мнѣ пришлось уже отмѣтить, что слушатели часто канонизировали героевъ книжекъ. Канонизація эта дѣлалась съ большою легкостью. Достаточно было одного какого-нибудь сверхестественнаго явленія обычно-религіознаго характера, чтобы личность, причастная этому явленію, была канонизирована, признана святой. Кромѣ сапожника Семена и жены его Матрены („Чѣмъ люди живы“), къ лику святыхъ были причислены герои всѣхъ поименованныхъ выше книжекъ Толстого. Когда я прочелъ въ рассказѣ „Два старика“, что у старика Елисѣя „лысина блестяла и кругомъ золотыя пчелки лѣтали“ (это представлялось другому старику), среди слушателей тотчасъ же раздались восклицанія:

— Причислился значить!

— Извѣстно... золотыя пчелки... значить святой.

Тоже и въ рассказѣ „Свѣчка“. Едва я прочелъ, что у „добраго мужика“ свѣчка не потухла на вѣтрѣ, какъ раздалось восклицаніе:

— Во! не тухнетъ. Значить ужъ не простой человѣкъ! И т. д.

Но признаніе дѣйствующихъ лицъ святыми еще совершенно не значило, что слушатели признавали и книжку „божественной“. Они, правда, иногда въ видѣ высшей похвалы примѣняли къ этимъ книжкамъ почтенный эпитетъ, но въ то же время очень хорошо различали между религіозной книжкой, житіемъ, и этими рассказами,

*) См. его «Педагогическія статьи» Т. IV.

въ которыхъ такъ много реально-бытового, столько яркихъ картинъ ихъ собственной жизни. Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы какой-нибудь слушатель, самый неопытный, назвалъ какой-нибудь рассказъ Толстого „божественнымъ“. Въ сущности, слушатели и не знали, какъ назвать эти книжки, къ какой категоріи ихъ причислить и отъ чтенія ихъ выносили какое-то неопредѣленное, смутное впечатлѣніе.

Выше мы указали, что у народнаго читателя, благодаря именно влиянію религіозной книжки, крайне слабо развито критическое отношеніе къ тенденціи разсказа, къ его „поученіямъ“. Гораздо свободнѣе чувствуетъ себя читатель по отношенію къ быту и лицамъ разсказа изъ его собственной жизни. Передъ нимъ знакомыя лица, знакомая обстановка—и онъ можетъ оцѣнивать ихъ достоинства, опредѣлять, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности, можетъ выражать имъ свое сочувствіе или негодованіе, можетъ надъ ними горевать или смѣяться. Такое критическое отношеніе сказывалось чуть ли не съ первыхъ чтеній. Слушатели примѣняли все описываемое къ своей жизни. Но въ то время, когда тенденцію, поученіе они примѣняли въ формѣ: „Вотъ какъ сказано, а мы не исполняемъ“,—о бытовыхъ сценахъ и описаніяхъ они восклицали: „Ну, вотъ точно какъ у насъ!“ Т. е. въ первомъ случаѣ они неоспоримымъ критеріумомъ ставили поученіе; во второмъ—свою собственную жизнь, которой они *протѣряли* написанное, критиковали.

Введеніе религіознаго элемента, появленіе ангела или видѣнія на бытовомъ фонѣ, отнимало у слушателей эту свободу сужденія, этотъ критеріумъ своей жизни. Сапожникъ Семень, надъ которымъ они только что подшучивали, превращается въ святого, т. е. въ человѣка, какіе бывали только „въ старину“, какихъ теперь нѣтъ и къ которымъ уже нельзя подходить съ своимъ аршиномъ.

III.

Мало того, что такимъ приѣмомъ у читателя отнимается свобода сужденія о лицахъ описываемыхъ въ книжкѣ, онъ, приѣмъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ лишаетъ читателя возможности понимать тенденцію разсказа. Не надо забывать, что читатель изъ народа искренно вѣритъ въ истинность всего описываемаго, для него появленіе ангела—фактъ. И такъ какъ онъ не привыкъ, чтобы подобные факты являлись результатомъ обыденныхъ дѣлъ, то онъ въ большинствѣ случаевъ превращалъ слѣдствіе въ причину: святость и появленіе чуда является не слѣдствіемъ богоугодной жизни, а наоборотъ, человѣкъ совершаетъ хорошіе поступки, потому что онъ святой, потому что ему указано было.

Когда я прочелъ въ книжкѣ „Сократъ“, что „внутренній го-

лось“ подсказывалъ Сократу его мысли, для слушателей Сократъ, какъ мудрецъ, совершенно исчезъ. Онъ превратился въ какой-то „передаточный аппаратъ“. Когда послѣ этого одинъ изъ слушателей, остановившись на методѣ Сократа, замѣтилъ:

— Онъ все спрашиваетъ, а самъ лучше всѣхъ знаетъ, какъ жить надо!

Другой тотчасъ же поспѣшилъ напомнить ему:

— Да ему жъ Богъ наговаривалъ.

— А можетъ еще такая наука есть, чтобъ мысли отгадывать, — сдѣлалъ кто-то предположеніе.

— Ахъ ты, Боже мой! Да сказано жъ было: голосъ ему быть, значить не наука, а Богъ!

То же самое и при другомъ чтеніи, въ казармѣ, этой же книжки.

— Что, отъ ученья онъ, должно, такимъ умнымъ сталъ? — спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, то ему голосъ говорилъ, вродѣ откровенія...

Въ разсказѣ „Вражье лѣпо, а божье крѣпо“ Толстого описывается, — какъ „добрый господинъ“, вмѣсто того, чтобы наказать раба за тяжкую вину, обнимаетъ его какъ брата. Деревенскіе слушатели, еще довольно живо помнящіе „добрыхъ господъ“, нисколько не удивились этой несообразности и тотчасъ же объяснили поступокъ „добраго господина“ его святостью.

— Да вѣдь хозяинъ этотъ присвятился. Посмотрѣлъ на небо и все какъ есть понялъ.

Тоже было и при чтеніи другого разсказа Толстого „Два брата и золото“. Слушатели не разсуждали о томъ, правильно или неправильно было мнѣніе одного изъ братьевъ, что золото братъ не слѣдуетъ даже для доброй цѣли. Они поняли слова этого брата, какъ внушеніе свыше и, слѣдовательно, какъ неоспоримую истину.

Когда этотъ разсказъ былъ прочитанъ ученицамъ воскресной школы г-жи Алчевской и двое изъ слушательницъ заспорили о томъ, слѣдовало ли братъ золото, или нѣтъ,

„одна бойкая дѣвушка не безъ ироніи замѣтила:

— «Я думаю, ангелъ лучше знаетъ, что грѣшно и что нѣтъ!»

«Аргументомъ этимъ — прибавляетъ составительница отчета, она видимо отрѣзала всякую возможность дальнѣйшихъ преній и никто болѣе не смѣлъ возражать» *).

IV.

Введеніе религіознаго элемента въ разсказы реально-бытового характера является еще, помимо всего сказаннаго, приѣмомъ анти-художественнымъ по отношенію къ народной книжкѣ. Читателю очень трудно относиться какъ къ святому къ своему брату,

*) Что чит. нар. Т. II., стр. 94.

къ сапожнику Семену, который не прочь и выпить, и побалагурить, къ бабѣ Матренѣ, которая и хлѣбы ставить, и краюшку занимаетъ, и ругается, точно, какъ всякая деревенская баба. Но, съ другой стороны, нельзя относиться къ нимъ и слегка, какъ къ простымъ смертнымъ: къ простому смертному ангелъ не придетъ, не всякій сапожникъ удостоится видѣть Христа или, по крайней мѣрѣ, слышать его голосъ.

И впечатлѣніе подобныхъ разсказовъ получалось какое-то не цѣльное, двойственное, тяжелое. Слушатели съ первыхъ страницъ принимали разсказъ за бытовой, за „житейскій“, обращались съ дѣйствующими лицами запросто, иногда и подшучивали надъ ними. И, вдругъ, оказывалось, что все это были не простые люди, а святые, ангелы... И слушатели чувствовали себя положительно неловко, точно имъ устроили западню, точно посмѣялись надъ ихъ невѣжествомъ.

Очень ярко высказалась эта неловкость, эта двойственность настроенія при чтеніи и въ деревнѣ, и на рудникѣ „Чѣмъ люди живы“, въ которомъ одна неудачная фраза дала слушателямъ еще къ тому прямой поводъ къ двусмысленнымъ шуткамъ по адресу Матрены и голаго Михайлы, который потомъ превращается въ ангела Михаила.

Слушатели, конечно, сначала и не подозрѣвали, что на ярко бытовомъ фонѣ столь знакомой имъ жизни появится ангелъ. Съ первой же страницы, они встрѣтили сапожника Семена какъ своего человѣка. Идетъ онъ безпечный, размышляетъ и палочкой по мерзлымъ камушкамъ постукиваетъ — и ему посылается въ догонку слово:

— Нашъ Антонъ не тужить объ томъ. Захочетъ — портки носить; не захочетъ — бросить!

Видитъ онъ за часовней голаго человѣка и подходитъ къ нему, начинаетъ его разспрашивать, — опять тонкая насмѣшка:

— Ма-астерюга!.. Договорятся до кабака. Не обойдется безъ этого.

Но вотъ они приходятъ къ Семену домой. Матрена встрѣчаетъ мужа и гостя голаго сперва съ руганью: Затѣмъ она смягчается, подаетъ ужинать — и гость *улыбается ей*. И авторъ послѣ этого прибавляетъ:

„И жалко стало Матренѣ странника и *полюбился* онъ ей“.

Эта улыбка и это „полюбился“ были поняты и въ деревнѣ, и на рудникѣ очень прозаически и вызвали цѣлый градъ насмѣшекъ и шутокъ по адресу хозяйки и гостя.

Въ первый разъ читалъ я этотъ разсказъ группѣ крестьянъ, расположившихся у сборни. Когда я прочелъ объ улыбкѣ странника, одинъ пожилой крестьянинъ, приподнявшись на локтѣ съ земли, оглянулъ всѣхъ какъ-то лукаво, игриво и заговорилъ съ разстановкой:

— Ба-а-а, куда дѣло-то идетъ, куда подымается? Улыбаается! Ха-ха-ха! Понравились, значить, другъ дружкѣ! Та-акъ! Дѣло!

Въ другой разъ, при чтеніи разсказа на пристани, улыбка странника и „любовь“ Матрены вызвали взрывъ хохота и восклицанія:

— Скоро жъ поддалась!

— А много развѣ ей надо!

— Дѣло подходящее,—пробасилъ отставной солдатъ.

— Видишь, вишь,—ехидничалъ одинъ босякъ,—и рубашку, и портки ужъ даетъ ему! Смиловалась, добрая душа.

— Да и дурень же этотъ Семень.

— Семень и Матрена—два соколика!

Еще больше смѣха и шутокъ вызвало чтеніе этого мѣста на рудникѣ.

— Улыбнулся ей? А-ахъ шельма!.. Радъ, значить! А она, Матрешка, тоже, значить, смиловалась. Раньше драться лѣзла, а теперь ужинать собираетъ...

— И-ишь, лютра старая, ишь, какъ раскисла, какъ молодецъ ей улыбнулся!..

Къ сожалѣнію, при моихъ чтеніяхъ никогда не случалось, чтобы слушатели сами, по ходу разсказа, начали догадываться, что передъ ними ангелъ. Каждый разъ между слушателями, оказывался по крайней мѣрѣ одинъ, который ужъ раньше гдѣ-то, когда-то читалъ или слушалъ этотъ разсказъ. Такой слушатель обыкновенно молча и терпѣливо выслушивалъ насмѣшливыя и двусмысленныя замѣчанія непосвященныхъ и вдругъ подымался и восклицалъ съ негодованіемъ:

— Чего вы, идолы, гогочете! Страникъ этотъ—ангелъ!..

Эффектъ получался поразительный: всеобщее смущеніе, нѣкоторая растерянность—и разсказъ дослушивался до конца при гробовомъ, неловкомъ молчаніи аудиторіи.

По окончаніи чтенія разсказа на рудникѣ, гдѣ больше всего было насмѣшекъ по адресу Михайлы и Матрены,—пошелъ слѣдующій разговоръ.

— Кто-о могъ его знать, что онъ ангелъ!—отозвался шахтеръ.—Я думалъ, юродивый какой...

— А то и просто пьяница,—добавилъ другой.

— И на Матрену тоже сразу подумать можно было. Мало развѣ такихъ бабъ, что какъ увидятъ молодца какого, да онъ имъ еще улыбнется—и кацутъ, и шабашъ.

— Молодца, да еще безъ штановъ!—буркнулъ Васька Б., одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ шахтеровъ и разсказалъ сейчасъ же, какъ онъ самъ однажды, „нанявшись“ за полквартиру, сбѣгалъ зимою безъ штановъ съ рудника въ деревню и обратно верстъ шесть...

VIII. Сказочный элементъ въ народной книжкѣ и отношеніе къ нему народнаго читателя.

I.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, говоря о классификаціи произведеній литературы народнымъ читателемъ, мы показали, что терминъ „сказка“ примѣняется народомъ, главнымъ образомъ, къ книжкамъ несерьезнымъ, малонинтереснымъ, обыкновенно лубочнымъ-свѣтскимъ, совершенно независимо отъ ихъ характера, сказочнаго или несказочнаго. Что же касается *сказки*, какъ мы ее понимаемъ, т. е. произведенія, въ которомъ фигурируютъ фантастическія существа и рассказываются невозможныя въ дѣйствительности событія,—то ее народный читатель не выдѣляетъ въ особую категорію, не отличаетъ рѣзко отъ реально-бытового разсказа. Онъ называетъ ее „сказкой“, если она не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго, поучительнаго; но какъ только онъ находитъ въ ней какую-нибудь тенденцію, полезное поученіе—онъ перестаетъ ее признавать сказкой и, какъ мы видѣли на примѣрахъ, иногда называетъ „истинной правдой“, „наукой“, даже „проповѣдью“ (Напомнимъ, какъ отнесся Семеновъ къ сказкѣ объ „Иванѣ Дуракѣ“). Это именно и случилось съ сказками Л. Н. Толстого, которыя — тенденція ихъ не была понята большинствомъ слушателей,—были причислены и на рудникѣ, и въ деревнѣ къ разряду житейскихъ поучительныхъ книжекъ. Такимъ образомъ, если Л. Н. Толстой имѣлъ въ виду сказочной формой придать своимъ народнымъ книжкамъ характеръ наиболѣе привычный народному читателю,—то цѣль его не была достигнута. Присутствіе въ народной книжкѣ чертей и чертенятъ оказалось на опытѣ не только совершенно ненужнымъ, но абсолютно вреднымъ.

Одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей народнаго читателя заключается въ томъ, что для оцѣнки какъ жизненныхъ явленій, такъ и художественныхъ произведеній у него нѣтъ того раціоналистическаго критеріума, который вырабатывается у интеллигентнаго человѣка совершенно незамѣтно, еще на школьной скамьѣ. Намъ трудно представить себѣ мало-мальски развитою человѣка, который при чтеніи книги не былъ бы въ состояніи отличить въ ней возможное отъ фантастическаго, сказочное отъ реальнаго. А между тѣмъ, у средняго читателя изъ народа нѣтъ именно яснаго сознанія той грани, гдѣ кончается возможное, вѣроятное и гдѣ начинается невозможное, невѣроятное. Вслѣдствіе этого, для него являются чуть-ли не одинаково реальными—во всякомъ случаѣ, одинаково возможными—существами и самыя

обыкновенный герой бытового разсказа, и вѣдьма, чортъ или домовой; ему представляется одинаково возможнымъ, даже естественнымъ, переходъ человѣка съ одного мѣста на другое и превращеніе старухи-вѣдьмы въ кошку.

Что народная масса искренно вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ, чертей, домовыхъ и проч., это, конечно, извѣстно всякому. Но надо сталкиваться съ народомъ на почвѣ этихъ суевѣрій, чтобы понять насколько *реальна* въ его представленіи эта многочисленная и разнообразная армія безтѣлесныхъ существъ, до какой степени естественнымъ кажутся ему самыя невозможныя, фантастическія описанія. Мнѣ пришлось бы написать цѣлый томъ, если бы я вздумалъ приводить всѣ характерныя разсужденія моихъ слушателей о „нечистой силѣ“ во всѣхъ ея видахъ. Оба тома „Что читать народу?“ положительно изобилуютъ разсужденіями слушателей и слушательницъ, городскихъ и деревенскихъ, о вѣщихъ снахъ, гаданьяхъ, наговорахъ и заговорахъ, ворожбѣ, приворотномъ зельѣ, разныхъ примѣтахъ, кладахъ, о вѣдьмахъ, колдунахъ, русалкахъ, лѣшихъ и, конечно, о чертяхъ. Останавливаясь на этихъ разсужденіяхъ, составительницы „Что читать народу?“ прибавляютъ:

«Нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства: на вопросъ, могло-ли все это такъ быть, читатели изъ народа не только признаютъ вѣрною фактическую сторону происшествія, на которую собственно и направленъ вопросъ, а главное, вѣрують въ тѣ фантастическія происшествія, которыя мы встрѣчаемъ въ сказкѣ *). И въ другомъ мѣстѣ: «Удивительнѣе всего казалось намъ то, что въ перемежку съ этими фантастическими разсказами (которые были приведены раньше) и, такъ сказать, на ряду съ ними передавались происшествія самаго реального характера: какъ повѣсился жандармъ, какъ свекровь подсыпала яду невѣсткѣ и т. п. Очевидно, всѣ эти факты подводились подъ одну категорію, первые заключали въ себѣ для слушателей столько же вѣроятія и интереса, какъ и вторые, и никому изъ присутствующихъ не пришло даже въ голову разграничить ихъ **).

II.

То, что мы называемъ „народнымъ суевѣріемъ“, представляетъ собою цѣлое опредѣленное міросозерцаніе, вѣріе, міропониманіе, твердо установленное, основанное на различныхъ, часто неясныхъ для насъ, но неоспоримыхъ для народа доказательствахъ, чутъ-ли не на очевидности. Замѣчательно, что человѣкъ изъ народа, обыкновенно въ своихъ спорахъ съ культурнымъ человѣкомъ уступчивый и неувѣренный (по крайней мѣрѣ, съ виду: „вамъ лучше знать...“), становится очень настойчивымъ и самоувѣреннымъ, разъ только рѣчь заходитъ о его суевѣрномъ міро-

*) Т. I, стр. 226.

**) Тамъ же. Т. II, стр. 450.

пониманіи. Онъ упорно отстаиваетъ свою „вѣру“, выдвигая въ защиту ея авторитетъ и стариковъ, и св. писанія, выдвигая цѣлый рядъ посылокъ и доказательствъ, разбивать которыхъ абсолютно невозможно безъ того, чтобы не посягнуть на самую основу его религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій.

Культурному человѣку иногда удается „увѣрить“ простого человѣка, что черти и вѣдьмы—„одна чепуха“. Но эта „увѣренность“, не основанная на ясномъ пониманіи закономерности явленій, конечно, остается только внѣшней, несерьезной, безплодной. Прекрасную иллюстрацію этому находимъ мы въ „Что читать народу?“ По окончаніи чтенія сказки „Палецъ невидимка“, чтица задала ученикамъ вопросъ: что такое колдовство?

— Врутъ!—отозвался одинъ изъ дѣтей отрывисто.

— Людей обманываютъ!—сказалъ другой и т. д.

Не удовлетворившись этими отвѣтами, чтица задала вопросъ: «Кто видѣлъ или слышалъ въ жизни своей что-либо такое, что люди приписывали колдовству?» «Невозможно было не замѣтить оживленія, которое моментально разлилось по всѣмъ этимъ дѣтскимъ лицамъ. Почти всѣ руки поднялись разомъ вверхъ и пошли рассказы о самыхъ фантастическихъ событіяхъ, въ которыхъ молодые слушатели вѣрили искренно и безусловно. И каждый, торопясь и перебивая другъ друга, силится рассказать свою исторію. И все это говорилось такъ, какъ будто каждый видѣлъ воочию, осязалъ самолично всѣ эти загадочныя чудеса. Выслушавъ съ интересомъ всѣ эти исторіи и помолчавъ немного,—продолжаетъ составительница,—я спросила:

— Зачѣмъ же вы вначалѣ говорили мнѣ, что все это вздоръ и выдумки?

— Такъ намъ въ школѣ говорили, — отвѣчалъ одинъ изъ мальчиковъ, нисколько не стѣсняясь этимъ противорѣчіемъ и просто констатируя фактъ *).

Это происходило въ дѣтской аудиторіи, это могло вполнѣ произойти и въ аудиторіи взрослыхъ слушателей изъ народа.

Единственная „уступка“, которую темный человѣкъ дѣлаетъ иногда въ этомъ отношеніи „духу времени“—это признаніе, что теперь чертей и вѣдьмъ „что-то не видать“, что теперь „ихъ меньше стало“ и что это бывало „больше въ старину“, когда народъ былъ „темный“ и „занимался этими дѣлами“.

При чтеніи въ аудиторіи г-жи Алчевской „Руслана и Людмилы“, слушатели искренно вѣрили, что все описываемое тамъ произошло на самомъ дѣлѣ.

— Да, въ старину много такого случалось, теперь что-то меньше слышать,—говорили нѣкоторые.

— Бываетъ и теперь,—возражали другіе, при чемъ приводились доказательства самыхъ разнообразныхъ свойствъ. Одна рассказывала о вѣдьмѣ, превратившейся въ собаченку, другая о предсказателѣ, третья о заговорщикѣ зубовъ, четвертая о свекрови, которая испортила невѣстку.

— Это только доктора одинъ этому не вѣрятъ,—заклчила съ презрительной улыбкой одна изъ слушательницъ **).

*) Т. I, стр. 264.

**) Т. II, стр. 450.

При чтеніи дѣтскихъ разсказовъ Незванова, въ городской аудиторіи, одна изъ ученицъ замѣтила:

— Теперь ужъ настоящіе колдуны поперевелись. То были въ старину они, а теперь ни вѣдьмъ, ни колдуновъ, ни нечистаго уже нѣтъ *).

При чтеніи былины о Добрынѣ Никитичѣ, какъ Марина превратила Добрыню въ тура, кто-то замѣтилъ:

— Теперь этого не бываетъ, а прежде можетъ и было. Вѣрили въ колдовство... Вотъ большихъ сильныхъ женщинъ тоже нѣтъ теперь, а прежде можетъ и были. Въ старину, говорятъ, народъ былъ здоровѣе **).

III.

Для иллюстраціи того, къ какимъ аргументамъ прибѣгаетъ темный человѣкъ для подтвержденія своей вѣры въ существованіе „нечистой силы“ и насколько ему трудно, невозможно уловить грань, раздѣляющую реальное отъ нереального, возможное отъ невозможнаго,—приведу нѣкоторые мои бесѣды по этому поводу съ рабочими.

Послѣ чтенія какой-то книжки, въ которой говорится о колдунахъ, молодой, кое-что читавшій шахтеръ, Сергѣй, спросилъ меня, было ли все это на самомъ дѣлѣ? Я высказалъ ему свое мнѣніе.

— Такъ по вашему колдуновъ и совсѣмъ нѣтъ?—переспросилъ онъ меня задумчиво.

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ, какъ бы размышляя, и опять спросилъ:

— Ну, а папа римскій есть?

— Папа римскій есть.

— И къ нашей вѣрѣ, къ православной, онъ причастія не имѣетъ?

— Нѣтъ...

— А правда ли, что онъ такой человѣкъ, что когда мѣсяцъ молодъ—и онъ онъ молодъ, когда мѣсяцъ старъ—и онъ старъ?

— Это ужъ неправда.

— Та-акъ... Ну, а правда ли, что когда война,—все цари ѣдутъ къ нему благословляться, совѣта спрашиваютъ...

— И это неправда.

Собесѣдникъ мой опять помолчалъ.

— А вотъ вы читали книжку про „Сократа“. Тамъ сказано про Юпитера. Что же, этотъ Юпитеръ богъ ихній главный былъ?

— Да.

*) Тамъ же, стр. 354.

**) Тамъ-же, стр. 461.

— А англичане, значить, ему, этому самому Юпитеру, до сих поръ поклоняются?

— Откуда вы это взяли?!..

— Да говорить...

Онъ вдругъ поднялся и рѣшительно сказалъ:

— Ну, вотъ, подождите здѣсь малость (мы были въ общей казармѣ). Я сбѣгаю въ землянку—принесу книжку. Вотъ почитаете ее—и все мнѣ потомъ скажете...

И не дожидаясь отвѣта, онъ поспѣшно ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и подалъ мнѣ известную лубочную книжку „Громобой“.

— Читали ее?—спросилъ онъ.

— Не читалъ, но знаю, что книжка пустая, глупая.

— Чего тамъ „знаю“, коли не читали!—воскликнулъ онъ почти съ раздраженіемъ.—Почитайте, тогда и знать будете...

Я ее прочелъ. Оказалась она безграмотной, нескладной лубочной сказкой съ вѣдьмами, колдунами, заколдованными замками и т. п. Возвращая ее черезъ нѣсколько дней Сергѣю, я снова высказалъ ему свое мнѣніе о ней.

— Почему глупая?—спросилъ онъ настойчиво.

Я сталъ объяснять ему, но онъ тотчасъ же перебилъ меня.

— Да въ ней вѣдь не про теперешнее время написано!—воскликнулъ онъ.—Въ ней про давнее время.

— Не все ли равно?

— Нѣ-ѣтъ, это вы напрасно!—почти обидѣлся онъ.—Теперь вотъ колдуновъ и вѣдьмъ нѣтъ, а тогда ихъ было сколько угодно.

— Почему же ихъ тогда было?

— Тогда народъ необразованный былъ, темный, онъ и допуская этими дѣлами заниматься...

Я началъ доказывать ему фактическую невозможность всего того, что рассказано въ книжкѣ, но онъ снова перебилъ меня уже съ задоромъ:

— Такъ по вашему и будущее предсказывать нельзя, и по звѣздамъ нельзя гадать, и сны и все прочее—одна глупость и чепуха? да?

— Да.

— Ну, а какъ же въ календарѣ все предсказывается—и выходитъ вѣрно? А вотъ еще, въ Ветхомъ Завѣтѣ, знаете, сонъ приснился Іосифу—и вышло какъ разъ, какъ ему снилось. А въ Евангеліи волхвы, которые пришли поклониться Младенцу? Отчего они пришли? Откуда узнали? А имъ звѣзда указывала путь, впереди шла и вела ихъ...

И онъ прибавилъ нѣсколько упавшимъ голосомъ:

— Вотъ вы читали намъ сказку „Золотые гуси“ (Слушатели такъ прозвали санскритскую поэму „Наль и Дамаянти“). Та мо-

жетъ быть и неправда. Тамъ сказано: „И былъ на небѣ богъ Кали“. Да развѣ же такой богъ могъ быть на небѣ? Вѣдь онъ хуже чорта былъ!..

— Сергѣй! да вѣдь все это сказка, вымыселъ!—воскликнулъ я.

— Сказка?—повторилъ онъ, устремивъ на меня растерянный взглядъ.—Ну, а какъ же тамъ написано: „Они сошли съ неба“? Тамъ вѣдь такъ прямо и написано...

Не менѣе характерныя разсужденія на эту же тему велись въ казармѣ кузнеца Николаемъ С., который былъ задѣтъ „скептицизмомъ“, но скептицизмомъ внѣшнимъ, безпочвеннымъ. Николай зналъ, что „ученые люди“ не вѣрятъ въ чертей и вѣдьмъ, ему тоже хотѣлось не вѣрить, но онъ никакъ не могъ найти почвы для своего невѣрія — и было что-то поистинѣ трагическое въ его метаніи, въ его колебаніяхъ отъ вѣры къ сомнѣнію.

Когда я читалъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“, какъ вѣдьма обратилась въ свинью, кошку и т. д., онъ воскликнулъ съ возмущеніемъ:

— Брехня!!

— Почему?—спросилъ его простодушно другой.

— Такъ! Развѣ вѣдьма можетъ обратиться въ свинью и кошку? Никогда въ жизни!

Дальше, когда кузнецъ Вакула отпускаетъ чорта, Николай воскликнулъ съ глубокимъ огорченіемъ:

— Ужъ отпустилъ?! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Чего онъ у него денегъ не попросилъ!..

Но, подумавъ, онъ добавилъ:

— А я думаю, что насчетъ чертей, — все это одна брехня. Ихъ нѣтъ и никогда и не было.

— Какъ, нѣтъ?—отозвался одинъ шахтеръ.—А вотъ въ писаніи сказано, что они есть.

— Что же, что сказано,—стоялъ на своемъ кузнецъ.—Можетъ они и были, да передъ Ноевымъ потопомъ. А теперь ихъ навѣрное нѣтъ. Никто ихъ не видалъ.

Его оппонентъ подумалъ.

— Такъ ты говоришь, что чертей нѣтъ? — спросилъ онъ опять.

— Говорю, что нѣтъ, что все это брехня!—отвѣтилъ категорически кузнецъ.

— Ну, а Богъ есть?

— Богъ есть...

— А ты его когда-нибудь видѣлъ? Откуда знаешь, что онъ есть?

Кузнецъ смутился, а его торжествующій оппонентъ продолжалъ:

— Если въ писаніи сказано, что есть черти — значитъ они

есть. Вотъ видѣлъ ты картинку, какъ черти тащатъ въ адъ грѣшника. Тамъ прямо нарисованы черти. Значить есть... *).

— Все это для остраски людямъ повыдумано,—сдѣлалъ попытку защищаться кузнецъ и, обратившись ко мнѣ прибавилъ:

— Вотъ, если бѣ книгу „Магія“ достать. Тамъ вотъ про все понаписано. Тамъ вотъ такія слова есть, что если ихъ знать, можно все сдѣлать. Только не видать этой книги...

И спохватившись, онъ прибавилъ уныло:

— А можетъ и ея на свѣтѣ нѣтъ, можетъ и это брехня. Или была такая книга, да передъ Ноевымъ потопомъ...

Черезъ нѣсколько дней, проснувшись ночью и увидѣвъ, что я еще не сплю, Николай вдругъ спросилъ меня, какъ-то быстро и категорически:

— Какъ думаешь, Семенъ, есть черти—или брехня?

— Брехня!—отвѣтилъ я ему столь же категорически.

— Такъ! Ну, а говорятъ еще бабы, что ночью вѣдьмы собираютъ звѣзды съ неба. Думаю, Семенъ, что и это брехня! Брешутъ бабы!

И не дожидаясь отвѣта, онъ бросился на свое жесткое ложе и тотчасъ же заснулъ.

IV.

При такомъ отношеніи народнаго читателя къ сказочному и сверхъестественному, не трудно представить себѣ, какъ онъ относится къ печатной сказкѣ.

Прежде всего надо отмѣтить, что большая часть народа, особенно старики и женщины, очень неохотно читаютъ и слушаютъ (особенно по праздникамъ) книжки, гдѣ фигурируютъ черти. Многіе считаютъ грѣшнымъ, опаснымъ и просто непріятнымъ произнесеніе имени чорта. Мнѣ неоднократно приходилось замѣчать, что когда я читалъ сказку о чертяхъ, часть слушателей уходила, не дослушавъ до конца.

Однажды, послѣ чтенія „Ивана Дурака“, одинъ мальчикъ мнѣ разказалъ:

— А бабка моя не послушала книжки. Какъ вы читали про маленькихъ „картанянь“ она слушала, а какъ про большого зачитали, она плюнула и ушла.

Въ другой разъ, при чтеніи этой же книжки на улицѣ, одинъ изъ слушателей, увидя свою жену, подходившую къ намъ, крикнулъ ей:

*) — Какъ это «чертей нѣтъ», когда ихъ намъ показывали на чтеніяхъ (чтенія съ туман. картинами)?—разсуждалъ одинъ изъ учениковъ тамбовской школы (Изъ дневника А. Н. Слетово-Черновой).

— И не подходи Анисья! Не стоитъ слушать! Про сволочь про разную читають!..

— А я думала, про что хорошее...—отвѣтила разочарованно Анисья и отошла. За нею ушелъ и мужъ.

Отмѣчаетъ это же самое и Н. А. Рубакинъ въ своихъ „Этюдахъ“.

«Въ имѣющихся у насъ отвѣтахъ, присланныхъ изъ деревень,—говоритъ онъ,—болѣе чѣмъ въ 149 читаемъ, что книжки съ чертями встрѣчаютъ чуть ли не повсеместное осужденіе со стороны взрослыхъ и пожилыхъ читателей. Только въ 37 отвѣтахъ говорится противное или, вообще, не встрѣчается осужденія. По выраженію деревенскихъ читателей, сказки съ чертями не хороши потому, что въ нихъ «говорится про чертей», или потому, что «тутъ много разныхъ черныхъ словъ» или «частыя призыванія антихриста». Крестьянинъ С. Т. Семеновъ, авторъ многихъ народныхъ изданій, сообщаетъ, что сказка «Иванъ Дуракъ» «многими бѣгается, потому что въ ней черти». Многие отцы, пишутъ изъ Воронежской губерніи, запрещаютъ своимъ дѣтямъ читать подобныя книги, находя ихъ не только пустыми, но даже антирелигиозными. Вотъ ихъ собственныя выраженія: «къ чему пригодны такія книжки? Въ нихъ только и говорится, что про чертей». Или такой случай: учительница даетъ своему ученику, 14—15-лѣтнему мальчугану, книжку «Первый винокуръ». Черезъ нѣсколько часовъ тотъ приноситъ ее обратно. —Что такъ скоро? Прочелъ развѣ?—Нѣту! Тятка бранится,—кажутъ, нечистыхъ нанесъ въ избу, не смѣй, кажутъ, читать... Несомнѣнно,—заключаетъ авторъ,—что масса деревенскихъ читателей относится къ сказкамъ съ чертями враждебно» *).

Однако, утверждать, что народъ *безусловно* враждебно относится къ сказкѣ съ чертями было бы, можетъ быть, нѣсколько рискованно. Рядомъ съ приведенными фактами, мнѣ пришлось отмѣтить, что не только рабочіе, даже крестьяне слушали съ громаднымъ интересомъ и искреннимъ восторгомъ сказки Толстого, въ особенности „Сказку объ Иванѣ Дуракѣ“. Не надо, наконецъ, забывать и того, что чортъ является излюбленнымъ героемъ многихъ чисто народныхъ сказокъ.

Но въ вопросѣ о сказочномъ элементѣ, въ народной книжкѣ есть другая сторона, болѣе важная и серьезная.

V.

Въ художественно-интеллигентной литературѣ элементъ сверхъестественный большей частью вводится или какъ символъ, или какъ художественный аксессуаръ. И чѣмъ проще, чѣмъ естественнѣе и, такъ сказать, чѣмъ „наивнѣе“ авторъ относится къ этому сверхъестественному, тѣмъ больше подчеркивается его объективность, тѣмъ художественнѣе кажется намъ произведеніе. Какъ было бы оскорблено наше эстетическое чувство, если бъ, предпо-

*) Стр. 145—146.

ложимъ, Шекспиръ какъ-нибудь оговорился, что вѣдьмы, появляющіяся въ Макбетѣ, на самомъ дѣлѣ не существовали!

При чтеніи такихъ произведеній впечатлѣніе художественности получается исключительно отъ того, что авторъ и мы стоимъ на одномъ и томъ же уровнѣ пониманія явленій природы или потому, что самъ авторъ, съ его примитивной психологіей, является для насъ тоже какъ бы художественнымъ аксессуаромъ (какъ, напр., въ народныхъ сказкахъ). Совершенно иное впечатлѣніе должны произвести на читателя изъ народа произведенія этого рода. Для него всѣ эти безтѣлесныя существа и фантастическія событія—не художественные аксессуары, а правда; онъ къ нимъ относится серьезно и, конечно, тѣмъ объективнѣе авторъ, тѣмъ болѣе усиливается не эстетическое удовольствіе, а увѣренность въ истинности описаннаго. И такимъ образомъ читатель сплошь и рядомъ приходитъ къ выводамъ диаметрально противоположнымъ тѣмъ, какіе желательны автору.

При чтеніи въ книгѣ „Воръ“ описанія, какъ темная масса звѣрски убиваетъ идеально-хорошаго человѣка (отца знакомаго намъ Алешки), подозрѣвая его въ колдовствѣ, и крестьяне, и рабочіе не только не выражали своего сочувствія невинной жертвѣ, но были всецѣло на сторонѣ массы. Когда авторъ отъ себя замѣчаетъ, что толпа ни за что убила невиннаго человѣка, одинъ крестьянинъ разсмѣялся.

— Ни за что! Хорошаго человѣка! Какъ „ни за что“, ежели онъ колдовствомъ занимался!

При чтеніи этой же потрясающей сцены на рудникѣ слушатели весело хохотали:

— Лу-упять! Здорово лупить, ха-ха!

— За-акатили ему!

— Не испугались, значить, что колдунъ!

— Молодцы, ребята! Пусть знаетъ, какъ такими дѣлами заниматься!—и т. д.

Въ упомянутой раньше статьѣ г-жи Е. Волковой, мы находимъ очень характерную страницу, посвященную описанію впечатлѣній, которое производили на слушателей нѣкоторыя книжки, направленные противъ суевѣрій. Приведемъ цѣликомъ эту страницу:

«Еще въ I томѣ книги «Что читать народу», указано было, что чтеніе книжки Парунова «Народные предрасудки и суевѣрія», имѣющей цѣлью борьбу съ этими предрасудками и суевѣріями, привело какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ: книга никого не разубѣдила, напротивъ, она только оживила въ памяти слушателей множество разсказовъ о домовыхъ, лѣшихъ и т. п.

«То же самое замѣтила и я. Читаю я какъ-то небольшую книжечку изд. книжн. склада Калмыковой «Тяжкіе грѣхи темныхъ людей», и слушатели на каждой страницѣ прерываютъ меня, съ увлеченіемъ разсказывая мнѣ без-

численное множество своихъ повѣрій. «Что городъ. то норовъ, что деревня, то обычай», справедливо говоритъ пословица.

«Неудивительно, что въ книгѣ попадались повѣрья и обычаи, записанныя въ другомъ концѣ нашей обширной равнины, но незнакомыя въ нашихъ муромскихъ лѣсахъ. И надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ прислушивались къ нимъ сидѣвшіе вокругъ меня мужики и бабы.

— Ну-ка, прочти еще разъ, у насъ въ деревнѣ этого нѣтъ,—просятъ они, съ глубокимъ интересомъ слѣдя за чтеніемъ, и по ихъ лицамъ я вижу, что всей душой готовы они принять и запомнить эти новые, незнакомые имъ еще обычаи и примѣты.

— А мы этого и не знали,—говорятъ нѣкоторые съ сожалѣніемъ.

«Существуетъ въ народѣ повѣрье, что по ночамъ домовой ѣздитъ на лошадихъ и заплетаетъ имъ косы. Встрѣчая его въ книгѣ, слушатели весело смѣются и, утвердительно кивая головой, говорятъ:

— Вѣрно, вѣрно, это и у насъ есть.

«Но вотъ авторъ начинаетъ доказывать всю неосновательность этой вѣры въ домового и довольно обстоятельно поясняетъ, что причиной всему маленькій звѣрекъ ласка, который ѣздитъ по спинѣ и ногамъ лошади и запутываетъ ее гриву.

— Вонъ что, вонъ что!—замѣтила Акулина Б., не молодая, умная женщина и стала внимательно слушать, даже работу свою бросила. Глядя на вдумчивое, серьезное выраженіе ея лица, я подумала, что на этотъ разъ авторъ не напрасно потратилъ время, но мое предположеніе не оправдалось. Кончивъ о домовомъ, я поглядѣла на свою сосѣдку; она снова принялась за работу, и на лицѣ ея играла уже усмѣшка.

— Ужъ какъ хочешь тамъ называй, ласка ли, домовой ли—это все равно, только у насъ мужики за всегда примѣчаютъ,—у которой лошади грива больше заплетена, та жирѣе, такъ и говорятъ, что она ко двору. Почему же лошадь-то жирѣе дѣлается?—обратилась она ко мнѣ съ вопросомъ:—нѣтъ, тутъ что-то не такъ,—добавила она, недовѣрчиво взглянувъ на книгу. Да и какъ иначе она могла смотрѣть на нее?..

«Что касается колдуновъ, противъ которыхъ направлены нѣсколько страницекъ этой книжки, то всѣ старанія автора оказались напрасны.

— А колдуны все же есть,—настойчиво произнесла одна женщина, и глаза ея, съ явной насмѣшкой устремленные на книжку, какъ будто говорили:

— Ужъ какъ ты тамъ не разсуждай, а меня не обманешь*).

VI.

Народъ вѣритъ въ существованіе чорта, но не всегда представляетъ его себѣ въ опредѣленной формѣ. Когда же онъ встрѣчаетъ яркое и художественное описаніе его, онъ становится существомъ ужъ совершенно реальнымъ. Помимо этого, книжка, та самая книжка, которая часто направлена на искорененіе суевѣрія въ народѣ, является для темнаго человѣка лишнимъ доказательствомъ существованія чорта. Къ авторитету стариковъ прибавляется еще авторитетъ печатнаго слова. Если бъ чертей не было, о нихъ не стали бы писать въ книжкахъ.

*) «Чтенія въ деревнѣ и отношеніе къ нимъ 'крестьянъ'. «Образованіе» 1897. № 4.

При чтеніи „Вія“ въ аудиторіи г-жи Алчевской одинъ изъ слушателей замѣтилъ:

- «Вѣрно они существуютъ, когда ихъ описываютъ».
- «Да, можетъ быть, и не существуютъ, да промѣж людьми разсказываютъ, а грамотные описываютъ,—усомнился другой».
- «Въ старину было,—примирилъ ихъ третій *).

Послѣ чтенія „Русалки“ Пушкина одна изъ слушательницъ воскликнула вызывающимъ тономъ:

- «Вотъ и говорятъ, что не существуетъ русалокъ!»
- «Да и не существуетъ,—отвѣтила ей другая.—Развѣ-жъ не слыхала что это сказка?»
- «Въ книгѣ не напишутъ того, что не бываетъ,—стояла твердо на своемъ первая. (Стр. 563).

Такой же разговоръ былъ и по поводу „Амура и Гименея“. По окончаніи чтенія одна женщина замѣтила со вздохомъ:

- «Вотъ и говорятъ, что вѣдьмъ нѣтъ!»
- «А развѣ-жъ кто говоритъ, что нѣтъ?—спросила ее сосѣдка».
- «Оедька говорить: не вѣрю, врутъ». (Стр. 449).

Послѣ чтенія фантастической сказки „Осьминогъ Вакулъ“, кто-то спросилъ:

- «Могла ли случиться вся эта исторія?»
- «Говорятъ, что бываетъ, что въ книгѣ понапрасну не напишутъ» (Стр. 228, Т. I),—отвѣтилъ другой.

„Макбетъ“ вызвалъ у одной слушательницы восклицаніе:

- «Говорятъ нынѣ, вѣдьмъ нѣтъ, а кто же ему (Макбету) предсказалъ все, какъ не вѣдьмы». (Стр. 261).

По поводу „Страшной мести“ Гоголя одна изъ развитыхъ ученицъ городской школы замѣтила:

- «Кажется, тутъ многое и не могло случиться, а какъ слушаешь—всему рѣшительно вѣришь». (Стр. 484).

Слушатели иногда не прочь были по книжкѣ и пополнить свои знанія относительно чертей и всякихъ сверхъестественныхъ силъ и явленій. Въ аудиторіи г-жи Алчевской очень внимательно слушались разсказы странницы о неправедныхъ судьяхъ и песь-ихъ головахъ („Гроза“ Островскаго) и одна изъ слушательницъ замѣтила со вздохомъ:

- «Хоть разскажутъ, спасибо!» (Стр. 515).

А при чтеніи разсказа Н. Успенскаго «Пономарь Савельичъ» одинъ изъ слушателей, внимательно слѣдившій за чтеніемъ «заговоровъ», которыми занимался Савельичъ, но узнавшій потомъ отъ чтицы, что все это не серьезно, проговорилъ разочарованно:

*) Т. II, стр. 480.

— «А я ужъ хотѣлъ просить, нельзя ли мнѣ это списать, можетъ быть и мнѣ грѣшному помогло бы». (Стр. 176).

IX. Мотивы и процессъ творчества въ представленіи народнаго читателя.

I.

Рядомъ съ вопросомъ о „фактической правдѣ“ и въ связи съ нимъ, слушателей моихъ больше всего занималъ вопросъ о литературномъ творествѣ. Какіе мотивы руководили человѣкомъ, писавшимъ книжку? Какимъ образомъ узналъ и описалъ онъ такъ вѣрно и жизнь, и разговоры чужихъ людей, даже ихъ мысли?

Что касается личности писателя, то къ ней слушатели не проявляли рѣшительно никакого интереса. Они никогда не интересовались узнать ни имени автора книжки, ни какихъ-нибудь свѣдѣній о его личности. Для нихъ было ясно одно, что авторъ—человѣкъ иной, не ихъ среды: малограмотный крестьянинъ или рабочій никогда не напишетъ такъ складно, да у него и времени нѣтъ на такое занятіе. И не смотря на глубокое почтеніе слушателей къ печатному слову вообще — въ ихъ отношеніи къ писателю было мало уваженія. Въ воображеніи слушателей составитель книжки, повидимому, рисовался въ образѣ не то писаря, не то адвоката, не то просто празднаго балагура. И отношеніе къ нему обыкновенно было какое-то легкое, полупрезрительное и не совсѣмъ дружелюбное. Если кто-либо и вспоминалъ о томъ, „кто писалъ эту книжку“, то онъ обыкновенно начиналъ словами: „И-и чортъ его знаетъ!“ „И шутъ его вѣдаетъ!“ „И будь же онъ проклятъ!“ „И хай же ему провалиться!“ *). Одинъ шахтеръ, недовольный „Севастопольскими разсказами“, воскликнулъ сердито:

— Ну, попался бы мнѣ тотъ, кто писалъ эту книжку—задалъ бы я ему! Отломалъ бы бока здорово! Сказано, что будетъ написано про „дѣйствія“, а онъ, замѣсто того, чортъ знаетъ что написалъ: бомбы валяются, солдаты трубки курятъ!.. Гадость!какая!

— Да онъ же деньги за это беретъ,—отвѣтилъ ему другой.

*) Даже въ аудиторіи г-жи Алчевской, гдѣ учительницы часто говорили и разсказывали слушателямъ объ авторахъ читаемыхъ книгъ, тоже не высказывалось ни особеннаго интереса, ни особеннаго почтенія къ личности автора. Единственная похвала автору, которую я нашелъ во всемъ. П томъ, была высказана въ довольно-таки легкой формѣ. По поводу баллады «Женить» кто-то воскликнулъ:

— «Молодецъ Пушкинъ! Умѣлъ сочинять!»

И Х. Д. Алчевская прибавляетъ при этомъ, что фамилію поэта слушатели вѣроятно помнили, «благодаря сосѣдству помѣщика Пушкина». (Стр. 445).

II.

„Деньги беретъ“... Иначе, болѣе высокаго мотива писательской дѣятельности большинство слушателей не допускали, даже не подозрѣвали.

При чтеніи разсказа „Какъ обходиться со скотомъ“ одинъ крестьянинъ воскликнулъ презрительно:

— И не подѣвился же человѣкъ написать!

— Всякому ѣсть хочется,—отвѣтилъ ему сентенціозно другой.

По поводу „Власти тьмы“ было много разговоровъ на тему, что *они* знаютъ, что описывать.

— Денежки нужны—и пишутъ,—пояснилъ кто-то. То же самое и по поводу „Ночи передъ Рождествомъ“. На чье-то восклицаніе:—„И чепуха-жъ!“ другой отвѣтилъ:

— А что же. За книжку берутъ 1½ копѣйки. Ну, скажемъ, грошъ навѣрное ему остается—онъ и пишетъ... *)

Раза два, впрочемъ, мнѣ случилось слышать объясненіе мотивовъ писательской дѣятельности не однимъ „грошомъ“. При чтеніи книжки „Гуссъ“ одинъ крестьянинъ заговорилъ задумчиво:

— Видишь, они его, значить, мучили, а онъ все на своемъ стоялъ, не сдавался. Ну *имъ* это, значить, любопытно стало и удивительно, они и написали въ книжкѣ.

Въ другой разъ, по прочтеніи въ какой-то книжкѣ эпиграфа изъ Некрасова, Л—скій, молодой кое-что читавшій шахтеръ, о которомъ ужъ было упомянуто, воскликнулъ съ восторгомъ:

— А-а! Некрасовъ! Вотъ былъ душевный писатель! Все про народъ, про его горькую жизнь писалъ. А тамъ разныхъ... дипутатовъ, ихъ онъ не уважалъ, не писалъ про нихъ.

*) Такое отношеніе слушателей къ писателю объясняется, можно полагать, тѣмъ, что человѣкъ изъ народа вообще не привыкъ видѣть отъ людей чужой ему среды какихъ-нибудь безкорыстныхъ поступковъ. Въ „Хроникѣ воскресныхъ школъ“, составленной М. Н. Салтыковой, нѣсколько разъ отмѣчается это недовѣріе народа къ безкорыстію людей, которые даже внушаютъ ему искреннее уваженіе. Ученицы,—сообщаетъ г-жа А. Знаменская, учредительница симбирской школы,—«никакъ не могли помириться съ мыслью, что учительницы школы берутъ на себя этотъ трудъ совершенно безвозмездно, что ни отъ кого ничего онѣ за это не получаютъ. «Ужъ быть того не можетъ! Ужъ медали какія ни на есть, а дадутъ вамъ за это!» — говорили онѣ» (стр. 53). Этотъ же вопросъ былъ заданъ учительницѣ попелянской школы, г-жѣ Урсыновичъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся ея учениковъ, крестьяниномъ лѣтъ 25-ти: «онъ очень интересовался, для чего открыли мы воскресную школу, какая намъ отъ этого польза. «Жалованье вы будете получать или вамъ за это какая награда будетъ?» (стр. 74) и др.

III.

Что больше всего и сильнѣе всего интересовало слушателей—это вопросъ о художественномъ творествѣ. Это была для нихъ какая-то неразрѣшимая загадка, и они постоянно возвращались къ этому вопросу, подыскивая ему всевозможныя объясненія.

Если описанное въ книжкѣ „какъ есть наша жизнь“, „самая правда“, если все это такъ и случилось—то какимъ образомъ какой-то человѣкъ, да еще чужой, ухитрился все это узнать и такъ подробно описать, со всѣми разговорами, всѣми движеніями, всѣми мыслями? И слушатели—и мои, и положительно всѣхъ, кто устраивалъ подобныя же чтенія,—останавливались съ недоумѣніемъ передъ этимъ вопросомъ.

При чтеніи въ аудиторіи г-жи Алчевской разсказа „Воръ“ слушатели восклицали:

— Ой, Боже-жъ мой! Точно онъ на душѣ сидѣлъ! Ну, скажемъ къ примѣру, портретъ (картина): взомель онъ на высокую гору, всмотрѣлся, всмотрѣлся и написалъ, а это-жъ какъ? *).

Эти же удивленія были и при чтеніи „Поликушки“ Толстого

— И какъ стоялъ, и какъ говорилъ—все опишетъ! — объясняли мужикъ Демьянъ, обуреваемый вѣчно гнетущими его вопросами о томъ, кто такой сочинитель, какимъ образомъ творить онъ свои произведенія, откуда черпаетъ свои матеріалы и т. п.

— То бы еще ничего, а онъ опишетъ и того, что молчить, будто онъ у тебя передъ глазами **).

Въ большинствѣ случаевъ слушатели рѣшали этотъ вопросъ, просто и примитивно: онъ описываетъ то, что видѣлъ или слышалъ.

По прочтеніи „Упустишь огонь—не потушишь“, одинъ крестьянинъ воскликнулъ:

— И шутъ его знаетъ того, кто это писалъ! Ну, вотъ должно непременно подъ хатами у мужиковъ стоять и всѣ ихніе разговоры слушать!

По поводу разсказа „Четыре дня“ было высказано слѣдующее предположеніе:

— И настрадался же бѣдный солдатикъ! Ну, а потомъ онъ разсказалъ все это тому доктору, что его лѣчилъ, а тотъ взялъ и написалъ въ книжку.

— И кто это такъ умудрился, написалъ, точно онъ былъ въ деревнѣ и подслушалъ все, что мы говоримъ!

воскликнула съ искреннимъ удивленіемъ одна изъ слушательницъ

*) Что чит. нар. Т. II, стр. 109.

**) Тоже, стр. 145.

г-жи Волковой, по прочтении одного рассказа Гл. Ив. Успенского *).

Тѣ же объясненія и у г-жи Алчевской.

— И какъ это онъ все такъ хорошо, складно сочинялъ? — сказалъ одинъ изъ крестьянъ о Пушкинѣ.

— Да такъ: гдѣ ни ходитъ, вездѣ присматривается — что и какъ; онъ же того нищетъ **).

— Люди врутъ, а онъ и себѣ! что услышитъ, то и запишетъ! — объясняли еще одинъ творчество Гоголя ***).

Слушая „Бѣжинъ лугъ“, крестьяне объясняли творчество Тургенева такъ:

— А онъ лежить, будто спать, наблюдаетъ, хитрецъ; даромъ, что заблудился, а свое дѣло дѣлаетъ! Нужно же разсмотрѣть какъ слѣдуетъ, чтобы чего-нибудь не выпустить изъ памяти ****) и т. д.

И слушатели старались въ этомъ духѣ объяснять всѣ особенности художественныхъ произведеній. Въ рассказѣ „Жервеза“ идетъ очень длинное описаніе кузницы, и одна изъ слушательницъ объясняетъ это такъ:

— Это оттого длинно тянется, что большая кузница описывается. Если бы маленькая описывалась, оно бы скорѣе кончилось. (Тоже, стр. 84).

Во „Власти тьмы“ между однимъ дѣйствіемъ и другимъ проходитъ шесть мѣсяцевъ — и по этому поводу идутъ такіа разсужденія:

— Онъ (авторъ), должно быть, не былъ тамъ шесть мѣсяцевъ, потому чего не знаетъ, а потомъ приѣхалъ и узналъ какъ и что (стр. 125).

Не всѣ, однако, слушатели удовлетворялись такимъ примитивнымъ объясненіемъ литературнаго творчества; нѣкоторые сознавали, что „увидѣть“ „услышать“ еще недостаточно для того, чтобы написать.

При чтеніи рассказа „Бабья доля“ одинъ крестьянинъ воскликнулъ смѣло:

— И не полѣнился же человѣкъ подслушивать всякіе разговоры!

— Да гдѣ ты ихъ столько услышишь, — возразилъ другой.

— Тутъ разговоровъ столько, что за день ихъ не выговоришь...

— Да можетъ ихъ и ночью говорили?

— Да это просто баба какая рассказала, а онъ написалъ, — замѣтилъ женщина.

— А попробуй-ка написать ты! Тутъ, смотри, все какъ есть написано.

*) «Чтенія въ деревнѣ и отношеніе къ нимъ крестьянъ», «Образованіе» 1897 г., № 4.

**) Что чит. нар. Т. II, стр. 460.

***) Тоже, стр. 488.

****) Тоже, стр. 497.

— Та-акъ и липѣ (липнѣть), та-акъ и липѣ! — проговорила старуха не то сокрушенно, не то съ удивленіемъ и вздохнула.

По поводу разсказа „Водка сильна“ и т. д. кто-то воскликнулъ:

— И напишутъ же! И откуда все это выпишутъ?

— Напишетъ одинъ письмо, а другой прочтаетъ, а то и самъ увидитъ или услышитъ, ну и напишетъ!

— А напиши ты!

— Да я неграмотный.

— Да тутъ развѣ грамота? Грамотныхъ много, а не всякій напишетъ.

Слушатели этого рода уже высказали предположенія о „выдумкѣ“.

При чтеніи „Наль и Дамаянти“ на чей-то вопросъ: „Правда ли это?“—другой задумчиво отвѣтилъ:

— Кто его знаетъ. Наверно этого сказать нельзя. Вѣрнѣе — никогда этого не было. А просто: сидитъ себѣ человѣкъ и думаетъ. Надумаетъ немного — и напишетъ, потомъ опять надумаетъ и опять напишетъ, пока всего и не выдумаетъ. Вѣрнѣе, что такъ оно было.

По поводу разсказа „Дѣдъ Софронъ“ слушатели г-жи Алчевской, рядомъ съ обычными предположеніями „видѣлъ, слышалъ, описалъ“, высказывали мысль и о выдумкѣ.

— Да кто-жъ это слышалъ эту исторію, точно онъ тамъ былъ, кто просѣдилъ? — спросилъ одинъ.

— А можетъ услышалъ отъ кого-нибудь?

— А можетъ быть, грамотный, да самъ отъ себя: сегодня сдѣлалъ записалъ (запись?), завтра сдѣлалъ — записалъ, вотъ и вышла исторія. Доходятъ, досматриваются, описываютъ.

— А можетъ быть, изъ своей головы сочиняетъ?

— А можетъ пріѣхалъ въ село, въ одно семейство втерся, да и пишетъ.

— Это все притчи, на поученіе намъ, вотъ что! *).

— Вотъ тотъ, кто пишетъ, — говорилъ одинъ изъ слушателей по поводу «Пономаря Савельича», — онъ, можетъ быть, и самъ этому (заговорамъ) не вѣритъ, а такъ, примѣръ такой описываетъ, да и только.

— Можетъ быть, онъ отъ кого-нибудь услышалъ, а, можетъ быть, и такъ, изъ головы пишутъ **).

Нѣкоторые изъ слушателей, преимущественно рабочіе, иногда даже выдѣляли писателей въ особый разрядъ людей, въ какую-то корпорацію, при чемъ большей частью не особенно лестно характеризовали ихъ.

По прочтеніи разсказа Левитова „Безпріютный“, одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— И чортъ ихъ знаетъ, чего только не придумаютъ, чего не напишутъ!

*) Тоже, стр. 78.

**) Тоже, стр. 176.

— Извѣстное дѣло, сочинители,—отозвался другой.—Вѣдь они жъ какъ? Что ни увидать, то и опишутъ.

— И отъ себя приврутъ!—прибавилъ третій.

— Какъ книги пишутъ — извѣстно,—замѣтилъ одинъ босякъ при чтеніи „Іуліанъ Милостивый“.

— Тутъ, можетъ быть, пять словъ какихъ правды будетъ, а все прочее сочинитель самъ придумаетъ.

По поводу „Кавказскаго плѣнника“ Толстого:

— Имъ только бы слово какое схватить, а все остальное они ужъ сами приплетутъ. Что ни придетъ въ голову напишутъ!—замѣтилъ одинъ шахтеръ.

— Ну-да, приплетутъ,—поддержалъ его горячо кузнецъ.—Вѣдь они, какъ ихъ тамъ, тихотворцы ихніе, вѣдь имъ что? Имъ только р-разъ посмотрѣть на человѣка,—одинъ только разъ!—и готово—квитъ! Они ужъ его знаютъ. Кругомъ какъ есть знаютъ, насквозь. А потомъ, какъ захотятъ, опишутъ его хорошо, что лучше и не надо, любо дорого. А чуть что онъ не по ихнему—сто-ой! Ужъ они, братъ, спуску не дадутъ. Такъ опишутъ, такъ распишутъ они тебя,—что, ей Богу, читать стыдно!.. Д-да! На это они мастера—страсть!

С. Ан—скій.

Сельскія общественныя библіотеки въ Вятской губерніи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вятское губернское земство сдѣлало опытъ устройства въ губерніи цѣлой сѣти маленькихъ сельскихъ библіотекъ, имѣющихъ главною своею цѣлію приблизить книгу къ населенію. Въ 1899 году, чтобы выяснитъ результаты этого опыта, земствомъ произведено было особое обслѣдованіе, при помощи разсылки опросныхъ листовъ лицамъ, завѣдующимъ сельскими библіотечками. Данныя, полученныя при этомъ обслѣдованіи, сведены и опубликованы въ недавно вышедшемъ „Статистическомъ Ежегодникѣ Вятской губерніи“ за 1899 г. (въ очеркѣ Н. М. Платонова „Сельскія общественныя библіотеки въ Вятской губерніи“).

Такъ какъ опытъ вятскаго земства несомнѣнно представляетъ большой интересъ, то мы позволимъ себѣ, пользуясь указанною работою г. Платонова, познакомить съ нимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, читателей „Русскаго Богатства“.

I.

Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣропріятіяхъ вятскаго земства на пользу народнаго образованія, принадлежалъ бывшему предсѣдателю вятской губернской земской управы, покойному А. П. Батуеву.

По его предложенію, отъ имени губернской управы былъ внесенъ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія (въ 1894 г.) проектъ устройства въ предѣлахъ Вятской губерніи *трехъ тысячъ* пятирублевыхъ библиотечекъ на средства губернскаго земства. По приблизительному расчету каждая библиотечка должна была состоять изъ ста книжекъ, изъ числа допущенныхъ въ народныя библиотеки и читальни и въ библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Книги намѣчались: 1) религіозно-нравственнаго содержанія, 2) справочнаго характера—календари, законоположенія о крестьянахъ и т. п., 3) учебники по всѣмъ отраслямъ знанія (примѣнительно къ крестьянскому пониманію), 4) беллетристика и историческія книги, 5) книги по сельскому хозяйству и различнымъ отраслямъ техники.

Цѣлью библиотекъ ставилось: предупредить рецидивъ безграмотности, распространить знаніе въ народѣ и сдѣлать книгу возможно близкой и доступной крестьянамъ. „Не только желательно, а и прямо необходимо, говорилось въ докладѣ управы, чтобы въ каждомъ глухомъ, заброшенномъ углу населеніе находило въ книгѣ отвѣты на всѣ свои запросы, отвѣты ясные, простые, приноровленные къ пониманію крестьянина... Каждый желающій и нуждающійся долженъ имѣть книги подъ руками, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ обществѣ, если не въ каждой деревнѣ“. Для приобрѣтенія книгъ для библиотекъ, на льготныхъ условіяхъ, управа предполагала войти въ сношеніе съ книготорговцами и книгоиздателями, а въ случаѣ надобности организовать и собственную издательскую дѣятельность земства. Относительно книгъ, не вошедшихъ въ каталоги одобренныхъ для народныхъ библиотекъ, имѣлось въ виду возбудить, въ установленномъ порядкѣ, особые ходатайства.

Пользованіе книгами предполагалось бесплатное. Завѣдующій библиотекой (бесплатный), по проекту управы, долженъ былъ выбираться самимъ сельскимъ обществомъ. Въ случаѣ неизбранія или отказа избраннаго лица—библиотекаремъ могъ быть каждый желающій, грамотный крестьянинъ. Всякій завѣдующій утверждался лишь съ согласія инспектора народныхъ училищъ, земскаго начальника и мѣстнаго священника *) (у право-

*) На дѣлѣ вышло такъ: получивъ черезъ уѣздную управу согласіе или

славныхъ). Библіотеки предполагалось имѣть въ каждомъ сельскомъ обществѣ.

Расходы по организаціи сельскихъ библіотекъ исчислены были въ 15.000 руб. одновременно (на заведеніе 3.000 пятирублевыхъ библіотекъ), и затѣмъ по 3.000 рублей ежегодно, на ихъ пополненіе (по 1 руб. на каждую).

Предложеніе это послѣ долгихъ и горячихъ преній было принято большинствомъ собранія. А возраженій было много. Указывалось и на крайнюю скудость самой суммы (пять рублей) и, значитъ, на неизбѣжную ограниченность состава библіотеки. Къ тому же, говорили, книги скоро истреплются, пропадутъ и т. д., такъ что эти 15 тысячъ будутъ даромъ брошенными деньгами.

Взаимнѣ того предлагали устроить немного, но за то хорошихъ библіотекъ, примѣрно, рублей на 250 каждая и т. п.

Въ отвѣтъ на такое предложеніе защитники проекта управы указывали, что большими библіотеками не будетъ достигнута главная цѣль—сдѣлать книгу доступной массѣ населенія. Волей неволей большихъ библіотекъ будетъ немного и онѣ сконцентрируются, а не будутъ разбѣяны среди всего населенія.

Какъ мы уже сказали, проектъ г. Батуева былъ принятъ большинствомъ собранія и необходимыя средства были ассигнованы.

II.

Черезъ годъ дѣйствовало уже 1895 библіотечекъ, библіотекари которыхъ были утверждены губернаторомъ.

Составленіе библіотекъ доставило управѣ массу хлопотъ. Для пріобрѣтенія книгъ пришлось войти въ сношеніе съ цѣлымъ рядомъ лицъ: авторовъ, издателей, книготорговцевъ; большія затрудненія представлялъ и выборъ нужныхъ книгъ изъ скуднаго каталога одобренныхъ для народныхъ библіотекъ изданій. Сношенія съ авторами и издателями увѣнчались значительнымъ успѣхомъ: многіе изъ нихъ предложили управѣ весьма льготныя условія, имѣя въ виду массовое распространеніе книгъ и сочувствуя самой цѣли устроенія народныхъ библіотекъ. Такъ, г. Дружининъ уступилъ 1.000 экз. своей книги „Познаніе законовъ“ со скидкой 95% процентовъ (5 коп. вмѣсто 1 руб. за каждый экземпляръ); Вольное экономическое общество продало 3 тысячи экземп. брошюры „Какъ водить пчелъ“, по заготовительной стоимости (скидка 72%); г. Глазуновъ уступилъ 50%, Библейское общество (3.000 экз. Новаго Завѣта и Псалтири) скинуло $\frac{1}{3}$ стоимости, К. И.

одобреніе отъ всѣхъ вышеуказанныхъ лицъ, губернская управа ходатайствуетъ передъ губернаторомъ объ утвержденіи «одобреннаго» крестьянина въ званіи завѣдующаго пятирублевой библіотекой. И эта процедура (minimum полгода) повторяется при каждой смѣнѣ библіотекаря.

Тихомировъ и г-жа Калмыкова 35%; г. Сытинъ 40%; Харьковское общ. грамотн., гг. Ледерле, Фену и друг.—30%; покойный Ф. О. Павленковъ напечаталъ для вятскаго земства свое изданіе „Свѣтъ божій“ за 18 коп. вмѣсто 30 к.; Д. И. Тихомировъ издалъ свое сочиненіе „Изъ исторіи родной земли“ за 45 коп. вмѣсто 90 к. и т. д. Затѣмъ нѣкоторые авторы за небольшой гонораръ позволили управѣ перепечатать въ 3.000 экз. свои труды. Такъ, Н. Н. Блиновъ разрѣшилъ издать всѣ восемь брошюръ „Сельская общественная служба“, докторъ Вишневскій — три книжки „О сохраненіи здоровья“; г. Лаврентьевъ свою „Географію Вятской губерніи“; издатель Сосницкій разрѣшилъ напечатать романы Лажечникова „Басурманъ“ и „Ледяной домъ“; г. Ледерле — переводъ романа Вальтеръ-Скотта „Айвенго“. Кромѣ того, самой управой былъ изданъ цѣлый рядъ сборниковъ и отдѣльных произведеній Лермонтова и Пушкина. Намѣчены были къ печати „Хижина дяди Тома“ и „Робинзонъ Крузе“. Стремясь къ расширенію каталога, губернская управа обратилась въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о допущеніи въ народныя библіотеки нѣкоторыхъ сочиненій.

Мы не будемъ утомлять читателей подробностями и цифрами изъ исторіи постепеннаго развитія общественныхъ библіотекъ, не будемъ перечислять и той массы препятствій, съ которыми пришлось столкнуться вятскому земству. Во всемъ этомъ недостатка не было. Раздавались несочувственныя начинаніямъ управы рѣчи даже и въ стѣнахъ земскаго собранія. Такъ, на очередномъ собраніи 1896 г., послѣ прочтенія доклада управы о сельскихъ библіотекахъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства Н. А. Чегодамовъ произнесъ длинную рѣчь, суть которой сводилась къ тому, что, какъ по его, Чегоданова, мнѣнію, такъ и по мнѣнію г. попечителя казанскаго учебнаго округа, „духовенство должно быть хозяиномъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія ввѣренныхъ ихъ руководству прихожанъ“, значить, духовенство и должно „контролировать духовную пищу“ своей паствы. О. Чегодамовъ изумлялся, „почему управа, зная все это, всетаки распространяетъ дешевыя библіотеки, безъ сообщенія священникамъ-наблюдателямъ, когда и кому посланы эти библіотечки и часто даже не сообщаетъ имъ списковъ высланныхъ въ библіотеки книгъ... „А между тѣмъ, въ обращеніи среди народа, встрѣчаются книги, неодобренныя или не могущія быть одобренными для народнаго чтенія,—напримѣръ: „О попѣ и работникѣ его Балдѣ“ соч. Пушкина, изд. Павленкова, „Хозяинъ и работникъ“, „Свѣчка“, „Три старца“ и тому подобныя тенденціозныя произведенія графа Л. Н. Толстого, „Русалка“ Пушкина, въ которой рекомендуется развратъ за деньги (sic!), „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, изданіе „Посредника“—книга, запрещенная духовнымъ начальствомъ и много другихъ книгъ, не значащихся въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ

для народа. Священники недоумѣваютъ, откуда народъ получаетъ такія книги. Конечно, не отъ земства,—оно не станетъ подрывать основы, на коихъ зиждется нравственный строй нашего православнаго народа... Естественно предполагать, что уже появляются непрощенные радѣтели народнаго просвѣщенія... Они-то, прикрываясь именемъ земства или надѣясь быть незамѣченными, въ виду усиленнаго стремленія просвѣщать народъ путемъ народныхъ чтеній или путемъ какъ можно большаго распространенія книгъ, по внушенію, быть можетъ изъ Цюриха, Женевы и тому подобныхъ просвѣтительныхъ центровъ, стремятся распространять въ народѣ недозволенные и тенденціозныя книги и тѣмъ, конечно, не только не содѣйствуютъ, а противодействуютъ благимъ начинаніямъ земства и въ то же время возбуждаютъ несправедливыя и незаслуженныя на него нареканія, что будто бы земствомъ распространяются такія книги“... *)

Въ отвѣтъ на эти обвиненія управа сослалась на утвержденный уставъ библіотекъ и на каталоги допущенныхъ книгъ.

Несравненно серьезнѣе были недоразумѣнія на почвѣ примѣненія циркуляра и. д. вятскаго губернатора (въ сентябрѣ 1896 г.) о согласованіи состава народныхъ библіотекъ съ только что изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія каталогомъ книгъ, допущенныхъ для обращенія въ этихъ библіотекахъ.

Библіотеки были составлены до изданія этого каталога и въ нихъ вошла часть книгъ по каталогамъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому губернская управа (въ январѣ 1897 г.) представила губернатору каталоги библіотекъ съ подробными разъясненіями и просила, чтобы ревизія библіотекъ полиціей производилась по даннымъ спискамъ, а не по новому министерскому каталогу. Въмѣстѣ съ тѣмъ управа просила увѣдомить ее, какія именно книги не могутъ быть разрѣшены по мнѣнію губернатора, чтобы своевременно изъять ихъ изъ состава 5 руб. библіотекъ, помимо полиціи. Ходатайства эти не увѣнчались, однако, успѣхомъ и, согласно циркуляру губернатора, чинами полиціи была произведена ревизія пятирублевыхъ библіотекъ по новому министерскому каталогу, при чемъ всѣ незначившіяся въ немъ книги были изъяты и сложены на храненіе при полицейскихъ управленіяхъ; списки же изъятыхъ книгъ представлены губернатору **).

Къ сожалѣнію, въ работѣ г. Платонова ничего не сказано, какова была дальнѣйшая судьба этихъ злополучныхъ книгъ.

Управѣ пришлось лишь печалиться передъ собраніемъ по поводу постигшаго новое дѣло довольно существеннаго матеріальнаго и моральнаго ущерба... Изъято было 28 изданій (считая

*) См. Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1899 г. I. с. стр. 127.

**) См. Статистическій Ежегодникъ Вят. губ. за 1899 г. стр. 131.

2.600 библиотекъ, получимъ цифру экземпляровъ изъятыхъ книгъ около 73 тыс.).

Должно замѣтить, что въ январѣ того же 1897 г. губернская земская управа обращалась въ ученый комитетъ со спискомъ книгъ, не вошедшихъ въ министерскій каталогъ. Отвѣта не послѣдовало. 5 мая губернская управа представила въ ученый комитетъ всѣ книги (по 3 экз. каждую), вошедшія въ составъ сельскихъ библиотекъ, и просила не въ очередь рассмотреть ихъ и разрѣшить къ обращенію. При этомъ управа просила разъяснить, можно-ли на будущее время включать въ составъ сельскихъ библиотекъ книги, разрѣшенныя для начальныхъ народныхъ училищъ, низшихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ чтеній, но не вошедшія въ каталогъ для народныхъ библиотекъ. Ко времени очереднаго собранія (1897) отвѣта не было получено.

Въ дополненіе къ вышесказанному прибавимъ, что, по почину малмыжскаго земства, рѣшено было ходатайствовать предъ министерствомъ о допущеніи вновь всѣхъ книгъ, не вошедшихъ въ новый каталогъ, но допускавшихся ранѣе къ обращенію въ библиотекахъ.

Не смотря на всѣ препятствія, ущербы и недоразумѣнія — библиотеки росли количественно и качественно. Помимо обычныхъ ассигновокъ губернскаго земства имъ оказывали иногда поддержку и уѣздныя земства. Особенно заслуживаетъ упоминанія щедрая субсидія яранскаго земства сельскимъ библиотекамъ своего уѣзда. Оно сразу ассигновало 2580 р., по 10 р. на каждую библиотеку. Въ общемъ, однако, нельзя похвастаться сочувственной поддержкой уѣздныхъ земствъ симпатичному начинанію губернскаго земства.

Вятское губернское земство позаботилось и о томъ, чтобы книга стала доступной также и инородцамъ (татара, вотяки, черемисы). Оно хлопотало о разрѣшеніи открыть въ инородческихъ обществахъ библиотеки изъ книгъ, переведенныхъ на ихъ языки.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія возникновенія и развитія сельскихъ общественныхъ библиотекъ въ Вятской губ. Обратимся теперь къ матеріаламъ переписи ихъ въ 1899 г.

III.

Собранныя по опроснымъ бланкамъ свѣдѣнія относятся къ 1 января 1899 г. Къ этому времени всего было открыто въ сельскихъ обществахъ Вятской губерніи 2829 библиотекъ. Получено было отвѣтовъ, оказавшихся годными для разработки, 1478 (со свѣдѣніями о 1480 библиотекахъ), т. е. 52% общаго числа разосланныхъ листовъ.

Большинство отвѣтовъ дано изъ деревень (отъ 901 библ.), за-
№ 7. Отдѣлъ II.

тѣмъ изъ починковъ, потомъ изъ селъ и заводовъ; значительно меньше отвѣтовъ изъ поселковъ, займокъ и т. п. мелкихъ селеній.

Преобладающее число отвѣтовъ написаны самими библиотечными.

Программа опросныхъ бланковъ *) касалась вопросовъ о библиотекѣ (гдѣ и когда открыта), библиотечарѣ (имя, званіе, образованіе, кѣмъ назначенъ), о культурности окружающихъ условий (есть ли школы, другія библіотеки, газеты и т. п.), о племенномъ составѣ населенія, о выдачѣ (когда и какъ) книгъ, читателейъ (свои, проходящіе, взрослые, дѣти и т. п.), когда и какія книги берутъ, не перечитаны ли книги, записываютъ или нѣтъ выдачу, исправно ли возвращаются книги, желательны ли перемѣны (и какія) въ библиотекѣ, ея мѣстонахожденіи, полезна ли библиотека и т. д.—всего 26 вопросовъ.

Мы не будемъ приводить таблицъ, приложенныхъ къ работѣ г. Платонова, хотя онѣ въ высшей степени детально и обстоятельно освѣщаютъ всѣ стороны и условія существованія этихъ библиотечекъ. Отмѣтимъ лишь, что въ среднемъ на уѣздъ приходится 250—260 библиотечекъ, хотя на самомъ дѣлѣ распределеніе ихъ неравномѣрно и, находясь въ зависимости отъ густоты населенія, значительно колеблется по отдѣльнымъ уѣздамъ отъ 120 (Слободской уѣздъ) до 430 (Сарапульскій у.). Большинство библиотекъ находится въ среднихъ и малыхъ селеніяхъ, въ большихъ селеніяхъ всего 190 библиотекъ. Такое размѣщеніе библиотечекъ надо считать весьма удачнымъ и приноровленнымъ къ мѣстнымъ условіямъ.

Осуществляется и главная задача: выдѣлить книгу въ самую чащу населенія, разсѣять библіотеки по территоріи и сдѣлать ихъ, доступными большинству крестьянъ.

IV.

Кто же завѣдуетъ этими разсадниками просвѣщенія, каковъ составъ библиотечарей и каково ихъ отношеніе къ своему дѣлу?

Всего доставили о себѣ свѣдѣнія 1475 библиотечарей. Изъ нихъ низшее образованіе (начальная школа всѣхъ вѣдомствъ) получило 629 чел., со случайнымъ образованіемъ оказалось 765 чел., съ повышеннымъ (кончившихъ или неокончившихъ городское училище и различныя среднія учебн. завед.)—67 чел. Неграмотныхъ—7 чел.

Самый порядокъ назначенія библиотечарей на дѣлѣ оказался

*) Она напечатана въ приложеніи къ работѣ Н. М. Платонова. См. Стат. Ежег., стр. 239.

не тотъ, какой предполагало земство. Библиотекарей чаще всего назначали, не спрашивая на то согласія сельскаго общества, а иногда даже и самого будущаго библиотекаря. Такъ, противъ желанія назначено 17 чел. (по ихъ собственному заявленію). Понятно, что они всячески стараются освободиться отъ непріятной для нихъ обязанности. Было нѣсколько случаевъ, что назначались дряхлые старики 60—70 лѣтъ.

Назначено „по желанію“—298 библиотекарей. Знаютъ или догадываются о томъ, кто ихъ назначилъ,—1085 чел., не знаютъ—70.

Среди отвѣтовъ библиотекарей *)—попадаютъ довольно характерные. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Нежелающіе быть библиотекарями просятъ освободить ихъ отъ этого дѣла. „Желанія у меня быть библиотекаремъ не было и сейчасъ нѣтъ и не надо мнѣ. И не по выбору общества я назначенъ, и не знаю, кто назначилъ, должно быть земская управа“.— „Состою библиотекаремъ по желанію вашему. Дѣло только въ томъ, чтобы было жалованье и на мірскую службу не выбрали“.— „Я выбранъ священникомъ, а не обществомъ. Я не желаю быть больше библиотекаремъ. Выбирайте изъ общества иного библиотекаря“.— „Покорѣйше прошу, нельзя ли отъ меня передать библиотеку другому, потому что я уже въ лѣтахъ преклонныхъ, имѣю отъ роду 67 лѣтъ, одинокій“ и т. п. Большинство знаетъ или догадывается, кѣмъ назначены, потому въ отвѣтахъ часто встрѣчается указаніе на предложеніе отъ „волостнаго правленія“, „священника“ и т. д. Иные недоумѣваютъ; „Я не могу сказать. Никто меня не выбиралъ,“ „я не просилъ, чтобы имѣть у себя библиотеку. Внезапно получаю корзинку съ книжками, адресъ на мое имя. Я пока не отозвался (т. е. не отказался)“.— „Я не знаю, кто меня притурочилъ (назначилъ): волостное правленіе или земскій начальникъ“.— „Желанія не спрашивалось: самъ себя назначилъ, а кто утвердилъ—не разобрать. Должно быть, никто не обращалъ на это вниманія“.

Нерѣдко ссылаются на выборъ и на свое желаніе: „по своему желанію и по общественному выбору“. „Назначенъ библиотекаремъ по выбору общества. Я самъ желаю исполнять такую обязанность, которая даетъ намъ науку“.— „Состою библиотекаремъ по своему желанію и даже желаю быть впредь“;— „я самъ уважаю читать“; „по выбору общества, да и самъ охотно исполняю—раздаю книги“.— „Я завѣдующимъ библиотекою выбранъ обществомъ. Очень люблю книги читать и газеты. Я много лучше привыкъ (т. е. съ тѣхъ поръ, какъ сталъ библиотекаремъ) читать

*) Эти подлинныя отвѣты самыхъ библиотекарей сгруппированы въ концѣ работы г. Платонова. См. Стат. Ежег. Вят. г. 1899 г., страницы 202—231. Всѣ нижеприведенныя отвѣты взяты оттуда.

газеты и книги. Какъ только получилъ изъ волостного правленія книги, три дня сидѣлъ—все читалъ“ и т. д.

Вообще надо сказать, что большинство библиотечкарей живо и съ любовью относится къ своему дѣлу, сознаетъ его значеніе и заботится о немъ. Такъ, забѣгая нѣсколько впередъ, отмѣтимъ, что на вопросъ, полезна ли библиотечка и не надо ли ее куда перевести, громадное большинство отвѣтило, что „полезна“, „само собой разумѣется“ и т. д. и вовсе не пожелало ея перемѣщенія.

Изъ отвѣтовъ видно, что при выдачѣ книгъ многіе библиотечкари, преимущественно изъ простыхъ крестьянъ, стараются приноровлять книги къ возрасту и развитію читателей; нерѣдко сами читаютъ и разъясняютъ неграмотнымъ и малограмотнымъ, всѣчески стараются популяризировать библиотечки среди населенія, развозятъ ихъ по деревнямъ, читаютъ книжки при всякомъ удобномъ случаѣ.

„Я привѣтливо выдаю дѣтямъ и опрашиваю на газетѣ и книжкѣ. Нѣкоторые рассказываютъ, а другой ничего не отвѣчаетъ. Я на-казываю (совѣтую), чтобы читалъ больше“.—„Берутъ книги на сельскихъ сходахъ, куда я почти каждый разъ приношу по нѣсколько книгъ“,—„ношу книги съ собой и пользуются всѣ книгами“, „другой разъ не хватаетъ для выдачи“; „дальнимъ, на-примѣръ, за 5, 7, 10, 15 верстъ, приходится выдавать на сходахъ“ и т. д. „Разъясняю о книжкахъ, вычитываю газету, разъясняю обществу своему“.—„Даже и самъ стараюсь—вожу по обществу“. Изъ сосѣднихъ деревень брали тогда, когда я ходилъ въ праздничные и воскресные дни въ село, раскладывалъ послѣ литургіи на стрезнемъ (людномъ) мѣстѣ. Впрочемъ, увидѣвъ, что нѣтъ вознагражденія,—библиотечкарь „не сталъ ходить и брать меньше стали“.

Одинъ библиотечкарь служилъ сельскимъ старостой—„когда мы ѣздили за податями, я раздавалъ „Вятскую газету“; нѣкоторые читатели очень интересовались“.

Въ мѣстностяхъ съ инородческимъ или смѣшаннымъ населеніемъ бывали случаи переусердствованія библиотечкарей; возьметъ иной и задастся цѣлью миссіонерствованія; пойдутъ неприятности, инородцы его, понятно, не слушаютъ. „Желаю образоватъ вотскую на русскую вѣру. Между вотяками и библиотечкаремъ идетъ такая борьба: не хотятъ слушать чтенія“, — жалуется и негодуетъ одинъ изъ такихъ „миссіонеровъ“.

Чтобы покончить съ вопросомъ о библиотечкаряхъ, прибавимъ, что лица съ повышеннымъ образованіемъ встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ селахъ, при училищахъ *) и т. п., вообще, стоятъ

*) Во избѣжаніе недоразумѣній укажемъ, что при училищахъ само собой есть свои школьныя библиотечки.

ближе къ разнымъ образовательнымъ учрежденіямъ, какъ училища и библіотеки. За то на сторонѣ библіотекарей изъ обыкновенныхъ, рядовыхъ мужиковъ то преимущество, что они съ болѣею охотой и даже съ „жаромъ“ относятся къ своему дѣлу и всячески стараются рекламировать и пропагандировать его; къ тому же они гордятся званіемъ библіотекаря, да и пріятно первому получить съ почты „Вятскую газету“ и книги. И читатели не стѣсняются своего брата-мужика, заходятъ за книгами „за всяко-просто“, когда имъ самимъ удобно. Правда, у библіотекарей съ болѣею образованіемъ книгъ выдается больше (и чаще), но это вполнѣ объясняется, какъ болѣею величиной ихъ селеній, такъ и значительнымъ числомъ читателей-школьниковъ. Отмѣтимъ еще, что у болѣе образованныхъ библіотекарей чаще ведется запись выдаваемыхъ книгъ, чѣмъ у библіотекарей съ низшимъ и случайнымъ образованіемъ, хотя вообще и у тѣхъ, и у другихъ не менѣе половины книгъ выдается съ записью.

V.

Переходя къ вопросу о составѣ библіотекъ, прежде всего мы должны указать, что въ 1899 г. общее (номинальное) число книгъ въ каждой библіотекѣ достигало 140. Кромѣ того, во всѣхъ библіотекахъ разсылается „Вятская газета“. Стоимость книгъ (во всѣхъ библіотекахъ) равнялась 24 тыс. рублей. Впрочемъ, изъ числа книгъ надо исключить 28 изъятыхъ, какъ не вошедшія въ новый министерскій каталогъ; затѣмъ, въ среднемъ, утрачено, какъ это высчитано г. Платоновымъ, приблизительно 6 книгъ. Значитъ, фактически населеніе могло пользоваться 100—106 книжками. Къ сожалѣнію, изъ этого числа „часть книгъ пришла въ ветхость“. Последнее въ значительной степени обусловлено быстрымъ изнашиваніемъ переплетенныхъ книгъ. Дѣло это естественное и вполнѣ неизбѣжное. Во всякомъ случаѣ книжки эти сдѣлали свое дѣло. Самая ихъ ветхость можетъ служить, до нѣкоторой степени, показателемъ ихъ наибольшей читаемости. Таковы, напримѣръ, — „Не такъ живи, какъ хочется“, „Разказы о землѣ и небѣ“, „Изъ исторіи родной земли“—Тихомирова, „Свѣтъ Божій“ и др. Въ спискѣ утраченныхъ книгъ чаще всего попадаютъ—книжки Островскаго, „Осада Севастополя“, Л. Толстого, книжки Рубакина, Иванова и др. *)

Библіотечки распадаются на 7 отдѣловъ: 1) духовно-нравственный, 2) историко-географическій, 3) медицинскій, 4) естественно-научный, 5) общественно-юридическій, 6) сельскохозяйственный и 7) беллетристическій.

*) См. Ст. Еж. стр. 151.

Больше всего книжекъ въ 7, 1 и 2 отдѣлахъ, бѣднѣе всего 5, 4 и 6 отдѣлы, и объ этомъ приходится сильно пожалѣть. Книги по вопросамъ общественнымъ, сельско-хозяйственнымъ и по естествознанію—да вѣдь онѣ то, какъ разъ, и должны бы составлять „основу“ крестьянской библиотечки. Въ высшей степени желательно, чтобы на пополненіе и расширеніе этихъ отдѣловъ было обращено земствомъ самое серьезное вниманіе.

Мы не будемъ приводить всего каталога библиотечекъ, ограничимся лишь указаніемъ главнѣйшихъ авторовъ (и ихъ сочиненій).

По отдѣлу географіи, исторіи и историческихъ повѣстей имѣются книжки: „Фабіола“, „Иванъ Гусъ“ (Эрлейвена), „Христофоръ Колумбъ“, „Жанна Д'Аркъ“, „Швейцарія“, „Новый свѣтъ“, „Какъ живутъ китайцы“, Тихомирова — „Изъ исторіи родной земли“, Л. Толстого—„Осада Севастополя“, „Басурманъ“, „Ледяной домъ“ Лажечникова. „Географія Вятской губерніи“, Рубакина—„Крестьяне самоучки“. По медицинѣ имѣются книжки—„О беременности и родахъ“, „Объ уходѣ за малыми ребятами“, книжки Вишневскаго по гигіенѣ, о сифилисѣ и заразныхъ болѣзняхъ и друг. По естествознанію: „Свѣтъ Божій“ изд. Павленкова, Иванова—„Разказы о землѣ и небѣ“, Рубакина—„О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“, Клейберга—„О томъ, что видно на небѣ“.

Обществовѣдѣніе представлено почти исключительно книжками о. Н. Н. Блинова—„О сельской службѣ“—8 книжекъ. Почему-то нѣтъ книжекъ того же автора „О земской службѣ“. Есть еще 2 книжки: „О сибирскомъ переселеніи“ и „Объ отбываніи воинской повинности“. Это—очень мало.

Сельскохозяйственный отдѣлъ: книжки по огородничеству, полеводству, о вредныхъ насѣкомыхъ, о скотѣ, по пчеловодству и еще книжка „Крестьянское хозяйство и книга“.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій Пушкина и Лермонтова, басенъ Крылова, стихотвореній Кольцова. Гоголя только „Тарасъ Бульба“; Тургенева—нѣсколько разсказовъ изъ „Записокъ охотника“; Л. Н. Толстого—„Кавказскій плѣнникъ“, „Три смерти“; Островскаго—„Не такъ живи, какъ хочется“, и „Бѣдность не порокъ“, Фонъ-Визина—„Недоросль“, „Айвенго“ — Вальтеръ-Скотта; Гаршина только „Сигналъ“; Короленко — „Дѣти подземелья“; Блинова — „На нивѣ народной“, и „Трудовой крестьянскій годъ“; Вересаева—„Страшная смерть невиннаго человѣка“ и еще нѣсколько книжекъ другихъ авторовъ. Религіозно-нравственный отдѣлъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ житей святыхъ, есть также „Новый Завѣтъ“ и „Псалтирь“ (обѣ книги на русскомъ языкѣ).

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ библиотечекъ. Безъ сомнѣнія, онъ очень скуденъ. Необходимо, однако, считаться съ незначительностью средствъ и времени, прошедшаго со дня открытія этихъ библиотекъ, а также съ массой всякихъ препятствій. окружающихъ подобныя начинанія. Къ тому же и вообще-то каталоги книгъ, одобренныхъ для народа, крайне ограничены по своему составу. При такихъ условіяхъ попытка вятскаго земства приобрѣтаетъ еще большее, общее, а не только мѣстное значеніе, потому что нужды этихъ трехъ тысячъ библиотекъ обязательно будутъ громко стучаться въ запертыя двери, и волей-неволей расширится область „одобреннаго“, понятно, не только для вятскихъ, а и для всякихъ вообще народныхъ библиотекъ и читателей.

Очень хорошей чертой этихъ сельскихъ библиотечекъ мы считаемъ тотъ фактъ, что при составленіи литературнаго отдѣла обращено было вниманіе на то, чтобы дать хотя бы по одному сочиненію, но различныхъ авторовъ, главнымъ образомъ, нашихъ великихъ писателей—Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Н. Толстого и другихъ.

«То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные.
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать».

Благодаря почину вятскаго земства въ тысячахъ деревень и починковъ, крестьяне „услышали эти имена“ и „стали читать ихъ книжки“. Дѣло сельскихъ библиотекъ еще только начинается. Мы присутствуемъ при зарожденіи этого дѣла, которому предстоитъ расширяться и расти.

Итакъ, починъ сдѣланъ. Книжки, хотя и въ скудномъ количествѣ (во всякомъ случаѣ, однако, во всѣхъ этихъ библиотекахъ около 300 тысячъ экземпляровъ книгъ), нашли доступъ къ народу. Какъ же онъ принималъ ихъ?

VI.

Опредѣлить общее число читателей — дѣло почти невозможное. Въ самомъ дѣлѣ, книга переходитъ изъ рукъ въ руки, передается сосѣдямъ и т. д., понятно, безъ всякой записи, и когда-то еще она попадетъ обратно въ библиотеку. Извольте-ка, при такихъ условіяхъ, усчитать число читателей!

По самому скромному расчету, принятому въ работѣ г. Платонова *), оказывается, что общее число читателей во всѣхъ

*) См. Ст. Еж. стр. 156.

сельскихъ библиотекъ будетъ никакъ не менѣе 80 тысячъ человекъ, принимая въ среднемъ около 40 человекъ на каждую библиотеку. Средній районъ вліянія пятирублевыхъ библиотекъ равняется приблизительно 5 верстамъ,—хотя, разумѣется, приходять за книгами и изъ болѣе дальнихъ деревень. Интересно, что отвѣты на вопросъ, „нарочно или по случаю ходять за книгами“, распределяются слѣдующимъ образомъ:

Приходятъ за книгами только по случаю	251 показ.	или 22%
„ и по случаю, и нарочно	88	„ „ 8%
„ исключительно нарочно	828	„ „ 70%

Интенсивность чтенія находится въ большой зависимости отъ частоты выдачи книгъ, а это въ свою очередь зависитъ и отъ библиотечкаря, и отъ величины селенія (въ большемъ—болѣе частый обмѣнъ книгъ), и отъ общаго числа читателей.

Относительно возраста читателей больше всего отвѣтовъ, что читаютъ всѣ, затѣмъ слѣдуютъ учащіеся и потомъ взрослые. Больше всего читаютъ осенью и зимой, вообще въ свободное отъ полевыхъ работъ время, хотя относительно ребятъ не мало указаній, что они чаще читаютъ лѣтомъ, когда освободятся отъ ученія.

„Взрослые постоянно берутъ, зимой и лѣтомъ (во время безработицы), а мальчики только лѣтомъ—зимой они занимаются въ школахъ“ *), — пишетъ одинъ библиотечкарь; другіе отвѣчаютъ въ томъ же родѣ. „Въ зимнее время больше берутъ (когда ночи долги), а въ лѣтнее меньше, потому работы больше — пашня, страда“ и т. д. Впрочемъ, есть и такіе отвѣты — „Кто имѣетъ охоту, тотъ всегда беретъ“; „Вятскую Газету“ читаютъ и въ лѣтнее время, по праздничнымъ днямъ, когда собираются въ кружокъ малолѣтніе и взрослые“. Есть указанія, что читателей мало (гдѣ мало грамотныхъ или много инородцевъ).

Во многихъ случаяхъ (не менѣе половины всѣхъ показаній) библиотеки уже совсѣмъ перечитаны и число читателей уменьшается — „читать нечего“. Тогда, главнымъ образомъ, только „Вятская Газета“ и привлекаетъ еще читателя къ библиотекѣ **). Нерѣдко перечитываются и наиболѣе понравившіяся книги. Постоянно раздаются заявленія и просьбы о новыхъ книгахъ.

„Свое селеніе прочитало всю (библиотеку), ожидаютъ вновь. Изъ сосѣднихъ деревень берутъ человекъ 150“.

„Изъ библиотеки Песковского общества пользовалось 160 чел., изъ нихъ брали въ рудники, казармы (т. е. въ рабочія казармы—тутъ находится металлургическій заводъ) и читали изъ многихъ селеній“. Въ большинствѣ отвѣтовъ показанія о числѣ читателей—свыше сотни. Жалобъ на недостатокъ книгъ, повторяемъ, масса.

*) См. отвѣты библиотечкарей, стр. 205—209.

**) Увеличеніе читателей отмѣчено лишь въ 6% всѣхъ показаній.

„За перечитанностью книгъ читателей почти не стало. Въ настоящее время читатели непрерывно берутъ „Вятскую газету“, которой чтеніемъ очень интересуются“. „Книги прочитаны“, „всѣ перечитаны, и не одинъ разъ, почему и число читателей уменьшается“ и т. д. Какъ мы уже замѣтили, иногда отмѣчается и увеличеніе числа читателей.

„Книги еще не всѣ прочитаны, число читателей годъ-отъ-году растетъ и болѣе читаютъ“. „Сначала брали меньше безъ привычки, но въ настоящее время попривыкли и берутъ чаще“.

Отношеніе къ бібліотекамъ почти всюду сочувственное и доброжелательное. Польза ихъ признается несомнѣнной, — изъ 1,475 бібліотекарей, давшихъ отвѣты, только 45 (3%) считаютъ бібліотеку, бесполезной, да и изъ нихъ часть отрицаетъ пользу бібліотеки только потому, что она уже вся прочитана и перечитана.

Большинство отвѣтовъ о пользѣ бібліотеки очень кратки, — очевидно, бібліотекари не считали нужнымъ даже распространяться о томъ, что и такъ само собой понятно и ясно каждому. Но есть отвѣты довольно характерные и интересные, — приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

„Еще бы не полезна бібліотека! Гдѣ же мужикъ возьметъ интересныя книги?! Чудно!“ „Извините, что плохонько написалъ, если бы не бібліотечки, забылъ бы и читать, не только писать“. „Очень даже полезна бібліотека, а именно для бѣдныхъ“, „Книги хорошія, какихъ мы никогда не встрѣчали“ и т. д. „Бібліотека для народа, по моему мнѣнію, очень полезна, потому что у насъ самый глухой и забвенный (забытый) уголокъ“. „Очень полезна: вызываетъ на размышленіе, отвлекаетъ отъ бездѣйствія“, — „потому, по поводу прочитаннаго разсужденія бываютъ“. „Я раньше ничего не зналъ про разныя страны и порядки“.

Много указаній также и на чисто утилитарную сторону, — „читая книги, научился промысламъ“, „полезному для хозяйства“, „рамочные ульи сталъ дѣлать“, „меньше пьянства“, „больше тишины и спокойствія“ и т. д. Чаще всего, однако, мотивированные отвѣты носятъ, болѣе общій характеръ. „Читая книжки, крестьянинъ незамѣтно для самого себя развивается“. „Черезъ чтеніе книгъ народъ замѣтно разсуждать сталъ разумнѣе на собраніяхъ и на сходахъ“. „Какъ же не полезна?! Неужели похвалить слѣпецъ, что не видитъ свѣта?“ „Хотя бы самъ нигдѣ не бывалъ, а про все прочиталъ въ книгѣ!“ „Приносимъ чувствительную благодарность земству и всѣмъ его дѣателямъ!“ и т. д.

VII.

Запросы читателей выясняются въ отвѣтахъ на вопросы: 19) какія книги больше читаются, 20) какія не читаются 21) выписывается ли какая-нибудь газета и 24) какія перемѣны необходимы въ библіотекѣ?

Книги наиболѣе читаемыя: (въ сколькихъ библіотекахъ):

Безразлично всякія 581 показ.	Историческія 352 показ.
Религіозныя 457 >	Сельско-хозяйств. 266 >
Повѣсти и рассказы . 353 >	Ремесленныя 224 >

Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ книгъ какъ наиболѣе, такъ и наименѣе читаемыхъ. Впрочемъ, разъ половина всѣхъ библіотекъ прочитана, то трудновато разобраться въ томъ, что больше, что меньше читается. Вообще, можно отмѣтить, что мало читаютъ, сравнительно съ прочими отдѣлами, книги объ общественной службѣ и законахъ, по медицинѣ, естествознанію,—по крайней мѣрѣ въ числѣ наиболѣе читаемыхъ книги изъ этого отдѣла встрѣчаются рѣже другихъ. Книги большого объема—„Айвенго“, „Басурманъ“ и т. д., мало читались, навѣрное, и просто по отсутствію умѣнья быстро и бѣгло читать. Болѣе или менѣе отрицательное отношеніе къ свѣтскимъ книгамъ, особенно „пустыннымъ“—беллетристика, стихи, сказки и т. д.,—замѣчается преимущественно у библіотекарей болѣе или менѣе почтеннаго, преклоннаго возраста. Тамъ, гдѣ большинство читателей молодежь,—беллетристика читается охотнѣе всего.

Отмѣтимъ, что, кромѣ книгъ и „Вятской газеты“, читаютъ также и другія періодическія изданія, которыя выписываются или въ библіотеку, или просто отдѣльными лицами.

Всего зарегистрировано 162 экземпляра различныхъ періодическихъ изданій. Больше всего получаютъ „Сельскій Вѣстникъ“—133 экз., затѣмъ „Крестьянское Хозяйство“, „Пчеловодный Листокъ“, „Журналъ для всѣхъ“, „Вокругъ Свѣта“, „Земля и Люди“, „Аеонскіе Листки“ и т. д.

Относительно распредѣленія читателей по возрасту—должно сказать, что больше всего указаній, что читаютъ всѣ (въ 613 библіотекахъ), затѣмъ молодежь (492 библи.). Это весьма понятно, если припомнимъ, что среди взрослого населенія много малограмотныхъ и совсѣмъ безграмотныхъ, особенно среди женщинъ. Такъ, 472 библіотекаря заявляютъ, что грамотныхъ женщинъ нѣтъ, а потому онѣ и не читаютъ. Впрочемъ, въ 467 отвѣтахъ указано, что читаютъ и женщины.

Взрослые и пожилые читатели берутъ больше книги религіознаго и историческаго характера, а также „Вятскую газету“

и книги „практическія“—по ремесламъ, сельскому хозяйству, рѣже берутъ книги медицинскія и по общественной службѣ.

Женщины берутъ религіозныя книги и рассказы, а также по ремесламъ и рукодѣлю. Ребятишки увлекаются сказками, разсказами, а молодежь читаетъ вообще всякія книги.

Разумѣется, запросъ на новыя книги и газеты крайне пестръ и разнообразенъ, а, главное, просить побольше книгъ.

На вопросъ, „какихъ книгъ просить“, отвѣтило:

«Всякихъ»	342 чел.	Юридическихъ	12 чел.
Религіозныхъ	138 «	По географіи	7 «
Сельск.-хоз.	46 «	По медицинѣ	5 «
Историческихъ	38 «	Газетъ и журналовъ	15 «
Ремесленныхъ	33 «	По ветеринаріи	2 «
Повѣстей и разсказовъ	27 «	По военск. повин.	1 «

Пополненіе бібліотекъ и даже полное обновленіе ихъ состава—совершенно необходимо, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже видѣли, въ 711 бібліотекахъ перечитаны рѣшительно всѣ книги.

„Надо новыхъ книгъ“, побольше и получше, серьезнѣе,—такихъ книгъ, „по какимъ учить нашихъ учителей“—заявляютъ читатели.—„Нужно новыхъ книгъ и болѣе понятныхъ для крестьянина“ *). Нужно книгъ „религіозныхъ“, „историческихъ“. Нѣкоторые прямо просятъ сочиненій Соловьева и „О пугачевскомъ бунтѣ“, по географіи—„какъ заселялась Вятская губернія“, „о разныхъ державахъ, о жителяхъ, о ихнихъ нравахъ и вѣрѣ“, „о Финляндіи, Сѣв. Америкѣ, Англіи, Африкѣ и Австраліи и т. д.“ „О св. градѣ Іерусалимѣ и вообще о Палестинѣ“. „Многіе желаютъ книги *законнаго порядка*, о волостномъ судѣ и о земскихъ начальникахъ“, „книгъ о законахъ вообще,—это полезно для крестьянъ: грамотные могутъ написать и сами прошенія, чѣмъ аблакатовъ нанимать,—аблакаты очень дорого берутъ.“ Затѣмъ—цѣлый рядъ просьбъ о книгахъ по разнымъ ремесламъ и хозяйству. Чего особенно много,—такъ это просьбъ о газетахъ и журналахъ. Просятъ выслать различныя газеты, особенно „Сельскій вѣстникъ“, но больше всего требованій на свою „Вятскую газету“. При этомъ выражаютъ пожеланіе о расширеніи ея программы. „По моему мнѣнію не хватаетъ всероссійскихъ извѣстій, а губернскими доволенъ“, т. е. доволенъ „Вятской газетой“, поскольку она обзрѣваетъ мѣстную жизнь. „Въ „Вятской газетѣ“ интересно бы знать заграничныя вѣсти“, „Нужно писать несчастные случаи“ и т. п.

Иностранцы выражаютъ желаніе имѣть книги на своемъ языкѣ. „Представьте книгъ на вотскомъ языкѣ и на русскомъ съ переводомъ.“ „Очень было бы полезно, если бы были книги на че-

*) См. отвѣты самихъ бібліотекарей, стр. 219—222.

ремисскомъ нарѣчїи, на своемъ родномъ языкѣ, но что же дѣлать—достать ихъ очень трудно, а переписать никому.“

Упомянемъ еще, что по литературному отдѣлу требуютъ сочиненій Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Гончарова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Крылова, Островскаго и др.

Не мало указаній о необходимости замѣнить обветшавшія книги новыми. Просятъ также переплести книги, завести шкапчикъ для храненія, дать тетрадку и карандашъ (непремѣнно „очиненный“) для записи выдаваемыхъ книгъ, очень многіе мечтаютъ—„Хорошо бы повѣсить вывѣсочку „С. Б.“ (т. е. сельская бібліотека). Высказывается также пожеланіе, чтобы была читальня, а также хотя небольшое вознагражденіе бібліотекарю.

На вопросъ о перемѣщеніи бібліотеки въ другое мѣсто, преимущественно въ волостное правленіе, а также о присоединеніи къ большой бібліотекѣ *)—посыпались отрицательные отвѣты. 1035 бібліотекарей (изъ 1475, или 70%) не желаютъ этого, особенно не хотятъ перевода бібліотекъ въ волость—„кромѣ вреда отъ этого ничего не будетъ“, по ихъ отзывамъ. Дѣти туда не ходятъ **), „женскому полу тоже неудобно туда ходить“, „далеко“, „не станутъ тамъ выдавать книгъ“, да и вообще „туда развѣ поневолѣ затянутъ человекъ“ и т. п. Въ волость ходить не станутъ—„хотя бы взять въ лѣтнее время,—человѣкъ работаетъ, а въ праздникъ отдохнуть надо каждому, а не за книгами, скажутъ, идти. А съ своимъ обществомъ отдохнетъ человекъ и почитаетъ или послушаетъ.“ „Тогда намъ не придется прочитать ни одной хорошей книжки; мы будемъ забывать то, что знали, а мы только-что сейчасъ узнали, что круглая наша земля, а не на китахъ стоитъ“ и т. д. Неудобно присоединять и къ большимъ бібліотекамъ.

„Это для народа не полезно, потому что въ зимнее время идти за книгами у бѣдняка и одѣтъ нечего, а ненарокомъ не осмѣлится и книгъ попросить у бібліотекаря, такъ какъ тутъ бібліотекаремъ долженъ быть писарь.“ (Къ тому же тамъ и выдавать книги некогда—и безъ того много дѣла). „Не надо присоединять къ большой бібліотекѣ-читальнѣ: мѣстная (т. е. сельская) бібліотека больше пользы сдѣлаетъ и грамотности добавится“. „Не мѣшаетъ бібліотеку оставить отдѣльно, только увеличивъ ее, потому что потребность читать въ народѣ есть“ („такъ какъ народъ очень хорошо присматривается къ книгѣ и газетѣ“). „Не нужно вырывать хорошіе корни, когда они уже

*) Кромѣ пятирублевыхъ бібліотекъ—есть еще большія бібліотеки (всего 220—210 на всю губернію).

**) См. отвѣты самихъ бібліотекарей, стр. 222—227.

вросли; а маленькая библиотека для народа очень полезна“ и т. д. Одинъ библиотечкарь даже „вирши“ написалъ въ защиту самостоятельности малой библиотеки:

«Я совѣтникъ плохой
И плохо маракую,
Совѣтъ даю такой,
Толико сколь толкую:
Хороша рѣка большая
Только тѣмъ, кои живутъ у нея,
А гдѣ бы брать дальнимъ воду
Не было бы маленькаго ручья?..» *).

ХІІІ.

Таково было (въ 1899 г.) состояніе этихъ почти трехъ тысячъ „маленькихъ ручьевъ“, изъ которыхъ утоляетъ свою духовную жажду крестьянская масса Вятской губерніи. Выше мы изложили, по возможности, все главнѣйшее изъ исторіи организации и дѣятельности этихъ библиотекъ, стараясь всюду, какъ можно больше, приводить мнѣнія и отвѣты самихъ библиотечкарей, чтобы тѣмъ нагляднѣе познакомить читателей съ непосредственнымъ отношеніемъ самого населенія къ библиотечкамъ.

Быть можетъ, не бесполезно будетъ прибавить ко всему этому и нѣкоторыя новѣйшія данныя, не вошедшія въ работу г. Платонова. Такъ, по докладу управы губернскому земскому собранію, въ 1900 г. всего было въ Вятской губерніи 2861 сельскихъ „пятирублевыхъ“ библиотекъ. Въ каждой изъ нихъ числилось 173 книжки, изъ которыхъ 61 изданы самимъ вятскимъ земствомъ. Номинальная стоимость каждой библиотечки—9 рублей, и это благодаря большой уступкѣ на книгахъ или же значительному пониженію цѣны (до 50%) при изданіи самимъ земствомъ; на самомъ же дѣлѣ стоимость этихъ книгъ—24 рубля.

Кромѣ маленькихъ сельскихъ библиотекъ (библиотечекъ при училищахъ), въ губерніи было (1900 г.) около 210 большихъ библиотекъ. Общій расходъ на нихъ за этотъ годъ равнялся 17.000 руб., при чемъ на самыя книги истрачено свыше 10 тысячъ. Содержатся онѣ, при пособіи отъ губернскаго земства (2.750 р. въ 1900 г.), главнымъ образомъ, на средства уѣздныхъ земствъ. Число читателей—не менѣе 16 тысячъ.

Чтенія съ туманными картинами велись (въ 1900 г.) въ 128 пунктахъ. Затѣмъ, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, по случаю бракосочетанія государя императора, ассигновано 50 тысячъ руб. на раздачу книгъ среди грамотныхъ крестьянъ губерніи. До 1901 г. было роздано свыше 100 тысячъ

*) См. отвѣты библиотечкарей, стр. 222.

книгъ (изъ числа разрѣшенныхъ въ народныя библіотеки), на сумму 21 тыс. руб.

„Вятская газета“ разсылается бесплатно во всѣ библіотеки и читальни, въ волостныя правленія и т. д. Въ 1902 г. предполагается разсылать ее свыше 9 тысячъ экземпляровъ,—въ томъ числѣ и въ вознагражденіе добровольныхъ корреспондентовъ по сельско-хозяйственной статистикѣ (ихъ по губерніи не менѣе 3.000 человекъ).

Вся эта культурная просвѣтительная дѣятельность сливается съ тѣми тысячами „маленькихъ ручьевъ“, которые просачиваются и разрыхляютъ почву, подготавливая ее для хорошаго и обильнаго посѣва...

Остается только пожелать, чтобы библіотечки эти расширились и крѣпли. Хорошо, если бы начинаніе вятскаго земства нашло себѣ подражаніе и въ остальныхъ земскихъ губерніяхъ. Отношеніе населенія къ библіотекамъ уже вполне выяснилось.—Полезна ли библіотека?—„Еще бы не полезна?! Неужели похвалить слѣпецъ, что не видать свѣта?“—„Гдѣ же мужикъ возьметъ интересныя книги? Чудно!“

—«А гдѣ бы брать дальнимъ воду,
Не было бы маленькаго ручья?»

Н. Н. Соколовъ.

Вымирающій край.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ врача).

I.

Стоялъ февраль; солнце уже болѣе мѣсяца, какъ стало опять ежедневно показываться на небѣ, съ каждымъ днемъ поднималось выше и выше надъ горизонтомъ и свѣтило все ярче. Но жестокая стужа полярной зимы, казалось, и не думала уступать: температура колебалась между 40° и 50° С.

Мнѣ предстояло ѣхать, въ южную часть своего участка въ обычный ежегодный объѣздъ; крайнимъ пунктомъ своей поѣздки я намѣтилъ селеніе Верхне-Колымскъ, отстоящее отъ г. Средне-Колымска въ 470 верстахъ, но незадолго до моего отъѣзда было получено извѣщеніе, что юкагиры Ушканскаго рода, живущіе далѣе Верхне-Колымска на 80 верстъ, въ поселеніи „Нелемномъ“,

голодаютъ, или, выражаясь словами оффиціального заявленія, составленнаго хотя и не особенно грамотно, но достаточно вразумительно — „вслѣдствіе неурожа рыбы въ настоящемъ году, пришли къ неминуемой смерти отъ голода, такъ какъ до сего времени очень рѣдкій родоначъ изъ нашихъ населеговъ могъ ставитъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ одинъ горшокъ, а въ настоящее время родоначи наши заявили, что за выходомъ всѣхъ припасовъ, они не могутъ и одной недѣли прожить безъ посторонней помощи“.

Получивъ это извѣщеніе, мѣстная администрація рѣшила воспользоваться моею поѣздкой и просила меня принять мѣры для устраненія продовольственной нужды юкагировъ, снабдивъ меня для этой цѣли кое-какими средствами. Я съ большой охотой взялся исполнить это порученіе, такъ какъ мнѣ представлялся удобный предлогъ посѣтить юкагировъ, этотъ остатокъ чрезвычайно интереснаго и когда-то сравнительно многочисленнаго племени самыхъ древнихъ аборигеновъ сѣверо-востока Азіи.

До сихъ поръ мнѣ не приходилось бывать южнѣ Верхне-Колымска, такъ какъ далѣе населеніе становится крайне рѣдкимъ, и нѣтъ никакихъ дорогъ, такъ что путь туда былъ бы затруднителенъ и для меня, и, еще болѣе, для населенія, обязаннаго возить меня. Но теперь, въ виду необходимости, надо было пре-небrecъ этими неудобствами.

Ранѣе я встрѣчалъ отдѣльныхъ представителей этого племени въ городѣ, куда они ежегодно пріѣзжаютъ въ августѣ для сдачи ясака, закупки свинца и пороха и для продажи лодокъ; но познакомиться поближе съ условіями жизни этого племени мнѣ до сихъ поръ не приходилось.

9-го февраля, въ 6 часовъ вечера къ моей квартирѣ подъѣхали верхомъ 2 якута, стащили мою легонькую кибиточку, поставленную на крышу, чтобы ее не обглодали голодные упряжные собаки, набросили ремни, служащіе вмѣсто оглоблей, на сѣдла, и запряжка готова. Я облачился въ тройную мѣховую одежду, залѣзъ въ кибитку, укрылся теплымъ песцовымъ одѣяломъ, и мы поѣхали.

До первой станціи предстояло сдѣлать 80 верстъ, но почти на полпути есть якутское жильѣ, куда мы могли заѣхать, чтобы погрѣться, напиться чаю и дать отдыхъ лошадямъ.

Дорога близъ города сравнительно хорошая, и мы доѣхали до первой остановки въ 11 часовъ вечера, сдѣлавъ, значитъ, 40 верстъ въ 5 часовъ, при чемъ я не успѣлъ еще сильно озябнуть.

Обитатели юрты, къ которой мы подъѣхали, уже спали; большой переполохъ произвелъ я своимъ появленіемъ: люди въ темнотѣ вскакивали съ своихъ постелей и метались, какъ угорѣлые. Бросились тотчасъ же ставить дрова въ камелекъ и усиленно

раздувать угли. Моментально накинулись на меня и стали развязывать и стаскивать кухлянку (балахонъ изъ двойного оленьяго мѣха). Кто-то бросился за сѣномъ и внесъ громадную охапку холоднаго сѣна, которое разбросали по полу и по оронамъ (родъ идущихъ кругомъ стѣнъ наръ, служащихъ для спанья и сидѣнья).

Но, вотъ, загорѣлись дрова и освѣтили убогое жилище. Хозяйева, между тѣмъ, продолжали все суетиться: внесли большой кусокъ льда, изрубили его на мелкіе куски, наполнили имъ чайники и поставили на огонь. Хозяйка внесла кружки молока, масла, рыбу для строганины и для ужина ямщикамъ и стала готовить закуски къ чаю.

По всему было видно, что стоялъ большой морозъ: паръ повалилъ изъ моего дорожнаго ящика, когда я раскрылъ его, стаканъ ожегъ мнѣ руки, и я чуть не выронилъ его; вынутый, онъ моментально покрылся ледяной корой въ $\frac{1}{2}$ миллиметра толщины; хлѣбъ обратился въ камень, и надо было поставить его къ огню, чтобы онъ оттаялъ; черезъ полчаса онъ обгорѣлъ снаружи, а внутри все еще былъ ледъ, и его можно было рѣзать только съ краю; молоко кололось, какъ сахаръ, и долго не таяло на тарелкѣ.

Но животворящій огонь скоро все согрѣлъ, и въ юртѣ стало тепло, какъ въ банѣ. За горячимъ чаемъ я совсѣмъ забылъ о морозѣ и чувствовалъ бы себя вполнѣ хорошо, если бы варившаяся на ужинъ ямщикамъ рыба не издавала такого противнаго запаха. Если вамъ случалось бывать на рыбныхъ баржахъ на Волгѣ, то вы можете себѣ представить, что это за запахъ. Просто удивительно, какъ здѣшніе жители могутъ ѣсть эту рыбу, покрытую пѣной отъ гнилостныхъ газовъ и издающую невыносимый запахъ. И они говорятъ еще, что немного испортившаяся рыба лучше свѣжей, не такая, молъ, прѣсная, какъ та.

И, повидимому, эта пища не вредитъ имъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, не пришлось встрѣтить ни одного случая отравленія рыбнымъ ядомъ.

Здѣсь вовсе не умѣютъ консервировать рыбу; наловленная же лѣтомъ портится за неимѣніемъ хорошихъ погребовъ. Такимъ образомъ, населенію всю зиму приходится ѣсть рыбу разной степени гнилости, а рыба здѣсь вѣдь главная, а для бѣдняковъ единственная пища.

Напившись чаю и закусивъ, мы тронулись дальше и часовъ въ 6 утра добрались до первой станціи.

До слѣдующей станціи предстояло проѣхать 130 верстъ и на этомъ разстояніи было только одно жилое мѣсто „Матеркино“ въ 40 верстахъ. Въ виду большого переѣзда до станка мы поѣхали на трехъ лошадяхъ, но не на тройкѣ: образовалась цѣлая кавалькада. Мою кибитку попрежнему везли 2 лошади гуськомъ;

на каждой возсѣдалъ ямщикъ, а на одну лошадь нагрузили весь мой небольшой багажъ — около пуда, — верхомъ на ней ѣхалъ третій ямщикъ.

Въ Матеркино доѣхали мы часовъ черезъ шесть. Матеркино — поселеніе для нашего края сравнительно большое: тамъ расположены въ довольно близкомъ разстояніи другъ отъ друга 6 юртъ, да и въ сторонѣ, верстахъ въ 10 — 20, есть нѣсколько жилыхъ мѣстъ.

Эта мѣстность представляетъ одинъ изъ центровъ проказы въ округѣ; нѣтъ почти ни одного дома въ окрестности, въ которомъ не было бы заболѣваній проказой. Въ Матеркинѣ я остановился у зажиточнаго якута, Спиридона. Въ прошломъ году онъ жилъ въ другомъ мѣстѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ теперешняго жительства; тамъ жилъ онъ въ хорошей, большой юртѣ, но бросилъ ее и построилъ себѣ небольшую юрту въ другомъ мѣстѣ, потому что въ его семействѣ заболѣли проказой двѣ племянницы дочери его брата, умершаго тоже въ проказѣ.

Конечно, ихъ сейчасъ же выдѣлили въ отдѣльное помѣщеніе версты за двѣ, но это показалось недостаточнымъ, и Спиридонъ рѣшилъ переселиться съ насиженнаго мѣста со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ, бросить свой домъ, чтобы только бѣжать отъ ужасной гостии*). Но это ему не удалось — болѣзнь шла за нимъ по пятамъ: осмотрѣвъ его семейство, я нашелъ, что и третья его племянница, хорошенькая дѣвочка 5 лѣтъ, тоже поражена проказой.

Очень тяжело мнѣ было объявить это старику; мнѣ представлялся весь ужасъ положенія дѣвочки, которую выбросятъ, несомнѣнно, въ пустынную юрту, гдѣ ей придется жить безъ всякаго ухода. Но дѣлать было нечего... Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ старика; онъ принялъ это извѣстіе, какъ всякое другое, самое безразличное... А между тѣмъ, конечно, это было для него извѣстіе прямо поражающее; но якуты не любятъ выражать свои чувства при постороннихъ.

Въ Матеркинѣ мнѣ пришлось пробыть недолго. Я посѣтилъ пріютъ для прокаженныхъ, содержимый населегомъ; въ прошломъ году въ немъ было 6 человѣкъ, но лѣтомъ четверо умерли, да одинъ прибылъ новый, такъ что теперь въ немъ было трое.

Наследный сторожъ приходитъ нарубить дровъ, приносить ледъ для воды и пищу и ставить все близъ пріюта, самъ же никогда туда не заходитъ.

Такихъ пріютовъ въ нашемъ округѣ 5, да еще нѣсколько

*) Насколько якуты боятся проказы, показываетъ случай, бывшій недавно на урочищѣ Сыгытерѣ, одномъ изъ самыхъ большихъ поселеній въ округѣ: тамъ было одно заболѣваніе проказой и якуты тогда, побросавъ свои дома часовню переселились въ другое мѣсто.

прокаженныхъ содержатся поодинокѣ. Содержаніе этихъ приютовъ лежитъ тяжелымъ бременемъ на инородцахъ *).

Только поздно вечеромъ удалось мнѣ выбраться изъ этого печальнаго мѣста.

За всю ночь протащились мы 50 верстъ, и уже начало свѣтать, когда мы подъѣхали къ поварнѣ (такъ называется здѣсь нежилой домъ, построенный на дорогѣ для того, чтобы проѣзжіе могли найти въ немъ приютъ). Какъ ни плохо якутское жильё, все же оно во много разъ лучше, чѣмъ холодная поварня. Тамъ хоть скоро обогрѣвшись, а здѣсь и это удовольствіе надо отдалить, по крайней мѣрѣ, на часъ. Хорошо, если еще заготовлены дрова, а то куда набирать дровъ и затопить камелекъ, пройдетъ не мало времени.

Часамъ къ 12 дня прибыли мы, наконецъ, на станцію „Келэмъ“. Большое семейство распорядителя станціи оказалось сплошь зараженнымъ сифилисомъ, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ, такъ же, какъ и семья ихъ квартирантовъ; тутъ же я нашелъ двухъ слѣпыхъ отъ трахомы.

И въ такихъ домахъ останавливается много народу, ѣдятъ и пьютъ изъ одной посуды и курятъ изъ одной трубки съ хозяевами; понятно послѣ этого громадное распространеніе сифилиса въ нашихъ мѣстахъ.

Предстоящій переѣздъ до слѣдующей станціи—Родчева, самый большой (160 верстъ)—и на этомъ пространствѣ только три жилья. До послѣдняго жилья, отстоящаго отъ Родчева въ 60 верстахъ, я доѣхалъ на разсвѣтъ слѣдующаго дня. Когда, проспавъ часа четыре я проснулся, мнѣ сказали, что поднялась сильная вьюга, которая занесла дорогу. Вмѣстѣ съ вьюгой пришло и тепло, термометръ поднялся до 30° С. и въ моей кибиткѣ стало совсѣмъ жарко.

Къ 11 часамъ вечера доѣхалъ я, наконецъ, до Родчева, гдѣ въ то время происходило наследное собраніе („мунныхъ“) двухъ якутскихъ наслеговъ. Наслегъ соотвѣтствуетъ нашему сельскому обществу, но, такъ какъ якуты живутъ очень разбросанно, то и наслегъ тянется иногда на сотни верстъ; напр., 3-й Мятюжскій наслегъ раскинутъ по одному направленію на 370 верстъ.

*) Недавно я получилъ извѣстіе, что проектъ устройства здѣсь приюта для прокаженныхъ съ содержаніемъ отъ казны посланъ изъ Якутска на утвержденіе въ Петербургъ. Было бы большимъ благодѣяніемъ для края, если бы этотъ проектъ былъ утвержденъ, а то прямо непосильно для якутовъ содержать своихъ прокаженныхъ, да и разсѣянность ихъ мѣстожительствъ способствуетъ дальнѣйшему распространенію проказы. Всѣхъ признанныхъ прокаженныхъ въ Колымскомъ уездѣ 31 человекъ (жителей въ уездѣ 3,000); прокаженныхъ было бы гораздо болѣе, если бы они не вымирали быстро вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни: въ прошломъ году, напр. умерло 14 прокаженныхъ, а прибыло новыхъ 9.

И вотъ, якуты тянутся за десятки и сотни верстъ на „мунняхъ“. Эти собранія бываютъ 2 раза въ годъ, продолжаются по 10—20 дней, а иногда, какъ въ данномъ случаѣ, затягиваются на мѣсяцъ и болѣе. Сколько теряется времени на этихъ собраніяхъ! Въмѣсто того, чтобы промыслять рыбу или звѣря, нашъ инородецъ сидитъ по цѣлому мѣсяцу безъ дѣла и продаетъ то, что онъ добылъ ранѣе. Иногда еще „мунняхъ“ устраиваются въ самую страду, во время сѣнокоса; это ужъ настоящее разореніе для якута, тѣмъ болѣе, что сѣзды сопровождаются картежной игрой. Надо сказать, что якуты страшные картежники. Какъ только сѣдется на это собраніе якутская аристократія: улусный голова (вродѣ нашего волостного старшины), князья (сельскіе старосты и старшины), такъ и начинается отчаянный картежь, благо имъ торопиться некуда, такъ какъ должностныя лица получаютъ содержаніе отъ наслѣга.

Если это по близости отъ города, то туда пріѣзжаютъ профессиональные игроки, захвативъ съ собой ведерко, другое спирта.

Рядовымъ родовичамъ приходится содержать себя какъ знаютъ, но такъ какъ ихъ не отпускаютъ до окончанія собранія, то и они, отъ нечего дѣлать, тоже начинаютъ играть въ карты, и проигрываются до тла.

Настоящее собраніе, когда я пріѣхалъ, продолжалось уже болѣе сорока дней. Назначено оно было къ 1-му января; въ концѣ декабря сѣхались якуты, 1-го января пріѣхалъ улусный голова; ждали со дня на день пріѣзда улуснаго писаря, но его ждать пришлось цѣлый мѣсяцъ. Оказалось, что его задержали для какихъ-то справокъ въ городѣ.

Сѣхавшіеся проѣли уже всѣ имѣвшіеся въ Родчевѣ запасы пищи и питались лиственничной заболонью и падалью (благо лошади въ этомъ году нерѣдко падали отъ безкормицы). Для тойоновъ, конечно, пища находилась.

Все это не мѣшало участникамъ собранія предаваться со всей страстностью игрѣ въ карты, при чемъ „на козла“ ставились сѣти, скоть, чай, табакъ, пушнина; играли и въ долгъ, надѣясь на хорошій промыселъ въ будущемъ.

Собраніе это кончилось 15-го февраля и продолжалось такимъ образомъ 46 дней *)!

Въ Родчевѣ я остановился у единственнаго русскаго въ этой

*) Надо сказать, что вообще у якутовъ на общественныя нужды уходитъ черезчуръ много времени, то нужно поставить сторожей къ прокаженнымъ, въ церкви, въ управу, то доставить для этихъ сторожей, а также для прокаженныхъ и другихъ больныхъ и увѣчныхъ пищу, привезти дрова для церкви, доставить пищу поселенцу или отвезти его въ городъ, отопить управу, прокормить старостъ на собраніи, исправить дороги и поставить вѣхи, перевезти старосту, старшину, письмоводителя и т. д., и т. д.

мѣстности, г-на Данилова, интеллигентнаго человѣка, живущаго здѣсь уже 10 лѣтъ почти безвыѣздно. Онъ ведетъ при помощи своей семьи прекрасное молочное хозяйство, служащее образцомъ для якутовъ; ходатайствуетъ за бѣдняковъ, помогаетъ имъ въ нуждѣ и старается чѣмъ-нибудь принести пользу краю, куда занесла его судьба. Ведетъ онъ и торговлю необходимѣйшими для якутовъ товарами, при чемъ торгуетъ безъ всякой выгоды для себя, но только съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отъ торговли получалось въ годъ 50 руб. барыша (при 2.000 слишкомъ оборота), которые идутъ на вознагражденіе лицу, помогающему ему при торговлѣ.

Единственная цѣль этой торговли—доставленіе населенію возможно дешевыхъ товаровъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ началъ свою торговлю г. Даниловъ, цѣны въ этой мѣстности сильно понизились; такъ, напр., цѣна за кирпичъ чаю никогда почти не опускалась здѣсь ниже 3 руб., теперь же чай продается уже давно не дороже 1 р. 2 коп. Въ то время, какъ даже въ городѣ въ этомъ году торговцы устроили стачку (подъ предлогомъ китайскихъ событій!) и стали продавать чай вмѣсто 1 р. за 2 рубля, г. Даниловъ, получая товары изъ вторыхъ рукъ, могъ безъ убытка продавать по 1 р. 2 к. Сколько же, спрашивается, получаютъ наши торговцы?!

Давно уже ходятъ слухи, что казна хочетъ организовать торговлю въ нашемъ краѣ, что, при удачной организаціи, было бы настоящимъ благодѣяніемъ для мѣстнаго населенія. Но это дѣло что-то все затягивается, и когда будетъ организована казенная торговля и будетъ-ли, неизвѣстно.

Итакъ, я остановился у г. Данилова въ теплой, уютной, тихой юртѣ. Какъ пріятно было отдохнуть и физически, и нравственно отъ трудной дороги и отъ тяжелыхъ впечатлѣній за разговоромъ съ интеллигентнымъ человѣкомъ, не порвавшимъ, не смотря на многолѣтнее пребываніе въ Якутской области, съ высшими интересами. Какъ я былъ радъ, что не пришлось въ отведенной обществомъ юртѣ!

Прожить въ якутской юртѣ нѣсколько дней—настоящая пытка. Надо сказать, что якуты необыкновенно вѣжливы, и эта восточная вѣжливость доходитъ до подобострастія, до назойливости. Когда вы подѣдете къ якутской юртѣ, то оттуда выбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ, хватаютъ васъ подъ руки и вытаскиваютъ изъ кибитки, хотя бы вы вовсе не хотѣли ихъ помощи и даже просили васъ не трогать. Когда вы вошли въ юрту, то на васъ снова нападаетъ сразу нѣсколько человѣкъ, начинаютъ стаскивать съ васъ шубу и дѣлаютъ это такъ усердно и такъ неловко, что только мѣшаютъ раздѣваться. Когда вы сядете, то всѣ станутъ въ почти-тельномъ отдаленіи и, не спуская съ васъ глазъ, караулятъ каждое движеніе ваше. Чуть вы встанете, какъ присутствующіе на-

чинають метаться: кто бросается къ вашей шубѣ или шапкѣ, думая, что вы хотите выйти, нѣсколько человѣкъ стремительно, сбивая другъ друга съ ногъ, бѣгутъ къ дверямъ, чтобы отворить ихъ для васъ.

Такъ якуты относятся ко всякому „почетному человѣку“, будь то чиновникъ, врачъ, староста или просто богатый якутъ. Ни одинъ якутъ не позволитъ себѣ сѣсть безъ разрѣшенія при своемъ старостѣ: ведя съ нимъ разговоръ, онъ стоитъ въ почтительной позѣ и часто, часто кланяется въ поясъ. Такъ же, какъ якуты, относятся къ „начальству“ и ламуты; чукчи, наоборотъ, вовсе не признаютъ никакихъ властей, ни своихъ, ни русскихъ.

Я былъ очевидцемъ, какъ чукчи платили ясакъ исправнику на Анюйской ярмаркѣ. Набралась толпа чукчей въ квартиру исправника и разлеглись по лавкамъ, по постелямъ, ведя непринужденную бесѣду. Такъ называемые „оленные“ чукчи аккуратно уплатили свой ясакъ и требовали только, чтобы ихъ за это угостили водкой, но „носовые“ (съ Чукотскаго Носа) заявили, что, если имъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, не будетъ отдарковъ, то они возьмутъ свой ясакъ назадъ. Исправникъ сказалъ, что отдарковъ не будетъ въ этомъ году. „Ну, тогда отдай назадъ нашъ ясакъ“, — сказали чукчи и взяли своихъ лисицъ обратно.

Возвращаясь, однако, къ своему разсказу.

Пробывъ въ Родчевѣ однѣ сутки, я поѣхалъ далѣе въ Верхне-Колымскъ. По дорогѣ пришлось заѣхать еще въ два пріюта для прокаженныхъ, и опять та же безотрадная картина.

Въ одномъ изъ нихъ живетъ душевно-больная прокаженная; ее бросили даже ея сожителѣ прокаженные и перешли въ другой домъ. Теперь къ ней никто не ходитъ: сторожъ нарубить дровъ, принесетъ лѣду и мерзлую рыбу и уходитъ. Непонятно мнѣ, какъ она не замерзнетъ или не умретъ съ голоду.

II.

Наконецъ, подъ вечеръ 14-го января, я пріѣхалъ въ Верхне-Колымскъ.

Верхне-Колымскъ называютъ здѣсь еще „крѣпостью“, но отъ крѣпости, т. е. острожка, тамъ не осталось никакихъ слѣдовъ; говорятъ, еще недавно стояла какая-то деревянная башенка, но бывшій здѣсь священникъ сломалъ ее, а дерево употребилъ на необходимую къ дому пристройку. Должно быть, былъ большимъ любителемъ старины.

Теперь Верхне-Колымскъ—небольшое селеніе, въ которомъ есть старая деревянная церковь, домъ священника и съ полтора десятка разбросанныхъ тамъ и сямъ якутскихъ юртъ. Мрачное и безжизненное мѣсто!

Раньше жили здѣсь русскіе казаки, но лѣтъ 60—70 назадъ они были переселены отсюда, и теперь здѣсь живутъ только якуты.

Когда-то вообще Верхне-Колымская часть округа процвѣтала; здѣсь было много пушнины: соболь, лисица, росомаха, бѣлки водились во множествѣ. Теперь соболь совсѣмъ исчезъ, росомаха попадается рѣдко, лисицъ и бѣлокъ тоже стало гораздо меньше. Когда-то здѣсь у населенія было много скота и обильные рыбные промыслы, но теперь все это отошло въ область преданія.

Промыселъ рыбы становится все хуже и хуже, говорятъ, оттого, что климатъ дѣлается, замѣтно, суше; озеры мельчаютъ, а потому зимой промерзаютъ во многихъ мѣстахъ до дна, а рыба отъ этогодохнетъ. Недостатокъ въ рыбѣ заставляетъ убивать много скота.

Все это относится, впрочемъ, не только къ Верхне-Колымской части, но и ко всему нашему округу.

Уменьшенію скота въ другихъ мѣстахъ способствуютъ еще частыя эпизоотіи сибирской язвы.

Когда-то въ Верхне-Колымскѣ жило нѣсколько купцовъ, торговые обороты которыхъ доходили до 15.000 руб. въ годъ; теперь оборотъ всей Верхне-Колымской округи едва-ли болѣе 3000 р., а такія голодовки, какъ въ настоящемъ году, посѣщаютъ ее все чаще и чаще.

Единственнымъ спасеніемъ для края было бы земледѣліе, но оно, если и возможно, то только въ южной части округа: около Верхне-Колымска и южнѣе. Здѣсь прекрасно вырѣваются овощи, были попытки и земледѣлія, но недостаточно серьезныя; окончились онѣ неудачей. Въ настоящее время хотеть сдѣлать еще такую попытку г. Суровцевъ, достигшій прекрасныхъ результатовъ въ огородничествѣ даже въ Средне-Колымскѣ (подъ 67° сѣв. широты). Онъ переселился теперь въ Родчево (66°18') и намѣренъ заняться здѣсь земледѣліемъ. Если бы это удалось ему, то это было бы настоящимъ благодѣяніемъ для нашего вымирающаго края.

Особенно тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня Верхне-Колымскъ въ первое мое посѣщеніе. Это было въ маѣ 1899 года; я только что пріѣхалъ изъ Якутска въ Средне-Колымскъ, какъ приходилось снова ѣхать въ Верхне-Колымскъ.

Въ концѣ мая поѣхалъ я въ Верхній. Лѣтомъ дорога идетъ рѣкой. Многоводная Колыма была въ полномъ разливѣ. Берега были затоплены, бичевой было идти нельзя, пришлось ѣхать на веслахъ. Стояли прекрасные весенніе дни, которые и за полярнымъ кругомъ имѣютъ много прелести; ночи совсѣмъ не было: солнце уже не спускалось за горизонтъ. Ёхали мы круглые сутки и на 7-ой день доѣхали. Чѣмъ ближе къ Верхнему, тѣмъ

природа становится богаче: вмѣсто однообразнаго лѣса, состоящаго изъ тонкостволыхъ лиственницъ, попадаетъ тополь, рябина, береза, роскошные кусты шиповника, но всякаго путешественника поражаетъ необыкновенная пустынность края: на самой рѣкѣ почти вовсе нѣтъ жилыхъ мѣстъ; поражаетъ контрастъ между ликующей природой и жалкимъ, голоднымъ, безпомощнымъ человѣкомъ.

Мои впечатлѣнія въ Верхнемъ были тоже очень невеселаго свойства: среди обитателей этого селенія я нашелъ одного прокаженнаго, много сифилитиковъ, много страдающихъ глазами и многихъ больныхъ своеобразной мѣстной формой истеріи—„мэнэрикъ“.

Эта болѣзнь, нѣчто вродѣ нашего кликушества, только въ болѣе сильной степени. Ею страдаютъ почти поголовно всѣ якутскія женщины и дѣвушки, нерѣдко и мужчины.

Мэнэричка то поетъ и кричитъ въ безсознательномъ состояніи, то рветъ на себѣ одежду, бросается на людей съ ножомъ; то лежитъ въ летарическомъ состояніи безъ движенія и дыханія въ теченіе часа и болѣе, послѣ чего съ нею начинаются сильнѣйшія судороги: ее бросаетъ на постели или выгибаетъ въ дугу, такъ что затылокъ сходится съ пятками. Эти припадки у нѣкоторыхъ повторяются очень часто и продолжаются въ легкихъ случаяхъ по нѣскольку часовъ, а въ тяжелыхъ по нѣскольку дней и недѣль.

Мэнэричка считается одержимой бѣсомъ; къ медицинской помощи для ея лѣченія прибѣгаютъ очень рѣдко, да и то только въ городѣ; обыкновенно же обращаются за помощью къ шаману или къ священнику, или къ тому и другому вмѣстѣ, а, чтобы она не мѣшала другимъ работать, ее крѣпко связываютъ ремнями.

Къ старости мэнэричскіе припадки обыкновенно дѣлаются рѣже и слабѣе, но за то у всѣхъ почти здѣшнихъ женщинъ послѣ 40 лѣтъ развивается другая тяжелая психическая болѣзнь—эмиряченіе. Болѣзнь эта еще мало изслѣдована.

Въ это лѣто мэнэрикъ принялъ эпидемическій характеръ у юкагировъ, о чемъ я расскажу ниже.

При такой болѣзненности населенія—здѣсь полное отсутствіе медицинской помощи! Въ Верхнемъ полагается по штату фельдшеръ, но нѣтъ желающихъ занять это мѣсто; во всемъ Колымскомъ округѣ полагается 1 врачъ и 4 фельдшера, но въ теченіе 8 лѣтъ здѣсь не было врача, и всѣмъ медицинскимъ дѣломъ въ округѣ завѣдывалъ одинъ фельдшеръ.

Познакомился я въ Верхнемъ и съ мѣстной интеллигенціей: учителемъ церковно-приходской школы и священникомъ.

Учитель молодой, симпатичный юноша изъ колымскихъ казаковъ, представляющій пріятное исключеніе среди колымскихъ учителей, людей безграмотныхъ и грубыхъ. Вообще, школьное

дѣло поставлено у насъ изъ рукъ вонъ плохо: во всемъ округѣ 3 церковно-приходскія школы, которыя за все время своего существованія не выпустили *ни одного человека*, умѣющаго правильно писать.

Съ учителемъ зашелъ я къ мѣстному священнику. Когда я отворилъ дверь его дома, то увидѣлъ нѣсколько дѣвицъ, которыя тотчасъ же стремительно бросились бѣжать и спрятались за перегородку. Положеніе семей духовныхъ лицъ въ этихъ мѣстахъ таково, что дѣвушки положительно отвыкаютъ въ безлюдьи отъ общества и никогда не показываются рѣдкимъ „культурнымъ“ посѣтителемъ.

Въ нынѣшній мой прїѣздъ въ Верхнемъ было какъ-то мертво и тихо.

Здѣсь посѣтилъ я школу: въ ней училось 12 дѣтей; изъ нихъ одна дѣвочка юкагирка и одинъ мальчикъ ламутъ, остальные—якуты.

Якутскіе дѣти-ученики производятъ какое-то гнетущее впечатлѣніе своею забитостью и робостью. Мѣстный учитель, любовно относящійся къ своимъ ученикамъ, говорилъ мнѣ, что это—удивительно спокойныя дѣти, никогда не шумящія и не шалющія въ классѣ, рѣзкая противоположность съ русскими мальчиками въ Среднемъ и Нижнемъ.

Нѣсколько учениковъ страдаютъ припадками, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ были принуждены оставить ученіе.

Вечеромъ одна ученица-юкагирка пришла вмѣстѣ съ своимъ братомъ и матерью на квартиру къ учителю, гдѣ я остановился. Я заставилъ ее прочесть по книгѣ; она уже бойко читала, но по-русски почти совсѣмъ ничего не понимала, хотя училась уже болѣе года.

Вообще русскій языкъ очень трудно дается мѣстнымъ инородцамъ: знающіе русскій языкъ во всемъ округѣ на перечесть, кромѣ Нижне-Колымской части округа, совершенно обрусѣлой.

Когда дѣвочка прочла нѣсколько строкъ, я заговорилъ съ ея братомъ, и меня поразило, что она во все время разговора стояла безъ движенія, пристально смотря въ одну точку; затѣмъ я замолчалъ и выждалъ минутъ 5; въ теченіе ихъ и братъ, и сестра стояли, какъ статуи, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ. Продолживъ молчаніе еще нѣсколько минутъ, я замѣтилъ, что дѣвочка впала въ каталептическое состояніе, что сильно напугало присутствовавшихъ, въ томъ числѣ ея мать. Послѣдняя принесла полвѣчитъ ко мнѣ своего 5-мѣсячнаго ребенка; оказалось, что, такъ какъ у нея было мало молока, то она прикармливала ребенка съ первыхъ же дней его жизни налимымъ печенкой и икрой; теперь это уже его единственная пища и, не смотря на то, это былъ довольно хорошо упитанный ребенокъ.

Обыкновенно матери здѣсь кормятъ своихъ дѣтей грудью до

3—4 лѣтъ и прежде, чѣмъ ребенокъ отвыкнетъ отъ груди, онъ часто научается курить; я былъ однажды очевидцемъ такой картины: мать, покормивъ грудью своего ребенка, суетъ ему въ ротъ покурить свою трубку!

III.

До конечной цѣли моей поѣздки, юкагирскаго поселка „Не-лемнаго“ оставалось мнѣ проѣхать еще 80 верстъ; санной дороги далѣе не было, приходилось ѣхать верхомъ—не особенно пріятная перспектива при такомъ морозѣ.

Моимъ спутникомъ былъ самый богатый въ окрестности якутъ—Салта-Бачюкъ; я купилъ у него трехъ лошадей для удовольствія юкагировъ, табунъ же его пасся недалеко отъ Нелемнаго и вотъ онъ поѣхалъ со мной для того, чтобы поймать коней и передать ихъ юкагирамъ.

Выѣхали мы 15-го февраля, послѣ обѣда, часа въ 3; до ближайшаго жилья предстояло сдѣлать 40 верстъ. Дорога была очень плоха, лошади могли идти только шагомъ. На наше счастье недавно кто-то проѣзжалъ по этой дорогѣ, и были конскіе слѣды, такъ что лошадямъ не пришлось пробивать дорогу по цѣлинѣ. Дорога шла по рѣкѣ Ясачной. Не весело было тащиться. Я надобдалъ своему спутнику вопросами: „далеко-ли до жилья?“; онъ неизмѣнно и невозмутимо отвѣчалъ: „ырахъ“ (далеко). Счастливецъ, онъ крѣпко спалъ бы всю дорогу, если бы я не мѣшалъ ему своими разспросами. Вдругъ, неожиданно для насъ, мелькнулъ передъ нами цѣлый снопъ искръ изъ трубы.

Мы вошли въ маленькую грязную юрту и застали тамъ большое общество: нѣсколько якутовъ, одного юкагира и одного ламута. Для нихъ наше появленіе тоже было совсѣмъ неожиданно; нѣкоторые растерялись и долго не могли придти въ себя.

Я очень обрадовался, увидѣвъ среди присутствующихъ моего знакомаго юкагира, Долганова, единственнаго изъ юкагировъ, знающаго по-русски, хорошаго и опытнаго переводчика, много поѣздившаго по округу съ извѣстнымъ изслѣдователемъ юкагировъ, г. Юхельсономъ.

Въ эту, обыкновенно нежилую, юрту пришли якуты для ловли „мордами“ налимовъ въ р. Ясачной, а юкагиръ и ламуть шли въ „крѣпость“ искать пищи для своихъ родовичей. Когда они узнали, что я привезъ имъ пищу, они очень обрадовались, и рѣшили ѣхать со мной назадъ, благо съ нами были 2 запасныя лошади.

Пока что, старикъ-якутъ поставилъ намъ къ чаю закуску изъ трехъ блюдъ: мерзлую, сырую налимяю печенку (максу), налимяю икру и варенаго налима. Онъ относился къ налиму съ какой-то нѣжностью, какъ нашъ крестьянинъ къ „хлѣбушку“, и рассказывалъ, что они сильно голодали, но ихъ спасъ голубчикъ налимя..

Напившись чаю, мы поѣхали дальше. Только въ 11 часовъ вечера доѣхали мы до ночлега. Я страшно усталъ отъ непривычки къ верховой ѣздѣ; ноги затекли и окоченѣли, спина болѣла, и я едва дождался чаю, послѣ котораго уснулъ, какъ убитый.

Юрта эта стояла въ красивой березовой рошѣ; я привыкъ видѣть здѣсь постоянно печальный, безжизненный, тундренный лѣсъ изъ тонкихъ лиственницъ, а потому эта веселая березовая роща, освѣщенная яркимъ солнцемъ, давала иллюзію родныхъ мѣстъ...

Эта юрта представляетъ послѣднее якутское жилье; далѣе къ югу на Нелемной живетъ родъ юагировъ (Ушканскій) и объюагирившаяся часть 2-го ламутскаго рода, 120 душъ обоого пола; еще далѣе къ югу, по рѣкѣ Коркодону, живетъ еще нѣсколько семействъ юагировъ и ламутовъ, далѣе же во всемъ бассейнѣ р. Колымы, болѣе чѣмъ на 1,000 верстъ, нѣтъ осѣдлыхъ жителей; на громадной территоріи бродитъ только нѣсколько семействъ оленеводовъ ламутовъ *). Очень вѣроятно, что на всемъ этомъ пространствѣ возможно земледѣліе; по крайней мѣрѣ, въ Якутскомъ округѣ на тѣхъ же широтахъ съ успѣхомъ занимаются культурой хлѣбовъ.

Ѣхать сегодня было веселѣе; день былъ прекрасный, дорога шла большей частью лѣсомъ. Попадалось множество звѣриныхъ слѣдовъ, и Долгановъ посвящалъ меня въ тайны своеобразной лѣсной письменности, съ которой онъ былъ знакомъ въ совершенствѣ. Слѣды горностая, лисицы, зайца, куропатки, тетерева легко отличить одинъ отъ другого, и я сталъ скоро безошибочно ихъ узнавать. Но мнѣ рѣшительно не удалось уловить разницу между слѣдами дикаго и домашняго оленя.

Разсказывалъ Долгановъ мнѣ много и про житье-бытье юагировъ. Оказалось, что голодъ постигъ ихъ въ этомъ году вслѣдствіе очень плохого улова рыбы лѣтомъ. Рыбныхъ запасовъ хватило у нихъ едва до Новаго года; съ того времени они едва перебиваются, промысляя куропатоку и зайцевъ, да и тѣхъ въ этомъ году мало; скота у нихъ, кромѣ ѣзовыхъ собакъ нѣтъ. Да и собаки то сталидохнуть отъ безкормицы и уже около трети ихъ пало, а скоро падутъ и остальные. Главная же бѣда ихъ теперь въ томъ, что безъ запасовъ пищи они не могутъ двинуться вверхъ по Ясачной на весенній промыселъ. Туда уходятъ они въ концѣ февраля или началѣ марта. Мужчины идутъ впередъ на лыжахъ и пробиваютъ дорогу, сзади женщины и собаки тащить нартъ съ утварью, пищею и маленькими дѣтьми. Придя на весеннее стойбище, они промысляютъ рыбу, зайцевъ; но глав-

*) Близъ истоковъ Колымы живетъ еще нѣсколько семействъ переселенцевъ изъ Якутскаго округа, тамъ же заимка одного казака, занимающагося перевозкой товаровъ изъ Ольской бухты Охотскаго моря до рѣки Колымы, а потомъ сплавляющаго ихъ въ Ср.-Колымскъ.

ный их промыселъ весной—это охота на дикихъ оленей, которыхъ въ хорошій годъ убиваютъ десятками.

За разговоромъ съ Долгановымъ я и не замѣтилъ, какъ мы подъѣхали къ юкагирскому поселку, стоящему на высокомъ берегу р. Ясачной.

Взобравшись на гору, я увидѣлъ въ безпорядкѣ разбросанные домики; около одного изъ нихъ собралась большая толпа, и мы подъѣхали къ ней. Я вошелъ въ домъ, туда вошли и многіе съ улицы, преимущественно болѣе почетные люди—старики, и началась церемонія представленія; прежде всего поздоровался староста или, какъ его называютъ здѣсь, князь Григорій, пожилой человѣкъ лѣтъ 60, потомъ ламутскій старшина, затѣмъ и рядовые родовичи; каждый подходилъ, сложивъ руки, какъ подѣ благословеніе; я протягивалъ руку, и они жали ее обѣими руками.

Юкагиры и ламуты изысканно вѣжливы, но въ ихъ вѣжливости, какъ-то больше достоинства, и незамѣтно того подобострастія, какъ у якутовъ. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ было написано уныніе и истощеніе; оказалось, что ужъ четыре дня они почти вовсе не ѣли, да и до этого они питались очень плохо: у кого еще оставалась рыба или кто добывалъ въ долгъ отъ якутовъ мяса, тотъ дѣлился по кусочку съ остальными.

Я имъ объявилъ, что для нихъ прислано отъ казны заимобразно 100 р. (на которые я купилъ уже для нихъ 3 лошади) и еще 15 пудовъ муки, которую они имѣютъ получить въ Верхне-Колымскѣ, въ казенномъ магазинѣ *). Они въ одинъ голосъ заявили, что этого для нихъ—120 душъ, крайне недостаточно: не хватитъ для того, чтобы перекочевать на мѣсто весенняго промысла, тѣмъ болѣе, что имъ придется везти утварь на себѣ, такъ какъ часть собакъ уже подохла, а, вѣроятно, скоро подохнутъ и остальные.

Я предложилъ обсудить, что необходимо имъ, чтобы имѣть возможность двинуться въ путь. Тогда юкагиры и ламуты устроили сходки въ двухъ отдѣльных домахъ. Черезъ часъ пришли старосты и объявили мнѣ, что, самое меньшее, потребуется, кромѣ трехъ лошадей, уже купленныхъ мною, еще 5.

Я зналъ, что юкагиры просятъ о помощи только при послѣдней крайности. Смѣна періодовъ обилія пищи и голодовокъ у нихъ явленіе обычное, но они, если только смогутъ перебиться или занять у якутовъ, ни за что не обратятся за помощью къ казнѣ. Въ прежніе годы, насколько помнятъ старину, они обращались къ администраціи за помощью только два раза: одинъ разъ

*) Въ этомъ магазинѣ хранится мука для духовенства, которое, какъ и всѣ чиновники и казаки, кромѣ жалованья, получаетъ еще пайки ржаной муки и рису; кромѣ этой муки, въ Колымскій округъ мука купцами не привозится и въ частной продажѣ ея нѣтъ; можно купить ее только у казаковъ. Населеніе муку употребляетъ рѣдко, въ видѣ лепешекъ или подмѣшивая ее въ супъ.

въ 60-хъ годахъ,—тогда ихъ спасло отъ голодной смерти пожертвованіе одного купца—20 лошадей; другой разъ въ 1882 г.—тогда, по распоряженію исправника, для нихъ закуплены были олени у чукчей.

Мнѣ предстояло предпринять что-нибудь немедленно, такъ какъ имъ скоро необходимо двинуться въ путь, и я рѣшилъ приобрести для нихъ въ Верхне-Колымскѣ 5 лошадей, на имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи благотворительныя средства для прокаженныхъ, съ тѣмъ, чтобы они современемъ выплатили ихъ.

Я это сдѣлалъ потому, во-первыхъ, что случай былъ экстренный; дѣло шло о спасеніи отъ голодной смерти или, по крайней мѣрѣ, отъ полнаго разоренія цѣлыхъ двухъ родовъ, а во-вторыхъ, эти юкагиры постоянно удѣляютъ отъ своего осенняго рыбнаго промысла пай для прокаженныхъ якутовъ.

Когда я объявилъ имъ, что я смогу удовлетворить ихъ желаніе, они очень обрадовались, и просили только, чтобы я разрѣшилъ сейчасъ же убить привезенную нами лошадь.

Моментально ее убили, раздѣлили на части, и во всѣхъ домахъ затопились камельки.

Я остановился въ домѣ ламутскаго старшины Михаила Тайшина; домъ былъ русской постройки, большой, съ поломъ, съ хорошими столами и скамейками, вообще, онъ представлялъ пріятный контрастъ съ плохими якутскими юртами. Юкагиры славятся, какъ хорошіе мастера; у нихъ есть хорошіе плотники, лучший въ окрестности кузнецъ и слесарь. Они же дѣлаютъ лучшія на Колымѣ лодки и вѣтки (родъ челнока), при чемъ, при постройкѣ лодки, не употребляютъ ни одного гвоздя: доски сшиваются тальничными вѣтвями *).

Вечеромъ я пошелъ познакомиться съ сосѣдями; прежде всего зашелъ я къ кузнецу Василию Шалугину, старику, отцу многочисленнаго семейства. Много онъ мнѣ разсказалъ любопытнаго изъ теперешней и прошлой юкагирской жизни.

Разговоръ у насъ шелъ на международномъ въ Якутской области языкѣ—якутскомъ; немного я владѣю имъ самъ, а въ болѣе трудныхъ случаяхъ выручалъ Долгановъ.

Мнѣ вспомнился тутъ случай, бывшій съ этимъ старикомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказанный у г. Юхельсона **) и

*) Юкагиры говорили мнѣ, что строить русскіе дома и нѣкоторымъ другимъ промысламъ научилъ ихъ поселившійся съ ними лѣтъ 100 тому назадъ одинъ русскій мѣщанинъ изъ Ср.-Колымска, который совершенно обюкагирился и его потомство осталось навсегда среди юкагировъ. Теперь его правнукъ не знаетъ ни слова по-русски, юкагиры его считаютъ своимъ. Онъ одинъ изъ лучшихъ промышленниковъ, убившій на своемъ вѣку не одинъ десятокъ медвѣдей. Его прозвище «мѣщанъ».

**) См. В. И. Юхельсонъ. «По рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Древній и современный юкагирскій бытъ и письмена». С.-Петербургъ, 1898 г. стр. 19.

очень характерный для здѣшнихъ отношеній; приведу его цѣликомъ:

„Одинъ господинъ, взялъ съ собой Шалугина проводникомъ на Коркодонъ. По дорогѣ онъ далъ Шалугину разныхъ товаровъ и велѣлъ ихъ обмѣнивать на лисицъ и бѣлокъ. Шалугинъ не смѣлъ отказать важному лицу и неожиданнымъ образомъ попалъ въ крупные приказчики. Среди взятыхъ имъ товаровъ была кожанная сумъ съ „круглой русской ѣдой“, т. е. съ сушками. Каждая сушка была опѣнена въ одну бѣлку, т. е. въ 20 коп. Въ дорогѣ конь Шалугина на наледи споткнулся, упалъ и раздавилъ часть сушекъ. Шалугинъ въ смертельномъ страхѣ хотѣлъ отдѣлаться отъ такого хрупкаго товара и предлагалъ суму своему довѣрителю обратно. Но послѣдній не взялъ, говоря: „ты принялъ, ты отвѣчать будешь“. На Коркодонѣ часть сушекъ, оставшихся цѣлыми, старикъ промѣнялъ на бѣлокъ. Ламуты не находили, что цѣна нѣсколько высокая.

„Остальные сушки въ сумѣ старикъ положилъ на плоскую крышу землянки. Объ этомъ узнали коркодонскія дѣти, и русская ѣда, сохранившая и не сохранившая круглую форму, весьма скоро очутилась въ ихъ желудкахъ. Шалугину же пришлось отвѣчать по первоначальному счету, котораго, впрочемъ, онъ не зналъ и не знаетъ. Но съ тѣхъ поръ прошло уже 8 лѣтъ, и каждый годъ Шалугинъ выплачивалъ долгъ лисицами и лодками, а въ прошломъ году за нимъ еще числилось 150 р. Такъ печально кончилась крупная торговля кузнеца“.

На вопросъ мой, выплатилъ ли онъ теперь весь долгъ, Шалугинъ сказалъ, что долгу на немъ осталось 12 рублей, но теперь ужъ онъ платить не будетъ.

Вообще юкагиры отличаются необыкновенной честностью, и купцы знаютъ, что они съ нихъ получаютъ рано или поздно свои долги со сложными процентами.

Изъ разговоровъ съ юкагирами мнѣ выяснилось, что они постоянно являются объектами самой грубой эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ. Сами же юкагиры—чрезвычайно симпатичный, милый, жизнерадостный народъ и всего менѣе склонны къ эксплуатаціи другихъ.

Мнѣ рассказывали юкагиры, что между собой они рѣдко считаются: у кого есть чай, табакъ, пища, добытая ли на охотѣ, купленная, или взятая въ долгъ у якутовъ или русскихъ, тотъ дѣлится ею съ неимущими. Кузнецы и плотники со своихъ за работу ничего не берутъ, развѣ кто-либо принесетъ мастеру какой-нибудь подарокъ. Если и бываютъ случаи купли-продажи между своими, — говорили они, —то только пока мы живемъ въ своихъ зимникахъ. Но какъ только выйдемъ на промыселъ, тутъ у насъ ужъ все общее“. При дѣлежѣ добычи совместной охоты прежде всего надѣляются сироты, больные, старики. Убившій звѣря не

имѣть въ немъ части; онъ получить часть, когда убьютъ другіе. Въ частную собственность поступаетъ только добыча отъ охоты въ одиночку, то, что попадется въ ловушки и западни. Когда у юкагировъ много пищи, то всѣ желающіе могутъ придти къ нимъ и ѣсть вдоволь, чѣмъ и пользуются якуты; они приходятъ послѣ осенняго промысла рыбы и живутъ у юкагировъ подолгу, тоже бываетъ и весной, когда услышатъ они, что юкагиры хорошо промыслили оленей. Но когда юкагиры голодаютъ, имъ никто не поможетъ. Когда въ сентябрѣ бываетъ ходъ рыбы съ верховьевъ Ясачной и Нелемной и юкагиры перегораживаютъ рѣку и ставятъ мережи (черезовое), то къ этому времени приходятъ богатые якуты, имѣющіе невода и сѣти и вылавливаютъ и распугиваютъ рыбу, вслѣдствіе чего черезовой промыселъ бываетъ менѣе обиленъ; но якуты не довольствуются и этимъ: они выпрашиваютъ панъ въ черезовомъ промыслѣ, давая обѣщанія помогать юкагирамъ въ нуждѣ. Заполучивъ такимъ образомъ много рыбы, они потомъ, при случаѣ, продаютъ эту рыбу тѣмъ же юкагирамъ въ тридорога, а придетъ нужда къ юкагирамъ, они и не думаютъ имъ помочь, развѣ только дадутъ что-нибудь въ долгъ. Сами юкагиры добытую при черезовомъ промыслѣ рыбу дѣлятъ по семействамъ, по числу ѣдоковъ въ каждомъ.

На другой день я обошелъ всѣ дома, переписалъ по своей программѣ и осмотрѣлъ ихъ обитателей. Затѣмъ я рѣшилъ посѣтить другой поселокъ, отстоящій отъ перваго верстахъ въ четырехъ. Поѣхалъ я на собакахъ; юкагирскія собаки не приучены бѣжать безъ проводника, какъ ниже-колымскія, которыя бѣгутъ безъ возжей, слушаясь команды „каюра“ (погонщика). Впереди побѣжалъ молодой ламуть, Матвѣй, красивый юноша съ длинными, до плечъ, черными волосами, лучшій промышленникъ (охотникъ) на оленей. За нимъ бросились собаки, съ трудомъ догоняя его. Сзади бѣжали еще два юкагира.

Мнѣ было какъ-то неловко сидѣть на нартѣ, въ то время какъ спутники мои бѣжали и если бы я зналъ способъ юкагирской ѣзды на собакахъ, то не поѣхалъ бы, а пошелъ бы пѣшкомъ; но я догадался въ чемъ дѣло, когда собаки уже побѣжали. Впрочемъ, надо сказать, что бѣгъ для насъ и для юкагировъ не одно и то же. Эти люди догоняютъ на лыжахъ оленя и могутъ пробѣжать безъ отдыха болѣе десяти верстъ. Когда мы доѣхали до поселка, то я замѣтилъ, что мои спутники сильно вспотѣли, но мнѣ не удалось примѣтить у нихъ и слѣда одышки.

Въ этомъ поселкѣ тоже 6 домовъ; всѣхъ обитателей ихъ я тоже переписалъ и опросилъ. Изложу здѣсь вкратцѣ результаты того, что я узналъ изъ личныхъ разспросовъ, а также изъ разныхъ официальныхъ данныхъ. Кромѣ того, все это было про-

вѣрено мною на основаніи данныхъ, сообщенныхъ г. Юхельсономъ въ вышеупомянутомъ докладѣ.

IV.

Юкагиры—коренные аборигены сѣверо-востока Сибири; послѣ нихъ пришли сюда ламуты, въ срединѣ 17-го вѣка явились русскіе, а за ними вскорѣ и якуты.

До прихода русскихъ это было многочисленное племя, жившее охотой и рыбной ловлей по всѣмъ рѣкамъ сѣверо-восточной Сибири; послѣ прихода русскихъ это племя стало вымирать и теперь сохранились отъ него только жалкіе остатки *); жизнью же, близкой къ жизни первобытныхъ юкагировъ, живетъ только описываемый теперь мною Ушканскій родъ да объюкагирившаяся часть ламутскаго наслѣга. Эти ламуты лѣтъ 80 тому назадъ лишились своихъ оленей и присоединились къ юкагирамъ; они сильно смѣшались съ ними, но сохранили еще свой языкъ, хотя всѣ знаютъ и по-юкагирски. Наоборотъ, юкагиры, живущіе по среднему теченію Омолона и въ Зап. Тундрѣ оламутились и стали оленеводами, но тоже сохранили свой языкъ, живущіе же по нижнему теченію Колымы совершенно обрусѣли и забыли свой языкъ.

Не смотря на сильную помѣсь юкагировъ съ окружающими племенами, въ особенности же съ рѣзко монгололидными ламутами, можно уловить особенности юкагирскаго типа; это стройные, легкіе люди невысокаго роста, съ продолговатымъ правильнымъ лицомъ, съ свѣтло-кариими глазами, съ черными, прямыми, длинными до плечъ волосами и почти безъ признаковъ растительности на лицѣ. У женщинъ монгололидныя черты развиты сильнѣе.

Здоровье населенія въ плохомъ состояніи, въ особенности это можно сказать о нервной системѣ: изъ 29 опрошенныхъ мною мужчинъ и 38 женщинъ, 17 мужчинъ и 22 женщины страдали сильными истерическими припадками съ кратковременнымъ или длительнымъ затемненіемъ сознанія.

Весной 1899 года заболѣло мэнэряченъемъ сразу нѣсколько человѣкъ, къ осени эпидемія усилилась и охватила, по меньшей мѣрѣ, одну треть взрослога населенія. Время было самое горячее: черезовой промыселъ, отъ успѣховъ котораго зависитъ питаніе въ теченіе всей зимы, а тутъ въ каждой семьѣ былъ одинъ или нѣсколько больныхъ, нѣкоторыя же семьи хворали поголовно.

Больные были охвачены буйнымъ бѣшенствомъ, бросались на людей съ ножомъ, съ топоромъ, рвали на себѣ одежду, бросались

*) Въ 1857 году юкагировъ по ревизіи оказалось 538, въ 1897 г. по переписи—214 чел.; уменьшеніе болѣе чѣмъ вдвое.

въ огонь, убѣгали въ лѣсъ и тамъ, взобравшись на дерево, сидѣли по цѣлымъ часамъ. Какъ тутъ за ними усмотрѣть? Больныхъ собирали въ одинъ домъ, связывали крѣпко ремнями и ставили нѣсколькихъ караульныхъ смотрѣть за ними.

Такъ продолжалось въ теченіе всей зимы. Больные нерѣдко приходили въ себя; такіе свѣтлые промежутки длились отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней, а затѣмъ припадокъ повторялся. Къ веснѣ свѣтлые промежутки у больныхъ стали удлиняться, припадки сдѣлались рѣже. Въ мартѣ здоровье больныхъ поправилось настолько, что можно было двинуться на промыселъ. Лѣтомъ 1900 г. мэнэряченъе опять явилось, но не достигло степени прошлаго года, въ настоящее же время припадки у больныхъ стали повторяться сравнительно рѣдко. Интересно, что за причина этой болѣзни?

Юкагиры говорятъ, что это дьяволъ вселяется въ больныхъ болѣе разумные между ними объясняютъ это глистами. И, дѣйствительно, у юкагировъ (какъ вообще у всего населенія Якутской области) глистность необыкновенно часта, что зависитъ отъ употребленія въ пищу сырой рыбы.

Въ остальномъ здоровье юкагировъ тоже не важно: я нашелъ нѣсколько туберкулезныхъ, много слѣпыхъ отъ трахомы. Сифилисъ, къ счастью, распространенъ мало (только 2 случая въ незаразительномъ періодѣ). Надо еще отмѣтить малую плодovitость женщинъ и большую дѣтскую смертность.

Юкагиры застѣнчивые и робкіе люди въ отношеніяхъ съ людьми, но смѣлые и ловкіе охотники; они не боятся выходить одинъ на одинъ на медвѣдя съ своей плохой, допотопной кремневой винтовкой, стволъ которой привязанъ къ самодѣльному ложу ремешками; это ружье часто даетъ осѣчки. Одной и той же пулькой убиваютъ юкагиры медвѣдя и бѣлку, лося и куропатку дробовиковъ у нихъ нѣтъ, а при здѣшнемъ обиліи дичи они могли бы имъ сослужить хорошую службу.

Рыболовныя снасти у нихъ очень плохи: ихъ очень мало, и при томъ онѣ крайне ветхи. Волось и конопля здѣсь очень дороги и рѣдки и имъ трудно достать ихъ.

Одежда юкагировъ тоже плоха: они носятъ кафтаны изъ оленьей кожи, надѣваемые прямо на голое тѣло; мѣховыя кулашки изъ оленьихъ шкуръ теперь очень трудно доставать, такъ какъ оленные ламуты продаютъ шкуры якутамъ и купцамъ, а промыслы дикихъ оленей становятся все хуже. Не смотря на убогость одежды, она часто причудливо вышита крашеной оленьей шерстью, кусками разноцвѣтной кожи, оленьими жилами и бисеромъ. Вообще, эстетика играетъ большую роль въ жизни юкагировъ. Между прочимъ, стоитъ замѣтить, что у нихъ сохранились очень интересныя картинныя письмена; пишутъ они остріемъ ножа на берестѣ посредствомъ фигуръ и условныхъ знаковъ.

Они также хорошіе картографы: замѣчательно точно умѣютъ передавать направленіе рѣчекъ и урочища. Рисуютъ карты тоже на берестѣ. Большой недостатокъ чувствуется въ желѣзныхъ издѣліяхъ—топорахъ, ножахъ, котлахъ; посуды почти никакой нѣтъ, кромѣ берестяной, однимъ словомъ, жизнь съ нашей точки зрѣнія въ высшей степени жалкая.

Всетаки эти юкагиры живутъ еще не въ самыхъ худшихъ условіяхъ. Въ минуту крайней нужды они могутъ получить хоть какую нибудь помощь отъ близъ живущихъ якутовъ или отъ администраціи; но въ нашемъ округѣ есть мѣста, куда еще не ступала нога культурнаго человѣка; и вотъ живущіе въ такихъ-то дикихъ мѣстахъ въ случаѣ голодовки вполнѣ безпомощны.

Одно изъ такихъ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстъ—среднее теченіе р. Омолона. Тамъ живетъ нѣсколько десятковъ ламутовъ. Въ 1896 году возникло дѣло по подозрѣнію нѣсколькихъ ламутовъ въ людоедствѣ, по заявленію одного ихъ сородича. Дѣло это кончилось ничѣмъ, такъ какъ администрація не нашла возможности добраться до мѣста, для производства слѣдствія.

Въ этомъ году на анюйской ярмаркѣ пришедшіе ламуты заявили, что 1-й Каменный ламутскій родъ, бродящій по Восточной Тундрѣ, лишился всѣхъ своихъ оленей и находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Для нихъ было передано 100 рублей на покупку оленей, но дойдутъ ли эти деньги по назначенію и что можно сдѣлать на 100 р. для цѣлаго рода?

Возвращаясь къ юкагирамъ. Годовой круговоротъ ихъ жизни такой: въ февралѣ они уходятъ, раздѣлившись на группы, въ верховья рѣчекъ на промыселъ рыбы и оленей. Промыселъ на оленей требуетъ большого напряженія силъ и часто бываетъ неудаченъ (а именно, когда снѣгъ мелкій и олени трудно догнать на лыжахъ); послѣдствіемъ плохого промысла бываетъ весенній голодъ.

Лѣтомъ, къ 29-му іюня, всѣ юкагиры съѣзжаются въ Верхне-Колымскъ, гдѣ продаютъ карбася (лодки) и вѣтки (челноки). Въ августѣ они пріѣзжаютъ въ Нелемное (лѣтомъ, вслѣдствіе недостатка сѣтей, обыкновенно рыбная ловля бываетъ малоуспѣшна и они живутъ впроголодь); въ сентябрѣ перегораживаютъ рр. Нелемную и Ясачную. Если промыселъ бываетъ хорошъ, то хватаетъ запасовъ до января или февраля, въ противномъ же случаѣ населеніе голодаетъ.

Осенью охотятся на бѣлку. Въ декабрѣ и январѣ во время самыхъ лютыхъ холодовъ, юкагиры сидятъ дома, а затѣмъ круговоротъ опять начинается сначала.

Жалкое экономическое положеніе юкагировъ могло бы быть нѣсколько улучшено, если бы здѣсь была организована общественная торговля, съ кредитомъ отъ казны (какъ это и проектируется). Тогда они могли бы пріобрѣсти въ обмѣнъ за пушнину волосъ

и коноплю для сѣтей и неводоѡ; могли бы получить лучшія ружья и дробь, топоры, ножи, посуду. Эти или другія мѣры, конечно, могутъ замедлить процессъ вымиранія и вырожденія. Но могутъ ли онѣ совсѣмъ остановить его? Не зашло ли вырожденіе слишкомъ далеко?

Есть что-то роковое въ условіяхъ жизни сѣверо-востока Сибири, а, можетъ быть, вообще полярныхъ странъ. Племена, которыя имѣли несчастье поселиться тамъ, какъ бы осужденны на вырожденіе и вымираніе. Всѣ національныя группы Колымскаго края уменьшаются въ численности: одні скорѣе, другія медленнѣе *).

Въ самомъ южномъ округѣ Якутской области—Олекминскомъ, условія жизни благоприятнѣе, чѣмъ въ Колымскомъ: населеніе тамъ занимается земледѣліемъ и извозомъ и живетъ несравненно зажиточнѣе, чѣмъ населеніе средней или восточной Россіи; оно не только не вымираетъ, но обнаруживаетъ довольно значительный приростъ **), тамъ нѣтъ проказы, нѣтъ почти сифилиса, но и тамъ такъ же часта истерія, какъ въ Колымскомъ округѣ, и тамъ такъ же мнѣреніе и эмиреніе составляютъ печальный удѣлъ женщины, а нерѣдко и мужчины; кромѣ того, тамъ сильно распространенъ туберкулезъ, сравнительно гораздо болѣе рѣдкій у насъ ***).

Будутъ ли спасены отъ вырожденія и вымиранія какъ абори-

*) Слѣдуетъ оговориться только относительно чукчей: эти аборигены побережья Ледовитаго океана и Берингова моря являются, повидимому, самымъ жизнеспособнымъ племенемъ сѣвера. Вырожденіе и вымираніе ихъ кажется, не коснулось. Это сильные, здоровые люди. Олени стада ихъ громадны и все увеличиваются, область кочевокъ все расширяется, въ то самое время, какъ ихъ сосѣди ламуты все болѣе бѣднѣютъ, теряютъ своихъ оленей и поступаютъ въ батраки къ чукчамъ. И чукчи знаютъ себѣ цѣну: надо было видѣть, съ какой важностью въ присутствіи исправника возсѣдаетъ чукча, пригнавшій по просьбѣ этого исправника оленей для спасенія голодающихъ горожанъ. Исправникъ проситъ его уступить подешевле для бѣдныхъ; чукча ломается и тонко иронизируетъ надъ русскими бѣдняками, принужденными выпрашивать пищу у глупаго дикаря-чукчи.

**) У меня нѣтъ подъ рукой данныхъ о движеніи населенія въ Олекминскомъ округѣ съ 1857 года. Во всей Якутской области въ 1857 г. было 222.000; въ 1897 г. — 260.000 жителей (безъ приисковъ), увеличеніе на 17,1%. Въ Европейской Россіи за тотъ же періодъ времени приростъ населенія составлялъ 58,5%; эмиграція изъ Якутской области нѣтъ; эмиграція (ссылные) очень незначительная.

***) Экономическое положеніе олекминскихъ якутовъ стало улучшаться съ 50-хъ годовъ, когда они начали заниматься земледѣліемъ и когда открывшіяся въ концѣ сороковыхъ годовъ богатѣйшія золотыя россыпи стали разрабатываться, что доставило хорошіе заработки олекминскому населенію на извозѣ и на сбытѣ продуктовъ земледѣлія и скотоводства на прииски.

гены Якутскаго края, такъ и позднѣйшіе переселенцы туда—русскіе, вотъ вопросъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься.

Но что всего интереснѣе, такъ это то, что дурное вліяніе климата Якутской области отзывается не на первомъ поколѣніи переселенцевъ. Напротивъ того, пріѣхавшіе изъ Россіи почти не воспримчивы ко многимъ болѣзнямъ, которыя каждый годъ посѣщаютъ аборигеновъ Колымы (напр., сильнѣйшая инфлюенца, воспаленіе легкихъ, бронхитъ, нерѣдко съ смертельнымъ исходомъ); я знаю нѣсколько лицъ, страдавшихъ въ Россіи несомнѣннымъ туберкулезомъ и поправившихся здѣсь. Тоже и въ Олекминскомъ округѣ: въ то время, какъ среди якутовъ и обьякутившихся русскихъ туберкулезъ свирѣпствуетъ, среди чисто русскаго населенія онъ неизвѣстенъ.

Однимъ словомъ, много еще загадочнаго въ условіяхъ жизни крайняго сѣвера, нужно болѣе глубокое изученіе этихъ условій, результатомъ котораго можетъ быть открытіе устранимыхъ причинъ, приводящихъ населеніе къ вырожденію.

Я провелъ среди юкагировъ 3 дня; отъ ихъ первоначальнаго унынія не осталось и слѣда; смѣхъ и веселье чувствовались повсюду. Не хотѣлось мнѣ такъ скоро уѣзжать отъ нихъ, хотѣлось присмотрѣться къ ихъ быту во всѣхъ его проявленіяхъ, ознакомиться съ ихъ интимной жизнью, съ вѣрованіями, преданіями, пѣснями, но я не располагалъ свободнымъ временемъ. Нужно было торопиться ѣхать въ городъ. Съ сожалѣніемъ я расстался съ этими милыми, беззаботными дѣтьми природы.

Обратный путь я совершилъ безъ всякихъ приключеній. Становилось все теплѣе, чувствовалось приближеніе весны.

С. М.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Иванъ Бунинъ. Новыя стихотворенія. М. 1902.

Всего лишь пять лѣтъ назадъ выпустилъ г. Бунинъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, „Подъ открытымъ небомъ“. Рецензентъ „Русскаго Богатства“, хваля простоту и безыскусственность стиховъ молодого поэта, простоту, такъ гармонирующую съ нашимъ сѣвернымъ буднично-сѣренькимъ пейзажемъ, подчеркивалъ, между прочимъ, умѣнье г. Бунина подмѣчать въ природѣ

мелкія, но характерныя и, главное, неизбитыя черточки и жалѣлъ объ одномъ, что въ погонѣ за ними онъ впадаетъ иногда въ вычурность (напр., „теплый запахъ талыхъ крышъ“).

Настоящимъ призваніемъ симпатичнаго, но очень скромнаго дарованія г. Бунина и было, думается намъ,—рисовать безхитростныя картинки родной природы, утреннія и вечернія зори, весеннія половодья, занесенные снѣгомъ хутора, жизнерадостныя настроенія молодой здоровой души. Къ сожалѣнію,—какъ это нерѣдко случается съ нашими талантами послѣдняго времени,—поэту захотѣлось подняться выше своихъ способностей; быть можетъ, лавры г. Бальмонта не давали ему спокойно спать... И вотъ, во второмъ его сборникѣ („Листопадъ“), выпущенномъ подъ страшнымъ клеймомъ московскаго „Скорпіона“, уже можно было встрѣтить такія строки:

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ (!) въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычу жду...

Въ сущности, это тотъ же „теплый запахъ талыхъ крышъ“, съ тѣмъ лишь различіемъ, что оригинальныхъ, тонкихъ штриховъ г. Бунину захотѣлось теперь искать не въ мертвой природѣ, а въ живой душѣ человѣка. Но это путь, какъ извѣстно, довольно скользкій: начинается дѣло съ поисковъ особенно тонкихъ ощущений, а кончается—равнодушіемъ или даже презрѣніемъ къ горестямъ и радостямъ простыхъ смертныхъ...

На одной изъ первыхъ же страницъ новой книжки г. Бунина читаемъ:

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долину
Его толпы не радуется привѣтъ!
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ!

Какое великолѣпіе! И какъ хороши должны быть сонеты г. Бунина, предназначенные имъ „лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ“! Не имѣя въ распоряженіи этихъ удивительныхъ сонетовъ, мы принуждены судить о поэтѣ лишь по его опубликованнымъ произведеніямъ. Останавливаемся на стихахъ:

... Вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красотой.
Кто въ вечерній, грустный часъ отвѣтитъ—
Для чего делѣлся я мечтой?
Не затѣмъ ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

Въ другомъ мѣстѣ вопросъ о томъ, не въ созерцаніи ли „вѣчной красоты“ природы заключается смыслъ человѣческаго существованія, получаетъ у г. Бунина форму уже категорическаго утвержденія:

... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
Чтобъ (?) радостью ихъ (?) дорожить,
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

Настроение, если хотите, знакомое всякому; бываютъ минуты, когда бездумно наслаждаешься процессомъ жизни, не представляя себѣ никакого другого счастья. Но у г. Бунина это не просто только настроеніе: черезъ всю книжку „новыхъ стихотвореній“ онъ настойчиво проводитъ рискованную мысль—„иного нѣтъ счастья на свѣтѣ“.

И, упиваясь красотой
И въ ней живя полнѣй и шире,
Я знаю—все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной!

Несовсѣмъ это вразумительно... Быть можетъ, на то самое, что намъ съ г. Бунинымъ кажется красотою, какой-нибудь удавъ или филинъ взглянетъ съ совсѣмъ иной точки зрѣнія... Но допустимъ, что это простая поэтическая гипербола, и что подъ „всѣмъ живымъ“ г. Бунинъ разумѣетъ, главнымъ образомъ, своихъ двуногихъ собратьевъ. Странно, однако, что, такъ много толкуя о своемъ единеніи съ ними въ красотѣ и любви (слово „любовь“, какъ и красота, почти не сходитъ у него съ языка), поэтъ рѣшительно нигдѣ не даетъ почувствовать, что это—любовь живого человѣка къ живымъ же, бока-о-бока съ нимъ страдающимъ существамъ. Вспоминая въ стихотвореніи „Ночь“, что та же величавая картина звѣзднаго неба, которою онъ сейчасъ любуется, открывалась взору людей и въ эпоху пирамидъ, и сопоставляя эти двѣ отдаленныя эпохи, онъ и на всемъ пространствѣ исторіи ничего не видитъ, кромѣ все той же красоты и любви! „*Есть одно*“,—патетически восклицаетъ онъ,—

..... что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая жъ ночь—и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла...

Не то важно, что люди на протяженіи вѣковъ мыслили, страдали, боролись и шли къ идеалу лучшаго будущаго, важно то, что и теперь, какъ встарину, они умѣютъ влюбляться и упиваться

красотою. Въ этомъ—и лишь въ этомъ—неизмѣнная „связь“ между отжившими, живущими (и, вѣроятно, также грядущими) поколѣніями! А въ довершеніе всего, поэтъ насъ увѣряетъ, будто, и любя женщину, онъ счастливъ не самою любовью къ живому, опредѣленному человѣку, а—чувствомъ „слиянья въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ“... Это что-то черезчуръ мудро и холодно!

Красота и любовь... Третій китъ, на которомъ стоитъ поэтическое міровоззрѣніе г. Бунина,—жажда жизни, или вѣрнѣе сказать, пользуясь терминомъ г. Горькаго,—„жадность къ жизни“. Оказывается, этой яркой формулой съ удобствомъ могутъ покрываться или даже идеализироваться и чисто-звѣриныя инстинкты:

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобылъ залихватое (?) ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.
И, жажду жизни силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,
Чтобъ, дерзостью погони опьяненный,
Горячей кровью землю напоить.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... *Нѣтъ смерти для того,*
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Дальное наслѣдіе (?) его.
Онѣ поютъ печаль воспоминаній,
Онѣ безсмертье вѣчнаго поютъ.
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и юлосъ подаютъ.

Итакъ, по мнѣнію современнаго поэта, „нѣтъ смерти для того, кто любитъ жизнь“ (хотя бы это была, въ сущности, любовь къ жизни—тигра или ягуара), и онъ готовъ, съ своей стороны, подарить ему „свой братскій зовъ и голосъ“.

Куда поведетъ г. Бунина дальше это этическое безразличіе, мы предсказывать не беремся...

Нельзя не отмѣтить еще, что художественная форма поэта, столь влюбленнаго въ красоту, особеннымъ изяществомъ не блещетъ. Нерѣдко хромаютъ даже рифмы (встрѣтить—отвѣтить, разслышать—колышетъ, покоя—земное). Въ настоящемъ сборникѣ уже значительно меньше красивыхъ пьесъ и отдѣльных поэтическихъ образовъ, подкупавшихъ насъ раньше. Несомнѣнно красиво, напр., стихотвореніе „Съ кургана“; хороша слѣдующая картинка дождя (напоминающая, правда, „Деревенскія новости“ Некрасова):

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и, сотнями иголъ
Затоны прудовъ бороздя,

Сверкающій ливень запыгалъ,
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

Живописно рисуется также змѣя, когда она,

...Шурша листвою дубовою,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловою
Пятнистой кожей по землѣ.

Но все чаще и чаще бросаются теперь у г. Бунина въ глаза вычурность и манерность. „Ликъ зарницы“, „всепрощающая даль“, „цвѣты, ведущіе въ поляхъ хороводы“, „небесъ просторы голубые“, „тонкій запахъ свѣжей росы“—это самые обычные его обороты. Въ стремленіи сказать нѣчто оригинальное и необычайно-тонкое, г. Бунинъ пишетъ иногда совершенно изломанные и непонятныя вещи, вроде „Веснянки“.

Я замиралъ, я трепеталъ отъ скорби,
Стоналъ, какъ звѣрь, и плакалъ, расточая
Безумныя и нѣжныя слова...

Но, какъ ни замираетъ онъ, подобно г. Бальмонту, какъ ни рычить, подобно поэтамъ изъ „Скорпіона“, ничего не выходитъ. И по очень простой причинѣ. Сдается намъ, г. Бунинъ—человѣкъ отъ природы благодухный, вполне нормальный, безъ всякихъ бурь и зіяющихъ пропастей въ душѣ... „Скудна жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ“—самъ же не такъ давно признавался онъ, а наряжаться для чего-то сталъ въ демоническій плащъ сверхчеловѣка!..

— О, если бъ проще былъ я и спокойнѣй!—
закончимъ нашъ отзывъ стихомъ самого г. Бунина.

И. Бунинъ. Разказы. Т. I. Спб. 1902. Изд. Т-ва «Знаніе».

Знакомясь съ разказами г. Бунина по мѣрѣ ихъ появленія въ журналахъ, читатель едва ли обращалъ вниманіе на одну черточку, которая сама собою бросается въ глаза теперь, когда они выстроились довольно длиннымъ рядомъ въ сборникѣ. Большой знатокъ и цѣнитель природы, г. Бунинъ воспринимаетъ ее до того тонко, что въ примѣненіи къ нему способность „слышать дольней лозы прозябанье“ почти перестаетъ казаться поэтической гиперболой. Г. Бунинъ явственно чувствуетъ „запахъ“ январской метели, „сильный какъ запахъ разрѣзаннаго арбуза“; онъ обоняетъ „металлическій запахъ“ морознаго воздуха; въ яблокахъ, и при томъ именно въ антоновскихъ, онъ отчетливо различаетъ ароматъ осенней свѣжести... „Есть вещи,—говоритъ онъ въ одномъ изъ разказовъ,—которыя прекрасны сами по себѣ, но больше всего потому, что они заставляютъ насъ сильнѣе чув-

ствовать жизнь. „Запахи особенно сильно действуют на насъ“... (стр. 75). Вы видите, что авторъ обладаетъ повышенной, можно сказать необыкновенной, чуткостью, но въ то же время вы замѣчаете что чуткость эта нѣсколько особаго рода. У Гл. Успенскаго, напр., или у Гаршина,—писателей, надо думать, не уступавшихъ г. Бунину тонкостью и впечатлительностью натуры,—ничего подобнаго не только встрѣтить, но и вообразить себѣ нельзя, и нельзя, по всей вѣроятности, именно потому, что они „сильно чувствовали жизнь“...

Какъ ни мелка, съ виду, отмѣченная особенность г. Бунина, намъ кажется, что она довольно рельефно характеризуетъ этого молодого, хотя въ значительной степени уже опредѣлившася автора,—характеризуетъ, по крайней мѣрѣ, со стороны его писательскаго темперамента, который, прежде всего, „не холоденъ и не горячъ“. Вообще говоря, ему одинаково чужды и сильный гнѣвъ, и сильная любовь. И это тѣмъ замѣтнѣе, что въ большинствѣ его очерковъ лирически-описательныя отступленія почти совсѣмъ подавляютъ еле-тлѣющій подъ ними повѣствовательный элементъ, такъ что чаще всего мы имѣемъ дѣло не съ „разсказами“ въ обычномъ смыслѣ слова, а съ картинками настроеній, съ элегическими набросками, изъ которыхъ иные прямо можно назвать стихотвореніями въ прозѣ. При такомъ рѣшительномъ субъективизмѣ творчества, съ преобладаніемъ лирическихъ мотивовъ, отсутствіе яркаго темперамента накладываетъ на всѣ писанія г. Бунина печать нѣкоторой монотонности. Почти всѣ они проникнуты какою-то особенной, привычной ему, мечтательной грустью, и въ то же время всѣ они лишь слегка затрагиваютъ жизненные отношенія, словно не рѣшаясь задѣть ихъ поглубже. Передъ вами какъ будто гладкая поверхность зеркала, въ которой отражаются и лѣсъ, и тучи, и голубое небо, и которая только изрѣдка затуманивается слабымъ дыханіемъ человѣческой жизни...

Неопредѣленная грусть, владѣющая обыкновенно г. Бунинымъ, навѣваетъ ему столь-же неопредѣленные, расплывчатые думы... Вотъ умеръ знакомый автору крестьянинъ, „Слѣдопытъ въ своемъ родѣ, настоящій лѣсной крестьянинъ-охотникъ“,—и эта смерть вызываетъ въ немъ такіа мысли:

«Умеръ... что-же это значить? Исчезъ куда-то, и уже больше никогда не вернется тотъ самый Митрофанъ, который чуть не вчера стоялъ вотъ на этомъ огородѣ, а теперь лежитъ «подъ святыми» и называется покойникомъ, существомъ совершенно изъ другого міра, чѣмъ нашъ! Какъ все это странно и непонятно!»...

И черезъ двѣ страницы:

«Умеръ, погибъ, не выдержалъ борьбы въ этой лѣсной жизни,—значить, такъ надо,—думаю я.—Бушуетъ вѣтеръ, заноситъ насъ снѣгами,—значить, тоже такъ надо!»... («Сосны»).

Что-жь, лѣсной охотникъ умеръ отъ лѣсной жизни,—пожалуй вѣдь и въ самомъ дѣлѣ „такъ надо“,—согласится, вѣроятно, и читатель, потому что г. Бунинъ, въ концѣ концовъ, ровнехонько ничего не сдѣлалъ, чтобы заронить въ немъ хоть тѣнь сомнѣнія относительно справедливости такого успокоительнаго вывода. Но эта-то успокоительность и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе по поводу того, что собственно, авторъ хотѣлъ выразить этимъ очеркомъ, написаннымъ, если угодно, и тепло, и красиво. Такое-же если не большее недоумѣніе, и даже съ примѣсью досады, способны вызывать слѣдующія размышленія, которымъ предается г. Бунинъ, мчась въ поѣздѣ желѣзной дороги:

«Какой странѣ принадлежу я...я, русскій интеллигентъ-пролетарій одиноко скитающійся по роднымъ краямъ? Что общаго осталось у насъ съ этой лѣсной глушью? Она бесконечно-велика, и мнѣ-ли разобраться въ ея печаляхъ, и мнѣ-ли помочь имъ? Моя собственная маленькая жизнь проходить безпорядочно въ медкой погонѣ за минутами счастья, на которое я тоже имѣю право, но гдѣ-же оно въ этихъ снѣжныхъ пустыняхъ? И какъ страшно одиноки мы, беспомощно ищущіе красоты, правды и высшихъ радостей для себя и для другихъ въ этой исполнинской лѣсной странѣ! Какъ прекрасна, какъ дѣвственно-богата эта страна! Какія величавыя и мощныя чащи стоятъ вокругъ насъ, тихо задремывая въ эту теплую январскую ночь, полную нѣжнаго и чистаго запаха молодого снѣга и зеленой хвой! И въ то-же время какая жуткая даль!... («Новая дорога»).

Вотъ вамъ опять и запахъ молодого снѣга, и лѣсъ, и даль... Но при чемъ тутъ „русскій интеллигентъ-пролетарій?“ И характерна ли именно для него „мелкая погоня за минутами счастья?“ И кто виноватъ въ „беспомощности исканій красоты, правды и высшихъ радостей жизни?“ Тоже, кажется, злополучные лѣса виноваты,—такъ или почти такъ выходитъ по г. Бунину. Какіе-то обрывки мыслей, какіе-то смутные образы зашевелились въ немъ, да въ томъ-же зачаточномъ состояніи, только уже въ видѣ плавныхъ, закруженныхъ періодовъ, и вылились на бумагу... Прокладка новаго пути черезъ дремучіе лѣса, открытіе богатой руды въ выжженной солнцемъ, истощенной недородами крестьянской землѣ,—это такія явленія, на которыхъ художникъ можетъ и остановиться, мимо которыхъ онъ можетъ и пройти, смотря по тому, куда направлено его вниманіе, какія стороны общественности его интересуютъ. Но г. Бунинъ и мимо не пройдетъ, и не остановится, а только замедлитъ шагъ, полюбуется окружающей природой, слегка вздохнетъ надъ огорченіями людей и прослѣдуетъ себѣ дальше...

Такое, не то чтобы равнодушное, а вялое отношеніе къ дѣйствительности, неспособность—или нежеланіе—сколько нибудь поближе подойти къ реальному смыслу ея явленій, рядомъ съ утонченной чуткостью къ вѣшнимъ, красочнымъ и т. п. впечатлѣніямъ, отчасти роднитъ унылую музу г. Бунина съ декадентствомъ. Говоримъ—отчасти, потому что гг. декаденты, особенно

россійскіе, доводятъ это курьезное противорѣчіе до совершенно уродливыхъ размѣровъ, стараясь по мѣрѣ силъ окончательно эмансипировать свое „искусство“ отъ человѣческихъ чувствъ и понятій, тогда какъ присущее г. Бунину чувство мѣры предохраняетъ его отъ нелѣпостей и не даетъ ему перешагнуть роковую границу декаданса, хотя онъ иногда довольно близокъ къ ней. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, съ какой отчетливостью это пограничное положеніе, занимаемое г. Бунинымъ, сказывается въ его стилѣ. По примѣру символистовъ г. Бунинъ питаетъ нѣкоторую склонность къ необычнымъ оборотамъ, и у него попадаются нѣсколько замысловатыя выраженія въ родѣ: „широкая влажность“ (которую несетъ съ собой вѣтеръ съ водяныхъ пространствъ), „невъразимая даль“, „грудь дышала широко и емко“, „пѣтухъ сильно и вытукло захопалъ крыльями“ и такъ далѣе.

Рядомъ, однако, съ блѣдными лирическими набросками вродѣ: „Новой дороги“, „Перевала“, „Тумана“, „Тишины“, „Надежды“ и т. п., болѣе или менѣе приближающимися къ типу стихотвореній въ прозѣ, но одинаково не блещущими ни глубиною мысли, ни силою чувства, въ книжку вошло нѣсколько рассказовъ, подкупающихъ своею безыскусственной и скромной простотой. Здѣсь авторъ забываетъ о себѣ, въ своихъ ощущеніяхъ не роется, а ограничивается художественнымъ воспроизведеніемъ того, что онъ видѣлъ. Пусть кругъ его наблюденій не великъ, пусть темы, затрагиваемыя имъ, не новы, но его переселенцы-хохлы, поднимающіеся изъ родной деревушки, чтобы идти въ невѣдомый безконечно далекій Уссурійскій край („На край свѣта“), деревенскій дѣдъ, отъ старости и болѣзней ставшій лишнимъ человѣкомъ, но всетаки конфузливо ищущій себѣ какого-нибудь, хоть ребячяго, дѣла („Кастрюкъ“), обнищавшій помѣщикъ, который на развалинахъ стараго дворянскаго гнѣзда—„тырла“—коротаешь жуткіе зимніе вечера въ компаніи съ бывшимъ своимъ денщикомъ, превратившимся въ друга и притомъ единственнаго („Байбаки“), и разнаго званія одинокіе, выбитые изъ колеи, придавленные жизнью и хоронящіеся отъ нея лишніе люди („На Донцѣ“, „Фантазеръ“, „Скитъ“) вызываютъ сочувствіе и жалость. Жалость—не больше, но уже и за то спасибо г. Бунину, что онъ пробуждаетъ хоть какое-нибудь живое человѣческое чувство. До павоса же онъ подымается исключительно въ тѣхъ пьесахъ, которыя посвящены женской красотѣ и любви къ женщинамъ. Тутъ его краски становятся ярче, замыслы смѣлѣе и богаче. Дѣйствительность и здѣсь показала ему лишь минутные проблески горячаго свѣта среди скучныхъ, сумрачныхъ будней („Новый годъ“, „Поздней ночью“, „Костеръ“), но въ этой области онъ даетъ волю фантазіи, въ которой слышится нѣчто вродѣ голоса страсти, обыкновенно столь чуждой его писаніямъ. „Волга“,

„Осенью“—вотъ двѣ вещи, которыя выдѣляются повышеннымъ въ этомъ смыслѣ настроеніемъ. Въ послѣдней онъ говоритъ: „Было ли въ дѣйствительности все то, что воспоминается мнѣ? Я не знаю этого, да и нужна ли людямъ только правда и правда?“ Вотъ вопросъ, если и несовсѣмъ вѣрно выраженный, то всетаки довольно близкій къ тому, надъ чѣмъ очень и очень не вредно было бы подумать авторамъ столь распространенныхъ у насъ, въ послѣдніе годы, очерковъ, эскизовъ и,—да простится намъ это невѣжливое выраженіе,—болѣе или менѣе кургузыхъ отрывковъ. Повидимому, эти господа глубоко убѣждены въ томъ, что чуть-ли не каждое испытанное ими впечатлѣніе, какъ бы ни было оно мелко, имѣетъ самодовлѣющую цѣнность и должно быть повѣдано міру. Повидимому, ихъ никогда не посѣщаетъ то соображеніе, что бываетъ правда случайная, т. е. не типичная, не обобщенная, не провѣренная и въ такомъ сыромъ видѣ представляющая скудный, иногда даже совсѣмъ сомнительный интересъ... крупица, рудиментъ правды, пригодный только какъ матеріалъ, изъ котораго надо еще создать настоящую, „нужную“ (пользуясь выраженіемъ г. Бунина) правду, создать цѣлесообразнымъ, требующимъ извѣстнаго усилія, иногда мучительно-труднымъ, но все-же необходимымъ процессомъ творческой переработки. Въ эту переработку вплетается порой и „то, чего не было“, но что могло, можетъ или *должно* быть,—и это никогда не бывшее нерѣдко оказывается „нужнѣе“ того, что случайно было... Да, хорошо сдѣлалъ г. Бунинъ, подойдя къ вопросу о художественной правдѣ; жаль только, что и тутъ онъ остался вѣренъ себѣ: небрежно бросилъ обрывокъ мысли и—прослѣдовалъ дальше... Можетъ быть, однако наброски и отрывки только потому и пишутся, что у ихъ авторовъ и таланта-то хватаетъ не больше чѣмъ на 5—6 страничекъ нервно-элегического монолога? Не думаемъ; сошлемся хотя бы на „Тарантеллу“ того-же г. Бунина: это самый крупный по размѣрамъ (цѣлыхъ 56 страницъ), самый простой въ смыслѣ литературной манеры и, въ то-же время, безспорно самый цѣлостный и выдержанный изъ всѣхъ его рассказовъ... И врядъ ли для г. Бунина совсѣмъ ужъ невозможно отодвинуться еще дальше отъ предѣловъ декаданса въ предѣлы сознательнаго, бодрого исканія и творчества правды..

Рассказы Путника. (Н. Н. Лендера). Спб. 1902.

...„Вы хотите, чтобы я сказала нѣсколько словъ напутствія Вашимъ милымъ „Рассказамъ Путника“, выходящимъ съ печатнаго станка въ долгій, если не вѣчный путь по Россіи... Кромѣ правдивости, вы вложили въ Ваши рассказы доброе сердце“... Такъ аттестуетъ „Рассказы Путника“ въ предисловіи къ книжкѣ г. С. Сыромятниковъ (Сигма). Самъ г. Сыромятниковъ свидѣлствуетъ о

правдивости и добротѣ сердца г. Лендера, самъ г. Сигма благоговѣяетъ г. Путника и напутствуетъ его „разказы“ въ вѣчный путь... Уже отсюда можно заключить, какъ великолѣпны должны быть эти разказы, и въ самомъ дѣлѣ они безподобны. Во-первыхъ, они полны захватывающаго интереса. Въ нихъ вы можете прочесть съ большими подробностями о томъ, какъ авторъ, занявъ на постояломъ дворѣ чужую постель, всю ночь извинялся передъ сосѣдомъ, которому пришлось спать на сѣнѣ, а на повѣрку оказалось, что никакого сосѣда не было, а былъ пудель („Недоразумѣніе“); какъ одно семейство пріѣхало гостить къ кѣ помѣщику, въ деревню, и неожиданно узнало, что онъ давно переселился въ другое мѣсто („Въ глуши“); какъ одна прехорошенькая и вполне достойная буфетчица вышла замужъ за помѣщика Б., а потомъ, „въ одинъ изъ послѣднихъ тиражей, ея мужъ, и безъ того человѣкъ богатый, выигралъ очень круглую сумму и они зажили припѣваючи“ („Случай“) и т. д., и т. д. Во-вторыхъ, и поучительнаго можно много почерпнуть у г. Лендера. Напримѣръ, о томъ, какъ въ періодъ расцвѣта „просвѣтительныхъ идей“ (ковычки автора) провинціалы „разорялись только затѣмъ, чтобы дать своимъ Сереженькамъ и Петенькамъ для самихъ родителей несомнѣнно ясное блестящее образованіе въ столичныхъ коллегіяхъ (?)“, и какъ отъ сего произошли „цѣлыя тучи интеллигентнаго пролетаріата“, произошло „перепроизводство образованныхъ людей“. Правда, объ этомъ вы уже неоднократно слышали отъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Гражданина“, но тамъ это было безъ доброты сердца, а тутъ съ добротой. Кромѣ того, тутъ приводится и назидательный примѣръ: папенька нѣкогого Васеньки, „въ погонѣ за блескомъ столичнаго просвѣщенія“, пріѣхалъ въ Петербургъ, разорился, простудился и умеръ, а Васенька остался сиротой и едва-едва поступилъ въ гимназію казеннокоштнымъ... Хотите вы узнать, каковъ именно долженъ быть идеальный педагогъ, — и по этой части васъ вполне просвѣтитъ г. Лендеръ. Такимъ идеаломъ можетъ служить нѣкій директоръ гимназіи Малиновичъ, секретъ котораго былъ очень простъ: „Относясь строго къ массѣ (sic!) онъ былъ добрѣ и снисходителенъ къ каждому юношѣ въ отдѣльности“. И результатъ получался удивительный: „Ученики его боялись, но любили его“. И, — что самое главное, — свои педагогическія размышленія г. Лендеръ заключаетъ такимъ гармоническимъ аккордомъ, отъ котораго должно радостно дрогнуть сердце каждого истого россиянина: „Послѣ долгихъ лѣтъ, — говоритъ онъ, — мы увидѣли зарю новой жизни, и не въ безднахъ только книжной премудрости, а въ сердечномъ попеченіи о юношествахъ“... Въ-третьихъ, истому россиянину должно быть лестно, что г. Лендеръ весьма не жалуется „нѣмецкаго шловэка“ (какъ онъ многократно выражается съ свойственнымъ ему остроуміемъ), поляка и всякаго языка. Самый

ненавистный учитель въ гимназiи былъ полякъ. Одинъ начальникъ станціи тоже былъ „старый полякъ“, и что-же? Онъ былъ „большой руки политикъ и министерствомъ Салисбюри интересовался гораздо болѣе, нежели приходомъ поѣздовъ или состояніемъ своей Антоновки“, которая по этой причинѣ и „утопала въ грязи“. Въ-четвертыхъ, какъ уже видно изъ предыдущаго, г. Путникъ—самый настоящій „кровавый русскій патріотъ“. И оттого онъ пишетъ отличнѣйшимъ русскимъ языкомъ. Напримѣръ, „Во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ одну невыразимую усталость и тоску на душѣ“ (стр. 12). Или: „Наперекоръ моимъ чувствамъ я садился изучать столь противорѣчащую трогательной и печальной минутѣ мудреную теорему“ (стр. 139). Или: „Изящныя ручки ея обвили этого Сашу въ своихъ объятіяхъ“ (стр. 53). Или еще: „Дѣды равнодушно смотрѣли изъ своихъ золотыхъ рамъ... на Александра Иваныча, подернутаго уже дыханіемъ жизненной зимы“ (стр. 88). и т. д. И если къ этому добавить, что персонажи г. Лендера прячутъ вещи „за голенищу“ сапога, кушаютъ „сладости“ и „дѣлаютъ“ вопросы, то вы получите достаточное понятіе о красотахъ его стиля. Наконецъ, справедливость требуетъ упомянуть и о томъ, что „Разсказы Путника“ отпечатаны на добротнѣйшей, толстой и плотной бумагѣ,—очевидно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы они могли выдержать подсказанный имъ г. Сигмой „долгий, быть можетъ, вѣчный путь“.. Одна бѣда: *habent sua fata libelli*; судьбы произведеній человѣческаго генія бываютъ иногда такъ неожиданны, такъ непонятны! И—увы!—легко можетъ случиться, что, не смотря на пророчество г. Сигмы и даже на добротнѣйшую бумагу, „Разсказы Путника“ не увидятъ никакого пути, да такъ просто безпутными и пребудутъ...

Е. Н. Любичъ. Изъ жизни. Разсказы и наброски. Одесса, 1902.

Половина разсказовъ посвящена солдатской жизни, половина—украинскимъ идилліямъ съ бандуристами, старыми дидами и дивчинами. Въ этихъ идилліяхъ много любви къ Малороссіи, доходящей порою до сентиментальности, но содержанія, не говоря уже о какой-нибудь идеѣ, даже въ смыслѣ простой фавулы—очень мало. Краски, для приданія украинскаго колорита разсказамъ, у автора дешевыя, за которыми и въ Малороссію нѣтъ надобности ѣздить; фигуры истрепанныя и весь тонъ какой-то слащавый.

Очерки изъ солдатскаго быта много лучше. Лучше они уже потому, что, повидимому, у автора былъ для нихъ хорошій матеріалъ изъ личныхъ наблюденій. Содержанія и тутъ очень мало, нѣтъ яркихъ красокъ, поэтому не получается того впечатлѣнія, на которое рассчитаны разсказы. Въ двухъ изъ нихъ—„Затосковалъ“ и „Со службы на службу“ представлены два діаметрально-противоположные солдатскіе типа, какъ бы въ pendant одинъ къ

другому: убогий безпріютный сельчанинъ затосковалъ на службѣ по родному деревенскому навозу; другой—удачливый солдатъ—нехотя отказывается отъ вторичной службы и возвращается въ свою деревню, гдѣ тоскуетъ по солдатчинѣ. Эти два случая, описанные старательно и правдиво, такъ и остаются случаями, безъ всякой попытки со стороны автора освѣтить ихъ свѣтомъ изъ какой-нибудь одной точки. Въ одномъ нельзя отказать г. Любичу—это въ тепломъ участіи къ своимъ героямъ. Написаны рассказы гладко и книжка читается легко.

Максъ Нордау. Новые парадоксы. Пер. Э. Ф. Зауэръ. Изд. Павликова. Спб. 1902.

Б. И. Топоровскій. Опытъ характеристики Макса Нордау. Екатеринославъ. 1902.

Парадоксовъ не слишкомъ много въ книгѣ Нордау: гораздо больше банальностей, которыя по неизвѣстной причинѣ звучатъ парадоксами для автора, иногда, дѣйствительно, уклоняющагося отъ общепринятыхъ воззрѣній, только не тамъ, гдѣ надо. Въ сущности, даже трудно понять, какъ старый писатель, живущій въ центрѣ умственной жизни, можетъ такъ ошибаться въ оцѣнкѣ новизны и распространенности взглядовъ, которые онъ имѣетъ слабость считать оригинальными. Самыя темы „нравственно-общественныхъ очерковъ“ Нордау, при всемъ ихъ интересѣ, дали бы матеріалъ для дѣйствительныхъ парадоксовъ лишь весьма своеобразному мыслителю. Едва ли Нордау представляется таковымъ кому-либо даже изъ тѣхъ, кто охотно признаетъ его литературныя достоинства.

Критика современныхъ условій брачной жизни, обличеніе золь парламентаризма—Боже мой, какъ трудно сказать въ этой области что-либо дѣйствительно новое и смѣлое, и какъ легко, повторивъ въ поверхностной формѣ сказанное другими, назвать это парадоксомъ. Едва ли сугубая ординарность громаднаго большинства разнообразныхъ мыслей Нордау нуждается въ доказательствахъ для того, кто дастъ себѣ трудъ заглянуть въ его книгу. Вотъ, напримѣръ, выводы изъ обширной главы подъ заглавіемъ „Политическая ложъ“:

«Резюмирую вкратцѣ все сказанное выше. Современная административная система, съ ея многочисленными инстанціями, безконечными отписками, протоколами, канцелярщиной, запрещеніями и разрѣшеніями, нисколько не увеличиваетъ гарантій личной и имущественной неприкосновенности по сравнению съ обществами, въ которыхъ отсутствуетъ этотъ сложный механизмъ. Взаимнѣ приносимыхъ гражданиномъ на алтарь отечества жертвъ кровью, деньгами и свободой, онъ едва ли получаетъ отъ него инія жизненныя удобства, кромѣ правосудія, оказывающагося векудо непропорціонально дорогимъ и медлительнымъ, и образованія, далеко не одинаково доступнаго для всѣхъ гражданъ. Для полученія тѣхъ же выгодъ не потребовалось бы ни одного изъ множества стѣсненій, которымъ подвергнута его независимость»...

И такъ далѣе. Объ этихъ категорическихъ положеніяхъ можно сказать что угодно—можно съ ними согласиться, можно ихъ отвергнуть, но считать ихъ хоть въ ничтожной степени оригинальными немислимо. А Нордау, бойко и шумливо встряхнувъ эти банальности, открыто и искренно называетъ ихъ парадоксами. Парадоксы для провинціального лавочника—да, но для той среды, въ которой дѣйствуетъ фельетонистъ большой политической газеты Нордау—несомнѣнные трюизмы. Въ сущности не трудно понять, почему Максу Нордау кажутся столь оригинальными его мысли, въ которыхъ другіе не могутъ не видѣть избитыхъ общихъ мѣстъ, въ лучшемъ случаѣ лишь облеченныхъ въ бойкую и общедоступную форму. Это происходитъ отъ недостаточности знаній. Правда, г. Топоровскій объявляетъ, что Нордау „одинаково свѣдущъ, компетентенъ и продуктивенъ во всѣхъ избранныхъ имъ областяхъ“; но, конечно, это значитъ только, что Нордау болѣе свѣдущъ, компетентенъ и продуктивенъ, чѣмъ г. Топоровскій. Этого, къ сожалѣнію, недостаточно. Продуктивность Нордау, разумѣется, внѣ спора, но относительно его компетентности во всѣхъ избранныхъ имъ областяхъ позволительно быть иного мнѣнія; не потому, что этихъ областей много, но потому, что нѣкоторыя изъ нихъ безконечно чужды познаніямъ Нордау, и онъ дѣлаетъ въ нихъ открытія, способныя поразить всякаго, кто знакомъ съ ними ближе, чѣмъ г. Топоровскій. Вотъ для примѣра образецъ изъ политической экономіи Нордау:

«политико-экономы изобрѣли для заглушенія мученій совѣсти обладателей богатства фразу, именуемую имп торжественно «железнымъ закономъ заработной платы». Согласно этому закону заработная плата не должна падать ниже стоимости необходимыхъ средствъ пропитанія въ данной мѣстности. Это значило бы, другими словами, что рабочій можетъ быть увѣренъ въ томъ, что заработаетъ, если не избытокъ, то, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніе насущныхъ своихъ потребностей».

Вотъ это, дѣйствительно, парадоксъ. Любая популярная книжка по исторіи экономическихъ ученій показала бы Нордау, что железный законъ есть прежде всего законъ колебаній заработной платы, препятствующихъ прочному благосостоянію рабочаго класса; что если экономисты, устанавливавшіе его, и полагали, будто заработная плата въ общемъ покрываетъ минимальныя потребности работника, то они видѣли въ немъ роковое препятствіе къ поднятію этихъ потребностей; что въ политической экономіи давно сдѣланы, и повторяются въ каждомъ учебникѣ, необходимыя критическія оговорки и поправки къ железному закону, по преимуществу опредѣляющему максимумъ, а не минимумъ заработной платы; что, наконецъ, достаточно напомнить имя публициста, даваго самое названіе желѣзнаго закона, чтобы обвиненія Нордау показались просто забавными. Это Лассаль давалъ формулы „для заглушенія мученій совѣсти обладателей богат-

ства?" Утверждение рискованное; но изъ такихъ утверждений состоитъ вся экономическая теорія Нордау въ той незначительной ея части, которая не исчерпывается трюизмами. Весьма характерно для этого парадоксалиста по ремеслу его отношеніе къ чужимъ парадоксамъ. Онъ говоритъ о преувеличенномъ и потому невѣрномъ изреченіи Прудона: „собственность это воровство“. Но если преувеличеніе парадокса считать залогомъ его невѣрности, то какой смыслъ всякаго парадокса? И какъ знаменательно это неодобреніе для этого ума, буржуазно робкаго, филистерски традиціоннаго и лишь кокетничающаго смѣлостью отрицанія и критики.

Къ слову о нѣкоторыхъ предметахъ этой критики. То, что Нордау говоритъ о недостаткахъ современнаго политическаго, хозяйственнаго и семейнаго уклада, достаточно избито, чтобы не вызывать споровъ. Но не слѣдуетъ забывать, что, напримѣръ, западный парламентаризмъ уже и такъ дискредитированъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ по заслугамъ...

Наше неуважительное отношеніе къ Нордау, быть можетъ, огорчить екатеринославскаго панегириста автора „Парадоксовъ“. Но и самъ д-ръ Нордау, вѣроятно, огорчить его еще больше своей книгой. Относительно глубокихъ познаній Макса Нордау въ политической экономіи и государствовѣдѣніи г. Топоровскій останется, вѣрно, при прежнемъ мнѣніи. Оставаясь въ сторонѣ, онъ скромно и почтительно упоминаетъ о „нѣкоторыхъ“, которые признаютъ за Максомъ Нордау „даже геніальность“. Быть можетъ, ознакомившись съ „Парадоксами“, онъ рѣшится открыто примкнуть къ этимъ „нѣкоторымъ“. Для этого нужна, конечно, смѣлость, но вѣдь труденъ только первый шагъ, а онъ сдѣланъ въ рѣшительной брошюрѣ г. Топоровскаго. Но только вотъ горе: г. Топоровскій видитъ всеопредѣляющій центръ личности Нордау въ одной его особенности, которую онъ ставитъ въ связь съ его происхожденіемъ:

«Если бъ я долженъ былъ однимъ словомъ охарактеризовать Нордау, я охарактеризовалъ бы его словомъ еврей. Но онъ еврей въ самомъ лучшемъ, въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе противопоставляютъ понятію эллина. Еврейство, какъ пренебреженіе ко всему низменному, плотскому, чувственному, которое такъ цѣнили древніе греки и которое даже они возвели въ особый культъ».

Гнусный культъ—не правда-ли?—и, конечно, безконечно чуждый пожеланіямъ Макса Нордау, который, однако, въ лежащей предъ нами книжкѣ, увы, говорить:

«Великія, умственно и нравственно глубокія культуры, каковыми были индійская и греческая, идеальность которыхъ несравненно превышала нашу, занимали въ вопросѣ о половыхъ отношеніяхъ естественную и свободную точку зрѣнія». Онъ «были еще проникнуты естественнымъ восхищеніемъ и благодарностью передъ процессомъ размноженія, источникомъ всякой жизни

на землѣ. Органы, непосредственно участвовавшіе въ этомъ процессѣ, были окружены культомъ; ихъ изображенія въ качествѣ символовъ плодородія ставились въ храмахъ, жилищахъ и поляхъ».

Таково непостоянство своенравнаго генія—только что его похвалили за аскетическіе идеалы, а онъ взялъ да восхитился культомъ органовъ размноженія. Вѣчно обновляющійся, всегда неожиданный, вчера аскетъ, сегодня адептъ фаллическаго культа, вчера публицистъ, бойко хлещущій всѣхъ политиковъ, сегодня самъ политикъ, онъ, конечно, не поддается точному анализу екатеринославскаго почитателя, который, дойдя до апогея восторга, положилъ перо: „Я пытался въ общихъ чертахъ представить характеристику Нордау. Я не претендую на то, что мною все уже исчерпано. Слишкомъ великъ этотъ человекъ, слишкомъ сложна его психологія, и ее не такъ легко отгадать“. Бѣдный Нордау—что если онъ читаетъ по-русски и увидитъ этотъ панегирикъ—вѣдь это, право, слишкомъ жестокое наказаніе за погрѣшности стараго писателя, нѣсколько легковѣснаго и шумливаго, но въ общемъ интереснаго. Въ одномъ, однако, правъ г. Топоровскій: его увлекаетъ живая искра общественности, вспыхнувшая въ послѣдніе годы въ Нордау, который искренно и горячо увлекся интересами родного народа. Онъ и здѣсь болѣе парадоксаленъ, чѣмъ основателенъ, но въ его увлеченіи сіонизмомъ чувствуется не одна игра ума, а также влеченіе сердца. И все же надо сказать правду: если лучшее въ Нордау есть сіонизмъ,—тѣмъ хуже для Нордау; и если Нордау принадлежитъ къ лучшему, что есть въ сіонизмѣ,—тѣмъ хуже для сіонизма.

Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковский. Спб. 1902 г.

Въ литературѣ, вызванной полувѣковой годовщиною смерти Жуковского, конечно, не найдется труда въ меньшемъ объемѣ охватывающаго болѣе богатое содержаніе. Вотъ гдѣ поистинѣ тѣсно словамъ и мыслямъ просторно. Въ сплетеніи разнообразныхъ опредѣляющихъ вліяній общественно-исторической и личной жизни, какъ живой встаетъ предъ нами задумчивый и чувствительный пѣвецъ Свѣтланы во всей привлекательности своего существа. На немногихъ страницахъ—полная характеристика его личности, его развитія, его творчества и, наконецъ—совершенно новый взглядъ на его историческое положеніе въ судьбахъ нашей литературы.

Мы привыкли называть его романтикомъ; но это результатъ поверхностнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ его сюжетами, въ которыхъ онъ, дѣйствительно, охотно отражалъ знакомство съ романтической литературой. Но это знакомство не затрагивало его глубоко, падая на почву готоваго міровоззрѣнія,

обусловленного временемъ. Это мировоззрѣніе менѣе всего сходно съ критическимъ настроеніемъ романтизма; его должно назвать сентиментальнымъ—и Жуковский есть, дѣйствительно, поэтъ того литературнаго момента, который связанъ съ именемъ Карамзина. Превосходна характеристика историческаго момента, общая и въ то же время индивидуальная:

«Въ исторіи человѣческаго сознанія есть эпохи, когда, при упадкѣ общественности, личная жизнь получаетъ особую цѣнность, и требованія разсудка уступаютъ вождѣлѣніямъ сердца. Сентиментальныя эпохи—эпохи общественнаго затишья, ожиданія или реакціи; широкія цѣли дѣятельности заказаны или еще не раскрылись, прогрессъ ограниченъ предѣлами личности. Идеаломъ каждаго становится развитіе въ себѣ «человѣка», присущихъ ему нравственныхъ началъ; для этого не надо общества: подальше отъ людей—въ себя, изъ городовъ въ деревню, гдѣ царитъ мирный трудъ, въ природу».

Ограничиваемся наиболѣе существенными моментами изъ этой характеристики, гдѣ, однако, все существенно. Этому общественному настроенію шла навстрѣчу натура Жуковскаго, его печальная судьба, давшая ему чудную надежду на личное счастье и отказавшая въ ея осуществленіи. Раздумье о прошломъ и—вопреки очевидности—все же надежды на будущее находили выраженіе въ мглистыхъ образахъ, призрачныхъ по виду, реальныхъ по своему лирическому содержанію.

«Это настроеніе и вызывало балладные мотивы, видѣнія кладбища при невѣрномъ свѣтѣ луны, тѣхъ чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которыхъ у насъ, вмѣстѣ съ мечтательностью и меланхоліей, считали признакомъ романтизма; считалъ и Жуковский. Но это не романтизмъ, а автобиографическія признанія сердца, шедшаго навстрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и созвучнаго оссіановскаго настроенія».

На этой интимной лирикѣ онъ успокаивается; другъ-критикъ тщетно призываетъ его изъ его узкаго мірка къ гражданскимъ темамъ; въ счетъ, конечно, не идутъ его официально-патріотическіе отклики. Позже, когда порыванія успокаиваются окончательно, поэтъ находитъ выраженіе спокойно-созерцательному трепету своей нѣжной души въ эпосѣ—чужомъ и своемъ. У насъ не было лучшаго переводчика, потому что никто, переводя, не оставался въ такой степени самимъ собой; это звучитъ парадоксомъ, но это несомнѣнно такъ. Судьба поэзіи Жуковскаго представляется критику ясной:

«устарѣетъ ея содержаніе, въ болѣе широкихъ перспективахъ потонетъ его крохотный личный кругозоръ, останется правдивость настроенія и прелесть овладѣвшаго имъ стиха. Можетъ быть, его поэзія и не переживетъ завистливую даль вѣковъ, но въ перебоѣ поколѣній и вкусовъ къ ней будутъ возвращаться, когда жизнь мечты и довѣвшаго себѣ самому чувства будетъ брать перевѣсъ надъ массовыми тревогами дня и спросами, поглощающими вопросъ о личномъ счастьѣ»

Мы охотно назвали бы лежащее предъ нами „чтеніе“ о Жуковскомъ образцомъ научной критики, если бы послѣдній эпитетъ имѣлъ въ обиходѣ болѣе опредѣленное содержаніе. Ограничимся указаніемъ на одну-двѣ черты, которыя представляются намъ первостепенными достоинствами. Это прежде всего историчность изображенія и, въ связи съ нею, его сложность; затѣмъ его лиризмъ. Вы все время съ авторомъ въ потокѣ событій; и обстановка и личность Жуковского представляются въ смѣнѣ новообразованій, въ сплетеніи многоразличныхъ вліяній, безъ сведенія къ насильственно упрощающей и всеохватывающей исходной идеѣ, безъ закрѣпленія въ одномъ моментѣ того, что было раздѣлено временемъ. И авторъ чувствуетъ въ каждомъ его словѣ. Это можно было бы назвать субъективностью изображенія, если бы это названіе не сливали съ импрессионистскимъ произволомъ въ критикѣ. На всемъ осѣлъ легкій лирический налетъ, безконечно далекій отъ сочувственныхъ переживаній, гдѣ критикъ неотдѣлимо сплавляется съ характеризуемымъ писателемъ, давая не столько его объясненіе, сколько автобіографическія признанія. Здѣсь, наоборотъ, читатель никогда не посмѣетъ сказать: вотъ критикъ говорить о себѣ; онъ такъ понялъ поэта, потому что самъ пережилъ то-то и то-то. Нѣтъ, рѣчь идетъ о Жуковскомъ, и только о Жуковскомъ, но каждая черта изображенія окрашена личнымъ чувствомъ и каждое слово открываетъ просвѣты и манитъ въ широкій просторъ этой особенной мысли.

Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году. Перев. Г. О. Львовича. Спб. 1902.

Карлъ Каутскій. Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году. Пер. І. С. Биска, подъ ред. В. Водовозова. Съ портретомъ автора Кіевъ. 1902.

Брошюра Каутскаго представляетъ собою сжатый, схематическій очеркъ соціально-экономическихъ условій, предшествовавшихъ перевороту во Франціи. Эта схематичность составляетъ и силу, и слабость книжки. Съ одной стороны, она позволяетъ автору нивелировать нѣкоторыя явленія и факты, квалификация которыхъ была бы неизбежна при болѣе детальной разработкѣ; съ другой—автору приходится оставлять почти безъ всякаго анализа нѣкоторыя отношенія, къ которымъ экономическій анализъ могъ бы быть не безъ успѣха примѣненъ.

Каутскій исходитъ изъ установленнаго дѣленія сословныхъ интересовъ въ эпоху революціи и доказываетъ общность, грубость и неправильность такого дѣленія. Анализируя экономическіе интересы каждаго отдѣльнаго сословія, онъ устанавливаетъ иную комбинацію, проводя демаркаціонную линію революціонныхъ и контръ-революціонныхъ тенденцій глубоко внутри каждаго сословія. Напримѣръ, рассматривая ремесленное сословіе, авторъ

разрѣзаетъ эту группу, сообразно господствовавшей экономической политикѣ правительства, на ремесленниковъ, испытывавшихъ тяжелыя стѣсненія отъ системы цеховыхъ монополій, и на такихъ ремесленниковъ, которымъ эта самая система была выгодна. Правда, почти при всякой попыткѣ провести такой разрѣзъ до конца, авторъ не довольствуется примѣненіемъ экономического анализа и оставляетъ нѣкоторую область отношеній, для объясненія которой дѣлаетъ маленькую диверсію въ область психологіи...

Въ главѣ „Европа и французская революція“ (по кievскому изданію) авторъ говоритъ, что въ отношеніяхъ между европейскими монархіями „ничтожнѣйшіе и временные интересы вызвали борьбу между такими элементами, существенные и общіе интересы которыхъ самымъ настоящимъ образомъ требовали болѣе тѣснаго союза“. Если эти „существенные“ интересы „самымъ настоящимъ образомъ“ требовали, то не могли же „ничтожнѣйшіе“ интересы побороть ихъ и повернуть событія по своему. Этого не допускаетъ не только экономическій матеріализмъ, но и простая логика. Очевидно, анализъ не доведенъ авторомъ до конца.

Однако, какъ мы уже указали, такіе маленькіе диссонансы могутъ быть отнесены на счетъ схематичности и сжатости всей брошюры, размѣры которой не дали автору возможности ни провести достаточно глубоко свой анализъ, ни категорически остановиться во-время въ его примѣненіи и признать дѣйствіе факторовъ иного порядка.

Русскія изданія книжки Каутскаго довольно существенно разнятся между собою. Дѣло въ томъ, что первоначально эта брошюра была напечатана авторомъ въ „Die Neue Zeit“, откуда, по-видимому, и сдѣланъ переводъ г. Львовичемъ. Переводъ г. Биска сдѣланъ съ отдѣльнаго нѣмецкаго изданія, проредактированнаго и дополненаго авторомъ. Этимъ объясняется иной порядокъ главъ, иная композиція этихъ главъ и нѣкоторые, довольно существенные, пропуски въ переводѣ г. Львовича. Такъ, на примѣръ, къ числу пропусковъ петербургскаго изданія слѣдуетъ отнести цитаты изъ книги Н. И. Карѣва „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“, которыми авторъ счелъ нужнымъ иллюстрировать размѣры нищеты во Франціи передъ революціей и значеніе четвертаго сословія.

Въ общемъ оба перевода сдѣланы вполне прилично, и если бы не указанные пропуски въ переводѣ г. Львовича, то было бы трудно отдать предпочтеніе тому или иному изданію. Къ переводу г. Биска приложенъ портретъ Каутскаго.

Западная цивилизация съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ. Соч. В. Кеннингема. Переводъ съ англійскаго П. С. Когана. Съ пятью картами. Т. I. Москва, 1902.

Къ маленькимъ невиннымъ (а, можетъ быть, и не такъ ужъ невиннымъ?) слабостямъ нѣкоторыхъ англійскихъ авторовъ и русскихъ переводчиковъ слѣдуетъ отнести тенденцію давать своимъ произведеніямъ и переводамъ необычайно пышныя заглавія; достаточно, впрочемъ, вспомнить неисчислимыя „Эволюціи“ покойнаго Летурно, чтобы признать эту слабость почти международною. Ну, зачѣмъ, напримѣръ, коротенькому учебнику Кеннингема по древней культурѣ давать столь ошеломляющее названіе, какъ то, которое выписано нами выше? Популярный пересказъ фактовъ, давно извѣстныхъ, установленныхъ или кажущихся автору установленными, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на самостоятельное мѣсто, на значеніе труда, интереснаго для облегченія соціологическаго пониманія древнихъ цивилизацій; но и какъ учебникъ, работа Кеннингема не заслуживаетъ даже самой сдержанной рекомендаціи. Прямо не вѣрится, что ее писалъ авторъ превосходной, огромной (и не удостоившейся перевода на русскій языкъ) монографіи о ростѣ англійской торговли и промышленности („Growth of english industry and commerce“).

Начать съ неопредѣленности термина „западная цивилизація,—термина, очень употребительнаго у англичанъ, и еще недавно популяризованнаго Киддомъ, назвавшимъ новѣйшую свою книгу, вышедшую въ текущемъ году — „Принципы западной цивилизаціи“. Но Киддъ въ этой книгѣ занимается дѣйствительно народами западной Европы и Сѣверо-Американскими штатами и начинаетъ свое изложеніе съ Греціи и Рима. Къ лежащей же теперь предъ нами работѣ слова „западная цивилизація“ относятся довольно слабо, такъ какъ половина книги посвящена Египту, Іудеѣ, Финикии и вліянію Востока на Грецію. Все изложеніе восточной исторіи основано на трудахъ Масперо и Флиндерса-Петри; въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ ссылается на немногія другія работы, онъ, всетаки, старается не уклоняться отъ изложенія своихъ двухъ главныхъ руководителей. Принимая во вниманіе выдающіяся достоинства обоихъ названныхъ авторовъ,—это можно было бы только приветствовать, будь книга Кеннингема откровенной компиляціей и, что еще важнѣе, не добавляя онъ „отъ себя“ совершенно произвольныхъ и праздныхъ гипотезъ. Напримѣръ, „господъ песковъ“, „les maîtres des sables“, какъ Масперо называетъ окружавшихъ Египетъ варваровъ (см. Histoire ancienne des peuples de l'orient classique, Т. I, p. 469),—Кеннингемъ превращаетъ въ „царей пустыни“, что весьма сбивчиво при полной недостаточности свѣдѣній о политическомъ бытѣ этихъ варваровъ; затѣмъ, Масперо совершенно ясно говорить (op. cit., изд. 1895, ibid.), что Аме-

немха I укрѣпилъ линію крѣпостей, шедшую наперерѣзъ перешейку, откуда, какъ извѣстно, египтяне всегда ждали нападеній азіатовъ, которыхъ они болѣе всего боялись,—а тотчасъ за этимъ сообщеніемъ (примыкающимъ къ предыдущимъ словамъ: *l'Asie ne les attira pas: ils semblent avoir éprouvé un certain effroi pour les races belliqueuses qui l'habitaient etc.*),—мы находимъ фразу, что египтяне не стремились къ владычеству надъ племенами пустыни. Что же изъ этого мѣста *) сдѣлать Кеннингемъ? А вотъ что: „При двѣнадцатой династіи была устроена правильная организація въ рудникахъ, были построены форты для защиты работъ отъ бедуиновъ, хотя не было сдѣлано ни одной попытки захватить большую часть территоріи, чѣмъ это требовалось для охраны минеральныхъ богатствъ“. Выходить, значитъ, что „форты“ строились противъ бедуиновъ, а не съ цѣлями охраненія государства со стороны перешейка. И все это съ ссылкой на Масперо... Если бы мы писали не коротенькую рецензію, а статью о Кеннингемѣ, то привели бы около десятка такихъ „недоразумѣній“, жертвою коихъ попеременно становятся Масперо и Флиндерсъ Петри. Компилируя съ нерѣдкими искаженіями факты, авторъ сдобриваетъ ихъ иногда курьезными собственными размышленіями, почти исключительно „морализирующаго“ характера. На стр. 67 читаемъ: „существуетъ еще одно основаніе, которое заставляетъ еще болѣе сурово осудить финикіянъ, не смотря на ихъ матеріальное благосостояніе. Они имѣли много богатствъ, но не имѣли возвышеннаго представленія о томъ, какъ пользоваться ими. Повидимому, имъ было чуждо политическое честолюбіе, которымъ обладали великіе монархи благодатнаго востока; они стремились къ низменнымъ личнымъ цѣлямъ, не искали простора для развитія человѣческой жизни... Для умнаго человѣка богатство служить лишь средствомъ достиженія болѣе благородныхъ цѣлей; финикіяне были грубыми и низменными варварами, которые видѣли въ богатствѣ конечную цѣль“. Эта манера ставить историческимъ націямъ отмітки за поведеніе переносить насъ... нельзя даже сказать „во времена очаковскія и покоренія Крыма“, ибо въ тѣ времена уже на родинѣ Кеннингема существовалъ Гиббонъ, устранившій этотъ приѣмъ изъ научной исторіографіи. (Не говоримъ уже о произвольности и несуразности противоположенія „политическаго честолюбія“ „личнымъ, низменнымъ цѣлямъ“.)

Греческая и римская культуры представлены у Кеннингема въ еще болѣе сбивчивомъ изложеніи, нежели восточныя. Ни хронологической, ни какой иной послѣдовательности тутъ искать невозможно. Сначала излагается, напримѣръ, борьба римлянъ

*) Онъ ссылается на 101 стр., мы же на 469, ибо у насъ были разные изданія Масперо.

съ Карфагеномъ, а потомъ идетъ глава подъ названіемъ „римская республика“; это все равно, что сначала изложить исторію нашествія Наполеона въ 1812 году, а потомъ повести рѣчь объ императорскомъ періодѣ русской исторіи. Нѣсколько разъ Кеннингемъ ссылается на Э. Мейера. Намъ извѣстны его увлекательно-прекрасныя книги, и мы можемъ только пожалѣть, что Кеннингемъ, повидимому, забылъ многозначительную послѣднюю страницу Мейера въ томъ изслѣдованіи, о которомъ онъ, впрочемъ, не упоминаетъ вовсе, — („Geschichte des Alterthums“, Stuttg. 1893, В. II, стр. 827), гдѣ превосходно отмѣчено глубокое историческое значеніе борьбы грековъ съ персами, борьбы, рѣшившей, по какой дорогѣ пойдетъ духовное развитіе греческаго міра. Если бы авторъ разбираемой книги проникся этою мыслью, то, можетъ быть, ему посчастливилось бы найти въ своемъ распоряженіи, ну, хоть, двадцать пять строчекъ, чтобы поговорить о греко-персидскихъ войнахъ: странно сказать, что въ книгѣ о древнемъ мірѣ не нашлось совсѣмъ мѣста для характеристики этихъ огромныхъ событій!

Рядъ хаотически перемѣшанныхъ обрывковъ и клочковъ, поверхностныхъ и случайныхъ, ровно ничего не выигрываетъ отъ того, что объединенъ величественнымъ названіемъ; напротивъ, это-то и усугубляетъ досаду читателя о потерянномъ времени и трудѣ. Переводъ недуренъ, довольно литературенъ. Есть ошибки; подлинника у насъ подъ руками нѣтъ, но и безъ него возможно кое-что отмѣтить. Напримѣръ, переводчикъ, повидимому, переводитъ „Domesday book“ — словами „поземельная книга“, тогда какъ это значитъ: „*Книга Страшнаго Суда*“, и этотъ памятникъ экономическаго быта эпохи Вильгельма Завоевателя и норманскаго завоеванія никогда иначе и не называется. Затѣмъ, г. Коганъ употребляетъ часто выраженіе: „контролировать работы“, „контролируя рѣку“ (стр. 21) и т. п. Очевидно, что англійскій глаголъ „to control“ онъ и перевелъ, ничтоже сумняся, — „контролировать“, тогда какъ, кромѣ этого значенія, указанный глаголъ имѣетъ еще нѣсколько: управлять, направлять, регулировать, провѣрять, сдерживать (даже еще: обуздывать, опровергать). Далѣе, на стр. 25 читаемъ: „такимъ образомъ, во власть египетскихъ фараоновъ попалъ новый источникъ минеральныхъ богатствъ, каждая изъ этихъ войнъ являлась чѣмъ-то вроде нашествія рабовъ и оканчивалась захватомъ огромнаго числа плѣнныхъ“. Что это за „нашествіе рабовъ“, бессмысленное во всѣхъ отношеніяхъ? Очевидно, въ подлинникѣ рѣчь идетъ о нашествіи съ цѣлью *приобрѣтенія* рабовъ, т. е. о томъ, что иногда даже называется на англійскомъ языкѣ спеціальнымъ терминомъ: slave hunt, охота на рабовъ; это вполне согласовалось бы со смысломъ конца фразы, гдѣ говорится о захватѣ огромнаго числа плѣнныхъ. — Въ общемъ же, повторяемъ, переводъ читается безъ труда.

Остается пожелать, чтобы наша читающая публика ознакомилась съ древнею цивилизаціей и съ эллинизмомъ не по Кеннингему, а по Мейеру, Финлею, Масперо, Раулинсону, Белоху, Дройзену (который, замѣтимъ, превосходно переведенъ Шелгуновымъ и изданъ Солдатенковымъ еще въ 1891 году); не менѣе желательны такія научныя, но вполне доступныя вещи, какъ, напр., книжка покойнаго прив. доц. Аландскаго („Исторія Греціи“), года четыре назадъ вышедшая вторымъ изданіемъ, или Д. М. Петрушевскаго объ обществѣ и государствѣ по Гомеру, или лекціи Модестова о римской литературѣ. Но у насъ больше любятъ бесѣдовать о популяризаціи науки, нежели послѣдовательно и настойчиво этой работѣ предаваться. Между появленіями порядочныхъ популярныхъ книгъ (все равно, переводныхъ или оригинальныхъ) проходятъ, обыкновенно, весьма большіе антракты,—и въ эти-то антракты на книжномъ рынкѣ и являются вещи, вродѣ разобранной.

С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 1902.

По внѣшности своей книга г. Алексѣева представляется нѣсколько загадочной. На обложкѣ ея сверхъ приведеннаго русскаго заглавія красуется еще другое, французское: „L'autonomie rurale des états d'Angleterre, de France, d'Allemagne et de Russie“. Въ самой книгѣ, однако же, нѣтъ ни одной строчки французскаго текста, такъ что трудно понять, зачѣмъ понадобилось автору это французское заглавіе. Впрочемъ, не менѣе загадочно и содержаніе книги г. Алексѣева. Въ своемъ коротенькомъ „предисловіи“ послѣдній такъ опредѣляетъ это содержаніе: „предлагаемое читателю изслѣдованіе является сжатымъ конспектомъ изъ тысячи томовъ законодательнаго и незаконодательнаго матеріала, ссылки на которые приведены самыя необходимѣйшія для уясненія смысла“. Нѣсколько подробнѣе говоритъ авторъ о своей задачѣ во „введеніи“ къ книгѣ, но большая подробность даваемыхъ здѣсь поясненій не дѣлаетъ ихъ болѣе вразумительными. „Центромъ нашего изслѣдованія—говоритъ г. Алексѣевъ—явилось не столько сравнительное изученіе хода развитія самоуправленія нашихъ крестьянъ и иностранныхъ, сколько историческій анализъ законодательной дѣятельности и правительственной практики въ отношеніи крестьянскаго самоуправленія русскихъ крестьянъ за границей и у насъ“. „Русскіе крестьяне за границей“, фигурирующіе въ приведенной фразѣ, конечно, не болѣе, какъ обмолвка, но такими своеобразными обмолвками пестритъ, къ слову сказать, вся книга г. Алексѣева. „Мы предприняли настоящій трудъ,—увѣряетъ еще авторъ книги,—придерживаясь строго историко-догматическаго метода, стараясь выразить собственную мысль системой изложенія

и не стараясь замѣнить факты жизни беспочвенными спекуляціями разума“ (I—II).

Съ своей стороны, мы не беремся объяснить, что разумѣтъ г. Алексѣевъ подъ „историческимъ анализомъ“ и „историко-догматическимъ методомъ“, будто бы примѣняемымъ въ его трудѣ. Взамѣнъ того мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этого „труда“, надѣясь, что онѣ лучше всякихъ объясненій съ нашей стороны познакомятъ читателя съ „системой изложенія“ г. Алексѣева.

Говоря о принадлежащихъ крестьянамъ правахъ по состоянію, г. Алексѣевъ утверждаетъ, что государственные крестьяне и въ эпоху крѣпостного права „свободно переходили съ земли на землю“. „Законъ царя Бориса Годунова отъ 1595 года (sic)—продолжаетъ онъ,—относился только къ помѣщичьимъ крестьянамъ, что можно вывести и изъ его мотивовъ. Знаменитое „право перехода“ крестьянъ по случайнымъ историческимъ событіямъ сохранено было законодателемъ только для государственныхъ крестьянъ, и это право было въ видахъ колонизаціи нерѣдко поощряемо особыми преимуществами для переселяющихся лицъ. Право государственныхъ крестьянъ уходить съ земли законодатель примѣнялъ не только къ переходу на другую землю, но и совсѣмъ съ сельской земли на городскую. Именно изъ этого института перехода и вытекала возможность для лицъ изъ государственныхъ крестьянъ, которыя желали бы проявить свои силы и способности въ области городской или государственной жизни, осуществить свои желанія. Демидовъ, Меншиковъ, Строгановъ, Ломоносовъ и многія другія свѣтила изъ государственныхъ крестьянъ подтверждаютъ эту мысль законодателя. Но крестьяне отъ всякаго рода политическихъ занятій отвыкли. Если крестьянинъ въ казацкомъ костюмѣ иногда долгое время, даже всю жизнь, и посвящаетъ свои силы военной службѣ, то только по необходимости. Пожавъ лавры, казакъ,—хотя бы онъ дослужился и до чина сотника, есаула, полковника, снимаетъ свое верхнее офицерское платье и въ будничныи день вы его увидите опять за плугомъ. Земли у него много, работать можно, ну и чего же надо? Вслѣдствіе делегированія своихъ политическихъ правъ царю, у крестьянъ исчезъ всякій интересъ къ политическимъ дѣламъ, поэтому-то мы и не видимъ множества государственныхъ дѣятелей изъ крестьянъ. Наказаніямъ государственные крестьяне подвергались только по приговору казеннаго и общественнаго судовъ; въ частности же, такъ какъ казенному суду законодатель долго не предоставлялъ права налагать тѣлесныя наказанія, а общественному суду мѣстные обычаи не позволяютъ, то фактически государственные крестьяне не знаютъ системы тѣлесныхъ наказаній, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній въ весьма исключительныхъ случаяхъ по суду родительскому“ (51).

Не менѣ яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ г. Алексѣевъ и имущественныя права крестьянъ. По его словамъ, „государственному крестьянину чужда самая идея эксплуатаціи своихъ братьевъ. Извѣстно, что Демидовъ отказался отъ предоставленныхъ ему правъ потомственного дворянства. Замѣчательно и удивительно, законодатель подмѣтилъ и эту сразу небросающуюся, но глубокую и важную черту социальнаго быта нашихъ крестьянъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о 10—15 десятинномъ размѣрѣ на душу земли законодатель выразилъ желаніе всей русской земли и тѣмъ положилъ въ основу государственной жизни личный трудъ, а не эксплуатацію труда праздными землевладѣльцами. Правда, у помѣщичьихъ крестьянъ душевой надѣлъ колеблется отъ 1—12, но это объясняется малоземельемъ. Законодатель не только санкционировалъ право крестьянъ на 15 десятинный максимумъ душевой надѣлъ, но всякаго рода облегчительными узаконеніями къ приобрѣтенію и этого скромнаго размѣра участка земли для бѣднаго труженика-земледѣльца старается разрѣшить великую социальную задачу—уравненія классовъ населенія чрезъ равномерное распространеніе земныхъ богатствъ. Этимъ, быть можетъ, законодатель до сихъ поръ ограждалъ государство отъ того пролетаріата, который дѣлаетъ людей звѣрьми на всемъ континентѣ западной Европы. Нравственнымъ характеромъ нашего крестьянина и объясняется его самоограниченіе своихъ имущественныхъ правъ. Законодатель оцѣнилъ эту добродѣтель мужика и всегда подлежащими узаконеніями помогаетъ ему приобрѣтать кормилицу землю, но не свыше, обыкновенно, 15-десятиннаго размѣра на душу“ (52—3)... Столь сочувственно относясь къ „самоограниченію“ крестьянина, г. Алексѣевъ строго порицаетъ другія явленія социальной жизни. Не безъ удивленія замѣчаетъ онъ, что „законодатель, или, точнѣе, правительство, терпитъ различныя коммунистическія общества, пріютившіяся въ нѣкоторыхъ уголкахъ Кавказа“. „Члены этихъ „обществъ“,—прибавляетъ онъ,—если только можно назвать таковое собраніе индивидуумовъ чловѣческаго животнаго міра обществомъ, такъ какъ сами члены считаютъ свою совокупность не за общество, а за стадо, которое тоже въ своемъ родѣ общество, не признаютъ ничего, ни Бога, ни Царя, ни закона, ничего, какъ животныхъ“ (96).

Впрочемъ, авторъ претендуетъ на открытія въ области не только этики, но и юриспруденціи. Приведемъ одинъ примѣръ такого рода. Отмѣтивъ, что въ юридическомъ быту казаковъ играетъ извѣстную роль „мѣстная практика, основанная на мѣстныхъ обычаяхъ“, г. Алексѣевъ продолжаетъ: „великую заслугу законодатель оказалъ казачеству тѣмъ, что онъ не только не пренебрегъ послѣднимъ матеріаломъ, но по мѣрѣ возможности согласовалъ постоянно центральную правительственную практику съ мѣстной. Благодаря именно вѣрности этого основного взгляда законода-

теля, и Учрежденія гражданскаго управленія казаковъ, и Сводъ Уставовъ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ явились отраженіемъ казачьей жизни. Правда, объ этихъ законодательныхъ памятникахъ никому неизвѣстно, не только казакамъ, но и большинству казачьихъ начальствующихъ лицъ, такъ что если бы и не внесены были эти законоположенія въ Сводъ законовъ, то никто бы и не замѣтилъ такого опущенія. Это правда, никто бы не замѣтилъ, потому что у насъ интересуются не законами, а только проектами законовъ. Какъ только проектъ сталъ закономъ, онъ дѣлается на нѣкоторое время безынтереснымъ, а потомъ онъ является жертвой беспощадной критики для ненасытныхъ прожектеровъ. Этимъ-то неуваженіемъ къ закону и объясняется крайняя неустойчивость всего нашего законодательства, а вмѣстѣ съ нею и правительственной практики. Дѣло другое мы видимъ въ законодательствѣ, касающемся казачьяго населенія. Законоположенія, составленныя, или, точнѣе сказать, санкціонированныя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, дѣйствуютъ понынѣ, не возбуждая противъ себя никакого принципиальнаго недоразумѣнія. Если кто попытается повѣрить на мѣстѣ дѣйствіе этихъ законоположеній, то тотъ убѣдится, что законъ дѣйствуетъ, а не бездѣйствуетъ“. Открывъ такимъ образомъ удивительный фактъ, что „никому неизвѣстный“ законъ „дѣйствуетъ, а не бездѣйствуетъ“, г. Алексѣевъ немедленно снабжаетъ свое открытіе правоученіемъ. „Если—говорить онъ,—критикъ-юристъ вдумается въ это явленіе, что старые уставы иногда бывають болѣе живучи, чѣмъ новые, то онъ будетъ болѣе остороженъ къ проектамъ, болѣе будетъ питать уваженія къ закону, менѣе у него будетъ смѣлости составлять свой проектъ на мѣсто стараго, тоже обдуманнаго многими компетентными и часто болѣе талантливыми самого прожектера лицами“ (77).

Думаемъ, приведенныхъ выдержекъ вполне достаточно, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что г. Алексѣевъ проявляетъ излишнюю скромность, утверждая, будто въ его книгѣ отсутствуютъ „безпочвенныя спекуляціи разума“. Но, можетъ быть, читатель недоумѣваетъ, для какой цѣли могла быть написана подобная книга. Г. Алексѣевъ любезно разъясняетъ это недоумѣніе. „Сочиненіе это,—говоритъ онъ,—представлено авторомъ въ одинъ изъ Императорскихъ руссійскихъ университетовъ въ качествѣ диссертациі на ученую степень магистра государственнаго права“ (312). Это сообщеніе могло бы показаться наивной мистификаціей, если бы за послѣдніе годы мы не были уже столько разъ свидѣтелями того, какъ смѣлость беретъ если не города, то ученые степени. Но смѣлость г. Алексѣева, кажется, ужъ чересчуръ велика.

В. Ө. Тотоміанцъ. Муниципализація промышленныхъ предприятий. Москва, 1902 г.

Проф. П. Климентовъ. Муниципальное движеніе въ Англіи. Томскъ, 1992 г.

Со времени появленія въ русскомъ переводѣ извѣстной книги К. Гуго, о „Новѣйшихъ теченіяхъ въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи“, а за нею и книги А. Шоу: „Городское управленіе въ Западной Европѣ“, трактующей, главнымъ образомъ, о тѣхъ же новѣйшихъ теченіяхъ, вопросы муниципальной жизни культурнаго Запада привлекаютъ къ себѣ замѣтное вниманіе и нашей періодической печати,—въ особенности провинціальной—и широкихъ общественныхъ круговъ. Ознакомленіе съ западными муниципальными теченіями не остается безъ вліянія и на нашу муниципальную практику. Однако, это вліяніе было бы несравненно болѣе глубокимъ и плодотворнымъ, если бы его источникомъ было не одно болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ *вѣтхими фактами* западно-европейской муниципальной жизни, но и вполне сознательное къ нимъ отношеніе, какое возможно только при надлежащемъ уразумѣніи истиннаго смысла и значенія этихъ фактовъ, т. е. тѣхъ причинъ, которыми они вызваны, того мѣста, которое они занимаютъ, той роли, которую они играютъ въ ряду и въ связи съ другими явлениями соціальной жизни, и, наконецъ, тѣхъ результатовъ, къ которымъ они приводятъ. Къ несчастью, въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ у насъ пока еще очень плохо, особенно поскольку рѣчь идетъ о главнѣйшемъ изъ „новѣйшихъ теченій“, именно, о муниципализаціи промышленныхъ предприятий. Фактовъ къ вашимъ услугамъ—сколько угодно, но стоитъ заинтересоваться теоретической стороною дѣла, чтобы, при недоступности иностранной литературы, очутиться въ положеніи почти совершенно безпомощномъ. Какими причинами вызывается стремленіе городскихъ управленій къ муниципализаціи предприятий? Какія общественныя, правовыя, экономическія, финансовыя и иныя условія благопріятствуютъ или противодѣйствуютъ этому процессу? Какими причинами обусловливается то или иное его направленіе? При какихъ обстоятельствахъ даетъ муниципализація тѣ или иныя результаты? Въ какой послѣдовательности и постепенности она совершается, и до какихъ предѣловъ можетъ и должна быть доведена? На всѣ такіе и подобнаго рода вопросы тщетно было бы искать сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта въ наличной нашей оригинальной или переводной литературѣ. И потребность въ трудѣ, который далъ бы надлежащую теоретическую разработку вопроса о муниципализаціи и другихъ „новѣйшихъ теченіяхъ“, является въ настоящее время особенно настоятельной. Понятенъ, поэтому, тотъ живой интересъ, какой должна была возбудить въ насъ книга г. Тотоміанца, тѣмъ

болѣе, что ея заглавіе „Муниципализація промышленныхъ предприятий“—при отсутствіи въ немъ какихъ-либо ограниченій, общаетъ такъ много. Не меньше заглавія общаетъ оглавленіе книги, поражающее обширностью и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайной благодарностью поставленной себѣ авторомъ задачи. Онъ трактуетъ въ своей книгѣ о муниципализаціи промышленныхъ предприятий въ Великобританіи, Ирландіи и англійскихъ колоніяхъ (гл. III), въ Соединенныхъ Штатахъ (гл. IV), въ Германіи и Австро-Венгріи (гл. V), въ Швейцаріи (гл. VI), въ Италіи, (гл. VII), во Франціи, Бельгіи, Голландіи (гл. VIII), въ Скандинавскихъ и Балканскихъ государствахъ, въ Испаніи, Португаліи, Японіи и Южной Америкѣ (гл. IX), наконецъ, въ Россіи (гл. X). Наблюдая процессъ муниципализаціи подъ столь различными широтами, при столь разнообразной обстановкѣ, почти на всѣхъ стадіяхъ его развитія—отъ момента зарожденія въ однѣхъ странахъ, до полной его зрѣлости въ другихъ,—авторъ несомнѣнно стоялъ въ наилучшихъ условіяхъ для посильнаго разрѣшенія тѣхъ огромной важности общихъ вопросовъ, которые такъ настойчиво требуютъ отвѣта. Однако, увы! — этими вопросами авторъ всего менѣе интересуется, полагая центромъ тяжести своей задачи констатированье ряда голыхъ, неосмысленныхъ, большей частью мелкихъ и въ значительной мѣрѣ уже общеизвѣстныхъ фактовъ муниципализаціи. Да и въ предѣлахъ этой задачи не все обстоитъ благополучно. „Факты“ часто оказываются, напр., такого сомнительнаго свойства, какъ, напр., сообщеніе, что „городъ Гентъ *почти уже рѣшилъ* взять въ свои руки газовое освѣщеніе“, а „Левентъ *думаетъ* его взять уже теперь“ (?) (стр. 126). Особенно же печальное, прямо тяжелое впечатлѣніе производятъ тѣ пять-шесть жалкихъ страничекъ, которые посвящены Россіи. Авторъ, которому, какъ то несомнѣнно доказываетъ его трудъ, вообще совершенно чужды вопросы городского управленія и хозяйства, когда заводитъ рѣчь о Россіи, не проявляетъ даже и той минимальной доли знакомства съ русской муниципальной дѣйствительностью, какую можно встрѣтить у любого грамотнаго обывателя, хотя бы только читающаго газеты. Не удивительно, если на ряду съ фактическими неточностями, вродѣ, напримѣръ, совершенно неосновательнаго утвержденія, что въ Нахичевани на Дону, будто бы имѣются муниципальные трамвай и шерстомойки, у г. Тотоміанца встрѣчаются такіе курьезы, какъ возведеніе въ продукты „новѣйшихъ теченій“ давнихъ, вполне обыденныхъ и повсемѣстныхъ явленій нашей муниципальной практики. Такъ, онъ воспѣваетъ въ качествѣ „нововведеній“ изданіе бакинской думою обязательнаго постановленія... о времени скупки на базарахъ продуктовъ для перепродажи, или изданіе тифлисской думою... таксы на мясо!.. Еще хуже обстоитъ дѣло въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда авторъ затрогиваетъ теоретическую сторону во-

проса. Тутъ на каждомъ шару обнаруживается, что никакой собственной точки зрѣнія у автора нѣтъ, и что онъ охотно и безразлично воспринимаетъ любой взглядъ той иностранной книги, которую онъ въ данную минуту на данной страницѣ компилируетъ. Впрочемъ, болѣе или менѣе твердо г. Тотоміанцъ, повидимому, стоитъ на томъ, что муниципализація возникаетъ ради усиленія городскихъ финансовыхъ средствъ, что она прежде всего должна приносить прибыль городской кассѣ и что, поэтому, не заслуживаетъ сочувствія все сильнѣе проявляющаяся на Западѣ тенденція къ установленію дарового пользованія услугами городскихъ предпріятій. Тутъ явствуетъ и незнакомство съ исторіей явленія и непониманіе его идейнаго смысла,—того, что именно превратило муниципализацію въ „новѣйшее теченіе“, ибо, какъ фактъ, она существуетъ уже давнымъ-давно; даже у насъ, на Руси, можно было найти сотни муниципализированныхъ предпріятій уже десятки лѣтъ тому назадъ. Авторъ и не подозреваетъ, нужно полагать, что онъ проводитъ взгляды и устанавливаетъ принципы, особенно милые сердцу правящаго буржуазнаго меньшинства, которое охотно воспользовалось бы, да и пользуется уже муниципализаціей именно въ своихъ интересахъ и во вредъ интересамъ большинства населенія. Онъ не догадывается, что проведеніе въ жизнь принципа безвозмездности—единственное средство дать муниципализаціи надлежащее направленіе: этимъ путемъ разъ навсегда уничтожается для правящаго муниципальнаго меньшинства возможность пользоваться муниципализаціей въ цѣляхъ усиленнаго переложенія тяжести городского бюджета въ формѣ замаскированныхъ косвенныхъ налоговъ на наименѣ состоятельные классы городского населенія.

Авторъ нѣсколько разъ безъ излишней скромности говоритъ о своемъ трудѣ—„наше изслѣдованіе“. Въ дѣйствительности эти 173 странички крупнаго разгонистаго шрифта представляютъ собою не изслѣдованіе, а собраніе неважныхъ, по преимуществу газетныхъ компиляцій, распространеніе которыхъ въ публикѣ, въ виду сказаннаго, едва ли можетъ принести какую-либо пользу, даже при всей бѣдности нашей литературы по городскимъ вопросамъ.

Прямой противоположностью книги г. Тотоміанца является интересно и живо написанная брошюра проф. Климентова. Молодой ученый разсматриваетъ „новѣйшія теченія“, слѣдовательно, главнымъ образомъ, муниципализацію, не какъ средство пополнить городскую кассу, а какъ „одно изъ могучихъ проявленій сознательной работы современнаго человѣчества надъ окружающей дѣйствительностью“, какъ продуктъ стремленія муниципалитетовъ „къ творческой дѣятельности въ сферѣ разрѣшенія соціальнаго вопроса“. Онъ отмѣчаетъ, въ какой мѣрѣ идеологія англій-

скихъ политическихъ партій, проникнутыхъ сознаниемъ необходимости демократическихъ реформъ, „содѣйствовала развитію соціально-политической точки зрѣнія въ административной политикѣ городовъ“. Знакомить авторъ своихъ читателей, насколько это допускается размѣрами его брошюры, и съ знаменитой лондонской программой, и съ дѣятельностью содѣйствовавшего ея выработкѣ и осуществленію фабіанскаго общества, являющагося идеологомъ англійскаго муниципальнаго движенія. Словомъ, г. Климентовъ даетъ не только обильные фактическія данныя о „новѣйшихъ теченіяхъ“, но старается и возможно больше осмыслить ихъ, предоставляя читателю всѣ средства для вполне сознательнаго къ нимъ отношенія. И его брошюра, несомнѣнно, заслуживаетъ самаго широкаго круга читателей.

П. Г. Ганзенъ. Опытъ оздоровленія деревни. Со вступительной статьей Р. И. Сементковскаго. Изд. Маркса. Спб. 1902.

Подъ этимъ нѣсколько громкимъ названіемъ г. Ганзенъ описываетъ организацію „трудовой помощи“ пострадавшему отъ неурожая населенію и устройство яслей-пріютовъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи лѣтомъ 1899 г. (отъ „попечительства о домахъ трудолюбія“).

Въ характерное положеніе попадаетъ иногда интеллигентъ, пріѣзжающій въ деревню съ благами намѣреніями. Г. Ганзенъ предлагаетъ крестьянамъ села Кулыги заняться (на средства „попечительства“) слѣдующими работами: осушить окрестное болото, чѣмъ уничтожится источникъ лихорадокъ и другихъ болѣзней, и, кромѣ того, 200 десятинъ негоднаго болота превратятся въ годную землю; очистить ключи для питьевой воды и устроить колодцы, что дастъ крестьянамъ прекрасную питьевую воду вмѣсто теперешней болотной.

Требуется для этого составить сельскій приговоръ. Но, къ великому удивленію, крестьяне наотрѣзъ отказываются отъ всѣхъ этихъ благодѣяній, и сельскій сходъ постановляетъ „неожиданный и ни съ чѣмъ несообразный“ приговоръ, что имъ „ничего этого не нужно“. Къ предложенію отнесся сочувственно только „мѣстный зажиточный крестьянинъ, лѣсопромышленникъ С., который предложилъ даже пожертвовать для осушки болота 300 р.“ Этотъ отказъ крестьянъ отъ благодѣянія безъ объясненія причинъ наводитъ, конечно, интеллигента на грустные размышленія, „какъ еще наши крестьяне мало развиты, и какъ имъ трудно различать добро отъ зла“ и т. д. Разслѣдованіе мотивовъ отказа приводитъ г. Ганзена къ заключенію, что „крестьяне вообще не могутъ понять, что кто-нибудь, правительство или частныя лица, можетъ имъ дѣлать добро безъ какой-либо задней мысли. Меня такое отношеніе крестьянъ ко всякимъ благимъ начинаніямъ извѣѣ,

говорить Ганзенъ, сначала очень поразило и наполнило недоумѣніемъ, но затѣмъ, поближе познакоившись съ бытомъ крестьянъ, я пересталъ удивляться такому отношенію“. Послѣ переговоровъ съ крестьянами мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, крестьяне открыли и мотивы своего отказа: они опасаются, что съ превращеніемъ болотъ въ луга послѣдніе перейдутъ въ собственность казны или же они, пожалуй, отойдутъ къ вышесказанному лѣсопромышленнику С., чему де уже былъ у нихъ примѣръ, и такимъ образомъ крестьяне лишатся возможности выгонять туда скотину. Далѣе, съ осушкой болота они могутъ лишиться со всѣмъ питьевой воды, такъ какъ болото сообщается съ озеромъ, изъ котораго берутъ воду. А дадутъ ли предполагаемые къ расчисткѣ ключи и колодезь достаточное количество воды,—это неизвѣстно. Ранѣе бывшія попытки провести ключи не удавались, и ключи терялись въ полѣ.

Какъ видимъ, мотивы крестьянъ небезъосновательны, и отказъ ихъ нельзя назвать „ни съ чѣмъ несообразнымъ“.

Наконецъ, крестьяне составили такой приговоръ: они разрѣшаютъ „произвести работы по доставленію населенію ключевой воды для питья вмѣсто стоячей: на осушеніе же болотъ они изъявляютъ свое согласіе тогда, когда убѣдятся, что ключи окажутся въ состояніи снабжать населеніе водой въ достаточномъ количествѣ, и не будетъ болѣе надобности въ озерной водѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне обставили это свое согласіе условіемъ, что осушенные болота останутся въ ихъ полномъ владѣніи и безъ ихъ особаго согласія отчуждены быть не могутъ“.

Приговоръ этотъ, и особенно первая его половина, свидѣтельствуя, конечно, о вполне разумномъ и сознательномъ отношеніи крестьянъ къ дѣлу.

Къ книжкѣ Ганзена приложена вступительная статья г. Сементковскаго съ цѣлымъ рядомъ тяжкихъ обвиненій по адресу русской интеллигенціи: „Болота не осушаются, дороги не сооружаются, сельскохозяйственные приемы—хищническіе, земля систематически выпаживается безъ всякой заботы о будущемъ, лѣса вырубаются, общепользныя нововведенія почти совершенно отсутствуютъ, и если мы спросимъ себя, отчего Россія въ отличіе отъ другихъ культурныхъ странъ представляетъ картину такой вопіющей отсталости, то нельзя будетъ не придти къ заключенію, что въ ряду причинъ одна изъ главныхъ заключается въ недобѣрин или неспособности русскаго интеллигентнаго человѣка къ дѣятельности чисто-практической“... И далѣе: „Разъ дѣятельность эта поставлена на практическую почву борьбы съ реальными недугами деревни, дѣятельность интеллигенціи не встрѣчаетъ препятствій“... Такъ думаетъ г. Сементковскій.

Безъ вступительной статьи г. Сементковскаго и съ болѣе скромнымъ, соотвѣтствующимъ заглавіемъ книжка г. Ганзена

выиграла бы. „Оздоровленіе деревни“—слишкомъ громко. Устройство яслей-пріютовъ — дѣло доброе, но не слѣдуетъ преувеличивать его значенія. До „оздоровленія деревни“ тутъ еще далеко.

Видѣть въ оказаніи „трудовой помощи“ населенію во время неурожая и въ устройствѣ яслей-пріютовъ панацею къ уврачеванію социальныхъ золъ деревни, къ „оздоровленію“ деревни — нельзя.

И подѣ такимъ заглавіемъ книжка г. Ганзена можетъ пройти незамѣченной именно тѣми, кто интересуется практическимъ вопросомъ объ оказаніи „трудовой помощи“ и объ устройствѣ яслей-пріютовъ въ деревняхъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Иванъ Бунинъ. Новыя стихотворенія. М. 1902. Ц. 1 р.

Юрій Милославскій. Историческій романъ *М. Н. Загоскина*. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Ш. Ш. Ночь въ музеѣ восковыхъ фигуръ (Бредъ). Этюдъ въ картинахъ и образахъ. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Е. Григорьевъ. Бредъ жизни. Повѣсти. Разказы. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Умеръ талантъ!.. Повѣсть *А. А. Лугового*. Изд. Т-ва «Общественная Польза». Спб. 1902. Ц. 60 к.

Б. Е. Писаревскій. Горошки (Изъ жизни мелкаго муравейника). Изд. Германа. Одесса. 1902. Ц. 1 р.

Безъ названія. Сборникъ *В. П. Чечина*. Вѣлостокъ. 1900. Ц. 1 р.

Н. Пружанскій. Въ разгарѣ страстей. Романъ-хроника въ 2-хъ частяхъ. Т. II. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

В. С. Ериченко. На окраинахъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Sartor Besartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдреска. *Томаса Карлейля*. Перев. съ англ. Н. Горбова. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Современные европейскіе беллетристи. Вып. III. Бартель Туразеръ. Драма *Филиппа Ланжана*. Харьковъ.

№ 7 Отдѣлъ II.

1902. Ц. 30 к. Вып. IV. *А. Шнитцлеръ*. Поручикъ Густъ. Переводъ Э. А. Г—ой. Харьковъ. 1902. Ц. 25 к.

Собраніе сочиненій *Эрнеста Ренана*. Перев. съ франц. подѣ ред. В. Н. Михайлова. Тт. III и IV. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за всѣ 12 т. по подпискѣ 6 р.

Собраніе сочиненій *Манса Нордау*. Перев. съ нѣм. подѣ ред. В. Н. Михайлова. Тт. V и VI. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за всѣ 12 т. по подпискѣ 6 р.

Собраніе сочиненій *Элизы Ожешко*. Перев. съ польскаго подѣ ред. С. С. Зелинскаго. Тт. V и VI. Изд. Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за всѣ 12 т. по подпискѣ 5 р.

Н. В. Рейгардтъ. Н. К. Михайловскій и его труды. (По поводу 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Казань. 1902. Ц. 35 к.

В. О. Лазурскій. Западно-европейскій романтизмъ и романтизмъ Жуковскаго. Рѣчь, произнесенная въ Имп. Новорос. универс. 23-го апр. 1902 г. Одесса. 1902.

Ст. Сухановъ. Правда о Максимѣ Горькомъ. (Психологическій этюдъ). Кіевъ. 1902. Ц. 15 к.

М. Чайковскій. Жизнь Петра

Ильича Чайковского. Вып. XVIII и XIX. Изд. П. Юргенсона. М. 1902.

Вопросы современности. Выпуск V. **Гр. Новопольск.** Въ сумеркахъ литературы и жизни. Изд. Э. А. Головинской. Харьков. 1902. Ц. 1 р.

Г. И. Вронгесъ. Рёскингъ и Библия. Къ исторіи одной мысли. Перев. съ франц. Л. П. Нивифорова. Изд. «Посредника». М. 1902. Ц. 90 к.

Вильгельмъ Вундтъ. Введение въ философію. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. А. Котляра, подъ редакціей проф. московскаго университета кн. С. Н. Трубецкаго. М. 1902. Ц. 2 р. 25 к.

Вильгельмъ Вундтъ. Введение въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. С. Штейнберга и С. Д. Львова.—Изданіе редакціи журнала «Образование». Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Байзъ. Исторія искусствъ. Перев. подъ ред. и съ добавленіями проф. Г. Г. Павлуцкаго и съ прибавленіемъ главы о древне-русскомъ искусствѣ В. Т. Георгіевскаго. Съ рис. Изд. С. В. Кудьженко. Кіевъ. 1902. Ц. 4 р.

Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII в. Составили по Боннемеру, Зеворту, Ковалевскому, Гуго и др. **И. Степановъ** и **В. Базаровъ.** Изд. ред. журнала «Образование». Спб. 1902. Ц. 50 к.

С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. Изданіе поставщиковъ Е. И. В. Товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1902.

Исторія города Москвы. Сочиненіе **Ивана Забѣлина**, написанное по порученію Московской городской думы. Часть первая. М. 1902.

Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, А. А. Кизеветтера и М. В. Довнаръ-Запольскаго. Царь Иванъ Грозный и его время. Очеркъ **С. Енязновъ.** М. 1901. Ц. 15 к.

С. Енязновъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ, подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Спб. 1900. Ц. 15 к.

Его же. Какъ началась расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изд. Торговаго дома С. Курепинъ и Ко. М. 1902. Ц. 35 к.

Панславизмъ, Пангерманизмъ и Панроманизмъ въ XX в. Очерки **И. В. Калменскаго.** Одесса. 1902. Ц. 40 к.

Дж. Галанинъ. Мысли и наблюденія по вопросу о средней школѣ. М. 1902. Ц. 20 к.

Томасъ Карлейль. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда-ректора Эдинбургскаго университета, 2-го апр. 1866 г. Перев. съ англ. Н. Горбова. М. 1902. Ц. 25 к.

М. Н. Соболевъ. Очерки изъ исторіи всемірной торговли въ связи съ развитіемъ экономической жизни. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, магазина «Книжное Дѣло». М. 1902. Ц. 1 р.

А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

П. Гамбаровъ. Двадцать пять лѣтъ дѣятельности Германскаго имперскаго банка (1876—1900). Рига. 1902. Ц. 1 р. 80 к.

И. Бродовскій. Еврейская нищета въ Одессѣ. Одесса. 1902. Ц. 30 к.

Законодательная ошибка. **Ф. П. Будневича.** Варшава. 1902.

А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Хозяйственное положеніе района станицъ Баракаевской, Каменноостковской и Севастопольской, Кубанской области. Статистико-экономическій очеркъ. Составилъ **Л. В. Манедоновъ.** Воронежъ. 1901.

Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Вып. I. 1902 г. Изд. Статистич. отдѣленія Пермской губ. земской управы. Пермь. 1902.

Производство и потребленіе овса на всемъ свѣтѣ. Статистическое изслѣдованіе **А. А. Радцига.** Спб. 1902. Ц. 1 р.

Материалы для оцѣнки фабрикъ, заводовъ и др. промышленныхъ заведеній Нижегородской губерніи. Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Нижний-Новгородъ. 1902. Ц. 2 р.

А. Д. Билимовичъ. Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Статистическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

А. С. Невзоровъ. Изъ быта села Птичьаго, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Юрьевъ. 1902.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1902.—Проф. **И. Поповъ.** Объ уходѣ за копытами лошади. Ц. 2 к.—**Его же.** О молочномъ дѣлѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Ц. 3 к.—Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Ц. 6 к.—**Д. Горюстасевъ.** Какъ построить крестьянскую кирпичную избу. Ц. 6 к.—**А. Зубри-**

линз. Какъ улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамскаго уѣзда. Ц. 2 к.

Опытъ оздоровленія деревни. Составилъ **П. Г. Ганзенъ.** Съ иллюстраціями и вступительною статьею Р. И. Сементковскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Ц. 75 к.

А. Бычковъ. Очерки Якутской области. II. Скопцы въ ссылкѣ. Иркутскъ. 1902.

И. Гофштеттеръ. Пржарно-страховое дѣло въ земскихъ губерніяхъ. Исторія его развитія и современная постановка. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Д-ръ **Е. Г. Штейнбергъ.** Современное санитарное состояніе города Брестъ-Литовска. Брестъ-Литовскъ. 1902. Ц. 10 к.

Г. М. Тумановъ. Замѣтки о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифлисъ. 1902. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Д-ръ **А. Мендельсонъ.** Положеніе душевно-больныхъ въ Петербургѣ. Проектъ семейнаго патронажа душевно-больныхъ хрониковъ. Спб. 1902.

Физико-математическій ежегодникъ, посвященный вопросамъ математики, физики, химіи и астрономіи въ элементарномъ изложеніи. Съ рис. № 2. Изд. кружка авторовъ «Сборника въ помощь самообразованію». М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Библиотека для самообразованія. I. **Вильямъ Круксъ.** О происхожденіи химическихъ элементовъ. Переводъ подъ редакціей пр. М. И. Коновалова. М. 1902. Ц. 50 к.

Телеоптиконтъ. Электрическая передача видѣнія. Составлено **Изобрѣтателемъ.** Спб. 1902. Ц. 75 к.

Е. Г. Штейнбергъ. Спиртъ, его дѣйствіе на живой человѣческой орга-

низмъ. Мѣры противъ пьянства. Спб. 1901. Ц. 30 к.

И. Я. Акифьевъ. Природа Екатеринослава и Юга Россіи. Біологическія свѣдѣнія. Пособіе для экскурсій съ учениками. Сады Потемкина весной. Съ рис. Екатеринославъ. 1902. Ц. 75 к.

Библиотека для дѣтей и юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова.—По слѣдамъ оленя. Разсказъ **Э. С. Толмсона.** Перев. съ англ. Съ рис. М. 1902. Ц. 30 к.—Голуби, галки, аисты и другія птицы. Разсказы проф. **М. Н. Богданова.** Съ рис. М. 1902. Ц. 10 к.

Начальный курсъ географіи. Составилъ **Г. И. Ивановъ.** Изд. С. Метальникова и Г. Иванова. Съ рис. Спб. 1902. Ц. 60 к.

М. Лозинскій и Д. Протопоповъ. Справочная книга о законахъ для крестьянина. 2-е изд., книжной торговли «Самообразование». М. 1902. Ц. 15 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Переводъ съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона. Перев. и всѣ дополненія подъ ред. Ю. Энгеля. Вып. V. Изданіе П. Юргенсона. М. 1902. Ц. по подпискѣ 6 р.

Отчетъ Нижегородской городской общественной бібліотеки за 1901 годъ. Нижній-Новгородъ. 1902.

Б. Никонцовъ. Очерки изъ гимназій. Прѣвелъ отъ руски Х. Христовъ. Издава книжарницата «Заря». Правая. 1902. Ц. 1 левъ.

L'institut international de Sociologie. Statuts, Bureaux Successifs, Membres & Associés. Paris. 1901.

Contemporary Sociology. **Lester F. Ward.** Chicago. 1902.

Handwörterbuch der Schweizerischen Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Herausgegeben von Dr. **Reichsberg.** Bd. I. Bern. 1902.

Политика.

Англія и колоніи.—Французскія внутреннія дѣла.—Событія въ Южной Америкѣ.

I.

Изобиліе событій исторической важности въ прошломъ отчетномъ мѣсяцѣ и, наоборотъ, совершенная скудость ихъ въ настоящемъ... Исторія „шестьуетъ“ путемъ своимъ желѣзнымъ“, событія развиваются, положенія намѣчаются, кое-что интересное обрисовывается и назрѣваетъ, но ничего яркаго не совершилось въ отчетномъ мѣсяцѣ, ничего не придвинулось настолько, чтобы можно и должно было сколько-нибудь обстоятельно остановиться на его разсмотрѣніи и оцѣнкѣ.

Цивилизованный міръ очень интересовался въ отчетномъ мѣсяцѣ предстоявшею коронаціею Эдуарда VII, внезапною болѣзнію, ей помѣшавшею, замѣчательной операціей, спасшею короля, его постепеннымъ выздоровленіемъ и снова предстоящею коронаціею. Все это волновало и тревожило читающую публику, но со всѣмъ этимъ намъ дѣлать нечего. Эта пышная историческая декорация является богатою темою для газетъ, а не для исторіи человѣческаго прогресса, не для лѣтописи этой исторической эволюціи. Въ той же Англіи намѣтились и обрисовались нѣкоторыя событія, которыя могутъ пріобрѣсти очень крупное значеніе и съ точки зрѣнія культурно-исторической.

Прежде всего, отставка маркиза Сольсбери, возвышеніе лорда Бальфура, вѣроятная отставка сэра Гикса-Бичъ, новое положеніе Чемберлена и вообще разныя передвиженія и перестановки въ средѣ господствующей партіи.

Маркизь Сольсбери достигъ семидесяти-трехлѣтняго возраста и теперь, послѣ пятидесяти лѣтъ кипучей политической дѣятельности, и недавней утраты жены, имѣлъ основаніе желать отдыха. Объясненіе для выхода въ отставку вполне достаточное, но единственное-ли? Маркизь Сольсбери имѣетъ свою длинную и яркую политическую исторію. Уже въ пятидесятихъ годахъ XIX в. онъ вступилъ въ палату общинъ. Робертъ Сесиль, какъ тогда назывался будущій маркизь Сольсбери, былъ человѣкъ обширнаго образованія, просвѣщеннаго и скептическаго ума, по рожденію и традиціямъ членъ торійской партіи. Робертъ Сесиль дѣлалъ оппозицію либеральнымъ кабинетамъ Пальмерстона и Росселя, участвовалъ въ низверженіи перваго кабинета Гладстона по вопросу объ избирательной реформѣ и вошелъ членомъ въ образовавшійся

тогда первый кабинет Дизраэли, но когда этот кабинет взял на себя инициативу избирательной реформы, Сесиль вышел в отставку. Он находил, что не стоило низвергать Гладстона, чтобы взять на себя задачу, за которую низвергли предшествующий кабинет. Принципы нового реформ-билля были те же, что и у Гладстона, но введены разные частности и мелочи в распределении округов, которые благоприятствовали консерваторам. Это было не во вкус строгого и корректного Роберта Сесили. Выйдя в отставку, он образовал особую консервативную группу, державшую себя независимо и скоро оказавшую содействие в низвержении кабинета Дизраэли. Избирательная реформа была, правда, принята, при содействии либералов, но когда Гладстон внес билль об отделении церкви от государства в Ирландии (иначе говоря, об уравнивании католической церкви с англиканскою), Роберт Сесиль с своими друзьями присоединился к Гладстону, и министерство Дизраэли вышло в отставку. До 1874 года при власти были либералы. Выборы этого года передали ее опять в руки консерваторов. Дизраэли, теперь уже гр. Биконсфильд, снова стал премьером. Роберт Сесиль, теперь уже маркиз Сольсбери, снова вступил в кабинет, получив портфель министра Индии. Вместе с гр. Дерби (министром иностранных дел) и лордом Кернервоном (министром Ирландии) маркиз Сольсбери стоял в оппозиции широким авантюрам графа Биконсфильда. Направление, теперь получившее название „империализма“, было в Англии впервые определенно выдвинуто именно гр. Биконсфильдом, именно в это второе свое министерство. Этому то „империализму“ и выступил тогда же противником маркиз Сольсбери. На константинопольской конференции 1876 года маркиз Сольсбери был представителем Англии и горячо отстаивал интересы и права угнетенных христиан. Он же содействовал, вместе с Дерби, тому, что Англия сохранила нейтралитет во время русско-турецкой войны. Когда обнаружилось, что наряду с официально миролюбивою и благоприятною христианам политикою, руководимою графом Дерби, гр. Биконсфильд, через посла в Константинополь Лейярда, вел секретную туркофильскую политику, поощрявшую турок к сопротивлению и приготавливавшую вмешательство в защиту турецкого господства, лорды Дерби и Кернервон, в негодование на это двучие, вышли из кабинета. Тогда много осуждали маркиза Сольсбери, что он не вышел с ними. Он остался в министерстве и даже взял наследство гр. Дерби, приняв портфель иностранных дел. Хорошо это или дурно, но потом обнаружилось, что этим он еще раз удержал Англию от вмешательства. На берлинском конгрессе он не играл выдающейся роли, которая выпала на долю гр. Биконсфильда, который, однако, в присутствии благородного маркиза, постоянно

видѣлъ подлѣ себя сдерживающій элементъ. Ближайшій годъ занять былъ войной съ Афганистаномъ, приобрѣтеніемъ Кипра, покупкою суэцкихъ акцій, провозглашеніемъ англійской королевы императрицею Индіи,—все декораціи и аксессуары огромной имперіалистской программы, широко агрессивной и завоевательной. Соединяясь съ Бисмаркомъ, Биконсфильдъ уже дѣлилъ вселенную: Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австріею. Биконсфильдъ ему помогъ привлечь Италію. Былъ выработанъ проектъ союза съ широкою наступательною программою между этимъ тогда только-что возникшимъ тройственнымъ союзомъ и Британскою имперіею. Гр. Биконсфильдъ въ 1880 году внесъ проектъ на обсужденіе кабинета, гдѣ Сольсбери воспротивился его одобренію, находя, что кабинетъ, опирающійся на парламентъ, котораго полномочіе истекаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не можетъ брать на себя отвѣтственности за такой актъ. Это противорѣчило бы всѣмъ традиціямъ. Пришлось отложить, а избиратели приняли либеральное большинство. Биконсфильдъ больше не возвращался къ власти. Такимъ образомъ, всѣ эти тридцать лѣтъ своей политической дѣятельности, маркизъ Сольсбери былъ противникомъ имперіализма. Онъ имъ оставался и въ послѣдующіе двадцать лѣтъ, но столь-же склоннымъ къ компромиссамъ съ новыми имперіалистами вродѣ Чемберлена и Мильнера, какъ прежде съ Биконсфильдомъ. Не наступаетъ-ли, однако, моментъ, когда компромиссовъ уже недостаточно? Не надо-ли прямо подчиниться? Усталость стараго премьера и потребность въ отдыхѣ сами собою, а сознаніе тяжести все растущаго и усиливающагося новаго движенія, давно ему несимпатичнаго, не ускорило-ли его рѣшенія?

Если-бы былъ назначенъ премьеромъ Чемберленъ, то отвѣтъ на только что поставленные вопросы былъ бы ясенъ и несомнителенъ. Назначенъ, однако, лордъ Бальфуръ... Что такое лордъ Бальфуръ? Прежде всего, аристократъ, склонный къ философіи и художествамъ, авторъ цѣнныхъ въ Англій церковно-философскихъ и эстетическихъ сочиненій. Къ политикѣ онъ имѣетъ менѣе склонности и занимается ею потому, что Сесили, къ роду которыхъ онъ принадлежитъ, привыкли изъ поколѣнія въ поколѣніе заниматься политикою. По той-же причинѣ, онъ тори. Когда около двадцати лѣтъ тому назадъ талантливый, рано сошедшій со сцены лордъ Рандольфъ Черчилль задумалъ образовывать демократически-торійскую партію, Бальфуръ за нимъ послѣдовалъ, являясь и теперь тоже съ демократическимъ оттѣнкомъ. Онъ состоитъ лидеромъ министерской партіи въ палатѣ общинъ. Но почему онъ, а не Чемберленъ и не Гиксъ-Бичъ,—каждый старше его лѣтъ на двѣнадцать и каждый заслуженнѣе и авторитетнѣе? Повидимому, потому главнымъ образомъ, что оба очень не сходятся. Чемберленъ прямой преемникъ Биконсфильда, а Гиксъ-Бичъ солидаренъ съ Сольсбери. Подчиниться другъ другу было-бы

трудно, а, можетъ быть, и невозможно. Бальфуръ удобенъ для обоихъ. Къ тому же онъ племянникъ маркиза Сольсбери. Это *удобство* неяркости и неопредѣленности сдѣлало Бальфура лидеромъ. Оно-же проложило ему дорогу и къ премьерству... И тѣмъ не менѣе, Гиксъ-Вичъ заявилъ, что выходитъ въ отставку. Онъ тоже старъ, онъ тоже усталъ. Это правда отчасти, но одно къ одному, и опять, и опять, все въ томъ-же духѣ,—не замѣчаете-ли, что за усталостью и старостью обрисовываются успѣхи имперіализма? Вѣроятно, обрисовываются эти успѣхи, а впрочемъ не навѣрное... Событія еще совершаются, но не совершились. Борьба еще не кончилась. Слухи распускаются о многихъ отставкахъ, большею частью старыхъ тори. Это было-бы логично, но слухи называютъ и Чемберлена... Мало вѣроятно, но не невозможно. Борьба, очевидно, еще не кончилась.

Въ это самое время развитія политическаго кризиса въ Англіи, въ Лондонѣ состоялся съѣздъ премьеровъ автономныхъ колоній. Такихъ подъ скипетромъ короля Эдуарда—шестъ: Канада, Австралія, Капландія, Наталь, Новая Зеландія и Ньюфаундлендъ. Чемберленъ, какъ министръ колоній, председательствовалъ на этихъ совѣщаніяхъ. Кромѣ многихъ частныхъ вопросовъ, интересующихъ ту или другую колонию въ ея отношеніяхъ съ метрополіей или другой колоніей (и которые въ большинствѣ рѣшены къ общему удовольствію), на разрѣшеніе съѣзда были поставлены три основныхъ „имперскихъ“ вопроса: объ имперскомъ парламентѣ; объ имперскихъ вооруженныхъ силахъ и объ имперскомъ таможенномъ союзѣ. Первый вопросъ былъ чисто-платоническаго свойства, такъ какъ никакого проекта имперскаго парламента предложено не было, а предстояло лишь высказаться, желательно ли представительство колоній. Седдонъ, премьеръ Новой Зеландіи, повидимому, одинъ былъ склоненъ къ такому представительству. Бёртонъ, премьеръ Австраліи, находилъ неудобнымъ самое названіе колоній, а не союзныхъ странъ; ни Лорье изъ Канады, ни Сприггъ изъ Капландіи не находили привлекательнымъ колониальное представительство, которое, надо думать, было бы сопряжено съ значительными расходами, которые несетъ теперь одна Англія. Въ сущности, при нѣсколько угнетенномъ положеніи Капландіи, вопросы рѣшаются Австраліей и Канадой, этимъ двумя сильными и авторитетными членами имперіи. Французская Канада, очень дорожающая участіемъ въ этой имперіи, обеспечивающей ей свободу и безопасность, вовсе, однако, не стремится къ сліянію. Съ другой стороны, только что народившаяся Австралія очень ревнива къ своей самостоятельности.

Вопросъ объ имперскомъ парламентѣ не былъ проваленъ, но остался въ сущности невыясненнымъ. Вопросъ объ имперской арміи и флотѣ, напротивъ того, былъ именно проваленъ. На обсужденіе былъ выдвинутъ проектъ, по которому колоніи въ из-

вѣстномъ опредѣленномъ размѣрѣ даютъ субсидію метрополіи для содержанія вооруженныхъ силъ на сушѣ и на морѣ, въ количествахъ, достаточномъ для обороны всей имперіи. Австралійскій премьеръ Бѣртонъ самымъ категорическимъ образомъ воспротивился этому проекту. Онъ соглашался, что всѣ члены британскаго союза должны нести равномерно тягости для защиты имперіи и ея интересовъ и что несправедливо возлагать на одну Великобританію эти тягости. Однако, тягости южно-африканской войны были раздѣлены колоніями, но не въ видѣ субсидій, а въ видѣ контингентовъ. Это дѣло должно быть правильнѣе организовано. Австралія, по крайней мѣрѣ, сама объ этомъ подумаетъ и создастъ вооруженныя силы для защиты своей территоріи и общebritанскихъ интересовъ. Приблизительно того же мнѣнія былъ и Лорье, представитель Канады. Вопросъ былъ снятъ съ очереди. Быть можетъ, нѣкоторыя мелкія колоніи и дадутъ субсидію, но это далеко не то, о чемъ мечтали имперіалисты, созидавшіе новую сухопутную армію и удваивавшіе флотъ на средства колоній. Думали придти къ имперіи, а приходятъ къ союзу. Для будущности если не имперіализма съ его задоромъ и агрессивностью, то панбританизма это разрѣшеніе вопроса объ имперскихъ вооруженныхъ силахъ открываетъ много шансовъ для успѣха. Безоружныя колоніи и вооруженная метрополія и безъ того болѣе могущественная, не открываетъ ли эта комбинація много шансовъ повторенія печальной исторіи южно-африканской войны, только что законченной? А одинаково вооруженныя колоніи и метрополія не являются ли гарантіей равноправности и мирнаго союза? Конфликты интересовъ между союзниками всегда возможны (какъ золотыя россыпи въ Трансваалѣ) и если одна сторона безоружна, то вооруженная всегда будетъ имѣть соблазнъ воспользоваться силою, а затѣмъ—и возстаніе, и долгая разорительная борьба, и неизвѣстность исхода. Протестъ Австраліи устранилъ этотъ опасный элементъ изъ панбританскаго союза, элементъ, нѣкогда погубившій Аѳины (которымъ союзники, вмѣсто контингентовъ, стали присылать субсидіи и создали этимъ вмѣсто могущества союза господство надъ союзомъ однихъ Аѳинъ).

Мало успѣха имѣлъ и вопросъ объ имперскомъ таможенномъ союзѣ. Правда, Канада въ принципѣ высказалась за возможность такого союза, но Австралія и здѣсь рѣшительно возстала противъ проекта, представленнаго Чемберленомъ. Бѣртонъ находилъ, что условія, въ которыхъ живутъ союзники, разбросанные по всему земному шару, столь различны, что нельзя установить схемы для всѣхъ одинаковой экономической политики. Интересы однихъ неминуемо приносились бы въ жертву интересамъ другихъ. Необходимо, чтобы всѣ члены союза сохранили и въ экономической сферѣ полную независимость, что не мѣшаетъ част-

нымъ соглашеніямъ между членами союза. На томъ дѣло и кончилось. Общій проектъ былъ устраненъ. Частные переговоры и сепаратныя соглашенія, напротивъ, были, кажется, и многочисленны, и плодотворны.

Такимъ образомъ, проекты Чемберлена, внесенныя на разсмотрѣніе конференціи колоніальныхъ премьеровъ, не имѣли успѣха; но конференція достигла кое-чего положительнаго (организация военныхъ контингентовъ и частныя экономическія соглашенія) и выяснила многое для будущаго. Этой же конференціи приписываютъ и заявленное Чемберленомъ намѣреніе возстановить дѣйствіе конституціи въ Капландіи. Предполагается собирать конференцію періодически. Можно надѣяться, что и вновь присоединенная южно-африканская колонія найдетъ себѣ мѣсто въ ближайшемъ совѣщаніи этихъ представителей свободныхъ союзниковъ.

II.

Мы оставили Францію, когда вступило во власть новое радикальное министерство Комба. Оно прочло свою программу и получило одобреніе парламента. Въ отчетномъ мѣсяцѣ оно приступило къ осуществленію заявленной программы.

Небольшой срокъ—четыре недѣли, но Комбъ успѣлъ много въ этотъ срокъ. Внеся въ свою программу непреклонное примѣненіе закона о конгрегаціяхъ. Комбъ немедленно приступилъ къ его энергическому примѣненію. Послѣ закрытія и выселенія изъ Франціи нѣкоторыхъ конгрегацій, закрылись и ихъ школы. Нѣкоторыя, однако, только номинально, потому что конгрегаціи, получившія дозволеніе пребывать во Франціи, немедленно ихъ переняли и продолжали дѣло въ прежнемъ духѣ и съ прежнимъ составомъ преподавателей и воспитателей. Такихъ школъ было сто тридцать пять. Декретомъ Комба онѣ были закрыты. Мѣра вызвала вопли негодованія на скамьяхъ правой. Кошэнъ сдѣлалъ запросъ, Комбъ его немедля принялъ, объяснилъ вышеизложенное и заявилъ, что подготавливаетъ и дальнѣйшія мѣры въ томъ же духѣ. Палата большинствомъ ста десяти голосовъ одобрила политику Комба. Черезъ нѣсколько дней былъ опубликованъ новый декретъ Комба, которымъ закрывались двѣ тысячи конгрегационистскихъ школъ, всѣ школы, на содержаніе которыхъ конгрегаціи не получили спеціальнаго разрѣшенія. Большинство конгрегацій полагало, что, получивъ разрѣшеніе на собственное существованіе, онѣ тѣмъ самымъ приобрѣтаютъ и право на содержаніе школъ. Правительство, опираясь на букву закона, потребовало представленія разрѣшенія, взятаго въ узаконенный (нынѣ уже истекшій) срокъ. Взять его было негдѣ и школы были закрыты, не безъ шума и демонстрацій. Новый запросъ

Кошана по этому поводу палата отложила до осени и разошлась на вакаціи, энергически поддерживавъ смѣлую и рѣшительную инициативу новаго министерства.

Въ это время въ сенатѣ разсматривался проектъ о замѣнѣ трехлѣтняго срока воинской повинности двухлѣтнимъ и объ уничтоженіи всякихъ льготъ по семейному положенію и образованію. Всѣ безъ исключенія должны служить по два года. Уменьшеніе срока на одинъ годъ должно бы уменьшить численность арміи въ мирное время на сто двадцать тысячъ, но уничтоженіе всякихъ льготъ ее увеличиваетъ на семьдесятъ тысячъ. Дефицитъ въ пятьдесятъ тысячъ (въ мирное время, въ военное, напротивъ, численность будетъ больше) предполагается пополнить болѣе широкимъ наймомъ отслужившихъ на второй срокъ (какъ теперь поступаютъ съ унтеръ-офицерами). Одинокимъ, неспособнымъ къ труду родственникамъ, будетъ выдаваться казенное пособіе. Для окончанія образованія дается отсрочка, безъ уменьшенія срока службы. Проектъ одобренъ сенатомъ. Конечно, осенью его утвердить и палата.

III.

Въ Бразиліи происходятъ президентскіе выборы. Избранъ Родригесъ Альвесъ, третій президентъ Бразильской республики. Первымъ былъ Пруденте-де-Мораэсъ, вторымъ Кампосъ Саллесъ, котораго и долженъ нынѣ смѣнить Родригесъ Альвесъ. Конституція Бразильскихъ Соединенныхъ Штатовъ является сколкомъ съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, но практика конституціонной жизни обѣихъ республикъ очень различна. Это различіе сказывается, между прочимъ, и въ выборѣ президентовъ, облеченныхъ приблизительно тою же властью, какъ и вашингтонскіе президенты. Эти послѣдніе выбираются народомъ послѣ ожесточенной борьбы партій, раздѣляющихъ великую американскую націю. Объявленные передъ выборами „платформы“ партій опредѣляютъ содержаніе политики ближайшихъ четырехъ лѣтъ. Изъ-за этихъ программъ и ведется борьба. Ничего подобнаго въ Бразиліи не бываетъ, потому что партіи не раздѣляютъ страны, которая при имперіи, недавно лишь упраздненной, привыкла быть управляемою, а не сама собою управлять. Она и теперь продолжаетъ быть управляемою тою группою населенія, которая низвергла монархію и ввела республику. Естественно, что первые президентскіе и губернаторскіе, по штатамъ, выборы были въ пользу восторжествовавшей партіи, но когда наступили слѣдующіе выборы, тогдашній президентъ Пруденте-де-Мораэсъ созвалъ сѣздъ губернаторовъ, на этомъ сѣздѣ намѣченъ былъ Кампосъ Саллесъ, который и былъ избранъ безъ оппозиціи. Теперь въ 1902 году Кампосъ Саллесъ поступилъ такъ же и сѣздъ

губернаторовъ намѣтилъ Родригеса Альвеса, который и избранъ былъ большинствомъ одиннадцати двѣнадцатыхъ голосовъ противъ одного двѣнадцатаго, поданнаго за Бакагова, независимаго кандидата. Одна двѣнадцатая, конечно, очень немного, но все же не безъ оппозиціи. Бакагова представитель партіи, желавшей реформировать конституцію и вмѣсто президентской республики (какъ въ Сѣверной Америкѣ) ввести парламентарную (какъ во Франціи).

Въ той же Южной Америкѣ происходятъ нынѣ событія, чреватые гораздо болѣе важными послѣдствіями, чѣмъ исходъ президентскихъ выборовъ въ Бразиліи. На высокихъ плато среднихъ Андъ расположена республика Боливійская, имѣющая около 2 милл. жителей. Сѣверъ Боливіи образуется областью Акрь, представляющей верхнюю часть бассейна Амазонки, вовсе не имѣющей культурнаго населенія (небольшое количество кочевыхъ краснокожихъ) и не разграниченной съ Перу и Бразиліей, которыя тоже владѣютъ верхнимъ бассейномъ Амазонки. Разграниченіе за ненадобностью все откладывалось. Между тѣмъ, страна плодородная, съ хорошимъ климатомъ, съ вѣроятными минеральными богатствами въ неизслѣдованныхъ горахъ, Боливія давно запуталась въ долгахъ и подчинилась кредиторамъ, которые пребываютъ преимущественно въ Нью-Йоркѣ. Видя затруднительное положеніе боливійскаго правительства, въ Нью-Йоркѣ рѣшили облагодѣтельствовать Боливію и предложили свою помощь за концессію на область Акрь. Концессія должна передать вновь возникшему боливійскому синдикату въ аренду эту область, съ правомъ администраціи, полиціи, суда, законодательства, военной организаціи, словомъ, фактически уступить ее благодѣтелямъ. Это утвержденіе въ центрѣ южно-американскаго материка нью-йоркскаго синдиката и созданіе тамъ значительныхъ сѣверо-американскихъ интересовъ можетъ оказаться первымъ шагомъ къ покоренію романской Америки англо-саксонской, чего въ послѣднее время такъ опасаются южно-американскіе патріоты. Между тѣмъ, о концессіи стало извѣстно только тогда, какъ она стала совершившимся фактомъ. Большинство южно-американскихъ республикъ были встревожены этимъ фактомъ, справедливо опасаясь отъ него всего худшаго. Бразилія же и Перу, въ виду неразграниченности территоріи, предъявили протесты, при чемъ Бразилія пригрозила закрыть для Акря движеніе по Амазонкѣ. Бразилія и Перу также предложили боливійскому правительству оказать матеріальную помощь, чтобы выплатить неустойку нью-йоркскимъ благодѣтелямъ. Боливія сначала склонна была внять представленіямъ сосѣдей и единодушному осужденію южно-американскимъ мнѣніемъ, но послѣднія извѣстія говорятъ, что Боливія обратилась въ Вашингтонъ съ просьбою о защитѣ. Министръ Гэй общался представить дѣло на усмотрѣніе президента. Не находимся-ли мы у начала очень важной исторической эволюціи?

Читатели, быть может, не забыли, что еще въ двухъ южно-африканскихъ республикахъ идетъ междоусобная война. Въ Колумбii либералы возстали противъ клерикальнаго правительства, а въ сосѣдней Венесуэлѣ, наоборотъ, клерикалы возстали противъ либеральнаго правительства. Въ Колумбii либеральные инсургенты не имѣли успѣха и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы капитулировали. Въ Венесуэлѣ же, клерикальные инсургенты имѣютъ постоянный успѣхъ,—завладѣли большею частью страны, разбили и взяли въ плѣнъ главную армію правительства, а остатки либеральныхъ силъ заперли въ столицѣ Каракасѣ. Весьма вѣроятно, что и это послѣднее сопротивленіе будетъ сломлено и реакція одержитъ верхъ и надолго воцарится въ обѣихъ республикахъ. Съ торжествомъ клерикаловъ связаны надежды европейской и сѣверо-американской плутократіи на концессіи и другія „благодѣянія“, къ которымъ потерпѣвшіе демократы были мало склонны. И здѣсь путь все въ тотъ же Римъ плутократіи.

С. Юмаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Новые планы школьныхъ преобразованій.—II. Дѣятельность особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—III. [Правительственные мѣры по охранѣ порядка.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный 10-го іюня на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера:

„Григорій Эдуардовичъ. Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе чрезъ государственный совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній.

„Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предшественниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія.

„Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школахъ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждого дѣла своеволіе и самомиѣніе.

„Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, не подготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу.

„Относительно устройства школы Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа.

„Что касается университетовъ, то, послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру вѣрennai ихъ попеченію молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія, борьбы и увлеченія молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей—опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія.

„Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ, въ концѣ нынѣшняго учебнаго года, въ самостоятельномъ сознаніи своего долга, вернулось къ учебнымъ занятіямъ и къ порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внимлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности.

„Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ Отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо вѣрennai Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ“.

Приведенный рескрипт предопредѣляетъ собою конечныя цѣли ведущихся въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія преобразовательныхъ работъ по устройству учебныхъ заведеній. Что касается ближайшаго будущаго послѣднихъ, то оно въ извѣстной мѣрѣ намѣчается другимъ недавно опубликованнымъ официальнымъ документомъ. Мы разумѣемъ появившееся въ началѣ юня въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія относительно предполагаемаго устройства учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1902—3 учебный годъ. Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, указывалъ уже на предстоящую отмѣну того порядка, какой былъ созданъ въ средней школѣ временными правилами, установленными, по докладу бывшаго министра ген.-ад. Ванновскаго, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 11 юня 1901 года. Съ истеченіемъ годового срока дѣйствія этихъ правилъ,—замѣчалъ г. Зенгеръ въ своей рѣчи, обращенной къ чинамъ министерства,—„строго говоря, долженъ бы снова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, представляется неизбежнымъ установленіе въ ней и на будущій годъ временнаго устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій, и при томъ такъ, чтобы не предрѣшались конечныя результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство не въ правѣ допускать собственною властью отступленій отъ закона, а также въ виду разнообразныхъ техническихъ затрудненій, возникающихъ при разрѣшеніи указаннаго вопроса, я всеподданнѣе испросилъ Высочайшее соизволеніе на образованіе комиссіи при участіи отъ каждаго учебнаго округа директора гимназіи и директора реального училища для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по сему поводу мѣропріятій. Предположенія комиссіи поступать на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра, а затѣмъ, при невозможности внести ихъ на уваженіе государственнаго совѣта съ такимъ расчетомъ времени, чтобы они по одобреніи ихъ въ законодательномъ порядкѣ могли быть осуществлены въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ съ начала будущаго школьнаго года, предположенія эти будутъ непосредственно повергнуты мною на Высочайшее благовозвръненіе“. Упомянутое выше сообщеніе министерства и излагаетъ достигнутые по настоящее время результаты тѣхъ работъ, какія были намѣчены въ рѣчи г. Зенгера. Правда, указываемые въ сообщеніи результаты нельзя считать уже окончательными, такъ какъ пока опубликованы лишь предположенія директорской комиссіи и ученаго комитета министерства и этимъ предполо-

женіямъ предстоитъ еще пройти черезъ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія. Но во всякомъ случаѣ на основаніи даваемого министерскимъ сообщеніемъ матеріала возможно уже съ большою вѣроятностію судить о томъ, насколько именно предполагается въ ближайшемъ будущемъ приблизить среднія учебныя заведенія къ „тому порядку вещей, который указанъ въ законѣ“, и въ какой мѣрѣ считается необходимымъ изгладить въ нихъ слѣды прошлогодней реформы.

Позволимъ себѣ напомнить, въ чемъ заключалась, сущность этой реформы. Временныя правила 11 іюня 1901 г. были изданы на годовой срокъ, такъ какъ въ моментъ ихъ изданія существовало предположеніе въ теченіе года закончить выработку общей реформы средней школы. Къ предполагавшимся основамъ этой общей реформы и были приурочены правила 11 іюня 1901 г. Весь реформаторскій планъ, созданный министерствомъ народнаго просвѣщенія при ген.-ад. Ванновскомъ, былъ построенъ на идеѣ единой средней обще-образовательной школы, которая младшими своими классами была бы связана съ школой начальной, а изъ старшихъ классовъ открывала бы свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія. При этомъ внутри средней школы, начиная именно съ четвертаго ея класса, предполагалось установить бифуркацію, при которой часть учениковъ могла бы получать классическое образованіе, а часть—реальное, но большинство предметовъ учебнаго курса проходило бы всѣми учениками вмѣстѣ. Соотвѣтственно этому временныя правила 11 іюня 1901 г. исключили латинскій языкъ изъ программы трехъ младшихъ классовъ гимназій. Одновременно съ этимъ было прекращено и преподаваніе греческаго языка въ третьемъ и четвертомъ классахъ гимназій, такъ какъ въ большинствѣ послѣднихъ предполагалось послѣ преобразованія совершенно уничтожить изученіе греческаго языка. Взамѣнъ того въ младшихъ классахъ гимназій вводилось изученіе естествовѣдѣнія и русской исторіи и расширялась программа новыхъ языковъ. Эти-то измѣненія и явились главнымъ фактическимъ наслѣдствомъ, которое оставилъ нашей школѣ минувшій учебный годъ съ его неосуществившимся цѣликомъ реформаторскими планами.

Въ настоящій моментъ изъ этого наслѣдства предполагается удержать лишь небольшую часть. Для младшихъ двухъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ директорская коммиссія, а вслѣдъ за нею и ученый комитетъ, рѣшили пока сохранить программы, установленныя въ прошломъ году, съ той разницею, однако, что по новымъ языкамъ программа реальныхъ училищъ уже со второго класса будетъ расходиться съ программой гимназій. За то уже въ третій классъ гимназій директорская коммиссія постановила ввести латинскій языкъ, отвѣдая на его преподаваніе четыре урока въ недѣлю. Въ свою очередь ученый комитетъ предпола-

гаетъ прибавить къ этимъ четыремъ урокамъ еще одинъ—пятый. Далѣе, для четвертаго класса гимназій директорская коммиссія составила двѣ предположительныя программы: одну—безъ греческаго языка и съ обязательнымъ изученіемъ двухъ новыхъ и другую—съ двумя древними языками и съ обязательнымъ изученіемъ одного лишь новаго. Съ своей стороны участвовавшіе въ коммиссіи директора среднихъ учебныхъ заведеній считали болѣе правильною первую изъ этихъ программъ. Коммиссія—говорится по этому поводу въ министерскомъ сообщеніи—„высказалась за устраненіе греческаго языка изъ курса четвертаго класса большинства гимназій съ 1902—3 учебнаго года, считая неудобнымъ прекратить въ IV классѣ обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ, начатое въ истекшемъ школьномъ году въ III классѣ, и, съ другой стороны, не видя возможности допустить чрезмѣрное обремененіе IV класса лингвистическимъ матеріаломъ (русскій, церковно-славянскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій, а въ гимназіяхъ варшавскаго учебнаго округа еще и польскій языкъ для большинства учащихся)“. Ученый комитетъ, однако, вопреки мнѣнію коммиссіи, признаетъ необходимымъ возстановить въ четвертомъ классѣ всѣхъ гимназій въ предстоящемъ учебномъ году преподаваніе греческаго языка. При этомъ комитетъ руководился „тѣмъ соображеніемъ, что при устройствѣ учебной части на означенный школьный годъ слѣдуетъ „отнюдь не уклоняться“ отъ двухъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ что предположеніе коммиссіи о возможномъ третьемъ типѣ (гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрагивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не должно бы подлежать обсужденію“.

Такимъ образомъ педагогическимъ соображеніямъ, выдвинутымъ директорской коммиссіей, ученый комитетъ противопоставляетъ лишь стремленіе „отнюдь не уклоняться“ отъ существующихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, не трудно предвидѣть, что осуществленіе этого стремленія на практикѣ связано съ довольно серьезными затрудненіями. Одно изъ нихъ, заключающееся въ чрезмѣрномъ обремененіи учениковъ четвертаго класса гимназій лингвистическимъ матеріаломъ, указано уже въ соображеніяхъ директорской коммиссіи. Чтобы яснѣе представить себѣ истинный характеръ такого обремененія, слѣдуетъ еще прибавить, что изъ шести языковъ, предполагаемыхъ къ изученію въ этомъ классѣ, съ двумя, церковно-славянскимъ и греческимъ, ученикамъ предстоитъ знакомиться впервые. Другое затрудненіе не менѣе важно. При томъ порядкѣ, какой проектированъ ученымъ комитетомъ, преподаваніе греческаго языка въ гимназіяхъ должно начинаться всего черезъ годъ послѣ перваго знакомства учениковъ съ латинскимъ языкомъ. Но занятія греческимъ языкомъ съ учениками, не успѣвшими еще сколько-ни-

будь основательно познакомиться съ латинскимъ, врядъ-ли могутъ дать хорошіе результаты. Не даромъ же и при старомъ порядкѣ преподаваніе греческаго языка начиналось въ классическихъ гимназіяхъ лишь послѣ двухлѣтняго курса латинскаго языка. Едва-ли это соображеніе могло ускользнуть отъ вниманія ученаго комитета, и въ виду этого остается предполагать, что послѣдній намѣревается передвинуть въ недалекомъ будущемъ и курсъ латинскаго языка въ одинъ изъ младшихъ классовъ гимназій, во второй, или, быть можетъ, даже въ первый.

Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго содержанія министерскаго сообщенія видно, что какъ директорская коммиссія, такъ и ученый комитетъ, при томъ послѣдній въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ первая, цѣлью своихъ предположеній объ устройствѣ учебной части въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на предстоящій годъ ставили восстановленіе въ гимназіяхъ классицизма по возможности въ прежнемъ его видѣ. Если директорская коммиссія до извѣстной степени и считалась еще съ возможностью существованія двухъ разрядовъ гимназій, изъ которыхъ въ одномъ преподавались бы оба древніе языка, а въ другомъ—лишь одинъ, то ученый комитетъ не призналъ возможнымъ входить даже въ обсужденіе подобнаго предположенія, какъ предрѣшающаго сущность ожидаемой реформы. Въ результатѣ тѣ ученики гимназій, которые въ позапрошломъ году приступили уже было къ изученію древнихъ языковъ, а въ прошломъ году были освобождены отъ этого изученія, теперь должны будутъ вновь вернуться къ нему. Основаній для подобной ломки учебнаго строя, очевидно, надо искать не столько въ педагогическихъ соображеніяхъ, сколько въ общихъ взглядахъ названныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ выполненіе проектированныхъ послѣдними на предстоящій учебный годъ перемѣнъ въ школьныхъ порядкахъ ведетъ къ новому разобщенію различныхъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выработанный было въ прошломъ году планъ созданія единой средней школы теперь, какъ видно, совершенно оставляется и мѣсто его заступаетъ предположеніе сохранить прежнее дѣленіе средней школы на классическую и реальную. Вдобавокъ, эти типы школъ и впредь, по всей видимости, будутъ различаться не только своими программами, но и размѣромъ правъ, сообщаемыхъ учащимся.

Такимъ образомъ главною отличительною чертою перемѣнъ, предположенныхъ въ устройствѣ средней школы на будущій учебный годъ, является стремленіе восстановить тѣ порядки, какіе существовали въ ней до весны прошлаго года. Правда, все изложенныя выше предположенія до ихъ утвержденія должны быть рассмотрѣны еще совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія, но отъ послѣдняго учрежденія трудно ожидать принципиальныхъ разногласій съ другими органами того же министерства. Въ виду

этого можно думать, что указанные планы, исключая развѣ нѣкоторыхъ частныхъ, будутъ окончательно приняты министерствомъ и опредѣлять собою его дѣятельность по устройству ближайшаго будущаго средней школы.

Что касается дальнѣйшихъ преобразованій послѣдней, то ихъ характеръ, какъ мы видѣли, опредѣляется Высочайшимъ рескриптомъ отъ 10 іюня. Согласно указаніямъ этого рескрипта, въ будущемъ должно быть образовано нѣсколько разрядовъ средней школы: однѣ изъ этихъ школъ должны давать законченное низшее образованіе, другія—законченное же среднее, третьи должны служить подготовительною ступенью къ университету. Такимъ путемъ лишь небольшая часть учащихся въ средней школѣ получить доступъ въ университеты, а равно, надо думать, и въ другія высшія учебныя заведенія. Рескриптъ не указываетъ лишь, какимъ способомъ будутъ распредѣляться учащіеся по различнымъ типамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но за то рескриптъ указываетъ, что „школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и сомнѣніе“. Сообразно этому рескриптъ требуетъ организаціи религіозно-нравственнаго воспитанія учащейся молодежи и для достиженія такой цѣли предписываетъ постепенное устройство въ столицахъ и губернскихъ городахъ „воспитательныхъ пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Сопоставляя „руководительныя указанія“ рескрипта съ мѣрами, проектированными министерствомъ народнаго просвѣщенія на предстоящій учебный годъ, мы получаемъ возможность болѣе или менѣе выяснить себѣ и то направленіе, въ какомъ за послѣднее время предполагено перерѣшить вопросъ объ общей школьной реформѣ. Однимъ изъ основныхъ принциповъ такой реформы теперь, очевидно, ставится ранняя спеціализація образованія. Если пока удерживается лишь дѣленіе среднихъ учебныхъ заведеній на классическія гимназіи и реальныя училища, различающіяся своими программами уже со второго класса, то въ недалекомъ будущемъ предполагается повести подобную спеціализацію средней школы еще дальше, создавъ нѣсколько разобщенныхъ между собою типовъ учебныхъ заведеній. При этомъ лишь одна изъ проектируемыхъ среднихъ школъ будетъ открывать доступъ, если не во всѣ высшія учебныя заведенія, то, по крайней мѣрѣ, въ университеты и есть всѣ основанія думать, что такую школую явится именно возстановляемая теперь почти въ прежнемъ своемъ видѣ классическая гимназія. Съ другой стороны, во всѣхъ разнообразныхъ типахъ средней школы на первый планъ предполагено выдвинуть не столько образовательныя, сколько воспита-

тельные задачи, при чемъ цѣлью самого воспитанія ставится приученіе молодежи съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ.

Подобный планъ не стоитъ совершенно особнякомъ въ исторіи нашей школы. Въ далекомъ прошломъ была уже однажды сдѣлана попытка провести въ жизнь аналогичный съ изложеннымъ проектъ. Это было именно въ 1826 г., когда министромъ народнаго просвѣщенія былъ извѣстный адмиралъ Шишковъ. При немъ министерство главною своею задачею поставило организацію воспитанія въ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проектировало устроить рядъ различныхъ специальныхъ школъ для разныхъ классовъ общества, при чемъ лишь предназначенная для дворянъ гимназія должна была отрывать своимъ ученикамъ дорогу въ университетъ...

II.

Пять мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили на страницахъ хроники „Р. Богатства“ объ учрежденіи особаго совѣщанія о сельско-хозяйственной промышленности. Съ той поры въ газетахъ опубликовано уже большое количество журналовъ засѣданія этого совѣщанія, равно какъ появилось немало и другихъ свѣдѣній, характеризующихъ его дѣятельность. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ основаны и начали уже функционировать специальные мѣстные комитеты, играющие подготовительную роль по отношенію къ особому совѣщанію. Въ свою очередь и нѣкоторые земства за истекшіе мѣсяцы успѣли такъ или иначе высказаться о работахъ особаго совѣщанія и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ. Въ виду всего этого теперь уже возможно, на основаніи имѣющагося въ печати разнороднаго матеріала, составить болѣе опредѣленное мнѣніе какъ о тѣхъ рамкахъ, въ которыя замкнута дѣятельность названнаго учрежденія, надѣленнаго экстренными полномочіями, такъ и о вѣроятныхъ результатахъ этой дѣятельности.

Образованіе особаго совѣщанія о сельско-хозяйственной промышленности вызвало въ нѣкоторой части нашей печати большія ожиданія и надежды. Въ прессѣ встрѣчались даже отзывы, приписывавшіе образованію особаго совѣщанія не менѣе важное значеніе, чѣмъ то, какое въ свое время имѣлъ въ русской жизни приступъ къ работамъ по освобожденію крестьянъ. Правда, подобныя отзывы принадлежали лишь такимъ органамъ печати, которые менѣе всего могутъ претендовать на роль серьезныхъ выразителей общественнаго мнѣнія. Но и болѣе солидные органы на первыхъ порахъ не разъ высказывались въ томъ смыслѣ, что созданіе особаго совѣщанія можетъ послужить сильнымъ толчкомъ къ принятію мѣръ, обеспечивающихъ подъемъ благосостоянія сельскаго населенія. Прошло, однако, около полугода

непрерывнаго дѣйствія названнаго учрежденія и всѣ эти надежды въ значительной мѣрѣ поблекли.

На первыхъ же порахъ послѣ своего возникновенія особое совѣщаніе задалось вопросами о предѣлахъ своей компетенціи и о способахъ выполненія возложенной на него задачи „выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда“. По первому изъ этихъ вопросовъ совѣщаніе, согласно предложеніямъ министра финансовъ и покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ, высказалось въ томъ смыслѣ, что слишкомъ широкая постановка работъ представляетъ большія неудобства и что ближайшимъ назначеніемъ совѣщанія „должна быть разработка вопросовъ, имѣющихъ первостепенную важность для нашего сельскаго хозяйства, при чемъ по этимъ вопросамъ совѣщаніе должно не ограничиваться однимъ указаніемъ желательныхъ улучшеній, а, по всесторонней разработкѣ намѣченнаго мѣропріятія, изыскивать и пути къ практическому его примѣненію“. Что же касается могущихъ встрѣтиться въ работахъ совѣщанія вопросовъ обще-государственнаго характера, то въ разработкѣ подобныхъ вопросовъ дѣятельность совѣщанія, по мнѣнію его членовъ, не можетъ „идти далѣе представленія заключеній его или мнѣній отдѣльныхъ членовъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества“. Хотя, принявъ такое рѣшеніе, совѣщаніе немедленно оговорилося, что „въ настоящее время порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ и той, и другой категоріи можетъ быть намѣченъ только въ самыхъ общихъ чертахъ“, но эта оговорка сама по себѣ врядъ-ли способна измѣнить прямой смыслъ постановленія, отмежевывающаго въ компетенцію совѣщанія главнымъ образомъ такіе вопросы, которые касаются лишь техники сельско-хозяйственной промышленности.

Тотъ взглядъ, который легъ въ основу только что приведеннаго постановленія, оказалъ свое вліяніе и на другія рѣшенія особаго совѣщанія. Задавшись вопросомъ, можно-ли при выясненіи нуждъ сельскаго хозяйства обойтись безъ опроса мѣстныхъ дѣятелей, совѣщаніе единогласно признало, что опросъ мѣстныхъ людей и учреждений представляется безусловно необходимымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе отвергло необходимость включенія въ этотъ опросъ земскихъ учреждений, такъ какъ послѣдніе были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и, помимо непосредственныхъ отвѣтовъ на предложенные имъ тогда вопросы, „доставили въ нѣкоторыхъ случаяхъ подробныя данныя, освѣщающія общее состояніе сельско-хозяйственной промышленности и экономическое положеніе отдѣльныхъ губерній и выясняющія различныя условія, въ зависимости отъ которыхъ находится степень раз-

вѣтія сельскаго хозяйства“. „Такимъ образомъ,—заключало совѣщаніе,—въ этомъ собранномъ и обработанномъ означеннымъ министерствомъ обширномъ и цѣнномъ матеріалѣ выражены уже основныя воззрѣнія земскихъ собраній на нужды сельско-хозяйственной промышленности и на мѣры къ ихъ устраненію“, а съ другой стороны, новый опросъ земствъ „можетъ весьма затянуть работу совѣщанія“. Къ тому же совѣщаніе находило желательнымъ въ интересахъ полнаго освѣщенія вопроса выяснить взгляды на дѣло не однихъ земскихъ дѣятелей, но и мѣстной администраціи, помѣстнаго дворянства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и даже отдѣльныхъ мѣстныхъ знатоковъ того или другого предмета. Руководясь этими соображеніями, совѣщаніе рѣшило принять предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ образованіи въ губерніяхъ, въ которыхъ имѣются дворянскія и земскія учрежденія, особыхъ комитетовъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ—изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, уполномоченныхъ по сельско-хозяйственной части, предсѣдателей сельско-хозяйственныхъ обществъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ будетъ признано губернаторомъ полезнымъ для дѣла, а равно и тѣхъ, которые будутъ указаны ему особымъ совѣщаніемъ. Находя, однако, что губернія является слишкомъ крупной единицей, собраніе признало нужнымъ образовать и въ уѣздахъ подобные комитеты, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, въ составѣ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы и другихъ лицъ по приглашенію предсѣдателя. При этомъ отзывы уѣздныхъ комитетовъ предположено передавать въ губернскіе, которые будутъ представлять эти отзывы съ своими заключеніями въ особое совѣщаніе. Наконецъ, совѣщаніе нашло желательнымъ предоставить взаимному соглашенію предсѣдателя особаго совѣщанія и министровъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ опредѣлить, въ какихъ мѣстностяхъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ не производятся дворянскіе выборы или не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, должны быть образованы подобные же губернскіе и уѣздные комитеты, и вмѣстѣ установить составъ тѣхъ и другихъ. Всѣ эти положенія совѣщанія немедленно получили и высочайшее утвержденіе.

Установивъ такимъ образомъ границы своей компетенціи и порядокъ возникновенія мѣстныхъ комитетовъ, особое совѣщаніе обратилось къ составленію программы своихъ занятій. Въ печати опубликованы лишь тѣ пункты этой программы, которые были сообщены на заключеніе мѣстныхъ комитетовъ. Это обстоятельство не даетъ, конечно, возможности судить обо всей программѣ

въ ея цѣломъ. Что же касается опубликованной ея части, то въ ней рѣшительно преобладаютъ вопросы техническаго характера и очень мало мѣста и вниманія уделено вопросамъ общаго экономическаго положенія деревни, а правовой строй послѣдней остается и совершенно незатронутымъ въ программѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая сообщена мѣстнымъ комитетамъ. Совѣщаніе и само признало возможность пробѣловъ въ принятой имъ программѣ, но опять-таки лишь пробѣловъ по вопросамъ чисто спеціальнаго свойства. „Если бы—говорится по этому поводу въ журналѣ совѣщанія—мѣстные комитеты нашли, что въ числѣ сообщенныхъ имъ пунктовъ программы отсутствуетъ указаніе на какой-нибудь вопросъ, отъ разрѣшенія котораго можно было бы по мѣстнымъ условіямъ ближе всего ожидать поднятія сельско-хозяйственной промышленности, то обстоятельство это не лишаетъ комитетъ права имѣть по такому вопросу сужденія и представлять по нему свои соображенія“. Очевидно, такое ограниченное право мѣстныхъ комитетовъ далеко еще не равносильно возможности свободно расширять указанную имъ программу.

Попытокъ подобнаго расширенія всего естественнѣе было ожидать со стороны земскихъ учрежденій...

Вопросъ о предоставленіи земствамъ возможности высказать свои мнѣнія о нуждахъ сельскаго хозяйства и объ обезпеченіи извѣстнаго вниманія къ этимъ мнѣніямъ поднять былъ въ послѣднее время нѣсколькими земскими собраниями и управами, предпринявшими и нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи. Въ Казанской губерніи состоящій при губернской управѣ экономическій совѣтъ постановилъ, по словамъ газетъ, предложить губернскому земскому собранію выработать нѣсколько важнѣйшихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, по мнѣнію собранія, связано съ улучшеніемъ сельско-хозяйственной промышленности, и ходатайствовать о томъ, чтобы обсужденіе ихъ было внесено въ программу особаго совѣщанія *). Нѣсколько иначе былъ поставленъ тотъ же вопросъ въ Саратовской губерніи. Здѣсь губернское собраніе рѣшило представить въ особое совѣщаніе записку, выражающую мнѣнія саратовскаго земства о нуждахъ сельскаго хозяйства, и для составленія такой записки назначить спеціальную комиссію, которая состояла бы изъ членовъ губернской управы и экономическаго совѣта, но въ которой могли бы также принимать участіе и всѣ желающіе губернскіе гласные. Сверхъ того, собраніе постановило ходатайствовать передъ министромъ финансовъ, какъ председателемъ особаго совѣщанія, о приглашеніи въ послѣднее избраннаго губернскимъ собраніемъ представителя саратовскаго земства какъ свѣдущаго лица, съ правомъ совѣщательнаго голоса **). Самарская губернская

*) «Русскія Вѣдомости», 20 апр. 1902 г.

**) «Спб. Вѣдомости», 10 іюня 1902 г.

управа въ свою очередь представила земскому собранію особый докладъ по вопросу объ участіи представителей земства въ мѣстномъ губернскомъ комитетѣ для обсужденія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. „Желая—говорится въ этомъ докладѣ—быть на высотѣ требованій, предъявленныхъ правительственною властью, и памятуя основной принципъ нелицеприятно и всесторонне освѣщать передъ высшею властью всё нужды и пользы мѣстнаго населенія, вѣреннаго попеченію земскихъ учреждений, губернская управа полагаетъ, что врядъ-ли при данныхъ условіяхъ исключительнаго представительства она одна будетъ въ силахъ достаточно всесторонне освѣтить всё мѣстные и общія нужды нашего сельско-хозяйственного промысла“. Управѣ, по ея словамъ, случалось расходиться съ собраніемъ и въ менѣ важныхъ вопросахъ, и она опасается, что она одними своими силами не сможетъ дать полной картины нуждъ населенія, тѣмъ болѣе, что Самарская губернія въ настоящее время находится въ исключительныхъ условіяхъ, вызванныхъ хроническими и частыми ненормальными условіями сельскаго хозяйства въ губерніи заставляютъ управу еще осторожнѣе относиться къ тѣмъ широкимъ полномочіямъ, которыми снабдила ее положеніе о губернскихъ комитетахъ. Управа указала затѣмъ, что земства „на своихъ плечахъ вынесли всю тяжесть борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и со всѣми неприглядными послѣдствіями оскуднѣнія“ и въ теченіе долгаго времени были единственными мѣстными учрежденіями, которыя изслѣдовали причины этого оскуднѣнія, изыскивали и принимали мѣры противъ него и вынесли изъ борьбы съ нимъ большой и важный опытъ, дающій имъ право на авторитетное сужденіе о мѣстныхъ нуждахъ. Земствамъ же и въ будущемъ придется продолжать это дѣло и проводить въ жизнь тѣ мѣропріятія, которыя выработаетъ особое совѣщаніе, такъ какъ „только у земства имѣются необходимыя знанія, умѣнье, выработанные жизнью приемы, средства и люди“. Свой докладъ управа заключила предложеніемъ ходатайствовать о допущеніи особо выбранныхъ отъ земства лицъ къ занятіямъ въ губернскомъ комитетѣ, такъ какъ эти лица явятся болѣе компетентными представителями интересовъ губерніи. Собраніе согласилось съ управой и рѣшило выбрать шесть гласныхъ и ходатайствовать о допущеніи ихъ къ занятіямъ въ губернскомъ комитетѣ *).

Аналогичное ходатайство имѣло мѣсто и въ Орловской губерніи. При открытіи въ Орлѣ засѣданій губернскаго комитета по обсужденію нуждъ сельско-хозяйственной промышленности председатель мѣстной губернской земской управы внесъ, отъ имени своего и всѣхъ председателей уѣздныхъ управъ губерніи, мотивированное письменное заявленіе, прося комитетъ ходатайствовать пе-

*) «Русскія Вѣдомости», 18 іюня 1902 г.

редъ особымъ совѣщаніемъ о допущеніи къ работамъ послѣдняго выборныхъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Заявленіе это было мотивировано тѣмъ, что предсѣдатели управъ и сами управы, хотя они и являются исполнительными органами земскихъ собраній, не могутъ все же въ силу своихъ полномочій высказываться отъ лица земства, не имѣя на то указаній опредѣленнаго рода и не зная взгляда своихъ избирателей на программу подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. Однако, названному заявленію не было дано хода. Предсѣдатель комитета, губернаторъ Г. И. Кристи, сдѣлалъ разъясненіе въ томъ смыслѣ, что „подобное ходатайство орловскаго губернскаго земскаго собранія особымъ совѣщаніемъ уже было отклонено, а возбуждать новое ходатайство и несвоевременно, и поздно, ибо работы уѣздныхъ комитетовъ желательно закончить къ 1 сентября и къ 15 октября—работы губернскаго комитета“ *).

Какъ видно изъ послѣдняго примѣра, вопросъ объ участіи специальныхъ представителей земствъ въ работахъ особаго совѣщанія и его мѣстныхъ органовъ можно считать въ настоящее время окончательно рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Правда, мѣстами, какъ, на примѣръ, въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губерніи или въ Суджанскомъ—Курской, предсѣдатели уѣздныхъ комитетовъ приглашаютъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ принять участіе въ работахъ комитетовъ или, по крайней мѣрѣ, сообщая намѣтить желательныхъ членовъ послѣднихъ **). Но нельзя ожидать, чтобы подобный способъ привлеченія земскихъ силъ былъ примѣненъ повсемѣстно, и во всякомъ случаѣ онъ не можетъ пойти далѣе уѣздныхъ комитетовъ.

III.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

„По выслушаніи записки министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, отъ 25 мая 1902 г., о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе именнаго Высочайшаго указа 11 мая 1902 года объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній безпорядкахъ, комитетъ министровъ полагалъ: утвердить предложенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ относительно порядка приведенія въ дѣйствіе означеннаго именнаго Его Императорскаго Величества указа, поднеся проектъ выработанныхъ по сему предмету правилъ на высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе.

*) «Спб. Вѣдомости», 30 іюня; «Р. Вѣдомости», 3 іюля 1902 г.

**) «Р. Вѣд.», 3 іюля; «Спб. Вѣд.», 15 іюля 1902 г.

„Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ, а проектъ правилъ удостоенъ разсмотрѣнія и утвержденія Его Величества, въ Петергофѣ, 31 мая 1902 года.

„Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе именного Высочайшаго указа 11 мая 1902 года, объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній безпорядкахъ.

(Высочайше утверждены 31 мая 1902 г.).

„1) Полтавская и харьковская временныя комиссіи состоятъ, каждая подъ предѣлательствомъ мѣстнаго губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія по избранію губернатора, а также уѣздныхъ предводителей и податныхъ инспекторовъ тѣхъ уѣздовъ и земскихъ начальниковъ тѣхъ участковъ, въ предѣлахъ коихъ весною сего года происходили безпорядки.

„2) Дѣлопроизводство временныхъ комиссій возлагается на входящихъ въ составъ ихъ непремѣнныхъ членовъ мѣстныхъ губернскихъ присутствій и канцелярій сихъ присутствій.

„3) Просьбы о вознагражденіи на счетъ казны землевладѣльцевъ, потерпѣвшихъ убытки во время означенныхъ безпорядковъ, принимаются полтавскимъ и харьковскимъ губернаторами въ теченіе двухъ недѣль со дня напечатанія настоящихъ правилъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

„4) По каждой просьбѣ, поступившей въ теченіе указаннаго въ предшедшей (3) статьѣ срока, временная комиссія поручаетъ мѣстному земскому начальнику или податному инспектору, или же обоимъ этимъ должностнымъ лицамъ совмѣстно, подъ руководствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, произвести разслѣдованіе на мѣстѣ и оцѣнку непосредственно безпорядками причиненныхъ просителю убытковъ.

„5) Разслѣдованіе и оцѣнка убытковъ представляются уѣзднымъ предводителемъ дворянства, съ его по онымъ заключеніемъ, временной комиссіи, которая, по дополненіи и исправленіи, въ случаѣ необходимости, оцѣнки, утверждаетъ оную и свое по сему предмету постановленіе препровождаетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

„6) По выясненіи общей суммы исчисленныхъ на указанныхъ выше основаніяхъ убытковъ и соображеніи ея съ размѣромъ кредита, разрѣшеннаго въ п. 1 именного Высочайшаго указа 11 мая 1902 года, министерство внутреннихъ дѣлъ, опредѣливъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, въ какой доль означенные убытки могутъ быть возмѣщены на счетъ упомянутаго источника, сообщаетъ о семъ полтавскому и харьковскому губернаторамъ, для выдачи распоряженіемъ подлежащей времен-

ной комиссіи причитающихся, согласно сему, вознагражденій по принадлежности.

„7) Общая сумма исчисленныхъ временною комиссіею по губерніи вознагражденій, немедленно по ея выясненіи и не ожидая полученія упомянутыхъ въ предшедшей (6) статьѣ указаній министерства внутреннихъ дѣлъ, разверстывается предварительно комиссіею между тѣми находящимися въ предѣлахъ губерніи сельскими обществами и селеніями, обыватели коихъ производили безпорядки, по соображеніи съ числомъ участвовавшихъ въ нихъ жителей селеній и обществъ, размѣромъ причиненнаго при ихъ участіи матеріальнаго ущерба и другими мѣстными условіями. При этомъ принимаются въ расчетъ не только убытки, коимъ произведена была оцѣнка, но и весь вообще матеріальный ущербъ, причиненный непосредственно безпорядками въ предѣлахъ губерніи. Выстъ съ тѣмъ комиссія опредѣляетъ также предварительно число лѣтъ, въ теченіе коихъ предположенная для каждаго сельскаго общества и селенія сумма должна быть возмѣщена государственному казначейству и, сообразно съ симъ, исчисляетъ годовой по обществу и селенію окладъ установленнаго на сей конецъ п. 4 именного Высочайшаго указа 11 мая 1902 года дополнительнаго сбора. По полученіи же означенныхъ выше указаній министерства, предположенія о разверсткѣ, а также о срокѣ и окладахъ дополнительнаго сбора исправляются комиссіями для согласованія съ таковыми указаніями.

„8) Окончательныя постановленія временныхъ комиссій по предметамъ, поименованнымъ въ ст. 7, представляются на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

„9) Въ каждомъ обществѣ и селеніи, обложенномъ дополнительнымъ сборомъ на изъясненныхъ выше основаніяхъ, годовой окладъ сего сбора раскладывается ежегодно между плательщиками подлежащимъ сходомъ, а въ случаѣ уклоненія схода отъ исполненія этой обязанности—уѣзднымъ съѣздомъ“.

Съ апрѣля мѣсяца состоялись обязательныя постановленія мѣстныхъ властей, воспретившія всякія сходбища и собранія въ тѣхъ мѣстностяхъ Лифляндской губерніи, въ которыхъ не введено положеніе объ усиленной охранѣ, въ Кубанской, Терской и Донской областяхъ, въ г. Переяславѣ, въ г. Кременчугѣ, въ заштатномъ городѣ Гродижскѣ и м. Потокахъ Кременчугскаго уѣзда Полтавской губерніи.

Во Владимірской губерніи съ 15 іюня вступило въ силу слѣдующее обязательное постановленіе, изданное мѣстнымъ губернаторомъ на основаніи ст. 14, 15 и п. 1 ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ: „Торговля всякаго рода огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ въ предѣлахъ Шуйскаго и Покровскаго уѣз-

довъ Владимірской губерніи и расположенныхъ въ чертѣ ихъ городовъ можетъ производиться не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія владимірскаго губернатора. Лица и заведенія, получившія разрѣшеніе на торговлю оружіемъ, могутъ продавать таковое только тѣмъ, кто предъявитъ особое разрѣшеніе мѣстныхъ уѣзднаго исправника или полиціймейстера съ точнымъ указаніемъ рода и количества оружія. Свидѣтельства отъ покупателей отбираются и хранятся въ мѣстѣ торговли оружіемъ. Правило это не распространяется на лицъ, обязанныхъ имѣть оружіе по закону или особому правительственному распоряженію. Торгующіе оружіемъ обязаны вести двѣ книги: въ одну записывается все оружіе, находящееся въ заведеніи, съ отмѣтками прибыли и убыли, въ другую всѣ случаи продажи оружія. Книги и нарядъ свидѣтельствъ предъявляются къ просмотру по первому требованію полиціи или чиновъ корпуса жандармовъ. Виновные въ нарушеніи изложенныхъ правилъ подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу до 500 руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ *).

Въ Ростовѣ на Дону жители этого города Христофоръ Ходжаевъ, Григорій Ивановъ и Федоръ Войтченко, совершившіе въ началѣ января убійство городского Лагутина, преданы войсковымъ наказнымъ атаманомъ, на основаніи ст. 17 положенія объ усиленной охранѣ, военному суду одесскаго округа **).

Въ „Прав. Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ:

„По выслушаніи двухъ записокъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го мая и 1-го іюня 1902 г. за №№ 2496 и 2625 (по деп. полиц.), о продленіи на три года срока дѣйствія положенія о государственной охранѣ и объявленіи нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи въ состояніи усиленной охраны и объ объявленіи прилегающихъ къ гор. Нижнему-Новгороду четырехъ уѣздовъ Нижегородской губерніи въ положеніи усиленной охраны, комитетъ министровъ полагалъ:

„1) Высочайше утвержденное, 14-го августа 1881 года, положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія утвердить, въ видѣ временной мѣры, впредь на три года;

„2) срокъ дѣйствія введенной, согласно Высочайше утвержденному, 29-го іюня 1901 года, положенію комитета министровъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и мѣстностяхъ Имперіи, усиленной

*) «Нижегор. Листокъ»; 29 іюня 1902 г.

**) «Приаз. Край». Цитируемъ по «Нижег. Листку», 27 іюня 1902 г.

охраны продолжить съ 4-го сентября 1902 года еще на одинъ годъ;

„3) на тотъ же срокъ объявить въ положеніи усиленной охраны Криворогскіе рудники и Гданцевскій рудоплавильный заводъ Херсонской губерніи, а также станицу Гниловскую и желѣзодѣлательный заводъ Пѣтухова области Войска Донского и гор. Батумъ;

„4) объявить въ положеніи усиленной охраны на время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ 1-го іюля по 10-е сентября, прилежащія къ нему уѣзды: Нижегородскій, Балахнинскій, Семеновскій и Горбатовскій;

„и 5) въ мѣстностяхъ Имперіи, не объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, сохранить дѣйствіе ст. ст. 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Государь Императоръ, въ 22 день іюня 1902 года, положеніе к омитета Высочайше утвердить соизволилъ“.

20-го іюня состоялось слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „на основаніи 155 ст. уст. о ценз. и печ., изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ „Сѣверный Кавказ“ на два мѣсяца“.

Сверхъ того, за истекшій мѣсяцъ состоялось еще нѣсколько административныхъ распоряженій, касающихся періодическихъ изданій. Какъ сообщаютъ газеты *), „министерство народнаго просвѣщенія, обративъ вниманіе на перемѣны въ характерѣ и содержаніи педагогически-литературнаго и научно-популярнаго журнала „Образованіе“, согласно заключенію о немъ ученаго комитета, признало необходимымъ изъять этотъ журналъ за текущій годъ изъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и не допускать впредь выписки этого журнала въ указанныя учрежденія“. Подобное же распоряженіе послѣдовало относительно журнала „Новый Міръ“, по ходатайству издательской фирмы М. О. Вольфа допущеннаго въ 1900 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія въ бесплатныя народныя читальни. Въ настоящее время, по словамъ газетъ, „въ виду заключенія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, послѣднее признало необходимымъ изъять изъ обращенія въ указанныхъ читальняхъ изданіе „Живописная Россія“, служащее приложеніемъ къ „Новому Міру“, какъ тенденціозно освѣщающее въ отдѣлѣ своемъ „Временникъ“ общественную жизнь Россіи“ **). Наконецъ, названное министерство постановило изъять изъ употребленія въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ 25-й номеръ журнала „При-

*) «Спб. Вѣдомости», 29 мая 1902 г.

**) «Моск. Вѣдомости», 17 іюня 1902 г.

рода и Люди“, въ которомъ помѣщенъ рассказъ Сѣверцова: „Въ волостномъ *).

Въ газетахъ сообщалось еще одно извѣстіе, относящееся къ дѣламъ печати. Самарское губернское земское собраніе ходатайствовало о разрѣшеніи земству печатать свои изданія безъ предварительной цензуры, подъ отвѣтственностью председателей управъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не признало, однако, возможнымъ удовлетворить эту просьбу, „такъ какъ ходатайство земства не даетъ никакихъ основаній дѣлать для земства въ этомъ отношеніи изъятія“. По словамъ министерства, для земскихъ изданій долженъ существовать и примѣняться порядокъ, установленный для всѣхъ другихъ изданій, „тѣмъ болѣе, что въ издательской дѣятельности земства до сихъ поръ не проявлялось такихъ сторонъ, которыя побудили бы правительство поставить его въ этомъ отношеніи въ льготныя условія **).

В. Мянотинъ.

*) «Нижегор. Листокъ», 1 іюля 1902 г.

**) «Самарская Газета». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 24 іюня 1902 г.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На устройство школы имени Гл. И. Успенскаго въ с. Сябринахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ д-ра А. А. Киселя изъ Москвы	10 р. — к.
„ Д. М. Иванова изъ Чернигова	1 „ — „
„ Г-на Н изъ Москвы	— „ 75 „
„ гг. Воробьевыхъ изъ Александрополя	5 „ — „
„ И. А. Павловскаго изъ г. Кубы, Бакинск. губ.	5 „ — „
Изъ г. Кубы, Бакин. губ., отъ И. А. Павловскаго—	
5 р., П. С. Мартынова—5 р., В. А. Буйновской—	
3 р., М. П. Стольтъ—2 р., г. Абросимова—1 р.,	
г. Центнеръ—1 р., г. Карповича—1 р., Девойно—	
1 р., отъ Н. С.—1 р., итого	20 „ — „
Отъ Л. В. Сѣнкевича изъ Калараша	4 „ — „
„ А. И., В. В., С. А. и М. П.	3 „ — „
„ неизвѣстнаго	1 „ 50 „
„ Н. А. Пѣйкина изъ с-ца Сонины	1 „ — „
„ С. изъ г. Белебея	1 „ — „
„ Н. М. С—М. (черезъ Московское Отдѣленіе	
к-ры „Русскаго Богатства“)	5 „ — „
Изъ г. Каркаралы отъ д-ра А. С. Домашевича—	
1 р. 50 к., неизвѣстнаго—1 р. 50 к., В. К. Аки-	
мовой—1 р. 50 к., В. Бенькевича—1 р. 20 к.,	
А. Я. Вѣтрова—1 р., П. П. Покровскаго—1 р.,	
г. Кин.—50 к., Н. Богатова—1 р. 80 к., итого	10 „ — „

Итого 67 р. 25 к.

А всего съ прежде поступившими 518 р. 50 к.

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ СОГЛАСІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНИЯМИ И ОБЪЯВЛЕНИЯМИ

ВЪ 1902 Г.

ВЪ Г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКИЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій*. На годъ 7 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

„АСТРАХАНСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *А. Н. Штылко*, издательница *А. А. Штылко*. На годъ 7 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

ВЪ Г. *Асхабадъ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

„ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *К. М. Оедоровъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 2 р.; за границу на годъ 12 р.

ВЪ Г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. М. Топчибашевъ*. На годъ 8 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ годъ 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на $\frac{1}{2}$ года 7 р.

ВЪ Г. *Благовещенскъ:*

„АМУРСКИЙ БРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло*. На годъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на мѣс. 1 руб.

„АМУРСКАЯ ГАЗЕТА“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *А. В. Кирхнеръ*. На годъ 9 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 руб.

ВЪ Г. *Вильнъ:*

„ВИЛЕНСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Ключковский*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на мѣс. 1 р.

ВЪ Г. *Владивостокъ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ*. На годъ 11 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.

„ДАЛЬНИИ ВОСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Е. А. Панова*, редакторъ *В. А. Пановъ*. На годъ 10 р., на $\frac{1}{2}$ года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

„ВОСТОЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ (четыре раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *В. Сущинскій*. На годъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Владикавказъ*:

„КАЗВЕКЪ“ (ежедневно). Издатель *С. I. Казаровъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р.

въ г. *Воронежъ*:

„ДОНЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. Веселовскій*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Екатеринославъ*:

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *Ө. Душовецкій*. Издатель *М. С. Копыловъ*. На годъ 10 р., на $\frac{1}{2}$ года 6 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.; за границу на годъ 23 руб., на $\frac{1}{2}$ года 12 руб., на 1 мѣс. 2 р. 50 к.

въ г. *Екатеринбургъ*:

„УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. И. Пьявизъ*. На годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Иркутскъ*:

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *И. И. Поповъ*. На годъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Казани*:

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Издательница *Л. П. Рейнгардтъ*. Редакторъ *Н. В. Рейнгардтъ*. На годъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Керчи*:

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. Т. Овстенко*. Издатель *В. I. Харитонъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Красноярскъ*:

„ЕНИСЕЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Е. Ф. Кудрявцевъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Костромъ*:

„КОСТРОМСКОЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издательница *Т. П. Андроникова*. На годъ 4 р. 20 к., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 20 к., на 1 мѣс. 50 к.

въ г. *Кронштадтъ*:

„**КРОНШТАДТСКИЙ ВѢСТНИКЪ**“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Ф. Тимофьевскій*. На годъ 7 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 85 к.

въ г. *Курскъ*:

„**КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“. Неофициальная часть (ежедневно). За редактора *С. П. Корниловъ*. На годъ 4 р. на $\frac{1}{2}$ года 2 р., 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

въ губ. г. *Минскъ*:

„**МИНСКИЙ ЛИСТОКЪ**“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *И. П. Фотинскій*. На годъ 4 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Нижема-Новгородъ*:

„**НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ *Г. Н. Казачковъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Одессъ*:

„**ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ (ежедневно). Редакторъ *Н. П. Цакни*. Издатель *Г. М. Бейленсонъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Орлъ*:

„**ОРЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *А. И. Аристовъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 90 к.

à *Paris*:

„**LA REVUE**“ (Le 1-er et le 15 de chaque mois). Directeur *Jean Finot*. Par an 9 roubles. 12, Avenue de l'Opera.

въ г. *Перми*:

„**ПЕРМСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“. Неофициальная часть (ежедневно). Редакторъ *Функъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„**ПЕРМСКИЙ КРАЙ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. А. Басовъ*. На годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ 3 р., 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Петербургъ*:

„**РУССКИЙ ВРАЧЪ**“ въ память В. А. Манасеина (еже-недѣльно). Редакторы: проф. *В. В. Подвысоцкій* (Одесса) и д-ръ *С. В. Владиславлевъ* (Спб.). На годъ 9 р.

въ г. *Петрозаводскъ*:

„**ОЛОНЕЦКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“. Неофициальная часть. Редакторъ *С. А. Левитскій*. На годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р.

въ г. *Рига*:

„ПРИБАЛТИЙСКИЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ *Н. И. Молоствовъ*. Издатель *А. А. Крюгеръ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Ростовъ на Дону*:

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ (ежедневно). Редакторъ-изд. *А. Шенкаловъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

„ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. Х. Арутюновъ*. На годъ 9 р. на $\frac{1}{2}$ года 5р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Самаръ*:

„САМАРСКАЯ ГАЗЕТА“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. И. Костеринъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Саратовъ*:

„САРАТОВСКИЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *П. О. Лебедевъ*. Издатели: *П. О. Лебедевъ* и *И. П. Горизонтовъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

„САРАТОВСКИЙ ДНЕВНИКЪ“ (ежедневно). На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Симбирскъ*:

„СИМБИРСКИЙ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“. Неофициальная часть (два раза въ недѣлю). Редакторъ *Д. А. Горчаковъ*. На годъ 3 р., на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 75 к.

въ г. *Севастополь*:

„КРЫМСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *С. М. Спиро*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Смоленскъ*:

„СМОЛЕНСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *В. В. Гулевичъ*. Издательница *Ю. П. Азанчевская*. На годъ 6 р.

въ губ. г. *Ставрополь*:

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“ (ежедневно). Редакторъ *Д. И. Евстеевъ*. Издатель *В. В. Беркъ*. На годъ 5 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на 1 мѣс. 60 к.

въ г. *Таганрогъ*:

„ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ *М. И. Красновъ*. Издатель *К. Д. Чумаченко*. На годъ 7 р. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Ташкентъ*:

„**РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ**“ (ежедневно). Редакторъ *И. Ф. Касперовичъ*. Издатели *Н. Н. Касьяновъ, И. И. Гейеръ, А. Л. Шварцъ, О. А. Шкапскій*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 70 к.

въ г. *Тифлисъ*:

„**НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ (ежедневно). Редакторъ *Кн. Г. Тумановъ*. Издатель *Кн. К. Тумановъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„**ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Х. Г. Хачатуровъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Тобольскъ*:

„**СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ**“ (два раза въ недѣлю). Редакторъ-издательница *М. Н. Костюрина*. На годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Томскъ*:

„**СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. В. Прейсманъ*. На годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 65 к., на 1 мѣс. 75 к.

„**СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ**“ (ежедневно). Издатель *П. И. Макушинъ*. Редакторы *П. И. Макушинъ* и *А. И. Макушинъ*. На годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р.; за границу на годъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р.

въ г. *Уральскъ*:

„**УРАЛЕЦЪ**“ (три раза въ недѣлю). На годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к.

въ г. *Харьковъ*:

„**ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ**“ (ежедневно). Редакторъ *Ефимовичъ*. На годъ 10 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

въ г. *Царицынъ*:

„**ЦАРИЦЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Е. Д. Жигмановскій*. На годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ 5 р.

въ г. *Ямпъ*:

„**БРЫНСКІЙ КУРЬЕРЪ**“ (ежедневно). Ред.-издательница *Н. Р. Лупандина*. На годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

въ г. *Ярославль*:

„**СѢВЕРНЫЙ КРАЙ**“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Э. Г. Фалкъ*. На годъ 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 р., на 1 мѣс. 1 р.

НОВАЯ КНИГА:

Л. Булыгинъ.

РАЗСКАЗЫ.

Содержаніе: 1) Расплата. 2) Ночныя тѣни. 3) Любочкино горе. 4) По уставу.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

НОВАЯ КНИГА:

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. *Народъ и его характеръ*: Психологія француза.—Французское краснорѣчіе.—Цезаризмъ и роль личности во Франціи XIX-го вѣка.—Ренегаты и герои убѣжденія.—II. *Общественныя классы*: Французское крестьянство.—Несчастный богатъ и счастливые бѣдняки.—Безработные.—Жизнь и идеалы четвертаго класса во Франціи.—III. *Наука, литература, печать*: Соціологіи человѣка-звѣря.—О марксизмѣ вообще, по поводу французскаго марксизма въ частности.—Натурализмъ на службѣ у утопіи.—Французская пресса.—IV. *Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ*: Современное «чертобѣсіе». — Шовинистская и клерикальная реакція.—Дѣло Дрейфуса: 1) Торжество шовинизма.—2) Идеиное пробужденіе Франціи.—3) Рейнский процессъ и мировой характеръ процесса.—Еврейскій вопросъ и антисемитизмъ во Франціи.—Французскій парламентаризмъ и его критики.—Эволюція политическихъ партій во Франціи.—Сто лѣтъ взаимныхъ отношеній буржуазіи и пролетаріата.—

Цѣна 2 рубля.

НОВАЯ КНИГА:

В. А. Мякотинъ.**ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.****ЭТЮДЫ и ОЧЕРКИ.**

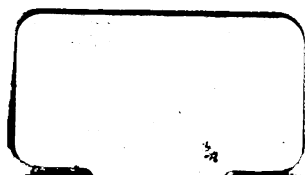
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902 г.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** (Спб.—Литейный пр., 46; Москва—Моховая ул.; Варшава—Новый Свѣтъ; Вильна—Большая ул.).

Редакторы-Издатели: { **Вл. Г. Королетто.**
Н. Е. Михайловскій.

Довв. ценз. Спб., 25 іюля 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

3 2044 098 426 893